

ДХ
6013

Кени Вицкий Л.
Антропология

Спб 1896

ПОПУЛЯРНО-НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
издаваемая Ф. Павленковымъ.

АНТРОПОЛОГІЯ

Л. КРЖИВИЦКАГО.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ПОЛЬСКАГО

С. Д. Романовскаго-Романько,

подъ редакціей Р. И. Сементковскаго.

ПОПУЛЯРНО-НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА.

- 1) Экстазы человѣка. П. Мантеванца. Ц. 1 р. 50 к.—2) Психологія вниманія. Д-ра Рибо. 2-е изд. Ц. 40 к.—3) Берегите легнія! Гигіеническія бесѣды д-ра Нимейера. Съ 30 рис. Ц. 75 к.—4) Современные психопаты. Д-ра А. Кюллера. Ц. 1 р. 50 к.—5) Предсказаніе погоды. А. Далла. Съ рис. Ц. 1 р. 25 к.—6) Физиологія души. А. Герцена. 2-е изд. Ц. 75 к.—7) Психологія великихъ людей. Г. Жюли. 3-е изд. Ц. 60 к.—8) Дарвинизмъ. Э. Феррера. Общедоступное изложеніе идей Дарвина. 2-е изд. Ц. 60 к.—9) Міръ грёзъ. Д-ра Симона. Сионидфія, галлюцинаціи, сомнамбулизмъ, гипнотизмъ, иллюзіи. Ц. 1 р.—10) Первобытные люди. Деббера. Съ мн. рис. Ц. 1 р.—11) Законы подражанія. Тарда. Ц. 1 р. 50 к.—12) Геніальность и помѣшательство. П. Ламброзо. Съ портр. автора и рис. 3-е изд. Ц. 1 р.—13) Общедоступная астрономія. К. Фламмаріона. Съ 100 рис. 4-е изд. Ц. 80 к.—14) Гигіена семьи. Гейера. Ц. 50 к.—15) Бактеріи и ихъ роль въ жизни человѣка. Мигулы. Съ 35 рис. Ц. 1 р.—16) Наука о жизни. В. Лункевича. Съ 92 рис. Ц. 1 р.—17) Электричество въ природѣ. Ж. Дарга. Съ 102 рис. Ц. 1 р. 25 к.—18) Усталость. А. Моссо. Съ 80 рис. Ц. 1 р. 25 к.—19) Гигіена женщины. Жепшины-врача. М. Тило. 2-е изд. Ц. 40 к.—20) Физиологическая психологія. Цигена. Съ 21 рис. Ц. 75 к.—21) Воспитаніе воли. Ж. Пэйо. Ц. 75 к.—22) Соціологическія основы исторіи. Н. Лаклома. Ц. 1 р. 50 к.—23) Духовный прогрессъ и счастье. Психологическое изслѣдованіе. П. Ласкутова. Ц. 1 р.—24) Литературное развитіе различныхъ племенъ и народовъ. Шарля Летурно. Ц. 1 р. 50 к.—25) Психологія характера. Фр. Полона. Ц. 75 к.—26) Очеркъ происхожденія и развитія семьи и собственности. М. Ковалевскаго. 2-е изд. Ц. 60 к.—27) Душевные движенія. Д-ра Ланге. Ц. 40 к.—28) Рабочій вопросъ. Его значеніе въ настоящеемъ и будущемъ. А. Ланге. 2-е изд. Ц. 1 р. 25 к.—29) Соціологія по даннымъ этнографіи. Д-ри Шарля Летурно. Переводъ подъ редакціей профессора А. Трачевскаго. Ц. 1 р. 50 к.—30) Антропологія. Л. Крживицкаго. Пер. подъ ред. Р. Сементковскаго. Ц. 1 р. 50 к.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія Высочайше утвержд. Товарищ. «Общественная Польза» В. Подъяч., 39.

1896

Цѣна 1 р. 50 к.

ИЗДАНИЯ Ф. ПАВЛЕНКОВА:

Литература, история, публицистика и законодательные.

Современная женщина. Ее положение в Европе и Америке. *Б. Ф. Брандта*. Ц. 60 к.
История цивилизации в Англии. *Г. Т. Бокля*. Перевод *В. И. Вильямса*. Ц. 2 руб. 1 руб. 50 коп.
Литература XIX века в ее главнейших тенденциях. Французская литература. *Г. Брандта*. Перев. с нем. *Э. Л. Зауер*. Ц. 13 портретами. Ц. 2 р.
Сочинения Винтора Гюго. Два тома. С портретами автора. Ц. 2 р. 50 к.
Сочинения Д. И. Писарева. Полное собрание в 6 томах. С портретами автора. Ц. каждого тома 1 руб.
Сочинения В. Г. Белинского. Полное собрание в 4 томах. С портретами, факсимиле и снимком с картин Наумова. «Белинский перед смертью». Ц. каждого тома 1 р. 25 к.
Сочинения Чарльза Дикенса. Полное собрание. Ц. каждого тома 1 р. 50 к.—До 1-го декабря 1895 г. вышли девять томов: 1) Давид Копперфильд, 2) Домби и сын, 3) Холодный дом и Повесь о двух городах, 4) Крошка Доррит и Большие надежды, 5) Наш общий друг и Оливер Твист, 6) Записки Пиквикского клуба и Тяжелые времена, 7) Николай Никльби, Три святочных рассказа, 8) Мартин Чезельви. Гимн Рождеству. Затравлен, 9) Барнеби Редж, Тайна Эдвина Друдра. Колокола. Том 10-й печатается.
Сочинения Пушкина. С портретами, биографией и 500 письмами. Полное собрание в 1-м и в 10 томах. Ц. 1-томного и 10-томного издания одна и та же: без карт.—1 р. 50 к. С 44 картин.—2 р. 50 к. За переплет: для 1-томн. изд.—40 к. и 1 р. Для 10-томного (в 5 пер.) 1 р. и 2 р.
Сочинения Лермонтова. Полное собрание в 1-м и 4-х томах. С портретами, биографией и 115 рисунками. Ц. 1-томного и 4-томного издания одна и та же 1 р. За переплет: для 1-томного 40 к. и 1 р. Для 4-томного—50 к. и 1 р.
Повести и рассказы И. Н. Потапенко. 10 томов. Ц. каждого—1 р. Пер. для 2-х томов вместе по 75 к.
Сочинения Глеб Успенского. 3 изд. в 2 том. С портретами автора и статей *Н. К. Михайловского*. Ц. за два тома—3 р.
Сочинения Г. Успенского. Том 3-й. Ц. 1 р. 50 к.
Сочинения Ф. Решетникова. В двух томах, с портр. автора и статей *М. Протопопова*. Ц. за все собрание—2 р. 50 к.
Сочинения А. М. Скабичевского. Критические этюды, публицистические очерки, литератур. характеристики. С портретами автора. 2-е изд. в 2 томах. Ц. 3 р.
Большой альбом к «Сочинениям Пушкина». 44 иллюстраций с подписями и портретами. Ц. за папки 1 р. 50 к.
Малый альбом к «Сочинениям Пушкина». Та же иллюстрация, но меньшего формата. Ц. за переплет—1 р. 25 к.
120 рисунков Лермонтову. Художественный альбом *М. Е. Маламеева*. Ц. за папки 50 к.
Герои и героическое в истории. *Том Карлейля*. Перев. *В. Яковенко*. Ц. 1 р. 50 к.
По волнам беззаконности. Астрономическая фантазия *К. Фламариона*. 2-е изд. Ц. 80 к.
Конец мира. Астрономический роман *К. Фламариона*. С краткой биографией автора и 4-х его портретами. Ц. 60 к.

В небесах (*Uranie*). Астрономический роман. *К. Фламариона*. Ц. 89 рис. 3-е изд. Ц. 75 к.
Грядущая раса. Фантастический роман. *Эд. Бульвера*. Ц. 50 к.
История французской революции *И. Карно*. 2-е изд. Ц. 1 р.
Европейские монархи и их дворы. *Politicos'a*. Перевел *В. Ранцов*. С 16 портрет. Ц. 1 р.
Через сто лет. Соц. роман *Э. Беллами*. 8-е изд., дополн. очерком Раше: «Куда мы идем?» Ц. 1 р.
В тучах Англии. Социал. борьба с эконом. являющимися современности. *Б. Бокля*. Ц. 1 р.
Напитанная дочка. Повесь *А. Пушкина*. Роскошное изд. С 188 рисунками. Ц. 60 к. в пап. 75 к., в пер. 1 р.
Голод. Ром. *Е. Гамеуна*. С норвежск. Ц. 60 к.
Забора. Ром. *Зудермана*. С 14 рис. изд. Ц. 60 к.
До потопа. Роман из жизни первобытных людей. *Рони*. С 16 рис. Ц. 50 к.
Новейшие русские писатели. *А. Цеткова*. Книга для домашнего чтения. С 72 портр. Ц. 3 р.
История новейшей русской литературы (1488—1892 гг.). *А. М. Скабичевского*, 2-е изд. Ц. 2 р.
Очерки истории русской цензуры. *А. Скабичевского*. Ц. 2 р.
Счастье и труд. *П. Маттевацца*. 2-е изд. Ц. 75 к.
В раздумьи. Очерки и рассказы из жизни русской интеллигенции. *Б. А. Соловьева*. Ц. 75 к.
Вырождение. Психопатические явления в области современной литературы и искусства. *Макс Нордау*. 2-е изд. Ц. 1 р. 50 к.
История культуры. *Линггетт*. С 85 рис. 2-е изд. Ц. 1 р. 60 к.
Матери великих людей. *Блока*. Со многими рисунками и портретами. Ц. 60 к.
Долой оружье! Анти-военный роман *В. Зутнера*. Ц. 30 к.
Под маской благочестия. (Преступления и оргии пап.) Роман *Э. Постери*. Ц. 1 р.
Тургенев о русском народе. С портрет. *Тургенева*. Ц. 15 к.
Литература и жизнь. Письма о разных направлениях. *Н. К. Михайловского*. Ц. 1 р.
В поисках за истиной. *Макс Нордау*. Перев. с нем. *Э. Зауер*. 3-е изд. Ц. 1 р.
Болезнь любви. Гигиенический роман *Маттевацца*. Ц. 50 к.
Роль общественного мнения в государственной жизни. Профес. *Гольцендорфа*. Ц. 75 к.
Очерки самоуправления. *С. Приклонского*. Ц. 2 р.
Борьба с земельным хищничеством. Выгнанные очерки *И. Тимошенкова*. Ц. 1 р.
Брюхо Петербурга. Общественно-физиологические очерки *А. Бахтиярова*. Ц. 1 р. 50 к.
Духовные завещания. Как их составлять, выполнять, отменять, представлять их утверждению и оспаривать. Составил *Я. В. Абрамов*. Ц. 25 к. (№ 1. Популярно-юридической библиотеки).
Законы о гражданских договорах, общепонятно изложенные. Составил *В. Фармаковский*. Изд. 4-е. Ц. 1 р. 25 к.
История книги на Руси. *А. Бахтиярова*. Со многими рисунками в тексте. Ц. 1 р. 50 к.
Русские фланеры в Париже. *Попова*. 2-е изд. Ц. 1 р.
Пограды и всякая Ром. из истории нашего времени. *Володина* (П. Засодимского). Ц. 1 р. 50 к.

АНТРОПОЛОГИЯ

Л. КРЖИВИЦКАГО.

ПЕРЕВОД С ПОЛЬСКОГО

С. Д. Романовского-Романько,

ПОД РЕДАКЦИЕЙ Р. И. Сементковского.

ПОПУЛЯРНО-НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА.

1) Экстазы человека. *П. Мантевацца*. Ц. 1 р. 50 к.—2) Психология внимания. *Д-ра Рыбо*. 2-е изд. Ц. 40 к. 3) Берегите легки! Гигиенические беседы д-ра *Нимейера*. С 30 рис. Ц. 75 к.—4) Современные психопаты. *Д-ра А. Коулера*. Ц. 1 р. 50 к.—5) Предсказание погоды. *А. Далле*. С рис. Ц. 1 р. 25 к.—6) Физиология души. *А. Гергена*. 2-е изд. Ц. 75 к.—7) Психология великих людей. *Г. Жюли*. 3-е изд. Ц. 60 к.—8) Дарвинизм. *Э. Феррера*. Общедоступное изложение идей Дарвина. 2-е изд. Ц. 60 к.—9) Мир грез. *Д-ра Силона*. Сновидения, галлюцинации, сомнамбулизм, гипнотизм, иллюзии. Ц. 1 р.—10) Первообытные люди. *Деббера*. Со мн. рис. Ц. 1 р.—11) Законы подражания. *Торда*. Ц. 1 р. 50 к.—12) Гениальность и помешательство. *Ц. Ламброзо*. С портр. автора и рис. 3-е изд. Ц. 1 р.—13) Общедоступная астрономия. *К. Фламариона*. С 100 рис. 4-е изд. Ц. 80 к. 14) Гигиена семьи. *Гебера*. Ц. 50 к.—15) Бактерии и их роль в жизни человека. *Миллы*. С 35 рис. Ц. 1 р.—16) Наука о жизни. *В. Дукевича*. С 92 рис. Ц. 1 р.—17) Электричество в природе. *Ж. Лори*. С 103 рис. Ц. 1 р. 25 к.—18) Усталость. *А. Моссо*. С 80 рис. Ц. 1 р. 25 к. 19) Гигиена женщины. Женщины-врача *М. Тило*. 2-е изд. Ц. 40 к. 20) Физиологическая психология. *Циена*. С 21 рис. Ц. 75 к.—21) Воспитание воли. *Ж. Льюи*. Ц. 75 к.—22) Социологические основы истории. *П. Лакомба*. Ц. 1 р. 50 к.—23) Духовный прогресс и счастье. Психологическое исследование *П. Лоскутова*. Ц. 1 р.—24) Литературное развитие различных племен и народов. *Шарль Летурно*. Ц. 1 р. 50 к.—25) Психология характера. *Фр. Погана*. Ц. 75 к.—26) Очерк происхождения и развития семьи и собственности. *М. Ковалевского*. 2-е изд. Ц. 60 к.—27) Душевные движения. *Д-ра Ланге*. Ц. 40 к. 28) Рабочий вопрос. Его значение в настоящем и будущем. *А. Ланге*. 2-е изд. Ц. 1 р. 25 к. 29) Социология по данным этнографии. *Д-ра Шарль Летурно*. Перевод под редакцией профессора *А. Тривескино*. Ц. 1 р. 50 к.—30) Антропология. *Л. Крживицкого*. Перевод под редакцией *Р. И. Сементковского*. Ц. 1 р. 50 к.

Издание Ф. Павленкова.

ЦЕНА 1 р. 50 к.

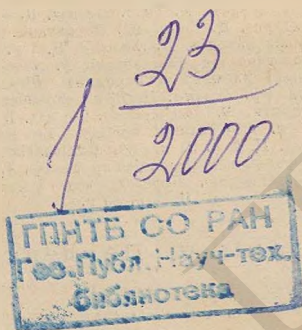
С.-ПЕТЕРБУРГ.

Типография А. Пороховщикова, Гороховая, № 12.
1896.

9X
6013

АНТРОПОЛОГІЯ.

Л. Крживицкаго.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Антропологія въ современномъ значеніи этого слова—наука новая. Систематическія изслѣдованія въ этой области начинаются со второй половины прошлаго столѣтія, трудами: Д'Обантона—о сравнительномъ положеніи затылочнаго отверстія (1764), Блуменбаха—о формѣ черепа, разсматриваемаго сверху (1775), Кампера — о формѣ черепа, разсматриваемаго сбоку (1791). Одновременно наука обогащается и фактическимъ матеріаломъ, благодаря кругосвѣтнымъ путешествіямъ. Въ 1812 г. выходитъ первое изданіе сочиненій Причарда, составившее эпоху въ развитіи антропологической науки. Наконецъ, Реціусъ (1857) въ Европѣ и Мортонъ (1839 и 1844) въ Америкѣ даютъ антропологіи прочное методологическое основаніе. Окончательное развитіе она получаетъ во время страстной борьбы, вызванной въ Соединенныхъ Штатахъ отмѣною рабства. Какъ сторонники, такъ и противники этой реформы одинаково искали въ наукѣ подтвержденія своихъ мнѣній. Эта страстная борьба увлекла ученыхъ не только въ Америкѣ, но и въ Европѣ. Появляются труды перво-степенной важности, хотя и носящіе отпечатки злобы дня. Вопросы объ умственныхъ способностяхъ негровъ, о плодovitости браковъ при скрещиваніи двухъ расъ и др. возбуждали ожесточенный споръ. Антропологія была ославлена наукой революціонной. Когда Брока началъ читать свое изслѣдованіе о скрещиваніи въ парижскомъ біологическомъ обществѣ, предсѣдатель его послѣ нѣсколькихъ засѣданій выразилъ опасеніе, чтобы доклады по такимъ вопросамъ не вызвали непріятностей для этого учрежденія; когда же состоялось открытіе мадридскаго антропологическаго общества, кортесы обратились къ правительству съ запросомъ, что значить появленіе такого общества въ католической странѣ, и осудили кабинетъ за поощреніе свободомыслія. Въ 1859 г. учреждается парижское антропологическое общество, а по его примѣру и другія. Появляются многочисленные спеціальныя журналы. Теорія Дарвина еще болѣе способствуетъ возбужденію интереса

къ антропологiи, и движеніе вскорѣ принимаетъ такіе размѣры, что антропологи стремятся связать въ одно цѣлое всѣ наши свѣдѣнія о человѣкѣ не только въ физическомъ, но и въ психическомъ и общественномъ отношеніяхъ, истолковать его исторію и, наконецъ, указать на основы болѣе рacionales общественного строя. «Исслѣдованіе объ источникахъ современной цивилизаціи, ея исторіи и принципахъ, выясненіе причинъ періодичности прогресса и вмѣстѣ съ тѣмъ поводъ застоя въ той или другой странѣ,—все это несомнѣнно антропологическія задачи». Такъ расширилъ границы антропологiи Роки-танскій въ заключительной своей рѣчи на вѣнскомъ съѣздѣ антропологовъ 1870 г.

Основная задача нашего труда—познакомить общество съ современнымъ состояніемъ антропологической науки. Съ этою цѣлью мы прежде всего старались изложить факты объективно, но, будучи убѣждены, что наука существуетъ для общества и имѣетъ только тогда значеніе, когда она расширяетъ умственный и общественный кругозоръ человѣчества, и что лозунгъ: «наука для науки» составляетъ только проявленіе общественного равнодушія и молчаливое признаніе *status quo*, мы не воздержались кое-гдѣ и отъ практическихъ выводовъ. Во-вторыхъ, мы должны сказать нѣсколько словъ какъ объ источникахъ, которыми пользовались, такъ и о системѣ изложенія. Книга наша не представляетъ собою труда, который требовалъ бы точнаго обозначенія, откуда почерпнуты факты. Такого рода указанія необходимы въ сборникахъ сырого матеріала и въ трудахъ, которые должны служить фактической основой для дальнѣйшихъ исслѣдованій; въ книгахъ же, предназначенныхъ единственно для ознакомленія публики съ состояніемъ данной области знанія, подобныя указанія служатъ бесполезнымъ баластомъ или вызываются желаніемъ порисоваться начитанностью. Если же мы иногда ссылаемся на источники, то только потому, что данный фактъ мало извѣстенъ; читатель же имѣетъ право требовать указанія, откуда онъ почерпнулъ. Кромѣ того, мы напередъ сознаемся въ нѣкоторыхъ неточностяхъ. Географъ, разъясняющій движеніе земли, поступаетъ точно такъ же, когда изображаетъ его совершающимся по эллиптической линіи. Движенія земной оси, пертурбаціонныя вліянія другихъ планетъ, движеніе солнца въ пространствѣ опредѣляютъ движеніе самой земли во вселенной по кривой, совершенно не похожей на эллиптическую. Никто однако не упрекаетъ географа, что онъ выражается неточно. Равнымъ образомъ никто не упрекнетъ насъ за то, что мы, говоря о вліяніи антропологическихъ факторовъ и о сущности явленій, подлежащихъ вѣдѣнію антропологiи, и не желая переступить границы назначенной себѣ области, вынуждены были съ одной стороны игнорировать, съ другой—ослабить явленія и вліянія

второстепенныя или другого порядка, а вмѣстѣ съ тѣмъ придать изслѣдуемымъ фактамъ болѣе рѣзкое и одностороннее выраженіе, не соотвѣтствующее ихъ дѣйствительному значенію. Сверхъ того, поставивъ себѣ главною задачею изложить общія черты, не вдаваясь въ мелочи, мы совершили нѣсколько другихъ неточностей. Численность племенъ указана нами въ круглыхъ цифрахъ, распределеніе антропологическихъ типовъ установлено нами не съ математическою точностью, вліянія природы на человѣка мы подчеркнули, быть можетъ, сильнѣе, чѣмъ слѣдуетъ, антропологическіе типы мы представили болѣе однообразными, чѣмъ они на самомъ дѣлѣ, а вліяніе подборовъ—болѣе глубокимъ и значительнымъ. Не имѣя въ нашемъ распоряженіи, какъ выражается одинъ изъ выдающихся мыслителей XIX столѣтія, ни микроскопа, ни химической реторты, мы должны прибѣгать къ абстракціи, т. е., съ одной стороны, къ игнорированію второстепенныхъ факторовъ въ развитіи человѣка и общества, или такихъ факторовъ, которые не подлежатъ вѣдѣнію антропологiи, а съ другой стороны—къ усиленію значенія первостепенныхъ исключительно антропологическихъ факторовъ. Впрочемъ, во второй части нашего труда, посвященной народовѣдѣнію, мы нерѣдко предоставляли голосъ очевидцамъ, которые, быть можетъ, далеки отъ точности, но за то смѣло и ясно отмѣчаютъ характерныя черты разсматриваемаго племени; вмѣсто же столь обычнаго у «серьезныхъ» ученыхъ перечисленія именъ народовъ извѣстной географической области, мы брали лишь одно характерное племя или обобщали однородный матеріалъ, касающійся нѣсколькихъ племенъ, и развѣртывали передъ глазами читателя по возможности полную картину быта племенъ и народовъ въ зависимости отъ окружающей среды. Наконецъ, много недочетовъ въ нашемъ трудѣ вызвано тѣмъ, что наука стоитъ на низкой ступени развитія и что антропологическія исслѣдованія пока еще крайне односторонни. Въ заключеніе мы должны замѣтить, что III часть нашей книги представляетъ совершенно самостоятельный трудъ, и что за нѣкоторые высказанные въ ней взгляды мы принимаемъ на себя всю отвѣтственность.

Первоначально мы имѣли въ виду посвятить нашъ трудъ преждевременно умершимъ друзьямъ: Симону Дикштейну и Станиславу Кручинскому, но во время собиранія матеріала мы познакомились съ неизвѣстными героями человѣчества. Ихъ дикость, проколотыя или украшенные перьями губы и ноздри, нагота расписаннаго тѣла, послужили причиной, что европейская цивилизація, менѣе совершенная въ нравственномъ и общественномъ отношеніи, осуждаетъ ихъ только потому, что они не хотятъ отравлять себя алкоголемъ и гибнуть подъ колесницей европейской культуры, а осмѣливаются постоять за себя. Объемъ книги не позволилъ намъ перечислить ихъ подвиги и даже остано-

виться на коллективномъ ихъ геройствѣ. Такимъ образомъ, по мѣрѣ того, какъ нашъ трудъ приближался къ концу, мы измѣнили наше первоначальное рѣшеніе и посвящаемъ его этимъ нашимъ дикарямъ-героямъ. Мы думаемъ, что упомянутые наши друзья, еслибы были еще живы, охотно согласились бы на эту замѣну.

Людвигъ Крживицкій.

Варшава, 1891, мартъ.

ЧАСТЬ I.

I.

Древность человеческого рода.

Преданія, заслуживающія довѣрія, имѣютъ сравнительно небольшую давность: индускія относятся не далѣе какъ къ 18-му, еврейскія къ 25-му, китайскія къ 30-му, египетскія къ 50-му столѣтію до Р. Х. Считая, что въ столѣтія смѣняются 4—5 поколѣній, мы убѣдимся, что исторія человѣчества обнимаетъ собою 300—350 поколѣній. Эта цифра чрезвычайно незначительна съ точки зрѣнія эволюціонныхъ вліяній на организмъ. Историческія свидѣтельства рисуютъ намъ человѣчество живущимъ уже вполне культурною жизнью и умалчиваютъ о болѣе раннихъ періодахъ его существованія или напоминаютъ объ этомъ отдаленномъ времени лишь мифами и сказками. Однако наука нашла источники для изслѣдованія до-исторического прошлаго: полированные камни, роговые орудія, слѣды костровъ, кости животныхъ, расколотыя для извлеченія изъ нихъ мозга, и т. п. предметы, найденные въ пластахъ современной и предыдущей геологической эпохи. Находки эти очень многочисленны (такъ напр. изъ долины Соммы добыто до 80,000 кремней, обнаруживающихъ осмысленную человѣческую дѣятельность) и благодаря имъ можно возсоздать бытъ, нравы, занятія и культуру до-исторического человѣка нѣкоторыхъ областей съ такою точностью, что мы лучше знаемъ его племенную и культурную исторію, чѣмъ нѣкоторыхъ историческихъ народовъ, напр. каппадокійцевъ.

Палеонтологическія изслѣдованія захватываютъ въ настоящее время лишь незначительную часть земного шара. Сѣверо-западная и центральная Европа, а съ недавнихъ поръ Италія,—вотъ страны, которыя до нѣкоторой степени могутъ гордиться серьезнымъ знаніемъ своего до-исторического прошлаго. Въ Европы было обращено вниманіе лишь на нѣкоторыя мѣстности Америки. И такъ,

наше знаніе въ этой области сдѣлало лишь первые шаги. Несмотря на это палеонтологія однако и теперь уже достигла значительныхъ результатовъ. Безъ колебаній она удостовѣряетъ напр., что человѣкъ существовалъ въ Европѣ уже въ четвертичную эпоху, былъ свидѣтелемъ ледниковаго періода и жилъ совмѣстно съ нынѣ неизвѣстными въ этихъ мѣстахъ громадными плотоядными, напр. львомъ и тигромъ, и съ толстокожими: мамонтомъ, древнимъ слономъ, бегемотомъ и носорогомъ. Онъ стоялъ тогда на чрезвычайно низкомъ уровнѣ развитія, можетъ быть, уже не встрѣчающемся въ настоящее время нигдѣ на земномъ шарѣ. Онъ кочевалъ вдоль береговъ морей и рѣкъ, зналъ только грубые кремневые орудія, ходилъ нагимъ, раскрывалъ свое тѣло, питался плодами охоты, не имѣлъ домашнихъ животныхъ, не занимался разведеніемъ растений и не обладалъ еще знаніемъ гончарнаго искусства. Нѣкоторые ученые пытались даже установить приблизительно время, отдѣляющее насъ отъ эпохи самыхъ древнихъ предметовъ, добытыхъ раскопками. За мѣрило принимались самыя разнообразныя явленія. Опредѣляли время, необходимое для образованія сталактитовъ въ Кентской пещерѣ, гдѣ найдены слѣды до-историческаго человѣка, датскихъ торфяниковъ, осадки и повышенія англійскаго материка, образованія дельты и до-историческихъ ледниковъ и т. д. Цифры получились различныя, но согласны онѣ въ томъ, что человѣкъ существуетъ въ нѣкоторыхъ частяхъ Европы и Америки уже не тысячи, а десятки и даже и сотни тысячъ лѣтъ (Вивіанъ, Мортилье, Кроль и др.).

Факты, собранные до настоящаго времени палеонтологіей, доказываютъ существованіе человѣка уже въ началѣ четвертичной эпохи, и свидѣтельствуютъ о томъ, что онъ пользовался уже тогда огнемъ и нѣкоторыми орудіями. Хотя послѣднія очень несложны, однако, по всей вѣроятности, понадобились десятки тысячъ лѣтъ для ихъ изобрѣтенія. Поэтому необходимо предположить, что человѣческій родъ появился на земномъ шарѣ уже въ третичную эпоху.

Фактъ этотъ теоретически признали всѣ выдающіеся представители антропологіи, насколько имъ не мѣшали постороннія науки соображенія. Однако они все еще оживленно спорятъ относительно фактическихъ доказательствъ существованія человѣка въ эти столь отдаленныя времена. Въ двухъ мѣстностяхъ Франціи (въ Тенэ и въ Пюи-Курси), равно какъ и въ Португаліи найдены кремни въ міоценовыхъ пластахъ, по виду носящіе слѣды сознательной обработки. Въ Италіи Капеллини добылъ изъ пліоценоваго пласта кости кита, *balaenotus'a*, заставляющія призадуматься, надъ изображеннымъ на нихъ рисункомъ Рагациони же нашелъ части человѣческаго скелета въ нѣсколько позднѣйшихъ пластахъ (въ Ольмо). Въ Калаверасѣ (Калифорнія) изъ-

подъ нѣсколькихъ пластовъ лавы и щебня добыты куски черепа, а Амгино въ пампасахъ Южной Америки открылъ слѣды человѣческаго жилища подъ толстыми слоями остывшаго глиптодона. Если бы эти доказательства были дѣйствительно неопровержимы, то древность человѣческаго рода слѣдовало бы исчислять уже болѣе продолжительными періодами времени, чѣмъ нѣсколько сотъ тысячъ лѣтъ. Открытія въ Тенэ отодвинули бы насъ напр. къ мамонту, когда въ Европѣ господствовала средняя температура на 7°—9° градусовъ выше теперешней (тропическая) климатъ же въ полярныхъ странахъ соответствовалъ болѣе или менѣе теперешнему въ умѣренной полосѣ земного шара. Фауна состояла тогда изъ организмовъ, представляющихъ прототипы современныхъ млекопитающихъ. Легко поэтому представить себѣ ту осторожность, съ какой ученые разсматриваютъ и изслѣдуютъ подобнаго рода доказательства существованія человѣка. Достаточно будетъ вспомнить хотя бы усилія, потраченныя на установленіе достовѣрности рисунка на костяхъ *balaenotus'a*. Образованіе спорныхъ кремней объясняли вѣшними вліяніями (напр. внезапными перемѣнами температуры). Кромѣ того выражали сомнѣніе относительно точности опредѣленія пластовъ или утверждали, что кремни имѣютъ размѣры, слишкомъ малые для человѣческой руки. Къ этому присоединились еще соображенія философскаго характера. Со времени тенэйской эпохи фауна и флора Европы подвергались неоднократно кореннымъ перемѣнамъ. Неужели одинъ только человѣкъ обладалъ привилегіей остаться неизмѣннымъ въ продолженіе цѣлыхъ сотенъ тысячелѣтій, несмотря на то, что вокругъ него все измѣнялось? Человѣкъ—утверждаютъ одни—уже въ то время жилъ сознательною жизнью и поэтому могъ сохранить свой типъ. Другіе прибѣгаютъ къ гипотезѣ, приписывающей тенэйскіе кремни не человѣку, а его предшественнику—антропопитекису, занимающему среднее мѣсто между теперешнимъ человѣкомъ и человѣкоподобною обезьяною. Но, какъ бы то ни было,—будемъ ли мы вѣстѣ съ Тонинаромъ, Морсомъ и Шмидтомъ признавать пліоценоваго человѣка въ Америкѣ или вѣстѣ съ Мортилье и Катрфажемъ—міоценоваго въ Европѣ, или же отбросимъ обѣ эти гипотезы,—во всякомъ случаѣ существованіе нашего предка въ послѣдніе періоды третичной эпохи является выводомъ изъ цѣлаго ряда научныхъ фактовъ. Что же касается до вопроса, когда онъ появился или существовалъ, то рѣшительный отвѣтъ дать еще невозможно. Необходимо предварительно изслѣдовать болѣе ранніе пласты третичной формации, когда положеніе материковъ и климатическія условія были другія, чѣмъ теперь. Человѣкъ жилъ тогда среди совершенно другой природы и перенесъ цѣлый рядъ рѣзкихъ перемѣнъ въ климатѣ, фаунѣ и флорѣ.

II.

Расовые антропологические типы.—Представляемые ими существенныя различія.—Слѣдуетъ ли антропологическіе типы считать видами или разновидностями?—Задачи современной антропологии и развитіе отдѣльныхъ отраслей этой науки.—Краниологія и ея методы.—Какимъ образомъ выдѣлить частіе антропологическіе типы изъ скрещенныхъ расъ?—Усиѣхи антропологии въ изслѣдованіи расовыхъ типовъ.

Даже самый поверхностный наблюдатель усматриваетъ въ человѣческихъ племенахъ существованіе различій—не случайныхъ и временныхъ, но постоянныхъ и передаваемыхъ однимъ поколѣніемъ другому. Иногда эти различія очень существенны и глубоки, какъ напр. между негромъ и европейцемъ. Свойственная каждому племени окраска распространяется не только на покровы, но проникаетъ и во внутреннія ткани, напр. у негра мускулы вмѣсто ярко-красныхъ оказываются желто-коричневыми. Размѣры и взаимоотношенія мягкихъ частей и костей скелета также другіе; различаются и законы физиологическаго развитія (напр. время половой зрѣлости, срастанія швовъ черепа и др.). Вѣроятно и химическій составъ костей нѣсколько иной; то же можно предполагать и относительно крови. По крайней мѣрѣ морскіе врачи утверждаютъ, что у негра кровь гуще и чернѣе нашей и даетъ другую сыоротку на открытомъ воздухѣ.

Различіе въ запахахъ ихъ тѣла «настолько рѣзко, насколько оно рѣзко между собакой и шакаломъ»; на вкусъ (по опыту людоедовъ) разнища не менѣе значительна. Далѣе различіе проявляется и въ неодинаковомъ сопротивленіи, какое оказываютъ далекія другъ отъ друга расы и племена одной и той же болѣзни, а также въ различномъ ея ходѣ у нихъ. Замѣчено напр., что въ Африкѣ болѣзнь, имѣющая различныя, смотря по мѣстности, названія (*тианъ*), свирѣпствовала среди негровъ и метисовъ, не заражая бѣлыхъ. Что же оказалось при ближайшемъ ознакомленіи съ этою эпидеміей? Оказалось, что бѣлый, имѣя половую связь съ негритянкой, пораженной *тианомъ*, заразился всегда сифилисомъ; и наоборотъ европейскій сифилитикъ переносилъ венерическій ядъ на негра въ формѣ *тиана*. Слѣдовательно, въ обоихъ случаяхъ заболѣваній мы видимъ дѣйствіе того же яда, привитого на различной расовой почвѣ. Наконецъ, нѣкоторые антропологи, имѣющіе въ своемъ распоряженіи факты, подлежащіе впрочемъ провѣркѣ, признаютъ относительное безплодіе браковъ между неграми и европейцами. Потомство, какъ говорятъ, менѣе долговѣчно и не такъ выносливо; особенно женщины имѣютъ нѣжное строеніе и подвергаются множеству хроническихъ болѣзней; у нихъ часто бывають выкидыши и несчастные роды; дѣти же умирають будто бы обыкновенно въ ран-

немъ возрастѣ, и если и достигаютъ зрѣлости, то браки между ними по большей части безплодны.

Подобныя существенныя и несущественныя различія несомнѣнно существуютъ во множествѣ, причемъ на ряду съ физическими и физиологическими наблюдаются и духовныя. Встрѣчаются напр. группы, страстно предающіяся людоедству; другія, несмотря на самыя неблагоприятныя условія быта, совершенно чужды этой склонности; мы знаемъ народы, обладающіе большими способностями въ сферѣ изящныхъ искусствъ, и другіе, почти лишенные эстетическихъ дарованій. Одинаково умѣстно будетъ вспомнить и о нѣкоторыхъ морфологическихъ различіяхъ, вызывающихъ неодинаковое произношеніе звуковъ. Различія эти могутъ быть очень незначительны и заключаются напр. въ болѣе или менѣе напряженномъ колебаніи соотвѣтственныхъ мускуловъ, но и того одного достаточно, чтобъ замѣтно повліять на произношеніе, въ особенности, когда организмъ утерялъ уже свою юношескую эластичность. Объ этихъ различіяхъ мы получили бы нѣкоторое представленіе, если бы предложили произнести фразу: «жукъ жужжитъ въ тростникѣ», обитателю Маркизскихъ острововъ, языкъ котораго насчитываетъ не болѣе 7 согласныхъ. Словомъ, родъ человѣческій дѣлится на извѣстное число группъ, изъ которыхъ каждая представляетъ особенныя соединенія анатомическихъ (и гистологическихъ), физиологическихъ (и патологическихъ) и даже звуковыхъ особенностей и эмоціональных признаковъ. Если вышеуказанныя особенности переходятъ отъ родителей къ потомству путемъ наслѣдственной передачи, то группы, обладающія ими, можно назвать *расовыми антропологическими типами*. Это понятіе нисколько не совпадаетъ съ прежними выраженіями «раса», такъ какъ «славянская или романская раса» означаетъ исключительно извѣстную лингвистическую группу, и гораздо точнѣе, чѣмъ терминъ «бѣлая или черная раса», такъ какъ каждая изъ этихъ послѣднихъ заключаетъ въ себѣ нѣсколько расовыхъ антропологическихъ типовъ. Для примѣра достаточно хотя бы повнимательнѣе всмотрѣться въ коренное польское населеніе Варшавы, чтобы и здѣсь замѣтить существованіе нѣсколькихъ такихъ типовъ. Рядомъ съ блондиномъ высокаго роста, съ голубыми глазами, продолговатымъ черепомъ и худощавымъ лицомъ, мы видимъ людей широколицыхъ, съ круглымъ черепомъ, средняго роста, съ темными волосами и глазами. Въ обоихъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло съ унаслѣдованными постоянными признаками, насколько не примѣшивается скрещиваніе. Будемъ говорить: «Полагаю, что лица, имѣющія черные волосы и глаза, никогда не произвели свѣтловолосаго потомства, и я увѣренъ въ томъ, что то же можно сказать относительно формъ черепа». Во Франціи, гдѣ антропологическими изслѣдованіями занимались болѣе усердно, чѣмъ гдѣ-либо, ученые доказали, что физиологическіе законы

роста у этих двух типов не те же самые. Констатируется также различие в их восприимчивости к заболеваниям. Достаточно вспомнить такой красноречивый факт, как распространение потной англосаксонской горячки в XV—XVI столетия. Жители некоторых местностей Англии и ближайших стран на материк гнали от этой болезни в страшных размерах (30—50%), но эпидемия уносила исключительно лиц определенного типа — англосаксонских блондинов, тщательно избегая других. Таких расовых антропологических типов существует в Европе несколько, и различия их физиологические свойства в особенности ярко обнаруживаются при акклиматизации и скрещивании. В таких местностях, как равнины Алжира, где блондины с севера имеют лишь незначительные шансы выжить и произвести потомство, броневики с юга чувствуют себя прекрасно. Равным образом относительное бесплодие браков между блондинами и неграми, по мнению самих же сторонников этого взгляда, почти не замечается при скрещивании южных жителей Европы с черными жителями Африки.

Антропологические различия, существующие между людьми, пытались перевести на язык зоологии, т. е. установить, какой рубрике они соответствуют в зоологической классификации. Следует ли напр. принимать негра и блондина за различные виды или только за различные разновидности одного вида? Эта полемика имела огромное значение в первом периоде развития антропологии. Пока теория Кювье о неизменности видов господствовала в биологии, надо было допускать гипотезу, что человечество появилось в нескольких независимых друг от друга центрах земного шара. В свое время этот взгляд считался крайним вольнодумством и часто только потому и поддерживался. Дело однако совершенно изменилось с появлением теории Дарвина. Эта теория, признавая взаимное родство не только между различными видами, но даже целыми классами и разрядами, прекрасно объяснила путем естественного подбора существование расовых различий.

Множественность видов пытались доказать главным образом анатомическим путем. Топинарть напр., подробно рассматривает признаки различных видов рода «*homo*» (быть). Один вид имеет плоский, продолговатый лоб, длинные закругленные рога; другой — выпуклый, широкий лоб, длинные рога на затылке, одним ребром больше и т. д. Для признания отдельного вида в данном случае вполне достаточно установить различия формы черепа, обилие волос на одном или другом месте, неодинаковый размер скелета и т. д.; некоторые по аналогии доказывают, что анатомические различия между расами настолько важны, что для зоологов они уже вполне доста-

точно, чтобы признать расу за отдельный вид. На этом основании пришли к тому заключению, что «между лапландцем и австралийцем существует такая же пропасть, как между orang-утангом и гориллой». и что «признаки разновидности у шакала, собаки, волка и лисицы, зубра и кавги не более значительны, чем у негра и блондина». Другими словами, некоторые различия между людьми признавались равносильными даже родовым.

С другой стороны нашлись ученые, которые, пользуясь однородными доказательствами, утверждали, что различия между отдельными видами животных значительнее, чем между людьми. Катрфаж напр. останавливается на собаках. Он указывает, что среди человеческих племен напрасно стали бы искать такого различия в формах черепа, какое мы находим у испанской борзой и кинг-чарльза, или какое встречается относительно длины корпуса у сан-бернардской собаки (1,322 метр.) и шпица (0,220 метр.). Отсюда он выводил, что анатомически человеческие расы представляют только простые разновидности. Впрочем, в лагерь защитников единства особенно подчеркивали физиологические способности скрещивания между отдельными группами народов и приспосабливания их к различным климатическим условиям.

В сущности, весь этот вопрос имеет казуистический характер; на самом деле он не особенно важен для науки. Будем ли мы говорить о видах или разновидностях, — ни один факт не подвергнется изменению. Важен же сам факт, а не ярлычек, которыми мы его обозначаем.

Существенной задачей антропологии является всестороннее исследование расовых типов, как в физическом (анатомическом и физиологическом), так и в духовном отношении. Для достижения этой цели науки пришлось оставить прежнее направление, т. е. уже не довольствоваться указаниями на окраску кожи, вид волос, формы носа и т. д. Все эти указания давались по впечатлению, а это допускало чисто-субъективную оценку. В настоящее время она заменена объективными методами, окончательная разработка и установление которых составляет заслугу П. Брока. Конечно, методы эти значительно разнятся друг от друга в зависимости от исследуемой области антропологических явлений. В пределах остеологических данных наука ведет очень точные измерения, так как устойчивость формы вполне это допускает. Равным образом при оценке цвета глаз, волос и кожи можно почти совершенно избежать субъективизма и обозначать цвета по составленной для этой цели таблице красок. Дело однако гораздо сложнее с мягкими частями, которые поддаются только описанию. С другой сто-

роны и некоторые физиологические функции дают возможность при-
мѣнить къ нимъ эмпирические методы; при изслѣдованіи же многихъ
другихъ особенностей и проявленій духовной жизни можно при-
бѣгнуть къ помощи статистики, соответственно организован-
ной, и т. д.

Антрологія—наука новая. Она появилась только со времени при-
мѣненія къ ней методовъ точнаго изслѣдованія, установленныхъ
Брока и др. Поэтому неудивительно, что она пока очень далека отъ
удовлетворительнаго рѣшенія выше указаннаго вопроса о всесторон-
немъ изслѣдованіи расовыхъ типовъ. Ниже мы увидимъ, какимъ
незначительнымъ сырымъ матеріаломъ она располагаетъ, а те-
перь мы постараемся отмѣтить, какъ непропорціонально развились
отдѣльныя ея части. Такъ напр., въ расовой психологіи ученые не
вышли до сихъ поръ за предѣлы самыхъ элементарныхъ обобщеній,
такъ какъ и здѣсь составлены вопросныя программы, оставляющія
желать многого. Не много лучше обстоитъ дѣло и съ расовой физио-
логіей. До сихъ поръ удовлетворяются голословными утверждениями,
что у однихъ типовъ пульсъ бьется учащенно, у другихъ медленно;
что одни болѣе впечатлительны къ боли, другіе—болѣе выносливы.
Гораздо дальше ушла расовая патологія благодаря практическимъ
указаніямъ, доставленнымъ колонизаціею. Оказалось даже возмож-
нымъ учредить въ парижской антропологической школѣ кафедру
«медицинской географіи». Что же касается до фонетическихъ особен-
ностей народовъ, то пока пришли къ убѣжденію, что онѣ зависятъ отъ
строенія органовъ рѣчи. Только сравнительно-расовая анатомія мо-
жетъ гордиться болѣе богатымъ количествомъ наблюдений. Однако и
здѣсь знакомство съ предметомъ очень неравномѣрно. Каталогъ кол-
лекцій парижскаго музея по естественнымъ наукамъ наглядно пред-
ставляетъ распредѣленіе расово-анатомическихъ изысканій. Здѣсь на-
ходилось въ 1867 г. (процентное отношеніе различныхъ препаратовъ
осталось безъ значительныхъ перемѣнъ до настоящаго времени)—
1,500 обнаженныхъ череповъ, 64 съ кожей (муміи), 344 рисунка че-
реповъ, 93 цѣльныхъ скелетовъ, 56 тазовъ и всего 147 препаратовъ
мягкихъ частей тѣла, что объясняется трудностью доставки послѣд-
нихъ изъ болѣе отдаленныхъ странъ. Неравномѣрность матеріала ве-
детъ по необходимости къ непропорціональному развитію разныхъ
частей науки. Анатомическую антрологію почти совершенно низ-
вели къ сравнительной остеологіи, послѣдняя же поглощена кранио-
логіей (сравнительно-расовой анатоміей черепа) и пельвиметріей
(сравнительно-расовой анатоміей таза).

Краниологія, какъ мы уже сказали, представляетъ самую совер-
шенную часть антрологіи. Кромѣ уже извѣстныхъ намъ техниче-

скихъ условій, развитію ея способствовали еще причины философскаго
характера, потому что въ черепѣ, какъ оболочкѣ мозга, всегда усма-
тривали органъ первостепеннаго значенія. Изъ какихъ-бы однако по-
бужденій ни развилась эта вѣтъ антрологіи—въ ней нашли бога-
тую почву для изслѣдованій. Въ то время какъ подъ влияніемъ раз-
личныхъ условій мягкія части тѣла легко подвергаются измѣненіямъ,
черепъ (вообще кости) энергично сопротивляется всякимъ перемѣнамъ
и прочіе удерживаетъ расовыя особенности. Не слѣдуетъ конечно
думать, чтобы какой-нибудь отдѣльный признакъ, напр. отношеніе
ширины черепа къ его длинѣ (такъ называемый указатель ширины
черепа) было одинаково для всѣхъ представителей опредѣленной расы.
Напротивъ, оно подвергается колебаніямъ, но только въ точно опре-
дѣленныхъ границахъ. Таблица I наглядно представляетъ намъ распредѣ-
леніе упомянутого только что указателя у папуасовъ (сплошная черта) и
киргизовъ (пунктированная черта). У папуасовъ и киргизовъ встрѣчаются
напримѣръ индивиды съ одинаковымъ указателемъ, но вѣроятность такого

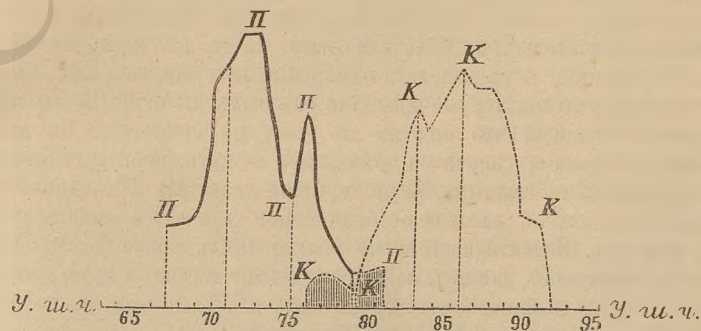

Табл. I.

совпаденія выражается отношеніемъ 1:100. Вѣроятность встрѣтить
одинакъ и тотъ же носовой указатель у обоихъ народовъ выразится
отношеніемъ 1:10, а того и другого, т. е. черепного и носового ука-
зателя — отношеніемъ 1:1000. Наконецъ возможность отыскать че-
репъ совершенно одинаковый, т. е. представляющій тѣ-же величины
относительно самыхъ различныхъ признаковъ, дойдетъ до минимума и,
быть можетъ, даже и вовсе не существуетъ. Словомъ, несмотря на ко-
лебания единичныхъ признаковъ въ опредѣленныхъ, иногда довольно
значительныхъ предѣлахъ, все-таки полный перечень черепныхъ осо-
бенностей даетъ намъ довольно устойчивую и чрезвычайно характер-
ную картину. Такимъ образомъ краниологическія изысканія представ-

ляют испытанное средство для опредѣленія расовыхъ группъ. Къ этому надо прибавить, что черепъ принадлежитъ къ такимъ частямъ организма, которыя чаще всего встрѣчаются при раскопкахъ, и поэтому краниологія можетъ раскрыть намъ антропологическое прошлое человѣческаго рода.

Исслѣдованія основываются на чрезвычайно простыхъ положеніяхъ. Разъ форма черепа различна у разныхъ расовыхъ группъ, то различная емкость, углы, линіи, отдѣльныя числовыя отношенія между линіями представляютъ величины относительно постоянныя. При такомъ положеніи вещей все сводится къ открытію признаковъ, лучше всего характеризующихъ отдѣльные типы народовъ, и затѣмъ къ производству измѣреній. Дѣло однако, столь простое съ теоретической точки зрѣнія, на практикѣ встрѣчало неизмѣримыя трудности, которыя впрочемъ до нѣкоторой степени уже устранены,—именно невозможно было напередъ установить, какія особенности будутъ соотвѣтствовать поставленнымъ требованіямъ. Такимъ образомъ философская мысль вовсе не озаряла выбора первыхъ измѣреній, за исключеніемъ лишь нѣкоторыхъ (напр. объема черепа). Исслѣдованія зависѣли обыкновенно отъ случайныхъ обстоятельствъ. Исходили напр. часто изъ идеи, на первый взглядъ логичной, и производили измѣренія, которыя, казалось, должны были доставить характерные признаки расовыхъ различій. Но въ концѣ концовъ убѣдились, что они ни къ чему не приведутъ. Съ другой стороны измѣреніе, сперва не общавшее многого, впоследствии дѣлалось чрезвычайно важнымъ. Напр. носовой указатель неожиданно оказался очень важной расовой особенностью, хотя этого никакъ нельзя было ожидать. Каждый поэтому не только имѣлъ право, но и обязанность измѣрять всѣ линіи, углы или указатели черепа. «Авось, что-нибудь изъ этого выйдетъ!»—говорили себѣ изслѣдователи, неспособные къ болѣе широкимъ обобщеніямъ. Топинаръ въ 1882 г. сѣтуетъ на безполезное обиліе попытокъ этого рода и указываетъ на два изслѣдованія, изъ которыхъ одно заключало въ себѣ 193, а другое—200 различныхъ измѣреній одного черепа! Однако этотъ историческій путь былъ единственный, который могъ наконецъ привести къ созданію краниологіи. Въ настоящее время эта вѣтвь антропологіи значительно подвинулась впередъ, оставивъ однако за собою громадный измѣрительный матеріалъ, который переполняетъ антропологическіе журналы и зачастую уже напередъ обреченъ на забвеніе. Есть впрочемъ матеріалъ, еще болѣе несостоятельный. Разработка краниологіи шла въ нѣсколькихъ независимыхъ одинъ отъ другого центрахъ. Каждый изъ нихъ выработалъ и принялъ не только различныя программы измѣреній, но даже одни и тѣ же измѣренія производили различнымъ способомъ. Достаточно указать, что для опредѣленія такого важнаго при-

знака, какъ прогнатизмъ, существуетъ 14 неодинаковыхъ приемовъ измѣренія, дающихъ каждый совершенно другіе результаты. Сверхъ того, такъ какъ измѣреніе, произведенное надъ многими лицами, даетъ различныя величины, то, чтобы легче ориентироваться, распределяютъ ихъ по соотвѣственнымъ рубрикамъ. Напр. низшіе указатели ширины черепа причисляютъ къ «длиннымъ», затѣмъ къ «среднимъ» и, наконецъ, высшіе указатели къ «короткимъ» и соотвѣственные черепа называютъ длинноголовыми, среднеголовыми и короткоголовыми. И вотъ, этимъ рубрикамъ иногда давали то-же названіе, но числовой матеріалъ распределяли иначе. Результаты такихъ приемовъ измѣреній хорошо видны изъ слѣдующаго примѣра: изъ 112 изслѣдованныхъ китайскихъ череповъ пришлось бы на:

	Длинноголовые. Среднеголовые. Короткоголовые.		
По Велкеру	18%	46,4%	37,7%
„ Флоуэру	25%	41,9%	33 %
„ Брока	50%	16,9%	33 %

и т. д.

Легко сообразить, какая путаница возникаетъ отсюда. Много цѣнныхъ и кропотливыхъ трудовъ потеряло со временемъ всякое значеніе—слѣдствие невозможности примирить ихъ результаты съ результатами другихъ изслѣдованій по тому же предмету. Однако и до сихъ поръ существуютъ въ краниологіи еще три системы измѣреній: французская (П. Брока), англійская (Флоуэра) и франкфуртская (Вирхова)!

Мы остановились нѣсколько дольше на краниологіи, потому что она является наиболѣе разработанной вѣтвью антропологической науки и своимъ несовершенствомъ и беспорядочностью даетъ понятіе о состояніи всей науки. Безъ преувеличенія можно сказать, что антропологія пока лишь находится въ періодѣ выработки методологическихъ приемовъ. Если же однако, несмотря на эти отрицательныя свои стороны, антропологія затронула нѣкоторые вопросы первостепенной важности и открыла широкіе горизонты, то это обстоятельство показываетъ, какихъ результатовъ можно отъ нея ожидать въ будущемъ.

Логически возникаетъ теперь вопросъ методологическаго характера объ установленіи расовыхъ антропологическихъ типовъ. Если бы каждый типъ занималъ отдѣльную территорію и жилъ въ совершенномъ обособленіи отъ другихъ, то вопросъ былъ бы простъ, такъ какъ все сводилось бы тогда къ тому, чтобы произвести достаточное число измѣреній или наблюденій и обобщить полученные данныя. Но въ дѣйствительности дѣло обстоитъ иначе. Человѣчество въ теченіе десятиковъ, даже сотенъ тысячелѣтій своего существованія непрерывно скре-

шивалось. Напрасно стали бы мы въ настоящее время искать какую-нибудь, хотя и мелкую, но несмѣшанную группу. Даже на столь отдаленныхъ архипелагахъ, каковъ Канарскій или Н. Зеландія, открыты многія наслоенія. Жители напр. Андаманскихъ острововъ, которые, казалось, составляютъ племя чистой расы, при внимательномъ изслѣдованіи обнаружили чуждые элементы и т. д. Племена на первый взглядъ самыя чистыя, какъ негритосы и эскимосы, и самыя сложныя, какъ французы или китайцы, происходятъ одинаково изъ сліянія многихъ чуждыхъ другъ другу элементовъ. «Не могу, говоритъ Топинаръ, указать хотя бы на одинъ рядъ череповъ, собранныхъ безъ всякаго плана въ одной и той же мѣстности, и даже на серію изъ какихъ-нибудь пяти номеровъ, которая представляла бы антропологическое единство: повсюду разнообразіе, какъ результатъ смѣшенія». Вслѣдствіе этого встрѣтить чистый типъ можно скорѣе только какъ исключеніе. «Чистая раса—понятіе абстрактное, въ дѣйствительности ея нѣтъ» (Топинаръ). Доказано, что въ одномъ и томъ же семействѣ у дѣтей встрѣчаются разныя расовыя особенности, напр. блондины и брюнеты.

Сущность явленія та же, что и въ Сѣверной Америкѣ, гдѣ въ семействахъ бѣлыхъ, скрещивающихся съ туземнымъ населеніемъ, одни дѣти краснокожія, другія — бѣлыя. Случается, что дѣти-близнецы отъ бѣлаго и негрятки одно черное съ курчавыми волосами, другое бѣлое съ длинными и гладкими волосами. Мало того, въ одной и той же особи можно усмотрѣть наслоеніе особенностей различныхъ расъ. Часто случайно мы встрѣчаемъ на улицахъ Варшавы человѣка смуглаго короткоголоваго, но съ сѣрыми или голубыми глазами и свѣтлыми волосами, или съ головой одного типа, посаженной на корпусъ другого. Вотъ именно эта смѣсь и вызываетъ то, что опредѣленіе расовыхъ антропологическихъ типовъ—дѣло очень трудное. Тѣмъ не менѣе научный анализъ расовыхъ антропологическихъ типовъ вполне возможенъ. Теоретическіе приемы его основываются на слѣдующемъ.

Достаточно присмотрѣться къ потомству, происшедшему отъ скрещенія различныхъ типовъ, чтобы замѣтить, что въ ребенкѣ мы никогда не видимъ гармоническаго сліянія признаковъ родителей, а въ большинствѣ случаевъ лишь механическое ихъ соединеніе. Напримѣръ, одна часть лица напоминаетъ отца, другая—мать, или одинъ ребенокъ наследовалъ черты одного типа, другія дѣти—другого. Въ этомъ случаѣ мы можемъ сослаться на повседневный опытъ. Такое механическое соединеніе признаковъ иногда очень ярко выступаетъ у потомства отстоящихъ далеко другъ отъ друга типовъ. Родители: негръ и бѣлая; ребенокъ, дѣвочка, бѣлая, но съ черною правой частью поясицы и такими же ягодицами. Родители—бѣлый и негрятка: правая половина ребенка бѣлая, лѣвая—черная. Фонъ-Дюбенъ дѣлалъ наблюденія надъ

послѣдствіями скрещиванія финновъ, шведовъ и лапландцевъ, т.-е. трехъ различныхъ типовъ; изъ его изысканій слѣдуетъ, что еще во второмъ, даже въ третьемъ поколѣніи можно съ положительной точностью указать, что и отъ какой группы родителей отразилось на образованіи черепа.

Такимъ образомъ, если два типа взаимно и непрерывно скрещиваются, напримѣръ длинноголовые блондины со смуглыми короткоголовыми, то въ потомствѣ расовыя особенности распредѣляются неравномѣрно. Извѣстное число лицъ сохранить признаки или короткоголовыхъ или длинноголовыхъ, у другихъ явится механическое соединеніе особенностей. Дальнѣйшія скрещиванія среди смѣшанной группы, по всей вѣроятности, сгладили бы физическія различія между ея членами; но, насколько дѣло касается болѣе значительныхъ человѣческихъ группъ, населяющихъ обширныя территоріи и находящихся между собою въ постоянныхъ сношеніяхъ, то сомнительно, чтобы полная нивелировка была возможна въ небольшой промежутокъ времени. Особенности первыхъ типовъ всегда будутъ проявляться въ болѣе сильной или слабой степени, и цѣлыхъ столѣтій не хватитъ на завершеніе процесса. Напримѣръ, среди варшавскихъ евреевъ, лично мнѣ извѣстныхъ, я могу указать на людей, соединяющихъ особенности семитовъ и негровъ. А между тѣмъ, сколько вѣковъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ эта негрятская примѣсь вошла въ плоть и кровь евреевъ!

Это явленіе неравномѣрнаго распредѣленія расовыхъ признаковъ позволяетъ у смѣшаннаго населенія, еще не установившагося, открыть составные элементы расъ, тѣмъ болѣе, что обыкновенно у лицъ, имѣющихъ какую-нибудь выдающуюся особенность извѣстнаго типа, всегда можно найти и другія его черты. Возьмемъ, напримѣръ, киргизовъ, которые принадлежатъ къ короткоголовымъ желтой расы — типу съ приплюснутымъ носомъ, бѣдною растительностью, черными глазами и волосами, выступающими скулами. Изслѣдовавъ 40 киргизовъ, д-ръ Зееландъ нашелъ, что 25% изъ нихъ имѣли приплюснутый и широкий носъ (У. н. = 79,8), 35% — плоскій и болѣе узкій (У. н. = 76,9), 25% же — носъ горбомъ и соотвѣтственно болѣе узкій¹⁾. Носъ горбомъ — явленіе ненормальное среди киргизовъ; если же оно встрѣчается такъ часто, то это объясняется посторонними расовыми примѣсями. Какими же именно? Чтобы опредѣлить ихъ, мы присмотримся къ другимъ особенностямъ киргизовъ. Группа съ горбатыми носами въ среднемъ 168,97 метр. роста, т.-е. ростъ ея болѣе высокій, чѣмъ свойственный вообще желтымъ короткоголовымъ. Затѣмъ свѣтлые глаза среди нея составили 44,3% (20% голубые, 10% сѣрые, 14,3% зеленовато-сѣ-

¹⁾ См. таблицу важнѣйшихъ указателей къ концѣ книги.

рые и зеленые), между тѣмъ у киргизовъ съ приплюснутыми носами процентное отношеніе свѣтлыхъ глазъ къ общей массѣ выразилось числомъ 10. Вородатые среди горбатоносыхъ составили 40%, среди плосконосыхъ — 7% и совершенно не встрѣчались среди лицъ съ приплюснутымъ носомъ. Равнымъ образомъ, отношеніе разстоянія между скулами къ длинѣ лица у 40 изслѣдованныхъ лицъ составляетъ въ среднемъ 66,3%; между тѣмъ въ группѣ съ горбатыми носами понижается до 63,4%. Словомъ, среди горбатоносыхъ мы чаще встрѣчаемъ особенности, чуждыя чистому монгольскому типу, какъ-то: бороду, узкое лицо и носъ, высокій ростъ, свѣтлые глаза и т. д. Изъ сопоставленія этихъ признаковъ мы приходимъ къ выводу, что къ киргизскому племени примѣшался какой-то чуждый типъ: роста болѣе высокаго, съ горбатымъ носомъ, свѣтлоглазый, съ богатою растительностью и менѣе скуластый. Выразивъ цифрою повторяемость разсматриваемыхъ особенностей и сравнивъ полученные результаты, мы могли даже обозначить процентное отношеніе вышеуказанной примѣси. Или возьмемъ варшавскихъ евреевъ. Съ перваго взгляда можно среди нихъ выдѣлить типы: свѣтловолосые и темноволосые; ближайшее же изслѣдованіе ихъ обнаружило бы еще дальнѣйшія подраздѣленія: темноволосые распадаются на гладковолосыхъ и курчавыхъ. Если разсматривать процентное распредѣленіе антропологическихъ особенностей среди этихъ трехъ категорій, окажется, что оно различно для каждой изъ нихъ. Напримѣръ, темные и гладковолосые евреи имѣютъ процентъ «семитическаго» носа и прямого лба болѣе, нежели курчавоволосые, которые въ свою очередь обладаютъ чаще приплюснутымъ носомъ, лбомъ откинутымъ назадъ и сильнѣе выраженнымъ прогнатизмомъ, а также быть можетъ отличаются болѣею болтливостью и особеннымъ запахомъ кожи. Сопоставляя соотвѣтственнымъ образомъ собранный матеріалъ, мы получимъ типы, примыкающіе къ арабскому (гладковолосый, длинноголовый), армянскому (гладковолосый, короткоголовый), негритянскому, равно какъ и къ короткоголовому блондину Европы.

Понятно, что задача антропологии не всегда представляется въ такомъ простомъ видѣ; часто приходится имѣть дѣло съ смѣшеніемъ типовъ, не настолько рѣзко выраженныхъ. Анализъ становится тогда болѣе труднымъ.

Антропология только теперь приступила къ научному изслѣдованію расовыхъ типовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ къ отдѣленію ихъ отъ помѣсей (т.-е. къ статистикѣ расъ).

Первый болѣе серьезный починокъ въ этомъ направленіи принадлежить Соединеннымъ Штатамъ во время междоусобной войны 1863 г. Тогда были произведены измѣренія надъ ростомъ около 1½ милл. рекрутовъ и наблюденія надъ окраской глазъ, волосъ и кожи 700 ты-

сятъ лицъ. Примѣру Соединенныхъ Штатовъ въ скоромъ времени послѣдовала и Европа. Принялись за правильныя статистическія изслѣдованія во время рекрутскихъ наборовъ, чтобъ такимъ путемъ получить данныя относительно географическаго распредѣленія роста. А такъ какъ ростъ представляетъ характерный для расы признакъ, то работы эти позволили антропологамъ опредѣлить въ разныхъ мѣстахъ распредѣленіе расовыхъ типовъ (напримѣръ въ Италіи и во Франціи). Гораздо полезнѣе однако оказались наблюденія надъ окраской глазъ, волосъ и кожи, произведенныя въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ въ громадныхъ размѣрахъ надъ дѣтьми школьнаго возраста. Починъ въ этомъ случаѣ принадлежитъ Германіи (1875 г.). Таблицы заключали въ себѣ до 7 милліоновъ наблюденій. Этому примѣру послѣдовали: Бельгія въ 1879 г. (болѣе 600 тысячъ наблюденій); Швейцарія въ 1881 г. (болѣе 400 тыс.) и Австрія въ 1884 г. (2¼ милл.). Затѣмъ появились аналогичныя изслѣдованія, произведенныя надъ лицами въ зрѣломъ возрастѣ и выполненныя на средства частныхъ лицъ. Значительно раньше англійскій антропологъ Беддэ и др. собрали около 100 тыс. наблюденій; недавно подобный-же трудъ оконченъ во Франціи подъ личнымъ руководствомъ Толинара. Еще слѣдуетъ отличить менѣе значительныя работы Арбо въ Норвегіи, Ганзена въ Даніи и другихъ. Этотъ матеріалъ позволилъ установить, хотя и не вполне точно, распредѣленіе расовыхъ типовъ въ средней Европѣ. Но въѣдъ подъ одной и той же темной окраской глазъ и волосъ можетъ скрываться и пьемонтскій короткоголовый и длинноголовый средиземной расы; съ другой стороны подъ свѣтлой окраской глазъ и волосъ — длинноголовый блондинъ и его потомокъ, короткоголовый житель Лотарингіи и полякъ. Поэтому, наблюденія, произведенныя надъ окраской волосъ и глазъ европейцевъ, требуютъ соотвѣтственныхъ дополненій и статистики распредѣленія другихъ антропологическихъ признаковъ, напримѣръ указателя ширины черепа. Однако наукѣ придется еще долго ждать этихъ добавочныхъ изслѣдованій. Во Франціи, гдѣ антропологическими изысканіями занимались чрезвычайно усердно, указатель ширины черепа установленъ у какихъ-нибудь 12—15 тыс. лицъ, и притомъ самыя систематическія изслѣдованія (д-ра Коллиньона, обнимающія 8.700 измѣреній въ возрастѣ 21—25 лѣтъ) обнародованы лишь въ 1890 г. Въ Италіи трудами Ливи (12 тыс.) и Калори (2 тыс.) исчерпывается почти весь собранный матеріалъ. Мы указали изслѣдованія, заключающія самыя многочисленныя наблюденія. Однако лучше другихъ странъ въ этомъ отношеніи изслѣдованы Тироль и баварскіе Альпы. Съ другой стороны число измѣреній на востокѣ Европы не превышаетъ нѣсколькихъ сотъ!

Этимъ ограничиваются всѣ болѣе важныя приобрѣтенія антропологи-

ческой науки. Исследования, произведенные за пределами указанного географического пространства, часто так малозначущи, что едва стоит о них упоминать. Слѣдовало бы, быть можетъ, сдѣлать исключеніе для жителей острововъ полинезійскихъ и меланезійскихъ, надъ которыми въ виду ихъ малочисленности произведено относительно очень много измѣреній, такъ что, пожалуй, они представляютъ наилучше изслѣдованную съ точки зрѣнія антропологии группу. Равнымъ образомъ Тунисъ, благодаря изысканіямъ Коллинона и Бертолона, принадлежитъ къ привилегированнымъ въ этомъ отношеніи мѣстностямъ земного шара. Съ другой стороны многія страны напрасно ожидаютъ изслѣдованій. Достаточно вспомнить, что Пассаванъ для всей горной Африки въ 1884 г. насчиталъ всего 205 измѣреній черепа, а Топинаръ для китайцевъ въ это же время лишь 112. Наше знакомство съ краснокожими Сѣверной Америки основывается на измѣреніи указателя ширины черепа въ 917 случаяхъ, средней же и южной — въ 248 случаяхъ. Тѣмъ не менѣе антропологи ставятъ въ вину, что она состоитъ только изъ одной краниометріи, послѣдней-же — что она ничего не видитъ и не хочетъ видѣть, кромѣ указателя ширины черепа!

Въ виду такого скуднаго фактического матеріала понятно, что установленіе расовыхъ антропологическихъ типовъ и тѣмъ болѣе ихъ генеалогическая классификація мало подвинулись впередъ. Поэтому описаніе расъ, къ которому мы теперь приступаемъ, представить собою далеко не полный анализъ. Можемъ только ручаться, что наше изслѣдованіе будетъ вполне соответствовать современному состоянію антропологии, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ оно послужитъ указаніемъ почвы, на которой должны происходить дальнѣйшія изысканія.

III.

Расовыя различія существовали въ самомъ отдаленномъ прошломъ.— Палеонтологическія и лингвистическія тому доказательства.— Устойчивость расовыхъ признаковъ, въ особенности черепа.— Образование расъ: вліянія среды, скрещиванія и подбора.— Единство и множественность человеческого рода прежде и теперь.— Познѣя въ антропологию.

Если сравнить самые древніе черепа, то окажется, что новый материкъ всегда былъ населенъ расовыми типами, не совпадающими съ европейскими. Раскопки въ Лагоа Санта и пещерахъ Ла Платы наглядно доказываютъ, что американецъ четвертичной эпохи былъ совершенно иной съ точки зрѣнія расы человѣкъ, чѣмъ современный ему европеецъ. Мало того, изслѣдователь, изучающій оставшіеся послѣ четвертичныхъ жителей Европы и Америки черепа, убѣждается, что

тогдашніе жители каждого изъ этихъ материковъ принадлежали уже къ нѣсколькимъ отличнымъ другъ отъ друга расовымъ антропологическимъ типамъ. Такимъ образомъ, существованіе расовыхъ различій можно отодвинуть такъ далеко въ прошлое, насколько это допускаютъ собранныя до сихъ поръ палеонтологическія доказательства, т.-е. по крайней мѣрѣ на нѣсколько, если не на нѣсколько десятковъ, тысячелѣтій. Поэтому въ самое отдаленное отъ насъ время, къ которому относятся извѣстные намъ остеологическіе остатки, были уже независимыя другъ отъ друга племена, различныя въ расовомъ отношеніи и безъ сомнѣнія говорившія на различныхъ языкахъ. Однако время, отдѣляющее насъ отъ эпохи, когда жилъ ископаемый человѣкъ, хотя и продолжительно, но, по всей вѣроятности, составляетъ только незначительную частицу жизни человѣчества. Полнѣйшій мракъ застилаетъ раннюю исторію расъ, хотя позволительно думать, что со временемъ наукѣ удастся разсвѣять его.

При современномъ состояніи антропологическихъ знаній мы можемъ сказать только одно, что человѣчество уже съ самыхъ давнихъ временъ раздѣлялось въ отношеніи языка на независимыя другъ отъ друга группы. Скала звуковъ у отдѣльныхъ группъ человеческого рода очень разнообразна, и въ данномъ случаѣ для насъ несущественно мнѣніе лицъ, утверждающихъ будто эти различія явились лишь въ позднѣйшую эпоху жизни человѣчества: существенное значеніе имѣетъ самый фактъ, а не его причины. О томъ же многообразіи человеческого рѣчи свидѣлствуетъ различіе въ способахъ построенія словъ изъ звуковъ. Но самымъ убѣдительнымъ доказательствомъ факта, что человеческая рѣчь возникла въ нѣсколькихъ независимыхъ другъ отъ друга центрахъ, мы находимъ въ различномъ строеніи языковъ. Въ китайскомъ каждое слово является корнемъ, означающимъ какую-нибудь общую идею и не подвергающимся ни склоненію, ни измѣненію по степенямъ. Слово пріобрѣтаетъ опредѣленное и частное значеніе, лишь благодаря мѣсту, занимаемому имъ въ предложеніи и въ связи съ другими словами. Такъ слово: *тсе* (потомство, рожденіе и т. д.) получаетъ болѣе точный смыслъ «сына», благодаря прибавкѣ къ нему слова: *нау* (слова, содержащаго въ себѣ понятіе совокупности мужскихъ признаковъ). Строеніе фразы въ такого рода языкахъ (*односложныхъ*) является простымъ расположеніемъ никогда не измѣняющихся корней, изъ которыхъ каждый, взятый въ отдѣльности, представляетъ какую-нибудь неопредѣленную идею. Первоначально подобнымъ строеніемъ отличалась вообще человеческая рѣчь. Затѣмъ развились болѣе сложные языки: *сочлененные*. Пусть въ китайскомъ выраженіи *тсе-нау* («потомство-мужчина», т.-е. сынъ) идейное значеніе, присущее второй части—*нау*, исчез-

нетъ съ теченіемъ времени и само *нау* измѣнится въ безыдейный звукъ (хотя-бы *н*), какъ символъ мужского рода—въ такомъ случаѣ мы получимъ родовую частицу (*н*), служащую не только для точнѣйшаго опредѣленія высказанной идеи (*мсе*), но имѣющую еще самостоятельный и постоянный смыслъ суффикса. Турки прибавленіемъ частицы *лер* (иногда *ляр*) придаютъ слову значеніе множественнаго числа, напр. *эр-лер* — женщины, *ат-ляр* — лошади. Строеніе корень+корень, свойственное односложному языку, напр. китайскому, переходитъ у турокъ въ строеніе корень+суффиксъ и было-бы типа суффиксъ+корень, если-бы въ первоначальномъ односложномъ языкѣ слово опредѣляющее ставили передъ идеей опредѣляемой. А такъ какъ на земномъ шарѣ существуютъ языки, сочленяющіе по способу суффиксъ+корень, именно языкъ банту, то обстоятельство это свидѣтельствуетъ, что односложные языки, изъ которыхъ они образовались, были иные, чѣмъ тотъ, изъ котораго развилась рѣчь турокъ. Можно предполагать, что образованіе этихъ формъ относится къ самымъ раннимъ временамъ, когда отъ отдѣльных восклицаній, эмоціональных подражательныхъ звуковъ люди перешли къ болѣе точному, чѣмъ у животныхъ, пониманію другъ друга. Такимъ образомъ разнообразіе строенія въ современныхъ языкахъ ясно доказываетъ нѣсколько обособленныхъ центровъ зарожденія человѣческой рѣчи. «Мы не дѣлаемъ ошибки,—говоритъ одинъ изъ выдающихся современныхъ лингвистовъ, Фр. Мюллеръ:—принимая существованіе около сотни независимыхъ первоначальныхъ языковъ. Но такъ какъ языки постепенно исчезаютъ, новые же корневыя не появляются, то изъ этого слѣдуетъ, что число первоначальныхъ языковъ должно было быть гораздо больше, чѣмъ то, которое мы можемъ допустить, основываясь на изслѣдованіи языковъ настоящаго времени». Если же принять во вниманіе мнѣніе Тайлора, что способность къ членораздѣльному произношенію звуковъ можетъ быть находится въ связи съ приобрѣтеніемъ человѣкомъ вертикальнаго положенія, то мы можемъ сдѣлать дальнѣйшій выводъ, что рѣчь появилась вмѣстѣ съ этимъ прогрессомъ и что въ этомъ столь раннемъ историческомъ періодѣ человѣчество раздѣлялось уже на довольно значительное число обособленныхъ и независимыхъ другъ отъ друга группъ, изъ которыхъ каждая самостоятельно изобрѣла свою рѣчь. Конечно, множественность центровъ образованія человѣческой рѣчи еще не доказываетъ, что тогдашнія независимыя другъ отъ друга племена представляли каждое порознь отличный отъ другихъ расовый физическій типъ, хотя и даетъ намъ право сдѣлать выводъ, что между этими племенами существовали по всей вѣроятности расовыя различія.

Итакъ, мы должны допустить существованіе расовыхъ различій уже въ далекую доисторическую эпоху. Существованіе ихъ является, быть можетъ, даже наслѣдіемъ нашихъ на половину-человѣческихъ предковъ. Это предположеніе принято наукой и пользуется поддержкой антропологовъ, хотя и, несмотря на всѣ усилія, сдѣланныя въ этомъ направленіи, извѣстныя намъ попытки не имѣютъ достаточно убѣдительной силы. Овелакъ бралъ напр. физическія особенности человѣческихъ расъ, сравнивалъ ихъ съ признаками младенцевъ и человѣкообразныхъ обезьянъ и старался свести ихъ всѣ къ общему первотипу. По его мнѣнію такія особенности, какъ строеніе волоса, окраска кожи, устройство глазныхъ впадинъ и т. д., никогда не могли произойти изъ общаго источника, и слѣдовательно уже *praecursor hominis* ¹⁾ дѣлился на нѣсколько обособленныхъ расъ. Подобныхъ попытокъ мы могли-бы привести нѣсколько. Всѣ онѣ говорятъ въ пользу того, что расовыя различія существовали испоконъ вѣковъ, но еще этого не доказываютъ.

Затѣмъ возникаетъ вопросъ, насколько доисторическія расовыя свойства представляли сходство съ теперешними, т.-е. существовали-ли современные расы уже въ тѣ времена, или-же онѣ появились только въ позднѣйшемъ періодѣ. Вытѣсняя своихъ предшественниковъ путемъ быстрого размноженія? Въ предѣлахъ историческаго времени мы для рѣшенія этого вопроса можемъ воспользоваться между прочимъ и произведеніями древняго искусства. Человѣческіе типы воспроизведены древнимъ искусствомъ въ большинствѣ случаевъ съ поразительною отчетливостію. «Общій характеръ, свойственный каждой человѣческой расѣ, уловленъ съ точностью, достойной вниманія», читаемъ мы объ Египтѣ въ *Crania ethnica* (Катрфажа). «Художникъ изображаетъ природу грубыми штрихами, но достаточно правдиво, чтобы безъ особенной трудности отличить въ его произведеніи этніческіе типы довольно многочисленные и достопримѣчательные въ смыслѣ изображенія не только лица, но и платья и оружія»—вотъ слова, которыя мы находимъ въ вышеуказанномъ сочиненіи, когда авторы изучаютъ вавилонскіе памятники. Итакъ, на основаніи подобнаго рода свидѣтельствъ, мы узнаемъ, что напр. египетскіе художники на цѣлыхъ

¹⁾ *Praecursor hominis* согласно Овелаку—животное, у котораго половое влеченіе дѣйствовало періодически. Оно умѣло обтесывать камень и пользоваться огнемъ, дѣлало гнѣзда изъ вѣтвей, жило на деревьяхъ, рѣчь имѣло еще не членораздѣльную, ухо менѣ закругленное, сильно выраженный прогнатизмъ, клыки выдающіеся, оконечности менѣ специализированныя, кривизну позвоночника незначительную, падбровныя дуги крѣпкія, лобъ малоразвитый и т. д. Различныя его разновидности имѣли отличную другъ отъ друга форму черепа и т. д.

17 столѣтій ранѣе нашей эры уловили особенности 4—5 различныхъ группъ чернаго человѣчества и воспроизвели свойственные имъ особенности съ такою точностью, что отысканіе соответственныхъ типовъ въ настоящемъ не представляетъ затрудненій. Тщательное изученіе подобныхъ памятниковъ доказало, что семитическій и негрскій типы въ продолженіе 40 — 60 столѣтій сохранились безъ измѣненій. Палеонтологія имѣетъ въ своемъ распоряженіи факты, еще краснорѣчивѣе доказывающіе устойчивость расовыхъ признаковъ, по крайней мѣрѣ относительно черепа, который сохраняется, можетъ быть, въ теченіе цѣлыхъ десятковъ тысячелѣтій. Четвертичныя расы Европы и Америки имѣютъ представителей среди современнаго населенія этихъ материковъ. Напр. неандертальскій черепъ мы можемъ отыскать у различныхъ лицъ, которые сыграли извѣстную историческую роль въ средневѣковой Европѣ; съ другой стороны Вирховъ въ одномъ изъ важнѣйшихъ своихъ трудовъ подтверждаетъ, что сходство между нѣкоторыми черепами фризцовъ и неандертальскимъ настолько значительно, что это даетъ право причислить ихъ къ одной и той же расовой группѣ. Въ такомъ же положеніи находится вопросъ относительно кроманьонскаго черепного типа, который въ настоящее время мы встрѣчаемъ у басковъ, корсиканцевъ и берберовъ. Наконецъ, въ Америкѣ первичный человѣкъ (Лагоа Санта) по устройству своего черепа очень близокъ къ современному ботокуду и отчасти—эскимосу. Слѣдовательно черепные признаки расъ могутъ сохраниться цѣлыя тысячелѣтія, не подвергаясь значительнымъ измѣненіямъ. Нѣкоторые антропологи утверждаютъ даже, что всѣ расы уже на зарѣ четвертичной эпохи являются вполне сформировавшимися и что съ этого времени они не подверглись никакимъ важнымъ измѣненіямъ, за исключеніемъ, конечно, тѣхъ, которые обусловливаются скрещиваніемъ. «Расовыя различія, говоритъ Кольманъ, обнаруживаются въ Европѣ съ незапамятныхъ временъ. Мы находимъ ихъ въ гробницахъ вѣка Меровинговъ, римскаго и доримскаго періода, въ эпоху надводныхъ поселеній, вообще во всѣ времена, отъ которыхъ до насъ дошли черепа—вплоть до дилувіальной эпохи. Европейецъ выступаетъ всегда, какъ типъ сформировавшійся, со всѣми присущими ему анатомически-расовыми особенностями. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи мы не замѣчаемъ никакихъ перемѣнъ, и краниологія можетъ это утверждать съ полной увѣренностью. Равнымъ образомъ и американецъ представляется все тѣмъ-же, какъ бы далеко мы ни заглянули въ прошлое. То же можно сказать относительно азіата. Эта устойчивость расовыхъ особенностей способствуетъ тому, что первоначальныя европейскія или азіатскія формы постоянно всплываютъ, несмотря на непрерывное скрещиваніе». Защитники устойчивости типовъ, дѣлающіе

уступки только въ пользу вліяній скрещиванія, оправдываютъ свои соображенія тѣмъ, что климатическія условія, въ которыхъ живутъ люди, не измѣнились со временъ четвертичной эпохи. Но неужели всѣ эти доводы такъ неопровержимы, какъ это можно заключить по предыдущимъ строкамъ? Прежде всего, самый предметъ до сихъ поръ не такъ полно изслѣдованъ, чтобъ можно было изрекать окончательные приговоры. Совершенно вѣрно, что нѣкоторые древніе типы сохранились до настоящаго времени, но слѣдуетъ удержаться отъ вывода, будто бы въ позднѣйшемъ періодѣ не присоединились къ нимъ другіе, новые типы, которые образовались подъ вліяніемъ факторовъ помимо скрещиванія, какъ напр. вліянія климатическихъ условій, пищи и т. п. Наконецъ, еслибы даже и была доказана безотносительно значенію устойчивости черепныхъ признаковъ согласно съ высказаннымъ положеніемъ Кольмана, то выводить отсюда такую-же устойчивость окраски глазъ, кожи, волосъ — неосторожно. Въ то время, какъ Вирховъ напр. сближаетъ черепа фризцовъ съ неандертальскимъ, другой ученый сопоставляетъ ихъ съ австралійскими! Мягкія части организма, по всей вѣроятности, подверглись измѣненіямъ, несмотря на то, что скелетъ не измѣнился.

Вообще, на ряду съ вышеуказаннымъ мнѣніемъ современной антропологии о неизмѣняемости расовыхъ типовъ съ начала четвертичной эпохи, мы должны отмѣтить и другое ея стремленіе, именно, желаніе ослабить значеніе климатическихъ вліяній въ области расовой дифференціаціи человѣчества. Существовало когда-то убѣжденіе, что негръ имѣетъ черную окраску благодаря своему пребыванію въ жаркомъ климатѣ, блондинъ же свѣтлую благодаря своему пребыванію въ холодномъ климатѣ и т. д.; не подлежитъ сомнѣнію, что такія условія, какъ климатъ, вліяютъ на организмъ и, спустя нѣкоторое время, путемъ естественнаго подбора устраняютъ одні и вызываютъ къ жизни другія органическія формы. Европейскіе бараны въ жаркихъ странахъ центральной Америки, если только ихъ не стригутъ систематически, теряютъ шерсть и приобрѣтаютъ короткій, жесткій, блестящій и щетинистый волосъ. Быки въ тропическихъ мѣстностяхъ Колумбіи лишились бы шерсти, еслибы не измѣняли ихъ организацію путемъ подбора и т. д. То-же, что происходитъ въ настоящее время съ четвероногими млекопитающими, могло случиться и съ человѣческимъ родомъ. Однако, антропология ни разу до сихъ поръ не могла, такъ сказать, захватить врасплохъ природу и быть свидѣтельницею образованія новыхъ человѣческихъ расъ подъ вліяніемъ внѣшнихъ условій и въ то же время она не доказала возможности ихъ образованія въ прошедшемъ. Приведенныя доказательства чрезвычайно шатки. Реклю напр. утверждаетъ, что какъ европеецъ, такъ и негръ

въ Америкѣ претерпѣваютъ рядъ измѣненій, приближающихъ ихъ къ краснокожему типу; что уже во второмъ поколѣннѣ кожа пришельцевъ какъ-будто сохнетъ, железистая система уменьшается, волосы темнѣютъ, шея удлиняется, голова уменьшается, височныя углубленія выдѣляются, глазницы увеличиваются, нижняя челюсть становится массивной, скулы же болѣе выступаютъ. Но это доказательство измѣняемости расъ основывается на черезчуръ ужъ субъективномъ впечатлѣннѣ, при чемъ вліянія скрещиванія съ туземцами, изслѣдованныя еще въ недостаточной мѣрѣ, въ вышеуказанномъ обобщеннѣ не были приняты во вниманіе. Заключение, будто-бы подъ вліяніемъ среды образуется въ Южной Америкѣ изъ пришельцевъ новая краснокожая раса, слишкомъ легкомысленно. Съ другой стороны нельзя относиться серьезно къ мысли, что въ ряду поколѣній дальніе потомки блондина могутъ приобретать темный цвѣтъ лица, потому что онъ «загораетъ» въ жаркомъ поясѣ. Вѣдь этотъ загаръ не наслѣдственный и не продолжается послѣ возвращенія блондина на родину. Самымъ краснорѣчивымъ фактомъ, указывающимъ на то, что существуетъ извѣстная связь между климатическими условіями и человѣческимъ организмомъ, является бесспорно эмоционально-физиологическое приспособленіе человека къ опредѣленному климату, напр. негра къ лихорадочнымъ заболѣваніямъ съ одной стороны, а съ другой трудность, съ какой онъ выживаетъ при иныхъ климатическихъ условіяхъ. Это показываетъ, что приспособленіе, быть можетъ, соединено съ сопутствующими ему гистологическими измѣненіями въ организмѣ, напр. съ накопленіемъ въ клѣткахъ особеннаго красящаго вещества и т. д. Впрочемъ, мы высказываемъ только предположеніе, относящееся по преимуществу къ мягкимъ частямъ тѣла. Вопросъ: является-ли черная окраска кожи у негра, а бѣлая у блондина послѣдствіемъ приспособленія организма къ климату, еще не рѣшена наукой.

Современныя попытки выяснить эту зависимость не выдерживаютъ критики. По крайней мѣрѣ географическое распредѣленіе окраски въ наши дни не зависитъ отъ градуса широты. Въ Америкѣ не замѣчается зависимости черной окраски отъ жаркаго климата; въ Тасманіи черные народы жили въ умѣренномъ поясѣ. О другихъ примѣрахъ такого противорѣчія мы не упоминаемъ. Стоитъ ли послѣ этого говорить о различныхъ формахъ носа, губъ или пропорціонности организма? А между тѣмъ все это вмѣстѣ съ окраской кожи прежде приписывали вліяніямъ климата. Словомъ, если климатическія условія и вліяли на человѣческій организмъ въ смыслѣ расовой дифференціаціи (что, по всей вѣроятности, и было), то сила этого вліянія и его сущность еще не опредѣлены.

Климатическія условія скорѣе всего вліяютъ на мягкія части тѣла.

Съ другой стороны есть и другіе факторы, которые, быть можетъ, измѣняютъ остеологическія формы, напр. черепа. Качество пищи, вызывающее меньшее или большее напряженіе жвачныхъ мускуловъ, съ теченіемъ времени могло повліять на вѣшній видъ черепа. Существуютъ кромѣ того попытки объяснить постоянно наблюдаемую связь между короткоголовостью и пребываніемъ въ горныхъ мѣстностяхъ. Вліянія вышеуказанныхъ факторовъ можно будетъ со временемъ подтвердить, дѣлая наблюденія надъ лицами, живущими въ тѣхъ или другихъ условіяхъ. Но неужели эти причины не могли дѣйствовать въ четвертичную, какъ и въ современную намъ эпоху? Все заставляетъ насъ, несмотря на чрезвычайно сильное стремленіе организма сохранять свои расовыя формы, относиться крайне осторожно къ мысли о неизмѣняемости расовыхъ типовъ, тѣмъ болѣе, что прошлое человечества извѣстно еще очень мало.

Современная антропология выдвигаетъ на первый планъ скрещиваніе, какъ могущественный и непрерывно-вліяющій факторъ расовой дифференціаціи. Даже такой горячій сторонникъ устойчивости типовъ, какъ Кольманъ, признаетъ, что «типы лишь до тѣхъ поръ остаются неизмѣнными, пока не подвергаются скрещиванію, которое одно нарушаетъ ихъ особенности». Въ первыхъ поколѣніяхъ обнаруживается лишь механическое соединеніе признаковъ родителей, обыкновенно проявляющееся рѣзче въ строеннѣ костей, чѣмъ мускуловъ. По прошествіи довольно продолжительнаго времени, если не прекращалось скрещиваніе, особенности первоначальныхъ типовъ постепенно дѣлаются все болѣе однообразными и менѣе механическими. Напримѣръ, колебанія указателя ширины черепа экземпляровъ, найденныхъ въ лозерскихъ долменахъ (представителей кроманьонскаго типа и короткоголоваго), обнимаютъ 20 дѣлений масштаба, между тѣмъ въ позднѣйшихъ черепахъ изъ той же мѣстности, несмотря на то, что оба типа существуютъ, колебанія составляютъ уже 14 дѣлений, т.-е. произошло извѣстное сліяніе.

При благопріятныхъ обстоятельствахъ (напр. отсутствіи новыхъ примѣсей) изъ скрещиванія различныхъ типовъ можетъ образоваться со временемъ какой-нибудь новый однообразный типъ. Появленію новыхъ типовъ путемъ скрещиванія способствуетъ фактъ, что климатическія условія оказываютъ очень сильное вліяніе на организмъ метисовъ. Тутъ мы имѣемъ дѣло какъ будто съ неустановившимся типомъ; побѣда тѣхъ или другихъ особенностей его еще не рѣшена и зависитъ, быть можетъ, отъ мелкихъ и малозначущихъ обстоятельствъ, не говоря уже о такомъ постоянномъ факторѣ, какъ климатъ. Потомокъ малайца и португальца, родившійся въ Батавіи, имѣетъ напр. окраску кожи болѣе темную, чѣмъ его родители. Существуетъ даже мнѣніе, что ме-

тисть, появляющийся на свѣтъ подъ экваторомъ или на высокихъ плоскогоріяхъ, обнаруживаетъ стремленіе къ темному или смуглому цвѣту лица, въ умѣренномъ же поясѣ или лѣсной чащѣ — къ свѣтлому цвѣту лица, и что такимъ образомъ постоянная климатическая причина, заключающаяся въ средѣ, дѣйствуя на неустановившійся организмъ, составляетъ одинъ изъ главнѣйшихъ факторовъ, опредѣляющихъ организацію типа.

Образованіе новыхъ типовъ, какъ послѣдствие скрещиванія, происходитъ болѣе энергично при извѣстныхъ исключительно благоприятныхъ условіяхъ. Если напр. общественная группа была незначительна и внутреннее скрещиваніе въ ней было правиломъ, то всѣ необходимыя условія для появленія среди потомства однообразнаго типа налицо. Въ настоящее время быть дикарей, напр. австралійцевъ, представляетъ въ высшей степени подходящую среду для полученія вышеуказанныхъ послѣдствій. Племя, состоящее изъ 1000 человѣкъ, обитаетъ въ Австраліи на пространствахъ 4—5 губерній Царства Польскаго въ видѣ мелкихъ группъ изъ нѣсколькихъ десятковъ людей. Между отдѣльными племенами господствуетъ ненависть и недоувѣріе и одновременно существуютъ въ племени, какъ пережитокъ, групповые браки. Первобытное человѣчество жило въ большемъ еще обособленіи, при условіи неограниченныхъ половыхъ сношеній, и только похищеніе женщинъ изъ чужихъ группъ вызывало измѣненіе въ типѣ той или другой группы дикарей. Предположимъ, что какое-нибудь естественное бѣдствіе или случай (отдѣленіе части материка, выселеніе на безлюдный островъ) поставили извѣстную смѣшанную группу въ совершенно обособленное положеніе. Въ такомъ случаѣ шансы установленія опредѣленнаго типа были бы очень велики. По истеченіи довольно продолжительнаго времени образовался бы однообразный и новый расовый антропологическій типъ съ особыми эмоціональными свойствами, если, конечно, среда этому благоприятствовала. На материкахъ необходимыя условія для образованія антропологическаго типа встрѣчаются рѣже, чѣмъ на островахъ, но и тутъ могли произойти и навѣрное происходили аналогичныя явленія. Изъ такой-то группы, которая вела обособленную жизнь, скрещивалась внутри себя и становилась все болѣе однообразной вслѣдствіе безпорядочныхъ половыхъ сношеній, создавался постепенно новый расовый антропологическій типъ. Наконецъ, по мѣрѣ того, какъ группа дикарей численно возрастала подъ вліяніемъ благоприятныхъ условій, неизбѣжно слѣдовало распространеніе расы и столкновеніе ея съ другими группами. Повсюду на земномъ шарѣ среди современныхъ народовъ существуютъ особи, по типу своему отличныя отъ другихъ, а ихъ распредѣленіе свидѣтельствуетъ, что нѣкогда онѣ сплошь засе-

ляли опредѣленное пространство, пока наконецъ не были вытѣснены нашествіемъ чуждыхъ расъ. Словомъ, теперешнее распредѣленіе типовъ является, быть можетъ, только послѣднимъ историческимъ наслоеніемъ. Имѣются даже нѣкоторые указанія, что могучія расовыя группы нашихъ дней, напр. желтокожіе короткоголовые, имѣли очень немногочисленныхъ предковъ и широко распространились не раньше 10,000 лѣтъ тому назадъ. По всей вѣроятности исторія человѣческаго рода представляетъ намъ непрерывное явленіе образованія новыхъ и исчезновенія старыхъ типовъ путемъ скрещиванія. Слѣдовательно установленіе расовыхъ антропологическихъ типовъ на основаніи нынѣ существующихъ раскрыло бы намъ недалекое прошлое, а болѣе ранніе періоды человѣчества остались бы покрыты мракомъ неизвѣстности, несмотря на устойчивость черепныхъ формъ. Вѣдь сравнительная устойчивость признаковъ ископаемыхъ череповъ не доказываетъ еще устойчивости самыхъ типовъ, насколько дѣло касается вліяній скрещиванія. Предположимъ напр., что темноглазый и темноглазый короткоголовый средней Европы исчезъ, но осталась его помѣсь съ блондиномъ, свѣтлый короткоголовый типъ. Основываясь на устойчивости черепныхъ формъ, въ данномъ случаѣ короткоголоваго, можно было бы принять тожество этихъ двухъ типовъ, что однако было бы совершенно ошибочно.

Словомъ, какъ мы видимъ, скрещиванію отводится значительная роль въ образованіи новыхъ расовыхъ типовъ. Говоря однако о значеніи скрещиванія, мы должны помнить, что оно уже предполагаетъ существованіе расовыхъ различій. Скрещиваніе въ связи съ вліяніемъ климата на организмъ помѣси дифференцируетъ человѣчество, но эта дифференціація была бы невозможной, если бы не существовали уже отдѣльныя расы. Впрочемъ, степень вліянія скрещиванія неодинакова въ различные эпохи человѣческой жизни. Она больше въ періодъ первобытной дикости, когда человѣческій родъ распадался на мелкія и разнообразныя племена. Это былъ періодъ чрезвычайно энергичнаго образованія новыхъ расъ, вытѣсненія и исчезновенія старыхъ. Съ постепеннымъ развитіемъ культуры расовая дифференціація, находящаяся въ зависимости отъ скрещиванія, должна происходить все медленнѣе.

Можно указать еще на одинъ гипотетическій факторъ, способствующій не столько появленію новыхъ расовыхъ типовъ, сколько закрѣпленію уже существующихъ различій, а именно подборъ въ наравленіи «расовой красоты». Этимъ путемъ могутъ появиться даже такіе расовые признаки, какъ короткоголовость. У хинковъ напр. (въ истокахъ Орегона) существуетъ обычай накладывать повязки на черепа младенцевъ. Сплющиваніе черепа «вызываетъ страшныя страданія»; у колумбійскихъ индейцевъ «много дѣтей умираетъ вслѣдствіе этого

обычая». Естественно, что операція тѣмъ безопаснѣе, чѣмъ болѣе форма черепа ребенка соотвѣтствуютъ требуемой. Предположимъ теперь, что въ какой-нибудь длинноголовой группѣ возникъ обычай особеннымъ образомъ накладывать повязки на черепа младенцевъ, благоприятствующій сохраненію короткихъ череповъ. Въ такомъ случаѣ младенцы длинноголовые въ громадномъ числѣ могутъ сдѣлаться жертвой обычая и само племя будетъ уклоняться отъ первоначальнаго типа. Гиппократъ говоритъ объ одномъ племени, жившемъ нѣкогда на побережьяхъ Азовскаго моря и отличавшемся несоразмѣрной длиной черепа, что первоначально оно не было длинноголовымъ, но когда у младенцевъ начали удлинять черепъ, чтобы придать ему «болѣе благородный» видъ, эта форма сдѣлалась господствующей. Фактъ этотъ можетъ быть невѣренъ, но хорошо иллюстрируетъ способъ образованія въ нѣкоторыхъ случаяхъ новыхъ черепныхъ признаковъ. Значеніе этого рода фактовъ было вѣроятно громадно въ особенности тогда, когда отдѣльныя группы жили совершенно разрозненно, не находясь въ общеніи съ другими антропологическими типами. Тогда подборъ стремился прежде всего къ закрѣпленію существовавшихъ уже характерныхъ чертъ. Извѣстно также, что каждая группа считаетъ себя самой красивой, пока не встрѣтится съ другой, болѣе сильной. Тасманійцы смотрѣли на свою черную окраску, какъ на перлъ совершенства, и совѣтовали выходцамъ изъ Европы вымазаться углемъ для того, чтобы скрыть свое безобразіе, т. е. блѣлый цвѣтъ кожи. Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы встрѣтимъ на каждомъ шагу доказательства такого расоваго субъективизма въ области представленій о физической красотѣ. На черепа накладываются повязки, чтобы еще рѣзче выдѣлить расовыя формы; съ тою же цѣлью сплющиваются носы, или же, какъ у австралійцевъ, убиваются тѣ младенцы, которые въ недостаточной степени отражаютъ въ себѣ расовую красоту. Вліяніе этого обычая было болѣе сильнымъ въ первоначальную эпоху, когда дѣтубійство являлось общераспространеннымъ.

Понятно, что невозможно указать, какое именно вліяніе оказалъ этотъ факторъ на расовую дифференціацію, хотя можно предполагать, что извѣстная группа въ періодъ полной своей обособленности становилась все болѣе и болѣе «красивой», т. е. достигала самаго рѣзкаго проявленія своихъ расовыхъ особенностей. Негръ въ своихъ первыхъ встрѣчахъ съ блѣлымъ человѣкомъ смотритъ на него, какъ на что-то низшее, и пользовался прозвищемъ «блѣлый», какъ злою насмѣшкою надъ чѣй-нибудь наружностью, совершенно такъ же, какъ это дѣлаетъ китаецъ относительно кавказскаго носа, волосъ блондина и его бороды. Теперь же, когда черный африканецъ призналъ высшую культурность европейца, пораженный обильнымъ производствомъ водки, бусъ и огнестрѣльнаго оружія, онъ, уже желая польстить, называетъ своего со-

племенника «блѣлымъ» и обижается, когда его самого назовутъ «чернымъ». При такихъ обстоятельствахъ не можетъ быть и рѣчи о закрѣпленіи расовыхъ различій путемъ осмысленнаго подбора¹⁾.

Какое однако значеніе ни приписывать вышеуказаннымъ вліяніямъ въ дѣлѣ дифференціаціи человѣчества на расы, можно все-таки признать, что нѣкоторые различія человѣкъ наследовали отъ своихъ первичныхъ предковъ. Другими словами, эволюція, которая привела къ вертикальному положенію и членораздѣльной рѣчи, происходила независимо и одновременно у многихъ обособленныхъ другъ отъ друга прачеловѣческихъ группъ. Такимъ образомъ, вопросъ: происходитъ-ли человѣчество отъ одного или нѣсколькихъ независимыхъ стволовъ, слѣдуетъ отнести къ тѣмъ отдаленнымъ временамъ. Этотъ вопросъ, извѣстный подъ названіемъ моногенизма и полигенизма, необычайно волновалъ ученыхъ 40 лѣтъ тому назадъ,—быть можетъ потому, что подъ нимъ скрывались общественныя злобы дня. Это было накануне отмѣны рабства въ Соединенныхъ Штатахъ. Тогда придумывались всевозможные аргументы за и противъ насилія плантаторовъ и пользовались полигенизмомъ, какъ теоретическимъ орудіемъ для того, чтобы выяснять «справедливость» и «естественность» того положенія вещей, что негръ трудился въ потѣ лица на празднаго креола. «Блѣлый и черный человѣкъ представляютъ собою двѣ различныя породы, настолько несхожія, какъ сова и орелъ». Имъ отведено различное положеніе въ природѣ. Негръ не можетъ быть «ближнимъ» блѣлаго, совершенно такъ-же, какъ напрасно мы искали бы родства между совою и орломъ, осломъ и лошадыю» (Агассисъ). Борющіяся партіи исходили изъ философо-біологическихъ положеній школы Кювье о неизмѣняемости видовъ и существованіи для каждого изъ нихъ отдѣльнаго центра возникновенія. Итакъ, все дѣло сводилось къ тому, чтобы доказать, насколько различія между расами соотвѣтствуютъ различіямъ видовъ и разновидностей. Теорія естественнаго подбора нанесла смертельный ударъ обоимъ ученіямъ. Доказательства важности расовыхъ различій, убѣдительныя для школы Кювье, имѣли мало значенія для сторонниковъ естественнаго подбора, тѣмъ болѣе, что новая теорія примирила полигенизмъ съ моногенизмомъ. «Люди, говоритъ Уоллэсъ, могли и даже должны были на мой взглядъ составлять одну расу; но это было въ эпоху, которая не оставила послѣ себя никакихъ слѣдовъ и когда человѣкъ не приобрѣлъ еще столь чудеснаго органа, какъ мозгъ, и не выработалъ ни рѣчи, ни симпатій, ни нрав-

¹⁾ Интересна связь между идеаломъ расовой красоты и употребленіемъ косметиковъ. Тасманійцы, которые считаютъ свою окраску самой красивой, пользовались исключительно черной краской, тогда какъ розовый аріецъ употребляетъ румяна и бѣлила.

ственных чувствъ. Если допустить предположеніе, что человѣкъ сталъ человѣкомъ только тогда, когда эти способности достигли болѣе высокаго развитія, то мы должны будемъ защищать первоначальное разнообразіе расъ; если же, напротивъ, мы согласимся, что слѣдуетъ считать человѣкомъ существо, почти сходное съ нами по виду и организации и стоящее лишь немного выше животныхъ по умственнымъ способностямъ, то можно съ успѣхомъ защищать единство человѣческаго рода».

Однако, слѣдуетъ-ли изъ этого, что надо признавать первоначальное расовое единство этихъ пра-людей, какъ того требуютъ нѣкоторые эволюціонные моногенисты, напр. Уоллэсъ? Или, быть можетъ, благоразумнѣе присоединиться къ современнымъ полигенистамъ, которые, —указывая на то, что лошадь стараго материка и доисторическая новаго, хотя и составляютъ одинъ и тотъ-же видъ съ морфологической точки зрѣнія, но имѣютъ тѣмъ не менѣе различныхъ предковъ,—дѣлаютъ то же предположеніе и относительно человѣка? Самымъ краснорѣчивымъ доказательствомъ моногенистовъ является отсутствіе крупныхъ физическихъ различій между младенцами чуждыхъ другъ другу расовыхъ группъ. Извѣстно, что расовыя различія въ первые дни послѣ рожденія гораздо незначительнѣе, чѣмъ впоследствии. «Я имѣлъ возможность присутствовать при нѣсколькихъ родахъ негритянокъ и замѣтилъ, что въ первое время послѣ рожденія внѣшнія особенности ребенка отнюдь не негрскія или во всякомъ случаѣ такъ мало характерны, что ручаться на ихъ основаніи за родословную—почти не возможно. Окраска кожи не черная, а ярко розовая, темный кружокъ можно усмотрѣть только вокругъ пупка; равнымъ образомъ и кожа на *Scrotum* имѣетъ болѣе смуглый видъ, чѣмъ остальная часть тѣла». Чтобы объяснить механизмъ первоначальной расовой дифференціаціи, моногенисты ссылаются на вліянія климатическихъ условій, хотя оно и не выяснено съ требуемой наукою точностью. Между тѣмъ современные защитники множественности человѣческаго рода подтверждаютъ свое мнѣніе одной только аналогіей съ ходомъ развитія другихъ органическихъ существъ, т.-е. говорятъ, что существа, близкія другъ другу въ настоящемъ, могутъ происходить отъ предковъ, совершенно не сходныхъ между собой. При такихъ обстоятельствахъ очень вѣроятно, что моногенисты ближе къ истинѣ, чѣмъ ихъ противники.

Коснувшись расоваго прошлаго рода человѣческаго, мы должны были-бы прибавить еще нѣсколько словъ о тѣхъ вопросахъ, которые обыкновенно интересуютъ публику, какъ напр. о мѣстопребываніи первыхъ людей, внѣшнемъ видѣ нашего прародителя и т. д. Но эти вопросы по моему мнѣнію таковы, что на нихъ можно будетъ отвѣ-

тить только послѣ подробнаго анализа расъ и болѣе глубокаго изученія антропологическихъ процессовъ. Теперь-же ихъ обсужденіе представляется мнѣ только переливаніемъ изъ пустого въ порожнее. Отмѣтимъ еще, что на всѣхъ попыткахъ этого рода чувствуется вліяніе библейскихъ преданій. Вспомнимъ напримѣръ «Лемурию» Гекеля. Укажемъ еще, что въ послѣднее время моногенисты начали отодвигать «прародину» все болѣе на сѣверъ къ полярнымъ странамъ, которыя впрочемъ въ миоценовую эпоху были покрыты роскошной растительностью. Одновременно замѣчается, что изслѣдователи строенія нашего прародителя не безъ удовольствія избираютъ образцы для него среди черныхъ народовъ. Мы отмѣчаемъ это стремленіе только мимоходомъ, какъ характерное для поэтовъ-антропологовъ.

IV.

Однообразіе культурно-общественнаго развитія у отдѣльныхъ группъ человѣческаго рода.—Чѣмъ оно объясняется? —Расовыя вліянія опредѣляютъ не сущность и смѣну общественныхъ установленій, а только быстроту ихъ развитія и богатство духовныхъ проявленій.—„Духъ расы“ представляетъ пережвѣнную величину, зависящую въ своемъ развитіи отъ матеріальной среды и общественнаго строя.

Какъ бы давно ни существовало человѣчество, оно всегда разпадалось на извѣстное число независимыхъ другъ отъ друга группъ, развивавшихся самостоятельно въ культурномъ и общественномъ отношеніи. Въ подтвержденіе этого достаточно сослаться на фактъ, что человѣческая рѣчь создавалась въ нѣсколькихъ пунктахъ. Равнымъ образомъ другія великія культурныя открытія, напр. умѣніе пользоваться огнемъ и лукомъ, сдѣланы во многихъ мѣстахъ земного шара совершенно самостоятельно. Отдѣльныя группы человѣчества, особенно на низшихъ ступеняхъ развитія, безпрестанно преодолеваютъ такія препятствія, которыя уже побѣждены въ другомъ мѣстѣ. Это общепризнанная истина, и сомнѣваюсь, чтобы кто-нибудь пожелалъ теперь возобновить надѣлавшую шуму теорію скандинавскихъ археологовъ, искавшихъ одного первоначальнаго «центра» для каждаго изъ открытій и изобрѣтеній въ области техники. И другія техническія усовершенствованія развивались вполне независимо другъ отъ друга, несмотря на то, что повсюду додумывались до нихъ одинаковымъ образомъ. Напр. гончарное искусство, хотя и появилось самостоятельно у многочисленныхъ народовъ, однако произошло оно вездѣ изъ обмыванія глиной плетеныхъ издѣлій и тыквъ. Словомъ, техническо-культурная эволюція всегда шла по одному и тому-же на-

правленію, несмотря на разнообразіе руслъ, по которымъ двигалось развитие. Подобное же однообразіе представляетъ и эволюція общественнаго строя и духовныхъ проявленій. Остановимся-ли мы на возникновеніи религиозныхъ вѣрованій или на исторіи семьи, собственности, правительства,—повсюду, у различныхъ и независимо другъ отъ друга прогрессирующихъ группъ человѣческаго рода, мы увидимъ одну и ту-же послѣдовательность въ развитіи. Она доходитъ даже до того, что неосмотрительность и легкомысліе, гостепріимство и великодушіе, эгоизмъ и себялюбіе всегда появляются въ связи съ одними и тѣми же общественными установленіями. По этой причинѣ многіе антропологи высказываютъ мысль, что хотя жизнь человѣчества и представляетъ въ настоящее время различные культурно-общественные фазисы, но что мы тутъ имѣемъ дѣло съ различіемъ только количественнымъ, а не качественнымъ. Нѣкоторые высказываютъ ту-же мысль другими словами, именно, что «современныя организациі дикарей представляютъ собою прошлое цивилизованныхъ народовъ». «Рядъ умершихъ поколѣній, говоритъ Летурно, выходитъ, изъ могилъ. Чтобы воскресить ихъ жизнь, не требуется особенной фантазіи. Мы имѣемъ ихъ передъ собой и можемъ изучать по желанію. Возсозданіе прошлаго обращается въ описаніе настоящаго. Благодаря этому, мы можемъ создать эмбриологію всѣхъ нашихъ общественныхъ установленій. Самое отдаленное прошлое все еще живетъ».

Конечно, все это не доказываетъ, чтобы однообразіе было тождествомъ; видно только, что общественная эволюція повсюду подчинялась одинаковымъ законамъ. Можно наглядно иллюстрировать это примѣромъ изъ исторіи языка. Мы знаемъ уже, что языки агглютинирующіе произошли отъ односложныхъ. Послѣдніе еще не имѣютъ частей рѣчи въ нашемъ значеніи этого слова; существуютъ только корни, выражающіе неопредѣленные понятія и соотвѣтственно мѣсту ихъ въ предложении получающіе болѣе точное значеніе: предмета, свойства, дѣйствія, того или другого падежа и т. д. Такимъ образомъ, каждое опредѣленное понятіе выражается суммою нѣсколькихъ корней, напр. *y-sang* (палкой) представляетъ соединеніе корня, означающаго употребленіе чего-нибудь, съ другимъ, соотвѣтствующимъ понятію палки; *vô-li* (въ домѣ) соотвѣтствуетъ соединенію идеи дома и положенія внутри чего-нибудь. Всякая фраза въ китайскомъ языкѣ передается въ видѣ суммы самостоятельныхъ корней, изъ которыхъ каждый занимаетъ точно обозначенное мѣсто. Агглютинація играетъ здѣсь первостепенную роль; разсматривая ее съ эволюціонной точки зрѣнія, мы должны признать ее частью грамматики, болѣе ранней, чѣмъ этимологія. Со временемъ въ нѣкоторыхъ односложныхъ языкахъ опредѣляющіе корни, т.-е. *y*, *li*, теряютъ идейное значеніе и измѣняются

въ частицу, приставляемую уже къ другому идейному корню для обозначенія времени, залога, рода. Тогда извѣстная опредѣленная идея передается въ видѣ кор. + суф., кор. + суф. + флекс..., т.-е. состоитъ изъ неопредѣленнаго идейнаго корня и постоянной частицы. Для наглядности агглютинаціи мы остановимся на воляпюкѣ д-ра Эсперанто. Корень *arb* означаетъ у него дерево или, говоря точнѣе, дѣю дерева. Поэтому собраніе деревьевъ, т.-е. лѣсъ, обозначается черезъ прибавку частицы *ar*; приставка же частицы *aj* къ *arb* указываетъ на то, что предметъ, при которомъ стоитъ *arb-aj*, сдѣланъ изъ дерева, и т. д. Равнымъ образомъ, прибавляя ту же частицу къ *sabl*, мы получимъ слой песка, что-нибудь состоящее изъ песка и т. д. Воляпюкисть осмысленно разрабатываетъ языкъ. Онъ выдѣляетъ всегда корни изъ частичекъ; множественное число, напр., для него не что иное, какъ извѣстный корень, за которымъ слѣдуетъ опредѣленная частичка. Строеіе воляпюка: кор. + суф.; кор. + суф. + флекс., дословно повторяется въ туранскихъ языкахъ, готентотскомъ и др., напр. *baba-m* мой отецъ, *sove-di-m* я любилъ. Такого рода агглютинирующіе языки образовались изъ односложныхъ, въ которыхъ опредѣляющій корень ставили послѣ опредѣляемаго. Существовали однако еще другіе односложные языки, въ которыхъ корень опредѣляющій ставился передъ опредѣляемымъ; изъ этихъ послѣднихъ образовались агглютинирующіе языки типа суф. + корень, какъ у кафровъ (*mo-ntu* человѣкъ, *ba-ntu* люди). Сверхъ того должны были существовать односложные языки, употреблявшіе и то и другое соединеніе корней и частицъ, и они-то дали начало агглютинирующимъ языкамъ, соединяющимъ въ себѣ одновременно типы суф. + кор. и кор. + суф. Во всѣхъ вышеприведенныхъ случаяхъ законъ развитія, управляющій переходомъ отъ односложности къ агглютинаціи, одинъ и тотъ же. Можно его формулировать слѣдующимъ образомъ: агглютинація образуется изъ односложности путемъ измѣненія опредѣляющихъ корней въ сокращенныя частицы, употребляемыя, какъ приставки, для обозначенія рода, числа, залога и т. д. Однако способы осуществленія этого закона различны у каждаго народа. Мало того, въ то время, какъ извѣстные односложные языки перешли въ агглютинирующіе, другіе остались на своей первоначальной ступени развитія. Съ другой стороны нѣкоторые агглютинирующіе языки, напр. древне-арійскій, сдѣлали еще одинъ шагъ впередъ. Представимъ себѣ, что частица сама подвергается измѣненіямъ и при этомъ такъ соединяется съ корнемъ, что говорящій не подозрѣваетъ въ этомъ соединеніи отдѣльныхъ частей и видитъ лишь гармоническое цѣлое. Въ такомъ случаѣ мы получаемъ флектирующіе языки. Но и они могутъ быть различнаго строеія, какъ видно изъ сравненія семитической рѣчи съ арійской.

Подобное же явление наблюдается в области техники и общественных установлений. В настоящее время напр. человечество представляет самую разнообразную культурно-общественную условия, из которых каждое является продуктом долгой и самостоятельной предварительной эволюции. По мнению современной социологии все эти стадии общественного развития представляют как бы воплощение то более низких, то более высоких ступеней одного и того же обще-обязательного процесса развития—не тождественного, но основанного на одних и тех же принципах. Строй, при котором отдельная личность занимает место в обществе смотря по степени своего родства, свойственны диким и варварским народам. Однако отсюда еще не следует, что такой строй проявляется везде в одних и тех же формах. На известной ступени развития он всегда переходит в территориальный, хотя организация римской империи с ее рабством, феодального государства с крепостничеством или китайского с мандаринством являются очень отличными друг от друга воплощениями территориального принципа. Задача социологии состоит в определении пути, каким шло развитие, переходя от одного звена к другому, а также в объяснении причин, которые двигали одни группы человечества по пути прогресса, вызвали ту или другую форму общественного строя и наконец задерживали целые племена в состоянии первобытной косности. Наталкиваясь в своих исследованиях на однообразие законов развития у независимых друг от друга групп человеческого рода, социологи охотно примкнули к моногенизму. «Благодаря общности происхождения, читаем мы у Моргана, приобретения человеческого опыта (т.-е. технические знания и общественные установления) действительно одни и те же во все эпохи и на всем протяжении одного и того же этнологического состояния. Сознательная деятельность была одинакова во все фазисы человеческого прогресса. Лучшего доказательства расового единства невозможно и требовать». Морган, однако зашел слишком далеко. Объяснение однообразия человеческого развития общностью происхождения ничего не стоит, подобно тому как утверждение, что опиум опьяняет, потому что имать опьяняющие свойства, — тем более, что прежнее единство человеческого рода не устраняет еще позднейшего разнообразия рас. Напротив, наука требует разрешения этого сложного вопроса во всем его объеме, а именно: почему, исходя из мысли, что человечество уже с самых ранних эпох своего существования вероятно распадалось на отдельные независимые друг от друга группы и история их отличалась самыми разнообразными духовными проявлениями, мы видим, во-первых, что культурно-общественное развитие происходит везде в одном направлении, и во-вторых, что

одни группы достигли высших ступеней культурного прогресса в то время, как другие остались на низших.

Чтобы разрешить поставленный вопрос, надо остановиться на быт дикарей, так как он, представляя собой менее сложные отношения, легче доступен анализу. Прежде всего мы займемся объяснением однообразия технической эволюции на примере добывания огня; проследим все стадии последнего, начиная с сохранения раскаленных углей вплоть до искусственного выискания огня из кремня или трения кусков дерева один о другой, и рассмотрим, каким образом человеческий род совершенствовал технику в этой области.

О сознательном открытии тут не может быть речи. Следует предположить, что первоначально наши предки случайно познакомились с полезным действием огня, и только впоследствии, поняв зависимость этих ценных и благотворных свойств от горения, начали отыскивать способы вызывать его по произволу. Огонь должен был поэтому существовать предварительно в каком-нибудь естественном виде: пожара от молнии, потоков лавы. Но эти грозные явления скорее пугают, чем привлекают человека. Могло однако случиться, что наш предок, скитаясь по еще свежему и неостывшему пепелищу, вызванному ударом молнии, воспринимал приятное ощущение теплоты или познакомился с огнем другим каким-либо образом и затем уже сам постепенно уяснял себе причинную связь между горением и его последствиями. В конце концов он пришел к мысли поддерживать постоянно естественный пожар в незначительных размерах. Очаг, постоянно поддерживаемый, явился первой стадией техники в области пользования огнем. Если огонь случайно потухал, то человек оставался без огня до тех пор, пока опять не находил его где-нибудь в естественном виде. Постоянное обращение с огнем с течением времени доставило человеку массу указаний относительно природы огня и его свойств. Оказалось, что незначительная часть раскаленных углей, сохраненная известным образом, вполне достаточно для восстановления пламени. Человек мог уже теперь облегчить себе труд, и вместо того, чтобы постоянно поддерживать огонь, начал сохранять только раскаленные угли, которые он, в случае надобности, раздувал. Отесывая кремневые орудия, он заметил искры, знакомые ему уже по ежедневному опыту у очага; а распиливая дерево, увидев, что при известных условиях ветвь может загореться. Все это привело его к искусственному выисканию огня.

Присматриваясь к вышеуказанному процессу, мы видим, что человек подчинился указаниям природы. Она уяснила ему благотворное влияние огня и приохотила его поддерживать в маленьких

размѣрахъ естественный пожаръ или сохранять раскаленные угли, когда онъ научился разводить очагъ. Подобнымъ же образомъ можно было бы уяснить себѣ созданіе каждаго отдѣльнаго звена въ цѣпи техническихъ пріобрѣтеній первобытнаго человѣчества. Знаніе всегда являлось, такъ сказать, само къ первобытному человѣку, оставаясь однако въ причинной связи съ предварительно пріобрѣтеннымъ техническимъ опытомъ. Человѣкъ только воспроизводилъ выгодныя для себя явленія природы или подражалъ имъ.

Вліяніе ея распространялось на представителей всѣхъ расъ. Одни и тѣ же указанія приходились на долю каждой человѣческой группы при одномъ и томъ же техническомъ развитіи, совершенно независимо отъ формъ носа, окраски кожи или волосъ. Однообразіе технического прогресса у самыхъ разнообразныхъ группъ дикарей понятно даже тогда, когда мы имѣемъ дѣло съ различно одаренными типами, за исключеніемъ развѣ идіотовъ. Въдѣ среда повсюду дѣлала первобытному человѣку болѣе или менѣе однообразныя указанія, а пріобрѣтенный техническій навыкъ открывалъ почти одинаковые горизонты дальнѣйшему прогрессу.

Гораздо труднѣе въ нѣсколькихъ словахъ объяснить однообразіе чисто общественнаго прогресса. Тутъ можно указать развѣ только направленіе, въ какомъ онъ разрѣшался. Легко понять, что однообразіе соціального прогресса вытекаетъ изъ однообразія матеріальной среды, обуславливающей всякую общественную эволюцію. Липпертъ въ своемъ сочиненіи о культурномъ развитіи человѣчества останавливается на общественныхъ послѣдствіяхъ открытія огня: необходимость непрерывно поддерживать огонь вызвала первое общественное раздѣленіе труда между полами, приковавъ женщину, благодаря ея физиологическимъ свойствамъ, къ очагу и возложивъ на мужчину всѣ заботы по отысканію пищи; затѣмъ умѣніе варить пищу дало возможность дѣлать запасы, что привело къ сокращенію дѣтубійства; наконецъ, подъ вліяніемъ того же фактора, слѣдовало сближеніе между враждебными племенами первобытнаго человѣчества. Прослѣдимъ вліяніе огня въ области общественнаго прогресса, хотя-бы на отношеніяхъ племени къ старикамъ. Зрѣлый человѣкъ, знакомый съ окрестностями и богатый долготѣннымъ жизненнымъ опытомъ, пользовался особеннымъ почетомъ въ первобытномъ обществѣ. Онъ зналъ, когда и гдѣ созрѣваютъ плоды, какъ ловить рыбу, охотиться на звѣря и т. д., и, благодаря своему знанію, былъ главнымъ общественнымъ звеномъ, вокругъ котораго собиралась молодежь. Но съ наступленіемъ старости, когда мускулы и память отказывались ему служить, онъ становился бесполезнымъ. Тогда ослабѣвшаго старика бросали на произволъ судьбы. Но съ введеніемъ огня

измѣняются условія его жизни. Старикъ находитъ убѣжище у очага: онъ помогаетъ женщинѣ поддерживать огонь. Впрочемъ, связь между матеріальными условіями общества и его установленіями лучше всего выясняется слѣдующимъ примѣромъ. Краснокожіе не испытывали никакого затрудненія въ томъ, чтобы выяснитъ, кто убилъ во время общихъ охотъ бизона, до тѣхъ поръ, пока въ употребленіи были лукъ и стрѣлы. Тогда по отношенію къ добычѣ у нихъ существовала индивидуальная собственность. Когда же случалось, что въ бизона попадали нѣсколько стрѣлъ, то взаимное ихъ положеніе рѣшало спорный вопросъ о принадлежности. Но послѣ введенія европейцами огнестрѣльнаго оружія, стало уже почти невозможнымъ различать, кому принадлежалъ въ отдѣльности каждый убитый бизонъ. И въ самомъ дѣлѣ, вѣдѣ всѣ пули одинаковы. Вотъ тогда то всю добычу стали считать коллективной собственностью и ее соответственно и дѣлили. На этомъ примѣрѣ мы наглядно видимъ переходъ отъ одной формы собственности къ другой подъ вліяніемъ техническихъ факторовъ и независимо отъ расовыхъ свойствъ. Еще болѣе яркій примѣръ такого воздѣйствія матеріальной среды на общественныя установленія можетъ дать разъясненіе вопроса, какъ въ зависимости отъ усовершенствованія оружія измѣнилась общественная организація армій и стратегія. Можно прослѣдить воздѣйствіе и другихъ факторовъ матеріальной среды на общество. Будемъ-ли мы имѣть въ виду опытъ стариковъ, поддержаніе огня, возникновеніе земледѣлія, появленіе новыхъ средствъ борьбы или производства, мы всегда увидимъ, что все это становится исходной точкой соответственныхъ измѣненій въ общественныхъ отношеніяхъ. Съ другой стороны, такъ какъ вышеупомянутыя явленія не имѣютъ ничего общаго съ расовыми свойствами, то они и вызываютъ на всемъ земномъ шарѣ одинаковыя послѣдствія: опытъ стариковъ вездѣ имѣетъ цѣну; вездѣ огонь вызываетъ прикрѣпленіе женщины къ домашнему очагу, раздѣленіе труда между полами и господство женщины въ «домѣ», пока центръ экономической тяжести лежитъ въ домашнемъ хозяйствѣ; вездѣ пастушескій образъ жизни, будучи достояніемъ мужчины, вызываетъ его гегемонію. Равнымъ образомъ, общество основывается на кровномъ родствѣ до тѣхъ поръ, пока матеріальное богатство не переходитъ за извѣстныя предѣлы, человѣкъ не прикрѣпляется къ землѣ, или-же условія производства не объединяютъ данную территорію въ одно общественное цѣлое. Слѣдовательно однообразіе общественнаго прогресса находится въ связи съ однообразіемъ матеріально-технической эволюціи и матеріальныхъ условій общественнаго быта. Это положеніе, хотя и не доказанное пока, а только отмѣченное нами, объясняетъ, почему формы и сущность общественныхъ установленій, равно

как и порядок смѣны однихъ установленийъ другими, вездѣ одинаковы и нисколько не находятся въ зависимости отъ расовыхъ особенностей.

Выяснивъ это, намъ надо еще нѣсколько подробнѣе остановиться на расовыхъ или, вѣрнѣе, антропологическихъ факторахъ общественнаго развитія и опредѣлить ихъ вліяніе. Но этимъ вопросомъ мы основательно займемся въ третьей части нашей книги. Пока же ограничимся общими замѣчаніями и разрѣшеніемъ вопроса, отчего однѣ группы достигли высшихъ ступеней культурно-общественнаго прогресса, въ то время какъ другія остались на низшихъ.

Для этого мы вернемся къ прежнему примѣру: эволюціи техники огня. Она независима отъ всякаго рода антропологическихъ факторовъ. Являлся-ли человѣкъ страстнымъ или спокойнымъ, активнымъ или пассивнымъ, блѣдымъ или чернымъ, коротко или длинно-головымъ, всегда его постепенное ознакомленіе съ дѣйствіемъ огня было одно и то же, вслѣдствіе одинаковаго воздѣйствія внѣшнихъ вліяній. Человѣкъ въ этомъ случаѣ подчинялся внѣшнимъ условіямъ природы. Въ вышеприведенномъ примѣрѣ антропологическіе факторы, а слѣдовательно и раса, проявлялись только въ большихъ или меньшихъ способностяхъ известной группы понять эти объективные процессы и обуславливали скорѣйшее или, напротивъ, болѣе медленное осуществленіе ихъ въ жизни; такимъ образомъ эти факторы вліяютъ только на быстроту соответственнаго прогресса. Быть можетъ, существовали группы, которыя не дошли до пользованія огнемъ и, благодаря незначительной впечатлительности своего ума и неумѣнью пользоваться указаніями природы, исчезли съ лица земли; другія опять, отличаясь необходимыми умственными способностями, были лишены всякой предпримчивости и оказались черезчуръ трусливыми, чтобы вступить на путь искусственнаго сохраненія естественныхъ пожаровъ; наконецъ, третьи постигли искусство добыванія огня, но, не будучи въ состояніи преодолѣть своей эмоціональной природы и влеченія къ бродяжничеству, оказались неспособными воспользоваться открытіемъ и непрерывно поддерживать огонь. Природа негритосовъ или бушменовъ показываетъ, что известные антропологическія духовныя свойства являются тормозомъ для проявленія болѣе высокихъ формъ техники и вытекающихъ изъ нихъ болѣе сложныхъ общественныхъ отношеній. Дикари-охотники въ эмоціональномъ отношеніи не способны къ осѣдлому или, лучше сказать, къ регулярному образу жизни. Они скорѣе всѣхъ перемрутъ, чѣмъ свыкнутся съ осѣдлой культурой, къ которой не чувствуютъ ни малѣйшаго влеченія. Слѣдовательно, расовыя свойства преграждаютъ имъ путь къ культурно-техническому прогрессу: землѣдѣлію и связанной съ нимъ общественной эволюціи. Напрашивается и другой примѣръ.

Дикое состояніе человѣчества вплоть до средней ступени варварства проходитъ въ такъ называемомъ «арханческомъ» коммунизмѣ. Этотъ коммунизмъ является результатомъ первобытнаго образа жизни, требующаго тѣсной солидарности между членами незначительной группы людей и поддерживаемаго несмотря на свойства тогдашнихъ орудій труда. Въ то время, напримѣръ, какъ капиталистическое производство съ его раздѣленіемъ труда является необходимымъ слѣдствіемъ современной техники, первобытныя орудія требовали только руки одного человѣка и единичныхъ усилій. Такимъ образомъ, какъ только исчезаютъ внѣшнія условія, которыя вынуждали людей къ общей жизни, начинается разложеніе первобытнаго строя. У мирныхъ племенъ съ общественными инстинктами, каковы гвараны и перуанцы, появленіе индивидуальной поземельной собственности произойдетъ медленно, такъ какъ найдетъ противовѣсъ въ существованіи общественныхъ влеченій. Напротивъ, у племенъ самолюбивыхъ и сварливыхъ оно состоится гораздо быстрѣе.

Во всѣхъ вышеуказанныхъ случаяхъ антропологическіе факторы не могутъ объяснить сущности общественной эволюціи, но они вполне объясняютъ, почему развитіе шло скорѣе у однихъ группъ, медленнѣе у другихъ, иногда же совершенно приостанавливалось. Антропологическія духовныя особенности оказываютъ еще и другого рода вліяніе. Эстетическая впечатлительность жителей Австраліи такъ велика, что они украшаютъ лодки и дома рѣзбой, всовываютъ въ носъ душистые цвѣты, тѣло намазываютъ благовонными веществами. Ничего подобнаго мы не встрѣчаемъ у малайцевъ или калмыковъ. Китайцы отличаются скуднымъ воображеніемъ, узкимъ утилитаризмомъ и отсутствіемъ склонности къ философствованію. Несмотря на свой техническій прогрессъ, въ искусствѣ и философіи они не создали ничего такого, что хоть бы въ слабой степени напоминало древнюю Элладу, стоящую однако въ teknikѣ очень низко въ сравненіи съ Поднебесною имперією. Причину этого различія слѣдуетъ прежде всего искать въ расово-антропологической природѣ народа. Вотъ она-то и кладетъ известныя духовныя отпечатки на общественную эволюцію, дѣлаетъ одни племена болѣе воинственными, предпримчивыми или художественными, другія — мирными, узко-утилитарными, трусливыми. Однако всѣ эти перечисленныя группы, столь различныя въ психическомъ отношеніи, оказавшись въ положеніи американскихъ краснокожихъ, которые вынуждены были бросить лукъ и перейти къ огнестрѣльному оружію, не могли бы избѣгнуть однородной эволюціи въ дѣлѣ добычи.

Словомъ, антропологическія свойства, вліяя на быстроту общественной эволюціи, на большее богатство духовно-эстетическихъ проявленій и на разнообразіе судьбы исторической жизни, объясняютъ

намъ, почему извѣстныя группы сыграли ту или иную историческую роль, и почему представители извѣстной расы исполняютъ тѣ или другія функціи въ данномъ обществѣ, но они нисколько еще не опредѣляютъ сущности и порядка смѣны общественныхъ установлений. Антропологическіе факторы даютъ только указанія, почему, на примѣръ, негритянская культура столь бѣдна художественными проявленіями и громкими событіями, полинезійская же такъ богато надѣлена ими, но общественное устройство обѣихъ этихъ группъ возникло подъ вліяніемъ иныхъ факторовъ. Кромѣ того антропологическое изслѣдованіе можетъ освѣтить столь важный вопросъ, какъ на примѣръ, почему нѣкоторые племена остались на очень низкой ступени развитія, другія же сдѣлали изумительные успѣхи. Было бы однако ошибочно полагать, что современные дикія расы потому именно дикі, что отличались своею тупостью, цивилизованныя же потому достигли высокой степени развитія, что обладали необыкновенными духовными способностями. Слѣдуетъ помнить, что народы, находящіеся на низшей ступени развитія, живутъ въ наименѣе благоприятныхъ странахъ земного шара, гдѣ нѣтъ ни животныхъ, способныхъ къ прирученію, ни хлѣбныхъ злаковъ. Въ другихъ же мѣстностяхъ земного шара изобиліе пищи и легкость заработка сдѣлали излишней всякую заботу о пропитаніи и лишили человѣка предприимчивости или, вѣрнѣе, не выработали ея въ немъ. Щедрая природа доставляла вдоволь всего безъ усилій со стороны человѣка. «Часто можно услышать въ испанскихъ колоніяхъ, что жители *Tierra Caliente* до тѣхъ поръ не выйдутъ изъ состоянія апатіи, въ которой находятся цѣлое столѣтіе, пока королевскимъ распоряженіемъ не будутъ уничтожены принадлежащія имъ плантаціи банановъ» (Гумбольдтъ). На примѣръ негровъ можно доказать, что ихъ незначительная стойкость и отсутствіе выдержки являются прямымъ слѣдствіемъ климатическихъ условій. Жаркій климатъ сдѣлалъ одежду излишнею, прочно построенное жилище, качество и т. п. также оказались ненужными, и человѣческій умъ сразу лишился нѣсколькихъ стимуловъ для своего изощренія.

Итакъ, теоретически можно утверждать, что низшія умственные способности, или особенныя эмоціональныя способности, или особенныя эмоціональныя влеченія тормозятъ культурно-общественное развитіе, но не слѣдуетъ ссылаться на нихъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ при объясненіи низкой культуры, такъ какъ она могла быть результатомъ климатическихъ условій, данной фауны и флоры и т. д.

Духовныя свойства данного племени, или, какъ иногда говорятъ, «духъ расы», не составляютъ постоянной величины, но измѣняются, во-первыхъ, въ зависимости отъ климатическихъ условій, такъ что нѣкоторые племена образуютъ вмѣстѣ съ окружающей ихъ

средой какъ бы одинъ антропологическо-географическій организмъ (полинезійцы, эскимосы и т. д.), во-вторыхъ, отъ общественныхъ условій, въ которыхъ данная группа живетъ. Этотъ вопросъ расово-психической мезологіи мы выдвинемъ въ дальнѣйшемъ нашемъ изложеніи. Пока достаточно указать, что духъ расы, будучи измѣнчивой величиной, тоже имѣетъ свойственную ему исторію развитія, которой наука впрочемъ еще мало занималась. Она развѣ только выяснила, что при территоріальномъ строѣ духъ расы дифференцируется «въ духъ общественныхъ классовъ». Духъ расы, будучи результатомъ опредѣленнаго сплетенія матеріальныхъ условій, обыкновенно идетъ въ разрѣзъ съ дальнѣйшимъ развитіемъ этихъ условій. Вотъ примѣръ изъ исторіи XVII—XVIII столѣтій. Тогда господствовало натуральное хозяйство, опиравшееся на крѣпостническій трудъ. Всякихъ жизненныхъ припасовъ у помѣщиковъ было много, а продать ихъ некому. Безуміе было бы хранить эти запасы. Гостеприимство въ этомъ случаѣ явилось классовой необходимостью, т.-е. самымъ подходящимъ разрѣшеніемъ жгучаго экономическаго вопроса, что дѣлать съ излишкомъ припасовъ, накопленныхъ въ господскихъ амбарахъ. Въ такой-то матеріальной средѣ возникъ и образовался характеръ польскаго шляхтича. Однако матеріальныя отношенія измѣняются, по мѣрѣ того какъ торговля захватываетъ и помѣщичью усадьбу. Переломъ, произведенный освобожденіемъ крѣпостныхъ, оборвалъ нить постепеннаго развитія и внезапно поставилъ шляхтича въ особые условія. Его прежнія достоинства (щедрость) становятся теперь только препятствіями для приспособленія къ новымъ условіямъ. Если-бы въ обществѣ не было соотвѣтственныхъ личностей, то на многіе годы прекратилось бы всякое земледѣльческое хозяйство. Вообще, когда эволюція матеріальныхъ условій проявляетъ стремленіе къ дальнѣйшему развитію, расовый или классовый духъ постоянно опаздываетъ, отражая въ инстинктахъ, наклонностяхъ и предразсудкахъ человѣка, какъ въ зеркалѣ, прежнія условія его быта. Постепенно однако психическія свойства человѣка приспособляются къ новымъ условіямъ и затѣмъ опять являются тормозомъ для дальнѣйшаго его развитія. Такъ по крайней мѣрѣ бываетъ въ большинствѣ случаевъ.

Ч А С Т Ь II.

I.

Этнографія и этнологія. — Цѣнность этнографическаго матеріала. — За-
слуги американскихъ ученыхъ. — Попытки установить причинную связь
между этнографическими фактами; классификаціи Спенсера и Моргана.

Населеніе земного шара (достигающее, по всей вѣроятности, циф-
ры 1,400 — 1,600 милл. чел.) распадается на множество независи-
мыхъ другъ отъ друга общественныхъ группъ. Каждая изъ нихъ пред-
ставляетъ обособленное цѣлое съ особымъ языкомъ или нарѣчіемъ,
вѣрованіями и обычаями. Эти группы *этническія*, какъ ихъ принято
называть въ наукѣ, различны по своей численности, насчитываютъ
отъ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ до нѣсколькихъ десятковъ милліо-
новъ. Нѣкоторыя группы, несмотря на враждебное отношеніе другъ
къ другу, близки между собою по языку и представляютъ бо-
лѣ обширныя соединенія — лингвистическія семьи, то-есть груп-
пы, языкъ которыхъ имѣетъ общее происхожденіе. Помимо этой
связи по языку, многія группы отличаются общностью психиче-
скихъ чертъ, вслѣдствіе одинаковыхъ географическихъ условий, или же
сходствомъ физическихъ чертъ, вслѣдствіе расово-антропологическаго
ихъ состава. Впрочемъ слѣдуетъ помнить, что ни одна изъ существу-
ющихъ группъ не состоитъ изъ представителей одного какого-нибудь
расоваго типа. Слѣдовательно, расовое сходство нѣсколькихъ племенъ
объясняется тѣмъ, что во всѣхъ этихъ племенахъ одни и тѣ же типы
встрѣчаются, приблизительно, въ одинаковой пропорціи.

Изслѣдуя отдѣльную какую-нибудь общественную группу, можно
ограничиться описаніемъ обычаевъ и идей, установленій, техническихъ
пріемовъ, характера, словомъ, — внѣшнихъ чертъ. Такого рода описа-
ніе называютъ *этнографическимъ*. Съ другой стороны можно обра-
тить вниманіе на расовый составъ данной общественной группы и
попытаться опредѣлить ея «духъ». Такія изслѣдованія будутъ *этно-*

логическими. Аналогично географія занимается описаніемъ поверх-
ности страны: ея низменностей, горныхъ кряжей; изучаетъ распре-
дѣленіе водъ и т. п.; геологія же изслѣдуетъ, изъ какихъ пластовъ
состоитъ рассматриваемое пространство и какъ возникъ рельефъ страны.
Наконецъ *антропо-географическія* изслѣдованія ставятъ себѣ зада-
чей выяснить, до какой степени культура и «племенной духъ» яв-
ляются отраженіемъ окружающей климатическо-географической среды.
Вышеуказанныя области знанія разработаны не въ одинаковой мѣрѣ.
Антропо-географія до сихъ поръ представляетъ наборъ общихъ мѣстъ.
Этнологія же — не что иное какъ слово безъ содержанія; она является
чѣмъ-то вродѣ сосуда, который ждетъ содержимаго. Съ другой
стороны этнографія располагаетъ богатымъ сырымъ матеріаломъ. И
не удивительно. Изслѣдованіе расоваго состава или анализъ вліяній
среды требуетъ систематическихъ изысканій и соответственной науч-
ной подготовки, тогда какъ описать какой-нибудь обрядъ или орудіе —
дѣло очень простое. Всякій путешественникъ доставляетъ множество
такого рода свѣдѣній. Итакъ, матеріала собрано много, но уже одно
его происхожденіе заставляетъ относиться къ нему съ недовѣріемъ.
Сверхъ того, вслѣдствіе несистематичности изслѣдованій и отрывоч-
ности наблюденій, этнографія представляетъ невообразимый хаосъ.
До послѣдняго времени она являлась своего рода выгребной ямой,
въ которую сваливали все, съ чѣмъ не знали что дѣлать. «Этнографія,
говорятъ ея жрецы: можетъ быть соціологіей; по временамъ она
бываетъ антропологіей, иногда политикой, то опять географіей и
истріозофіей, всегда же лингвистикой. Мы же обобщаемъ». Поэтому-то
присяжные «этнографы» боролись съ большою запальчивостью про-
тивъ попытокъ ввести какой-нибудь порядокъ въ этотъ хаосъ этно-
графическихъ фактовъ: это отняло-бы у нихъ возможность дѣлать
«обобщенія». Особенно сильное неудовольствіе высказывали они про-
тивъ антропологовъ, когда послѣдніе стали указывать на новый путь
изслѣдованій. Въ этнографіи нашли убѣжище умы, настроенные
консервативно и религіозно; въ антропологіи — умы свободоми-
слящіе. Первая защищала въ свое время единство человѣческаго
рода; вторая предполагала, что человѣчскій родъ возникъ въ
нѣсколькихъ центрахъ. Одни основывали свое мнѣніе на истори-
ческихъ фактахъ, другіе считали эти послѣдніе второстепеннымъ дѣ-
ломъ въ сравненіи съ антропологическими указаніями. На междунаро-
дномъ этнографическомъ конгрессѣ, напр., было рѣшено, что «краніо-
логія не заслуживаетъ довѣрія; она потеряла подъ собой почву, такъ
какъ не желаетъ руководствоваться историческимъ компасомъ»... По-
степенно однако вторженіе людей истинной науки сдѣлало свое дѣло
и въ этой области. Стали искать причинную связь между этнографи-

ческими фактами и обнаруживать взаимодействие различных сфер племенной жизни. Прогресс этнографии отразился даже на этнографических музеях, которые уже летъ 8—10 тому назадъ вступили на совершенно новый путь. Эти музеи, бывшіе нѣкогда собраніями диковинокъ и «рѣдкостей», въ настоящее время представляютъ систематическое распределение этнографическаго матеріала и даютъ отчетливое представление о культурѣ извѣстнаго народа или группы народовъ. Значеніе этихъ научныхъ коллекцій съ каждымъ днемъ увеличивается, потому что дикія и варварскія племена со своей культурой, языкомъ и нравами поразительно быстро исчезаютъ. Черезъ нѣсколько десятиковъ лѣтъ только при посредствѣ такого рода учреждений можно будетъ познакомиться съ бытомъ дикарей. Фонографы окажутся тогда единственными хранителями рѣчи этихъ истребленныхъ племенъ, а музеи — ихъ культуры. Однако эти послѣдніе еще въ значительной степени сохранили духъ стараго времени: въ нихъ преобладаютъ «рѣдкости», а обыденные предметы отсутствуютъ.

Уже самый способъ собиранія этнографическаго матеріала заставляетъ относиться къ нему съ крайнею осторожностью. Въ большинства случаевъ его доставляютъ миссіонеры или обыкновенные путешественники. Тѣ и другіе—случайные наблюдатели безъ соотвѣстной научной подготовки. Возьмемъ такого напр. «туриста», какъ Стэнли, который, не зная языка, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ проходитъ огромныя пространства, населенныя множествомъ самостоятельныхъ народностей. Въ состояніи ли онъ подмѣтить что-нибудь существенное въ общественномъ строѣ или въ религіозныхъ понятіяхъ племени? Вѣрить можно только его описаніямъ внѣшнихъ фактовъ: техники, способа приѣма пищи, обрядовъ привѣтствія, костюмовъ и т. д. Къ этому надо прибавить, что такіе «ислѣдователи» пропитаны европейскимъ субъективизмомъ и соотвѣственно толкуютъ наблюдаемыя явленія. Предположимъ, что по Европѣ совершаютъ путешествіе нѣсколько негровъ или австралійцевъ, не знающихъ нашего языка, и что въ каждомъ новомъ мѣстѣ они останавливаются лишь на 4—5 дней. Они знакомятся только съ внѣшними формами нашей религіи, учреждений и т. д. По возвращеніи на родину они расскажутъ своимъ соотечественникамъ, что у бѣлаго человѣка множество боговъ, идоловъ и фетишей: одинъ изъ нихъ, по имени Антоній, покровительствуетъ частной собственности, другой предохраняетъ отъ пожара, третій даруетъ безболѣзненную смерть. Они даѣе отмѣтятъ нѣсколько богоматерей: лоретскую, ченстоховскую, лурдскую, и много злыхъ боговъ, изъ которыхъ одинъ, люциферъ, столь же могущественъ, какъ и Богъ-отецъ. Они расскажутъ, что мы пользуемся различными фетишами, напр. свѣчами, кусками материн, называемыми

ладанками, противъ бури и смерти; что духовенство совершаетъ какія-то волшебныя дѣйствія; что главному жрецу—папѣ нельзя покинуть дворца, другимъ—ходить пѣшкомъ. Крестные ходы и обряды они назовутъ плясками. «Онъ отплясываетъ свой ялярю» (ялярю—одинъ изъ мѣстныхъ танцевъ), говорятъ австралійцы о священникѣ, служащемъ обѣдню. Совершенно также поступаютъ наши случайные «ислѣдователи», при чемъ надо замѣтить, что первобытный человѣкъ находится иногда въ болѣе выгодномъ положеніи, чѣмъ они. Вѣдь нѣкоторыя его установленія являются зародышемъ нашихъ, а это позволяетъ дикарю заглянуть глубже въ сущность нашихъ обычаевъ, чѣмъ намъ самимъ. Впрочемъ и здѣсь, какъ видно изъ предыдущаго, ложь и правда будутъ перепутаны.

Что же касается до насъ, то мы будемъ вынуждены на каждомъ шагѣ искажать различныя стороны жизни первобытнаго общества. Слабое развитіе нѣкоторыхъ общественныхъ установленій представляется намъ полнѣйшимъ ихъ отсутствіемъ. Благодаря этому, всѣ нецивилизованныя группы безпорядочно свалены въ одну общую выгребную яму «дикости» и «первобытности». Еще и теперь принято выражаться: въ «дикий» Африкѣ! Первобытные народы изображаются лишенными нравственныхъ чувствъ и погруженными въ самый грубый развратъ. вмѣстѣ съ тѣмъ объ одномъ и томъ же народѣ можно встрѣтить въ литературѣ самыя противорѣчивыя свѣдѣнія: то онъ воздержанъ, то обжорливъ, человѣченъ и жестокъ, способенъ и тупъ. Подобныя противорѣчія, мы встрѣчаемъ въ описаніяхъ общественныхъ отношеній и религіозныхъ вѣрованій. Возьмемъ напримѣръ австралійцевъ. Общественный строй австралійцевъ, согласно изслѣдованіямъ Говитта и Файсона, таковъ: представьте себѣ, что общество распадается на двѣ группы—«Варшаву» и «Прагу»¹⁾ и что въ первой группѣ—два класса, варшавяне и варшавянки, признаютъ себя братьями и сестрами и поэтому строго воздерживаются отъ браковъ между собою; что, наконецъ, подобныя же отношенія существуютъ въ группѣ «Прага». Затѣмъ предположите, что каждый житель Праги является по своему рожденію мужемъ каждой варшавянки, варшавянинъ—пражанки, и что дѣти принадлежать къ группѣ матери и включаются, смотря по полу, въ соотвѣтственный классъ. Этотъ общественный строй у нѣкоторыхъ австралійцевъ встрѣчается въ болѣе сложномъ видѣ, но онъ всегда остается вѣрнѣе указанному основному принципу. Между тѣмъ въ подобномъ дѣленіи мужчинъ и женщинъ у племени камилараевъ Ридлей, одинъ изъ наиболѣе внимательныхъ изслѣдователей, усмотрѣлъ «касты». Такое изображеніе общественныхъ отношеній, свойственное и другимъ

¹⁾ Предмѣстье г. Варшавы, на противоположномъ берегу Вислы.

путешественникамъ, фигурируетъ въ этнографіяхъ и служить кабинетнымъ ученымъ матеріаломъ для «обобщеній». «Каждое племя, говоритъ одинъ изслѣдователь, раздѣляется на три сословія, такъ рѣзко разграниченныя, что члены ихъ не могутъ вступать въ бракъ. Это настоящія касты». Къ такому же выводу приходитъ Герландъ на основаніи сходныхъ данныхъ Стокса. Фридрихъ Мюллеръ дѣлаетъ еще одинъ шагъ впередъ: «кажется, пишетъ онъ,—что австралійскія племена дѣлятся на двѣ группы: патриціевъ (людей свободныхъ?) и плебеевъ (безправныхъ?). Соединены-ли съ патриціатою какія-нибудь привилегіи—вопросъ не рѣшенный». Трудно подыскать фразу болѣе противорѣчивую, ибо что же это за патриціаты безъ привилегій? Однако такая бессмыслица приводится и въ другихъ этнографіяхъ и составляетъ въ нихъ ходячее мнѣніе. (Сравни: Пешель, Народовѣдѣніе, стр. 248, изд. 90 г.; Girard de Rialte, Les peuples de l'Asie et de l'Europe, стр. 22). Наконецъ, на основаніи тѣхъ-же данныхъ, Топинаръ сдѣлать слѣдующее обобщеніе: «Черты, свойственныя чернымъ туземцамъ Передней Индіи, и сходство языковъ дравидійскихъ и австралійскихъ побуждаютъ насъ считать эти народности родственными. Существованіе бумеранга въ обѣихъ странахъ и остатки кастъ въ Австраліи служатъ дальнѣйшимъ подтвержденіемъ той же мысли». Словомъ, индусскія касты, классы патриціевъ и плебеевъ, сословія—вотъ въ какія формы европейскій субъективизмъ силится втиснуть непонятный ему австралійскій строй! Впрочемъ это вполне естественно. Австралійскій строй настолько своеобразенъ, что понять его можно только послѣ долголѣтняго и добросовѣстнаго изученія. Файсону и Говитту надо было потратить десятки лѣтъ на то, чтобы уразумѣть сущность австралійскихъ порядковъ. Неподготовленный же или случайный изслѣдователь неизбежно долженъ былъ ихъ исказить. Такихъ и тому подобныхъ примѣровъ можно привести не мало; можно сослаться напр. на искаженіе исторіи до Колумбовой Мексики, возстановленной въ истинномъ свѣтѣ Морганомъ.

Вышеприведенныхъ доказательствъ вполне достаточно, чтобы оправдать нашъ взглядъ на современный этнографическій матеріалъ. Цѣнность его мы можемъ охарактеризовать словами Моргана: «исторія испанской Америки заслуживаетъ довѣрія лишь настолько, насколько она говоритъ о дѣятельности и подвигахъ испанцевъ и характеризуетъ индѣйцевъ съ вишней стороны,—ихъ оружіе, скотоводство, пищу, одежду и т. п. Но что касается до общественнаго строя индѣйцевъ, ихъ образа жизни и взаимныхъ отношеній, то исторія всего этого не имѣетъ почти никакой цѣны, такъ какъ она ничему не учитъ и ничего не знаетъ». Однако на основаніи такого

непровѣреннаго матеріала европейскіе кабинетные социологи дѣлаютъ свои обобщенія. Поэтому не удивительно, что нѣкоторыя теоріи, даже и прославленныхъ авторовъ, оказываются мыльными пузырями и лопаются при свѣтѣ серьезныхъ изслѣдованій, каково напр. ученіе Макъ-Леннана объ экзогаміи и эндогаміи. Центромъ этихъ серьезныхъ изысканій является институтъ Смитсона (Smithson) въ Вашингтонѣ, группирующий вокругъ себя такихъ изслѣдователей, какъ Морганъ, Поуэлъ, Кэшингъ, Оуэнъ, Дорсей и др. За достоинство собраннаго ими матеріала говорятъ многолѣтнія ихъ изслѣдованія, къ которымъ они подготовились научно и добросовѣстно. Морганъ напр. женится на ирокезкѣ и живетъ среди ирокезовъ лѣтъ 40, ранѣе чѣмъ онъ высказываетъ послѣднее свое слово о социальной организаціи краснокожихъ въ своемъ «Первобытномъ Обществѣ». Кэшингъ, «ученый членъ» того-же учрежденія, отправляется къ зунямъ, другому племени индѣйцевъ, и спустя нѣсколько лѣтъ приобретаетъ въ ихъ средѣ такое довѣріе, что зуни избираютъ его членомъ своего правительства и посвящаютъ въ обряды своего культа. Все это дѣлается для того, чтобы понять сущность зуньскихъ установленій. Уже напередъ можно надѣяться, что собранные этимъ путемъ факты будутъ дѣйствительно достовѣрны. Вотъ именно эти-то изслѣдованія разрушаютъ до основанія этнографическія небыллицы и различныя теоріи европейскихъ ученыхъ. Впрочемъ, столь систематическія работы встрѣчаются только въ Сѣверной Америкѣ. Однородныхъ мы можемъ ожидать еще отъ Австраліи, которая издала цѣнные труды Файсона и Говитта и продолжаетъ дѣйствовать въ этомъ направленіи. Кромѣ этихъ главныхъ источниковъ, мы имѣемъ лишь разрозненныя усилія единичныхъ личностей, въ томъ числѣ поляка Кубараго на Каролинскихъ островахъ. Однако число такихъ изслѣдователей очень незначительно. Между тѣмъ самыя интересныя дикія народности быстро вымираютъ подъ вліяніемъ европейской цивилизаціи, унося съ собою тайну общественнаго строя и религіозныхъ вѣрованій, или, что еще хуже, въ печати остаются лишь искаженные картины ихъ быта, вродѣ вышеприведенныхъ.

Новѣйшія изслѣдованія подтверждаютъ мысль, что различныя стороны общественной жизни находятся во взаимной связи, такъ что при отсутствіи одной и наличности другихъ можно а priori признать достовѣрность или неправильность данной этнографической картины. Если напр. на Огненной Землѣ «дѣти съ двѣнадцати лѣтъ начинаютъ вести самостоятельную жизнь», то невозможно говорить, какъ это дѣлаетъ Дарвинъ, о какихъ-то «начальникахъ семьи», вродѣ древнееврейскихъ патриарховъ. Впрочемъ, существованіе этихъ начальниковъ прямо не понятно, когда «никто не стремится къ власти», и

«кусочек материн, данный одному, разрывается на части и дѣлится между всѣми, потому что никто не долженъ быть богаче остальныхъ».

Теперь напрашивается самъ собою вопросъ: нельзя ли опредѣлить, въ чемъ именно состоитъ эта зависимость различныхъ сторонъ соціальной организаціи, а также указать такіе основныя и первичныя явленія, которыя обуславливаютъ собою общественный строй, и на этомъ уже основаніи дать описаніе той или другой группы? Осуществленіе этой мысли, безъ сомнѣнія, устранило бы чисто-описательный и эпизодическій характеръ этнографіи. Попытки этого рода сдѣланы за послѣднія двадцать пять лѣтъ: одна Спенсеромъ (въ «Описательной Соціологіи»), другая—Морганомъ.

Спенсеръ исходитъ изъ мысли, что каждое общество, смотря по сложности своего строя, представляетъ аналогію съ тѣмъ или другимъ организмомъ. Какъ въ животномъ мірѣ существуютъ организмы, представляющіе простое соединеніе клѣточекъ (колоніи амевъ), недифференцированную колонію (солитеръ, разсматриваемый, какъ сумма колець), или достигшіе типа млекопитающаго,—такъ и въ человѣческомъ родѣ мы видимъ то простыя скопища людей, то недифференцированные или дифференцированные соединенія ихъ въ группы и наконецъ соединеніе этихъ большихъ группъ въ еще болѣе значительныя и т. д. Затѣмъ, если существуютъ организмы менѣе или болѣе централизованные, то мы встрѣчаемъ и племена то «безъ главы», то съ временнымъ и наконецъ постояннымъ начальникомъ. Такимъ образомъ, различныя общественныя группы земного шара являются, по Спенсеру, организмами, стоящими на различныхъ ступеняхъ развитія. Въ «Описательной соціологіи» Спенсеръ очень строго придерживается вышеуказанной своей точки зрѣнія. Прежде всего онъ систематизируетъ этнографическій матеріалъ, относящійся къ какой нибудь отдѣльной группѣ, и затѣмъ опредѣляетъ среду, въ которой приходится жить соотвѣтственному «организму», а именно: неорганическую, органическую (фауну и флору) и падоорганическую или соціологическую (сосѣднія группы съ ихъ культурою). Далѣе, онъ характеризуетъ физическій, эмоціональный и интеллектуальный характеръ племени. Наконецъ, онъ разсматриваетъ его культуру и установленія, какъ общественныя отправления, другими словами—физиологическія функціи организма. Схема начинается съ морфологіи общественнаго «организма», т.-е. съ системы органовъ: питанія и распредѣленія (власть). Въ томъ же родѣ изображены и функціи «организма». Въ связи съ органами питанія и распредѣленія разсматриваются минералы, животныя, растенія, съ которыми имѣютъ дѣло рабочіе элементы, затѣмъ ремесленный, промышленный трудъ, опредѣляемый различіемъ мѣстныхъ продуктовъ, и результаты, полу-

ченные благодаря этой дѣятельности (культура земли, жилища, пища, одежда, оружіе и т. д.); далѣе говорится объ обмѣнѣ и распредѣленіи (пути сообщенія, торговцы и т. д.). Такъ же поступаетъ Спенсеръ съ регулятивной системой органовъ (эстетическія и нравственныя чувства, суевѣрія, знаніе, языкъ). Однако спенсеровская идея не выдерживаетъ научной критики. Во-первыхъ, систематизація различныхъ «общественныхъ организмовъ», какъ высшихъ, такъ и низшихъ, не достаточно характеризуетъ каждую общественную группу въ отдѣльности; затѣмъ, распредѣленіе матеріала сообразно схемѣ, вытекающей изъ понятія организма, вноситъ только извѣстный порядокъ въ факты, но не болѣе: вѣдь оно нисколько не уясняетъ самаго важнаго, именно той взаимной зависимости различныхъ сторонъ общественной жизни, о которой выше была рѣчь. Удовлетворяетъ этому требованію только классификація Моргана. Она основывается на томъ положеніи, что между техникой и источниками средствъ существованія съ одной стороны и общественными явленіями съ другой существуетъ тѣсная зависимость. Исходя изъ этой точки зрѣнія, американскій изслѣдователь дѣлитъ исторію человѣческаго рода на три эпохи: *дикаго состоянія*, до изобрѣтенія гончарнаго искусства, когда человѣкъ находится въ полномъ подчиненіи у природы и добываетъ пищу случайно; *варварства*, до изобрѣтенія искусства письма; въ эту эпоху человѣкъ уже разводитъ питательныя растенія и приручаетъ животныхъ; наконецъ, *цивилизаци*, когда обрабатывающая промышленность отдѣляется отъ добывающей и пріобрѣтаетъ первостепенное значеніе. Дикое состояніе и варварство Морганъ подраздѣляетъ еще на ступени: низшую, среднюю и высшую. Низшая ступень дикаго состоянія въ настоящее время уже не существуетъ; средняя начинается съ употребленія огня и кончается изобрѣтеніемъ лука и стрѣлы; первыми орудіями человѣка на этой ступени развитія были камень и дубина въ различныхъ ихъ видахъ. На высшей ступени той же эпохи, рядомъ съ пріобрѣтеніями прежняго періода, появляются деревянная посуда, плетенныя корзины изъ тростника, ручной способъ тканья (маты), лодки, выдолбленныя изъ цѣльнаго ствола. Низшая ступень варварства характеризуется введеніемъ глиняной посуды. Главное оружіе составляютъ лукъ и палица. Въ Новомъ Свѣтѣ человѣкъ начинаетъ разводить овощи. Съ прирученіемъ въ Старомъ Свѣтѣ нѣкоторыхъ животныхъ и съ ирригаціей полей въ Новомъ Свѣтѣ человѣкъ вступаетъ на среднюю ступень. Наконецъ, горнозаводство и осѣдлое земледѣліе служатъ гранью для перехода человѣка на высшую ступень варварства, которое совершило полный свой циклъ на Старомъ материкѣ.

Можно не соглашаться съ тѣмъ, слѣдуетъ-ли считать изобрѣте-

ние дум и гончарного искусства поворотными моментами эпохи и возможно-ли примѣнять составленную Морганомъ схему къ каждому уголку земного шара,—но значеніе схемъ не уменьшается отъ этого. Полинезійскіе островитяне напр. не совсѣмъ подходятъ подъ это обобщеніе. Однако основная идея классификаціи Моргана безусловно вѣрна. Для того, чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно обратиться на размѣры общественныхъ группъ во время каждой изъ вышеупомянутыхъ эпохъ. Мы знаемъ, что на средней ступени дикаго состоянія число членовъ племени не превышаетъ 1500—3000 людей. Населеніе большого каменнаго дома равняется иногда численности дикой общественной группы съ особеннымъ языкомъ и правами, занимающей однако пространство въ 4—5 губерній Царства Польскаго. Общество на низшей ступени варварства имѣетъ уже населеніе, равное населенію городской улицы, такъ какъ достигаетъ иногда 20 тысячъ; общество же на средней ступени варварства по численности не уступаетъ большому губернскому городу. Имѣя въ виду эти размѣры, обратимъ вниманіе теперь на то, что численность населенія,—этотъ могучій факторъ въ общественномъ развитіи, безъ всякаго сомнѣнія зависитъ отъ способовъ производства. Присмотритесь хотя-бы къ средней ступени дикаго состоянія, когда природа не балуетъ человѣка, дасть ему пищу въ крайне ограниченномъ количествѣ и не достаточно разнообразную—коренья, ягоды, фрукты, дичь, рыбу. Поселите теперь жителей большого каменнаго дома въ дремучемъ лѣсу и заставьте ихъ добывать пищу, собирать ягоды или охотиться при помощи копья и бумеранга. Они въ силу условій своего новаго положенія принуждены будутъ раздѣлиться на мелкія кучки въ 30—40 лицъ, такъ какъ умерли-бы съ голоду, если-бы держались всѣ вмѣстѣ. Каждая кучка въ отдѣльности по необходимости будетъ вынуждена ежедневно проходить огромныя пространства и потребуетъ на свои нужды площадь по крайней мѣрѣ въ два убѣзда. При такихъ условіяхъ невозможно жить на счетъ чужого труда. Поэтому каждый будетъ самъ заботиться о своемъ пропитаніи: двѣнадцатилѣтній ребенокъ и старикъ, мужчина и женщина. На этомъ же основаніи всѣ будутъ равными и свободными. Во главѣ кучки станетъ опытнѣйшій въ добываніи пищи или сильнѣйшій и храбрѣйшій—смотря по обстоятельствамъ. Но этотъ вождь будетъ пользоваться властью лишь до тѣхъ поръ, пока обладаетъ соответственными способностями. Старикъ, больной, слабый грудной дѣти будутъ брошены на произволъ судьбы. Словомъ, произойдетъ цѣлый рядъ общественныхъ явленій и всѣ они будутъ слѣдствіемъ условій существованія, въ какія попали эти люди. Вышеприведенный примѣръ наглядно выясняетъ намъ основу классификаціи Моргана, указываетъ на его заслуги въ упорядоченіи этно-

графическаго матеріала и въ составленіи объективной схемы для систематизаціи этническихъ культуръ.

Теперь мы можемъ приступить къ разсмотрѣнію группъ человѣческаго рода каждой въ отдѣльности. При этомъ мы будемъ исходить изъ антропологическихъ фактовъ и изучать послѣдовательно, принимая во вниманіе условія естественныя, соціологическія, техническія и экономическія. Мы начнемъ съ изученія черныхъ группъ; затѣмъ перейдемъ къ желтымъ и наконецъ къ бѣлымъ. Приблизительно въ этомъ же направленіи возрастаетъ и предпримчивость племенъ вмѣстѣ съ уровнемъ ихъ культуры. Впрочемъ, такъ какъ мы не имѣемъ никакого желанія превращать нашъ трудъ въ сборникъ анекдотовъ, то мы предполагаемъ разсмотрѣть отдѣльныя группы не равномерно, а въ зависимости, во-первыхъ, отъ количества находящагося въ нашемъ распоряженіи этнографическаго матеріала, а во-вторыхъ, отъ степени провѣрки его серьезными изслѣдователями.

II.

Типы: австралійскій, негритосскій и папуасскій.—Культурный уровень негритосовъ.—Расовый составъ австралійскаго населенія, его культура и общественный строй.—Культура и этнологія меланезійцевъ.

Черныя племена человѣчества сосредоточились въ трехъ обособленныхъ центрахъ: въ Африкѣ, Передней Индіи и на островахъ къ юго-востоку отъ Азіи,—центрахъ, весьма неравныхъ по своему населенію. Отношеніе ихъ численности составитъ приблизительно 70 : 17 : 1.

Новая Гвинея и архипелаги, расположенные по направленію къ острову Н. Каледоніи, въ настоящее время являются главнымъ мѣсто-пребываніемъ группы островитянъ. Живетъ здѣсь приблизительно 1—2 милліона представителей черныхъ племенъ, процентъ же европейцевъ, по крайней мѣрѣ до послѣдняго времени, былъ настолько незначителенъ, что его нечего и принимать въ расчетъ. Площадь, занимаемая черными островитянами, еще въ началѣ этого столѣтія охватывала всю Новую Голландію и Тасманію; въ настоящее время черные туземцы въ первой составляютъ лишь 2 $\frac{1}{2}$ % населенія, во второй совершенно исчезли. Отъ главнаго мѣстопробыванія черныхъ островитянъ тянутся полосы и оазисы тѣмъ менѣе заселенные, тѣмъ далѣе они расположены отъ центра. Эти оазисы съ одной стороны разсѣяны по островамъ до южной Японіи, Малакки и Андаманскаго архипелага, съ другой доходятъ до Новой Зеландіи и черезъ Каролинскій архипелагъ и Сандвичевы острова даже до Калифорніи, нѣкоторыя племена которой

цвѣтомъ лица напоминаютъ негровъ, но не имѣютъ курчавыхъ волосъ. «По цвѣту ихъ кожи можно предположить, что находишься среди плантаций о. Санъ-Доминго». Есть изслѣдователи, которые полагаютъ, что можно обнаружить слѣды черной расы въ юго-восточномъ Китаѣ и въ различныхъ мѣстностяхъ индокитайскаго полуострова. Такимъ образомъ черныя племена Передней Индіи нѣкогда соединялись съ черными жителями острововъ. Слѣды ихъ проявляются различно: мы имѣемъ дѣло, напримѣръ, съ искавшими убѣжища мелкими группами, какъ на Малаккѣ; или же черты и окраска этого типа спорадически появляются у нѣкоторыхъ представителей населенія, напр. Японіи.

Черныя племена, о которыхъ идетъ теперь рѣчь, не представляютъ расового однообразія. До сихъ поръ антропология выдѣлила изъ нихъ, кромѣ исчезнуваго тасманійца, три обособленныхъ и характерныхъ расовыхъ типа: негритоскій, папуасскій и австралійскій. Физическія черты, свойственныя каждому изъ нихъ, даже на первый взглядъ представляютъ рѣзкое различіе. Особенно австралійскій типъ сильно уклоняется отъ всѣхъ черныхъ типовъ земного шара. Онъ, какъ кто-то сказалъ, антропологическій парадоксъ: «индусъ по волосамъ, меланезіецъ по тѣлу». Форма волосъ обособляетъ его отъ другихъ, всегда курчавоволосыхъ, черныхъ типовъ и приближаетъ до нѣкоторой степени къ «кавказскимъ» группамъ. Это обстоятельство побудило нѣкоторыхъ изслѣдователей поставить австралійца рядомъ со смуглыми бѣлыхъ племенъ. Остальные черные типы изслѣдуемаго географическаго пространства въ отношеніи волосъ составляютъ разительную противоположность австралійцу. Вѣсто гладкаго строенія, волосы папуасца и негритоса имѣютъ строеніе «курчавое». Вообще, помню значительныхъ различій, типы папуасскій и негритоскій въ сравненіи съ австралійскимъ слѣдуетъ признать очень близкими другъ къ другу, хотя какъ австраліецъ, такъ и папуасъ длинноголовы. Представители чистаго папуасскаго типа—высокаго роста, имѣютъ толстыя губы, плоскую ступню. Черепъ принадлежитъ къ ясно выраженнымъ длинноголовымъ и высокимъ, носъ плоскій. Между тѣмъ негритосы, одна изъ наиболѣе низкорослыхъ группъ человечества, имѣютъ короткій черепъ, члены мелкіе, но округленные и пропорціональные; ступню—круглую и такую-же пятку, но не плоскую, какъ у папуасовъ и негровъ, тѣло лишено рѣзкаго запаха, какъ у негровъ. Рѣзкія различія между папуасомъ и негритосомъ въ отношеніи указателя ширины черепа явствуютъ изъ слѣдующихъ измѣреній Флоуэра.

	ниже 65	отъ 65—69,9	70—74,9	75—79,9	80—84,9	выше 85
изъ 16 жит.						
оо. Фиджи	12, 5%	81,25%	6,25%	—	—	—
„ 24 андаманцевъ	—	—	—	29,0%	66,6%	3,1%

«Взвѣсивая важность нѣкоторыхъ различій, мы не сдѣлаемъ, по всей вѣроятности, ошибки, если скажемъ, что они совершенно того же порядка, какъ и различія между низкорослыми и высокорослыми разновидностями группъ животныхъ и затѣмъ между молодыми и старыми особями одного и того же вида. Если мы сравнимъ черепъ шимпанзе и гориллы или молодого гориллы и орангъ-утанга съ черепомъ взрослой особи, то мы увидимъ, что отношеніе будетъ почти то же, что между негритосами и высокорослымъ и атлетически сложеннымъ негромъ или новогвинецемъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что въ физическихъ чертахъ андаманца много дѣтскаго, особенно въ строеніи его черепа. Вѣдь малое развитіе бровей, значительная величина глазничнаго указателя и низкая челюстнаго присущи дѣтскому сложенію. Эти черты мы находимъ у ребенка негра или меланезійца. Я, пожалуй, смотрю на негритосовъ, какъ на представителей дѣтской неразвѣвшейся или первичной формы, изъ которой произошли съ одной стороны африканскій негръ со всѣми его особенностями, съ другой—меланезіецъ». (Флоуэръ).

Сопоставляя важнѣйшія краниологическія данныя трехъ разсматриваемыхъ типовъ, мы получимъ слѣдующую таблицу указателей:

	Ростъ	У. ш. ч.	У. в. ч.	У. н.	У. г.
Андаманецъ	1,448 метр.	82,38	94	50	91
Новогвинецъ	1,55 „	71	103,9	55	89,5
Австраліецъ	1,67 „	71	103	57,4	76,9

Типы австралійскій и негритоскій въ настоящее время почти уже исчезли; остались только представители папуасскаго типа, болѣе культурные и болѣе способные къ развитію, тѣмъ первые. Благодаря этому обстоятельству, а также и климатическимъ условіямъ, вреднымъ для бѣлыхъ, они успѣшнѣе всѣхъ остальныхъ устояли противъ европейскаго вторженія. Однако, судя по сохранившимся мелкимъ племенамъ, мы можемъ съ увѣренностью сказать, что вышеуказанные типы нигдѣ не образовали обществъ, состоявшихъ изъ представителей только одного типа. Эти типы скрещивались между собой и съ другими не черными расами въ самой различной степени; что же касается австралійскаго типа, то, быть можетъ, онъ явился прямо какъ результатъ помѣси. Папуасскій типъ преобладаетъ въ Меланезіи, австралійскій почти исключительно встрѣчается въ Н. Голландіи, а негритоскій тяготеетъ къ юго-востоку Азіи.

Негритосы или, говоря точнѣе, этнические группы, въ которыхъ преобладаетъ негритоскій типъ, разсѣяны по полуострову Малаккѣ и на многихъ островахъ по направленію отъ этого полуострова къ Новой Гвинее и Филиппинскому архипелагу. Ихъ поселенія расположены обыкновенно въ лѣсныхъ и горныхъ убѣжищахъ («первобытные люди»,

«лѣсные», «изъ внутреннихъ мѣстностей» — вотъ какъ малайцы называютъ на своемъ языкѣ эти незначительныя кучки негритосовъ). Окруженные охѣдными земледѣльцами, они ведутъ охотничій и кочевой образъ жизни. Лишь нѣсколько маленькихъ племенъ на о. Минданао имѣютъ въ лѣсахъ «постоянныя» жилища съ жалкою культурою банановъ и пататовъ. Во многихъ мѣстностяхъ они приняли языкъ пришельцевъ; на о. Люсонъ напр. они говорятъ на прежнемъ своемъ языкѣ только въ исключительныхъ случаяхъ, напримѣръ во время сбора камфары, который, по ихъ мнѣнію, не можетъ быть удаченъ, если за этой работой говорить на другомъ нарѣчій. Негритосы разсѣяны на довольно большой площади, и это въ связи съ другими фактами свидѣтельствуетъ о томъ, что они нѣкогда сплошной массой населяли все пространство, гдѣ теперь попадаютъ только кучками. Они были частью истреблены, частью оттѣснены въ убѣжища болѣе энергичными пришельцами, частью же поглощены, какъ напр. въ Японіи, Микронезіи и юго-восточномъ Китаѣ.

Все негритосскія племена находятся еще въ дикомъ состояніи. Минкопы на Андаманскихъ островахъ, кажется, представляютъ самый чистый типъ. Не только строеніе тѣла, но и характеръ ихъ обнаруживаетъ много дѣтскаго. Лукъ составляетъ главное ихъ оружіе, орудія они вообще дѣлаютъ изъ кремня, гончарное искусство находится въ первобытномъ состояніи. Ходятъ они нагими, въ зрѣломъ возрастѣ употребляютъ только поясы вокругъ бедеръ; тѣло же покрываютъ грязью для защиты отъ насѣкомыхъ. Какъ мужчины, такъ и женщины бреютъ волосы. Рыба, дичь и медъ являются главными источниками ихъ существованія. Живутъ во временныхъ шалахахъ, но имѣютъ и постоянныя жилища, которыя строятъ изъ свай, переплетенныхъ пальмовыми листьями. Черное населеніе Андаманскаго архипелага составляетъ около 10—15 тысячъ человѣкъ и распадается на 9 племенъ, столь различныхъ между собою, что «житель южнаго Андамана столько же понимаетъ своего соплеменника съ сѣвернаго острова, сколько англійскій крестьянинъ — русскаго». Самый большой островъ населяютъ 4 племена, говорящія на четырехъ нарѣчійхъ. Каждое племя распадается на болѣе мелкія группы: внутреннюю и бережную, послѣдняя же — на кучки изъ 20—50 лицъ. Чѣмъ объясняется это дѣленіе, неизвѣстно. Начальники не имѣютъ никакой власти и не назначаютъ ни наказаній, ни наградъ; это скорѣе распорядители на торжествахъ и общественныхъ собраніяхъ. Каждый полъ имѣетъ своего вождя. Бракъ парный, но ежеминутно можетъ быть расторгнутъ. Дѣвушки и юноши спятъ отдѣльно отъ взрослыхъ. Каждый бракъ, рожденіе, смерть являются общимъ дѣломъ всего поселенія; каждая женщина даетъ грудь всѣмъ младенцамъ кучки.

Систематическое изслѣдованіе общественнаго строя андаманцевъ, какъ одной изъ группъ, стоящей на самой низкой ступени развитія, имѣло бы громадное значеніе науки. Сущестующій, единственный въ этомъ родѣ трудъ Мана объ андаманцахъ крайне неудовлетворителенъ.

Населеніе Новой Голландіи въ моментъ европейскаго нашествія не было однородно. «Среди туземцевъ нѣтъ единства. Племена представляютъ меньшую или большую степень смѣшенія; на окраинахъ мы находимъ особи, даже цѣлыя племена, съ совершенно различными расовыми признаками» — вотъ что мы читаемъ въ трудѣ одного изъ выдающихся современныхъ антропологовъ. По Топинару, австраліецъ происходитъ отъ скрещиванія нѣсколькихъ различныхъ типовъ, изъ которыхъ важнѣйшіе слѣдующіе: одинъ низкорослый, черный, курчавоволосый, прогнатичный и длинноголовый (слѣдовательно ненегритосскій), другой высокаго роста, съ коричнево-мѣдной окраской, съ гладкими волосами, длинноголовый. Изъ помѣси этихъ типовъ возникли будто бы тѣ черты, которыя характеризуютъ вышеуказанный расово-антропологическій типъ австраліца. Коричнево-мѣдный длинноголовый по всему вѣроятію позднѣйшій пришлецъ. Онъ вступилъ на материкъ на сѣверѣ и направился вдоль сѣверо-восточнаго побережья, оттѣсняя туземцевъ въ безплодную мѣстности западнаго и отчасти сѣвернаго и южнаго побережья. Со временемъ послѣдовало болѣе или менѣе сильное смѣшеніе пришельцевъ съ туземнымъ населеніемъ, причемъ у женщинъ лучше сохранился прежній расовый типъ. Впрочемъ, каково бы ни было происхожденіе современнаго австралійскаго населенія, на личность курчавыхъ волосъ на ряду съ гладкими, значительное различіе въ строеніи черепа (низкій «неандерталеобразный» въ окрестностяхъ Аделанды, высокій на югѣ) и т. д. доказываютъ скрещиваніе различныхъ типовъ. По всей вѣроятности, Новая Голландія безпрерывно обогащалась еще и другими мелкими расовыми примѣсами, — источникъ дальнѣйшихъ антропологическихъ дифференціацій, — но не выходившихъ изъ-за предѣловъ какой-нибудь мѣстности, напр. на сѣверо-западѣ негритосскою, на полуостровѣ Юркъ папуасскою, въ окрестностяхъ Порты Эссингтона малайскою. Кеннингемъ рассказываетъ о «бѣлыхъ» людодѣдахъ съ сѣверо-востока; быть можетъ, это — полинезійцы. Все это примѣси послѣдняго времени, но онѣ имѣютъ для насъ значеніе: именно, служить краснорѣчивымъ доказательствомъ, что даже на самомъ негостепріимномъ и дикомъ материкѣ происходили постоянныя скрещиванія и столкновенія между расово-антропологическими типами. Что же касается языковъ, на которыхъ говорятъ австралійскія племена, то трудно ихъ признавать нарѣчійми. Своими корнями эти языки разнятся болѣе, чѣмъ англійскій, голландскій или нѣмецкій, и поэтому, если племена встрѣчаются, то, чтобы объясниться, прибѣ-

гаютъ къ англійскому языку. Керръ, пытавшійся собрать въ своемъ многотомномъ трудѣ словари всѣхъ австралійскихъ языковъ, слѣдующимъ образомъ рѣшаетъ этотъ вопросъ: «Число австралійскихъ языковъ мы можемъ опредѣлить только приблизительно. Въ своемъ трудѣ я привелъ образцы болѣе 200 языковъ, о которыхъ сами черные говорятъ, что они не похожи другъ на друга. Между этими языками, хотя они и имѣютъ иногда общія слова, такая же значительная разница, какъ между испанскимъ и португальскимъ. Принявъ во вниманіе, что мои изслѣдованія обнимаютъ лишь половину материка, и что я не получилъ никакихъ указаній отъ 50 племенъ, можно предположить, что число австралійскихъ языковъ достигаетъ 500». Австралійская рѣчь агглютинирующая, типа: корень + суффиксы.

Человѣкъ на австралійскомъ материкѣ встрѣтилъ самыя неблагоприятныя условія. Низкій уровень культуры вполне оправдывается строеніемъ материка и неплодородіемъ почвы. Скотоводства не было въ виду отсутствія животныхъ, которые могли быть приручены; встрѣчаемая же дичь мало обезпечивала существованіе человѣка. Растительный міръ былъ также бѣденъ. Природа доставляла труднодобываемую и невѣрную пищу; корни, «червяки», моллюски, птичьи яйца и ужи, рыба, ящерицы, наконецъ мясо опоссума или кенгуру служили пропитаніемъ для австралійцевъ. Брошенный моремъ, полуразложившійся китъ былъ находкою для поморянъ. Условія были болѣе благоприятны на западѣ, поэтому и техническое развитіе сдѣлало здѣсь болѣе значительные успѣхи. Дома напр. въ этихъ болѣе гостепріимныхъ мѣстностяхъ построены довольно прочно; на востокъ они замѣняются нѣсколькими сухими вѣтвями, ямою въ лѣсной чащѣ или пещерою. Посуда изъ коры и человѣческихъ череповъ, сѣти и корзины изъ лыка, удочки изъ кости или раковинъ исчерпываютъ технику восточнаго побережья. На западѣ появляется уже ручной способъ тканья и лодки, выдолбленные изъ одного ствола. Оружіе составляютъ: дротикъ, палицы, щиты и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ бумерангъ. Бумерангъ имѣетъ видъ согнутаго серпа, не лежащаго въ одной и той же плоскости. Брошенный извѣстнымъ образомъ, бумерангъ описываетъ кривую линію и возвращается къ охотнику. «Остановился онъ (т. е. австралецъ) у большого дома и бросилъ бумерангъ вокругъ него отъ лѣвой руки къ правой; бумерангъ исчезъ за правымъ угломъ дома, появился на лѣвомъ и упалъ у ногъ ловкаго охотника». Населеніе ходило нагимъ, иногда набрасывало на плечи шкуры. Веревка вокругъ бедра служила для прикрѣпленія къ ней поносокъ. Повседневная жизнь рисуетъ намъ въ слѣдующемъ видѣ. Кучка австралійцевъ рано утромъ оставляетъ свое становище, съѣвъ остатки пищи предыдущаго

дня, или голодная, если ничего не осталось. Во главѣ идутъ вооруженные мужчины и разыскиваютъ слѣды дичи; вслѣдъ за ними, на нѣкоторомъ разстояніи, плетутся женщины. Онѣ ведутъ старшихъ дѣтей за руку, младенцевъ несутъ на плечахъ, ташутъ за собою шесты для шалашей, раскаленные угли и ищутъ корни или червей. «Мелкая добыча уничтожается по пути. Когда же мужчины убиваютъ какого-нибудь большого звѣря, то вся кучка останавливается и раскладываетъ огонь. Если ночь застигнетъ этихъ людей далеко отъ становища, они спятъ въ ямахъ подъ вѣтвями. Становище не снимается до тѣхъ поръ, пока люди находятъ себѣ пищу». Къ этимъ тяжелымъ условіямъ человѣкъ отлично приспособился. Съ дѣтства онъ соотвѣтственнымъ образомъ изощряетъ свои способности. Острота его зрѣнія, способность ориентироваться приводитъ въ удивленіе наблюдателя. Игры имѣютъ цѣлью изощреніе чувствъ. Собирается напр. нѣсколько австралійцевъ и изощряются въ отысканіи на пескѣ пчелинаго помета. Условія быта вызвали дѣтубійство—постоянное (по отношенію къ калѣкамъ, одному изъ близнецовъ, и дѣтямъ, осиротѣвшимъ послѣ матери) и случайное (по отношенію къ остальнымъ дѣтямъ во время голода). Иногда, въ виду необходимости вскормить щенятъ женскою грудью, жертвовали младенцемъ. Оставшіяся въ живыхъ дѣти иногда сосали грудь до шести лѣтъ. По многимъ достовернымъ свѣдѣніямъ, треть или даже двѣ трети младенцевъ гибли отъ руки родителей. Сверхъ того, для ограниченія прироста населенія вызвали искусственные выкидыши и даже прибѣгали къ нѣкоторымъ хирургическимъ средствамъ, останавливающимъ оплодотвореніе, хотя и допускающимъ половую связь¹⁾. Стариковъ и больныхъ бросали на произволъ судьбы или умерщвляли. Людоѣдство позволялось спорадически вслѣдствіе голода или предразсудковъ (мать съѣдала одного изъ близнецовъ, чтобы возвратитъ себѣ силы, потраченные на него).

Неблагоприятныя условія Австраліи задержали ростъ ея населенія и ограничили размѣры отдѣльныхъ обществъ. Если бы въ Царствѣ Польскомъ населеніе было бы не гуще, то на всемъ пространствѣ по лѣвой сторонѣ Вислы насчитывалось бы одно племя въ 1200 человѣкъ, а по правой племя въ 1300 членовъ! Впрочемъ,

¹⁾ Нѣкоторые изслѣдователи усматриваютъ въ этомъ не только средство ограниченія прироста населенія, но и сознательную дѣятельность, направленную къ выращиванію здороваго потомства, такъ что отцами являются сильные мужчины, а остальные только мужьями. Сравни: *Zeitschrift für Ethn. und Anthr.: die Mica-Operation in Central-Australien*, 1880 и *u. die Ovarotomie bei Australiern*, 1882.

такова лишь средняя густота населенія: въ дѣйствительности же въ безплодныхъ мѣстностяхъ густота населенія была ниже средней, а въ мѣстностяхъ болѣе плодородныхъ она была вдвое выше. Все населеніе распадалось на множество независимыхъ общественныхъ союзовъ. Можно предположить, что въ моментъ появленія европейцевъ на материкѣ, въ Австраліи насчитывалось 300,000 жителей; если же число племенъ равнялось числу языковъ, найденныхъ Керромъ, то въ среднемъ племя насчитывало 500 членовъ. Иногда число членовъ отдѣльнаго племени не превышало 200 челов., въ исключительныхъ же случаяхъ оно достигало двухъ и даже трехъ тысячъ. Каждое племя въ свою очередь раздѣлялось на мелкія группы, говорившія на различныхъ нарѣчіяхъ одного языка. Напр. племя курнаевъ (т. е. «мужей»), въ одной изъ самыхъ плодородныхъ мѣстностей (Гипсландъ), насчитывало 1000—1500 членовъ. Оно распадалось на 5 большихъ группъ, послѣднія же подраздѣлялись еще на меньшія группы, числомъ 20, изъ которыхъ каждая занимала опредѣленную площадь вдоль рѣки или побережья, состоя изъ 20—30 членовъ. Связь между главными группами племени была очень шаткая; одна изъ нихъ почти въ моментъ открытія материка отдѣлилась отъ остальной массы и дифференцировалась въ независимое племя. Словомъ, австралиецъ вращался обыкновенно только въ тѣсномъ кружкѣ двухъ или трехъ десятковъ соплеменниковъ и рѣдко попадалъ въ собраніе изъ нѣсколькихъ сотъ лицъ. Обмѣнъ мысли, ограниченный уже предѣлами одного незначительнаго племени, подвергается еще дальнѣйшему ограниченію вслѣдствіе однообразія условій жизни и враждебности сосѣдей. Между племенами существуетъ бездна. Часто они говорятъ на языкахъ, не имѣющихъ ничего общаго между собою. Каждое племя имѣетъ постоянную территорію, за предѣлы которой оно никогда не выходитъ. Перейти границы и разложить костеръ на чужой территоріи—считалось вполне достаточнымъ поводомъ къ войнѣ. Европейскіе колонисты принуждены были отказаться отъ мысли создать полицію изъ черныхъ туземцевъ, такъ какъ ни одинъ изъ нихъ, не смотря на все свое усердіе, не рѣшался вступать на территорію чужого племени. Австралийцы наказывали даже смертью тѣхъ соплеменниковъ, которые самовольно вводили чужого въ предѣлы племенной территоріи. Украшенія и надрѣзы, которыми они покрываютъ свое тѣло, различны въ каждомъ племени. Въ одномъ встрѣчаются мужчины съ выбитыми передними зубами, въ другомъ—обрѣзанные и т. д. У ближайшихъ сосѣдей встрѣчаются такія глубокія общественныя различія, какія невозможно встрѣтить на пространствѣ всей арійской и монгольской цивилизаціи. Въ этомъ отношеніи наука обладаетъ весьма достовѣрнымъ

фактическимъ матеріаломъ, собраннымъ Файсономъ и Говиттомъ. Эти изслѣдователи изучили до сихъ поръ только третью часть австраійскаго материка—къ востоку отъ меридіана, проходящаго черезъ озеро Эйръ. На этомъ пространствѣ найдено нѣсколько кореннымъ образомъ отличающихся другъ отъ друга типовъ общественнаго устройства. Самый простой изъ нихъ представляется намъ въ слѣдующемъ видѣ. Допустимъ, что *кумиты* и *кроки* составляютъ двѣ группы одного общественного союза, и что каждая изъ этихъ группъ подраздѣляется въ свою очередь на два класса: мужской и женскій, такъ что у кумитовъ будутъ классы: кумитовъ-мужчинъ и кумитовъ-женщинъ, а у кроковъ кроки-мужчины и кроки-женщины. Ребенокъ наследуетъ классъ матери: напр. дѣти кумитовъ будутъ принадлежать къ кумитамъ же; мальчики къ кумитамъ-мужчинамъ, дѣвочки къ кумитамъ-женщинамъ. Между классами одного дѣленія, т. е. между кумитами-мужчинами и кумитами-женщинами половое общеніе строго воспрещено, какъ кровосмѣшеніе, не смотря на то, что, съ нашей точки зрѣнія, между этими лицами вѣтъ ни малѣйшаго родства. Они считаются по отношенію другъ къ другу племенными братьями и сестрами. Съ другой стороны кроки-мужчины уже по рожденію своему супруги кумитовъ-женщинъ, кумиты-мужчины—супруги кроковъ-женщинъ, причемъ вступаютъ въ бракъ не отдѣльными личностями, а цѣлые классы другъ съ другомъ. Однако, этотъ групповой бракъ возможенъ только во время племенныхъ торжествъ; при обыкновенныхъ же условіяхъ, такъ какъ племя скитается небольшими кучками, супружескія отношенія точно опредѣлены и обыкновенно парныя, а у стариковъ многобрачныя; групповыя же права находятъ себѣ выраженіе въ обмѣнѣ женъ и въ первой ночи послѣ заключенія индивидуальнаго брака. Вышеуказанный строй существуетъ въ неплодородныхъ мѣстностяхъ материка между озеромъ Эйръ и нижнимъ теченіемъ р. Муррей. При этихъ порядкахъ теоритически отецъ считаетъ свою дочь—супругой, такъ какъ, если онъ крокъ, то дочь всегда будетъ кумиткой. Это явленіе устраняется другимъ типомъ общественнаго устройства съ дѣленіемъ не на 4, а на 8 классовъ и существующимъ у многочисленныхъ камилоройскихъ племенъ (во всемъ Куинсландѣ и въ западныхъ частяхъ Новаго Южнаго Уэльса). Эти браки наглядно изображены въ слѣдующей схемѣ супружескихъ отношеній австраійскаго племени на берегахъ рѣки Гербертъ.

Дѣленіе I.

мужчины	женщины
(1) Тараванги	(2) Тараванганки
(5) Банды	(6) Бандаганки
(1) Тараванги	(2) Тараванганки
и т. д.	

Дѣленіе II.

мужчины	женщины
(3) Буллованы	(4) Буллованганки
(7) Баранги	(8) Баранганки
(3) Буллованы	(4) Буллованганки
и т. д.	

Тараванганка может быть женою (индивидуальной или групповой) только бульгована; рожденные от этого брака мальчики принадлежат бандамъ, дѣвочки—бандаганкамъ. Последнимъ дозволено имѣть половое общеніе, соотвѣтственно полу, только съ барангами и баранганками. Дѣти банданки отъ баранговъ, соотвѣтственно полу, будутъ принадлежать таравангамъ и тараванганкамъ, т. е. будутъ носить имя своихъ бабушекъ и дѣдушекъ и т. д. При такомъ ограниченіи брака, родители всегда будутъ принадлежать другому классу, нежели ихъ дѣти, и браки между ними невозможны, но дѣдушка можетъ еще имѣть половое общеніе со своею внучкою. Въ племени варауинговъ существуетъ вмѣсто восьми 16 классовъ съ двумя дѣленіями, что совершенно исключаетъ возможность половых сношеній между родственниками по прямой линіи. Дѣти женщины класса А изъ дѣленія № I носятъ имя В и вступаютъ въ браки съ соотвѣтственнымъ классомъ дѣленія № II; дѣти женщины класса В носятъ имя С и имѣютъ половое общеніе только съ соотвѣтственнымъ классомъ дѣленія № II; дѣтей женщины класса С называютъ Д, а дѣтей женщинъ этого послѣдняго класса опять называютъ А. Итакъ, мы имѣемъ уже три строя, основанные на одной и той же классовой идеѣ и на наслѣдованіи по женской линіи. Въ западной Австраліи существуетъ общество изъ шести классовъ, въ Викторіи установленъ очерченный нами порядокъ, но здѣсь вмѣсто материнскаго права господствуетъ отцовское, т. е. ребенокъ принадлежитъ къ классу отцовъ. Изъ этого видно, какое—мы можемъ представить себѣ—въ этомъ отношеніи господствуетъ разнообразіе. Но мы его далеко еще не исчерпали. Напр. въ окрестностяхъ Аделаиды мы встрѣчаемся съ родовымъ бытомъ, основаннымъ на группахъ обоего пола, заключающихъ браки экзогамическіе, какъ у краснокожихъ сѣверной Америки. Въ Гипсландѣ мы находимъ еще новый строй. Всѣ до сихъ поръ разсмотрѣнные браки основывались или на групповомъ половомъ общеніи, или на признаніи супружеской связи нормальнымъ фактомъ. Между тѣмъ курнаи не знали групповыхъ браковъ; мало того, они даже проклинали бракъ, словно какіе-нибудь средневѣковые аскеты. Тутъ мы встрѣчаемся съ умыканіемъ женъ. Молодые, сговорившись, исчезали въ одно прекрасное утро; за ними устраивалась погоня и, если ихъ настигали, то влюбленныхъ ожидало тяжелое наказаніе: смѣльчаковъ иногда убивали. Молодые могли возвратиться домой только послѣ довольно продолжительнаго промежутка времени, но и тогда ихъ ожидали упреки и легкія наказанія. Тутъ было только одно дѣленіе съ двумя классами: мужскимъ и женскимъ. Этотъ строй можно до нѣкоторой степени уяснить себѣ предположеніемъ, что одна группа вышеприведенной схемы, напр. дѣленіе № I, отдѣлилась отъ другой вслѣдствіе какихъ-нибудь исключительныхъ обстоятельствъ. Въ такихъ группахъ,

вслѣдствіе прежняго запрещенія, успѣваго обратиться въ обычай, лица обоего пола не могутъ вступать въ половую связь, и такимъ образомъ, въ виду враждебности сосѣдей, они должны отказаться отъ удовлетворенія полового чувства. Но у юношества фізіологическія потребности не дремлютъ, и какая-нибудь молодая пара бѣжитъ, нарушая установленный обычай. Племя преслѣдуетъ эту пару, въ первую минуту мститъ ей за нарушение обычая и т. д. Со временемъ возникло особенное отношеніе общества къ этимъ бракамъ, такъ какъ они допускались, и сохранился въ обществѣ лишь, какъ пережитокъ, лицемѣрный гнѣвъ. Наконецъ, мѣстами встрѣчается строй, который мы назовемъ «сѣчью» по аналогіи съ нашею Запорожскою Сѣчью. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ тянутся полосы неплодной земли. Они являются убѣжищемъ для изгнанниковъ изъ различныхъ племенъ. Всѣ эти бродяги говорятъ на различныхъ языкахъ и родились среди различныхъ племенъ, но подъ вліяніемъ новыхъ условій возникаетъ между ними нѣкоторая солидарность и появляется языкъ, который представляетъ механическое соединеніе различныхъ нарѣчій.

Мы отмѣтили выше, что групповые браки въ настоящее время отошли уже въ область преданій, если же и попадаются, то лишь въ видѣ исключенія. Только старики, колдуны и вожди монополизируютъ всѣхъ подростящихъ женщинъ соотвѣственнаго класса. Нерѣдко они имѣютъ по 9 женъ, между тѣмъ какъ молодые люди—ни одной. Групповое половое общеніе встрѣчается у австралийцевъ еще только во время извѣстныхъ праздниковъ, вродѣ нашего Ивана Купала, когда племя собирается на общіе, огромные хороводы (напр. во время сбора плодовъ, растущихъ только въ нѣкоторыхъ пунктахъ его территоріи). Мужчины насилуютъ даже восьмилѣтнихъ дѣвочекъ. Дѣти, рожденные 11—12 лѣтними женщинами, конечно очень слабы и поэтому систематически умерщвляются. Туземцы совершенно сознательно относятся къ дѣтоубійству, которое является у нихъ примѣненіемъ къ людямъ законовъ подбора, практикуемаго въ зоотехникѣ. Племя распадается на группы, состояція изъ представителей нѣсколькихъ поколѣній: дѣдовъ, отцовъ и братьевъ, сыновей съ женами и дѣтьми. Въ такой группѣ, если господствуетъ материнское право, дѣти принимаютъ имя матерей, но наслѣдуютъ кочевье отъ отцовъ. Племя проявляетъ значительную солидарность. Всѣ попытки подчинить себѣ туземцевъ на основаніи правила *divide et impera* оказались тщетными. «Дарили напр. прилежитѣйшему штаны, чтобы возбудить въ немъ згопзмъ и отличить его отъ другихъ,—и что же? въ тотъ же день можно было видѣть, какъ всѣ члены той же группы попеременно щеголяли въ тѣхъ же штанахъ, не исключая разумѣется и тѣхъ, кого хотѣли наказать отказомъ въ подаркѣ. Вы дадите одному горсть

муки, но ошибетесь, думая, что возбудили этимъ зависть въ остальныхъ. Въ тотъ же вечеръ будетъ разложенъ костеръ, и всѣ сядутъ за пирь». Впрочемъ, въ группѣ занятія и обязанности каждаго члена точно опредѣлены. Полицію цивилизованныхъ народовъ замѣняютъ здѣсь обычное право, глубоко вкоренившееся въ умы и охраняемое старцами. Каждая семья имѣетъ опредѣленное мѣсто въ становищѣ и знаетъ, въ какомъ разстояніи отъ другихъ и въ какомъ мѣстѣ она должна разбить свой шалашъ. Обычай опредѣляетъ даже, какое мѣсто кому занимать въ шалашѣ. Дѣлежъ добычи происходитъ согласно традиціонно-соблюдаемымъ правиламъ: напр. если одинъ охотникъ убилъ кенгуру и затѣмъ уже присоединились два другихъ, то они принимаютъся за очищеніе дичи, первый же раскладываетъ костеръ. Варятъ внутренности и съѣдаютъ ихъ. Товарищи получаютъ обѣ ноги съ заднею частью, охотникъ же изъ своей части долженъ отдать голову и затылокъ родителямъ жены; остатки — собственнымъ родителямъ, которые дадутъ ему опредѣленный кусокъ и накормятъ внуковъ и жену. Обычное право предвидѣло всевозможные случаи и опредѣлило наказанія за каждое нарушеніе. Вожди являются охранителями обычнаго права стариковъ. На самомъ дѣлѣ впрочемъ управляютъ существующіе мѣстами совѣты. «Старики, которыхъ считаютъ вождями, пользуются уваженіемъ за свои военные подвиги или за колдовство; власть ихъ растетъ съ годами. Имъ предоставляется особенная пища, только они имѣютъ право носить извѣстное оружіе, куски кварца и т. д. Но они не отдаютъ приказаній, а только даютъ своимъ соплеменникамъ совѣты». «Правленіе въ каждомъ племени безусловно республиканское; всѣ совершенно равны. Вездѣ отдѣльныя личности пользуются уваженіемъ, смотря по ловкости, съ какой она бросаетъ и отражаетъ копье». Каждое племя имѣетъ свою собственную космогонію и свои религіозные обычаи. «Охотникъ не долженъ убивать или съѣдать животное, названіе котораго носить его группа, и если кто-нибудь на зло умертвить такое животное, то онъ долженъ отомстить виновному. Вселенная устроена по образцу тѣхъ порядковъ, какіе существуютъ у даннаго племени». Главныя дѣленія являются образцами соотвѣтственной систематизаціи всѣхъ предметовъ природы и распредѣленія ихъ между членами племени. Какъ племя распадается на извѣстное число тотемовъ (т. е. названій родовъ), такъ и все на свѣтѣ подраздѣлено между ними. Каждый тотемъ имѣетъ притязаніе на извѣстное число предметовъ, т. е. не только животныхъ, но и звѣздъ, вѣтровъ и т. д. Колдунъ въ своихъ заклинаніяхъ можетъ ссылаться только на предметы, которые ему принадлежатъ. Подставка, на которой покоится трупъ, должна быть сдѣлана изъ предмета того отдѣла растительнаго царства, который соотвѣтствуетъ племенному дѣленію. Ближайшія изслѣдованія обнаружили вездѣ зарождающуюся уже идею

объ одномъ высшемъ существѣ, стоящимъ надъ видимымъ міромъ. Племенную космогонію вѣстѣ съ обычнымъ правомъ, супружескими и общественными обязанностями юношество усваиваетъ себѣ на праздникахъ по случаю достиженія возмужалости (конfirmaціи). Посвященіе въ тайны религіи и общественного строя продолжается цѣлыми мѣсяцами и составляетъ рядъ очень тяжелыхъ испытаній. Юношу удаляютъ изъ становища и подвергаютъ одиночеству, посту и лишеніямъ. Когда, послѣ своего испытанія, подростокъ возвращается домой, онъ не въ состояніи стоять на ногахъ, до того онъ слабъ. Но вообще о немъ племя заботится, представляя ему на каждомъ шагѣ доказательства своей привязанности. Напр. у нѣкоторыхъ племенъ подростки во время поста питаются кровью соплеменниковъ, которые съ этой цѣлью открываютъ по очереди себѣ жилы, чтобы такимъ образомъ пріучать себя къ братству.

Ненависть между отдѣльными племенами — обычное явленіе. Въ поводахъ къ войнѣ никогда нѣтъ недостатка; ими являются: убійство товарища, похищеніе собаки или женщины, нарушеніе границъ и т. д.. Приблизиться къ становищу враговъ и умертвить хотя бы ребенка или женщину считается геройствомъ. Общія битвы являются заранее условленными поединками, въ которыхъ принимаетъ участіе отъ 15 до 200 лицъ. Сосѣднія племена имѣютъ постоянныя мѣста для такихъ поединковъ. Мужчины становятся во главѣ, женщины позади. Противники нѣсколько часовъ подъ-рядъ бранятъ другъ друга, пока наконецъ разъяренные не начнутъ метать копья; но требуется много времени, чтобы кто-нибудь оказался раненымъ — къ великой радости однихъ и къ огорченію другихъ. Впрочемъ, на австраійскомъ материкѣ выработано обстоятельное междуплеменное обычное право. Когда напр. одно племя хочетъ вести переговоры съ другимъ, оно отправляетъ къ нему 12 — 15 лѣтняго мальчика съ продыравленнымъ носомъ. До тѣхъ поръ, пока ранка не заживетъ, личность мальчика неприкосновенна. Въ каждомъ племени есть старцы, пользующіеся особеннымъ уваженіемъ благодаря своей расторопности и опыту. Они исполняютъ обязанности пословъ и завязываютъ дружескія отношенія между сосѣдами; дома же они являются воспитателями молодого поколѣнія.

Тасманійцы совершенно вымерли, хотя окружающія ихъ условія были болѣе благопріятны, чѣмъ въ Новой Голландіи. Въ моментъ нашествія европейцевъ на пространство, равномъ приблизительно половинѣ Царства Польскаго, жило около 7000 человекъ. Объ общественности тасманійцевъ можно судить по слѣдующимъ фактамъ. Кларкъ насчитывалъ у 200 послѣднихъ тасманійцевъ, взятыхъ въ плѣнъ въ 1834 году, 8—10 нарѣчій, настолько отличныхъ другъ отъ друга, что эти 200 чело-

вѣкъ вынуждены были прибѣгнуть къ англійскому языку, чтобъ понимать другъ друга. Обособленность была столь значительна, что въ 1819 году западные племена боялись собаки, известной уже десять лѣтъ въ другихъ мѣстностяхъ.

Населеніе Новой Гвинеи и архипелаговъ Меланезіи представляетъ чрезвычайно сильное смѣшеніе типовъ. Правда, папуасскій типъ (отъ малайского слова *pariwalah*—кудрявый) составляетъ самый важный расовой элементъ, но, по всей вѣроятности, онъ сохранился въ чистомъ видѣ только въ немногихъ мѣстностяхъ. Объ этой помѣси населенія даютъ представленіе сильныя колебанія волосного указателя (въ Новой Гвинее отъ 28 до 56, у жителей оо. Фиджи отъ 55 до 60, у ново-ирландцевъ: 66 и 75, у новокаледонцевъ: 66 и 92). Соотвѣтственно формѣ волосъ мѣняется и качество ихъ. Здѣсь можно встрѣтить, на ряду съ курчавыми волосами, жесткіе и гладкіе, какъ у монгола. Элементы курчавоволосые лучше всего сохранились въ Новой Гвинее; въ другихъ мѣстностяхъ, вслѣдствіе скрещиванія, волосы имѣютъ видъ «метлы» или, если они гладкіе, то прямо торчатъ. Видъ метлы получается вслѣдствіе того, что волосы растутъ перпендикулярно къ кожѣ и слегка выются винтообразно, образуя громадную шапку, высотою иногда въ 8 дюймовъ. Она представляетъ характеристическій признакъ меланезійскаго населенія. Усердный уходъ за волосами, свойственный всѣмъ курчавоволосымъ типамъ, у меланезійскаго населенія, въ особенности у обладателей такой «метлы», доходить до смѣшного. Можно объ этомъ предметѣ написать цѣлыя томы. Волоса причесываются или вверхъ, такъ что образуется настоящая башня, или подрѣзываются въ видѣ лѣстницы, или ихъ стригутъ по срединѣ, торчащія же по бокамъ пряди склеиваютъ въ два большіе или нѣсколько меньшихъ пучковъ, или наконецъ стригутъ волосы съ боковъ и оставляютъ гребешокъ по срединѣ. Сверхъ того волосы завиваютъ, пудрятъ, красятъ и украшаютъ драгоценностями. Парикмахеру на оо. Фиджи нужно по крайней мѣрѣ 6 часовъ, чтобы создать такую прическу. Не носятъ 2—3 недѣли; во время сна пользуются виллообразной подставкой, чтобы не испортить куафюры.

Такимъ же сильнымъ колебаніямъ, какъ волосной указатель, подвергается и окраска кожи (отъ свѣтлой до темной съ самыми разнообразными оттѣнками). Черная окраска свойственна новогвинецкимъ, «хотя на нѣкоторыхъ островахъ цвѣтъ кожи свѣтлѣе, волосы длинныя, черты же лица болѣе приближаются къ европейскому типу». У племенъ Новой Ирландіи на югѣ кожа очень темная, на юго-востокѣ свѣтлая, на сѣверо-западѣ коричневая. Этотъ послѣдній цвѣтъ кожи господствуетъ въ Новомъ Ганноверѣ, на восточномъ побережьи Новой Гвинеи и т. д.; между тѣмъ на Пустынныхъ островахъ окраска совершенно свѣтлая. Словомъ,

«можно встрѣтить лицъ, которыя при общемъ папуасскомъ типѣ имѣютъ нѣкоторыя особенности семитовъ, другія—малайцевъ; третьи—негровъ; попадаютъ также особи, которыя, если бы не цвѣтъ кожи, ничѣмъ не отличались бы отъ европейцевъ». Впрочемъ и распредѣленія указателя ширины черепа представляютъ различное численное отношеніе у разныхъ типовъ въ разныхъ мѣстностяхъ. Изъ трудовъ Лангена слѣдуетъ, что въ Новой Гвинее длинноголовые составляютъ 75%, среднеголовые 25%; на о. Кей длинноголовые 32%, среднеголовые 35%, короткоголовые 33%; на о. Летти длинноголовые 25%, среднеголовые 50%, короткоголовые 25%. По направленію къ Азіи длинноголовость уменьшается. Измѣненія череповъ и 400 измѣреній, произведенныхъ надъ живыми новогвинейцами, показываютъ, что въ Новой Гвинее длинное строеніе черепа преобладаетъ; на архипелагѣ Фиджи длинное строеніе обнаруживается еще рѣзче. Трудно обозначить первоначальные расовыя типы, которые путемъ скрещиванія въ результатѣ дали населеніе разсматриваемой области. Наиболѣе обстоятельный анализъ произведенъ пока надъ полинезійскими элементами—свѣтлыми, гладковолосыми, съ прямыми носами, которые шли съ востока, т. е. отъ острововъ Самоа и Тонга. Жители оо. Фиджи напр., по виду своему папуасцы, говорятъ однако на языкѣ полинезійскомъ, въ который они внесли только звуковыя измѣненія. Даже на Новыхъ Гебридахъ и въ Новой Гвинее можно подмѣтить полинезійское влияніе. Иногда, на маленькихъ островахъ, часть населенія говоритъ на меланезійскомъ языкѣ, другая—на полинезійскомъ. Полинезійское влияніе особенно сильно отразилось на вождяхъ, гладковолосыхъ на архипелагѣ Фиджи, смуглой окраски на о. Соломонскихъ; это влияніе проявляется какъ въ физическихъ, такъ и культурныхъ особенностяхъ. Татуировка цвѣтнымъ накалываніемъ, которою украшаетъ себя свѣтлый полинезіецъ, совершенно не соотвѣтствуетъ черной кожѣ меланезійца; однако эта татуировка вытѣсняетъ свойственные черной расѣ рубцы и нарѣзы и является такимъ образомъ превосходнымъ указаніемъ культурнаго воздѣйствія полинезійцевъ, какъ пучкообразные волосы—ихъ расового влиянія. Быть можетъ и людоедство зависитъ отъ полинезійской примѣси. Канибализмъ здѣсь своего рода сладострастіе, сходное съ любовнымъ изступленіемъ. Страстное желаніе человѣческаго мяса у нѣкоторыхъ лицъ превращается въ болѣзненное влеченіе и вызываетъ особенное упомѣшательство. Уильямсъ приводитъ фактъ, что одинъ вождь внезапно набросился на свою жену и умертвилъ ее для того, чтобъ съѣсть. Женщины исключаются изъ людоедскихъ пиршествъ, но служатъ лучшимъ матеріаломъ для нихъ. Человѣческое мясо ѣдятъ вилками, носящими «безстыдное названіе». Особенно сильнаго развитія эта страсть достигла на архипелагѣ Фиджи.

Разсказывают о вождѣ, который съѣлъ 900 людей, о пиршествахъ, жертвами которымъ бывало по 200 человекъ. Постройка храма, сооруженіе лодки и т. д.—достаточные поводы для такихъ пиршествъ. Когда вождѣ празднуетъ достиженіе сыномъ возраста возмужалости, жители всего завоеваннаго поселка становятся жертвой людоедовъ. Людоѣдство доходитъ до пожирания гниющихъ труповъ. Въ Новой Каледоніи вожди говорятъ народу: «давно мы не ѣли мяса, понимаете его!» Заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что людоедство господствуетъ преимущественно на архипелагѣ Фиджи, Соломонскомъ и на о. Новая Каледонія, гдѣ именно полинезійское вліяніе чрезвычайно сильно; между тѣмъ какъ оно ослабѣваетъ по направленію къ Новой Гвинее, бѣдной элементами полинезійскаго происхожденія.

Новая Гвинея—одинъ изъ самыхъ большихъ острововъ земного шара, меланезійскіе же архипелаги состоятъ изъ множества мелкихъ острововъ и островковъ. Культура разсматриваемой области различна въ зависимости отъ размѣровъ материка. Чѣмъ больше материкъ, тѣмъ меньше жителей. Соответственно на малыхъ островахъ достигли большого развитія и техническіе приемы и общественный строй. Основою быта вездѣ является земледѣліе, къ которому населеніе, особенно на архипелагѣ Фиджи, относится весьма старательно. Разводятъ здѣсь 4 вида масличныхъ растений, 5—крахмальныхъ, 4—пряныхъ, 12—корнеплодовъ, 11 видовъ овощей и 36 видовъ фруктовыхъ деревьевъ. На о. Новая Каледонія сооружены искусственные водопроводы и въ неплодородныхъ мѣстностяхъ земля удобряется торфомъ, золою и измельченными раковинами. Новогвинецкія плантаціи устроены на искусственныхъ холмахъ, обнесены заборами; здѣсь попадаются экземпляры «ямса» (туземное растение) вѣсомъ въ 40—50 фунтовъ. Хлѣбное дерево, тарро, ямсъ, бананы, пататы—вотъ главный источникъ существованія островитянъ. По направленію къ западу уровень земледѣлія понижается, особенно въ Новой Гвинее, вслѣдствіе изобилія дикорастущихъ саговыхъ пальмъ. Съ другой стороны употребленіе лука уменьшается въ обратномъ направленіи; извѣстный въ Н. Гвинее, онъ совершенно не распространенъ на о. Новая Каледонія. Плетеніе корзинъ и ткачество находятъ въ зачаточномъ состояніи. Полинезійцы познакомили населеніе оо. Фиджи съ мореплаваніемъ и съ плотничествомъ. Гончарное искусство распространено, особенно на оо. Фиджи. Образъ жизни вездѣ осѣдлый, сверхъ того онъ отличается большой правильностью, которая вообще свойственна земледѣльческимъ народамъ. Новокаледонецъ напр. встаетъ съ восходомъ солнца, идетъ купаться, завтракаетъ и отправляется на работу; возвращается къ обѣду; послѣ обѣда вплоть до ужина въ деревнѣ продолжаются взаимныя посѣщенія и бесѣды. Послѣ ужина начинаются общіе танцы до 9 часовъ вечера, затѣмъ всѣ расходятся по домамъ и

ложатся спать. Вездѣ существуетъ дѣтубійство, то какъ наслѣдіе первобытныхъ временъ, то какъ средство ограниченія чрезмѣрнаго прироста населенія; особенно оно распространено на мелкихъ и густо населенныхъ островахъ. На одномъ изъ нихъ напр. родителямъ нельзя имѣть болѣе 2—3 дѣтей; на оо. Фиджи гибнетъ около 60% новорожденныхъ. Обычай нормируетъ дѣтубійство: можно убить младенца до тѣхъ поръ, пока онъ чего-нибудь не поѣстъ, поэтому первые часы жизни его самые опасные. «Родители жены считали бы себя оскорбленными, если бы дочь ихъ родила одного ребенка послѣ другого раньше, чѣмъ по истеченіи 3—4 лѣтъ, и публично отомстили бы ей за это». Убийство стариковъ въ ходу; исполненіе его лежитъ на обязанности сына.

Объ общественности меланезійцевъ можно судить по слѣдующимъ фактамъ. Въ Новой Гвинее вдоль побережья на протяженіи 200 англ. миль къ востоку отъ Папуасскаго залива живутъ четыре племени, насчитывающія 70 тыс. челов. Каждое племя имѣетъ особые обычай и языкъ и одѣвается иначе. Одно носитъ желтую опояску, прикрѣпляетъ раковину къ волосамъ; другое украшаетъ шею ожерельемъ и т. д. Равнымъ образомъ, «нарѣчія на новогвинецкихъ островахъ—многочисленны. Туземцы двухъ сосѣднихъ острововъ только въ рѣдкихъ случаяхъ понимаютъ другъ друга». На островѣ Трехъ Холмовъ, гдѣ населеніе составляетъ лишь 800—1200 чел., существуютъ три различныхъ нарѣчій. Это обиліе языковъ устроили созданіемъ новаго языка изъ испорченныхъ французскихъ выраженій съ примѣсью нѣсколькихъ англійскихъ. «Отдѣльные поселки (въ 10—200 челов.) живутъ во взаимной враждѣ. Въ поводахъ къ недоразумѣніямъ не бываетъ недостатка». Каждое племя имѣетъ свою особенную прическу, украшенія и нарѣзы. «Удивительно, какъ рѣдко дикарь бываетъ за предѣлами своей родины. Я знавалъ черныхъ, которые никогда не видѣли моря, не смотря на то, что родились и жили на разстояніи 3 нѣм. миль отъ него». Даже форма палицы измѣняется и весьма различна на многихъ островахъ. «На Сандвичевыхъ островахъ и на о. Апи (новогвинецкій архипелагъ) палица въ нижней своей части имѣетъ шарообразный видъ, немного повыше шейку для руки; на о. св. Духа шейка вовсе не существуетъ, а на о. Эрроманго она составляетъ окончаніе палицы и покрыта рѣзбой». Антагонизмъ между поморянами и горцами центральныхъ частей острова весьма значителенъ. По умственнымъ способностямъ они также рѣзко отличаются другъ отъ друга. Нѣтъ болѣе браннаго слова для «людей, живущихъ у соленой воды», какъ выраженіе: «человекъ изъ лѣсной чащи»¹⁾. Объ общественномъ строѣ племени

¹⁾ По всей вѣроятности, эта ненависть находится въ связи съ тѣмъ фактомъ, что самые чистые папуасскіе элементы населяютъ преимущественно восточнѣйшія части острововъ, полинезійцы же заняли побережья.

пока немного известно. Во всякомъ случаѣ, какъ свидѣлствуютъ постройка домовъ, первобытный коммунизмъ держится крѣпко. Въ Новой Гвинее огромныя племенные «голубятни» возвышаются на сваяхъ въ водѣ или на побережьяхъ, заливаемыхъ морскими приливомъ. Эти «голубятни» подраздѣлены на множество комнатъ съ особеннымъ ходомъ, хотя иногда встрѣчаются общіе очаги. Живетъ здѣсь 100—200 чел. «Какъ назвать группу людей, живущую въ подобномъ домѣ?—семьей, братствомъ, кланомъ или родомъ? Одно—вполнѣ достоверно, что это—группа родственниковъ, вмѣстѣ хозяйничающихъ и спящихъ подъ одной общою кровлей». Впрочемъ, отдѣльныя племена сильно разнятся въ отношеніи общественнаго своего устройства. На оо. Фиджи, гдѣ европейское нашествіе сплотило племена, «борьба, происходящая между все возрастающимъ могуществомъ вождей и древнимъ обычаямъ, чрезвычайно сложна, благодаря тому, что ни преобладаніе вождей, ни обычай не представляютъ однообразія на всемъ пространствѣ архипелага. Обычное право сильно колеблется. Наслѣдство напр. переходитъ то по мужской линіи, то по женской. Вожди въ одной мѣстности сосредоточиваютъ въ своихъ рукахъ власть, въ другой они не имѣютъ никакого авторитета». Впрочемъ, на упомянутыхъ островахъ населеніе каждаго племени распадается на извѣстное число деревень (*кѳра*), находящихся другъ съ другомъ въ нѣкоторомъ родствѣ; каждая деревня въ свою очередь подраздѣляется на группы (*матагуалы*), ведущія свое начало отъ братьевъ, послѣднія же—подраздѣляются на *явазы*, которые еще подраздѣляются на *вавулы*. Вавула состоитъ изъ одного или нѣсколькихъ домовъ, окруженныхъ однимъ заборомъ. гдѣ живутъ братья по крови; она соответствуетъ славянской задругѣ. «Кѳру можно сравнить съ канатомъ, на которомъ покоится якорь; матагуалу—съ веревками, изъ которыхъ сплетенъ канатъ, явазу—съ болѣе тонкою веревкою, вавулу—съ нитками веревки, и наконецъ единичную личность—съ волокнами этихъ нитокъ». Отдѣльные дома стоятъ ближе и дальше другъ отъ друга, смотря по степени родства людей, въ нихъ живущихъ. По внутреннему своему строю кѳра не что иное какъ земледѣльческая община; она обнесена частоколомъ. Существуютъ различныя ступени общиннаго землевладѣнія согласно съ іерархіей родственныхъ отношеній. Въ каждомъ поселкѣ есть *мѳура*, общественный домъ (30—80 футовъ длины и 20 ширины), гдѣ принимаются гости и устраиваются публичныя игры, и гдѣ мужчины при случаѣ напиваются. Населеніе всего племени по временамъ собирается на общественныя пиры и игры. Передъ пиромъ «король» отправляется за «дарами». За 2—3 дня передъ торжествомъ всѣ на ногахъ. Каждый приноситъ, сколько можетъ, свиней, черепахъ и другихъ припасовъ. 200 человѣкъ въ продолженіе 6 недѣль готовятъ яства.

Пирогі имѣютъ по 10 футовъ въ окружности. Во время бесѣды всѣ садятся на опредѣленныхъ мѣстахъ. Особые глашатаи по очереди вызываютъ отдѣльныя группы, и тогда молодежь подходит и беретъ причитающуюся ей часть.

О внутреннихъ порядкахъ племени даетъ представленіе слѣдующій отрывокъ: «Авторитетъ вождя на о. Танна, кажется, не распространяется за предѣлы жилища далѣе, чѣмъ на ружейный выстрѣлъ. Въ поселкѣ живетъ 8—10 семействъ, т. е. 80—100 чел. Между ними по меньшей мѣрѣ одинъ или два вождя. Вожди со старцами рѣшаютъ всѣ дѣла этой небольшой общины. Шесть, восемь или больше поселковъ составляютъ въ нѣкоторомъ родѣ округъ и заключаютъ союзъ. Съ общаго согласія съ незапамятныхъ временъ нѣсколько поселковъ приняли на себя главное распорядительство и превратились въ своего рода столицы, гдѣ собираются отдѣльныя части племени и разсуждаютъ о войнѣ или другихъ важныхъ дѣлахъ». На оо. Фиджи власть вождей значительно усилилась. Форма семьи подвергается сильнымъ колебаніямъ смотря по племени. На оо. Фиджи мужчина является уже хозяиномъ дома; многоженство вождей составляетъ здѣсь правяло, а число женъ возрастаетъ иногда до нѣсколькихъ десятковъ. По направленію къ Новой Гвинее преобладаніе мужчины уменьшается. Всюду замужней женщины бреютъ голову, и она работаетъ въ полѣ; мужчина лѣнитъ, наряжается и заботится о своей прическѣ. Война составляетъ почти единственное занятіе мужчины.

«Мы уже не мужчины, потому что не сражаемся»—говорятъ новокаледонцы, попавшіе въ ежовыя рукавицы къ французамъ; цѣль же всѣхъ походовъ дикарей—плѣнникъ, котораго они или съѣдаютъ, или заставляютъ работать на себя. Въ послѣднемъ случаѣ ему бреютъ голову, какъ женщинамъ.

Наибольшей общественности достигли оо. Фиджи въ томъ смыслѣ, что выше племени, въ моментъ европейскаго нашествія, начало возникать новое звено: національность и власть, стоящая выше народа. Произошло это подъ вліяніемъ раздѣленія труда и междуплеменной торговли, чему способствовала конфигурація архипелага, который не вытянутъ, какъ другіе, въ струнку, но болѣе или менѣе скученъ. Одни острова славятся выдѣлкою горшковъ, другіе—палицъ. Нѣкоторыя племена занялись плотничествомъ, жители трехъ небольшихъ безплодныхъ островковъ посредничаютъ въ торговлѣ. Дѣленіе труда междуплеменное. Внутри племени дифференцировалось только три рода занятій, именно: парикмахера, женщины, занимающейся татуировкой, и женщины, занимающейся дѣтубійствомъ.

III.

Передняя Индія въ лингвистическомъ и антропологическомъ отношеніи.—Кастовый строй является іерархіей антропологическихъ элементовъ.—Этнический коменсализмъ въ горахъ Нилагири.—Независимые горные народы.—Этнологія Передней Индіи.

Передняя Индія представляетъ для антрополога и соціолога въ высшей степени интересную страну. Здѣсь насчитываютъ около 250 милліоновъ людей (т. е. приблизительно $\frac{1}{6}$ населенія земного шара), расселившихся очень неравномѣрно. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ долины Ганга плотность населенія исключительно высока (208 чел. на кв. километр); вообще по теченію этой рѣки живетъ больше ста милліоновъ чел.. Съ другой стороны попадаютъ мѣста (напр. въ Чота Нагпурѣ), гдѣ густота населенія понижается до 10 чел. на кв. километр. Эти колебанія идутъ рука объ руку съ умственной культурой и техникой. Мы имѣемъ тутъ дикихъ джуанговъ, незнающихъ гончарства и ткачества, употребляющихъ лукъ и пращу, какъ единственное оружіе, и осѣдлыхъ земледѣльцевъ, имѣющихъ огромныя ирригаціонныя системы и великолѣпные города. Передняя Индія при всемъ богатствѣ своей природы является страной, въ которой осѣдлый человѣкъ питается весьма плохо. Она—отечество вегетаріанства. Сверхъ того, въ мѣстностяхъ, особенно плотно заселенныхъ, растительная пища находится въ недостаточномъ количествѣ, такъ какъ прежній земипдаризмъ, окончательно санкціонированный англичанами по ландлордскому образцу, создалъ здѣсь новую Ирландію. Быть можетъ плохимъ питаніемъ населенія объясняется недостаточная его энергія и отсутствіе духа инициативы. Въ подтвержденіе нашей мысли укажемъ на тотъ фактъ, что горсть европейскихъ припѣльцевъ, управляющая Индіей, составляетъ лишь 0, 06% всего населенія и что однихъ туземныхъ ремесленниковъ въ 32 раза больше.

Населеніе Передней Индіи распадается на множество обособленныхъ группъ. «Названія расъ, племенъ, кастъ, сектъ, встрѣчающихся на каждомъ шагу человѣку, который приступитъ къ изученію этнологіи индусовъ, положительно могутъ вызвать головокруженіе. Вначалѣ я надѣялся, что мнѣ удастся составить своего рода словарь всевозможныхъ синонимовъ, касающихся исторіи индусскихъ расъ и племенъ, но, сдѣлавъ нѣсколько усилій, я понялъ, что на подобный трудъ не хватитъ всей моей жизни». (Мантегацца). Изученіе этого муравейника народовъ лучше всего начать съ изслѣдованія ихъ языковъ. Оказывается, что около 80% населенія, главнымъ образомъ по теченіямъ рѣкъ Инда и Ганга, говоритъ на арійскихъ языкахъ. От-

сюда область арійскихъ языковъ идетъ къ югу, огибая не-арійское плоскогоріе Чота Нагпура и распространяясь продольными полосами вдоль побережій: восточнаго до 19°, западнаго до 14° ю. ш. Кромѣ того арійскія области къ югу отъ Вандійскихъ горъ не представляютъ одного сплошного пространства; онѣ густо усыяны дравидійскими оазисами. Однако, главная масса населенія, говорящаго на дравидійскихъ языкахъ, занимаетъ югъ Индіи. Дравидійскіе языки принадлежатъ къ агглютинирующимъ (типъ: корень+суффиксъ). На этихъ языкахъ говоритъ 45—50 мил. человѣкъ въ Индіи. Нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ литературное прошлое, какъ напр. тамулы. Впрочемъ, это только остатки прежняго величія; современная же литература этого языка состоитъ въ «патріотическихъ» подражаніяхъ прежнимъ образцамъ. «Красота стиля», гласитъ тамулійская стилистика, «заключается въ томъ, чтобы писать о тѣхъ же предметахъ, по тому же плану и въ такихъ же выраженіяхъ, какія мы встрѣчаемъ у классическихъ писателей». Дравидійскія племена нѣкогда занимали все теченіе Ганга, и еще въ настоящее время мы наталкиваемся на дравидійскихъ *брахмевъ* въ Велуджистанѣ. *Пагары* (т. е. горцы; отсюда происходитъ извѣстное выраженіе *парія*), самые сѣверные изъ всѣхъ дравидійскихъ племенъ, живутъ въ горной области Раджмагалъ у самаго Ганга. Волѣ многочисленныя оазисы дравидійскихъ племенъ находятся между источниками рѣкъ Нербудды и Вайны (*гондсы*) и въ Чота Нагпурѣ (*орао*); въ помѣси же съ тибетцами можно кажется встрѣтить дравидійскія племена у подножія Гималаевъ въ видѣ племенъ, кочующихъ въ лѣсахъ. Все это говоритъ въ пользу широкаго ихъ распространенія, равно какъ и слабого отпора, даннаго ими арійскимъ завоевателямъ. Дѣло обстоитъ еще хуже съ третьей группой языковъ, *коларской* («горной», отсюда название «кули» рабочаго-наемника); въ настоящее время она имѣетъ около 2 мил. представителей. Эта незначительная группа разбѣяна среди чуждыхъ ей элементовъ и стоитъ на чрезвычайно низкой ступени культурнаго развитія. Если мы проведемъ прямую линію отъ поворота Ганга параллельно къ восточному побережью, то самыя высокія плоскогорія и будутъ главнымъ мѣстожительствомъ коларовъ. Равнымъ образомъ они разбѣяны по прямой отъ горъ Амаркантакъ до средняго теченія Нербудды. Коларскихъ языковъ—много (они принадлежатъ къ агглютинирующимъ), впрочемъ, быть можетъ они не родственны между собою. Взаимное размыщеніе дравидійскихъ и коларскихъ оазисовъ заслуживаетъ вниманія. Въ горной области Раджмагалъ пагары живутъ въ долинахъ, соприкасаясь такимъ образомъ съ индусами равнинъ, между тѣхъ какъ коларское племя санталовъ заняло высоты, отовсюду окруженныя пагарами. То же явленіе можно замѣтить и въ другихъ мѣстахъ. Все это

вмѣстѣ взятое наводитъ на мысль, что дравидійскія племена нѣкогда по отношенію къ коларамъ сыиграли ту же роль, какую впоследствии по отношенію къ нимъ самимъ сыиграло арійское нашествіе. Такимъ образомъ распредѣленіе языковъ въ Индіи указываетъ въ общихъ чертахъ на послѣдовательное наслоеніе народовъ и на завоеванія.

Изученіе лингвистическихъ особенностей облегчаетъ распредѣленіе антропологическихъ типовъ. Если мы проведемъ прямую вдоль рѣки Нербудды до поворота Ганга у Раджмагала и на обоихъ концахъ этой прямой мы опустимъ два перпендикуляра: одинъ къ востоку до Сатпурскихъ горъ, другой черезъ западныя Гатскія горы приблизительно къ 17° с. ш., то мы обозначимъ мѣстности, болѣе всѣхъ остальныхъ изобилующія черными типами, курчаво-волосыми, съ приплюснутыми носами и толстыми губами. Эти черты выступаютъ тѣмъ рельефнѣе, чѣмъ мѣстность обрывистѣе и неприступнѣе. Кромѣ другихъ народовъ сюда относятся всѣ коларскія группы и сверхъ того нѣсколько другихъ горныхъ, говорящихъ то на арійскихъ языкахъ (*билсы*), то на дравидійскихъ (*гондсы*). Другой такой центръ черныхъ типовъ составляютъ горы Нилагири и Анамалакъ на югѣ. Наконецъ третій, второстепенный, лежить у подножія Гималаевъ. Народы, населяющіе эти черные центры, находятся внѣ кастовой индусской организаціи и живутъ собственной общественной жизнью. Изъ этихъ центровъ идутъ полосы черныхъ типовъ по направленію къ сосѣднимъ плоскогорьямъ; онѣ тѣмъ менѣе явственны съ антропологической точки зрѣнія, чѣмъ далѣе отодвинуты отъ главныхъ центровъ; наконецъ, онѣ совсѣмъ исчезаютъ въ индусскихъ и дравидійскихъ равнинахъ. Черная кровь вообще сильно окрасила любую группу населенія Передней Индіи, но дравидійскія племена вообще болѣе приближаются къ горнымъ элементамъ; волосы они имѣютъ гладкіе, носъ прямой, окраска кожи остается темной. Между тѣмъ населеніе вдоль Ганга, особенно же Инда, тяготеетъ къ «казакскимъ» типамъ. При этомъ распредѣленіе антропологическихъ типовъ у народовъ, говорящихъ на дравидійскомъ и арійскихъ языкахъ, совпадаетъ съ ихъ кастовой іерархіей. Въдѣ кастовой строй, какъ указываетъ на это санскритское названіе: *варна* (т. е. краска), на самомъ дѣлѣ не что иное, какъ іерархическая организація антропологическихъ элементовъ. Что же касается до того, какимъ образомъ возникаютъ касты, то слѣдующій примѣръ лучше всего уяснить намъ дѣло. Гохары напр. нѣкогда были земледѣльческимъ народомъ въ Раджпутанѣ, составлявшимъ самостоятельное этническое цѣлое. Политическія событія изгнали этотъ народъ въ VI вѣкѣ изъ насиженныхъ имъ мѣстъ. Въ настоящее время гохары являются кастой кочевниковъ-пастуховъ.

Мужчины вооружены копьемъ и щитомъ, женщины влетаютъ все свое имущество (въ видѣ золотыхъ и серебряныхъ монетъ) въ волосы.

Отдѣльная группа въ то же время составляетъ и отдѣльное племя; огромныя стада являются общою собственностью. Богъ-быкъ, разукрашенный колокольчиками и лентами, открываетъ шествіе во главѣ племени; тамъ, гдѣ онъ остановится, оно располагается лагеремъ. Среди обычаевъ заслуживаетъ вниманія дѣтубійство и похищеніе дѣтей: особенно же характерно, что старики, неспособные къ работѣ, отсылаются на жительство въ жалкіе шалаши, оставшіеся на прежней территоріи племени въ Раджпутанѣ.

Или возьмемъ касту бонджаровъ; она занимается перевозкою хлѣба, считается неприкосновенною даже во время войнъ и славится своею честностью. Выки везутъ товары; во главѣ идетъ богъ-быкъ, передъ которымъ заключаются браки и ставятъ умпрающихъ.

Связь этихъ «кастъ» съ остальной частью общества чрезвычайно шаткая. Онѣ представляютъ попросту этническія группы, прежде обособленные, теперь втиснутыя въ рамки междуплеменнаго раздѣленія труда. Такимъ же образомъ возникли касты воровъ, бродягъ, лицедѣевъ и т. д. Остановимся еще немного на *раджпутанѣхъ*. Они являются остатками послѣдняго арійскаго нашествія (въ IV в.). Въ настоящее время они занимаютъ пространство отъ Пенджаба до Дели и Агры, являясь то земледѣльцами, то помѣщиками. По прежнему они распадаются на кланы съ остатками культа лошади, убиваютъ дѣвушекъ и воодушевлены чувствомъ родовой мести и патріотизма. Съ этнической точки зрѣнія они выдѣляются изъ остального индусскаго населенія, но, втиснутые въ кастовыя рамки, они утратили этническую исключительность и отнесены къ кастѣ кшатріевъ (т. е. къ воинамъ). Англичанѣ тоже принимаютъ за особенную касту, да и сами они строго наблюдаютъ, чтобы никто изъ ихъ среды не занимался «неблагородными» профессіями! Иногда въ такой кастѣ, являющейся на самомъ дѣлѣ ничѣмъ инымъ, какъ особеннымъ народомъ, происходитъ раздѣленіе труда: одна часть посвящаетъ себя одному занятію, другая — другому. Тогда вмѣстѣ одной появляются двѣ касты. Въ настоящее время въ Индіи всевозможная религіозная, экономическая и этническая дифференціація населенія происходитъ уже по кастовымъ образцамъ. Вотъ почему число кастъ столь велико, и вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ такъ сильно разнятся по мѣстностямъ. Въ сѣверо-западныхъ округахъ насчитываютъ ихъ до 307, въ Бенгаліи больше тысячи, въ Майзурѣ 413. Каждая изъ нихъ имѣетъ свое названіе, спеціальныя занятія, знамена, торжества. (Индусскіе богачи должны поэтому держать много прислуги, такъ какъ каждый слуга имѣетъ право исполнять только особенныя порученія). Форма и внѣшніе признаки имѣютъ рѣшающее вліяніе: достаточно обрѣзать индуса, чтобы его уже считали магометаниномъ и чтобы прекратили всякія съ нимъ сношенія. Касты образуютъ іерархію, которая является историческимъ результатомъ всѣхъ наше-

ствій и всей религіозной и экономической эволюціи Индіи. Брамины присваиваютъ себѣ первое мѣсто. «Десятилѣтній браминъ и столѣтній кшатрія—это отецъ и сынъ; браминъ является отцомъ». Этихъ браминовъ въ Индіи насчитывается около 14 млн.; изъ ихъ числа очень не многіе жрецы. Въ гималайскихъ горахъ они—работіе, въ провинціи Ориссѣ—земледѣльцы и т. д. Брамины распадаются на множество группъ безъ взаимнаго родства, и браминъ изъ Аудъ никогда не выдастъ своей дочери за бенгальскаго брамина, даже не станетъ вмѣстѣ съ нимъ ѣсть. Итакъ, брамины являются скорѣе этнической, чѣмъ социальной группой, составляя иногда значительную часть населенія (напр. въ Аудѣ ихъ 12^о/_о). Сверхъ того расовой ихъ составъ чрезвычайно различенъ, и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ они обнаруживаютъ не-арійскую примѣсь. На низшей ступени этой общественной іерархіи стоятъ различныя внѣ-кастовыя группы. Эти группы являются или остатками черныхъ туземцевъ, или потомствомъ лицъ, исключенныхъ изъ индусскаго общества за убійства или за недозволенное внѣ-кастовое сожителство ¹⁾. Для того, чтобы уяснить себѣ эту кастовую мозаику, посмотримъ хотя бы къ отношеніямъ на малабарскомъ побережьи. Напрѣ—дравидійскаго происхожденія («рыцарь»); онъ не можетъ подойти къ брамину ближе, чѣмъ на два шага. Разстояніе между наиромъ и тиромъ должно составлять 35 шаговъ; между тиромъ и маліаромъ 5; между маліаромъ и полиаромъ—54; наконецъ, между полиаромъ и внѣ-кастовыми людьми—4. Поэтому послѣдніе не могутъ приблизиться къ брамину, болѣе чѣмъ на 100 шаговъ. Солдатамъ напр. изъ среды наировъ нельзя подойти къ плѣнникамъ низшей касты и связать ихъ. *Малабарскіе брамины* живутъ отдѣльными семьями по завѣтамъ отцовъ, *наиры* сохраняютъ групповыя обычаи материскаго права, такъ какъ каждая женщина имѣетъ нѣсколько мужей, поочередно навѣщающихъ ее; съ другой стороны каждый мужчина вмѣстѣ съ другими мужчинами является членомъ нѣсколькихъ супружескихъ «гнѣздъ»; дядя воспитываетъ здѣсь своихъ племянниковъ, отецъ же остается неизвѣстнымъ. *Тиры*, менѣе смуглые, чѣмъ наиры, занимаются кузнечествомъ, столярнымъ ремесломъ и т. д. Они живутъ въ многомужествѣ, такъ что братья всегда имѣютъ только одну общую жену. *Полиары* занимаются земледѣліемъ и имѣютъ такіе же супружескіе обычаи, какъ и наиры и т. д. Наконецъ, «отбросы» лишены всего: имъ нельзя носить платье, имѣть собственность. Если кто-нибудь даетъ имъ милостыню, то бро-

¹⁾ Чандалы по теченію Ганга это—«презрѣннѣйшій сортъ людей». Они происходятъ отъ браминки и судра. Они должны закапывать падалъ и питаться ею, жить въ собачьихъ норахъ. «Брюхо шакала—ихъ кладбище». Имъ не дозволяется оплакивать предковъ и читать священныя книги.

саетъ деньги въ нечистоты, и только послѣ ухода благодѣтеля отверженный поднимаетъ ихъ.

Итакъ, чѣмъ ниже каста, которую мы наблюдаемъ въ извѣстной мѣстности, тѣмъ ярче обнаруживаются курчавые волосы, толстыя губы, темная окраска, особенно у дравидовъ. Съ другой стороны, чѣмъ каста выше, тѣмъ цвѣтъ тѣла становится болѣе свѣтлымъ, волосы—гладкими и т. д. «Кавказскіе» признаки самымъ сильнымъ образомъ выступаютъ у браминовъ изъ Пенджаба и съ верхняго теченія Ганга, у раджпутовъ и вообще въ сѣверо-западной Индіи. Наконецъ вездѣ, особенно же въ мѣстностяхъ у подножія Гималаевъ, замѣчается примѣсь желтолицыхъ и короткоголовыхъ: тибетанская—у «отбросовъ», равно какъ у земледѣльцевъ Бенгалія и горныхъ долинъ, и «гуранская»—у джатсовъ, 20 миллионъ земледѣльцевъ, имѣющихъ свой собственный родовой бытъ, по причисленныхъ къ судрамъ. Словомъ, населеніе Индіи представляетъ расовую мозаику, въ которой антропологическіе элементы вошли въ самыя разнообразныя сочетанія. Пользуемся случаемъ, чтобы кстати отмѣтить интересную зависимость между общественнымъ строемъ и преобладаніемъ тѣхъ или другихъ расовыхъ элементовъ. Если въ какой-нибудь группѣ преобладаютъ кавказскія черты, какъ напр. у раджпутовъ, то она формируется въ видѣ эпонимическихъ родовъ (т. е. такихъ, которые называютъ себя именемъ предка-богатыря). Напротивъ, независимыя черныя группы, напр. санталы, распадаются на тотемическіе роды (носящіе названіе животныхъ). Это обстоятельство свидѣтельствуетъ о томъ, что различныя племена до своей встрѣчи въ Индіи находились далеко не на одинаковыхъ ступеняхъ общественнаго развитія.

На о. Цейлонѣ въ маломъ масштабѣ повторяется та же сбивчивость и запутанность этническихъ отношеній. *Сингалезы* (66^о/_о населенія) говорятъ на особомъ языкѣ (элъ). *Ведды* въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ (0,2^о/_о населенія) живутъ къ юго-востоку въ горахъ. Они находятся въ совершенно дикомъ состояніи и не имѣютъ никакихъ сношеній съ остальною частью населенія. Ведды, кажется, остатки народа, который нѣкогда имѣлъ зачатки культуры. Они говорятъ на языкѣ, приближающемся къ элъ, и пользуются общимъ уваженіемъ. Напротивъ, къ *родіамъ* (ихъ лишь одна тысяча), живущимъ въ горныхъ долинахъ, относятся съ презрѣніемъ; имъ нельзя вбродъ перейти рѣку, брать воду изъ фонтановъ, войти въ городъ, заниматься хлѣбопашествомъ и ремеслами. Между тѣмъ черты ихъ лица болѣе правильны, чѣмъ у сингалезовъ. Они говорятъ на какомъ то особомъ языкѣ, живутъ въ полиандріи. *Амбатыи* еще болѣе презираемы, чѣмъ родіи; послѣдніе не позволяютъ даже своимъ собакамъ ѣсть ихъ пищу. Если къ всѣмъ этимъ племенамъ мы прибавимъ еще *тамилловъ* (25^о/_о),

европейцев (0,8%) и мавров (8%), то этническая картина острова Цейлона получится довольно полная.

Послѣ этого общаго обзора этническихъ комбинацій мы перейдемъ къ немногочисленнымъ независимымъ народамъ полуострова Индостана, живущимъ внѣ цивилизованнаго общества и поэтому стоящимъ внѣ всякой кастовой организаціи.

Европейцы вторглись въ нильгирійскія горы въ 1819 г. Болотистая мѣстность у подножія этихъ горъ, заразные болѣзни и дикіе звѣри составляли надежный оплотъ противъ ихъ нашествія. Здѣсь найдено пять обособленныхъ этническихъ группъ, не вступающихъ между собой въ браки, однако соединенныхъ взаимной зависимостью. Впрочемъ, все осталось у нихъ по прежнему до настоящей минуты. Живетъ здѣсь теперь до 25 тысячъ челов. на пространствѣ 700 квадр. англ. миль. На самыхъ высокихъ пунктахъ (8¹/₂ тысячъ футовъ надъ уровнемъ океана) живутъ пастухи *тудасы* («люди») въ числѣ болѣе 500 душъ (отношеніе числа мужчинъ къ числу женщинъ равняется 4:3); окраска ихъ темная, на груди, плечахъ и ногахъ они имѣютъ богатую растительность, носятъ длинную бороду. «Тудасы мягкаго характера, не имѣютъ никакого наступательно-оборонительнаго оружія и защищаютъ свои хижины только при помощи небольшихъ дверей; они не прибѣгаютъ ни къ какимъ исключительнымъ мѣрамъ противъ дикихъ звѣрей и у нихъ нѣтъ даже собакъ; они кочуютъ, переходя изъ одной мѣстности въ другую, и проводятъ время довольно своеобразно... Не имѣютъ никакихъ игръ и забавъ, за исключеніемъ одной, совершенно невинной. Въ спорахъ своихъ они никогда не прибѣгаютъ къ насилию. Они не охотятся—ни для своего удовольствія, ни для того, чтобы снискать себѣ пищу». Дичь они ѣдятъ только тогда, когда случайно околѣетъ какой-нибудь олень, преслѣдуемый хищниками; телятъ они убиваютъ разъ въ году во время празднествъ, молодыми же самками они платятъ котасамъ за ихъ ремесленную работу. Питаются молокомъ, фруктами и хлѣбомъ, который доставляютъ имъ *бадагасы* («сѣверные люди»). Эти послѣдніе въ числѣ 20 тысячъ занимаются хлѣбопашествомъ. Они оказываются представителями дравидійскаго типа и распадаются на 18 клановъ. *Котасы* («убійцы коровъ») являются ремесленниками у тудасовъ и бадагасовъ, а также танцорами и музыкантами на ихъ торжествахъ. Ихъ насчитывается 2000 чел.; отличаются они нечистоплотностью. Сосѣди запрещаютъ имъ ухаживать за коровами. *Курумбы* («дурные люди») — встрѣчаются въ чрезвычайно ограниченномъ числѣ; по своему типу они, съ антропологической точки зрѣнія, еще болѣе приближаются къ чернымъ элементамъ, чѣмъ вышеупомянутыя племена; ихъ считаютъ волшебниками. Наконецъ, *ирули* («люди тьмы»), въ

числѣ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ, живутъ отверженными на горахъ въ лѣсныхъ чащахъ; это—отбросы негритосскаго (?) типа, презираемые горцами. Тудасы опасаются волшебной власти курумбовъ; бадагасы же находятся въ постоянномъ страхѣ, подозрѣвая тудасовъ и курумбовъ въ сношеніи съ сверхъестественными силами. «Нѣтъ болѣзни, нѣтъ смерти или другого какого-либо несчастія, которое не приписывалось бы курумбамъ». Впрочемъ, эти своеобразныя отношенія перечисленныхъ племенъ, напоминающія явленіе коменсализма (т. е. такого состоянія, когда одинъ организмъ по отношенію къ другому является охранителемъ и сотрудникомъ) у животныхъ, сложились сравнительно недавно; тудасы, кажется, явились въ страну нѣсколько сотъ лѣтъ тому назадъ изъ восточныхъ Гатовъ и въ то время были воинственнымъ народомъ; бадагасы явились 200 лѣтъ тому назадъ и получили разрѣшеніе поселиться среди тудасовъ; остальные группы не что иное, какъ позднѣйшіе непрошенные гости. Всѣ говорятъ на различныхъ дравидійскихъ нарѣчіяхъ. Если бы здѣсь со временемъ образовалось большое многомилліонное общество, то раздѣленіе труда между различными группами съ существующимъ этническимъ обособленіемъ довело бы жителей до соотвѣстнаго кастоваго строя.

Тудасы во многихъ отношеніяхъ представляютъ очень интересный общественный строй. Ихъ племя состоитъ изъ пяти родовъ; заключать браки внутри рода нельзя. Родъ левитовъ, *пейковъ*, считается первымъ; члены этого рода берутъ себѣ въ жены дѣвушекъ изъ всѣхъ остальныхъ родовъ, между тѣмъ послѣдніе не имѣютъ права брать въ жены дѣвушекъ пейковъ. Каждый родъ живетъ въ нѣсколькихъ поселкахъ, насчитывающихъ отъ 10 до 25 человѣкъ. Въ такомъ поселкѣ находится обнесенный частоколомъ загонъ для коровъ. Населеніе мѣняетъ свое мѣстопробываніе 2—3 раза въ теченіе года, смотря по направленію вѣтровъ и обилію корма для скота. Пространство, находящееся во владѣніи племени, раздѣлено между родами; равнымъ образомъ ежегодно дѣлится хлѣбъ, получаемый въ видѣ дани отъ бадагасовъ; земля же, принадлежащая роду, раздается отдѣльнымъ поселкамъ, которые владѣютъ ею на правахъ общинной собственности. Стада одного и того же поселка пасутся вмѣстѣ, хотя скотъ и составляетъ частную собственность отдѣльныхъ лицъ; когда доятъ коровъ, каждое лицо беретъ столько молока, сколько ему необходимо на одинъ разъ, все же остальное молоко дѣлится между мужчинами собственниками соотвѣственно количеству ихъ скота. «Здѣсь нѣтъ холостыхъ, которые своими любовными похождениями безпокоили бы общество. Каждый мужчина и каждая женщина непремѣнно находятся въ супружествѣ; личность, помолвленная въ самомъ раннемъ возрастѣ и связанная по общественному праву супружескими узами, несетъ свой крестъ впро-

долженіе всей жизни... Братья, независимо отъ ихъ числа, живутъ въ безпорядочныхъ половыхъ сношеніяхъ съ одной или нѣсколькими женами. Если въ семьѣ 4 или 5 братьевъ, и одинъ изъ нихъ по достиженіи установленнаго возраста вступаетъ въ бракъ, то жена его считаетъ младшихъ братьевъ своего супруга—мужьями по мѣрѣ того, какъ они подрастаютъ; а если жена имѣетъ одну или нѣсколькихъ младшихъ сестеръ, то послѣднія, развиваясь, дѣлаются женами зятя и его братьевъ. Всѣ живутъ подъ общою кровлею. Первый ребенокъ считается ребенкомъ старшаго брата, второй—слѣдующаго и т. д.». У тудасовъ распространено дѣтубійство, но неизвѣстно, какъ обычай нормируетъ его. Младенца бросаютъ въ воду или подъ ноги идущему стаду. Религіозныя представленія тѣсно связаны съ условіями быта. Молоко по ихъ мнѣнію — божественный напитокъ, доеніе — священнодѣйствіе. Эту обязанность принимаетъ на себя «жрецъ» изъ рода пейковъ, живущій въ безбрачій, пока онъ состоитъ дойщикомъ; точно такъ же и помощникъ его долженъ жить въ половомъ воздержаніи. Молочная—святое мѣсто, куда имѣютъ право входить только жрецы; остальные мужчины могутъ лишь прикасаться къ чашоколу, женщинамъ же нельзя приближаться къ нему ближе, чѣмъ на 30—40 шаговъ. Приступая къ дѣлу, жрецъ и его помощникъ кланяются коровамъ. Каждый поселокъ имѣетъ свой шалапъ со священными предметами, которые всюду слѣдуютъ за нимъ; эти предметы слѣдующіе: колокольчики коровъ, рога и копыта. Сверхъ того разводится священный скотъ, имѣющій свою іерархію: корова-проводница снабжена колокольчиками и передаетъ свой санъ старшей дочери, если эта послѣдняя имѣетъ требуемыя качества. Въ мужья коровъ-проводницъ избираютъ самыхъ отборныхъ самцовъ, которыхъ предварительно подвергаютъ посту. Священное стадо имѣетъ двухъ собственныхъ жрецовъ, живущихъ, пока исполняютъ свои обязанности, въ отшельничествѣ и безбрачій, и стоящихъ во главѣ левитовъ. Кромѣ поклоненія священному стаду у тудасовъ существуетъ еще культъ предковъ. Они имѣютъ 5 добрыхъ боговъ, боговъ всѣхъ тудасовъ, вѣроятно легендарныхъ праотцевъ рода.

Стоило-бы познакомиться съ этною нильгирійскаго коммунализма и ея религіозною санкціей, но, къ сожалѣнію, мы не располагаемъ необходимымъ матеріаломъ. Кобы, прули и другія группы по всей вѣроятности остатки первобытныхъ туземцевъ ¹⁾, которые разсѣяны

¹⁾ Одинаковыя условія создаютъ и одинаковыя явленія. Въ анамалійскихъ горахъ, ближайшихъ къ нильгирскимъ, кадеры точно такъ же, какъ и тудасы, считаются господами; живутъ они впрочемъ болѣе охотой, чѣмъ скотоводствомъ. Заниматься хлѣбопашествомъ, по ихъ мнѣнію, позорно. Кадеры на видъ низкорослы и негритообразны. Мальсары и мадавры соответствуютъ бадагасамъ, палиеры—кушцы и пастухи.

въ дравидійскихъ обществахъ отдѣльными этническими группами: «людей-отбросовъ». Къ нимъ принадлежатъ напр. корагары въ Мангалорѣ. Послѣднимъ не дозволено было носить другого прикрытія, кромѣ листьевъ и травы; они должны были строить только землянки; ихъ принимали за волпебниковъ; они питались алигаторами и не трогали млекопитающихъ, къ которымъ относились съ отвращеніемъ.

Другая группа независимыхъ народовъ населяетъ пространство вдоль прямой, которая служитъ продолженіемъ Нербудды къ востоку, а также прилегающее къ этой прямой плоскогоріе Чота Нагура. Сюда принадлежатъ различныя коларскія группы: *санталы, ляржи, мунды*, насчитывающіе нѣсколько десятковъ и сотенъ тысячъ представителей. Нѣкоторые мелкіе народы находятся въ дикомъ состояніи и живутъ въ убогихъ хижинахъ. Далѣе, въ лѣсахъ, окружающихъ среднее и верхнее теченіе Нербудды, а также по берегамъ рѣкъ Тапти и Магѣ, живутъ *бильсы* (т. е. «изгнанники»), народъ, насчитывающій 2—3 мил., говорящій на индусскомъ, т. е. арійскомъ языкѣ; область между источниками рѣкъ Нербудды и Годавери населяютъ *гондсы* въ числѣ свыше 1½ мил., говорящіе на дравидійскомъ языкѣ. О болѣе мелкихъ группахъ незначитъ распространяться: всѣ онѣ обнаруживаютъ большую примѣсь черной крови, а иногда представляютъ даже чистый черный типъ. Характеръ этихъ народовъ и уровень ихъ культуры чрезвычайно различны. Большею частью они являются полукочевниками-земледѣльцами. *Санталы* народъ мирный; передъ каждой хижиной они ставятъ «скамейку для чужестранца». *Бильсы* отважные и воинственные горцы. Они распадаются на многія племена, находящіеся во взаимной враждѣ. Поселки ихъ окружены изгородью; каждая хижина является въ то же время и укрѣпленіемъ. Опояска на бедрахъ составляетъ весь ихъ костюмъ. Земледѣліе въ соединеніи съ охотою — главные источники существованія. Нѣкогда они обитали равнины, но вторженіе раджпутовъ отбросило ихъ въ горы. Всѣ эти группы платятъ дань побѣдителямъ изъ равнинъ, обыкновенно говорящимъ на индусскомъ языкѣ, но не перенимаютъ индусской культуры и крѣпко держатся своихъ старыхъ обычаевъ. «Появленіе индуса въ поселкѣ санталовъ вызываетъ болѣе страха, чѣмъ появленіе тигра»; когда къ гондсамъ приходитъ сборщикъ податей, то бьетъ въ барабанъ передъ поселкомъ и удаляется; послѣ непродолжительнаго отсутствія, онъ возвращается и, не сказавъ никому ни слова, беретъ дань, положенную въ назначенномъ для того мѣстѣ.

Внутренняя жизнь всѣхъ независимыхъ земледѣльческихъ группъ зиждется на народномъ сельскомъ правленіи. Напр. у кондовъ (около 300 тыс. въ Ориссѣ) «каждое племя имѣетъ свою собственную территорию и управляется аббасомъ. Оно распадается на нѣсколько ча-

стей, во главѣ которыхъ стоятъ патріархи; эти части въ свою очередь состоятъ изъ нѣсколькихъ поселковъ, руководство въ которыхъ ввѣрено потомкамъ вождя, избраннаго при самомъ возникновеніи этого строя. Аббая находятъ помощь и вмѣстѣ съ тѣмъ контроль для себя въ совѣтѣ, состоящемъ изъ патріарховъ частей племени; послѣдніе же пользуются содѣйствіемъ начальниковъ поселковъ, которые, въ свою очередь, поступаютъ сообразно съ указаніями и совѣтами стариковъ. Всѣ должности наследственны въ семьѣ, но избраніе того или другого лица въ начальники вполнѣ зависитъ отъ выборовъ. Аббая является какъ бы главой семьи, всѣ члены которой равны; онъ лишь первый между равными. Аббая не имѣетъ ни принудительной власти, ни особеннаго мѣстожителства, ни подданныхъ, ни собственности, кромѣ полей, которыя онъ воздѣлываетъ. Члены общества имѣютъ право голоса на каждомъ засѣданіи совѣта, хотя пренія ведутъ только начальники. Патріархальная власть охраняетъ порядокъ и безопасность только внутри племени, за предѣлами же его господствуютъ неурядицы. Распри между отдѣльными племенами никогда не прекращаются. Общественный строй и обычаи различны въ каждой мѣстности. Надъ жизнью этихъ обществъ возвышается культъ предковъ племени и отдѣльных поселковъ». Вездѣ у независимыхъ народовъ существуетъ половая свобода, неизвѣстна индусамъ. У санталовъ и кондовъ напримѣръ во время ежегодныхъ игръ молодежь идетъ въ лѣсъ, здѣсь она вступаетъ въ совершенно свободныя половыя связи и возвращается въ видѣ супружескихъ паръ. У ораовъ юноши и даже дѣвочки живутъ въ отдѣльных общинныхъ домахъ и пользуются совершенной свободой до супружества. Впрочемъ, у каждаго народа свои особые обычаи.

Расовое распредѣленіе народовъ въ Индіи, какъ прежде, такъ и теперь, подвергается медленному преобразованію, которое ведетъ къ исчезновенію коларскихъ элементовъ и въ нѣсколько меньшей степени—дравидійскихъ. Первобытное населеніе по всей вѣроятности представляло черный типъ, напоминающій санталовъ и другіе современные коларскіе народы. Это населеніе нѣкогда было сплошнымъ цѣлымъ, соприкасавшимся съ областями черныхъ группъ, остатки которыхъ въ видѣ оазисовъ или отдѣльных особей мы находимъ въ Японіи и на Малаккѣ. Принявъ же во вниманіе брагузовъ Ведуджистана, оазисы черныхъ типовъ, найденныхъ Катрфажемъ въ Ларистанѣ, и наконецъ темныхъ дравидообразныхъ кушитовъ древняго Вавилона, мы, можетъ быть, должны расширить это доисторическое черное пространство къ западу до Мессопотаміи.

Нѣкоторые изслѣдователи старались доказать родство дравидійскаго и австралійскихъ языковъ, но безуспѣшно. «Если мы—такъ свидѣтель-

ствуетъ объ этой попыткѣ извѣстный лингвистъ и этнографъ Фр. Мюллеръ—остановимся на доказательствахъ сродства этихъ языковъ, то, послѣ тщательнаго анализа, мы должны будемъ признать его слишкомъ мало-значущимъ, чтобы на этой почвѣ можно было высказаться въ пользу общаго происхожденія этихъ двухъ языковъ; кромѣ того и другія причины заставляютъ насъ отнестись крайне скептически къ подобнаго рода предположеніямъ». Нѣкоторые ученые, уже не съ филологической, а лишь съ антропологической точки зрѣнія сближаютъ дравидійцевъ съ туземцами Австраліи, коларскія же группы, гондсовъ, бильсовъ и т. д.—съ негритосами. Лица гондса и минкона дѣйствительно представляютъ разительное сходство. Описанія изображаютъ санталовъ и курумбовъ, какъ низкорослыхъ и курчавоволосыхъ, т. е. негритосообразными. Пытаются даже дать общую схему, указывающую, какъ возникли современные этническія отношенія Индіи. Вотъ она: первобытное населеніе Индіи было черное; оно принадлежало къ двумъ типамъ: негритосообразному и австралійскому. Первый обиталъ пространства отъ дельты Ганга вдоль восточнаго побережья, остатки его лучше всего сохранились у коларскихъ народовъ; вторыя же группы, приближающіяся къ австралійскому типу, заняли юго-западное побережье и сохранились тамъ до настоящаго времени, какъ напр. тудасы и др. Эти два типа распространились на полуостровахъ Индостана и Индокитая, представляя группы либо чистыхъ типовъ, негритоса и австралійца, либо же въ различной степени смѣшанныхъ. Когда расселеніе ихъ завершилось, явились на сцену тибетцы. Послѣдніе заняли Гангъ и распространились затѣмъ въ двухъ направленіяхъ: къ Инду и по восточному побережью. Волны пришельцевъ шли за волнами, отчасти смѣшиваясь съ черными туземцами, отчасти вытѣсняя ихъ въ горы. Изъ этого скрещиванія возникли «протодравидійскіе» типы, сохранившіеся у гондсовъ, кондовъ и др. Но поглощеніе тибетцевъ туземцами не прекращается и до сихъ поръ. Свѣжія волны, опять появляясь и смѣшиваясь съ протодравидійцами, дали новые расовые типы: дравидійскіе. Прежніе же черно-тибетскіе метисы, т. е. протодравидійцы, насколько они сохраняли свою чистоту, были отброшены въ горы и убожища, гдѣ въ свою очередь еще болѣе стѣснили первобытныхъ туземцевъ. Затѣмъ начинается туранское наступательное движеніе отъ Инда по Пенджабу, Раджпутанѣ до Виндійскихъ горъ. Изъ смѣшенія послѣднихъ съ дравидійскимъ и протодравидійскимъ населеніемъ возникли такія группы, какъ бильсы, джаты, мараты, изъ которыхъ у бильсовъ наиболѣе, у маратовъ наименѣе «черной крови». Наконецъ, надвигаются уже не столь сильно «арійскія» волны. Онѣ остаются въ долинѣ Ганга, откуда вытѣснили туземцевъ, отличающихся плоскимъ квадратнымъ лицомъ, гладкой кожей, черными, какъ смоль, волосами. Послѣд-

нее арийское нашествие было дѣломъ раджпутовъ въ IV столѣтіи. Арийцы захватываютъ власть въ свои руки, обращаютъ прежнихъ туземцевъ въ низшую касту, сами же становятся высшей, что однако нисколько не препятствуетъ скрещиванію типовъ и возникновенію арийско-индусскихъ языковъ. Въ IX вѣкѣ вторглись монголы, являющіеся помѣсью самыхъ разнообразныхъ народностей, затѣмъ афганскіе, семитическіе, даже абиссинскіе элементы. Все это смѣшивалось вѣками, чтобъ въ концѣ концовъ дать современное населеніе Индіи.

Болѣе точныя антропологическія изысканія не подтверждаютъ то значеніе негритосообразныхъ элементовъ въ Индіи, какое имъ приписываютъ. Изъ изслѣдованій напр. Каламанда оказывается, что антропологическія черты черныхъ группъ довольно однообразны и что представители ихъ длинноголовы, между тѣмъ какъ негритосы—о чемъ было уже въ своемъ мѣстѣ упомянуто—короткоголовы. У мараверовъ длинноголовые составляютъ 85%, среднеголовые 10%, короткоголовые же только 5%. Недавно произведенныя изслѣдованія въ Чота Нагпурѣ равнымъ образомъ обнаруживаютъ длинноголовый типъ. О томъ же наконецъ свидѣлствуютъ и измѣренія Іагора, произведенныя надъ отбросами Мадраса. Населеніе же нильгирійскихъ горъ въ трудахъ этого антрополога рисуется въ слѣдующемъ видѣ (для мужчинъ):

	Тудасы	Бадагасы	Коты	Курумбы	Ирули
У. ш. ч.	69,4	69,6	71	74	74
Ростъ	1,636 метр.	1,574	1,554	1,529	1,569.

Низкій ростъ черныхъ туземцевъ Индіи приближаетъ ихъ къ негритосамъ, но вѣдъ одного признака конечно недостаточно, чтобы засвидѣлствовать близкое родство этихъ двухъ типовъ въ виду различнаго строенія черепа. Точно такъ же трудно доказать родство другихъ черныхъ типовъ Индіи съ австралійцами. Скорѣе слѣдуетъ предположить, что первобытное населеніе Индіи состояло изъ нѣсколькихъ различныхъ черныхъ типовъ, въ настоящее время уже не встрѣчаемыхъ въ другихъ мѣстахъ. Впрочемъ, антропологическія наблюденія надъ населеніемъ Индіи пока еще не настолько подвинулись впередъ, чтобъ можно было уяснить себѣ расовый составъ населенія Индіи. Кажется однако, что расовыя отношенія были здѣсь болѣе сложны, чѣмъ можно думать, судя по выше начерченной схемѣ и сопоставленіямъ. Приходится согласиться съ мнѣніемъ извѣстнаго изслѣдователя, который посвятилъ имъ солидный трудъ. «Что касается до происхожденія и родства индусскихъ расъ, говоритъ Мантегацца, то въ настоящее время позволительно сказать лишь то, что Индія нѣкогда, въ эпоху очень отдаленную, была населена сотней и даже тысячей расъ, которыя, либо подъ вліяніемъ самостоятельнаго развитія,

либо благодаря чужеземнымъ нашествіямъ, сблизились другъ съ другомъ и отчасти слились. Такимъ образомъ по прошествіи цѣлаго ряда вѣковъ возникла въ большихъ центрахъ какъ будто однообразная масса, тамъ и сямъ однако вслѣдствіе атакизма всплыли старые типы. Лишь нѣсколько незначительныхъ племенъ, обособленныхъ благодаря безконечнымъ лѣсамъ и высокимъ горамъ, сохранились въ такомъ видѣ, что могутъ дать намъ нѣкоторое представленіе о расовыхъ типахъ Индіи до арийскаго и магометанскаго нашествій».

IV.

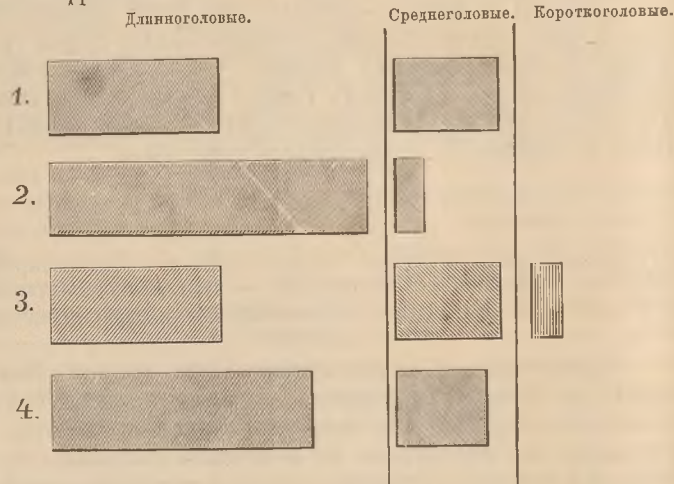
Антропологическіе элементы черной Африки и ихъ распредѣленіе.— Культура бушменовъ и готтентотовъ. — Лингвистическая группа банту и ея культура.— Настоящіе негры.— Вѣроятное будущее черныхъ африканцевъ.

«Черная» Африка, за исключеніемъ долины верхняго Нила и окрестныхъ мѣстностей, представляетъ замкнутое пространство, какъ въ географическомъ, такъ и въ антропологическомъ отношеніи. Народы, населяющіе это пространство въ количествѣ 150—160 милліоновъ, пока мало извѣстны. Этнографъ напр. въ настоящее время считаетъ себя вполне удовлетвореннымъ, если можетъ дать для этой или другой мѣстности хотя приблизительное представленіе о численности отдѣльныхъ группъ. Что-же послѣ этого сказать объ антропологическихъ типахъ! Но какъ бы то ни было, не подлежитъ сомнѣнію, что «черная» Африка въ расовомъ отношеніи не является такой однообразной, какъ многіе полагаютъ или какъ значится въ нашихъ учебникахъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ (1884) Пассаванъ сопоставилъ весь существовавшій въ то время краниологическій матеріалъ (205 череповъ), относящійся къ африканскимъ племенамъ. Черепа ихъ въ процентномъ отношеніи распредѣлились слѣдующимъ образомъ:

		длинно-средне-коротко- головые.	
Изъ 32 череповъ готтентотовъ и бушменовъ было	59,39%	40,63%	—
„ 41 „ кафровъ	92,69%	7,52%	—
„ 83 „ жителей Конго	50,58%	40,96%	8,43
„ 49 „ суданскихъ негровъ	75, 4%	24, 5%	—

Эти колебанія служатъ прекраснымъ доказательствомъ, что африканское населеніе въ расовомъ отношеніи не однообразно, и въ общихъ чертахъ намѣчаютъ распредѣленіе типовъ въ Африкѣ. За послѣднее время антропология приобрѣла болѣе богатый матеріалъ для гвинейскаго побережья, окрестностей Габуна и устья Конго. Этотъ матеріалъ позволяетъ намъ различать въ африканскомъ населеніи три основныхъ типа, именно: негритинскій, негрильскій и бушменскій.

Фигура 3 графически изображает соотношение череповъ различныхъ типовъ Африки:

1. Гортентоты. 2. Кафры. 3. Население областей, расположенныхъ по течению р. Конго. 4. Население Судана.

Различіе въ чертахъ негра и негрида напоминаетъ различіе, встречаемое у папуасскаго и негритосскаго типовъ. Общая характеристика негра слѣдующая: ступня плоская, пятка удлинненная, особенный наклонъ таза, что обуславливаетъ нерѣзительность шага; незначительное развитіе ляшекъ и икръ; кожа черная, лоснящаяся, какъ бархатъ, влажная; на ладони и подошвѣ она болѣе свѣтлая; волосы въ поперечномъ разрѣзѣ эллиптическіе; лобъ откинутый назадъ, носъ широкій, сплюснутый, съ большими отверстиями; губы толстыя, пухлыя, красныя; небольшія торчащія уши; раннее старческое увяданіе; потъ своеобразнаго запаха. Организмъ негра оказываетъ значительное сопротивление лихорадочнымъ заболѣваніямъ. Только что описанный негръ, въ сравненіи съ негриломъ, высокаго роста, а въ Африкѣ можно считать его даже самымъ рослымъ изъ обитателей; первый—длинноголовый, второй скорѣе короткоголовый; первый является представителемъ осѣдлыхъ земледѣльцевъ, достигнувшихъ уже извѣстнаго уровня культуры, второй—охотникомъ-дикаремъ. Обонги напр. «являются бродячимъ народомъ; разъ нѣтъ дичи въ данной мѣстности, они переходятъ въ другую; впрочемъ, особенно далекихъ скитаній они не любятъ»; лѣсные ихъ поселки, состоящіе изъ нѣсколькихъ жителей, находятся другъ отъ друга на разстояніи 1—2 дней пути. «Акки, не смотря на свой огромный животъ и короткія ноги, удивительно ловки;

особенно изумляютъ ихъ прыжки. Я никогда такъ сердечно не смѣялся, какъ тотъ разъ, когда присматривался къ ихъ танцамъ и охотничьимъ пріемамъ, которыми они желали щегольнуть передо мной. Копье, лукъ и стрѣла составляютъ, собственно говоря, все ихъ оружіе, но они у нихъ словно игрушечныя». Нѣмніамы, суданское племя, слѣдующимъ образомъ описываютъ охоту акковъ: «они прыгаютъ въ травѣ, какъ саранча; слоны ихъ не видятъ, — такъ они проворны; наконецъ они стрѣлой изъ лука попадаютъ въ глазъ животному и копьемъ пронзаютъ ему брюхо». Впрочемъ, лишь одни акки изъ всѣхъ негритльскихъ группъ сравнительно извѣстны. 30 измѣреній роста, произведенныхъ надъ ними, дали въ среднемъ 1,36 метра; 7 измѣреній указателя ширины черепа дали 79,1, причемъ 57% оказалось короткоголовыхъ, два черепа были длинные, съ указателемъ 74,4 и 77,9; измѣренія указателя ширины черепа, произведенныя надъ живыми обонгами, дали въ среднемъ 81,4. Вотъ почти все, что антропология до сихъ поръ знаетъ объ этомъ типѣ. Однако эти изслѣдованія указываютъ на тяготѣніе негриловъ къ короткоголовости, хотя оно выражается у нихъ не такъ рѣзко, какъ у негриловъ-островитянъ. Цвѣтъ кожи негриловъ—коричневато-кофейный. Низкій ростъ ихъ съ кривизной позвоночника въ видѣ буквы S и обильный волосяной покровъ послужили поводомъ для множества предположеній; считали напр. негриловъ остатками третичнаго чловѣка, посредствующимъ звеномъ между обезьяной и негромъ. Болѣе свѣтлая окраска кожи и низкій ростъ негриловъ съ одной стороны отдѣляетъ ихъ отъ негровъ, съ другой приближаетъ къ бушменамъ. Окраска кожи бушмена—коричневато-желтая. Гортентоты, происшедшіе отъ скрещиванія бушменовъ съ другими типами, называютъ себя *ава-коибамы*, т. е. «красными людьми», кафровъ же, у которыхъ преобладаетъ кровь негритянскаго типа, *ну-коибамы*, т. е. «черными людьми». Въ то время какъ волосы негра напоминаютъ руно, сплетеніе волосъ у бушмена пучковато. Это послѣднее обстоятельство дало поводъ думать, что у нихъ волосы растутъ въ видѣ пучковъ, какъ на щеглѣ. Бушмень—длинноголовый, хотя не въ такой степени, какъ негръ. Окраска кожи, величина и особенное строеніе глазъ и нѣсколько другихъ признаковъ придаютъ бушменскому типу монгольскій видъ. «По моему мнѣнію», говоритъ Вирховъ, «весьма поучительно явленіе, встречаемое въ южной Африкѣ, гдѣ на огромной площади обитаетъ монголоподобное племя, хотя оно въ родствѣ съ монголами не находится. Не подлежитъ однако сомнѣнію, что бушмены, не смотря на свѣтлый цвѣтъ своей кожи, по остальнымъ признакамъ явно обнаруживаютъ свою принадлежность къ черной расѣ». Сильно выраженный прогнатизмъ, особенное удлинненіе (на 15—20

сантиметровъ) *labiorum minorum* (такъ называемый «готтентотскій передникъ») у женщинъ, напоминающее своей формой строение соотвѣтственныхъ органовъ у человѣкоподобныхъ обезьянъ, стеатопигія у женщинъ (иногда встрѣчаемая и у мальчиковъ), заключающаяся въ сильномъ развитіи жировыхъ массъ, лежащихъ непосредственно надъ сѣдалищными мышцами, все это—особенности, свойственныя только бушменамъ и чуждыя неграмъ. «При общемъ обзорѣ многихъ признаковъ бушмена напрашивается сравненіе его съ ребенкомъ; къ дѣтскому типу сильноѣе приближается женщина, поэтому понятно, что мужчины-бушмены очень похожи на женщинъ; зачастую бушмены могли бы выдавать себя за женщину, не возбуждая ни въ комъ подозрѣнія». Слѣдуетъ вспомнить и объ обилии особенныхъ звуковъ въ бушменскихъ языкахъ; ихъ насчитываютъ отъ 6 до 8,—смотря по племени. Эти звуки не поддаются точному описанію. Возникаютъ они вслѣдствіе втягиванія воздуха языкомъ, небомъ и задними зубами (чмоканіе). Путешественники говорятъ, что одинъ изъ нихъ напоминаетъ звукъ, которымъ сопровождается откупориваніе бутылки, другой—свистъ разсѣкаемаго хлыстомъ воздуха.

Разсмотрѣнные нами основные типы «черной» Африки имѣютъ неодинаковое число представителей. Въ виду низкой охотничьей культуры племени акковъ, ватуовъ и т. д., нельзя предположить, чтобы число болѣе или менѣе чистыхъ негриловъ превышало нѣсколько сотъ тысячъ человѣкъ. Но, какъ расовая примѣсь, они вошли въ другія группы. Особенно въ окрестностяхъ рѣки Конго эта примѣсь велика и обнаруживается въ низкомъ ростѣ населенія и въ повышеніи указателя ширины черепа. Тогда, какъ у негровъ въ Сенегамбіи людей ростомъ выше средняго насчитывается 87%, низкаго 0% (у волофовъ), у адумовъ число низкорослыхъ достигаетъ 89%, у батековъ 53%. Равнымъ образомъ въ то время, какъ у сенегаловъ длинноголовые составляютъ 93%, среднеголовые 7% населенія, у адумовъ короткоголовые достигаютъ 63%, у балубовъ 53%. Значительная примѣсь короткоголовости замѣчается даже у апантievъ на Золотомъ берегу. Дальнѣйшія изслѣдованія выяснятъ намъ болѣе опредѣленно, какую именно роль сыгнали негры въ расовой помѣси различныхъ народовъ. Судя по отдѣльнымъ указаніямъ, которыя мы имѣемъ до настоящаго времени, эта роль должна быть значительной. Одно географическое распредѣленіе современныхъ болѣе или менѣе чистыхъ негрийскихъ группъ свидѣтельствуетъ объ обширности прежней ихъ территоріи. Они появляются въ видѣ оазисовъ въ различныхъ пунктахъ черной Африки, въ окрестностяхъ большихъ озеръ (ватуи, акки), въ лѣсахъ Габуна (обонги) и въ Лоанго (бабонки). По всей вѣроятности, нѣкогда они плотно населяли все это про-

странство, и только впоследствии врѣзались въ ихъ территорію другіе типы, болѣе культурные и энергичные, поглотившіе до нѣкоторой степени негриловъ. Несравненно труднѣе опредѣлить этнологическую роль бушменскихъ элементовъ въ составѣ южно-африканскаго населенія, такъ какъ длинноголовость бушменскихъ племенъ приближаетъ ихъ къ другимъ африканскимъ типамъ. Они живутъ теперь главнымъ образомъ въ южной Африкѣ, особенно же въ пустынѣ Калагари; однако спорадически встрѣчаемое въ другихъ мѣстахъ чмоканіе, стеатопигія и тому подобныя спеціальныя примѣты бушменовъ позволяютъ думать, что они, какъ одна изъ составныхъ частей населенія, распространяются до 10° южн. ш. Слѣдуетъ предположить, что въ этихъ мѣстахъ бушменскій типъ пратуземный. Кафры еще и по настоящее время зовутъ бушменовъ *саабамми*, т. е. туземцами; если же бушмень принимаетъ участіе въ охотѣ кафровъ, то онъ, какъ первобытный житель этихъ странъ, получаетъ лучший кусокъ дичи. Изъ соединенія и смѣшенія въ самой различной степени разсмотрѣнныхъ нами типовъ возникли современные народы «черной» Африки. Но ошибочно думать, что это скрещиваніе вполне достаточно уясняетъ все разнообразіе антропологическихъ типовъ, встрѣчаемыхъ на этомъ материкѣ. Замѣтны еще и другія расовыя вліянія. Мы, конечно, не говоримъ о такихъ проблематическихъ примѣсахъ, какъ папуасская или малайская на восточномъ побережьи, но имѣемъ въ виду другіе элементы, важные по своей опредѣленности и своему значенію. Мы говоримъ о лицахъ съ «греческимъ» профилемъ. Въ то же время у этихъ типовъ замѣчается окраска кожи болѣе свѣтлая: коричневая и шоколадная; строеніе волосъ у нихъ равнымъ образомъ другое, безъ характерныхъ негритянскихъ примѣтъ. Степень вышеупомянутыхъ вліяній—различна, смотря по мѣстности; то попадаются лишь отдѣльныя личности, обнаруживающія подобную примѣсь, то—цѣлыя этническія группы со слѣдами чуждыхъ имъ расовыхъ вліяній. Географическое распредѣленіе «греческихъ» чертъ заслуживаетъ полнаго вниманія, такъ какъ сразу открываетъ ихъ происхожденіе. Полосы этихъ типовъ идутъ изъ центра, лежащаго между среднимъ и верхнимъ теченіемъ Нила съ одной стороны и восточнымъ побережьемъ съ другой. Смѣшеніе типовъ въ этихъ мѣстахъ достигаетъ крайнихъ предѣловъ. Здѣсь мы находимъ всевозможныя отбѣнки окраски кожи, отъ смуглой до красной и черной, всевозможныя формы носа и строенія волосъ. Въ Сенаарѣ напр. существуетъ цѣлая скала названій для обозначенія желтоватой, красноватой, синеватой и зеленоватой окраски мѣстнаго населенія. Абиссинія (отъ арабскаго слова *Габешъ*—«смѣсь»), благодаря своему топографическому строенію, представляетъ настоящій музей раз-

личных посредствующих типовъ, отъ «греческихъ» до негроподобныхъ, съ преобладаніемъ однако семитическихъ и хамитическихъ чертъ. Эти типы, живущіе въ степяхъ Адена и приильскихъ оазисахъ и ведущіе пастушескій образъ жизни, дали начало тому наѣздинческому элементу, который проникъ въ самые дальніе уголки Африки. Если устранимъ изъ настоящаго обзора рѣзко выдѣляющіяся семитическія племена, происходящія изъ оазисовъ Сахары и изъ странъ, расположенныхъ по теченію Нила, то распредѣленіе вышеупомянутыхъ элементовъ въ общихъ чертахъ представится въ слѣдующемъ видѣ. На пространствѣ отъ Сенегала до Дарфура можно встрѣтить племена фулаховъ (туземное названіе: фульбы — множественное число отъ *фуло*, т. е. «свѣтлый» на языкѣ мандинговъ), въ видѣ пастушескихъ кочевниковъ или завоевателей. Натолкнувшись на какую-нибудь негритянскую страну, они сначала разоряютъ ее, затѣмъ располагаются въ ней, строятъ дома и наконецъ дѣлаются полными хозяевами. Фулахи играютъ въ этихъ мѣстахъ роль общественно-организаторскихъ элементовъ. «Если введешь — гласитъ мѣстная пословица — фульбу въ семью, плѣнницу-ли или наемницу, то она всегда сдѣлается хозяйкой въ домѣ». Между энергическимъ и стойкимъ фулахомъ и легкомысленнымъ болтливымъ негромъ поразительная разниа. Перваго невозможно закрѣпостить — онъ покончитъ съ собою или сбѣжитъ. Издѣляя его рукъ отличаются изысствомъ. Онъ занимается среди негровъ посредничествомъ, насаждаетъ у нихъ капитализмъ, является религіознымъ фанатикомъ. Что же касается до негра, то онъ мало способенъ ко всему этому. Фулахи въ качествѣ наѣзтниковъ, скотоводовъ, ремесленниковъ, организаторовъ распространяются все болѣе и болѣе среди суданскихъ негровъ, хотя и составляютъ всего лишь какіе-нибудь $\frac{1}{2}$ % на населеніе въ нѣсколько десятковъ милліоновъ. Фулахи отличаются отъ негровъ своими гладкими волосами, прямымъ носомъ и красноватой кожей, вслѣдствіе чего нѣкоторые антропологи склонны причислять ихъ къ народѣ африканскаго красноксжаго типа, живущимъ по среднему теченію Нила, вродѣ *барабрасовъ*, *донголовъ* и другихъ земледѣльческихъ народовъ Нубіи, или даже къ древнимъ египтянамъ. Если мы отъ Нила направимся вглубь африканскаго материка, оставляя въ сторонѣ такіа племена, какъ *фунджи*, живущіе по теченію Вѣлаго Нила, какъ *бертаты*, *бонни* (воинственные народы, ведущіе пастушескій образъ жизни), то мы натолкнемся на племена людоедовъ по страсти, каковы *намниамы*, *монбутосы* и др., у которыхъ шоколадная окраска кожи, иногда длинныя волосы и не негритянскіе носы указываютъ снова на родственную расовую примѣсь. Монбутосы, если только это не преждевременное заключеніе, являются па-

разитами въ негритянскихъ обществахъ: деревень они не имѣютъ, каждая семья живетъ въ нѣсколькихъ изычно отстроенныхъ избахъ, представляющихъ собою какъ бы военные посты. Хлѣбопашество у нихъ находится на низкомъ уровнѣ, изъ домашнихъ животныхъ они разводятъ только собакъ и куръ, питаются же человѣческимъ мясомъ, и это въ такой странѣ, которая изобилуетъ дичью и знаетъ скотоводство. Лозунгомъ монбутосовъ въ сраженіи является возгласъ: «мяса!», которому (т. е. человѣческому мясу) они приписываютъ опьяняющее свойство. Они страстны, ловки и отличаются художественнымъ вкусомъ. Страны за монбутосами вглубь материка неизвѣстны; но Ливингстонъ, направляясь по теченію Замбези въ центральную Африку, встрѣтилъ на своемъ пути повыше Луалабы также людоедовъ по страсти съ правильными чертами лица. «*Манимы*» выдѣляются среди безобразныхъ негровъ западнаго побережья. Френологія оказалась бы безсильной, если бы мы пожелали при ея помощи выяснитъ низкій уровень ихъ нравственности. Женщины свѣтло-коричневой окраски, съ прямымъ носомъ, красиво очерченной головой, съ маленькими ногами и руками. Торговцы не жалѣютъ средствъ, чтобы пріобрѣтать ихъ для гаремовъ. На одномъ собраніи я встрѣтилъ столько красивыхъ и интеллигентныхъ лицъ, сколько ихъ встрѣчаешь въ Парижѣ или Лондонѣ». Кажется, что центральная Африка отъ страны монбутосовъ до Луалабы изобилуетъ подобными антропологическими элементами. Быть можетъ, отсюда вышли племена *фановъ*, поселившіяся въ Габунѣ; 30 лѣтъ тому назадъ совершенно неизвѣстные на побережьи, они были привлечены сюда вѣстью объ европейскихъ сокровищахъ. Въ настоящее время фаны, благодаря своей воинственности и людоедству, наводятъ ужасъ на окрестное населеніе. Второе теченіе подобныхъ элементовъ въ черную Африку идетъ изъ восточнаго угла африканскаго материка отъ пролива Вабъ-эль-Мандебъ. Ближе къ сѣверу кочуютъ въ степяхъ группы сомаловъ и др. съ ясно выраженными признаками семитовъ или хамитовъ. Въ экваторіальныхъ мѣстностяхъ къ востоку отъ озеръ у племенъ *уакузовъ* и юнѣе у *мазаевъ* и т. д. черты лица еще достаточно правильны. Эти народы — смуглые, гладковолосые, занимаются скотоводствомъ и грабежомъ. Въ битвахъ они сражаются безъ отдыха до тѣхъ поръ, пока не побѣдятъ или не погибнуть; теплое, еще трепещущее человѣческое мясо — лакомое ихъ блюдо. Чѣмъ дальше на югъ, тѣмъ негроподобныя черты, какъ физическія, такъ и духовныя, становятся болѣе опредѣленными и интенсивными, особенно по теченію рѣки Замбези. Однако кафры еще достаточно сильно обнаруживаютъ разматриваемую расовую примѣсь. Негритянскія вліянія усиливаются еще болѣе по мѣрѣ того, какъ мы приближаемся по теченію Замбези къ западу.

Теперь, если мы сопоставим все то, что было нами сказано относительно расовых влияний сѣверо-востока, то мы должны придти къ заключенію, что среднее и верхнее теченіе Нила является могущественнымъ горниломъ, гдѣ вслѣдствіе смѣшенія различныхъ «кавказскихъ» типовъ, преимущественно же семитоподобныхъ съ одной стороны и черныхъ съ другой, образовались и образуются постоянно новые смѣшанные типы, которые отсюда врываются въ самое сердце «черной» Африки, прорѣзываютъ ее по различнымъ направленіямъ и производятъ непрерывное скрещиваніе расовыхъ типовъ. Эти семитоподобныя влияния за послѣднее время значительно усилились. Вскорѣ мы познакомимся съ ними ближе.

Когда европейцы явились въ южную Африку, то застали тамъ кромѣ племенъ, принадлежащихъ къ семьѣ банту, еще два другія племена: бушменское и готтентотское.

Съ антропологической точки зрѣнія готтентоты произошли отъ скрещиванія бушменскаго типа съ какимъ нибудь другимъ или съ нѣсколькими, въ томъ числѣ съ кафрскимъ. Бушменскіе признаки выступаютъ особенно сильно у готтентотокъ. Въ сравненіи съ бушменами, готтентоты темнѣе и нѣсколько выше ростомъ, «передникъ» и стеатопигія встрѣчается у нихъ рѣже, длинноголовость значительнѣе, причмокиваніе слабѣе, чѣмъ у бушменовъ. Бушмень — человѣкъ подвижной, смѣлый. «Споры у этого народа (т. е. у бушменовъ) чрезвычайно бурные и происходятъ ежедневно». Они не любятъ ничего не дѣлать и рѣдко остаются безъ занятій. Во всякомъ предпріятіи они обнаруживаютъ необычайную стойкость. «Умъ бушмена живой и въ своемъ родѣ изобрѣтательный. Храбрость его не имѣетъ границъ: одинъ бушмень подкрадывается къ спящему лву и набрасываетъ на его голову шкуру, другой осыпаетъ его стрѣлами изъ лука». «Слышалъ я отъ людей опытныхъ, что съ дюжиной бушменовъ нечего опасаться сотни кафровъ». Напротивъ того, готтентотъ спокоенъ, трусливъ и мало энергиченъ. «Безъ сомнѣнія, готтентотъ какъ въ физическомъ, такъ и въ духовномъ отношеніи самый лѣнивый народъ въ мѣрѣ».

Бушмень главнымъ образомъ населяетъ пустыню Калагари. Природа даетъ ему скудную пищу; техника его стоитъ на низкомъ уровнѣ развитія. Лукъ составляетъ характерное оружіе, отличающее бушмена отъ группы банту; стрѣлы свои онъ всегда отравляетъ, страусовыя яйца замѣняютъ ему посуду, выдѣлываетъ онъ только сѣти и корзины; весь костюмъ его состоитъ изъ кожаной опояски. Образъ жизни бушменовъ превосходно рисуетъ слѣдующая сценка: «Появилось 9 бушменовъ, изуренныхъ голодомъ и опоясанныхъ ремнями; съ длинными копьями въ рукахъ, они выстроились въ одну линію, но такъ, что одинъ отъ другого былъ

на разстояніи 200 шаговъ, и начали описывать полукруги то въ томъ, то въ другомъ направленіи, всегда однако оставаясь другъ отъ друга на одномъ и томъ же разстояніи. Такимъ образомъ они могли обойти значительное пространство. Если кто изъ нихъ замѣчалъ слѣды дичи, то молчаливо поднималъ копье. Этотъ знакъ, повторяемый каждымъ со слѣдомъ, достигалъ послѣдняго звена цѣпи охотниковъ, и всѣ въ прежнемъ порядкѣ направлялись къ указанному мѣсту. Они напоминали въ этомъ случаѣ хорошо дрессированныхъ собакъ. На лѣвомъ флангѣ увидѣли слѣды большой антилопы; всѣ молча сошлись на совѣтъ и, объясняясь копьями, поняли другъ друга. Двое самыхъ молодыхъ и ловкихъ начали подкрадываться, какъ кошки, и скорѣй исчезли въ кустахъ. Точно такъ-же молча, они явились обратно и повели своихъ товарищей за звѣремъ». Если охота неудачна, то бушмены въ теченіе нѣсколькихъ дней сильнѣе стягиваютъ животы ремнями, но зато, въ случаѣ успѣха, онѣ дѣлаютъ до отвала. Они находятъ себѣ пищу тамъ, гдѣ европеецъ умеръ бы съ голода. Осѣдность для бушменовъ какъ охотниковъ — невозможна. Даже шалаши изъ вѣтвей появляются у нихъ только въ исключительныхъ случаяхъ. Обыкновенно бушмень спитъ въ ямѣ или въ теплой золѣ костра. Живя въ пустынѣ съ незапамятныхъ временъ, онъ сросся съ ней; «онъ, перемѣнивъ образъ жизни, все таки бѣжитъ въ пустыню, хотя бы на нѣсколько недѣль, подышать ея воздухомъ». Кафры рассказываютъ слѣдующее о бушменахъ: «они прячутся въ травѣ, живутъ на высокихъ скалахъ и не имѣютъ деревень; ихъ отечество тамъ, гдѣ они убьютъ дичь; когда же ее уничтожатъ, идутъ далѣе... они, какъ мухи, которые неизвѣстно откуда появляются и снова исчезаютъ». Европейскій же колонистъ къ этому прибавляетъ: бушмены никогда не имѣли никакихъ домашнихъ животныхъ, за исключеніемъ собакъ и вшей. Они занимаются также грабежомъ, т. е. уводятъ у сосѣднихъ пастушескихъ народовъ скотъ. Если отправленная за ними погоня ихъ настигаетъ, то они перебиваются у скота голени и загнѣмъ скрываются. Общественный строй бушменовъ обусловливается окружающими ихъ условіями и недостаткомъ дичи въ пустынѣ. Болѣе значительная группа бушменовъ распадается на меньшія; случай только можетъ иногда соединить ихъ, и если обстоятельства тому благопріятствуютъ (обиліе дичи), то они остаются вмѣстѣ. Существуетъ множество очень различныхъ варіетѣй. Двѣ группы бушменовъ, раздѣленные ручьемъ, другъ друга не понимаютъ. Во главѣ группы стоитъ самый ловкій до тѣхъ поръ, пока онъ не утратитъ своихъ способностей. Супружескія связи произвольны; для обозначенія дѣвушки и женщины служатъ у нихъ одно и то же слово.

Готтентоты («зайки») — названные такъ голландцами въ насмѣшку

надъ ихъ причмокиваніемъ; сами же себя они называютъ койкои-нами—«людьми») ведутъ пастушескій образъ жизни. Они разводятъ коровъ, козъ и овецъ. Питаются молокомъ. Въ виду же того, что готтентотская корова даетъ мало молока (одна наша корова съ успѣхомъ можетъ замѣнить 10 готтентотскихъ), то стада ихъ значительны. Мясо они ѣдятъ рѣдко, если же ѣдятъ, то зачастую готовятъ его такимъ образомъ: сначала его сушатъ на солнцѣ, затѣмъ растираютъ въ порошокъ и варятъ вмѣстѣ съ молокомъ. Имѣютъ своего издѣлія глиняную посуду, умѣютъ ткать и плести корзины. Хижины свои строятъ въ видѣ улья, круглыми, съ конусообразной крышей. Общественные порядки готтентотовъ представляютъ низшую ступень кафрскаго строя, съ которымъ мы сейчасъ познакомимся; повидимому одни и тѣ же условія вызвали одинаковыя общественныя явленія. Сверхъ того надо замѣтить, что готтентоты въ настоящее время являются жалкими вырожденками. Изъ многочисленныхъ нѣкогда племенъ остались лишь племена: *намы* между западнымъ побережьемъ, р. Оранжевой и пустыней Калагари, и *кары* по теченію Ваала. Языки, на которыхъ говорятъ эти племена, отличаются во многомъ отъ бушменскихъ, другъ къ другу же они относятся какъ нарѣчія.

Если мы отъ устья рѣки Джубы проведемъ прямую къ островамъ Фернандо-По, то пространства, лежація къ югу отъ нея, за исключеніемъ Капланда и пустыни Калагари, заняты народами, принадлежащими по своему языку къ одному семейству: *ба-нту*—«людей». И въ то время, когда готтентотовъ и бушменовъ насчитываютъ лишь нѣсколько десятковъ тысячъ, народы банту имѣютъ своими представителями десятки миллионъ. Строеніе языковъ банту агглютинирующее, типа: *префиксъ+корень*, напр. у племени гереровъ *ому-нду*—человѣкъ, *ова-нду*—люди, *на-ому-нду* съ человѣкомъ, тогда какъ рѣчь готтентотовъ построена по типу: *корень+суффиксъ*. Среди столь многочисленной и широко раскинутой группы нельзя конечно найти расового антропологическаго однообразія. Между кафромъ съ восточнаго побережья и жителемъ Лоанго такая разница, «какъ между англичаниномъ и китайцемъ», говоритъ одинъ путешественникъ. Это мнѣніе нѣсколько преувеличено, но характеризуетъ дѣйствительныя расовыя отношенія племенъ банту. Итакъ, въ восточной части Африки встрѣчаются «живыя статуи, которыя могутъ служить моделью при изслѣдованіи классическихъ образцовъ», между тѣмъ какъ въ западныхъ частяхъ мы находимъ негритянской типъ въ смѣшеніи съ негрильскимъ и отчасти (на юго-западѣ) съ бушменскимъ. Впрочемъ, этнографія, касающаяся этихъ областей Африки, еще почти вовсе не разработана; въ нѣкоторыхъ случаяхъ она даже не имѣетъ въ своемъ распоряженіи другого фактическаго матеріала, какъ только безсодер-

жательную груду названій. Лучше мы знаемъ лишь нѣкоторыя этнические группы. Надо еще прибавить, что, вслѣдствіе непрерывныхъ набѣговъ и возникновенія скоропреходящихъ государствъ, черезъ сравнительно небольшіе промежутки времени названія мѣняются, народы исчезаютъ, и на ихъ мѣстѣ появляются новые. Всѣ попытки, направленные къ тому, чтобы упорядочить этотъ этническій хаосъ, въ настоящее время могутъ имѣть только временное значеніе. Удобнѣе всего принять за основаніе классификаціи народовъ различные префиксы, прибавленные къ основному корню для того, чтобы дать ему то или другое значеніе. Такъ вдоль р. Замбези живетъ группа, на языкѣ которой префиксъ *ма* означаетъ народъ. Наиболѣе выдвинутый на югъ форпостъ ея представляетъ вѣтвь *ама*, которая распространилась на пространствахъ вдоль восточнаго побережья отъ рѣки Рыбей до залива Делагоа. Племена эти полу-пастушескія, полу-осѣдлы; изъ нихъ до настоящаго времени самымъ независимымъ было племя *ама-зулу*. Представители этой вѣтви языка отличаются атлетическимъ строеніемъ и острымъ умомъ. Критическія замѣчанія, сдѣланныя кафромъ, вызвали въ епископѣ Коленсо религіозныя сомнѣнія, которыя довели его до раціонализма. «Ты утверждаешь», сказалъ одинъ вожь миссіонеру, «что Богъ всемогущъ. Охотно вѣрю этому. Далѣе ты говоришь, что дьяволъ препятствуетъ намъ принять христіанство. Поэтому, кажется, несравненно легче было бы насъ обратить въ христіанство, еслибъ ты ранѣе уприсилъ Бога направить самого дьявола на истинный путь». Отвагой и энергіей отличаются и тѣ народы изъ группы *ма*, которые заняли землю между побережьемъ и озеромъ Ніасси, напр. племя *макуасовъ*. Однако эта предприимчивость и твердость характера негровъ исчезаютъ по направленію къ западу; одновременно съ этимъ уменьшается скотоводство и увеличивается земледѣліе. Ради примѣра можемъ сослаться на *мангунджіевъ*, живущихъ на западномъ берегу оз. Ніасси. Уже въ среднемъ теченіи Замбези приставка *ма* для обозначенія идеи народа встрѣчается все рѣже и рѣже и наконецъ совершенно исчезаетъ, уступая мѣсто другой, а именно приставкѣ *ба*. На языкѣ этой этнической группы бантовъ приставка *мо* служитъ для обозначенія идеи отдѣльнаго соплеменника: *мо-суто*—сутанецъ; приставка *ба* служитъ для обозначенія идеи народа: *ба-суто*—всѣ сутанцы; приставка *се* служитъ для обозначенія идеи языка: *се-суто*—сутанскій языкъ, и *ле* служитъ для обозначенія идеи страны: *ле-суто*—страна сутанцевъ. Самая южная вѣтвь этого языка—чуанская (*ба-чуаны*, «свѣтлые», «равные другъ съ другомъ») занимаетъ пространство между р. Оранжевой и Замбези съ одной стороны, пустыней Калагари и землями кафровъ съ другой. Группа народовъ *ба* распространяется отъ бачуановъ къ сѣверу, переходитъ Замбези, достигаетъ сѣвернаго берега о.

Ніасси и западнаго о. Танганіики; такимъ образомъ эта группа занимаетъ все верхнее теченіе Замбези и центральную полосу южной Африки. Сюда также повидимому принадлежать тѣ народы по теченію рѣки Кассаи, которые стали намъ извѣстны только въ самое послѣднее время, и наконецъ нѣкоторые племена, живущія на бережьяхъ Атлантическаго океана. Вокругъ большихъ озеръ сосредоточивается опять группа, на языкѣ которой приставка *мо* служитъ для обозначенія идеи отдѣльнаго соплеменника, *уа*—народа, *у*—страны и *ки*—языка. Племена, живущія ближе къ восточному побережью (въ окрестностяхъ Занзибара), напр. *уа-ники*, *уа-замбари*, отличаются значительной энергіей и демократизмомъ. Напротивъ, въ области нильскихъ озеръ эта энергія исчезаетъ, и скотоводство является уже на второмъ планѣ. Группа *уа* за предѣлами большихъ озеръ занимаетъ еще теченіе Луолабы (верхняго Конго); на западѣ и на югѣ она смѣшивается съ вышеозначенной группой, съверо-западная же группа ея пока неизвѣстна. Быть можетъ въ близкомъ родствѣ съ ней находится группа, на языкѣ которой приставки: *ому*, *ова* и *очи* означаютъ племя, народъ и языкъ. Она занимаетъ болѣе или менѣе территорію отъ озера Ніасси до Атлантическаго океана. Эта группа распадается на двѣ части: на племена *дамаровъ* (*ова-гереровъ*, *ова-мандзеровъ*), ведущія пастушескій образъ жизни, и на *ова-мбовъ*, земледѣльцевъ. Далѣе къ западу попытки классификаціи народовъ дѣлаются въ высшей степени трудными, вслѣдствіе запутанности расовыхъ отношеній и скуднаго фактическаго матеріала. Есть группы, не вошедшія въ нашу классификацію; быть можетъ, существуетъ еще и такія, которыя вообще чужды семейству языковъ банту.

Какой бы ни оказалась однако впослѣдствіи классификація банту, культурныя различія между восточными и западными группами народовъ являются фактомъ, вполне уже установленнымъ. Эти культурныя различія идутъ рука объ руку съ антропологическими. Самыя восточныя и вмѣстѣ съ тѣмъ самыя энергичныя племена, какъ кафры, чуаны, нямнезы, болѣе всѣхъ другихъ удаляются отъ негритянскаго типа какъ въ физическомъ, такъ и въ духовномъ отношеніи, тогда какъ семитическая примѣсь обнаруживается въ нихъ достаточно рельефно; съ другой стороны въ странахъ у Атлантическаго океана встрѣчаются болѣе или менѣе чистые негритянскіе типы. Однако эти духовныя различія восточныхъ и западныхъ народовъ Африки можно скорѣе приписать различію средствъ къ существованію, чѣмъ вліянію расовыхъ элементовъ. На востокѣ, особенно къ югу отъ Замбези, скотоводство является главнымъ занятіемъ, на западѣ же земледѣліе; въ то время какъ «князекъ» зулусовъ, по словамъ одного путешественника, имѣетъ тысячи головъ скота, во владѣніяхъ Муата-Янво

трудно найти и пару воловъ. Это отражается прежде всего на разлнчной густотѣ населенія: среди зулусовъ и чуановъ на квадратный километръ приходится 3 человека, въ государствахъ Марутзе-Мамбунду и Муата-Янво 3—4, въ Кассангѣ и въ области озеръ 12, въ Лоанго 23. Въ зависимости отъ болѣе густоты населенія общественное устройство на западѣ становится болѣе сложнымъ, религіозная обрядность и жреческое сословіе—лучше организованы, техника—выше. Наконецъ, другія различія между востокомъ и западомъ коренятся въ исторической обособленности народовъ, что проявляется напр. въ способѣ построекъ у кафровъ. «Въ кафрскихъ селеніяхъ прежде всего бросается въ глаза, что всѣ постройки круглы. Достоинно вниманія и то обстоятельство, что кафръ какъ будто не умѣетъ даже начертить прямую. Строить ли онъ домъ или заборъ, онъ всегда кладетъ въ основаніе кругъ. Отвращеніе, съ какимъ онъ относится ко всякимъ четырехугольнымъ площадямъ или къ прямымъ забороамъ, иногда доходитъ у него до смѣшного. Европейцы поступаютъ совершенно иначе. Колонистъ, если хочетъ обносить заборомъ или частоколомъ свой участокъ земли, безусловно придерживается прямолинейныхъ образцовъ. Онъ считалъ бы себя крайне стѣсненнымъ, если бы заставили его огораживать площадь въ видѣ круга, между тѣмъ какъ кафръ чувствовалъ бы себя въ не менѣе затруднительномъ положеніи, если бы ему пришлось воздвигнуть четырехугольное строеніе. Одинъ изъ моихъ пріятелей, который много путешествовалъ среди кафровъ и посѣщалъ ихъ селенія, рассказывалъ мнѣ, что ему лишь съ большимъ трудомъ удавалось объяснить туземцамъ, какъ строится домъ у европейцевъ». Круглыя строенія господствуютъ въ области озеръ, по теченію Замбези и въ южныхъ мѣстностяхъ, представляя разнообразнѣйшія формы; постройка круглыхъ хижинъ достигла наибольшаго совершенства и оригинальности у чуановъ, у которыхъ домъ состоитъ изъ нѣсколькихъ концентрическихъ комнатъ съ дверями тоже въ видѣ круга. Селеніе расположено точно такъ же. Большое селеніе отличается отъ маленькаго тѣмъ, что имѣетъ болѣе концентрическихъ рядовъ. Напротивъ, у народовъ, живущихъ у Атлантическаго океана и по теченію Кассаи, хижины прямоугольны, и селеніе нѣрѣдко состоитъ изъ одной длинной прямой или нѣсколькихъ параллельныхъ. Распределеніе на западѣ и востокѣ того или иного типа хижины, формы оружія, украшеній можетъ бросить яркій свѣтъ на историческо-культурное развитіе и на этнографическія отношенія разсматриваемыхъ странъ. Такіе напр. факты, что въ окрестностяхъ озера Ніасси носятъ въ верхней губѣ «пелеле», т. е. плоское кольцо, что излюбленнымъ оружіемъ кафровъ является ассагая, т. е. палица для метанія на извѣстномъ разстояніи; съ другой стороны, что въ

странах у Атлантического океана такимъ оружіемъ является кинжалъ и др., — эти и тому подобныя подробности въ будущемъ несомѣнно позволятъ намъ разсѣять мракъ, окутывающій культурныя и этическія явленія въ этой части Африки. Самой подходящей группой для того, чтобы ознакомиться съ культурными отношеніями, господствующими въ восточной Африкѣ, является группа зулусовъ, болѣе или менѣе осѣдая. Скотоводство составляетъ главный источникъ существованія, молоко же, обыкновенно кислое, — повседневную ихъ пищу. Масло употребляютъ только для натиранія кожи, мясо — рѣдкое лакомство у нихъ. Обыкновенно черезъ каждыя 2—3 недѣли у сильныхъ быковъ выпускаютъ до 1½ бутылки крови, которую пьютъ или въ чистомъ видѣ, или смѣшивая съ молокомъ. «Корова составляетъ все богатство кафра. У племенъ, которыя не живутъ въ постоянномъ сосѣдствѣ съ европейскими колонистами, деньги не имѣютъ никакой цѣны, и богатство опредѣляется количествомъ коровъ. Одинъ изъ великихъ вождей, разспрашивая объ англійской королевѣ, очень заинтересовался тѣмъ, сколько у нея скота; когда же ему сообщили, что многіе подданные ея имѣютъ больше коровъ, чѣмъ сама королева, то онъ составилъ себѣ не особенно высокое понятіе объ ея могуществѣ. Этотъ вождь считаетъ свой скотъ тысячами головъ; но если бы какой нибудь низшій вождь осмѣлился превзойти его богатствомъ, то послѣдній лишился бы своихъ стадъ въ пользу своего болѣе могущественнаго соперника. Корова является мѣновой единицей, и большинство войнъ, опустошающихъ южную Африку, вызываются желаніемъ захватить чужія стада. Высшее честолюбіе кафра состоитъ въ томъ, чтобы имѣть скотъ, такъ какъ онъ можетъ тогда ежедневно ѣсть мясо и пить кислое молоко, покупать, сколько ему нравится, жонъ и удовлетворять всѣмъ своимъ прихотямъ. Имѣя свой собственный скотъ, онъ, вѣсто того, чтобы въ качествѣ «подростка» жить съ другими подростками въ одной хижинѣ, можетъ сдѣлаться «взрослымъ», сбрить себѣ волосы и быть хозяиномъ своего собственнаго дома. По мѣрѣ увеличенія количества скота, онъ можетъ вводить въ свое хозяйство больше женъ и строить для нихъ отдѣльныя хижины, и такимъ образомъ дойти до собственнаго «краля», сдѣлаться *умнумзаномъ* (т. е. великимъ мужемъ) и рассчитывать на то, что многіе подростки соберутся вокругъ него, какъ вокругъ *инкоза* (вождя). Когда же его стада еще умножатся, то это даетъ ему возможность сосредоточить вокругъ себя бѣдную молодежь, прельщенную его богатствомъ и надеждой питаться мясомъ». Скотъ для кафра — *nervus rerum*. Поэтому онъ воспитывается съ малыхъ лѣтъ въ уваженіи къ нему. Дѣтскіе разговоры и игры вращаются около скота. При нѣкоторыхъ торжественныхъ пляскахъ быки являются

необходимыми участниками. Рога быковъ, благодаря соответственному уходу, или развѣтвляются, какъ у оленя, или же срастаются, впереди образуя корону. Вожди, имѣющіе до 10 тысячъ головъ скота, раздѣляютъ ихъ на стада по масти. Только мужчины доятъ коровъ. Земледѣліе въ зачаточномъ состояніи. Главнымъ образомъ культивируется африканское просо. Инстинкты кафра — «материковые»: не смотря на близость воды, онъ не знаетъ лодки и съ отвращеніемъ смотритъ на рыбу. Основаніемъ семейныхъ отношеній является патриархальная полигамія. Жена стоитъ 10—70 головъ скота. Число женъ можетъ служить показателемъ богатства. «Многочисленность способствуетъ малому приросту населенія. Богатые старики, имѣющіе много скота, захватываютъ всѣхъ красивыхъ и молодыхъ дѣвушекъ. Одинъ богатый старикъ, внушающій къ себѣ отвращеніе и почти слѣпой, такъ что служитель всюду сопровождалъ его, имѣлъ двѣ молодыя, самыя красивыя въ селеніи жены. Съ другой стороны, молодые люди, не имѣющіе скота, остаются неженатыми или въ лучшемъ случаѣ вынуждены довольствоваться одной непривлекательной женой». Первая жена сама избираетъ для мужа другихъ женъ, но каждая обыкновенно живетъ въ отдѣльной хижинѣ. Патриархальный строй семьи служитъ образцомъ для организаціи всего общества. Начальникъ является въ своемъ родѣ отцомъ селенія; онъ знаетъ каждаго односельчанина и принимаетъ участіе во всякой его печали и радости. Если у кого-нибудь недостатокъ въ припасахъ, то онъ обращается къ начальнику съ просьбой дать ему корову или теленка; если же послѣдній не въ состояніи удовлетворить просителя, то онъ оставляетъ его въ своей хижинѣ до тѣхъ поръ, пока не минуетъ бѣда. «Начальникъ является грудью, которую сосетъ вся страна». Вообще, кто творитъ много добра, того и избираютъ начальникомъ. Дѣла рѣшаются на сельскомъ сходѣ начальникомъ и совѣтомъ старѣйшинъ. Патриархальный строй общества отражается и на внѣшнемъ видѣ самаго селенія. Семья, состоящая изъ отца и сыновей, занимаетъ нѣсколько хижинъ, огороженныхъ заборомъ, и имѣетъ какъ бы собственный сельскій сходъ. Хижина противъ входа въ селеніе предназначается для начальника; другія хижины расположены смотря по степени родства; посрединѣ селенія находится *котла*, т. е. мѣсто для сходокъ всего селенія. Несмотря на неравномѣрное распредѣленіе собственности, общественный духъ у кафровъ все еще силенъ: «кто убиваетъ скотину исключительно для себя, того называютъ воромъ, потому что только воры такъ поступаютъ». Пашня принадлежит общинѣ. Извѣстное число краевъ — очень впрочемъ неопредѣленное: отъ нѣсколькихъ до нѣсколькихъ сотъ — составляетъ племя, которое имѣетъ общаго представителя, «короля», какъ зовутъ его путешественни-

ки. «Короля своего они не боятся, но любят». Онъ поступаетъ согласно преданіямъ и совѣту старѣйшинъ; въ опредѣленные дни и вообще на публичныхъ собраніяхъ ему приходится нерѣдко выслушивать рѣзкую критику своихъ дѣйствій. Лихтенштейнъ рассказываетъ, что такой король, окруженный толпой любопытныхъ, давалъ однажды аудіенцію, и когда на его приглашеніе разойтись толпа отвѣтила отказомъ, онъ взявъ въ руки жгутъ изъ кожи носорога и началъ разгонять назойливыхъ «подданныхъ» — постунокъ, мало вяжущійся съ представленіемъ о кафрскомъ «королѣ». Могущество его вполне зависить отъ его личной энергіи и славы. Если предприимчивый и храбрый вожьдъ приобрѣтетъ съ помощью небольшой дружины многочисленный стада, то молодежь, жадная до приключеній, кинется къ нему со всѣхъ сторонъ, въ надеждѣ заслужить нѣсколько головъ скота. Дружина становится очень значительной, если вожьдъ ея является «могущественнымъ мстителемъ» и «поджигателемъ», какъ напр. извѣстный Чака, кафрскій Атилла (1812—1828). Онъ создалъ армію въ 30,000 челов., состоявшую изъ молодежи, которая открывала военныя дѣйствія, и изъ ветерановъ, вступающихъ въ бой въ рѣшительный моментъ. Эта дружина жила въ двухъ лагеряхъ; она имѣла съ собой наложницъ, но дѣтей умерщвляли. Отрядъ, потерпѣвшій неудачу, наказывался смертью въ полномъ своемъ составѣ. Неудивительно поэтому, что Чака соединилъ подъ своею властью 78 племенъ. Онъ обыкновенно убивалъ взрослыхъ мужчинъ побѣжденнаго племени, женщинъ же и дѣтей заставлялъ принимать нарѣчие зулусовъ. «О, владыко земли и неба, ты темень, какъ ночь, и возвышаешься, какъ гора, пожирая другихъ. Ты выросъ самъ въ гору, а другіе остались маленькими». Такимъ образомъ было уничтожено около 40 племенъ; остатки какого-нибудь десятка другихъ племенъ скрылись на лѣвомъ берегу рѣки Рей подъ названіемъ *ама-финговъ*, т. е. «людей, сваленныхъ на подобіе кучи листьевъ». Нѣкоторые племена, вытѣсненные Чакомъ изъ своихъ земель, направились по примѣру зулусовъ въ сосѣднія страны, уничтожая огнемъ селенія, лежащія на пути. Иногда случалось, что отдѣльный отрядъ, высланный Чакомъ, не возвращался и дѣйствовалъ на собственный рискъ. Смерть Чака и вторженіе англичанъ уничтожили это нарождающееся владычество, исторія котораго можетъ служить образцомъ общественной эволюціи у народовъ, ведущихъ пастушескій образъ жизни. Власть Чака распространялась только на области, населенныя кочевниками. Обыкновенно однако побѣдоносное племя дѣлаетъ набѣги на мирныхъ земледѣльцевъ, занимающихъ берега Замбези и примыкающія къ нему области, и создаетъ здѣсь монархію, которая существуетъ до тѣхъ поръ, пока живеть предприимчивый вожьдъ. Изъ среды чуановъ 20 лѣтъ тому назадъ выдвинулось напр. племя *маколотовъ*. Оно навязало свою власть 82

другимъ племенамъ по среднему и верхнему теченію Замбези, по со смертию своего Атиллы потеряло всякое значеніе ¹⁾. Иногда такая смѣлая дружина искателей приключеній забываетъ свое прошлое и превращается въ шайку разбойниковъ, наводящихъ продолженіе цѣлыхъ столѣтій ужасъ на окрестное населеніе. Въ видѣ примѣра можно привести племя *ватутовъ*, засѣвшее въ области между озерами Танганьики и Ниасси. Ихъ атлетическое сложеніе, грозный взоръ, перекинутая черезъ плечо шкура пантеры, — все это нагоняетъ панический страхъ на земледѣльцевъ. Ватуты располагаются гдѣ-нибудь на скалахъ и затѣмъ, дѣлая набѣги изъ своего гнѣзда, предають огню всю страну. Эти разбойники выработали тактику нападенія и грабежа. «И зрѣніе у молодежи болѣе острое, и сами они болѣе ловки, чѣмъ взрослые», передаетъ вожьдъ. «Молодые члены позволяютъ имъ двигаться съ ловкостью змѣи и съ быстротой зебры. Достаточно одного слова, чтобы они, какъ львы, бросались впередъ, ставя ни во что свою жизнь. Въ столкновеніяхъ съ арабами я всегда побѣждалъ, благодаря безбородымъ молокососамъ». Эти разбойническіе элементы, избравшіе театромъ своихъ дѣйствій какую-нибудь область, имѣютъ безусловно деморализующее вліяніе на окружающее мирное населеніе. «Зачѣмъ намъ трудиться? все равно придутъ ватуты и воспользуются плодами нашего труда». Съ другой стороны трусливыя племена съ дурными наклонностями, пользуясь славой ватутовъ, высылають дружину въ одѣяніи послѣднихъ и грабятъ земледѣльцевъ, разбѣгающихся при одной вѣсти о приближеніи разбойниковъ, а затѣмъ, привыкнувъ къ такому образу жизни, занимаются постояннымъ разбоемъ. Все пространство отъ верхняго Конго до восточнаго побережья и Замбези кишитъ хищниками, которые вышли изъ среды чуановъ и кафровъ или явились съ сѣвера, равно какъ и обѣдѣвшими племенами, вроде *машоновъ* по теченію рѣки Замбези. Машоны прежде были богатымъ земледѣльческимъ племенемъ, въ настоящее же время они живутъ по-даяніемъ и воровствомъ, — до такой нищеты доведены они разбойниками. Быть можетъ, многія бушменскія племена въ пустынь Калагари не что иное, какъ такіе же изнуренные голодомъ остатки сильнаго нѣкогда народа. Отъ этихъ грабежей густота населенія въ центральной Африкѣ постоянно мѣняется. Ливингстонъ напр. въ теченіе 6 дней шелъ по пустынямъ, гдѣ однако нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ видѣлъ многочисленные селенія. Камеронъ же нашелъ населенную земледѣльческую страну тамъ, гдѣ Буртонъ и Спикъ видѣли пустынные заросли. До-

¹⁾ Обращаемъ вниманіе читателей на сходство приведенныхъ нами завоеваній съ нѣкоторыми набѣгами во время «великаго переселенія народовъ» въ Европѣ.

статочно, чтобы въ области озеръ и по теченію Луалабы безопасность была хоть до нѣкоторой степени обезпечена, и населеніе стекается сюда со всѣхъ сторонъ, покладая на произволъ судьбы свои прежнія мѣста. Этотъ процессъ заселенія и выселенія происходитъ такъ быстро, что, по увѣренію многихъ путешественниковъ, африканскія государства и города вырастаютъ, какъ грибы послѣ дождя, чтобы затѣмъ опять исчезнуть послѣ мимолетнаго существованія.

У земледѣльцевъ общественной единицей является селеніе, обыкновенно вполне независимое. Въ немъ господствуетъ общинный коллективизмъ. Для того, чтобы эти отдѣльныя селенія соединились и составили государство, необходимо появленіе энергичной и способной личности, подъ властью которой населеніе находитъ спокойствіе. Тогда оно возрастаетъ числомъ; со смертію же предводителя населеніе разсѣивается. Вообще эти отношенія напоминаютъ монархію Карла Великаго и ея исторію. Впрочемъ, даже самыя населенныя и земледѣльческія мѣстности не представляютъ ни малѣйшихъ слѣдовъ исторической жизни, «такъ какъ преданій у нихъ мало и нѣтъ никакихъ лѣтописей и памятниковъ. Здѣсь не встрѣчается ни одного общепользнаго сооруженія: продолженіе каналовъ или созданіе плотинъ оказалось не по силамъ богатѣльямъ. Населеніе предпочитаетъ всему этому варварское великолѣпіе и необузданность». Иногда такая держава, напр. Уганда въ области озера Викторіи, насчитываетъ 4 милліона подданныхъ со 150-тысячной арміей. «Король», имѣющій нѣсколько сотъ женъ, требуетъ безпрекословнаго повиновенія; получающіе аудіенцію ползаютъ предъ нимъ на колѣняхъ. Этотъ «обоготворенный левъ» при помощи своей дружины всевластно господствуетъ надъ имуществомъ и личностью подданныхъ. Иногда государство держится вѣрою въ волшебство властителя, напр. государство *Марутзе-Мамбунда*, по верхнему теченію Замбези. Другія значительныя «государства» расположены между р. Кассан и озеромъ Бангуеоло, напр. *Калунда*, величиною въ Германію, съ 2 милл. населенія; властителя его зовутъ Муато-Ямбо. Вездѣ въ этихъ странахъ мы находимъ безопасность личности, постоянныя дороги и ярмарки, собирающія по нѣсколько тысячъ людей.

Ближе къ Атлантическому океану большія африканскія государства вездѣ уничтожены европейцами. Земледѣліе является здѣсь иногда единственнымъ источникомъ существованія народовъ. Сѣютъ просо, кукурузу, маниокъ, нѣкоторые стручковые растенія. Одежда чрезвычайно простая и состоитъ обыкновенно изъ опояски вокругъ бедръ. Тѣло украшаютъ рубцами, волосы завиваютъ. Впрочемъ, культурныя особенности осѣдлыхъ народовъ изъ семейства банту имѣютъ много общаго съ группой, которую мы сейчасъ рассмотримъ. Отмѣтимъ только, что среди осѣдлаго населенія, живущаго по теченію Конго и у

Атлантического океана, господствуетъ африканскій фетишизмъ и распространены суды божіе. Эти суды заключаются въ томъ, что приговоренный долженъ выпить ядовитый отваръ: если онъ останется живъ, то считается невиннымъ.

Народы, живущіе на пространствѣ отъ р. Сенегала до Нила, занимающіе Тимбукту, сѣверное побережье оз. Чадъ, южную часть Дарфура и отсюда распространяющіеся къ югу до племенъ семейства банту, извѣстны подъ названіемъ *собственно негритянскихъ*. Въ противоположность единообразной въ отношеніи языка странъ банту здѣсь существуетъ множество (по мнѣнію Фр. Мюллера—21) вполне независимыхъ лингвистическихъ группъ, такъ что «языки волофовъ и гаузиевъ, сонраевъ и баріевъ имѣютъ не больше сходства между собою, чѣмъ языки басковъ и японцевъ, мадьяровъ и тамуловъ». Эти лингвистическія группы въ свою очередь распадаются еще на разныя нарѣчія отдѣльныхъ племенъ. Каждое племя украшаетъ свое тѣло своеобразными рубцами. «Рубцы, которыми покрыто тѣло негра, чрезвычайно разнообразны. Въ каждой мѣстности племя, подъ-племя, даже семья имѣетъ свой гербъ». Племя круовъ проводитъ напр. вертикальную линію отъ основанія носа черезъ лобъ, вырѣзываетъ углы на вискахъ и чертитъ на правомъ плечѣ 3 наклонныя линіи; кануры вырѣзываютъ на щекахъ 3 продольные рубца. Въ другихъ мѣстахъ, какъ отличительный признакъ племени, мы встрѣчаемъ обезображеніе зубовъ и т. д. Черный типъ особенно сильно выступаетъ по нижнему теченію Нигера, въ болотистыхъ котловинахъ материка, на гвинейскомъ побережьи. Впрочемъ, какъ вездѣ, такъ и здѣсь существуетъ смѣшеніе антропологическихъ элементовъ, особенно замѣтное на окраинахъ, граничащихъ съ Сахарой, и по направленію къ Абиссиніи. Населеніе Гаусы напр. имѣетъ курчавыя волосы, черты же лица «европейскія». Въ Сенегамбіи длинноголовость значительна; среди волофовъ 27% , среди мандинго 70% населенія имѣетъ указатель ширины черепа ниже 75; у остальной части населенія онъ не превышаетъ 77,7. Между тѣмъ по направленію къ устью Нигера длинное строеніе черепа встрѣчается рѣже; среди веевъ только 12% населенія имѣетъ указатель ширины черепа между 77,7 и 80, 10% же—выше 80; среди круовъ соотвѣтственные цифры составляютъ 11% и 7% , среди апантіевъ—11% и 45%. Все это указываетъ на негильскую примѣсь. За предѣлами гвинейскаго побережья населеніе въ антропологическомъ отношеніи еще не изслѣдовано. Можно только предполагать, что главнымъ антропологическимъ элементомъ является чистый негритянский типъ, на томъ основаніи, что краниологическія измѣренія восточнаго и западнаго суданца

довольно сходны. Вотъ цифровыя величины, полученные для указателей того и другого:

	У. ш. ч.	У. в. ч.	У. гл.	У. н.
Западный Суданъ. . . .	70,8	103,7	89,1	57,1
Восточный „	71,6	103,8	86,8	54,1

Въ культурномъ отношеніи различія между негромъ съ береговъ Бѣлаго Нила и изъ окрестностей Чада и Нигера значительны. Первый стоитъ на низкомъ уровнѣ технического развитія. Онъ обыкновенно является осѣдлымъ скотоводомъ (рогатый скотъ, козы и овцы), иногда впрочемъ урывками разводитъ нѣкоторые растенія (бобы и африканское просо). Несмотря на скотоводство, густота населенія довольно значительна. Страна шиллуковъ (длиною 330, шириною 15 км.) представляется путешественнику, плывущему по Нилу, сплошной деревней, отдѣльныя же хижины расположены на подобіе кучекъ грибовъ въ лѣсу. Эти скотоводы являются народомъ воинственнымъ. Образъ жизни шиллуковъ отразился на ихъ обычаяхъ и понятіяхъ. Ихъ танцы и игры напоминаютъ тѣлодвиженія скота; зрители различаютъ, какому быку танцоръ подражаетъ. Разговоры шиллуковъ главнымъ образомъ касаются роговъ и масти скота; во время отдыха они лѣпятъ изъ глины козъ и коровъ. Скотину они бѣдятъ только дохлюю: сосѣди собираются на пиръ, но самъ хозяинъ сидитъ угрюмый. Обхожденіе шиллука со скотиной несравненно мягче, чѣмъ съ женой. Особенно быкъ-главарь пользуется высокимъ почетомъ; у неуровъ его считаютъ идеаломъ красоты и силы, оказываютъ ему чуть не божескія почести, а потеря его является настоящимъ бѣдствіемъ. Въ это достоинство возводятъ обыкновенно пестраго самца. Ноги и копыта его украшаются желѣзными обручами, на рогахъ развѣваются султаны (хвосты коровы и жирафы). Въ честь его составляютъ гимны, къ нему обращаются всѣ взоры во время какихъ либо общихъ несчастій. Павшаго быка торжественно хоронятъ и на могилѣ его ставятъ столбъ съ рогами. За недостаткомъ соли посуду моютъ мочей скота, навозъ служитъ топливомъ, калъ же съ мочей употребляется для смазки тѣла противъ комаровъ; дубленныя кожи замѣняютъ ткани. Молоко — главная пища. Всѣ эти скотоводы — прекрасные кузнецы, умѣющіе плавить желѣзную руду. Тканей у нихъ нѣтъ; впрочемъ въ этихъ мѣстахъ, вообще, рѣдко можно натолкнуться на одежду. Только замужнія женщины носятъ передники, мужчины же ходятъ совершенно нагими. Вождь динговъ говорить, что даже за 30 коровъ онъ не наденетъ платя и не дойдетъ до такой изнѣженности, чтобы окутывать во что-либо свое тѣло. Мужчины носятъ желѣзные украшения, общій вѣсъ которыхъ доходитъ до 50 фунтовъ.

Чѣмъ дальше на западъ, тѣмъ техника становится совершеннѣе, а земледѣліе становится главнымъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже единственнымъ источникомъ существованія народовъ. Вокругъ города Кану непрерывно тянутся поля и плантаціи индиго, табака, томатовъ и сладкаго картофеля. У круовъ поля иногда тянутся на 2—3 англ. мили отъ селенія. Они культивируютъ хлопчатникъ, преимущественно же африканское просо. Заступъ является у нихъ самымъ важнымъ земледѣльческимъ орудіемъ. Съ металлами обращаются умѣютъ. Жители Гаусы и волофы лѣютъ ружейные стволы и пушки и изготовляютъ порохъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ выдѣлываютъ ткани для сбыта, отправляемые иногда въ далекія страны. Одежда этихъ народовъ состоитъ обыкновенно изъ однихъ передниковъ. Города Судана представляютъ въ данномъ случаѣ исключеніе, такъ какъ костюмъ городской аристократіи болѣе сложный. Архитектура, гончарное искусство и сыромятное ремесло въ этихъ странахъ болѣе развиты, нежели у земледѣльческихъ племенъ банту, но не отличаются изяществомъ. Вообще-же, въ сравненіи съ густотой населенія (18—20 человѣкъ на кв. километръ), техника здѣсь стоитъ все-таки на низкомъ уровнѣ. Издѣлія ремесленного труда уже довольно многочисленны и вызвали оживленный обмѣнъ, особенно тамъ, гдѣ есть судоходныя рѣки. Однако этотъ обмѣнъ ограничивается обыкновенно городомъ и его окрестностями. Городъ Кука напр. имѣетъ 50—60,000 жителей. Здѣсь кипитъ такая жизнь, что трудно себѣ представить что-нибудь подобное у негровъ. На еженедѣльныхъ базарахъ можно увидѣть самые разнообразные продукты. Многотысячная разноцвѣтная и разноплеменная толпа снуетъ съ утра до вечера на рынкѣ. Полиція охраняетъ порядокъ. Но деревня все еще придерживается натурального хозяйства. Города возникли въ этой мѣстности благодаря развитію государственныхъ началъ подъ вліяніемъ семитическихъ элементовъ; теперь они насчитываютъ десятки тысячъ жителей, государства же (Ворну, Вагирми, Канори) имѣютъ по нѣсколько миллионъ подданныхъ. Арабскія лѣтописи упоминаютъ о тамонинскихъ городахъ и государствахъ уже въ XII—XIV столѣтіяхъ.

Для того, чтобы вполне уяснить себѣ основы общественнаго строя разсматриваемыхъ народовъ, необходимо ближе познакомиться съ ихъ семейнымъ и сельскимъ бытомъ, какъ съ первичными формами общественной жизни. При этомъ слѣдуетъ имѣть въ виду главнымъ образомъ Западный Суданъ и мѣста, расположенныя по теченію рѣки Конго.

Бракъ составляетъ куплю-продажу, но такъ, что покупается скорѣе способность женщины къ дѣтороженію, чѣмъ ея прелести: напримеръ, у габеровъ женщину бездѣтную мужъ можетъ продать,

как рабыню; если же она даст ему 5 человек дѣтей, то она свободна и можетъ возвратиться домой. Тамъ и сямъ браки бываютъ временные, напримѣръ бракъ существуетъ до тѣхъ поръ, пока свадебный передникъ не износился. На Золотомъ Берегѣ, въ Сьерра Леоне и во многихъ другихъ мѣстахъ замѣчается вліяніе материнскаго права. Однако, въ послѣднее время власть мужа получаетъ преобладающее значеніе, и замужняя женщина становится все чаще простою рабыней. Впрочемъ, повсюду эти два теченія борются еще между собой: на Золотомъ Берегѣ мужъ или покупаетъ жену, и тогда дѣти принадлежатъ ему, или подноситъ родителямъ жены только подарокъ, и тогда потомство является собственностью семьи жены. Купленную жену мужъ можетъ или на время передать кому-нибудь другому, или совсѣмъ продать, или, въ случаѣ своего отъѣзда, подвергнуть ее тяжелой операціи, которая искусственнымъ образомъ возвращаетъ женщинѣ дѣвственность. Женщина выходитъ замужъ на 9—13 году и нѣсколько лѣтъ подрядъ кормитъ ребенка, не исполняя за это время супружескихъ обязанностей. Отсюда слѣдуетъ, что многоженство является неизбежнымъ, и женщины относятся къ нему съ полнымъ уваженіемъ, считая его основой общественнаго порядка. Первая жена является хозяйкой, другія наложницами. Число женъ различно; иногда «короли» имѣютъ ихъ нѣсколько десятковъ. Конечно это многоженство состоятельныхъ людей ведетъ къ тому, что люди несостоятельные остаются безъ женъ. Проституція является въ такомъ случаѣ необходимымъ условіемъ общественной безопасности. Въ сѣверной Гвинее проститутки получаютъ образованіе на средства городскихъ властей. Негры-филантропы покупаютъ передъ своею смертью рабынь для того, чтобы безвозмездно ихъ пожертвовать своимъ согражданамъ для совмѣстнаго пользованія. Проституція является весьма важнымъ общественнымъ учрежденіемъ, въ особенности въ городскихъ республикахъ: когда всцыхивается мятежъ, власти подавляютъ его тѣмъ, что прекращаютъ всякій доступъ къ проституткамъ. Каждая жена имѣетъ свою хижины. Эти хижины расположены на участкѣ, принадлежащемъ мужу, и обведены однимъ общимъ заборомъ. «Семья» негровъ—понятіе болѣе широкое, чѣмъ простое сожителство, такъ какъ она является суммой многихъ такихъ сожителствъ и религіозно-хозяйственнымъ союзомъ болѣе или менѣе дальними родственниками. Впрочемъ, семейный и сельскій бытъ негровъ мало изслѣдованъ; путешественники до сихъ поръ болѣе интересовались танцами или количествомъ женъ у вождей, чѣмъ общественными формами. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ поля, принадлежащія селу, обрабатываются «обществомъ»; жатва же дѣлится между семьями (Сьерра Леоне), изъ которыхъ каждая получаетъ столько, сколько

ей нужно. Въ другихъ же мѣстахъ періодически происходятъ переделы участковъ. Приведенные факты указываютъ на то, что и здѣсь мы имѣемъ дѣло съ сельскою общиной. Сельскія дѣла рѣшаетъ сельскій сходъ подъ руководствомъ начальника. Иногда отдѣльные селенія образуютъ демократическій, федеративный союзъ. Такое же устройство имѣютъ нѣкоторые города, напоминая этимъ средневековыя городскія республики. Въ нѣкоторыхъ общественныхъ организацияхъ Судана существуютъ еще на ряду со свободными гражданами рабы, составляющіе у сонраевъ $\frac{3}{4}$, въ Юрубѣ $\frac{4}{5}$ всего населенія. Однако мы имѣемъ тутъ дѣло съ рабствомъ, направленнымъ къ удовлетворенію потребностей самой семьи, а не полученію въ самое короткое время возможно большихъ барышей. Поэтому европейскіе плантаторы Америки въ свое время отнеслись бы крайне недружелюбно къ африканскому обычному праву, имѣющему стремленіе превратить раба въ крѣпостного. Конечно, въ настоящее время съ развитіемъ мѣнового хозяйства бытъ африканцевъ видоизмѣнился къ худшему. Одновременно появляется въ этихъ мѣстахъ ростовщичество: несостоятельный должникъ дѣлается рабомъ. Люди, владѣющіе рабами, удерживаютъ за собой больше участковъ изъ общественной земли, лишая надѣла другихъ своихъ соплеменниковъ. вмѣсто прежней общинной солидарности, съ обихомъ появляется новая этика: «большія рыбы пожираютъ мелкія, а такъ какъ богъ допустилъ это въ рѣкахъ и озерахъ, значить онъ допускаетъ это и на сушѣ». Словомъ, окрестности Нигера и Чада представляютъ въ настоящее время картину быстрого разложенія старыхъ общественныхъ порядковъ и водворенія новыхъ: солидарность сельской общины исчезаетъ и нарождается индивидуальная форма земельной собственности. Упрочивающаяся же все болѣе государственность благоприятствуетъ развитію торговли и появленію нищеты. Государства возникаютъ здѣсь преимущественно вслѣдствіе набѣговъ. Въ племени круовъ патриархъ «семей» составляютъ совѣтъ, завѣдывающій дѣлами, но не имѣющій законодательной власти, которая принадлежитъ общему собранію всѣхъ взрослыхъ мужчинъ. Четыре старшіе члена совѣта исполняютъ обязанности перваго жреца, военнаго вождя и т. д. Такое демократическое устройство существуетъ у ибобовъ въ области Нигера, у бариевъ на Вѣломъ Нилѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстностяхъ. Если племя съ демократическими порядками совершитъ нападеніе на федеративный союзъ, состоящій изъ цѣлаго ряда отдѣльных, мало объединенныхъ другъ съ другомъ селеній, то возникаютъ государства вроде Дагомеи и страны ашантиевъ. У послѣдняго народа, «король—деспотъ, но онъ ограниченъ въ своихъ дѣйствіяхъ палатою господъ и палатою общинъ». Одинъ путешественникъ не нашелъ лучшаго при-

мѣра для объясненія политическаго устройства ашантиевъ, чѣмъ господство лонгобардовъ въ Италіи. По его словамъ, лонгобарды, проникнувшие германскимъ демократизмомъ, утвердились среди мѣстнаго побѣжденнаго населенія. Въ Дагомеѣ, гдѣ деспотизмъ дошелъ до крайности и «голова подданнаго принадлежит не ему, а королю», «совѣтники» могутъ устранить отъ власти первороднаго королевскаго сына, и ихъ рѣшенію подчиняется «левъ надъ львами». Королевское «всемогущество» проявляется въ возможности имѣть много жень, въ безнаказанности его дружины, въ варварскомъ великолѣпіи, въ ношеніи ожерелій и браслетовъ изъ различныхъ металловъ, въ звѣрской жестокости п. т. п.; но этотъ произволъ короля всегда имѣетъ свой противовѣсъ—въ существованіи «совѣта», состоящаго изъ членовъ побѣдоноснаго племени. На ряду съ этой государственной іерархіей, созданной завоевателями, всюду господствуютъ общинные порядки первоначальнаго населенія, какъ это было и въ средневѣковой Европѣ въ эпоху феодализма.

Африка, такъ мало изслѣдованная въ этническомъ отношеніи, пока представляетъ и въ социальномъ отношеніи все еще для насъ тайну. Путешественники очень много распространяются о «короляхъ», «деспотахъ», но никогда не выясняютъ намъ самой дѣятельности правительства. Однако, если вѣрять вскользь брошеннымъ замѣчаніямъ, въ негритянской Африкѣ существуютъ самыя разнообразныя формы общественной жизни. Полная демократія безъ рабства, военно-наѣздническая демократія, обнаруживающая стремленіе къ феодализму, родовая демократія, въ которой стоитъ только ввести греческія названія (агоры, архонтовъ и т. д.), чтобы получить картину общественной жизни Атики; сельская федерація, самостоятельныя общины, городскія республики, деспотизмъ,—все это составляетъ разнообразнѣйшую мозаику общественныхъ формъ. Различныя комбинаціи матриархата и патриархата, сельско-родовой солидарности съ одной стороны, и съ другой—разлагающія вліянія торговли и индивидуальной собственности—еще болѣе запутываютъ изслѣдованіе общественныхъ отношеній. Демократическое устройство сельской общины или племени является однако ключемъ разгадки общественнаго строя даже въ странахъ, стонущихъ подъ игомъ самаго необузданнаго произвола.

Въ «черной» Африкѣ живетъ 10 — 12% человѣческаго рода. Какова будущность этой группы народовъ? Понятно, что для разрѣшенія этого вопроса важны не физическія особенности, какъ черная окраска кожи или форма носа, а исключительно психическія свойства: умственные способности, сила эмоций и т. д.

Сужденія объ умственныхъ способностяхъ негровъ—различны. Въ то время, какъ одни высказываютъ чрезвычайно лестное мнѣніе объ ум-

ственныхъ способностяхъ этой расы, другіе склонны создать непроходимую пропасть между негромъ и бѣлымъ. Слѣдуетъ однако помнить, что физическое безобразіе негра, его чрезымѣрная болтливость, затѣмъ тотъ предрасудокъ, что негръ «созданъ для ярма», и наконецъ покорность его въ рабствѣ—вотъ что заставляетъ нѣкоторыхъ людей относиться къ нему скептически. Негръ—это человѣкъ минуты: онъ переходитъ такъ же скоро отъ необузданной веселости къ мрачному отчаянію, какъ и отъ преувеличенныхъ надеждъ къ мучительному страху. Онъ неисправимый болтунъ—и торгуетъ пару башмаковъ съ такими выразительными жестами, словно передъ нимъ рѣшается вопросъ о жизни и смерти. «Радуюсь или скорбя, какъ побѣдитель или побѣжденный, онъ совершенно забываетъ въ плѣніи и пляскѣ». А сколько выводовъ основано на фетишизмѣ негровъ! Между тѣмъ такой остроумный изслѣдователь, какъ Вайтцъ, утверждаетъ, что негры дошли до единобожія, а фетишизмъ въ извѣстныхъ формахъ существуетъ и у европейцевъ. Все различіе между негромъ и бѣлымъ заключается въ томъ, что въ Африкѣ, благодаря эмоциональнымъ особенностямъ негра, фетишизмъ болѣе крикливъ и рѣзче бросается въ глаза, чѣмъ въ Европѣ. Такимъ образомъ, темпераментъ и черты негра даютъ поводъ европейцу неблагоприятно отзываться объ его умственныхъ способностяхъ. Съ другой стороны однако и доказательства, приводимыя въ пользу умственныхъ его способностей, приходится принимать съ не меньшею осторожностью. Негрофилы ссылаются на коммерческія, сутяжническія и дипломатическія способности негра, на его изворотливость: пока бѣлый успѣетъ только разъ надуть негра, послѣдній проведетъ его 5 разъ. Но можетъ ли все это служить доказательствомъ, что негръ окажется не менѣе способнымъ въ сферѣ абстрактнаго мышленія и научныхъ изысканій? Приводятъ имена Баннакера и нѣсколькихъ другихъ ученыхъ негровъ, какъ будто исключенія составляютъ правило! Равнымъ образомъ и ссылки на то обстоятельство, что негры въ своихъ издѣліяхъ превосходно подражаютъ европейскимъ образцамъ, вовсе еще не опровергаетъ того мнѣнія, что можно выдресировать чернаго человѣка, не создавъ изъ него самостоятельной личности. Впрочемъ, всѣ доказательства умственныхъ способностей негра обыкновенно являются плодомъ личныхъ впечатлѣній туристовъ, т. е. ихъ встрѣчи съ лицами, стоящими выше или ниже средняго уровня. Какъ бы тамъ ни было, культурное прошлое африканца говоритъ противъ него. Вопросъ еще, дошелъ ли онъ до скотоводства собственными усиліями, такъ какъ прирученныя имъ животныя и многія изъ разводимыхъ имъ растений явились изъ Азіи. Для созданія своихъ варварскихъ государствъ, какъ въ области большихъ озеръ, такъ и въ Суданѣ, африканецъ нуждался въ чуждыхъ ему семитическихъ элементахъ. Африканскія государства съ антропологической точки зрѣнія боль-

шею частью являются господствомъ семитоподобныхъ элементовъ надъ негритянскими, а города въ Суданѣ—форпостами тѣхъ же типовъ среди чистаго чернаго населенія. Сверхъ того африканская культура, несмотря на то, что создала деспотизмъ и многомилліонныя государства, не произвела ни искусства, ни литературы, ни науки. Болѣе сложное общественное устройство при низкомъ уровнѣ техники могло возникнуть только благодаря тому, что природа благоприятствовала росту населенія (въ нѣкоторыхъ мѣстахъ земля даетъ ежегодно двѣ жатвы), и вмѣстѣ съ этимъ она вызвала къ жизни сложныя отношенія. Вообще техника у негровъ запоздала въ сравненіи со сложностью общественныхъ формъ. Вслѣдствіе обилія тыквъ человѣческой умъ не усовершенствовалъ гончарнаго искусства, не изошрялъ своей изобрѣтательности; что же касается до предметовъ одежды и строительнаго искусства, то они не могли сдѣлать большихъ успѣховъ вслѣдствіе теплаго климата. Словомъ, тропическія страны ускоряютъ половую зрѣлость въ индивидуальной жизни и появленіе сложныхъ формъ общественной, но умъ отдѣльнаго индивида и хозяйственная техника остаются на низкомъ уровнѣ развитія. Негръ очутился въ многочисленномъ и сложномъ обществѣ, не пройдя предварительно школы, въ которой дисциплинировалась бы его воля, эта пружина самостоятельнаго прогресса. «Ежегодно волофскіе купцы возвращаются изъ портовъ домой, привозя съ собою количество денегъ, вполне достаточное, чтобы обезпечить на нѣкоторое время ихъ вмѣстѣ съ семьей. Если бы они ежегодно откладывали хотя небольшую часть своихъ барышей, то вскорѣ дошли бы до завиднаго положенія. Но они нисколько не думаютъ объ этомъ! Появившись у себя въ деревнѣ, они немедленно начинаютъ щеголять... бросаютъ деньги направо иналяво, и заботятся только о томъ, чтобы какъ можно сильнѣе поразить зѣвакъ. Нѣсколько дней спустя они появляются на тѣхъ же улицахъ, гдѣ только что промотали груды денегъ, печальные, въ лохмотьяхъ и вымаливаютъ у разныхъ фирмъ маленькій задатокъ въ счетъ будущихъ благъ. Это одна изъ характерныхъ чертъ африканца». Подобная картина, составляющая повседневное явленіе, выясняетъ намъ, почему исторія Африки представляетъ безтолковую жизнь изо дня въ день и не знаетъ случая накопленія знаній и богатствъ. Изучая нѣкоторые изъ существующихъ здѣсь городовъ съ социологической точки зрѣнія, мы можемъ ихъ сравнить съ Афинами и Римомъ, но напрасно искали бы мы на черномъ материкѣ афинской философіи и римскихъ завоеваній. Наконецъ, къ расточительному и невыдержанному темпераменту слѣдуетъ еще прибавить, какъ мы указывали, неблагоприятное вліяніе богатой природы на умственное развитіе. Въ духовной жизни чернаго человѣка прежде всего бросается въ глаза ранній застой. «Полагаю, говоритъ Вэкеръ, что негритенокъ понят-

ливостью превосходить своего бѣлаго ровесника, но умъ его не стремится къ дальнѣйшему развитію, плодъ виситъ, но не созрѣваетъ, тѣло становится возмужалымъ, но духъ остается неподвижнымъ». Кто то другой, вспомнивъ блестящія способности негритенка, дѣлаетъ замѣчаніе, что: «всѣ эти способности, весь, такъ сказать, залогъ будущей интеллектуальности, все это улетучивается къ 17 году жизни или нѣсколько позже. Идеи исчезли, и юноша, который на 12—13 году казался столь интеллигентнымъ и понятливымъ, становится настоящимъ негромъ въ исходѣ 18 года, впрочемъ болѣе развитымъ, чѣмъ тѣ, которые совершенно не имѣли возможности вкусить отъ плода науки».

Раса легкомысленная и живущая изо дня въ день, не приученная къ систематическому труду и рано увядающая, при своемъ столкновеніи съ болѣе энергичными элементами всегда дѣлается жертвою послѣднихъ. До самаго послѣдняго времени наѣздники (фулахи и родственные имъ элементы), вторгавшіеся въ глубь Африки, отличались только своими антропологическими особенностями отъ туземнаго населенія, но въ техникѣ стояли на одномъ уровнѣ съ ними. Послѣдствіями такого столкновенія было образованіе деспотическихъ государствъ и систематическіе грабежи и набѣги. Современныя же отношенія туземнаго населенія къ пришлымъ народамъ представляютъ намъ иную картину. Въ Африку врываются теперь расы, стоящія несравненно выше въ отношеніи техники, чѣмъ негры,—расы, которыя притомъ же вторгаются на черный материкъ не по избитому пути черезъ египетскій Суданъ. Они занимаютъ всѣ побережья, на югѣ материка создаютъ многомилліонную колонію и со всѣхъ сторонъ стремятся къ центральному областямъ, встрѣчая задержку только со стороны климата. Въ этомъ нашествіи слѣдуетъ выдѣлить два теченія: исламо-арабское и европейско-христіанское. Первое движется отъ Марокко, Нила и Занзибара, тамъ и сямъ образовывая колоніи такихъ энергичныхъ жителей, каковы напр. занзибарскіе *суахили* («поморяне»). Караваны, перерѣзывающіе Сахару и центральную Африку,—арабскаго происхожденія; государства и города, возникающіе по теченію Нигера и въ области Чада, появились и появляются подъ вліяніемъ арабской культуры. Все населеніе на пространствахъ отъ Тимбукту до Чада и отъ Занзибара вглубь материка поклоняется исламу. Подъ вліяніемъ послѣдняго человѣческія жертвоприношенія были оставлены, нѣкоторые дикіе обычаи исчезли, хижины стали строиться болѣе здоровыя, появились школы и фетишизмъ сталъ ослабѣвать. Ежегодно въ область оз. Чада отправляется около 50 учениковъ кайрской юридическо-богословской школы; совершенно такъ же поступаютъ воспитанники исламскихъ школъ въ Фецѣ и другихъ городахъ. Они впрочемъ преслѣдуютъ своекорыстныя цѣли и

совершенно чужды подвижничества. Исламъ однако дѣйствуетъ разлагающимъ образомъ на негритянское общество. Арабскіе выходцы играютъ здѣсь роль юристовъ средневѣковой Европы, только римское право замѣнено кораномъ. Они появляются въ качествѣ провозвѣстниковъ деспотизма, неограниченной индивидуальной собственности, и такимъ образомъ уничтожаютъ основы первобытнаго коммунизма. Въ качествѣ же торговцевъ они дѣйствуютъ еще успѣшнѣе и на гораздо болѣе значительномъ пространствѣ. Занзибаръ напр. уже давно завязалъ постоянныя торговыя сношенія съ областями, расположенными по теченію р. Кассан, такъ что гдѣ бы уже теперь ни появился европеецъ, онъ вездѣ встрѣтитъ арабскаго торговца. Торговцы скупаютъ главнымъ образомъ слоновую кость, въ особенности же рабовъ. Они предпочитаютъ приобретать эти предметы большими партіями у вождей, чѣмъ разъѣзжать по территории и имѣть дѣло съ отдѣльными лицами. Поэтому эти торговцы въ личныхъ интересахъ побуждаютъ вождей создать слоновую регалию, усилить свою власть и вести войны, сопровождаемыя грабежемъ и взятіемъ въ плѣнъ чужеземниковъ. «Когда мы вышли изъ лѣса, восходящее солнце озарило ниву и хижину. Жители жгли свою деревню и уходили въ крѣпость, гдѣ царилъ еще тишина, такъ что можно было любоваться сельскою картиной. Тянулася роща, почти недоступная, окруженная низкими валомъ: тамъ и была крѣпость... Когда подожгли первую хижину въ этой крѣпости, судьба была рѣшена. Вся деревня горѣла. Раненыхъ вытаскивали изъ кустарниковъ и добывали, женщинъ и дѣвушекъ волокли по землѣ, дѣтей затаптывали». Разрушили мирную деревню только для того, «чтобы багирмскому «королю» доставить 300—400 рабовъ». Арабскіе караваны вооружены огнестрѣльнымъ оружіемъ; они являются настоящими шайками разбойниковъ, которые, какъ напр. ватуты, нерѣдко избираютъ себѣ постояннымъ мѣстомъ жительства какой нибудь пунктъ и отсюда дѣлаютъ вылазки въ соседнія поселенія. Впрочемъ, африканскій «арабъ» не является чистымъ въ расовомъ отношеніи семитомъ, такъ какъ онъ имѣетъ много «черной крови». Обыкновенно онъ селится среди негровъ, беретъ себѣ въ жены негритянку и плодитъ дальнѣйшую расу метисовъ, которые входятъ въ черныя группы уже какъ разлагающій аристократическій элементъ. Сверхъ того исламъ подчиняетъ себѣ все сколько нибудь энергичныя племена черной Африки, напр. фуллаховъ и др. Эти племена являются совершенною противоположностью негритянскимъ типамъ, съ ихъ легкомысліемъ и слабою волею. Они и ихъ метисы разлагаютъ африканское общество на разнородные элементы, которые затѣмъ вступаютъ въ экономическій антагонизмъ. Однако вліяніе арабовъ не такъ пагубно, какъ вліяніе европейца, хотя бы

потому, что арабъ скрещивается съ туземнымъ населеніемъ и является членомъ общественной организаціи, между тѣмъ какъ европеецъ старательно обособляетъ себя отъ чернаго общества и никогда съ нимъ не сливается. Негръ для европейца можетъ быть только поденщикомъ, негритянка—временной наложницей. Бѣлый, по внутреннему своему убѣжденію, полагаетъ, что только онъ царь творенія. Даже миссіонеры поступаютъ не иначе. Правда, хотя католическіе священники еще соперничаютъ съ мѣстными волшебниками въ искусствѣ вызывать дожди, но они исповѣдуютъ туземцевъ при посредствѣ переводчиковъ; протестантскіе же священники, стоящіе выше всякихъ суевѣрій, относятся къ туземцамъ съ высоты своего величія. Впрочемъ, европейское нашествіе превышаетъ арабское какъ своею интенсивностью, такъ и средствами, какими оно располагаетъ. Если же второе принимаетъ все болѣе отталкивающій характеръ, то только потому, что представители его являются агентами европейской торговли. Европеецъ выступаетъ здѣсь всегда въ роли эксплуататора, жаждущаго какъ можно скорѣе набить карманы и вернуться къ своей родимой европейской цивилизаціи. Африка для него не что иное, какъ мѣсто наживы. Что же касается до борьбы, которую европейскія державы ведутъ изъ за Африки, то она грозитъ еще худшими послѣдствіями. Африка—богатая страна, открывающая выгодный сбытъ европейскимъ товарамъ. Въ рукахъ капиталистовъ уже имѣются разные проекты желѣзныхъ дорогъ: одна будетъ проведена отъ Алжира черезъ Сахару до оз. Чада, другая перерѣжетъ Капландъ, теченіе Замбези и область большихъ озеръ до самаго Нила. Станціи желѣзныхъ дорогъ будутъ въ одно и то же время крѣпостями и факторіями, т. е. мѣстами, гдѣ будетъ систематически происходить наглый обманъ и эксплуатация легковѣрнаго туземнаго населенія. До осуществленія этихъ проектовъ въ Африку то и дѣло посылаются шпионы, подъ видомъ ученыхъ и миссіонеровъ. «Прежде всѣхъ является миссіонеръ, затѣмъ торгошъ и наконецъ солдатъ», вотъ какъ кафры изображаютъ исторію европейскихъ завоеваній. Они забыли прибавить, что до появленія среди нихъ миссіонера вторгается путешественникъ, что торгошъ приноситъ съ собой изъ Европы для продажи водку и старые мундиры, пропитанные потомъ. Голый негръ въ цилиндрѣ и фракѣ съ бутылкой водки подмышкой (изъ товаровъ, отправляемыхъ нѣмцами въ Африку, приходится 80% на водку)—вотъ послѣднее слово современной европейской цивилизаціи въ Африкѣ. Представимъ себѣ, что въ Европу вторглась шайка, вооруженная ужаснымъ оружіемъ, что она ниспровергаетъ всякое право, святотатственно пробуетъ причастіе для того, чтобы узнать его вкусъ, оскорбляетъ всякія власти въ виду населенія, и мы получимъ картину экспедицій различныхъ Стэнли! Впрочемъ, въ

настоящее время европейскіе капиталисты уже раздѣлили между собой отечество чернаго человѣка, даже безъ его вѣдома, и организуютъ историческій грабежъ въ огромномъ масштабѣ подъ девизомъ: «цивилизация». Въ виду неосмотрительности негра невозможно сомнѣваться въ дальнѣйшихъ послѣдствіяхъ этого наступательнаго движенія. Различные Лавижеры могутъ сколько угодно ораторствовать противъ рабства, но и помимо этого ярма, налагаемаго однимъ человѣкомъ на другого, нищета дѣлаетъ свое дѣло. Явленія такого рода уже замѣтны у чукановъ, которые однако принадлежатъ къ болѣе энергичнымъ и интеллигентнымъ африканскимъ народностямъ. Правда, англійскій резидентъ собралъ здѣсь въ 1868 г. около 3000 и въ 1878—20000 ф. стерлинговъ податей; правда, вмѣсто заступа введенъ плугъ, овцеводство увеличено, проложены постоянныя дороги, но съ «народнымъ благосостояніемъ» появилась и нищета. «Жители окончательно обѣднѣли, терпятъ голодъ; одинъ видъ ихъ вызываетъ глубокое состраданіе, такъ какъ они скорѣе походятъ на скелетовъ, чѣмъ на людей».

V.

Различные вѣтви желтыхъ короткоголовыхъ и оазисы не-монгольскихъ типовъ въ восточной и юго-восточной Азіи.—Лингвистическія отношенія монголовъ.—Культура степныхъ кочевниковъ.—Бытъ горцевъ.—Цивилизаціи желтой расы.—Столкновеніе желтыхъ короткоголовыхъ съ цивилизаціей бѣлыхъ.

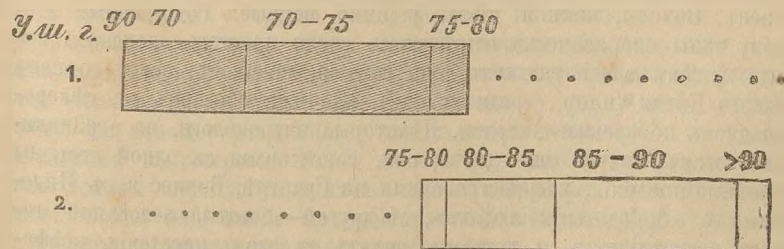
Уже по теченію рѣки Эльбы и Вислы можно нерѣдко встрѣтить людей съ своеобразными чертами лица, которыя выступаютъ тѣмъ ярче и опредѣленнѣе, чѣмъ дальше мы подвигаемся на востокъ. Въ области Урала эти черты лица начинаютъ преобладать, въ центральной же и восточной Азіи онѣ являются господствующими. Въ чистомъ своемъ видѣ онѣ представляютъ слѣдующій типъ: ростъ средній; сравнительно большая и совершенно круглая голова на короткой шеѣ; сильное развитіе въ поперечномъ разрѣзѣ челюсти и лицевыхъ костей, значительно выдающихся наружу и вверхъ. Лицо съ носомъ какъ будто приплюснуто спереди. Глаза маленькіе, черные, неглубоко сидящіе въ узкихъ щеляхъ съ непараллельными другъ другу осями, вѣки опускаются косо по направленію къ носу, уши нѣсколько оттопырены. Кожа гладкая, желтой окраски различныхъ оттѣнковъ, отъ бѣлаго до оливковаго и даже краснаго; волосы прямые, твердые, черные, дающіе въ своемъ разрѣзѣ кругъ; растительность лица и вообще волосной покровъ тѣла чрезвычайно бѣдный. Этотъ типъ распространяется отъ восточно-азиатскаго плоскогорія по теченію рѣкъ до восточныхъ побе-

режій и Индо-Китаю, а отсюда и на острова, окружающіе Азію на юго-востокъ, и далѣе до самыхъ глухихъ уголковъ Полинезій. Идеаль женской красоты, выработанный сіамцами, ясно и опредѣленно рисуетъ намъ физическія черты туземнаго населенія. «Женщина—по ихъ мнѣнію—должна имѣть нѣжный организмъ, маленькій приплюснутый носъ, миндалевидные, близко отстоящіе другъ отъ друга глаза, брови, очерчивающія дугу въ видѣ полумѣсяца, достаточно короткую шею, уши незначительной толщины, небольшія груди и узкія плечи». Съ подобными особенностями мы встрѣчаемся также среди американскихъ туземцевъ.

Общее число всѣхъ этихъ типовъ, вращающихся около извѣстнаго абстрактнаго центра и извѣстныхъ подъ названіемъ *монголоподобныхъ*, составляетъ 42—44% всего человѣчества. Если мы теперь примемъ за исходную точку физическій типъ, встрѣчаемый у киргизовъ или калмыковъ, то мы легко уяснимъ себѣ всѣ колебанія среди монголоподобнаго населенія, принявъ во вниманіе съ одной стороны, что для однихъ типовъ окраска кожи, цвѣтъ и строеніе волосъ является болѣе или менѣе постояннымъ признакомъ, тогда какъ формы черепа подвергаются измѣненіямъ въ сторону длинноголовости; съ другой же, что для иныхъ типовъ морфологическія формы черепного скелета болѣе или менѣе однообразны, но окраска кожи, цвѣтъ и строеніе волосъ ихъ измѣняются. Нижеслѣдующая таблица представляетъ распредѣленіе указателя ширины черепа у представителей двухъ крайнихъ типовъ: эскимосскаго и желтаго короткоголоваго.

	ниже 69,9	отъ 70 до 74,9	75—79,9	80—84,9	85—89,9	выше 89,9
изъ 160 киргиз.	—	—	4,6%	31%	54%	10,4%
„ 100 эским.	4,7%	50%	42%	1%	—	—

Графически изображая эти краниологическія данныя, получимъ слѣдующую (4) фигуру:

Фиг. 4.—1. Киргизы. 2. Эскимосы.

Въ виду того, что эскимось въ дѣтскомъ возрастѣ обнаруживаетъ склонность къ короткоголовости, слѣдуетъ, быть можетъ, считать его производнымъ типомъ, родоначальникомъ котораго является желтый

короткоголовый. Во второмъ случаѣ, т. е. измѣненіи цвѣта и формы волосъ, мы наталкиваемся на финскіе типы, напоминающие своими чертами монгольскіе, но имѣющие бѣлый съ румянцемъ цвѣтъ лица, голубые или сѣрые глаза, а соотвѣтственно и свѣтлые волосы.

Краниологія азіатскихъ типовъ располагаетъ лишь нѣсколькими тысячами измѣреній,—это почти ничто въ сравненіи съ 500 милліонами желтыхъ короткоголовыхъ! Однако даже такое ничтожное количество измѣреній въ связи съ указаніями, касающимися внѣшняго облика, рѣшительно свидѣтельствуетъ о томъ, что желтокожій короткоголовый не единственный составной элементъ монгольскихъ этническихъ группъ; даже болѣе, что во многихъ мѣстахъ, гдѣ въ настоящее время живутъ десятки и сотни милліоновъ людей этого типа, они составляютъ уже позднѣйшее наслоеніе. Напр., на о. Иессо и въ южн. части Сахалина существуетъ незначительное племя айно (т. е. «люди»), около 10—20 тысячъ человѣкъ. Этотъ народецъ, живущій охотою и рыболовствомъ, вымираетъ подъ вліяніемъ японской цивилизаціи, запрещающей имъ носить серьги, татуировать тѣло и соблюдать другіе «варварскіе» обычаи. Роскошная и густая растительность, внушительныхъ размѣровъ борода, являющаяся предметомъ тщательнаго ухода, и вообще богатый волосяной покровъ тѣла, все это, заставившее японцевъ назвать айно волосатыми людьми, сразу выделяетъ ихъ изъ монголоподобныхъ типовъ. Къ характеристикѣ айно надо прибавить большіе глаза, крупный носъ, наклонность къ длинноголовости, мягкіе шелковистые волосы, т. е. совокупность такихъ чертъ, которыми это племя сильно отличается отъ монгольскаго типа. Эти особенности уже давно обратили на себя вниманіе изслѣдователей. Было время, когда антропологи считали своимъ долгомъ обращаться къ каждому знакомому и незнакомому человѣку, бѣжавшему въ Японію, съ просьбою доставить имъ хоть одинъ айнскій черепъ. Волосы, какъ и глаза, у айно черные. Родственные айнскому типу спорадически встрѣчаются среди простаго японскаго народа, затѣмъ среди гиляковъ, тунгусовъ и, наконецъ, среди горцевъ южнаго Китая (напр., среди мiaoтзе), равнымъ образомъ на сѣверо-западномъ побережьи Америки. Нѣкоторые антропологи, не ограничиваясь этимъ, идутъ еще далѣе; они, сопоставляя съ одной стороны народныя преданія, распространенныя на Суматрѣ, Борнео и въ Индо-Китаѣ о «бородатыхъ людяхъ», съ другой—богатый волосяной покровъ австралійцевъ и тудасовъ, видятъ въ этомъ населеніи дифференцированныхъ потомковъ типа, который нѣкогда сплошь занималъ эти пространства и былъ разсѣянъ только вторженіемъ монголовъ. Другіе антропологи, увлеченные поразительнымъ сходствомъ изображеній айно и великорусскаго мужика (что происходитъ, быть мо-

жетъ, вслѣдствіе одинаковаго ихъ способа носить волосы и бороду), сдѣлали новый шагъ по части «сближеній». «Тудасы, айно, австралійцы и великорусскіе мужики—братья,»—провозглашаетъ Топпнаръ. «Какое удивительное сходство типовъ! Какіе горизонты открываются теперь историкамъ Азіи до ея наводненія такъ называемыми желтыми расами!» Какъ бы то ни было, несомнѣнно одно, что элементы, родственные айно, играли нѣкогда въ восточной Азіи значительную роль.

Впрочемъ, весь сѣверо-восточный уголь Азіи и сѣверо-западный Америки являются убѣжищемъ остатковъ различныхъ антропологическихъ группъ, очень часто совершенно не изслѣдованныхъ, каково, напр., вымирающее племя юкагировъ по нижнему теченію Колымы. Вездѣ здѣсь путешественники отмѣчали присутствіе «сѣверо-американскаго» типа. «Раса эта не чистая—говоритъ Норденшельдъ объ азіатскихъ чукчахъ изъ области Берингова пролива;—въ одномъ и томъ же селеніи можно встрѣтить типы совершенно различные. То попадаются люди атлетическаго сложенія, съ черными, твердыми и гладкими, какъ у лошади, волосами, со смуглымъ лицомъ, съ высокимъ загнутымъ орлинымъ носомъ, напоминающемъ индѣйцевъ сѣверной Америки; то мы наталкиваемся на широкія лица со сплюснутымъ носомъ, съ выдающимися скулами, съ косыми глазами, съ гладкими черными волосами, похожія на типы монгольской расы». Майновъ считаетъ даже нѣкоторыхъ якутовъ краснокожими; другіе отмѣчаютъ спорадическое существованіе «краснокожаго типа» у самоѣдовъ и ссылаются на преданія сибирскихъ ипородцевъ о «краснокожихъ великанахъ». На ряду съ этимъ явленіемъ указываютъ на существованіе въ этихъ мѣстахъ особеннаго бѣлаго типа. Катрфажъ склоненъ даже азіатскихъ «краснокожихъ» считать за типы съ румянцемъ на лицѣ, т. е. за представителей бѣлой расы. Эта особенность бѣлой расы часто встрѣчается у чукчей и коряковъ въ Камчаткѣ, а также и у американскихъ колошей. «Одну женщину попросили, чтобы она вымыла себѣ лицо и руки: переимѣна произошла поразительная; цвѣтъ лица оказался у нея такой прекрасный, какъ у англійской крестьянки». Не меньшее разнообразіе типовъ можно встрѣтить и на индокитайскомъ полуостровѣ. Здѣсь желтые короткоголовые народы заняли долины при устьѣхъ рѣкъ и морскія побережья. Они представляютъ болѣе или менѣе сходныя расовыя особенности, какъ это видно изъ слѣдующей таблицы указателей:

	У. ш. ч.	У. н.	У. пл.
Аннамиты . . .	81,0	51,0	86
Сіамцы . . .	81,5	52,5	87,7
Бирманцы . . .	83,6	—	—

Болѣ точное изслѣдованіе этихъ элементовъ обнаружило, что они вторглись въ заселяемые ими мѣстности уже въ позднѣйшій періодъ и смѣшались съ чуждыми имъ антропологическими группами. Объ этомъ свидѣлствуетъ разнообразіе физическихъ чертъ населенія внутреннихъ частей Индо-Китаѣ; напр., указатель ширины черепа въ Лаосѣ подвергается слѣдующимъ колебаніямъ: жители Бассока 85,12; сен 88,13; пу-гаи 84,1; болованы 78,18; теи 76,15; гвіаены 73,71—т. е. черепъ колеблется между ясно выраженной длинноголовостью и столь же, а, пожалуй, и еще сильнѣе выраженной короткоголовостью. По нижнему теченію Иравадди, въ особенности же въ Ассамѣ, можно замѣтить дравидійскіе типы; представители негригосскаго типа, живущіе на полуостровѣ Малаккѣ цѣлыми племенами, появляются изрѣдка въ южномъ Китаѣ и въ Японіи. Въ послѣдней существуетъ даже пословица: «чтобы быть хорошимъ самураемъ (крестьяниномъ), надо имѣть въ жилахъ на половину черной крови». Но обиліе «индонезійскихъ» чертъ бросается главнымъ образомъ въ глаза у горцевъ. Кмерры въ Камбоджѣ имѣютъ прямой носъ, вьющіеся волосы, какъ и чампы или стіенги (горцы лѣвыхъ притоковъ Мекіанга). Въ горахъ Бирмы, Ассамы, Читтагонга равнымъ образомъ встрѣчаются часто орлиные носы и вьющіеся волосы, отдѣльные же особи въ перечисленныхъ странахъ напоминаютъ полинезійцевъ. «Европейскія» черты (продолговатое лицо, крупный носъ, кудри, борода) выступаютъ у южно-китайскихъ горцевъ: лоловъ и міаотзе, у японской аристократіи, наконецъ въ Корей, гдѣ, благодаря этой примѣси, указатель ширины черепа обнаруживаетъ стремленіе къ длинноголовости; въ Китаѣ расовыя особенности черепа подвержены довольно значительнымъ колебаніямъ, но главная масса населенія представляетъ, какъ и въ Японіи, скорѣе типъ среднеголовый. Это видно изъ слѣдующей таблицы указателя ширины черепа населенія различныхъ областей Китаѣ:

У 30 человекъ изъ области Камбоджи . . .	83,6
» 50 » » восточнаго Лаоса . . .	83,6
» 96 » » Кохинхины . . .	82,6
» 76 » » Тонкина . . .	83,7
» 15 южныхъ китайцевъ . . .	79,8
» 51 сѣверныхъ китайцевъ . . .	78,7

На сѣверо-западѣ Китая преобладаютъ желто-короткоголовые элементы, на сѣверѣ—длинноголовые; по направленію къ Тибету, напр., среди гунгутовъ появляются опять особые типы, которые не похожи ни на китайцевъ, ни на монголовъ, но до нѣкоторой степени напоминаютъ нашихъ цыганъ. Они представляютъ какъ будто сочетаніе чертъ монгола и цыгана. Цвѣтъ ихъ лица коричневый, иногда свѣтло-

кофейный, черепъ продолговатый; носъ тонкій, прямой, скулы выступаютъ умѣренно, глаза не поставлены косо. Итакъ, быть можетъ, тунгуты произошли отъ смѣшенія желтыхъ короткоголовыхъ съ дравидійскими племенами. То же можно сказать о населеніи Бутана, Непала и Кашмира. По теченію же Тарима, въ Кульдждѣ и Туркестанѣ живетъ населеніе, представляющее типъ желтаго короткоголоваго, находящагося въ самой разнообразной помѣси съ «кавказскимъ» типомъ. Эти области являются издавна мѣстомъ встрѣчи двухъ расовыхъ типовъ. Ихъ скрещиваніе и смѣшеніе продолжается уже нѣсколько десятковъ столѣтій, такъ что, напр., рассказъ Геродота о взаимныхъ отношеніяхъ этихъ типовъ можно дословно повторить для характеристики ихъ и въ настоящее время. Степь и кочевой образъ жизни съ одной стороны, лѣсистыя долины рѣкъ и земледѣліе съ другой, создавая совершенно противоположную матеріальную среду, служатъ основаніемъ и для расоваго антагонизма, иногда прикрываемаго общимъ языкомъ. Короткоголовые галеры, говорящіе на арійскомъ языкѣ и живущіе въ долинахъ по обѣ стороны Памира, являются живыми свидѣтелями того, что Туркестанъ—относительно недавняя добыча «тунранцевъ» («враговъ»—отъ иранскаго *тура*). Равнымъ образомъ и населеніе Кашгара и Семирѣченской области представляетъ всевозможные типы желтаго короткоголоваго въ помѣси съ «кавказскими».

По направленію къ сѣверу и сѣверо-западу появляются финскіе типы. Древнія китайскія лѣтописи упоминаютъ о «зеленоокихъ съ красными волосами» народахъ въ алтайскихъ горахъ. Итакъ, рыжіе волосы, сѣрые съ зеленоватымъ оттѣнкомъ глаза, наконецъ, лицо съ еснучками—вотъ черты, которыя особенно часто встрѣчаются у финновъ, причемъ однимъ изъ полюсовъ ихъ развитія является длинноголовый блондинъ, другимъ—же монголообразный типъ, какъ результатъ скрещиванія. Такимъ образомъ между блондиномъ и желтымъ короткоголовымъ существуетъ много посредствующихъ типовъ, или живущихъ рядомъ другъ возлѣ друга въ одной и той же этнической группѣ, или выдѣленныхъ въ отдѣльные народы. Изъ монгольскихъ чертъ долѣе всего сохраняются форма носа, выдающіяся скулы, бѣдный волосаной покровъ, тогда какъ свѣтлый цвѣтъ лица съ румянцемъ обнаруживаетъ примѣсь блондина. Напр., среди мордвы антропологическій анализъ обнаруживаетъ присутствіе двухъ типовъ: одного, въ очень ограниченномъ числѣ, съ чрезвычайно низкимъ указателемъ ширины черепа (2,4% населенія имѣетъ У. ш. ч. 68); другого съ выраженной короткоголовостью (на У. ш. ч. 80—82 приходится 52,6%)¹⁾. Первый типъ, т. е. длинноголовый, у мужчинъ состав-

¹⁾ Для сравненія сопоставимъ указатель ширины черепа мордвы и другихъ финновъ съ киргизами:

ляеть 14%, у женщин 29%. Удлиненная форма черепа у финских народов встречается все чаще и чаще по направлению к западу; однако на сѣверѣ областей, населенныхъ финнами, короткоголовость держится упорно. Типъ блондина у мордвы (и у другихъ народовъ) особенно сильно отразился на окраскѣ глазъ; напр., зеленоватые глаза встрѣчаются у 35,4% всего населенія, голубые у 52%; напротивъ, монгольскій типъ обнаружился въ скудномъ волосномъ покровѣ, такъ какъ у 74% мужчинъ борода была ничтожная, а у 93% населенія не было совершенно волосъ на тѣлѣ. Косое направленіе глазъ напоминаетъ монголовъ; носъ широкій, но прямой (у 53% мужчинъ и 26,4% женщин). Вообще, кажется, что какъ темные волосы и глаза, так и короткоголовость встрѣчается все рѣже по направленію къ западу. У остяковъ на Оби лицъ съ темными волосами 95%, у мордвы—85%, у эстовъ—65%; совершенно то же происходитъ съ глазами, т. е. къ западу черты блондина преобладаютъ все сильнѣе. Сравнительное языкознаніе подтверждаетъ ту же двойственность у финскихъ народовъ. Съ одной стороны строеніе языковъ у финновъ то же, что и у степныхъ жителей; съ другой корнесловы ихъ обнаруживаютъ нѣкоторое родство съ арийцами. Кроме того, территории, заселенныя въ настоящее время финскими народами, въ доисторическія времена были заселены длинноголовой расой. Неолитическіе черепа съ береговъ Ладожскаго озера дали для У. ш. ч. 72,1; въ эпоху же кургановъ, отъ Олонецка до Киева и Курска, отъ Москвы до Польши жилъ тоже сильно длинноголовый и чистый въ расовомъ отношеніи народъ (по всей вѣроятности, свѣтлорусый).

Словомъ, принимая степное населеніе Азии (киргизовъ, калмыковъ, монголовъ) за самый чистый монголоподобный типъ, мы усмотримъ расположенныя вокругъ него группы самыхъ различныхъ метисовъ. Такимъ образомъ черезъ рядъ посредствующихъ чертъ мы дойдемъ до айно, американцевъ, индонезійцевъ, дравидійцевъ, свѣтловолосыхъ финновъ и блондиновъ Скандинавіи и, наконецъ, до короткоголовыхъ центральной Европы. Вотъ картина взаимнаго отношенія типовъ, которая вмѣстѣ съ тѣмъ указываетъ на то, что короткоголовый желтый степной житель является первоначальнымъ типомъ всѣхъ монголоподобныхъ. Фольклористическія изслѣдованія свидѣтельствуютъ о томъ же самомъ, а именно, что степи и плоскогорія центральной Азии

	ниже 69	70—74,9	75—79,9	80—84,9	85—89,9	выше 90.
У 160 киргизовъ . . .	—	—	3,6%	31,5%	54%	10,4%
» 255 чел. мордвы 2,4%	1,6%	22,6%	64,4%	9,7%	—	—
» 102 ливовъ . . . 8,5%	1,2%	37%	43,0%	10%	—	—
» 100 эстовъ . . . 6,0%	—	54,0%	35,0%	5%	—	—
» финновъ . . . 1,9%	10,3%	25,0%	61,9%	9%	0,9%	—

являются разсадникомъ монгольскихъ племенъ. Отсюда китайцы выводятъ своихъ 100 «семействъ», отсюда по теченію Иравадди спустились внизъ бирманскіе народы, то же можно сказать и о тайо-сіамскихъ народахъ Менама и Меконга, знавшихъ передъ собою болѣе раннюю волну желтокожихъ. По всей вѣроятности, Сибирь нѣкогда была заселена вплоть до Алтая финскими и бѣлыми народами. По крайней мѣрѣ на Алтаѣ еще и въ настоящее время среди группъ, представляющихъ къ своему названію *кара* (черный), встрѣчаются и другія съ приставкой *соры* (свѣтлый). Бѣлые чукчи простирались до Лены. Сѣверныя монгольскія группы являются здѣсь уже позднѣйшими пришельцами. Якуты, напр., не что иное, какъ обломки монгольскихъ племенъ, выброшенные изъ степей въ тундры, въ отечество чукчей, чувашей и юкагировъ. Самоѣды (испорченное названіе сойотовъ) равнымъ образомъ были вытѣснены изъ Алтая, гдѣ (за предѣлами китайской границы къ югу отъ Красноярска) еще и въ настоящее время они имѣютъ соплеменниковъ. Наконецъ, изъ степей центрального плоскогорія идутъ татарскія, монгольскія и турецкія волны, направляясь черезъ Туркестанъ, въ Европу. Конечно, всѣ эти переселенія монголоподобныхъ типовъ совершились уже въ позднѣйшее время; до нихъ были другія, болѣе раннія, которыя постепенно готовили почву для слѣдующихъ за ними, какъ мы это видимъ на примѣрѣ Передней Индіи. Но, несмотря на завоевательную роль, выпавшую на долю желтаго короткоголоваго, онъ по природѣ своей мало предпримчивъ. Скорѣе это типъ пассивно стойкій, флегматичный, боязливый, не ниспровергающій препятствій, а обходящій ихъ. Въ исторіи степныхъ жизней съ трудомъ можно найти богатырей, какихъ такъ много, напр., у индонезійцевъ; у нихъ всегда выступаетъ на сцену толпа, которая въ случаѣ опасности разбѣгается. Воображеніе отсутствуетъ. Великія религіи—магометанская и буддйская—явились къ монголамъ уже въ готовомъ видѣ изъ другихъ мѣстъ, китайская же цивилизція не пошла дальше утилитарныхъ предписаній Конфуція и культа предковъ, носящаго чисто практическій характеръ. О киргизахъ мы читаемъ: «Часто бываетъ, что муллы и султаны гонятъ киргизовъ въ мечеть нагайками; это средство считается естественнымъ и единственно достигающимъ цѣли. Киргизы, хотя и магометане, однако относятся до того равнодушно къ своей религіи, что составляютъ очень ненадежныхъ исповѣдниковъ ислама». Любопытно, что фанатики ислама въ Туркестанѣ происходятъ изъ среды таджиковъ, т. е. принадлежатъ къ арийско-иранскому типу. Конечно, «духъ расы» у монгола, подобно тому, какъ и физическій его типъ, представляетъ большое различіе: мы имѣемъ и сравнительно энергичнаго якута, и вялаго тунгуса, и трудолюбиваго китайца. Но основа ихъ психическихъ чертъ въ

общемъ остается неизмѣнною; мы имѣемъ въ виду отсутствіе воображенія и философскихъ наклонностей, узкій утилитаризмъ и пассивную энергію.

Корни монгольскихъ языковъ представляютъ большое различіе. Но такъ какъ это различіе могло явиться уже какъ результатъ дальнѣйшаго самостоятельнаго развитія первоначальной однообразной рѣчи, то рѣшить вопросъ, произошли-ли монгольскіе языки отъ одного или же нѣсколькихъ основныхъ языковъ, можетъ только анализъ ихъ строенія. Во всякомъ случаѣ односложный китайскій языкъ не стоитъ въ такомъ противорѣчій съ агглютинирующими монгольскими языками, чтобы можно было безспорно считать ихъ различными языками. Поэтому вопросъ, образовали-ли отдѣльныя монголоподобныя группы свою рѣчь въ нѣсколькихъ независимыхъ центрахъ или же только постепенно развили ее, остается открытымъ. Какъ бы то ни было, наука имѣетъ здѣсь дѣло съ нѣсколькими группами языковъ, корни которыхъ въ настоящее время нельзя еще свести къ одному общему источнику. Кромѣ того, научныя изслѣдованія въ этой области сдѣлали пока незначительные успѣхи; исключеніе составляетъ урало-алтайская группа языковъ, которая хорошо намъ извѣстна.

Урало-алтайская группа представляетъ, собственно говоря, только географическое понятіе, т. е. подъ этой группой мы разумѣемъ нѣсколько семействъ языковъ, распространенныхъ въ одной области, быть можетъ не родственныхъ, но имѣющихъ извѣстныя общія черты въ своемъ строеніи. Въ нарѣчій этой группы агглютинирующія, типа *корень + суффикс*, притомъ основанные на «гармоніи гласныхъ», которая состоитъ въ томъ, что если въ корнѣ находится какая-нибудь опредѣленная гласная, то гласная въ суффиксѣ подвергается соотвѣтственному измѣненію (*сезъ-мехъ*—любить, *язъ-махъ*—писать). Однако, кромѣ этихъ общихъ чертъ, существуютъ такіе различія, которыя не позволяютъ свести всѣ урало-алтайскіе языки къ одному общему стволу. Однообразіе же въ строеніи языковъ служить, быть можетъ, доказательствомъ вліянія, оказаннаго этническими элементами другъ на друга. Лингвистическія изысканія установили 5 различныхъ семействъ языковъ. Изъ нихъ самымъ цѣльнымъ является *манджуро-тунгусское*. На языкахъ этого семейства говоритъ населеніе, занимающее все пространство отъ средняго теченія Енисея до средняго Амура, захватывая сѣверное побережье оз. Байкала и верхнее теченіе Лены; отсюда оно врѣзывается клиньями въ Приморскую область на сѣверѣ почти до Камчатки и на югѣ до Кореи¹⁾. *Бурято-монгольскіе* языки распространены глав-

нымъ образомъ къ югу отъ оз. Байкала (*буряты*, около 250 тыс.), по степнымъ возвышенностямъ центральной Азіи—до Тибета (*монголы*, 4 милл.), въ Джунгаріи, въ окрестностяхъ Тянь-Шана (*калмыки*, около 600 тыс.); на этихъ языкахъ говорятъ еще *хайзари* и *аймаки*, живущіе между Кабуломъ и Гератомъ, и наконецъ, нѣкоторые племена на Тибетскомъ плоскогоріи. Племена, говорящія на *самодскихъ* языкахъ, очень немногочисленны (насчитываютъ ихъ до 20—30 тыс. человекъ). Въ настоящее время эти племена распались на двѣ группы—одна, собственно *самодская*, скитается въ тундрахъ приморской области отъ Печоры до Енисея, другая, *сойотская*, занимаетъ истоки Енисея. Еще болѣе разбросаны народы, говорящія на *тюрко-татарскихъ* языкахъ; изъ нихъ большая часть кочуетъ въ урало-каспійскихъ степяхъ, другіе разсѣяны по теченію р. Лены, на Тянь-Шанѣ, въ казанской губ., наконецъ, въ Малой Азіи, на Балканскомъ полуостровѣ,—именно: *якуты*, около 200 т., совершенно отрѣзаны отъ другихъ народовъ, принадлежащихъ къ тому же семейству языковъ, и занимаютъ нижнее и верхнее теченіе Лены; *киргизы*, около 2 милл. человекъ (племена: *кайсаки*—разбойники, *буруты*—орлы и т. д.), кочуютъ въ степяхъ отъ Волги и нижняго Урала до Томска, отсюда вдоль Иртыша до склоновъ Тянь-Шана, а съ другой стороны до Арала, мелкіе же племена доходятъ до Тибета; *татары-ногайцы* образуютъ въ настоящее время только оазисы въ Сибири (отъ Томска до Тобольска, около Барнаула), въ Казанской губ. (1½ мим.), въ Астраханской, въ долинахъ Кумы и Терека, въ окрестностяхъ Баку и Дербента; *туркмены* (около одного милліона) кочуютъ между морями Каспійскимъ и Аральскимъ; *турки* на Балканскомъ полуостровѣ. Наконецъ *финскіе* народы разбросаны болѣе всѣхъ остальныхъ. Они занимаютъ среднее теченіе Енисея, Оби, Печоры и сѣверной Двины, расположились также въ видѣ земледѣльческихъ оазисовъ на Камѣ, между Окой и Волгой, въ губерніяхъ новгородской и олонеккой, населяютъ, наконецъ, Финляндію, Лапландію, Прибалтійскій край и Венгрію. Все пространство отъ средняго теченія Енисея, черезъ среднее теченіе Оби и далѣе по направленію къ верхней Печорѣ и Двинѣ занимаютъ охотники *остяки* (23 т.), *вогулы* (7 т.), *зыряне* (90 т.); *пермская* группа (*пермяки* 60 т., *вотяки* 230 т.) живетъ на Камѣ; *болгарская* (изъ нея вышли болгары) на Волгѣ въ казанской губ. (*черемисы* 200 т.) и между Окой и Волгой (*мордва* 775 т.); *суомская* заселила Финляндію (1½ м.), Лапландію, прибалтійскія губ. (эсты, ливы); наконецъ, оазисы *вепсовъ*, *вотавъ* и *чуди* находятся въ новгородской и олонеккой губ.; *мадьяры*, родственные остякамъ и вогуламъ, занимаютъ Венгрію. Исторія переселенія каждаго народа, принадлежащаго къ

¹⁾ Важнѣйшія группы этого семейства: *тунгусы* (*донки*, т. е. люди, 70 тыс.), въ Сибири и *манджуры* въ Китаѣ (нѣсколько милліоновъ).

одному изъ вышеупомянутыхъ семействъ, служить указаніемъ того, какую роль сыгралъ онъ въ дѣтописяхъ человѣчества. Напр., разобщенность народовъ турецко-татарской вѣтви характеризуетъ ихъ какъ людей энергичныхъ и отличающихся значительной предприимчивостью. Дѣйствительно, въ настоящее время это—единственная вѣтвь урало-алтайцевъ, которая возрастаетъ числомъ, несмотря на окружающія ихъ неблагоприятныя условія. Въ западной Сибири финскіе народы (напр., телеуты въ окрестностяхъ Барнаула) и даже киргизы очень часто отатариваются. Якутъ у тунгусовъ, татаринъ у жителей юго-западной Сибири и у восточныхъ финновъ играютъ роль энергичнаго, подвижнаго эксплуататора-торгаша. Иначе дѣло обстоитъ съ земледѣльцами и рыболовами финнами. Ихъ современное расселеніе въ видѣ мелкихъ оазисовъ является результатомъ нашествія болѣе энергическихъ расовыхъ элементовъ. На востокъ финны отатаривались и отатариваются (*башкиры* на Камѣ, *тептяры*, *мещера*, *чуваши* на Волгѣ), въ настоящее время многіе изъ нихъ обрусѣваютъ.

Къ агглютинирующимъ языкамъ принадлежатъ также японскій и корейскій. Но при современномъ состояніи науки ничего больше о нихъ сказать нельзя.

Отъ вышеперечисленныхъ языковъ сильно отличаются односложные языки: китайскій, тибетскій, индокитайскіе. Въ большинствѣ случаевъ эти языки чрезвычайно мало изслѣдованы, многіе изъ нихъ совершенно неизвѣстны. Число же ихъ велико; въ Непалѣ, напр., насчитываютъ 13, въ Ассамѣ 16 языковъ не-арійскихъ, на которыхъ говорятъ монголоподобные народы. Вообще, въ горахъ Индо-Китая живетъ много народовъ, извѣстныхъ у сосѣдей подъ общими названіями, означающими—дикій (*мои*—у аннамитовъ, *ки*—у сіамцевъ, *пенонг*—у жителей Камбоджи, *лоло*—у китайцевъ). Въ виду же того, что отдѣльныя группы, извѣстныя подъ этимъ названіемъ, отличаются другъ отъ друга какъ въ антропологическомъ, такъ и въ культурномъ отношеніи, то къ этимъ названіямъ прибавляютъ данныхъ языковъ. Только въ Индо-Китаѣ посчастливилось выдѣлить изъ этого хаоса нѣсколько языковъ и указать на ихъ родство съ языками мѣстныхъ цивилизованныхъ народовъ: бирманцевъ и сіамцевъ. Порядокъ распространенія этихъ языковъ уже ясно указываетъ, откуда пришли народы, говорящіе на нихъ. Бирманскіе языки (*мру*, *камти*, *коренскій* и др.) простираются вверхъ по рѣкѣ Иравадди до Тибета, *самскотанскіе* языки (лоотскіе, «лоло») — по нижнему теченію Меконга, по верхнему Менама и Меконга до горъ Юннана. Интересно, что у китайцевъ, бирманцевъ и аннамитовъ сохранился первобытный строй языка (односложный), въ то время какъ другія стороны ихъ культуры достигли

значительной степени развитія. Это объясняютъ тѣмъ, что китайцы обзавелись очень рано письменностью, но при этомъ забываютъ, что это объясненіе, достаточное въ данномъ случаѣ, теряетъ цѣну, когда мы имѣемъ дѣло съ такими варварами, какъ, напр., ассамскіе казіи. Другіе (напр., Фр. Мюллеръ) склонны думать, что теперешній китайскій языкъ представляетъ собою разложеніе болѣе сложной рѣчи и ссылаются на исторію англійскаго языка. Какъ бы то ни было, односложные языки, напр., китайскій, являются сильнымъ тормазомъ для духовнаго развитія народа. Нарѣчіе пекинскихъ мандариновъ насчитываетъ всего 420—460 односложныхъ словъ, кантонское—707, самое богатое (въ окрестностяхъ Амон) всего только 846. Чтобы при помощи такого незначительнаго числа словъ выразить разныя понятія, приходится основныя слова соединять въ болѣе сложныя (напр., «республика»—«устранять—кротость—правительство»). Съ другой стороны, чтобы придать одному и тому же основному слову различное значеніе, приходится разнообразить его произношеніемъ. Такихъ различныхъ произношеній имѣется 4—8, даже 12, смотря по діалекту. Слово *тишу* имѣетъ слѣдующія значенія: корабль, многословіе, охотничья стрѣла, тазъ, пламя, дышло, извѣстный сортъ рыбы и растенія—смотря по произношенію. Можно удивляться, какъ Китай при такихъ неблагоприятныхъ условіяхъ дошелъ до очень отвлеченныхъ понятій. Человѣчскій умъ разрѣшилъ эту задачу, создавъ письменные знаки для выраженія своихъ идей. Напр., для звука *и* существуетъ на китайскомъ языкѣ 150 различныхъ знаковъ, изъ которыхъ каждый означаетъ другую идею. Одинъ изъ лексиконовъ содержитъ 44,449 такихъ идейныхъ знаковъ. Ихъ слѣдуетъ прямо признавать символическими, вродѣ алгебраическихъ знаковъ. Поэтому бываютъ случаи, когда бесѣдующіе о научныхъ или отвлеченныхъ вопросахъ прямо берутъ дощечки и изображаютъ символы. Такимъ образомъ китайцы изъ разныхъ провинцій, не понимая своихъ нарѣчій, объясняются при помощи письменныхъ знаковъ. Сіамецъ или японецъ, не зная китайскаго языка, свободно читаетъ сочиненія на этомъ языкѣ. Нашъ алфавитъ, слѣдовательно, мало пригоденъ для Китая.

Культурная жизнь желтыхъ короткоголовыхъ складывалась различно, смотря потому, жили-ли они въ степи, въ горной долинѣ, или же по теченію рѣки на широкихъ наносныхъ равнинахъ.

Степь не знаетъ преградъ, и нѣтъ на ней естественныхъ границъ, которыя разобщаютъ отдѣльныя ея части. Ширь и просторъ по всемъ направленіямъ обезпечиваютъ человѣку свободу передвиженій, которой онъ охотно пользуется. «Вѣтеръ носить человѣка, какъ будто они мелкій морской песокъ», говоритъ киргизъ, и онъ кочуетъ на пространствѣ отъ нижняго теченія Волги до Аральскаго

моря и даже до границ Тибета. Одно и то же туркменское племя по одному источнику насчитывается 15, по другому—400 тысяч чел. Этот фактъ доказываетъ непрочность общественнаго строя въ степяхъ. Малѣйшей ссоры между племенами вполне достаточно для того, чтобъ порвать между ними всякія отношенія. Но съ другой стороны степь объединяетъ чуждые элементы. Въ Букеевской, напр., степи, ногайцы и киргизы, кочуя рядомъ, постепенно ассимилируются какъ въ антропологическомъ, такъ и въ культурномъ отношеніи.

Уходъ калмыковъ изъ Россіи въ 1771 г. свидѣтельствуетъ о значительной степени подвижности степного элемента. Одна часть племени, приволжская, рѣшила отдать себя подъ покровительство Китая. Калмыки выступали ордами тайно. Въ каждой ордѣ было 15—20 тыс. женщинъ, стариковъ и дѣтей, подъ защитой 10 тыс. конницы; 80 же тысячъ отборнаго войска составили арьергардъ. «Второпяхъ и изъ опасенія русской погони они проходятъ въ первую недѣлю 700 верстъ. Усталыя животныя падаютъ, даже дѣти ощущаютъ недостатокъ въ молокѣ. А тутъ казаки, киргизы и башкиры преграждаютъ имъ путь, особенно при переходѣ въ бродъ черезъ рѣки. Пищи становится все меньше, стада гибнутъ отъ холода. Приходится жечь кибитки, чтобы согрѣться, бросать больныхъ и стариковъ. Слѣдующее лѣто еще ухудшило ихъ положеніе: не стало воды. Тѣмъ не менѣе они въ 5 мѣсяцевъ прошли 4.900 верстъ, но этотъ походъ стоилъ имъ громадныхъ жертвъ и усилій. Возвращавшійся изъ плѣна офицеръ ѣхалъ по дорогѣ, усыпанной скелетами». Этотъ уходъ калмыковъ изъ Россіи, совершенный при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, показываетъ, какъ легко по степи двигаться огромнымъ массамъ народа. Поэтому изъ азіатскихъ степей постоянно являлись въ Европу, Китай и Переднюю Индію орды набѣдниковъ: гунновъ, аваровъ, хазаровъ, монголовъ, тюрковъ, и эти историческія волны, по всей вѣроятности, составляютъ послѣднее звено цѣпи, исчезающей во мракъ исторической неизвѣстности. Впрочемъ, съ вліяніемъ степи мы отчасти уже познакомились въ Африкѣ; но въ Азіи это вліяніе еще сильнѣе, потому что здѣсь степныя пространства безконечны, и человѣкъ пользовался услугами лошади.

Азіатскія степи дали кочевымъ народамъ возможность быстро разрастаться. Связь между отдѣльными родами была не особенно сильна, но все таки она существовала. Такимъ образомъ появляются цѣлыя кочевые народы въ нѣсколько сотъ тысячъ человѣкъ, а языкъ, которымъ они пользуются, понятенъ нѣсколькимъ милліонамъ людей, постоянно кочующимъ по степи. Самой меньшей общественной единицей у калмыковъ является кибитка; 3—15 кибитокъ составляетъ ко́тоу (дѣдъ, сыновья и внуки); нѣсколько котоновъ образуетъ аймакъ; нѣсколько аймаковъ — анги, ведущій свое начало отъ общаго пред-

ка; нѣсколько анговъ составляютъ улусъ, нѣсколько улусовъ — орду. Соединенныя орды образуютъ племя, а нѣсколько племенъ говорятъ на одномъ и томъ же языкѣ. Случалось, что великіе вожди соединяли нѣсколько племенъ, говорившихъ на разныхъ языкахъ, которые постепенно ассимилировались. Чингисханъ, напр., соединилъ манджурскія, монгольскія, калмыцкія, тюрко-татарскія орды и двинулъ эти подвижныя милліоны въ разные концы свѣта. Еще и въ настоящее время «Монголія представляетъ собой какъ-бы огромный станъ, состоящій изъ нѣсколькихъ милліоновъ пастуховъ, объединенныхъ военною организаціею. Этотъ станъ походитъ на обширное военное поселеніе». Въ извѣстныя эпохи всѣ эти орды степняковъ, послушныя какому нибудь гениальному вождю и боготворившія его, соединялись вмѣстѣ и представляли тогда одну огромную армию набѣдниковъ. Сверхъ того у нихъ было животное, которое доставляло молоко и способствовало вмѣстѣ съ тѣмъ быстрымъ переходамъ изъ одного мѣста въ другое, — именно лошадь. Поэтому, какъ только появлялась исключительно энергичная и воинственная личность, вдохновившая побѣдою свое племя, то другія племена слѣдовали за ней добровольно. Если мы теперь мысленно перенесемъ эту несмѣтную толпу въ два-три милліона человѣкъ и столь подвижную, какъ монголы, въ XII и XIII столѣтія, то это совершенно уяснить намъ ходъ тогдашнихъ историческихъ событий. Огромная толпа кочевниковъ, кормящаяся и передвигаемая лошадью, — вотъ ключъ къ разгадкѣ монгольскихъ набѣговъ. Поэтому лошадь въ азіатскихъ степяхъ составляетъ предметъ особеннаго рода культа. «Ходить пѣшкомъ — позорно, и кочевникъ считаетъ постыднымъ пройти даже нѣсколько шаговъ въ ближайшую юрту своего сосѣда. Лошадь у киргизовъ называется просто *малъ* (т. е. скотина), всѣ же другія животныя обозначаются тѣмъ же названіемъ съ соответственными прибавками. Кочевникъ почти рождается на лошади и умираетъ на ней. Двухлѣтнія дѣти привязываются къ сѣдлу и такимъ образомъ упражняются въ верховой ѣздѣ». «Никогда онъ, т. е. человѣкъ, не танцуетъ, но за то скачетъ на лошади и выдѣлываетъ на ней разнообразнѣйшія эволюціи. Онъ различаетъ до 10 главныхъ и до 30 второстепенныхъ мастей. Кто хочетъ похвалить ѣздока, тотъ хвалитъ его лошадь, и оскорбляетъ его, если не обращаетъ на нее вниманія. Ударить чью-нибудь лошадь — значитъ нанести оскорбленіе ея хозяину. Лошадь принимаетъ участіе во всѣхъ празднествахъ и составляетъ идеалъ красоты. Даже любезничаніе съ невѣстой не обходится безъ соответственныхъ метафоръ: «О, ты моя лошадка, о же-ребеночекъ черной кобылы!» Когда умираетъ богатый киргизъ, у лошади его обрѣзываютъ гриву и хвостъ. Такимъ образомъ конь «вдовствуетъ» и никто уже не садится на него.

Главную пищу азиатских кочевников составляет молоко, преимущественно кобылье, употребляемое в пищу тогда, когда оно несколько скиснет и подвергнется брожению. Одно племя предпочитает конину, другие — баранину. Мёриломъ богатства и социального влияния служат у них та же скотина. Этикетъ вмѣняетъ хозяину въ обязанность начинать разговоръ съ вопросовъ: «ну, каковы бараны (у монголовъ) или лошади (у киргизовъ)? жирны-ли бараньи хвосты?» и т. п. Они не вѣрятъ или, лучше сказать, не понимаютъ, когда богатый иностранецъ скажетъ, что не имѣетъ ни лошадей, ни барановъ; убѣдившись же въ этомъ, они начинаютъ считать его проходивцемъ. Скотъ является источникомъ благосостоянія. Кибитку устраиваютъ изъ шкуръ или изъ войлока, по срединѣ вписитъ грязный котелокъ (вообще монголы отличаются неопрятностью), на жердяхъ — уздечки и сѣдла, вокругъ очага на землѣ лежатъ кожи и опять войлокъ. Кожа и шерстяныя матеріи идутъ на одежду, калъ животныхъ на топливо. Степнякъ чувствуетъ какое-то органическое отвращеніе ко всему мокрому, и поэтому почти никогда не моется; онъ не любитъ ни домашней птицы, ни лѣсовъ, хотя отдѣльныя деревья въ степи считаются священными: ихъ никогда не рубятъ и, даже обвѣшиваятъ жертвоприношеніями. Онъ просто обожаетъ свой кочевой образъ жизни. Туркестанскіе узбеки, какъ и турки на Балканскомъ полуостровѣ, даже когда они имѣютъ въ городахъ собственные дома, живутъ часто въ палаткахъ. И жёлудки ихъ приспособились къ степной жизни. Нѣкоторые сразу съѣдаютъ по 12 ф. баранины или среднего барана въ теченіе одного дня; но могутъ довольствоваться и незначительнымъ количествомъ пищи, подобно верблюду. «Они закалены въ невзгодахъ кочевой жизни и поэтому легко переносятъ всѣ лишения, сопряженные съ переходами въ степяхъ. Зимой монголы съ караваномъ изъ верблюдовъ въ теченіе цѣлыхъ мѣсяцевъ безъ отдыха странствуютъ по необъятному простору. Морозъ доходитъ до 30 градусовъ, а непрерывный сѣверо-западный вѣтеръ дѣлаетъ этотъ холодъ еще болѣе невыносимымъ. Когда караванъ идетъ изъ Калгана въ Кяхту, вѣтеръ все время дуетъ ему навстрѣчу и, несмотря на это, монголы сидятъ на лошади по 15 часовъ въ сутки. Онъ совершаетъ два путешествія (туда и обратно) въ теченіе одной зимы, т. е. около 5,000 верстъ. Но этотъ желѣзный человѣкъ не пройдетъ пѣшкомъ и 20—30 верстъ, не выбившись изъ силъ; и стоитъ ему провести одну ночь на сырой землѣ, чтобы простудиться, словно онъ изнѣженный барчукъ».

Вѣчное скитаніе по степи однако не безцѣльно. Каждый калмыцкій аймакъ имѣетъ свою опредѣленную площадь; обыкновенно такой территоріей является какая-нибудь долина рѣки, въ горныхъ

истокахъ которой калмыкъ проводитъ лѣто, зимой же онъ кочуетъ по равнинамъ. Такимъ образомъ горы являются мѣстомъ, гдѣ лѣтомъ собираются орды, которая затѣмъ зимой расходится въ разные стороны, и тогда разстояніе между ними составляетъ иногда нѣсколько сотъ верстъ. Каждая этническая группа имѣетъ свой особый духовный отпечатокъ. Иногда этотъ отпечатокъ обуславливается прежнимъ влияніемъ среды: напримѣръ, пассивность калмыковъ, смѣлость каратангутовъ, предприимчивость якута и безпомощность тунгуса. Но иногда національныя особенности вполне соответствуютъ существующимъ условіямъ. Въ подтвержденіе мы можемъ, напримѣръ, указать на туркменовъ, которые подъ влияніемъ нѣкоторыхъ условій являются въ настоящее время отчаянными разбойниками. «Туркменъ на конѣ не знаетъ ни отца, ни матери». «Мы, говорятъ сами про себя туркмены, составляемъ народъ безъ вождей, и не хотимъ ихъ имѣть; намъ не нужно ни тѣни деревьевъ, ни тѣни княжеской милости. Мы всѣ равны, и каждый изъ насъ князь». «Отдѣльныя группы туркменовъ живутъ во взаимной враждѣ; они постоянно дѣлаютъ набѣги другъ на друга съ цѣлью грабежа. Это самые страшные хищники центральной Азіи». Повидимому всѣ тюрко-татарскіе народы вышли изъ такой географической среды, гдѣ и выработалась ихъ желѣзная энергія.

Если мы теперь отъ степей Туркестана и Монголіи направимся къ тибетскому плоскогорью, то замѣтимъ извѣстную перемену въ племенахъ и ихъ культурѣ, сообразно съ мертвымъ характеромъ окружающей природы. Прежде всего населеніе здѣсь очень рѣдко. Пржевальскій между Куэнь-Луномъ и Танлоу въ теченіе цѣлаго мѣсяца не встрѣтилъ на пространствѣ 400 кв. м. ни одного человѣка. Въ этихъ мѣстахъ бродятъ только разбойничьи шайки. Въ самомъ же Тибетѣ, гдѣ населеніе занимается овцеводствомъ и земледѣіемъ (главнымъ образомъ сѣетъ ячмень), густота населенія довольно значительна, но только въ земледѣльческихъ мѣстностяхъ. Въ горахъ населеніе пассивнѣе. Особеннаго вниманія заслуживаютъ горные кочевники, скитающіеся въ гималайскихъ ущельяхъ между Тибетомъ и истоками рѣкъ Инда и Ганга. Они являются посредниками въ торговыхъ сношеніяхъ:—это ихъ главное занятіе. Товары перевозятъ на баранахъ. Такой народецъ, какъ *чамты* (ихъ всего 500 душъ), кочующій на пространствѣ небольшой нашей губерніи въ ущельяхъ Инда, ниже 3,300 метровъ чувствуютъ себя плохо: они задыхаются. Равнымъ образомъ, по мѣрѣ того, какъ мы будемъ переходить отъ степей къ лѣсамъ и затѣмъ къ тундрамъ сѣвера, условія быта и, въ зависимости отъ нихъ, жизнь человѣка сильно измѣняются. Въ сѣверныхъ лѣсахъ охота составляетъ единственный источникъ существованія, напримѣръ для остяковъ и тунгусовъ. «Наша вѣра велитъ намъ жить и умирать

въ лѣсу»,—разсказывалъ одинъ изъ такихъ охотниковъ. Еще болѣе къ сѣверу, на ряду съ охотой появляется пастушество (разводить сѣверныхъ оленей), мѣстами рыболовство. Съ постепеннымъ ухудшеніемъ условій быта уменьшаются густота населенія и ростъ человѣка; люди становятся все болѣе неповоротливыми, что между прочимъ объясняется затрудненнымъ пищевареніемъ отъ жирной пищи. Въ Царствѣ Польскомъ насчитывалось бы, если бы оно было поставлено въ условія степного быта, отъ 230—250 тыс. чел.,—въ условія якутской области только 40—50 тыс.—а въ условія самоѣдскихъ тундръ, только 5 тыс.! Эти цифры, въ особенности послѣдняя, хотя и очень незначительны, тѣмъ не менѣе несравненно выше тѣхъ, которыя даетъ намъ Австралія, гдѣ на ту же площадь въ среднемъ приходится около 2,500 человекъ! Одно это обстоятельство свидѣтельствуетъ уже о культурномъ значеніи скотоводства. Сѣверный олень представляетъ главный и почти единственный источникъ питанія на дальнемъ сѣверѣ. Онъ доставляетъ молоко и мясо, шкуры для одежды и жилья, кишки на нитки, кости для оружія. Въ виду того, что самка сѣвернаго оленя даетъ мало молока, семьѣ необходимо имѣть около 100 штукъ скота. Благосостояніе начинается тогда, когда стадо состоитъ изъ 300 штукъ, богатство же при 600. Скотъ пасется на одномъ мѣстѣ 2—5 дней, т. е. до тѣхъ поръ, пока не съѣстъ всей пригодной для него растительности; затѣмъ онъ переходитъ на другое мѣсто. Въмѣстѣ съ уменьшеніемъ плотности населенія къ сѣверу численность отдѣльныхъ обществъ уменьшается. Какіе-нибудь 20,000 самоѣдовъ говорятъ на 5 различныхъ языкахъ, которые распадаются еще на различные говоры, напримѣръ, юракскій языкъ на 5, енисейскій на 2 говора. Самоѣды проходятъ огромныя пространства. Лѣтнія ихъ жилища находятся отъ зимнихъ на разстояніи 400—500 вер. «Во время своихъ перекочевокъ каждая семья идетъ по тому же пути, останавливается въ тѣхъ же мѣстахъ, какъ и въ предыдущіе годы. Какимъ путемъ шли отцы, тѣмъ же путемъ пойдутъ внуки и правнуки». Вездѣ на сѣверѣ растительная пища—рѣдкость, жиръ—лакомство. И неудивительно; вѣдь этотъ жиръ не что иное, какъ топливо, которое возмѣщаетъ убыль тепла въ организмѣ. Якуты, справляя праздникъ, выпиваютъ по нѣсколько фунтовъ теплаго сала. «Аппегить этихъ народовъ изумительный. Якутъ уничтожаетъ до 60 рыбъ, въ то время какъ меня совершенно удовлетворялъ одинъ десятокъ. Якуты обжоры. Я далъ пятилѣтнему мальчику очень грязную салную свѣчку, затѣмъ другую, третью, и всѣ онъ съѣлъ съ жадностью. Послѣ того, штурманъ далъ ему еще нѣсколько фунтовъ стараго масла—и все это моментально исчезло въ желудкѣ пятилѣтняго мальчика!»

Степь все сглаживаетъ, горы вызываютъ разнообразіе. Какая нибудь долина, или ущелье благопріятствуютъ появленію той или другой особенности. Каждая группа, избравши себѣ мѣстожительствомъ долину, заставляетъ другія группы неподвижно оставаться на своихъ мѣстахъ. Горы южнаго Китая, Ассама, Индо-Кята, преимущественно же та область, гдѣ Брампутра, рѣки Индо-Кята и Янтсе-Кіангъ текутъ рядомъ и потомъ расходятся вѣерообразно въ разныя стороны, обитаетъ множество народовъ, извѣстныхъ намъ лишь по названію. На каждомъ шагѣ встрѣчаешь здѣсь глубокія ущелья съ отвѣсными стѣнами (300—400 метровъ высоты). Горцы перебрасываютъ черезъ эти ущелья бамбуковыя жерди съ двумя скользящими по нимъ обручами; въ одинъ изъ нихъ вкладываютъ голову, въ другой ноги, и подъ давленіемъ собственной тяжести тѣло движется до половины ущелья; затѣмъ туземецъ при помощи рукъ взбирается по другой половинѣ бамбуковой жерди на противоположную сторону. «Путь, по которому горцы сходятъ въ равнину, вѣется узкой лентой вдоль отвѣсныхъ скалъ, разединенныхъ пропастями. Чтобы пройти чрезъ эти пропасти, туземцы устраиваютъ ступеньки въ скалахъ и карабкаются, какъ кошки». Поэтому вездѣ у горнаго населенія ляшки и икры отличаются сильнымъ развитіемъ. Разнообразіе народовъ, языковъ, обычаевъ очень значительно. Малайскія различія, какъ культурныя, такъ и антропологическія, упорно сохраняются. «Физическія черты—говорить Пиль о нагахъ—различны въ каждомъ племени. Я легко отличаю іобока отъ баншара, мугона, намсангійца или ассамца, даже не видая ихъ татуировки». Такимъ образомъ многочисленныя группы, принадлежащія къ одному семейству по своему языку, напр. акалы (горное племя на лѣвомъ берегу Брампутры, численностью до милліона), разобщены и совершенно чужды другъ другу. Для иллюстраціи этихъ отношеній мы укажемъ на *наговъ* («непобѣдимыхъ»), населяющихъ горы южнаго Ассама, и на *кареновъ* («туземцевъ») изъ Пегу и Бирмы. Наговъ насчитываютъ нѣсколько сотъ тысячъ человекъ. «У наговъ, заселяющихъ незначительную мѣстность ближе къ Ассаму, около 30 различныхъ нарѣчій: малѣйшая возвышенность, ущелье или рѣка порождаютъ уже новое нарѣчіе. Племенъ много. Кажется, каждое поселеніе имѣетъ свое собственное нарѣчіе». «Каждое племя имѣетъ свои собственные обычаи. Поселеніе состоитъ изъ 60 домовъ. Мы рассказывали, что оно въ настоящій моментъ распалось на двѣ враждебныя половины. Начальникъ ручался только за свою половину, но не за другую». Зачастую изъ двухъ сосѣднихъ деревень одна не знаетъ о существованіи другой; англійскій путешественникъ въ подозрную трубу видѣлъ такіе поселки, о которыхъ въ данной деревнѣ ничего не слыхали. У кареновъ, живущихъ въ болѣе доступной мѣстности, племенная раздробленность не меньше. «Эти племена, хотя гово-

рять на одномъ и томъ же языкѣ, однако не знаютъ другъ друга подъ общимъ названіемъ. Констатировано, что существуетъ одиннадцать каренскихъ племенъ, говорящихъ на различныхъ нарѣчіяхъ и не понимающихъ другъ друга. Каждое изъ нихъ обозначаетъ себя въ отличіе отъ другихъ племенъ именемъ «человѣка». Всѣ эти поселенія—совершенно независимыя маленькія государства и враждуютъ другъ съ другомъ. Паки съ незапамятныхъ временъ враждуютъ съ плалами, бган—съ паками, гайки—съ бгаями и красные карены—со всѣми остальными. Быть можетъ, нѣтъ ни одного поселенія, которое не состояло бы во враждѣ со всѣми остальными». Каждое поселеніе у горцевъ представляетъ собою настоящую крѣпость, окруженную частоколомъ; къ ней ведетъ тропинка до того узкая, что двое не могутъ идти по ней рядомъ. Эти народы—неисправимые разбойники. Мальчикъ только тогда становится мужчиной, когда принесетъ черепъ, руку и ногу врага, причемъ безразлично: будетъ ли это рука или черепъ мужчины, женщины или ребенка. «Карены никогда не объявляютъ войны. Неожиданное нападеніе является у нихъ основнымъ правиломъ. Убиваютъ всѣхъ безъ различія пола и возраста; грудныя дѣти всегда умерщвляются. Дѣтей часто убиваютъ со страшною жестокостью. Отрѣзываютъ у нихъ ноги и руки, тѣла же рубятъ на мелкіе куски». Поэтому горцы наводятъ ужасъ на обитателей равнинъ. «Мирный земледѣлецъ, распахивая и бесѣдуя со своими дѣтьми, воздѣлывалъ поле. Изъ травы выглядываетъ отвратительное лицо дикаря; затѣмъ онъ исчезаетъ съ проворствомъ змѣи. Вскорѣ онъ возвращается съ товарищами. Приближаются они съ большою осторожностью и, какъ кошки, бросаются на свою добычу. Земледѣльца убиваютъ, а дѣтей уводятъ съ собой». Жители равнинъ зовутъ акоховъ «разрушителями очаговъ». Наоборотъ, горецъ презираетъ обитателей равнинъ, и хотя не знаетъ своего прошедшаго, однако полагаетъ, что созданъ для жизни въ горахъ, что горы должны служить ему постояннымъ мѣстопробываніемъ. На вопросъ, почему онъ чернитъ зубы, онъ отвѣчаетъ съ чувствомъ превосходства, что только собаки и бевгалы (жители равнинъ) имѣютъ бѣлые зубы. Наги никакъ не могутъ себѣ представить, что англичане сильнѣе ихъ.

Общественный строй у этихъ различныхъ горныхъ племенъ одинаковый. Значеніе вождей невелико: они подчиняются народной волѣ. «Наги не имѣютъ никакого правительства; они не признаютъ никого своими правителями и смѣются надъ подобной мыслью. Когда ихъ спрашиваютъ о вождѣ, они гордо вонзаютъ копье въ землю и говорятъ, что не имѣютъ другого раджи. Совѣтуются они съ нѣсколькими старцами, извѣстными своею опытностью и разсудительностью, а, пожалуй, чаще всего пользующимися вліяніемъ благодаря своему богатству. Эти старшины имѣютъ нѣкоторое значеніе». Впрочемъ, каждая горная

группа представляетъ намъ особенную картину: обычаи, форма правленія, строй семейной и общественной жизни, все это до послѣдней степени разнообразно. Оно и понятно, такъ какъ горы являются убѣжищемъ для различныхъ народовъ, вытѣсняемыхъ изъ равнинъ. Каждый народъ и отдѣльныя части народа получали здѣсь самостоятельное развитіе. Однако существуютъ извѣстныя характерныя черты, общія для всей мѣстности. Вездѣ напр. у горцевъ полуострова существуютъ общинные дома, гдѣ спитъ вся молодежь—мужская, а иногда и женская (у аборовъ, гаровъ и наговъ, какиеновъ, банаровъ изъ Аннама и т. д.). Иногда даже и во всемъ поселеніи одинъ только домъ жилой, какъ у гаровъ, у которыхъ попадаются строенія въ 100—160 футовъ длины, съ 12—20 отдѣленіями, вмѣщающими 100—200 человѣкъ; но молодежь и здѣсь спитъ отдѣльно.

Въ юго-восточной части Тибета и въ сосѣднихъ мѣстностяхъ можно встрѣтить семьи съ ясно выраженнымъ матриархатомъ и многомужествомъ. Впрочемъ и въ Тибетѣ нѣсколько братьевъ имѣютъ одну общую жену, и такія семьи отличаются мирнымъ характеромъ, отсутствіемъ ревности; до нѣкоторой степени онѣ являются послѣдствіемъ нищеты: отдѣльное лицо рѣдко можетъ уплатить выкупъ за невѣсту. Дальтонъ рассказываетъ о *дафмахъ* (горцахъ на правомъ берегу Брампутры), что однажды молодая дѣвушка бросилась ему въ ноги съ просьбой заступиться за нее. Она была дочерью вождя и ее заставляли выйти замужъ за пріятеля отца, который имѣлъ уже нѣсколькихъ женъ; она не желала быть одной изъ многихъ, признаваясь въ то же время, что имѣетъ любовника. Англійскій резидентъ велѣлъ привести послѣдняго, но, къ своему удивленію, вмѣсто одного, увидѣлъ двоихъ. Случай этотъ свидѣтельствуешь о тамошнихъ нравахъ. Материнское право особенно сильно выступаетъ у гаровъ. Женщина—глава семьи, дѣвушка ухаживаетъ за юношей. Казни хоронятъ своихъ отцовъ на ихъ племенномъ кладбищѣ, дѣти же покоятся въ землѣ, принадлежащей племени матери.

Кромѣ этихъ горцевъ живутъ у подножія горъ, на ихъ уступахъ и въ лѣсахъ, отъ Непала вдоль Гималаевъ, особенно въ Ассамѣ, еще много другихъ народовъ. Физическія ихъ черты явственно свидѣлствуютъ о тибетскомъ происхожденіи съ примѣсью черной крови. Нѣкоторые изъ нихъ заслуживаютъ вниманія своимъ мирнымъ характеромъ. Сюда можно причислить племя *лечасовъ* въ Сиккимѣ, которые «очень привѣтливы», «удивительно привѣтливы», «охотно дѣлаютъ уступки и легко прощаютъ обиды». На нихъ походятъ *боды* и *джималы*. «Въ ихъ характерѣ много привлекательнаго, и они почти не имѣютъ сторонъ непріятныхъ. Они—интеллигентны, мягки, чужды предразсудковъ, честны, вѣрны слову, трудолюбивы въ своей

ственныхъ имъ занятіяхъ, но лѣнны среди новыхъ условій и относятся чрезвычайно враждебно къ тѣмъ распоряженіямъ, которые считаютъ несправедливыми. Они не позволяютъ себѣ никакого произвола въ отношеніи къ своимъ соплеменникамъ или къ сосѣдямъ и нисколько не воинственны. Они отказываются работать на чужихъ и не поступаютъ на службу, въ качествѣ солдатъ, лакеевъ или кучеровъ. Въ общественной организаціи этихъ племенъ нѣтъ ни слугъ, ни рабовъ, ни другихъ зависимыхъ людей; ни традиція, ни религія, ни обычай не устанавливаютъ никакого искусственного различія между людьми. Секты, классы или касты у нихъ также нѣтъ. Всѣ между собою равны по обычаю и фактически. Это равенство—не мертвая буква. Боды и джималы питаются хорошо, живутъ удобно, и когда ближе сойдешься съ ними (они питаютъ нерасположеніе къ чужестранцамъ), то голосъ, взглядъ и поведеніе ихъ свидѣлствуютъ объ отсутствіи того подлога страха и хитрости, которые свойственны бенгаламъ». Впрочемъ, ихъ немного. Бодовъ напр. насчитываютъ до 200 тысячъ въ непальскихъ горахъ, Варахъ и Ассамъ. Большинство этихъ народовъ ведетъ полу-кочевой, полу-земледѣльческій образъ жизни. Черезъ извѣстные промежутки времени они переносятъ свое поселеніе съ одного мѣста на другое. Это бываетъ тогда, когда на старомъ мѣстѣ земля совсѣмъ истощается. На новомъ мѣстѣ они выжигаютъ лѣсъ и затѣмъ вблизи новаго участка строятъ поселеніе, гдѣ и живутъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ.

Между цивилизаціями желтыхъ короткоголовыхъ дѣйствительно самостоятельной является только китайская, такъ какъ японская и корейская и наконецъ тонкино-аннамская развивались подъ преобладающимъ вліяніемъ первой. Бирманская же, сіамская и исчезнувшія цивилизаціи талаинговъ (быть можетъ дравидійскаго происхожденія) и кмеровъ (индонезійскаго) находились въ свою очередь подъ вліяніемъ арійско-индусской культуры. Впрочемъ индокитайскій полуостровъ, несмотря на свои естественныя богатства, не благопріятствовалъ успѣхамъ цивилизаціи. Этотъ полуостровъ насчитываетъ всего 34 милліона жителей, въ то время какъ онъ при той же техникѣ могъ бы удобно дать пропитаніе 250 милліонамъ. Только при устьяхъ рѣкъ и на морскомъ побережьи населеніе болѣе густо; одновременно здѣсь появляются центры цивилизаціи, создавшіеся подъ вліяніемъ традиціонной пышности восточнаго деспотизма. Направленіе рѣкъ и горъ съ сѣвера на югъ сразу подвергало завоевателей-переселенцевъ вліянію значительнаго климатическаго разнообразія и въ то же время препятствовало имъ разселиться по параллелямъ, гдѣ они могли бы найти болѣе или менѣе постоянную температуру. Затѣмъ тѣ же условія помѣшали развитію однообразной цивилизаціи на всемъ простран-

ствѣ полуострова, и около 20% населенія, преимущественно въ горахъ, удержались на варварской ступени. Тибетская же «цивилизція» является, собственно говоря, громадной колоніей буддійскихъ монаховъ, которые угнетаютъ и умышленно держатъ въ невѣжественномъ состояніи населеніе, столь бѣдное, что нѣсколько мужчинъ (братья) нерѣдко въ складчину покупаютъ себѣ женъ. Съ другой стороны богатые покупаютъ себѣ сразу нѣсколько женъ (обыкновенно сестеръ или мать съ дочерьми). Большая часть населенія занимается земледѣліемъ, остальная (на 99% всего пространства страны)—скотоводствомъ (разводятъ барановъ и яковъ). Монахи окончательно утвердили свое господство только въ V—VIII столѣтіяхъ. Тибетскій буддизмъ сильно напоминаетъ католицизмъ. Духовенство носитъ гюменце и длинное облаченіе, постится, исповѣдуетъ вѣрующихъ, является посредникомъ между людьми и святыми. Прежде безбрачіе было только богоугоднымъ дѣломъ, теперь оно обязательно; толпы себялюбцевъ, мужчинъ и женщинъ, предаются аскетизму съ эгоистической цѣлью спасти только свою душу. Въ Тибетѣ живетъ безсмертный далай-лама, буддійскій папа. Онъ является не только безгрѣшнымъ существомъ, но сверхъ того и живымъ воплощеніемъ Будды. Чувствуя приближеніе кончины, онъ подыскиваетъ себѣ наслѣдника, которому могъ бы довѣрить пребывающій въ немъ духъ основателя религіи. Выборъ падаетъ на членовъ извѣстныхъ семей. Къ далай-ламѣ, уже издали ползая на колѣняхъ, спѣшатъ за благословеніемъ, оплачиваемымъ дарами, паломники со всѣхъ концовъ буддійскаго міра. Дворецъ далай-ламы является обь разномъ, по которому строятся другіе дворцы. Вся тибетская степь покрыта монастырями: ихъ больше ста; въ каждомъ изъ нихъ живетъ по нѣскольку тысячъ монаховъ съ безсмертнымъ настоятелемъ. На стоятели составляютъ совѣтъ далай-ламы и отъ его имени правятъ суетными дѣлами мірянъ. Говорятъ, что $\frac{2}{3}$ всего тибетскаго населенія спасаетъ буддійскій міръ въ монашеской рясѣ. Остальная часть крѣпостные, работающіе на монаховъ. Они селятся вокругъ монастырей въ числѣ нѣсколькихъ десятковъ и представляютъ собою вѣчный монастырскій скотъ. Другимъ источникомъ существованія буддійской теократіи является обильная лепта, приносимая изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстностей. Наконецъ ростовщичество дополняетъ бюджетъ духовенства. Монахи даютъ въ займы подъ залогъ и берутъ, кромѣ подарковъ, 30% годовыхъ, милостиво принимая въ уплату не только деньги, но и хлѣбъ, чай и ткани. Такимъ образомъ весь крестьянскій людъ составляетъ собственность духовенства; это—настоящіе крѣпостные. Духовная карьера избирается не добровольно. Въ Тибетѣ существуетъ собственно духовный наборъ, какъ у насъ рекрутскій. Каждая семья, имѣющая нѣсколько сыновей, должна отдать третью и по-

слѣдующихъ въ монастырь. Жребій, бросаемый ламой, окончательно рѣшаетъ выборъ, но онъ падаетъ всегда на самыхъ интеллигентныхъ и способныхъ юношей. Буддизмъ, подобно католичеству, избирѣлъ индугенціи и отпущенія грѣховъ, но сверхъ того еще—мельницы, приводимыя въ движеніе вѣтромъ, которыя, шелестя, молятся за набожнаго владѣльца; болѣе богатые люди сооружаютъ съ этою цѣлью воданыя мельницы.

Напротивъ, Китай, эта «серединная имперія», это «великое и свѣтлое царство», эти «четыре моря» (т. е. «вселенная»), какъ гласятъ мѣстныя названія, представляетъ вмѣсто теократіи бюрократическую аристократію духа. По всей вѣроятности «великое и свѣтлое царство» появилось на «желтой землѣ»—къ сѣверу отъ Желтой рѣки. На пространствахъ, почти въ шесть разъ превышающемъ Царство Польское, тянутся тамъ земли, легко воздѣлываемыя, баснословно плодородныя и, благодаря множеству овраговъ, вырытыхъ водою, хорошо защищенныя отъ неожиданныхъ набоговъ. Здѣсь-то поселились предки тѣхъ «ста» кочевыхъ наѣздническихъ «семействъ», о которыхъ китайскія лѣтописи говорятъ, какъ о родоначальникахъ современныхъ китайцевъ. Уже одна архитектура китайскаго дома сильно напоминаетъ происхождение его отъ палатки тибетскаго кочевника. Постоянно возрасставшее земледѣльческое населеніе стало сомкнутой массой распространяться по теченію рѣкъ, къ морю и къ югу, пока наконецъ горы и моря не остановили этотъ медленный разливъ. Такимъ образомъ китайская цивилизація встрѣтила естественныя границы, которыхъ и не перешагнула. Она наталкивалась на другіе народы, съ индонезійскими элементами. Миаотзе (по китайски это слово означаетъ «туземцы») напр., занимавшіе нѣкогда въ большомъ числѣ равнины, теперь вытѣснены изъ горъ Юннана и отовсюду окружены моремъ китайскаго населенія. Ихъ насчитываютъ еще нѣсколько милліоновъ, но, оттѣсненные въ горы, они подвергаются притѣсненіямъ со стороны китайцевъ, и поэтому быстро вымираютъ. Нѣкогда на равнинахъ они имѣли свои письмена; въ настоящее время они сильно регрессируютъ. Нѣкоторыя группы этого народа населяютъ скалы, и чтобы добраться до нихъ, приходится карабкаться по лѣстницамъ въ 150 метровъ высоты. Несмотря на поглощеніе постороннихъ элементовъ китайское населеніе сравнительно однообразно.

Ассимиляція усилилась за послѣднія столѣтія подъ вліяніемъ дѣйствующихъ до сихъ поръ причинъ. Высчитано, что въ Китаѣ съ 1812 по 1880 годъ погибло вслѣдствіе голода и междоусобныхъ войнъ 63 милл. человекъ. Возстаніе въ Юннанѣ стоило жизни 8 милліонамъ людей; возстаніе тайпинговъ—40 м. Такимъ образомъ, образовались пустынные мѣстности, въ которыя направились выходцы изъ другихъ про-

винцій и, смѣшиваясь другъ съ другомъ, нивелировали антропологическія особенности населенія. Строй Китая развивался постепенно изъ первобытнаго земледѣльческаго коммунизма; центральная же власть появилась впоследствии, и обязана своимъ возникновеніемъ ирригаціонной системѣ и необходимости поддерживать ее въ порядкѣ. По китайски «правительство» и «теченіе рѣки» обозначаются однимъ и тѣмъ же словомъ. Изъ сельскаго коммунизма возникъ архаическій государственный социализмъ. Упорядоченіе землевладѣнія сдѣлалось задачей правительства. По временамъ оно собирало свѣдѣнія съ цѣлью убѣдиться, въ какихъ мѣстностяхъ чувствуется избытокъ населенія и какія мѣстности страдают малонаселенностью. Результатомъ изслѣдованія было переселеніе излишка въ провинціи мѣнѣ населенныя и передѣлъ всей территоріи. Итакъ, колонизація велась центральной властью систематически. Семейные союзы, кромѣ полученнаго собственнаго надѣла, воздѣлывали еще всѣ вмѣстѣ общинную землю, жатва съ которой шла въ государственные амбары; хлѣбъ же съ этихъ участковъ подлежалъ дѣлежу между населеніемъ во время неурожая. Государственная организація основывалась на семейной единицѣ, и ея звенья шли симметрически по слѣдующему ряду множителей: 5. 5. 4. 5. 5. 5, вплоть до провинціи—хянгъ, насчитывающей 12,500 семей (т. е. 5. 5. 4. 5. 5. 5). Соотвѣстнымъ образомъ производился рекрутскій наборъ. Семья доставляла одного новобранца, провинція—дивизію изъ 12,500 воиновъ. Китай въ то время можно было разсматривать, какъ одно огромное имѣніе, которымъ управлялъ монархъ, въ качествѣ нанвысшаго и самовластнаго хозяина, пекущагося объ общемъ благосостояніи; народъ же былъ организованъ въ видѣ громадной промышленной арміи, работающей на общее дѣло и въ свою пользу подъ руководствомъ властей на временно-предоставленныхъ ей участкахъ удобной земли. Но такъ какъ орудія производства требовали индивидуальныхъ усилій, воздѣлываніе участковъ оставалось въ рукахъ отдѣльныхъ семействъ, участки эти были неодинаковыхъ размѣровъ (сановники имѣли больше земли) и, наконецъ, существовало общее стремленіе превратить воздѣлываемые участки въ постоянную и исключительную собственность,—строй этотъ постепенно распался. Этотъ процессъ разложенія старыхъ устоевъ привелъ къ неограниченному частному владѣнію и затѣмъ къ сосредоточенію земли въ небольшомъ числѣ рукъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ вспыхиваютъ социальныя революціи съ народническимъ лозунгомъ передѣла и ограниченія размѣра частной собственности. Однако удовлетвореніе этихъ требованій по истеченіи нѣсколькихъ столѣтій снова приводитъ къ старому положенію вещей. Въ настоящее время «Серединная Имперія» представляетъ собою крестьянское царство съ

общиной, еще крѣпко сохраняющейся въ болѣе отдаленныхъ мѣстностяхъ. Эти сельскіе союзы, отлпчающіеся во внутренней своей жизни солидарностью, но равнодушные ко всему, что происходитъ за пределами общины, и консервативные въ своемъ демократизмѣ, составляютъ надежную опору для самовласти мандариновъ. Китайская бюрократія состоитъ изъ лицъ, выдержавшихъ опредѣленный экзаменъ. Всякій имѣетъ право стать ея членомъ, если только онъ обнаружилъ способности. Это не что иное, какъ организація «аристократія духа» — по крайней мѣрѣ въ теоріи. На ряду съ самой ужасной нищетой (заставившей узаконить дѣтубійство) существуетъ утонченная роскошь. Богатая женщина ведетъ замкнутую жизнь, и только проститутки блещутъ остроуміемъ и образованіемъ. Одинъ ученый очертилъ слѣдующимъ образомъ китайскую цивилизацію: «хорошо организованная бюрократія, основанная на принципѣ конкуренціи; отеческій деспотизмъ, тщательно присматривающій, регулирующий, оживляющій или нравственно угнетающій народъ и еще старательнѣе наблюдающій за тѣмъ, чтобы каждый занималъ должность, которая удовлетворяла бы всѣмъ его потребностямъ; богдыханъ, воссѣдая на престолѣ, являетъ собой воплощеніе здраваго смысла: священникъ — слуга государства; церковь и школа — полицейскія учрежденія, въ которыхъ китаецъ причащаетъ себя къ слѣпому уваженію властей, правительства, права и порядка. Справедливость находитъ свое выраженіе въ бамбуковой трости, которая съ одинаковымъ безпристрастіемъ гуляетъ по пятнамъ и министра, и самаго ничтожнаго изъ ничтожнѣйшихъ подданныхъ; художники никогда не изображаютъ идеала; они только грубо подражаютъ природѣ и видятъ въ ней скорѣе различіе, чѣмъ сходство, питаютъ пристрастіе къ карикатурамъ и подчеркиваютъ мелочи».

Уже одна многочисленность желтолицыхъ заставляетъ насъ выкинуть въ вопросъ о дальнѣйшей ихъ роли въ судьбахъ человѣчества. Что касается до кочевниковъ, то дни ихъ сочтены. Они составляютъ лишь 5% всей остальной массы монголоподобныхъ и въ послѣднее время быстро исчезаютъ. Кочевыя племена нуждаются въ просторѣ, а его не хватаетъ. Китайцы, нѣкогда соорудившіе стѣны противъ набѣдниковъ, сами стремятся теперь въ степи, въ качества колонистовъ, «людей, пожирающихъ татаръ». Въ настоящее время уже восточные склоны Памира и Семпрѣченской области заселены ими. Съ Волги врываются сюда русскіе поселенцы. Россія и Китай, суживая размѣры степей, одновременно силятся наложить на кочевниковъ пути государственнаго благоустройства и приспособить ихъ къ осѣдой жизни. Китай до поры до времени создаетъ изъ этихъ кочевниковъ родъ казачества, организація котораго опредѣляется не географическими, а племенными условіями. Но одновременно

съ территориальнымъ принципомъ появляется неизвѣстное доселѣ дежное хозяйство и соотвѣтствующая ему эгоистическая этика съ своими героями — торгашемъ и ростовщикомъ. Прежняя солидарность исчезаетъ. Напримѣръ, бурятскій улусъ нѣкогда представлялъ какъ бы одну семью. Онъ состоялъ изъ опредѣленнаго числа огороженныхъ участковъ, изъ которыхъ въ каждомъ было по нѣскольку юртъ. На одномъ участкѣ помѣщались юрты отца, сыновей и внуковъ, на слѣдующемъ его брата съ потомствомъ. Огороженный участокъ составлялъ одну большую общину. Весь же улусъ имѣлъ общую пекарню. Сироты находили пріютъ то въ одной, то въ другой общинѣ; они имѣли право безъ спроса брать себѣ пищу; если же кто-нибудь убивалъ барана, то каждый могъ запросто прійти и присоединиться къ трапезѣ. Въ Монголіи, въ случаѣ пропажи лошади у гостя, всѣ единодушно отыскивали ее или возмѣщали убытки. Если кто, отправляясь въ путь, зналъ, что го дорогѣ встрѣтятся улусы, то не бралъ съ собою никакихъ съѣстныхъ припасовъ. Если у кого-нибудь случался падежъ скота, то другіе спѣшили съ дарами, такъ что обѣдѣвшій снова становился на ноги. Все это теперь быстро исчезаетъ. Вмѣсто прежней солидарности слагается этика, основанная на куплѣ-продажѣ. Значительное имущественное неравенство прежде было невозможно, теперь же оно растетъ, и степь знаетъ нищихъ и богатыхъ. Въ копальскомъ, напримѣръ, округѣ въ настоящее время приходится на на юрту 0,7 верблюда, 3 лошади, 2 штуки рогатаго скота и 32,2 барана; но такъ какъ нѣкоторые имѣютъ тысячи головъ, то другіе значить ничего не имѣютъ. Охота же въ степяхъ не можетъ служить источникомъ существованія; въ 3 округахъ, съ населеніемъ въ $1\frac{1}{2}$ милліона, въ теченіе года было убито всего 6,000 лисицъ и 400 оленей. А между тѣмъ за одну жену приходится уплачивать выкупъ въ нѣсколько десятковъ барановъ! И вотъ нищій кочевникъ мало-по-малу принимается за земледѣліе, а земледѣліе для инородца — первый шагъ къ денационализаціи и даже къ вымиранію... Будущее имѣютъ только цивилизаціи желтолицыхъ, собственно говоря, только одна изъ нихъ, китайская, такъ какъ индокитайскія все сильнѣе подчиняются вліянію первой. (Вѣдь Японія скорѣе можетъ быть названа индонезійской цивилизаціей. Она уже втянута въ водоворотъ европейско-мірового развитія. Желѣзныя дороги, телеграфы, телефоны, сочиненія Дарвина и Спенсера, все это въ настоящее время пользуется такою же популярностью въ Японіи, какъ и въ Европѣ. Наконецъ, и капитализмъ въ Японіи дѣлаетъ большіе успѣхи). Аппамъ почти уже весь лишился самобытности, въ Сіамѣ живетъ $1\frac{1}{2}$ милліона китайскихъ выходцевъ, число которыхъ съ каждымъ годомъ возрастаетъ. Они направляются изъ южнаго Китая черезъ горы въглубь Индоки-

тая вплоть до устья рѣкъ. Вопросъ о томъ, какія отношенія установятся въ будущемъ между арійско-европейской цивилизаціей и китайской, принадлежитъ къ одному изъ самыхъ важныхъ. Спрашивается, какое положеніе займутъ 25% всего человечества по отношенію къ другимъ 25%. Столкновенія представителей той и другой цивилизаціи происходятъ въ различныхъ пунктахъ. Бѣлыя расы врываются въ Китай, китайцы въ большомъ числѣ проникаютъ туда, гдѣ царитъ бѣлый человѣкъ. Въ Соединенныхъ Штатахъ въ 1881 году насчитывалось до 100 тысячъ; въ Перу, Бразиліи и на Антильскихъ островахъ—200 т., въ Австраліи около 50 т., на Филиппинскихъ островахъ 250, въ голландскихъ колоніяхъ 300. Они появляются даже въ южной Африкѣ. Китаецъ вездѣ вытѣсняетъ конкурентовъ дешевой рукой, обусловленной низкимъ уровнемъ его жизненныхъ потребностей. Въ самомъ же Китаѣ развивается европейскій капитализмъ и усиливается вліяніе бѣлыхъ. Прошли тѣ времена, когда китаецъ, гордый своею самобытностью и древностью своей цивилизаціи, презрительно относился къ варварамъ съ «противной красной» бородой, которые, вмѣсто поясковъ на ногахъ, носятъ корсеты, имѣютъ огромные носы и не обращаютъ себѣ косъ. Въ настоящее время «франгизы» (французы) и «беликени» (американцы) начинаютъ пользоваться симпатіею со стороны китайцевъ. Но утилитаризмъ ихъ заставляетъ перенимать исключительно техническія усовершенствованія. Правительство, напримѣръ, издаетъ въ переводѣ европейскія сочиненія по химіи, физикѣ и медицинѣ. Появилось уже 142 сочиненія такого рода, и разошлось ихъ 83,000 экземпляровъ. Трудно сказать, чѣмъ разрѣшится это столкновеніе двухъ цивилизацій. Несомнѣнно только, что Китай захваченъ водоворотомъ общечеловѣческой эволюціи.

VI.

Составъ американскаго населенія съ антропологической точки зрѣнія; лингвистическія семейства и полисинтетизмъ языка.—Эскимосы и сѣверо-западное побережье.—Культура по теченію Миссисипи.—Бассейны рр. Ориноко и Амазонской.—Разбойники въ пампасахъ и Патагоніи.—Цивилизаціи доколумбовой Америки.—Число туземныхъ элементовъ въ настоящее время.

Антропологія «краснокожихъ» очень несовершенна. Собранные матеріалы недостаточны и находятся въ хаотическомъ состояніи. Выяснилось только, что американцы не составляютъ какой нибудь особенной расы, а являются продуктомъ скрещиванія нѣсколькихъ расъ

Старога Свѣта. Это смѣшеніе расъ доказывается слѣдующею таблицею ширины черепа, заимствованною нами у Кольмана:

	ниже 74,9	75—79,9	80—86,9	выше 87	°/о де- формир. череповъ.
У 127 эскимосовъ	85,4°/о	8,21°/о	3,94°/о	0,80°/о	
» 917 лицъ изъ сѣв. Амер.	15,75°/о	40,26°/о	25,81°/о	11,96°/о	4,48°/о
» 248 изъ центр. и южн. Ам.	16,54°/о	29,02°/о	19,79°/о	27,73°/о	7,00°/о

Это смѣшеніе расовыхъ типовъ въ каждой отдѣльной этнической группѣ—иногда на незначительномъ пространствѣ—представляетъ большое разнообразіе. Эскимосская группа, будучи представительницей крайней длиннголовости, оказывается сравнительно чистой. Длинноголовость равнымъ образомъ является господствующей и у индѣйцевъ по теченію р. Св. Лаврентія и въ области Большихъ озеръ, у племенъ по теченію рр. Амазонской и Ориноко, и, наконецъ, на Огненной землѣ. Напротивъ, короткоголовость преобладаетъ или даже исключительно господствуетъ вдоль горнаго хребта, который тянется черезъ всю Америку. Особенно характернымъ является почти шестигранный черепъ индѣйцевъ-пуэблосовъ, встрѣчаемый сверхъ того еще кое-гдѣ въ юго-западномъ углу и на южномъ побережьи Соединенныхъ Штатовъ, въ центральной Америкѣ, въ Боливіи, въ Перу и Арауканіи, а также и у индѣйцевъ въ пампасахъ. Вышеупомянутое смѣшеніе типовъ короткоголовыхъ и длиннголовыхъ относится, какъ исполнѣ выяснено научными изысканіями, къ самымъ отдаленнымъ временамъ четвертичной эпохи. Раскопки въ Лагоа-Санта дали длиннголовые черепа съ нѣкоторымъ, весьма незначительнымъ, процентомъ короткоголовости, между тѣмъ черепа, найденные въ пампасахъ, преимущественно короткоголовые. Эти четвертичныя расы находятся повидимому въ тѣсномъ родствѣ съ современными. Длиннголовые изъ Лагоа-Санта приближаются формой своего черепа съ одной стороны къ ботокудамъ и фуэджійцамъ, съ другой къ эскимосамъ; равнымъ образомъ въ современной Америкѣ можно найти короткоголовые элементы, родственные древне-пампасскимъ. Оба типа, особенно послѣдній, обнаруживаютъ много монголоподобныхъ чертъ. Это обстоятельство свѣдѣтельствуетъ о томъ, что уже въ четвертичную эпоху населеніе американскаго материка состояло изъ различныхъ типовъ монголоподобной расы. Скрещиваніе этихъ типовъ повидимому произошло не въ одномъ пунктѣ и создало свои собственные и до нѣкоторой степени уже однообразные типы, которые, смѣшиваясь между собой, въ свою очередь вызвали въ послѣдствіи новые типы. Большая часть расовыхъ волнъ, вышедшихъ изъ такихъ центровъ ассимиляціи, шла съ сѣвера на югъ. Въ Мексикѣ напр. удалось установить нѣсколько послѣдовательныхъ антропологическихъ наслоеній. Одною изъ самыхъ важныхъ

мѣстностей въ этомъ отношеніи является Беринговъ проливъ. Вотъ здѣсь то мы въ моментъ открытія Америки наблюдали послѣднее переселеніе азіатскихъ элементовъ на Новый материкъ. Это были короткоголовые алеуты. Изъ того факта, что короткоголовые элементы расселились вдоль Скалистыхъ горъ и Кордильеровъ, этой главной артеріи пришельцевъ, и что ихъ сравнительно немного въ долинахъ Миссисипи, Ориноко и Амазонской рѣки, слѣдуетъ заключить, что длинноголовые типы болѣе ранніе обитатели, чѣмъ короткоголовые. Отмѣтимъ еще, что американскіе короткоголовые тѣмъ сильнѣе напоминаютъ азіатскихъ, чѣмъ ближе они живутъ къ Аляскѣ. Кромѣ этихъ нашествій монголоподобныхъ типовъ, относящихся къ различнымъ эпохамъ, мы можемъ указать на другія болѣе мелкія примѣсы: нерѣдко напр. буря выбрасывала японскія суда на западные берега Америки (между 15° и 55° сѣв. ш.); въ Перу повидимому существуютъ слѣды китайскихъ элементовъ; въ южной Америкѣ можно найти малайскіе элементы. Физическія черты американца сближаютъ его съ монголоподобными народами. «Когда китайская прислуга меня окружаетъ, то мнѣ кажется, что я въ Америкѣ (южной)». Особенно сильно у американцевъ обнаруживается монгольское строеніе волосъ: они черные, гладкіе, твердые, напоминаютъ лошадиные; борода, брови и волосаной покровъ тѣла у нихъ — ничтоженъ (аймары находили, что борода обезображиваетъ человѣка). Тенкато встрѣтилъ среди американцевъ въ юго-западномъ углу Соединенныхъ Штатовъ 50% лицъ съ монгольскимъ строеніемъ глазъ. Окраска кожи ихъ точно такъ же не представляетъ никакихъ выдающихся отклоненій отъ окраски монгольской азіатской вѣтви народовъ. Упомянутый ученый совѣтовалъ поэтому терминъ «краснокожій» совершенно вычеркнуть изъ антропологии. «Еще разъ я долженъ протестовать противъ несоотвѣстнаго названія «красная раса». Кожа многихъ индѣйцевъ, которыхъ я изслѣдовалъ въ южной и сѣверной Америкѣ, вообще представляетъ тѣ же оттѣнки, что и у монголовъ. Отдѣльныя желтокожія группы являются настоящими краснокожими, а краснокожіе — желтокожими». Монголоподобные типы составляютъ въ образованіи туземнаго американскаго населенія главный слой, но не исключительный. Особенно форма носа у американцевъ мало имѣть общаго съ монгольскими чертами. Среди индѣйцевъ Гвианы 30% имѣютъ носъ прямой, 51% съ горбиной и только 19% приплюснутый. Немонгольскія формы носовъ мы находимъ и у народовъ сѣверной Америки. Это обстоятельство указываетъ на значительную примѣсь какихъ-то немонгольскихъ элементовъ, «кавказскихъ», какъ говорятъ иные антропологи. При этомъ мужчины вездѣ обнаруживаютъ болѣе значительное расовое разнообразіе. Въ юго-западномъ углу Соединен-

ныхъ Штатовъ и въ сѣверо-западной Мексикѣ среди мужчинъ можно выдѣлить 5 типовъ, между тѣмъ какъ женщины и дѣти въ расовомъ отношеніи болѣе однообразны и сильнѣе напоминаютъ монголовъ. Монгольскія черты молодого американца исчезаютъ въ зрѣломъ возрастѣ, уступая свое мѣсто другимъ чертамъ, особенно на востокъ отъ Скалистыхъ горъ. «Спросите сѣвернаго индѣйца, въ чемъ заключается красота, и онъ вамъ отвѣтитъ: надо имѣть широкое и плоское лицо, маленькіе глаза, высокія лицевыя кости съ 3-мя широкими черными рубцами черезъ щеку, низкій лобъ, широкій подбородокъ, толстый ястребиный носъ, красноватую кожу». Тѣ элементы, которые дали американскому типу ястребиный носъ и красноватую окраску кожи, по всей вѣроятности, принадлежатъ къ «бѣлымъ», родственнымъ айнской группѣ и другимъ, занимающимъ сѣверо-востокъ Азіи. Первые европейскіе выходцы иногда упоминаютъ о бородатыхъ свѣтлолицыхъ типахъ въ Канадѣ, по теченію Миссури, въ Аляскахъ; мексиканскія хроники упоминаютъ, что типы этого рода встрѣчались въ центральной Америкѣ. У караибовъ можно натолкнуться на типы средиземной расы. Бури гонятъ суда отъ Канарскихъ острововъ къ Мексиканскому заливу. Прибавимъ еще, что норманы въ XI ст. колонизировали Ньюфаундлендъ и Лабрадоръ, а исландцы еще ранѣе Гренландію. Въ Перу и въ Калифорніи мы встрѣчаемъ слѣды индонезійской примѣсы. Но рѣзче всего свѣтлолицыя элементы выступаютъ въ сѣверо-западномъ углу Америки. Племена, извѣстныя въ Азіи подъ именемъ чукчей и айно, чрезвычайно часто встрѣчаются въ Америкѣ на пространствѣ отъ Берингова пролива вдоль морского берега (напр. между колошами) и выдаютъ себя усами и бѣлымъ нѣжнымъ цвѣтомъ лица. По всей вѣроятности эти типы представляютъ, какъ мы уже сказали, очень важный расовой элементъ среди краснокожихъ. Сверхъ того тамъ и сямъ можно подмѣтить черную примѣсь. Темную окраску имѣли племена шарру, обитавшія на берегахъ Ла-Платы, нѣкоторые караобы (негритянская примѣсь?), нѣкоторые калифорнскія племена и даже пуэблосы (меланезійская примѣсь).

Многочисленность американскихъ языковъ указываетъ на сравнительно низкую ступень обществённости. Изслѣдованія вашингтонскаго этнографическаго бюро выяснили, что въ сѣверной Америкѣ существовало нѣсколько десятковъ лингвистическихъ группъ и нѣсколько сотъ племенныхъ нарѣчій; несмотря на это, взаимныя отношенія ихъ сравнительно менѣе сложны, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ Новаго Свѣта. «Вопреки ходячему мнѣнію, американскіе языки не находятся на одинаковой ступени морфологическаго развитія. Одни языки достигли лишь состоянія односложнаго расчлененія, другіе приблизились къ столь усовершенствованной урало-алтайскими семействами благозвучной агглю-

тинаціи, наконецъ, третьи представляютъ новый строй языка—полисинтетическій». (Фр. Мюллеръ).

Чтобы уяснить себѣ сущность американскаго полисинтетизма, слѣдуетъ вспомнить основанія агглютинаціи, т. е. того источника, изъ котораго возникъ американскій строй рѣчи. Корень въ агглютинирующей рѣчи, совершенно такъ же какъ въ *волятокъ*, получаетъ болѣе определенное значеніе, смотря по добавочной частичкѣ. Какойнибудь предлогъ, напр. *въ*, можетъ спрягаться, благодаря присоединенію къ нему соотвѣстныхъ частичекъ. Предложеніе: «Онъ лежитъ внутри», краснокожій передаетъ слѣдующимъ образомъ: «онъ+въ+частичка третьяго лица настоящаго времени». Если бы мы стали приводить въ систему возникающія этимъ путемъ формы согласно съ требованіями нашей грамматики, то мы получили бы несмѣтное число различныхъ наклоненій, степеней, родовъ и т. п. Мы имѣли бы наклоненія: указательное, повелительное, условное, вопросительное, отрицательное, безусловное, указывающее, какимъ напр. орудіемъ совершенно дѣйствіе, и т. д. Напр. на алеутскомъ яз. *sigā*—превосходно, *sigasiada*—очень много, *ta*—чаще, чѣмъ одинъ разъ, *tasiada*—излишне, *kamgelik*—восхвалять; съ присоединеніемъ къ этому слову вышеозначенныхъ приставокъ возникаютъ слѣдующія «наклоненія»: *kamgesigalik*—восхвалять когонибудь горячо, *kamgesigatalik*—восхвалять когонибудь очень горячо, *kamgasigatasidalik*—восхвалять когонибудь очень горячо, *kamgasigatasidalik*—восхвалять когонибудь очень горячо и часто. Классифицируя эти формы согласно съ требованіями флектирующей грамматики, Джемсъ насчиталъ въ спряженіи чипивеевъ 7—8 тысячъ формъ! Мы имѣемъ здѣсь частички (вродѣ французскихъ *le, la*) для обозначенія, живетъ ли данный предметъ или нѣтъ, изъ чего онъ сдѣланъ (изъ воды, камня, мяса или дерева), въ какомъ находится состояніи: стоячемъ, лежащемъ и т. д. Если американецъ хочетъ сказать: «человѣкъ убилъ кролика», онъ долженъ принять во вниманіе всѣ приставки и выразиться «*человѣкъ+онъ+одинъ+живущій+стоящій+въ падежѣ I+сознательно+убилъ+выпуская стрѣлу+кроликъ+онъ+одинъ+живущій+сидящій+въ падежѣ IV*». За исключеніемъ подчеркнутыхъ словъ всѣ другія понятія онъ выражаетъ съ помощью приставокъ. Быть можетъ одинъ разъ изъ милліона случаевъ онъ употребитъ эти приставки въ подобномъ сочетаніи, но въ 999,999 случаяхъ онъ переберетъ въ умѣ всѣ существующія приставки, чтобъ избрать нужную ему. Но американецъ не удовлетворялся этой запутанной агглютинаціей и пошелъ еще далѣе. Подобно тому, какъ въ нѣмецкомъ языкѣ вмѣсто *zu der* говорятъ *zur*, во многихъ американскихъ языкахъ отдѣльныя слова сливаются въ одно огромное слово, и потому напр. оборотъ: «о мой отецъ, достопочтенный и восхваляемый богъ-заступникъ» мексиканецъ передаетъ

въ видѣ одного слова: «*notlazomahuizteopixcatatzin*». (*No*—мой; *tlazonlli*—достопочтенный; *mahuiztic*—восхваляемый; *teopixqui*—богъ-заступникъ; *tatzin*—отецъ). Нечего говорить, какъ это обстоятельство затрудняетъ идейное общеніе между европейцами и краснокожими, особенно если принять во вниманіе, что самый синтаксисъ у нихъ другой, такъ какъ основанъ на отношеніи слова опредѣляемаго къ опредѣляющему. «Эта форма рѣчи, говоритъ Фр. Мюллеръ, вызванная одностороннимъ образованіемъ понятій, повліяла въ свою очередь на самый способъ мышленія. Не только наши понятія и идеи, но самый способъ мышленія должны показаться американцу чѣмъ то особеннымъ и чуждымъ. Наши языки являются формой совершенно несоотвѣтствующей для его ассоціаціи идей, и онъ не знаетъ, что съ ней дѣлать». Шлейхеръ идетъ еще далѣе, утверждая, что такой строй рѣчи неизбѣжно долженъ былъ послужить препятствіемъ для дальнѣйшаго умственнаго развитія.

Иннуиты (т. е. «люди»), болѣе извѣстные подъ альгонкинскимъ названіемъ *эскимосовъ* («употребляющіе въ пищу сырое мясо»), составляютъ одну изъ самыхъ характерныхъ группъ человѣческаго рода. Они представляютъ крайнее звено, выдѣляющееся изъ собственно желтыхъ короткоголовыхъ образованіемъ черепа, какъ видно изъ слѣдующей таблицы:

	У. ш. ч.	У. гл.	У. п.
Бураты, монголы и калмыки.	85,6	89,7	48,4
Западные эскимосы	71,5	92,7	42,2

Выраженная длинноголовость, какъ идеаль ихъ красоты, привела къ тому, что они стали соотвѣственнымъ образомъ сдавливать черепа младенцевъ. Въ Гренландіи сохранился самый чистый типъ: на западѣ эскимосы смѣшались съ короткоголовыми элементами, какъ обь этомъ свидѣлствуютъ слѣдующія цифры:

	Гренландія.	Западная Америка.
	7 мужчинъ, 6 женщинъ.	2 мужчинъ, 2 женщинъ.
У. ш. ч.	72,54 70,43	74,15 77,84

Азіатская вѣтвь эскимосовъ, извѣстная подъ именемъ *намолосовъ*, еще болѣе отклонилась отъ чистаго типа. Впрочемъ, въ сѣверо-западномъ углу Америки эскимосскій типъ является важнымъ расовымъ элементомъ у колошей и другихъ прибрежныхъ племенъ.

Эскимосы населяютъ Гренландію и сѣверные берега Америки, на пространствѣ 10,000 кил., проникая вглубь материка лишь на какіе-нибудь 50 кил. Они представляютъ человѣческую группу, наиболѣе выдвинувшуюся на сѣверъ. Племя ита, около ста человѣкъ, кочуетъ

вдоль береговъ Гренландіи между 75° и 79° сѣв. ш., лѣтомъ же оно доходитъ даже до 81° и 82° . Общее число эскимосовъ невелико. Въ Гренландіи въ 1866 году ихъ насчитывалось всего 9,481 чел., считая въ томъ числѣ и метисовъ; въ Лабрадорѣ въ 1850 году было ихъ только 1,200; 18—20 племенъ на западъ отъ рѣки Мекензи въ 1877 г. насчитывали 11 тысячъ человѣкъ. Но хотя эскимосы разсѣяны на громадномъ пространствѣ, ихъ нарѣчія очень похожи другъ на друга. Матеріальныя условія быта сильно отразились на природѣ человѣка. Длинные зимнія ночи, отсутствіе растительности, низкая температура, жирная животная пища,—все это, вліяя на цѣлый рядъ поколѣній, выработало наконецъ своеобразный, если такъ можно выразиться, органическій патриотизмъ: эскимось, переселившійся въ теплую страну, умираетъ отъ тоски по лѣдамъ своей родины. Такъ, племя ита не знало ничего о существованіи другихъ народовъ и приняло суда Росса за живыхъ страшилища, матросовъ-же за существа съ солнца и луны. Ихъ соплеменники, привезенные въ Европу, поражались только однимъ — чрезвычайнымъ обиліемъ деревьевъ и отсутствіемъ льдовъ. «Онъ уже становится иннуитомъ», — говоритъ эскимось, желая похвалить европейца, котораго онъ впрочемъ считаетъ самымъ беспомощнымъ существомъ на свѣтѣ, потому что европеецъ не умѣетъ охотиться на морѣ. Тюлень и вообще морская дичь составляетъ главный источникъ его существованія; сушеное мясо поступаетъ въ кладовую, кожа идетъ на одежду и лодки, рыбій жиръ — на топливо и освѣщеніе, жилы — на нитки, кости — на иглы и орудія. Изъ желудковъ выдѣлываютъ мѣшки для жидкостей, изъ внутреннихъ — непромокаемую одежду. Растительная пища почти ему неизвѣстна. Эскимосы самые плотоядные изъ всѣхъ народовъ; усиленное потребленіе жира придадо даже ихъ тѣлу особенный запахъ. О камчадалахъ, отъ которыхъ эскимосы въ этомъ отношеніи ничѣмъ не разнятся, одинъ путешественникъ говоритъ, что если потерять ихъ кожу и понюхать, то почувствуется запахъ рыбы, какъ у морской птицы. Она возмѣщаютъ чрезмѣрную убыль тепла потребленіемъ громаднаго количества жировъ. Что причину этого явленія надо искать въ климатѣ, доказываетъ тотъ фактъ, что европейцы на крайнемъ сѣверѣ поглощали ежедневно по 7,5 кгр. сырого мяса и выпивали 1,4 кгр. рыбьего жира, утверждая, что послѣдній представляетъ собою употребительный напитокъ. Лукъ, копье и самые разнообразныя гарпуны, но прежде всего лодка, — вотъ орудія охоты. Эскимосская лодка, какъ, вмѣщающая одного только человѣка, имѣетъ 5 — 6 метр. длины, $\frac{1}{2}$ метра ширины, вѣситъ же только 30 кгр., такъ что ее легко можно переносить съ мѣста на мѣсто; остоу этой лодки сдѣланъ изъ дерева, но со всѣхъ сторонъ она обшита кожей; по серединѣ она

имѣетъ отверстіе. Эскимось, усѣвшись въ такой какъ, составляетъ съ нимъ нераздѣльное цѣлое. Въ большихъ лодкахъ гребутъ исключительно женщины, такъ какъ это дѣло считается для мужчины позорнымъ. Палатки изъ шкуръ составляютъ ихъ лѣтнее жилище; зимой ихъ замѣняютъ строенія изъ камня и земли или изъ льда. Архитектура этихъ жилищъ всегда остается неизмѣнной. Жилище состоитъ изъ шаровидной комнаты ($3\frac{1}{2}$ — $4\frac{1}{2}$ метр. въ діаметрѣ), безъ всякой вентиляціи, гдѣ держится температура около 0° R; туда ведетъ проходъ въ 3—4 метра длины и въ одинъ метръ ширины и до того низкій, что приходится ползти на четверенькахъ. Принимая во вниманіе, что въ такомъ помѣщеніи живетъ нѣсколько семействъ, легко себѣ представить царящую въ немъ чистоту!

Эскимосы распадаются на множество кочующихъ ордъ, изъ которыхъ каждая составляетъ отдѣльное общественное цѣлое. Поселеніе управляется на началахъ коммунистическихъ. Лица, извѣстные своимъ опытомъ, пользуются нѣкоторымъ вліяніемъ, но все-таки нельзя говорить о постоянной власти въ нашемъ значеніи этого слова. Война эскимосамъ неизвѣстна. Съ другой стороны кровавая месть является прямымъ долгомъ; одинъ эскимось прошелъ 650 англ. миль для того, чтобы отмстить врагу. Вообще же эскимосы мирный народъ: датчане совсѣмъ не учреждаютъ судовъ въ ихъ селеніяхъ. Оскорбленный сочиняетъ на своего обидчика сатиру и публично ее декламируетъ. Менѣе важные преступники подвергаются публичному порицанію, за болѣе значительныя преступленія полагается изгнаніе. Какъ у племенъ, заселяющихъ Беринговъ проливъ, такъ и у эскимосовъ наблюдается большая похотливость. Бракъ и разводъ — дѣло чисто-личное. Наряду съ моногаміей существуетъ двоеженство и двоемужество; братья или отецъ съ сыномъ обыкновенно имѣютъ одну общую жену, сестры же или мать съ дочерьми — одного мужа. Ребенокъ урывками сосетъ грудь матери до 10 лѣтъ и болѣе. Условія быта эскимосовъ породили дѣтубійство вмѣстѣ съ убѣжденіемъ, что чрезмѣрная плодовитость — неприлична. Вслѣдствіе тѣхъ же причинъ, эскимосы усерднѣе ухаживаютъ за сиротами, чѣмъ за собственными дѣтьми.

Черты характера, свойственныя эскимосамъ: мягкость въ обращеніи и добродушіе; нечистоплотность и похотливость наблюдаются одинаково у всѣхъ народовъ, населяющихъ область Берингова пролива и ближайшее морское побережье. Эти народы, крайне малочисленные¹⁾, питаются дарами моря, живутъ въ подземныхъ жилищахъ и зака-

¹⁾ Алеутовъ насчитываютъ 2,500, чукичей до 8 т. ительмовъ или камчадаловъ до 2 т. человѣкъ и т. д.; всѣ они быстро вымираютъ: въ 1871 родилось, напримѣръ, 44 якута, умерло же 57.

лены противъ холода: напимѣръ, дѣти выходятъ неодетые изъ теплой избы на 30° морозъ. Въ общихъ чертахъ духъ расы остается неизмѣннымъ вдоль западнаго побережья до Орегона. Но болѣе мягкій климатъ, побережье, изрѣзанное фюрдами и окруженное многочисленными островками, заливы, изобилующіе рыбою, и рѣки,— все это благоприятствуетъ болѣе высокому развитію общественности. Жилища строятся уже не подъ землею, хотя все еще явственно обнаруживаютъ слѣды своего прошлаго. Въ одномъ помѣщеніи живетъ на Ванкуверѣ иногда 200—300 человекъ, на Нуткѣ—до 800, что свидѣтельствуетъ о сильно-развитомъ коммунизмѣ. Образъ жизни осѣдлый. Изъ многочисленныхъ племенъ мы упомянемъ *колошей* (отъ русскаго слова *колотъ*: они прокалываютъ нижнюю губу и вкладываютъ въ нее кусокъ дерева), или, какъ они сами называютъ себя, тлинкитовъ («люди»). Уловъ тюленей служитъ имъ главнымъ источникомъ существованія на сѣверѣ, въ британской Колумбіи—уловъ семги. Эта рыба рѣдко не оправдываетъ надеждъ, на нее возлагаемыхъ; всегда въ одно и то же время года она идетъ огромными массами. Сушеного ея мяса хватаетъ на весь годъ, и такимъ образомъ осѣдлый образъ жизни становится возможнымъ.

Добываніе пищи становится все болѣе труднымъ по направленію къ югу, и наконецъ въ Калифорніи принимаетъ крайніе размѣры. Въмѣстѣ съ тѣмъ культура понижается, такъ что между 42° и 33° сѣв. шир. насчитываютъ до 40 различныхъ языковъ на 20-ти тысячное населеніе. На самомъ калифорнскомъ полуостровѣ образъ жизни обитателей его напоминаетъ Австралію. «Кухонные отбросы» достигаютъ тамъ громадныхъ размѣровъ. Впрочемъ, мы здѣсь скорѣе имѣемъ дѣло съ пониженіемъ высшей культуры, чѣмъ съ остатками первобытной дикости. Свѣтлолицые типы, по всей вѣроятности индонезійскіе, черные, эскимосоподобные длинноголовые, монголоподобные короткоголовые,—все эти элементы сливаются въ калифорнскомъ населеніи. О разнообразіи типовъ на этомъ небольшомъ пространствѣ свидѣтельствуютъ изслѣдованія Карра надъ черепами съ сосѣднихъ острововъ.

Пространство къ востоку отъ Скалистыхъ горъ въ моментъ европейскаго нашествія представляло сравнительно однообразную культуру, хотя и здѣсь можно было усмотрѣть зарождающуюся дифференціацию. Именно по среднему и нижнему теченію Миссисипи, особенно въ мѣстностяхъ, лежащихъ на лѣвомъ берегу и вдоль Атлантическаго океана, земледѣліе составляло уже важную отрасль народнаго хозяйства. Гудзонъ (1609) въ одномъ поселеніи нашелъ столько кукурузы и бобовъ, что нагрузилъ ими три корабля; Денонвилль (1687) сжегъ въ 4 селеніяхъ у сенокосъ 1.200.000 бушелей собранной кукурузы

и въ теченіе 7 дней жать ее на поляхъ. Пришельцы скоро истребили эти зародыши высшей культуры, и потребовалось немало изслѣдованій, чтобы доказать, что именно праотцы краснокожихъ являются виновниками тѣхъ насыпей (маундовъ), которыя въ столь значительномъ числѣ разсѣяны къ востоку отъ Миссисипи. (Въ штатѣ Огайо напр. насчитываютъ до 10.000 насыпей и 1.000—1.500 валовъ. Въ штатахъ: Висконсинѣ, Айовѣ, Мичиганѣ, Миссури преобладаютъ насыпи, имѣющія форму животныхъ (черепахъ, птицъ, ушей, медвѣдей); въ Огайо встрѣчаются правильные валы огромной величины, составляющіе одну сомкнутую линію; къ югу попадаютъ большіе правильные курганы). Охота у народовъ, живущихъ на всемъ этомъ пространствѣ, была однимъ изъ самыхъ важныхъ источниковъ существованія, и ея значеніе росло по направленію къ западу, гдѣ она являлась даже исключительнымъ занятіемъ населенія. Въ преріяхъ пищу доставлялъ бизонъ, пасущійся большими стадами. Въ то время, какъ въ Африкѣ, (въ пустынѣ Калагари) и въ Австраліи охота даетъ невѣрную добычу, потому что звѣрь здѣсь пасется маленькими кучками, въ Америкѣ въ преріяхъ охота вполне обезпечиваетъ существованіе человѣка. Поэтому человѣкъ дошелъ въ преріяхъ Америки до значительныхъ общественныхъ союзовъ съ болѣе или менѣе постоянно осѣдлостью. Мужчины управлялись на охоту на цѣлые недѣли и шли по слѣдамъ бизона. Они избирали вождя, который передъ началомъ охоты давалъ точныя инструкціи и тяжело наказывалъ непослушныхъ, потому что нарушеніе предписаній угрожало населенію голодомъ. Мясо, нарѣзанное и высушенное на солнцѣ, доставлялось въ станъ и хранилось на зиму. Охота была страстью индѣйцевъ. Къ непротиворѣчному въ этомъ отношеніи бѣлому пришельцу относились они презрительно. «Глупъ, какъ бѣлый!» говорили индѣйцы. Въ юго-западномъ углу преріи переходятъ въ голую и безплодную пустыню; соответственно и бытъ человѣка здѣсь нѣсколько напоминалъ бушменскіе нравы. Европейецъ, приведшій съ собою лошадь, превратилъ туземцевъ (*команчевъ* и *наваховъ*) въ разбойниковъ. Сѣверныя пространства Канады равнымъ образомъ не благоприятствовали развитію культуры, особенно тѣ, до которыхъ не доходили стада бизоновъ; мелкія орды атабасковъ жили рыболовствомъ, собираніемъ кореньевъ и охотою на оленя, во время же голода прибѣгали къ людоедству. Расовый духъ индѣйца представляетъ тѣ-же черты на всемъ вышеуказанномъ пространствѣ, за исключеніемъ сѣверныхъ областей. Осторожность, какъ необходимое условіе охоты, походная жизнь, полная лишений, постоянныя распри между племенами,—вотъ что создало индѣйца. Онъ былъ воздерженъ, холоденъ въ обращеніи, мстителенъ, жестокъ, воинственъ, но въ то же время простъ, безкорыстенъ и вѣренъ дан-

ному слову. Сдержанность и равнодушіе ко всему онъ возвелъ въ основную добродѣтель. Разсказы о мученіяхъ, которымъ подвергался плѣнный, и объ его неустрашимости настолько общезвѣстны, что не зачѣмъ ихъ повторять. Быть хорошимъ охотникомъ и воиномъ—вотъ идеалъ мужчины въ преріяхъ.

Въ моментъ нашествія европейцевъ краснокожіе выдѣлывали всю домашнюю утварь и оружіе (лукъ, томагавкъ) изъ дерева или изъ камня. Имъ были извѣстны: гончарное искусство, плетеніе матовъ, корзинъ и начатки ткачества. Въ торжественные дни они расписывали себѣ тѣло пестрыми полосками, а голову украшали орлиными перьями и буйволовыми рогами. Группа людей, ведущихъ свое начало отъ общаго предка и не вступающихъ въ бракъ между собою, составляла основу индѣйскаго общества. Этого своего предка они представляли себѣ въ видѣ животнаго. Родъ носилъ его имя (тотемъ), всюду его изображалъ: на утвари, домахъ, оружіи, и даже строилъ свои селенія на соотвѣтственной символической насыпи. Дѣти въ большинствѣ случаевъ наследовали родъ отъ матери. Группы эти состояли изъ 100—1000 членовъ и только въ исключительныхъ случаяхъ превышали это число. У земледѣльческихъ племенъ родъ распадался на семейныя задруги, какъ это доказываетъ самое строеніе домовъ, столь часто встрѣчаемое по направленію къ Атлантическому океану. У гуроновъ «длинные дома» вмѣщали по 120 «очаговъ», т. е. отдѣльныхъ супружескихъ паръ. Обыкновенно въ такомъ обществѣ домъ селилась группа родныхъ сестеръ или родственницъ со своими мужьями. Какая-нибудь пожилая женщина завѣдывала общими хозяйствами и дѣлила припасы между отдѣльными семьями. «Большую часть въ домѣ господствовали женщины, и бѣда тому мужу или любовнику, который былъ слишкомъ лѣнивъ или неловокъ въ доставленіи своей доли припасовъ. Сколько бы у него ни было дѣтей и имущества, онъ ежеминутно могъ ожидать приказанія забрать свои пожитки и уйти. О сопротивленіи нечего было и думать; жизнь становилась для него невыносимой, ему оставалось только возвратиться въ собственный кланъ или, какъ чаще практиковалось, вступить въ бракъ въ другомъ кланѣ». Хозяйство было двойное, жена смотрѣла за своимъ имуществомъ и мужъ за своимъ; въ случаѣ же развода каждая сторона брала свою часть; женщины принадлежали домъ и поле, мужчины охотничья и военная добыча. Благодаря такому дѣленію труда и собственности, женщина работала лѣтомъ каждый день 6 часовъ, мужчина—всего одинъ часъ; зимой первая 10 ч., а второй 6 ч. Женщина занимала высокое положеніе въ обществѣ: напр. убійство беременной женщины подлежало наказанію болѣе строгому, чѣмъ убійство воина. Семья, состоящая изъ двухъ супруговъ, была почти исключительной формой

брака; разводъ былъ легкій; половая свобода до брака какъ мужчины, такъ и женщины была значительна, но прелюбодѣііе наказывалось тяжело. У нѣкоторыхъ племенъ супружескій союзъ заключался временно, напр. на одинъ годъ (у криковъ). Среди вождей мы встрѣчаемъ многоженство, но жены должны были происходить изъ различныхъ родовъ и жить каждая на своей родинѣ. Нѣсколько задругъ составляли селеніе. У криковъ всѣ члены селенія имѣли общую землю, и послѣ того, какъ была выдѣлена часть жатвы для общаго амбара, остальная часть дѣлилась между отдѣльными задругами; но если та или другая задруга особенно нуждалась, то всѣ оказывали ей помощь. Члены одного и того же рода были солидарны между собой и составляли такимъ образомъ извѣстное цѣлое. Каждый отвѣчалъ за вину своего товарища и мстилъ за обиды, причиненныя врагомъ. Политическая организація у отдѣльныхъ племенъ была различная, но «всѣ члены рода были лично свободны и должны были взаимно защищать свою свободу; преимущества и личныя права были также для всѣхъ одинаковы,—свобода, равенство и братство были хотя и не ясно сформулированными, но основными принципами общественной жизни всякаго рода». У вейандотовъ жили женщины, хозяйки задругъ, выбирали совѣтъ, состоявшій изъ 4 женщинъ, который въ свою очередь приглашалъ кого-нибудь изъ мужчинъ занять высшій постъ въ родѣ—сахема. У прокезовъ право избранія начальника рода принадлежало всѣмъ мужчинамъ. Власть сахемовъ была исключительно нравственная. Онъ былъ лишенъ всякихъ принудительныхъ средствъ воздѣйствія; всѣ члены рода ревниво оберегали свою независимость, и когда считали власть дѣйствующей неправильно, они удаляли сахема отъ должности. Слѣдующее звено индѣйскаго общества, соотвѣтствующее римской куріи и названное Морганомъ «братствомъ», имѣло исключительно религіозное значеніе и проявлялось только въ военной организаціи, во время игръ и торжествъ. Нѣсколько братствъ составляли племя, во главѣ котораго стоялъ совѣтъ изъ сахемовъ отдѣльныхъ родовъ, избравшій изъ своей среды представителя всего племени и сверхъ того назначавшій во время войны вождя. Племя составляло замкнутое въ себѣ политическое цѣлое, нахедившееся во враждебныхъ отношеніяхъ ко всѣмъ другимъ, если только не было заключено мира. Оно ревниво защищало свою территорію, которую считало собственностью не только живущаго поколѣнія, но и будущихъ (на этомъ основаніи саги отказали бѣлымъ въ продажѣ своихъ участковъ); оно имѣло свое собственное нарѣчіе, отличалось также отъ другихъ своими религіозными обрядами и обычаями. «Племена Сѣверной Америки не составляютъ однообразной группы. Установлено болѣе 70 различныхъ лингвистическихъ семействъ, изъ ко-

торых каждое представляет очень существенныя различія: алгонкинскіе языки напр. столь же разнятся между собой, какъ и индогерманскіе. Эти племена стояли на различныхъ ступеняхъ культуры, и каждое имѣло совершенно особенныя бычяи. Равнымъ образомъ и физическія ихъ особенности различны; не менѣе значительно разнообразіе средствъ существованія, способовъ постройки домовъ, потребностей и способовъ ихъ удовлетворенія. Неодинаковый языкъ и разнообразіе естественныхъ условій привели къ тому, что иногда одно племя во многихъ отношеніяхъ представляетъ прямую противоположность другому». «Мы сразу узнаемъ, говоритъ индѣецъ, иноплеменника, такъ какъ лицо его, походка, окраска, слѣдъ ноги служатъ намъ вполне достаточными указаніями». Словомъ, племя составляетъ совершенно обособленное общественное цѣлое, которое нерѣдко разъединено отъ другихъ многовѣковой и наслѣдственною ненавистью. «Ненависть между племенами доходить до того, что члены ихъ не въ состояніи мирно бесѣдовать другъ съ другомъ. Во время племенныхъ сношеній каждая сторона вѣшаетъ надеревъ или вообще на какомъ либо возвышенномъ мѣстѣ кору съ изображеніями, излагающими условія мира, который такъ же скоро заключается, какъ и нарушается». Даже дружественныя племена не знаютъ иногда своихъ языковъ и во время переговоровъ прибѣгаютъ къ точно установленнымъ жестамъ. Въ среднемъ племя заключало въ себѣ до 2,000 членовъ, въ исключительныхъ случаяхъ — до 26,000. Родственные племена иногда соединялись и составляли тогда федеративный союзъ, взаимныя отношенія котораго регулировались по образцу семейныхъ. Когда напр. собирался ирокезскій федеративный союзъ, то 3 племена, называвшія другъ друга во взаимныхъ сношеніяхъ «братьями», становились по одну сторону, 3 другія, также называвшія себя «братьями», но по отношенію къ первымъ «дѣтьми», — по другую сторону. Самый многочисленный изъ всѣхъ союзовъ былъ союзъ криковъ; но и онъ по всей вѣроятности не насчитывалъ больше 100 тысячъ членовъ. Что касается до событій, волновавшихъ индѣйское общество, то каковы они были—можно заключить по лѣтописи дакотовъ. (Она велась на кожѣ буйвола и важнѣйшее событие года обозначалось особеннымъ знакомъ). Въ ней говорится: въ 1800 г. кровы убили 30 дакотовъ; въ 1801 свирѣпствовала оспа въ народѣ; въ 1802 дакоты украли лошадей у бѣлыхъ; въ 1803 г. дакоты украли лошадей у крововъ; въ 1804 былъ исполненъ военный танецъ передъ походомъ; въ 1805 кровы убили 8 дакотовъ. За небольшими исключеніями, каждое лингвистическое семейство занимало сплошную территорію. Изъ народовъ, принадлежащихъ къ тому или другому семейству, отмѣтимъ слѣдующіе: *атабаски* жили на сѣверѣ отъ 58° — 51° сѣв. ш.; различныя

группы (косоглазые, заячьи индѣйцы, собачьи ребра, чиппевей) называютъ себя—«люди» и присоединяютъ къ этому слову еще названіе мѣстности, въ которой они живутъ; къ нимъ принадлежатъ еще апачи и навахосы, живущіе у истоковъ р. Ріо Гранде. *Алгонкины* расселились на огромномъ пространствѣ; въ области большихъ озеръ жили крии, оджибвей; у Атлантическаго океана—могикане, делаверы; другія племена живутъ въ Скалистыхъ горахъ и въ долинахъ рѣкъ Миссури и Огайо: дакоты населяли область между Арканзасомъ и Миссури; въ области большихъ озеръ жили кромѣ того ирокезы, гуроны или веяндоты. Названіе *аппалаховъ* охватываетъ нѣсколько особенныхъ лингвистическихъ семействъ, которыя заняли юго-восточный уголъ (чирокисы, крики, натчезы, семинолы).

Эти племена одухотворяли почти всѣ предметы вселенной. Природа казалась индѣйцу, какъ вообще первобытному человѣку, полной таинственныхъ силъ. Всякій звѣрь въ лѣсу, всякая птица или листъ, по его мнѣнію, знали болѣе относительно судьбы человѣка, чѣмъ самъ человѣкъ, это безпомощное существо, постоянно нуждавшееся въ покровительствѣ. Всѣ эти предметы индѣецъ распредѣлялъ въ извѣстномъ порядкѣ, соотвѣтствовавшемъ его собственному общественному строю. Зуни, напр., полагали, что солнце, луна, озера, стихіи, животныя, растенія и люди составляютъ одно космическое цѣлое, въ которомъ всякій предметъ, чѣмъ больше онъ похожъ на человѣка, тѣмъ ближе къ нему. Предметы, составляющіе въ своей совокупности космическое племя, распадались на роды по взаимному сходству. Ужъ, стрѣла, молнія принадлежали, напр., къ одному роду. Животное, по мнѣнію индѣйца, играло огромную роль въ судьбахъ человѣчества. Родъ происходилъ отъ животнаго, имя котораго онъ и носилъ. Умершіе члены рода послѣ своей смерти принимали видъ соотвѣтственнаго животнаго. Членамъ рода нельзя было ни убивать, ни ѣсть мясо тотема, т. е. родового животнаго. Такъ, напр., у омагасовъ запрещалось ѣсть мясо оленя, и если бы кто-нибудь нарушилъ это заповѣданіе, то тѣло его покрылось бы бѣлыми пятнами; умершаго они хоронили въ мокасилахъ (башмакахъ) изъ оленьей кожи; они носятъ названія разныхъ частей тѣла оленя: «Мягкій Рогъ», «Желтый Рогъ», «Молодой Олень», «Желтое Брюхо», «Духъ Мочи Оленя», «Ляшка Оленя». Животныя-тотемы были посредниками между человѣкомъ и Великимъ Духомъ. Религіозный культъ состоялъ исключительно въ томъ, чтобы умилостивить этихъ посредниковъ. Каждая часть свѣта имѣетъ у «зуниевъ» своего звѣря-хранителя. Его покровительство снимаютъ себѣ тѣмъ, что держатъ при себѣ соотвѣтственнаго фетиша, т. е. окаменѣлость, напоминающую его своими формами. Члены другихъ племенъ вѣрили въ индивидуальныхъ звѣрей-храните-

лей; юноша нѣкоторое время жилъ въ одиночествѣ и постился до тѣхъ поръ, пока не увидитъ во снѣ звѣря; проснувшись, онъ ищетъ какой-нибудь частицы его: волоса, помета, и, найдя что-нибудь въ этомъ родѣ, носить при себѣ въ видѣ фетиша. Жреческія функціи были организованы на демократическихъ началахъ. «Мы замѣчаемъ ту особенность, что всякая дѣятельность, какъ общественная, такъ и политическая, начинается и оканчивается тутъ въ общемъ совѣтѣ». У зуніевъ, напр., существуютъ клубы религиозные: военный или «стрѣлы», охотничьи или «хищныхъ звѣрей» и т. п. Такое братство хранить у себя фетиши частныхъ лицъ, выдавая божковъ по требованію собственника или прямо ему на руки, или кому онъ пожелаетъ ихъ одолжить. Общественные фетиши помѣщаются «въ домѣ медицины», охраняемомъ избранными старцами. Ирокезы, для совершенія обрядовъ культа и для охраненія чистоты нравовъ, избирали изъ среды мужчинъ и женщинъ «блюстителей вѣры». Установленные праздники находились въ тѣсной связи съ условіями быта; у онондаговъ существовали слѣдующіе праздники: Новый Годъ, просверливаніе сахаристаго клена и затягиваніе этой раны, посѣвъ кукурузы, созрѣваніе земляники и бобовъ. Во время этихъ торжественныхъ дней блюстители вѣры декламировали передъ собравшимся племенемъ родные мифы. Культъ состоялъ въ танцахъ съ символическими масками, въ куреніи табаку изъ трубки, въ пѣніи. У мандановъ существовалъ танецъ бизоновъ въ соответственныхъ маскахъ, съ цѣлью привлеченія этого животнаго въ свои степи.

Пространство, прорѣзанное протоками Ориноко и Амазонской рѣки, представляетъ очень характерную страну. Много здѣсь проточной воды, но и много болотъ. Теплый влажный климатъ благоприятствуетъ роскошной растительности. Лѣсъ, часто еще дѣвственный въ слѣдствіе своей густоты, наполненный испареніями болотъ, роскошный, но молчаливый и предательскій, покрываетъ нерѣдко все пространство, свободное отъ проточной и стоячей воды. Эти условія отражаются на характерѣ челоѣка. «Рѣчь, какъ и впечатлѣніе, какое она производитъ на слушателя, можно считать однимъ изъ непосредственныхъ проявленій народнаго духа. Нельзя представить себѣ большей противоположности, чѣмъ существующая между негромъ и индѣйцемъ. Первый, дитя открытыхъ равнинъ Африки, обладаетъ сильнымъ и звучнымъ голосомъ. Разговоръ негровъ можно слышать уже на разстояніи тысячи шаговъ. Бразильскій же индѣецъ—дитя недоступныхъ и полныхъ скрытыхъ опасностей дѣвственныхъ лѣсовъ. Онъ осторожно пробирается по чащѣ и скрываетъ, насколько возможно, свое присутствіе. Когда индѣйцы сидятъ возлѣ очага, то часто только по движенію губъ можно замѣтить, что они разговариваютъ». По теченію

Ориноко и Амазонской рѣки сравнительно мало дичи, и охота сопряжена съ громадными трудностями. Поэтому природа приговорила здѣсь челоѣка, кормящагося единственно охотой, къ очень низкой культурѣ. Это подтверждается на ботокудахъ. Но населеніе въ болышинствѣ случаевъ находитъ другіе источники существованія. Въ февралѣ миллионы черепахъ кладутъ свои яйца вдоль береговъ Ориноко. Черепахъ убиваютъ и сушатъ. Обиліе этой пищи сдѣлало осыдлый образъ жизни возможнымъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ существуетъ даже искусственное разведеніе или, вѣрнѣе, сохраненіе черепахъ на время дождей въ прудахъ возлѣ домовъ. Хижина обыкновенно представляетъ изъ себя настоящій звѣринецъ, такъ какъ бразильскіе, гвианскіе и др. индѣйцы находятъ большое удовольствіе въ прирученіи обезьянъ и попугаевъ. Давая этимъ послѣднимъ извѣстную пищу, они умѣютъ измѣнять ихъ окраску. Кромѣ того они приручили извѣстную породу куръ, голубей, кроликовъ, даже отдѣльные экземпляры тапира и свиньи-пекари. «Нѣсколько красивыхъ и неизвѣстныхъ до сихъ поръ попугаевъ, нѣсколько породъ куръ, обезьянъ, оставленныхъ на свободѣ, составляютъ признанную часть семьи». Сравнительно осыдлый образъ жизни довелъ нѣкоторыхъ индѣйцевъ до культуры растений, напр. кассавы, сахарнаго тростника, разныхъ видовъ дынь, кукурузы, табаку, хлопчатника; землю обрабатываютъ слѣдующимъ образомъ: выбираютъ въ лѣсу какое-нибудь удобное мѣсто, вырубаютъ и сжигаютъ на этомъ участкѣ деревья и затѣмъ засѣваютъ его въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, т. е. до тѣхъ поръ, пока земля не истощится. Впрочемъ, упомянутые нами виды культуры развиты въ различной степени у разныхъ племенъ. У самыхъ дикихъ, напр. у ботокудовъ, собираніе фруктовъ, кореньевъ, ужей и т. д. составляетъ единственный источникъ существованія; образъ жизни ихъ тотъ же, что и у австралійцевъ или бушменовъ, только взамѣнъ пустыни мы находимъ здѣсь дѣвственный лѣсъ и безконечныя болота. Другую картину представляетъ юго-восточный уголъ Бразиліи, гдѣ земледѣліе составляло чуть-ли не единственный источникъ существованія. Нѣкоторыя племена ходили совершенно голыми и только немногія носили бумажныя ткани. Челоѣкъ тутъ любитъ рѣзкія, бросающіяся въ глаза украшенія: нагѣ индѣйцы, живущіе на берегахъ Ориноко и Амазонской рѣки, окрашиваютъ свое тѣло болѣе ярко и богато, чѣмъ какое-либо другое племя на земномъ шарѣ. Костюмъ у мужчинъ здѣсь полнѣе чѣмъ у женщинъ; вообще мужчины проявляютъ болѣе скромности. «Мужчины и мальчики завладѣли всѣми украшеніями, наперекоръ европейскому обычаю, и такимъ образомъ стремятся подражать природѣ, которая надѣлила самцовъ болѣе яркими красками и свойствами, чѣмъ самокъ». У уанесовъ напр. женщина чувствовала бы

себя крайне неловко, если бы она облеклась въ платье, но въ свою очередь у нихъ же считается постыднымъ выйти изъ хижины безъ рисунковъ на тѣлѣ. Каждое племя имѣетъ свои особенные способы окрашиванія тѣла и наряды. «Они узнавали принадлежность къ тому или другому племени по знакамъ и различнымъ фигурамъ, вытатуированнымъ на лицѣ». У туписъ женщины татуировали щеки точками и окрашивали ихъ затѣмъ красной, желтой и голубой краской, сплющивали носъ, продѣвали въ уши кольца; мужчины же носили украшения въ губахъ, щекахъ и ноздряхъ, вырывали брови и усы; изъ волосъ на головѣ, подрѣзывая ихъ, дѣлали различныя фигуры. Уапесы расписывали свое тѣло полумѣсяцами различныхъ цвѣтовъ, выдерживали всѣ волосы на тѣлѣ, сохраняя ихъ только на головѣ, въ уши и носъ втыкали яркія перья. Вообще туземецъ своимъ искусственнымъ цвѣтнымъ опереніемъ напоминаетъ мѣстныхъ птицъ. Способъ постройки хижины различенъ въ разныхъ мѣстностяхъ. То строятъ хижину на сваяхъ, то на верхушкахъ деревьевъ; иногда хижина не имѣетъ стѣнъ и оказывается ничѣмъ другимъ, какъ шалашемъ изъ пальмовыхъ листьевъ. Гамакъ съ очагомъ подъ нимъ является всюду неизбѣжной принадлежностью жилья, вслѣдствіе влажности почвы и обилія комаровъ; подъ гамакомъ всегда дымится костеръ. Нѣкоторыя племена, особенно во время наводненія, проводятъ цѣлыя недѣли на лодкахъ или на деревьяхъ. Человѣкъ часто пользуется здѣсь ядомъ, благодаря обилію его въ окружающей природѣ. Изъ кассавы дѣлаетъ онъ напр. хлѣбъ и приготовляетъ особенный одуряющій напитокъ; отравляются ядомъ также и стрѣлы. Приготовление яда для стрѣлы является общенароднымъ торжествомъ. Каждое племя имѣетъ свой ядъ, составъ котораго хранить въ тайнѣ. Характернымъ оружіемъ была трубка длиною въ 5 футовъ, требующая дѣйствительно сильныхъ легкихъ для того, чтобы выбросить стрѣлу на разстояніе около 250 шаговъ. Праща является народнымъ оружіемъ на югѣ у гварановъ. Палица, лукъ и копье, изрѣдка щитъ изъ кожи тапира, составляютъ главное оружіе; гвараны во время сраженія укрѣпляли металлическія пластинки на головѣ, чтобы, отражая солнечные лучи, поражать зрѣніе враговъ; карайбы же металъ горящія стрѣлы и такимъ образомъ поджигали неприятельскія селенія. Лодки дѣлались изъ одного пня; кое-гдѣ умѣли устраивать судна, вмѣщавшія до 100 человѣкъ. Гончарное искусство мѣстами достигало нѣкоторой степени совершенства, въ особенности въ художественномъ отношеніи. Сосуды гварановъ вмѣщали 20—30 галлоновъ. Болѣе культурныя племена носили богато украшенныя бумажныя ткани. Словомъ, пользованіе ядомъ, яркія украшенія, земноводная жизнь, всегда отличающаяся необычайной опрятностью, характеризуютъ индѣйцевъ рассматриваемой области. Характеръ чело-

вѣка вполне отвѣчалъ окружающей средѣ, спокойной, но молчаливо предательской. Здѣсь жили племена воинственные и мирныя, смѣлыя и трусливыя, однако всѣ путешественники единодушно отмѣчаютъ меланхолическое и апатичное выраженіе: на лицахъ не было никогда замѣтно ни страсти, ни восторга, ни радости, ни страха, ни жалости. Индѣецъ первобытныхъ лѣсовъ отличается удивительной стойкостью во всѣхъ обстоятельствахъ жизни. Эта стойкость особенно поразительна во время пытки, которой подвергаютъ его въ плѣну, и при обрядѣ посвященія въ граждане, когда онъ долженъ доказать, что дѣйствительно заслуживаетъ названія мужчины. Такимъ же пыткамъ подвергаютъ вождя при его избраніи. Намѣченного кандидата подвергаютъ сначала суровому испытанію, напр. связаннаго кладутъ въ гамакъ съ мучительно кусающими муравьями. Такимъ же тяжелымъ испытаніемъ подвергаются и пайи, т. е. волшебники. Обрядъ посвященія въ этотъ санъ состоялъ въ кровопусканіи, очищеніи желудка, въ постахъ. «Пайи получаютъ посвященіе въ чрезвычайно суровой обстановкѣ. Они остаются въ мрачномъ убожищѣ, нагими, немытыми, нечесанными, питаются исключительно слегка поджаренной кукурузой и перцемъ до тѣхъ поръ, пока не потеряютъ сознанія,—состояніе, во время котораго, по мнѣнію іезуитовъ, вселялся въ нихъ нечистый духъ». Туписъ, поймавъ звѣря, убиваютъ его не сразу, но медленно, нанося ему незначительныя раны, чтобы какъ можно дольше продлить его агонію. Плѣнныхъ откармливаютъ, чтобы, подвергнувъ ихъ мучительнѣйшимъ пыткамъ, убить во время торжества; головы враговъ выставляютъ въ видѣ трофеевъ, сушатъ и снабжаютъ искусственными глазами, изъ костей выдѣлываютъ дудки, изъ зубовъ—ожерелья. Впрочемъ, проявленіе мести лучше всего характеризуетъ духъ расы. Карайбомъ, въ случаѣ нанесенной ему обиды, овладѣвало какъ-бы однопредметное помѣшательство, но безъ сильныхъ вспышекъ. Онъ молча слѣдилъ за своей жертвою; настигнувъ ее спящей въ уединенномъ мѣстѣ, онъ всыпалъ ей въ ротъ немного растительнаго яда. Если это не дѣйствовало, онъ готовъ былъ цѣлыми мѣсяцами притворяться другомъ обидчика, чтобы только удачить моментъ и осуществить свой планъ мести. Если же и это не приводило къ цѣли, то онъ исчезалъ изъ селенія; въ шкурѣ какого-нибудь животнаго съ соотвѣтственно расписаннымъ лицомъ человѣка онъ скитался цѣлыя годы, ожидая въ чащѣ лѣсовъ счастливаго случая, чтобы поразить своего врага отравленной стрѣлой или раскроить ему голову палицей. На ряду съ этою чертой въ характерѣ индѣйца было много смиренія и рабской покорности. Въ то время, какъ краснокожіи на сѣверѣ погибали въ борьбѣ съ бѣлыми, бразильскій индѣецъ переносилъ ярмо рабства. Онъ подчинялся самому тяжелому игу, затаивъ ненависть въ

сердцѣ. Для иллюстраціи напомнимъ здѣсь коммунистическія общины или, лучше сказать, человѣческія стада, организованныя іезуитами въ Парагваѣ.

Страны, о которыхъ мы говорили, издавна населены. Распределение «самбаквовъ» (кухонныхъ отбросовъ, состоящихъ изъ раковинъ и простирающихся на нѣсколько тысячъ кв. метровъ) доказываетъ, что человѣкъ нѣкогда обиталъ здѣсь, на берегахъ несуществующаго въ настоящее время *пртснаго* моря, куда вливали свои воды теперешніе притоки Амазонки. Онъ находился тогда на самомъ низкомъ уровнѣ развитія, совершенно неизвѣстномъ на земномъ шарѣ въ настоящее время. Были найдены еще болѣе древніе остатки, а именно четвертичный черепъ въ Лагоа Санта,—длинноголовый, съ чрезвычайно скошеннымъ лбомъ и широкимъ носомъ; современникъ же кухонныхъ отбросовъ имѣлъ нѣсколько меньшую длинноголовость и отличался узкимъ носомъ. Въ настоящее время ботокуды являются какъ бы помѣсью этихъ двухъ типовъ. Впрочемъ антропология сдѣлала незначительные успѣхи въ дѣлѣ изслѣдованія этой страны. Изысканія, предпринятые антропологами въ Рио-Жанейро, быть можетъ пополняютъ существующіе пробѣлы. Нижеприведенная таблица представляетъ нѣкоторыя расовыя черты индѣйскаго населенія Бразиліи и Уругвая:

	У ш. ч.	У. п.	У гл.
11 ботокудовъ	73,3 у мужч.		80,4 у мужч.
16 " " " " " " " " " " " "	74,49 " " " "	42,52 " " " "	68,12 " " " "
16 тупіевъ	78,52 " " " "	52,76 " " " "	89,66 " " " "
10 уругвайскихъ гварановъ .	77,99 " " " "	50,26 " " " "	90,66 " " " "

Тупіи, гвараны и караибы строенія коренастаго, имѣютъ широкія плечи, короткую шею, округленные, мясистыя, непропорціональныя и короткія оконечности. Сильное развитіе икры признается у нихъ необходимымъ условіемъ женской красоты. «Мы съ ужасомъ смотрѣли на мученія, которымъ караибки подвергали своихъ дѣтей, чтобы увеличить объемъ ихъ икры» (толстыя икры отличаютъ караибку отъ рабыни). Лицо у этихъ племенъ плоское, съ коричнево-оливковой окраской; глаза—полные жизни, черные, немного монголоподобные. Руки у нихъ всегда холодныя; когда они приходятъ въ волненіе, то не краснѣютъ, а бѣднѣютъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ можно встрѣтить людоедство по страсти. У тупіевъ сохранился обычай пожиранія своихъ собственныхъ предковъ, и въ настоящее время при нѣкоторыхъ религиозныхъ обрядахъ они еще примѣниваютъ къ напиткамъ *трагъ* умершихъ. Впрочемъ, «проживъ нѣкоторое время у индѣйцевъ, населяющихъ верхнюю Амазонку, нельзя не замѣтить, что они жары не переносятъ. Они очень часто страдаютъ болѣзнями печени, дисентеріей и др. однородными болѣзнями. Смертность среди нихъ

больше, чѣмъ среди негровъ и бѣлыхъ. Все это навело меня на мысль, что индѣецъ въ этихъ областяхъ является пришельцемъ, и что его организмъ не былъ приспособленъ къ мѣстному климату и до сихъ поръ еще далеко не вполне акклиматизировался».

Разсматриваемая страна мало изслѣдована и въ этнографическомъ отношеніи. Огромныя рѣки и непроходимыя лѣса тормозили успѣхи гражданственности. Населеніе распадалось на множество враждебныхъ другъ другу племенъ. Въ одной Бразиліи Марціусъ насчиталъ 245, Вардентъ—387 племенъ! 60—80 тысячъ гвіанскихъ и колумбійскихъ индѣйцевъ говорятъ на 200 языкахъ. Ближайшіе сосѣди не понимаютъ другъ друга. О числѣ непокорныхъ туземцевъ въ настоящее время невозможно сказать ничего опредѣленнаго. Думаютъ, что въ общемъ индѣйское населеніе, занимающее пространство между Парагваемъ и Амазонкой, доходитъ до 1½ милліона, однако цифра эта сомнительна. Европейцы, вторгаясь и покоряя страну, почти истребили туземцевъ. Сверхъ того испанцы и португальцы мало обращали вниманія на мѣстныя этнографическія особенности. Колонисты сумѣли выдѣлить среди индѣйцевъ только двѣ группы: «indios bravos», предпочитающихъ скитаніе въ лѣсахъ пользованію плодами фискально-полицейской цивилизаціи, и «indios mansos», трудящихся въ качествѣ наемниковъ у побѣдителя. Миссіонеры же, относясь совершенно безучастно къ племеннымъ особенностямъ, навязывали туземцамъ языкъ, имъ самимъ лучше извѣстный. Такимъ образомъ въ Моксозъ изъ 39 языковъ осталось только 7—8, въ Бразиліи же языкъ тупіевъ признанъ общимъ языкомъ индѣйцевъ. Пока ученые принялись за этнографическія изысканія, много племенъ и народовъ погибло: осталось только ихъ названіе или же сохранились немногіе представители, которые въ качествѣ рѣчныхъ пиратовъ появлялись, какъ какой-нибудь метеоръ, и столь же внезапно исчезали. Изъ хаоса туземныхъ народовъ выдѣляются двѣ лингвистическія группы: караибская и тупи-гваранская. *Караибы* или *галибы* («храбрые воины», отсюда слово «канибализмъ») занимали Антильскіе острова и часть материка, начиная съ южнаго побережья Мексиканскаго залива до Амазонки. Военныя племена караибовъ, извѣстныя подъ различными названіями, уже съ перваго взгляда поражали своей воинственностью, отличаясь этимъ отъ многочисленныхъ и мирныхъ *ароаковъ* (т. е. «пожирателей муки»), съ которыми вели постоянную борьбу. Тупи-гваранская же группа расселилась по теченію Амазонки и на югѣ Бразиліи вплоть до Парагвая. Въ моментъ нашествія европейцевъ *тупи* (т. е. «остриженные») занимали все побережье отъ устья Амазонки приблизительно до теперешняго Рио-Жанейро. *Гвараны* («воины») жили по теченію Парагвая и Параны и имѣли многочисленныя плантаціи. Еще большаго культурнаго развитія достигли *омавы*,—

населяющие течение Амазонки выше притока Путамея; говорят, что они сооружали дороги. Эти две группы могут служить путеводною нитью при классификации других народов, живущих по течению Амазонки и Ориноко. По всей вероятности, тупи-гвараны—позднейшие обитатели, которые, вторгнувшись в эти края, истребили и разбѣли другие племена, вставлявши для украшенія в нижнюю свою губу деревяшку. Остатки этих народов мы усматриваем в племени *тануйя*, особенно же в *ботокудахъ* (*botoque* = затычка); эти послѣдніе не знают ни лодокъ, ни гамаковъ, перекочевываютъ съ мѣста на мѣсто группами человекъ въ 10—60, и живутъ в самомъ дикомъ состояніи. Число ихъ достигаетъ 4.000 человекъ.

Культура этихъ народовъ весьма различна. Съ одной стороны мы видимъ ботокудовъ, совершенныхъ дикарей, съ другой стороны племя омагвовъ, достигшее значительной степени развитія. То же можно сказать о гражданственности. Ботокуды, напримѣръ, живутъ немногочисленными кучками, въ то время, какъ мундуки еще и до нынѣ составляютъ военную демократію, насчитывающую до 20 тыс. членовъ. У ароваковъ принадлежность къ роду шла по матери, у карайбовъ—по отцу. Многоженство существовало только у вождей. Между племенами наблюдается рѣзкая специализация занятій. Рано утромъ, когда мужъ еще валяется въ гамакѣ, женщины, выкупавшись, готовятъ завтракъ. «Мужчины, проснувшись, идутъ купаться; послѣ завтрака ложатся опять и, лежа, то наигрываютъ однообразную мелодію на дудкѣ, то выдергиваютъ волосы изъ бороды, то болтаютъ; женщины же хлопочутъ по хозяйству. Ночью онѣ поддерживаютъ огонь подъ гамаками». Коммунизмъ былъ распространенъ повсюду, въ особенности у земледѣльческихъ народовъ. Объ этомъ свидѣлствуютъ громадныя размѣры жилищъ. Часто одно такое помѣщеніе занимало нѣсколько семей, изъ которыхъ каждой предоставлялось мѣсто для гамака и очага. Если было нѣсколько домовъ, то устраивалось общественное зданіе, гдѣ спали всѣ воины и принимались гости. «Каждое племя и каждый родъ владѣлъ извѣстнымъ охотничьимъ участкомъ и плантаціями, которыя воздѣлывались женщинами для всей общины. Нѣсколько семей часто занимали одну хижину; домашній скарбъ въ большинствѣ случаевъ принадлежалъ общинѣ. Сомнительно, чтобы были какіе-нибудь предметы, кромѣ трубки, оружія и гамака, которые составили бы предметъ частной собственности. Жатва собиралась въ общественные амбары, и каждая семья получала свою долю». «Съ восходомъ солнца всѣ отомаци, способные къ труду, направляются къ начальнику, который распредѣляетъ работы—кому идти на охоту, кому на рыбную или черепашую ловлю, смотря по времени года. Во время жатвы извѣстная часть населенія занимается на плантаціяхъ.

Жатва собирается въ общественные амбары. Начальникъ дѣлитъ ее. На охоту никогда не высылаютъ однихъ и тѣхъ же людей два дня подрядъ. Мужчины, свободные отъ занятій, съ самаго утра играютъ въ мячъ, женщины же въ это время дѣлаютъ горшки, дѣлаютъ маты, корзины и мѣшки, и только въ полдень присоединяются къ играющимъ. Около 4-хъ часовъ возвращаются домой вышедшіе на промыселъ; тогда игры прекращаются; одни отправляются купаться, другіе расходятся по домамъ; дѣти же и женщины выгружаютъ рыбу изъ лодокъ и складываютъ ее у начальника, который дѣлитъ уловъ, смотря по потребностямъ каждой семьи. Наступаетъ время обѣда; отобѣдавши, опять купанье, затѣмъ ночью пляска». Словомъ, гражданскіе начальники руководятъ производствомъ и распредѣленіемъ продуктовъ и ведутъ обмѣнъ съ чужеплеменниками. Такой коммунистическій строй значительно облегчилъ возникновеніе среди гварановъ іезуитской теократіи, которая, собственно говоря, представляетъ прежнюю организацію, но менѣе демократическую. Іезуиты увеличили число религіозныхъ обрядовъ, разнообразили ихъ танцами, и, такимъ образомъ, безъ труда обратили многіе перувианскіе народы, чикитовъ, моксовъ и гварановъ въ христіанскую вѣру и поработили ихъ.

Въ юго-западномъ углу рассматриваемой области, а именно въ районѣ верхнихъ притоковъ Мадейры и у источниковъ Парагвая, живутъ народы, извѣстные подъ общимъ названіемъ, *моксос-гикитовъ*. Это—мирные земледѣльцы, отличающіеся довольно развитыми общественными инстинктами. Еще далѣе по направленію къ западу въ горныхъ долинахъ живутъ мелкія группы, извѣстныя подъ однимъ географическимъ названіемъ *антисенцевъ* (до 15 тысячъ). Каждое племя поселилось здѣсь въ отдѣльномъ ущельи среди высокихъ горъ.

Рассматриваемая нами область на югѣ постепенно переходитъ въ пампасы, которые въ свою очередь замѣняются каменистыми равнинами Патагоніи. Страна становится все болѣе и болѣе однообразной, равнины тянутся до безконечности, каждое племя можетъ встрѣчаться съ другимъ, условія же быта, напр., недостатокъ дичи, заставляютъ человека постоянно перекочевывать съ мѣста на мѣсто. Особенно югъ представляетъ крайне бѣдную флору и фауну. Тутъ кочевая жизнь все сильнѣе преобладаетъ. По теченію Парагвая и по сосѣдству съ пустыней Чако населеніе разводило кукурузу и хлопчатникъ, занималось рыболовствомъ и имѣло постоянныя жилища. Южнѣ этой области охота является уже единственнымъ источникомъ существованія; индѣйцы же пампасовъ жили на счетъ гварановъ и другихъ мирныхъ земледѣльцевъ, которыхъ систематически грабили. Одно названіе народа, живущаго въ пустынѣ Чако, *вайкуры*, что на языкѣ гварановъ значитъ «быстроногіе», свидѣлствуетъ о родѣ ихъ занятій. Эти

разбойники не замедлили украсить многами свой способ добыванія средствъ къ жизни. По мѣнѣю гвайкуровъ, великій духъ, создавая народы, надѣлялъ чѣмъ-нибудь каждаго изъ нихъ; народъ же гвайкуровъ онъ позабылъ надѣлить; только орелъ, ихъ прародитель, объяснилъ имъ, что богъ сдѣлалъ это потому, что всѣ должны трудиться, гвайкуры же грабятъ ихъ. Густота населенія этой области была крайне незначительна. По теченію же р. Параны жили многія полуосѣдлыя племена: испанскіе источники указываютъ то на 54 народа, численностью въ 103 тыс. человекъ, то на 40 народовъ, численностью въ 62 тыс. чел. Однако два миссіонера, направившіеся въ 1746 г. на югъ отъ рѣки Рио-Негро, цѣлыми недѣлями никого не встрѣчали. Въ пампасахъ скиталось тогда немногочисленное племя *туэльчей*, въ Патагоніи—*тегуэльчей*, которыхъ никогда не было больше 10 тыс.; на островахъ Чилоэ вдоль побережья Тихаго океана, на другихъ островахъ и на узкой полосѣ материка до Огненной Земли включительно жили въ нищетѣ и дикости различные народы, численностью не болѣе нѣсколькихъ тысячъ человекъ.

Нашествіе бѣлыхъ вызвало здѣсь значительныя перемѣны: полуосѣдлыя земледѣльцы сдѣлались хищниками, нѣкоторые племена, напр. шаруи, были истреблены. Затѣмъ въ степи появляется лошадь, и грабители получаютъ новое орудіе для своихъ набѣговъ, еще болѣе опасныхъ и разорительныхъ, чѣмъ прежде. Хищники начинаютъ систематически дѣлать набѣги на Аргентину и Уругвай, причемъ убиваютъ мужчинъ и похищаютъ женщинъ и стада. Въ 1816 г. грабители увели изъ Буэнос-Айреса до 40 тысячъ воловъ; въ 1832 г. у однихъ туэльчей испанцы отобрали 1500 плѣнницъ и дѣтей. Тѣмъ не менѣе, хищники постепенно исчезаютъ. Въ настоящее время всѣхъ *памперовъ*, т. е. индѣйцевъ, живущихъ въ пампасахъ, на югѣ р. Рио-Негро не больше 600 человекъ, тегуэльчей же всего 1400. Эти немногочисленные кучки хищниковъ рыскаютъ по всей равнинѣ. «Среди народовъ, живущихъ на земномъ шарѣ, нѣтъ ни одного столь безпечнаго и пристрастнаго къ бродяжничеству, какъ эти хищники. Ничто не можетъ удержать ихъ дома, ни преклонный возрастъ, ни слѣпота, ни болѣзнь. Они находятся въ постоянномъ движеніи: ѣздятъ, охотятся, плаваютъ. Борьба, которую они ведутъ съ людьми и животными, вынуждаетъ ихъ совершать большіе переходы». Мужчины почти не слѣзаютъ съ лошадей и не расстаются со своимъ національнымъ оружіемъ: копьемъ и лассо. «Всю свою жизнь они проводятъ на конѣ. Ловкость ихъ поразительна. Бросивъ неудачно боласть, они, среди бѣшеннои скачки, держась одной ногой за сѣдло, на ходу поднимаютъ его. Дѣти, подражая старикамъ, занимаются киданіемъ маленькихъ лассо, ловятъ собакъ и пріобрѣтаютъ такимъ образомъ сноровку.

Ребенокъ выучивается здѣсь чего добраго раньше ѣздить, чѣмъ ходить. Мальчики дерутся и гордятся своими ранами, дѣвочки строятъ шалаши». Кожа употребляется на одежду. Впрочемъ весь костюмъ абионовъ состоятъ изъ куска кожи, конецъ которой закидывался на лѣвое плечо; тегуэльчи же, сдѣлавъ отверстіе въ кожѣ, имѣющей 6 кв. футовъ, просовываютъ черезъ нея свою голову. Они носятъ кожаные сандалии и опояски изъ того же матеріала вокругъ головы. Гончарнаго искусства не знаютъ.

Палеонтологическія изысканія обнаружили, что человекъ въ этихъ странахъ существовалъ въ четвертичную эпоху. Найдено даже его жилище—подъ броней исчезнушаго млекопитающаго глиптодона. Въ то время человекъ находился въ состояніи чрезвычайной дикости; онъ зналъ огонь, но не имѣлъ лука. Другіе свидѣтели прошлаго, *парадеросы*, т. е. кухонные отбросы, состоящіе изъ костей млекопитающихъ, уже позднѣйшаго происхожденія. Въ это время Патагонія была заселена длинноголовой расой, которая занимала середину между типомъ изъ Лагоа Санта и эскимосоподобнымъ. Въ настоящее же время мѣстное населеніе за небольшими исключеніями (у фуэджійцевъ)—короткоголовое. Это подтверждается слѣдующею сравнительною таблицей:

	Эпоха парадеросовъ.		Настоящее время.
23 черепа (Листа) . . .	78,5	4 черепа тегуэльчей . . .	81,56
108 череповъ (Морено) . .	72,1	9 » тегуэльчаповъ . . .	85,55
		4 » дѣтей	87,07

Господствующій здѣсь типъ короткоголоваго, особенно у патагонцевъ (тегуэльчей), отличается высокимъ ростомъ, но несоразмѣрно короткими оконечностями. Каждое племя имѣетъ отличительные рубцы на тѣлѣ. Кромѣ того, они окрашиваютъ тѣло и вырываютъ брови и рѣсницы. «Отсутствіе рѣсницъ, по ихъ мнѣнію, необходимое условіе красоты. Они подтруниваютъ надъ европейцами по поводу ихъ густыхъ бровей и зовутъ ихъ братьями страуса, такъ какъ эта птица имѣетъ такіа брови». Общественный строй зиждется на общинномъ самоуправленіи, но право наслѣдства идетъ по мужской линіи. Всѣ степные народы, въ противоположность земледѣльцамъ-гваранамъ, не подчинились миссіонерамъ и сохранили до сегодняшняго дня свою дикую свободу. Впрочемъ, объ общественномъ строѣ разбойниковъ пустыни самое лучшее представленіе можетъ дать арауканское общество. Европейское нашествіе имѣло послѣдствіемъ, что арауканцы (отъ слова: *амао*, т. е. разбойникъ), стали вести на-половину пастушескій, на-половину разбойничій образъ жизни. Нѣкогда они, будучи осѣдлымъ народомъ, занимали южную часть Чили. Въ то время они употребляли навозъ, имъ были извѣстны металлы, лама служила имъ вьючнымъ животнымъ. Общественный ихъ строй имѣлъ черты

федеративной демократии. Когда Молина впервые описалъ его, въ Европѣ не хотѣли вѣрить, чтобы «дикари» могли имѣть столь совершенное общественное устройство. Пять классовъ составляли одну группу, 5 группъ составляли племя, наконецъ 4 племена были объединены въ одинъ «народъ арауканцевъ». Это правильное дѣленіе указываетъ на то, что здѣсь, совершенно такъ же, какъ и въ римскихъ родахъ, сознательная человѣческая дѣятельность уже создавала общественный строй. Собрание всѣхъ арауканцевъ рѣшало важнѣйшія дѣла. Сановники у нихъ были только слугами народа. Слѣдуетъ отмѣтить связь, которая существуетъ между общественнымъ строемъ арауканцевъ съ одной стороны и ихъ религіей и взглядами на воспитаніе дѣтей съ другой. Они вѣрили въ Пиллана—создателя, духа неба, громовержца. «Пилланъ правилъ вселенной, какъ человѣкъ на землѣ». По мнѣнію арауканцевъ, Пилланъ — великій *токви* (представитель всѣхъ племенъ) всего невидимаго міра и имѣетъ своими подчиненными сверхъестественныхъ *ано-ульменовъ* и *ульменовъ* (представителей отдѣльных космическихъ племенъ), которымъ ввѣряетъ дѣла меньшей важности. Арауканцы не останавливаются на этомъ и проводятъ аналогію между неземными и своими порядками еще далѣе. «Какъ земные ульмены не имѣютъ права налагать дань на народъ, такъ и небесные не могутъ этого дѣлать. По этой причинѣ люди не оказываютъ имъ ни малѣйшихъ почестей». Тѣ же начала легли въ основаніе воспитанія молодежи. «Я былъ пораженъ смѣтливостью и своеволіемъ мальчиковъ. Поступки, которые въ другомъ обществѣ неизбѣжно вызвали бы наказаніе, здѣсь наоборотъ скорѣе удостоиваются поощренія... такъ какъ они полагаютъ, что свобода развиваетъ духъ независимости. Они никогда не наказываютъ малышей, считая это униженіемъ. По ихъ мнѣнію, наказаніе дѣлаетъ мужчину трусливымъ, лишаетъ его чувства собственного достоинства и военнаго долга». Къ этому прибавимъ еще, что арауканцы не любятъ городовъ, связывая съ ними представленіе о «неволѣ».

Конквистадоры, добравшись до Мексики, центральной Америки, плоскогорій Боготы и мѣстностей, расположенныхъ вокругъ озера Титикака, нашли здѣсь довольно значительную культуру. Населеніе вело осѣдлый образъ жизни, занималось земледѣліемъ, удобряло свои поля, соорудило ирригаціонныя системы, выдѣлывало изящныя ткани, горшки и золотыя вещи. Но техника народовъ, населявшихъ центральную Америку, не была выше той ступени культуры, которую Морганъ въ своей классификаціи называетъ средней ступенью варварства, то есть она была ниже, чѣмъ у грековъ время Гомера, и сравнительно низкій уровень культуры обнаруживался въ людодѣствѣ и другихъ обычаяхъ. Трофеи изъ человѣческихъ череповъ, пожираніе ку-

курузы, приносимой въ жертву богамъ и облитой человѣческой кровью, религиозное людодѣство (люди приносились въ жертву, особенно плѣнные, содержащіеся предвѣрительно въ кѣтъкахъ; двери новыхъ домовъ обливались кровью и фундаменты закладывались на трупахъ, причемъ кровь добывалась изъ языка, ушей и половыхъ органовъ)— все это неразлучные спутники американской «цивилизациі». Но въ то же время европейцами найдено было тамъ въ изобиліи золото, золотые и серебряные полумѣсяцы, прикрѣплявшіеся ко лбу каждого муниска, золотыя серьги и другія украшенія; даже, какъ рассказываютъ, въ Куско дома были крыты золотомъ, что крайне поразило бѣлыхъ, и историкъ значительно преувеличилъ степень культуры этихъ народовъ. Обиліемъ золота измѣряли все! Численность населенія мексиканской столицы показана, по крайней мѣрѣ, въ 10 разъ больше, чѣмъ она была на самомъ дѣлѣ; то же можно сказать и объ остальныхъ статистическихъ данныхъ. Только изслѣдованія Моргана заставили историковъ призадуматься надъ вопросомъ, какъ могло на данной территоріи и при данной техникѣ найти себѣ пропитаніе такое значительное населеніе. Кабинетная европейская наука, черпая фактическій матеріалъ изъ трудовъ лѣтописцевъ и историковъ временъ вторженія, вѣрила всей ихъ лжи и преувеличеннымъ описаніямъ. Не будучи въ состояніи примириться съ тѣмъ фактомъ, что столь могущественная «цивилизациія» возникла самостоятельно, она стала донскиваться въ мексиканскихъ и перувианскихъ преданіяхъ слѣдовъ присутствія боро-датыхъ людей, т.-е. кавказской расы, которая, по ея предположенію, принесла сюда первые зародыши высшей культуры. Въ настоящее время окончательно уже установился взглядъ, что «цивилизациія» доколумбовой Америки американскаго происхожденія. Въ противномъ случаѣ этихъ бородатыхъ должно было быть очень много, такъ какъ высшую культуру мы встрѣчаемъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ доколумбовой Америки, особенно въ центральной. Къ самымъ выдающимся принадлежали цивилизациі: *аутековъ* въ Мексикѣ, *майевъ* на Юкатанѣ и родственныхъ имъ *качикелевъ* въ Гватемалѣ, *чибчасовъ* или *мунисковъ* («людей») на плоскогоріяхъ Боготы и (быть можетъ, самая высокая) *кичуасовъ* въ Перу. Каждый изъ этихъ цивилизованныхъ народовъ былъ окруженъ многими «дикими» племенами, принадлежавшими обыкновенно къ различнымъ лингвистическимъ семействамъ. Въ области прежняго государства инковъ одинъ изслѣдователь недавно насчиталъ около 50 этническихъ группъ, по его мнѣнію, ничего не имѣющихъ общаго другъ съ другомъ; испанскіе же набѣдники на каждомъ шагу встрѣчали новое нарѣчіе. На небольшомъ пространствѣ въ Гватемалѣ насчитали до 31 языка. Горныя долины и побережье Мексики и центральной Америки представляли въ высшей

степени пеструю мозаику культуры и языковъ. Мы видимъ здѣсь дикихъ горцевъ-людоѣдовъ безъ жилищъ (теперешніе «indios bravos»), мирныхъ земледѣльцевъ и обиженныхъ судьбой рыбаковъ.

Всѣ эти высія культуры выросли изъ архаическаго коммунизма, какъ это подтверждается обычаями и общественнымъ строемъ изучаемыхъ нами народовъ. Напр. въ *Утитланѣ* (государство *кичуа-совъ* въ Гватемалѣ) совѣтъ 42 мужей, представлявшихъ столько же «семействъ», управлялъ дѣлами, а за всякіе проступки ихъ ожидало наказание или даже смертная казнь. Во время празднествъ читалась исторія ихъ народа, обнимавшая будто-бы періодъ въ 800 лѣтъ. Огромныя коммунистическія жилища вмѣщали иногда до 100 семействъ, а земля принадлежала общинѣ. У *майевъ* каждое поселеніе обрабатывало свое поле сообща, жатву сохраняли въ одномъ общинномъ амбарѣ, пища готовилась въ общей кухнѣ и затѣмъ распределялась между отдѣльными семействами. Въ лѣтописяхъ завоевателей на каждой страницѣ упоминается о подобномъ строѣ. Варварская демократія кое-гдѣ уже переходила въ теократію, напоминающую египетскій фараонизмъ. Властелина у племени чибчасовъ несли на носилкахъ; путь его мели, покрывали простынями и усыпали цвѣтами; народъ не рѣшался смотрѣть на него и повертывался къ нему спиной; его плевки приближенные подбирали платками. Онъ имѣлъ нѣсколькихъ женъ и послѣ смерти главной воздерживался отъ сношеній съ женщиной въ продолженіе 5 лѣтъ. Наслѣдство шло по женской линіи; дѣвственность новобрачной служила доказательствомъ, что она не особенно привлекательна, потому что ни въ комъ не сумѣла возбудить къ себѣ любви. Престоль переходилъ къ племяннику, который предварительно долженъ былъ подвергнуться испытанію: съ 16-ти лѣтняго возраста онъ постоянно въ теченіе 7 лѣтъ жилъ въ уединеніи, лишенный солнца, соли, жены; затѣмъ слѣдовалъ еще годъ поста, и тогда прокалывали ему уши и ноздри и надѣвали украшенія, соответствовавшія его сану. Иногда вмѣсто теократіи возникала, какъ у адтековъ, военная демократія съ завоевательнымъ характеромъ. Сановники этой демократіи въ разсказахъ испанцевъ превратились въ феодальныхъ вельможъ.

Фараонизмъ инковъ на берегахъ оз. Типикака является лучшимъ образчикомъ американской культуры. Инки питались картофелемъ или кукурузой. Имъ было извѣстно удобреніе полей и ирригація. Ткани изъ шерсти ламы были столь нѣжны, что европейцы приравняли ихъ къ шелковымъ. Гончарнымъ произведеніямъ любили придавать видъ различныхъ животныхъ. Постройки воздвигались изъ огромныхъ камней, скрѣпленныхъ глиною, однако безъ сводовъ. Существовали постоянные мосты и дороги. Горнозаводство было тоже имъ извѣстно. Астрономическія наблюденія велись систе-

матически. Но преимущественно заслуживаетъ вниманіе ихъ общественный строй, хотя, вслѣдствіе отсутствія точныхъ данныхъ, онъ представляетъ много загадочнаго. Населеніе повидимому было раздѣлено на низшія и высшія группы, состоявшія изъ 10, 100, 1000, 10000 семействъ. Поля каждого населенія распались на три части: первая предназначалась духовенству и церкви, вторая—инкамъ, третья—народу. Эта послѣдняя часть ежегодно подвергалась передѣлу, смотря по потребностямъ каждой семьи. Порядокъ обработки полей и собиранія жатвы былъ слѣдующій: сначала обрабатывались поля Солнца, т. е. духовенства, затѣмъ участки тѣхъ членовъ общины, которые не могли сами воздѣлывать ихъ (старцевъ, вдовъ, сиротъ и солдатъ, находящихся въ походѣ). Только по окончаніи работы на вышеупомянутыхъ участкахъ каждое семейство обрабатывало свою собственную землю, не отказываясь въ случаѣ надобности отъ помощи другимъ. Наконецъ, обрабатывались сообща поля инковъ. Обязательный трудъ на государственныхъ земляхъ ежегодно опредѣлялся въ 25—50 дней. Сбранную жатву частью свозили въ столицу для двора, частью же оставляли въ мѣстныхъ магазинахъ, предназначая запасы для выдачи народу въ случаѣ неурожая. Ламы принадлежали государству: ихъ распределяли по пригоднымъ мѣстностямъ и отдавали на пощеніе опытныхъ пастуховъ и только небольшую часть отправляли въ столицу для жертвоприношеній богамъ. Въ опредѣленное время года стригли ламъ; порядокъ раздачи шерсти соответствовалъ порядку распределенія земельныхъ участковъ. Правительство регулировало также распределеніе населенія въ странѣ и обезпечивало каждому подданному средства существованія. Иногда правительство доводило свое вмѣшательство до крайности, закрѣпляя государственной санкціей обычай, свойственные первобытному обществу. Никто не могъ безъ разрѣшенія оставлять мѣсто жительства; члены общинъ обязаны были въ извѣстномъ возрастѣ вступать въ браки, а именно: мужчины на 24 году жизни, дѣвушки на 18—20. Браки заключались въ опредѣленные дни года. Всѣ члены общины сообща строили хижину для молодой четы. Ремесла и должности были наследственными; каждая провинція имѣла свой особый костюмъ. Сановники объѣзжали страну, чтобы убѣдиться, не притѣсняетъ ли кто-нибудь народа. Этотъ государственный социализмъ повидимому возникъ путемъ войны. Родъ инковъ, покоряя народы, раздѣлялъ ихъ страну на три части, иногда же переселялъ покоренныхъ жителей на другія мѣста, если только того требовали государственные интересы; побѣжденнымъ всегда навязывался культъ Солнца и для распространенія нарѣчій инковъ основывались школы. Верховная власть находилась въ рукахъ рода инковъ, ведущихъ свое начало

отъ Солнца. Только члены этого рода имѣли право на многоженство. Престолъ переходилъ по мужской линіи отъ отца къ сыну (или къ племяннику), и наследникъ вступалъ въ бракъ съ своей сестрою отъ другой матери. Въ честь умершихъ властелиновъ воздвигались храмы, ихъ имущество подлежало описи. Въмѣстѣ съ властью инки монополизировали всю перуанскую науку, сохранявшуюся въ тайнѣ отъ народа, «дабы онъ не возгордился и не погубилъ государства». Разноцвѣтные шнуры съ узлами, такъ называемые *киту*, служили для того, чтобы отмѣчать статистическія данныя, метрическія свѣдѣнія и историческіе факты. Существовали спеціальныя ученые, объяснявшіе значеніе шнурковъ. Государственная религія состояла въ поклоненіи Солнцу; духовенство было организованной постоянной кастой.

Антропологическіе элементы, изъ которыхъ возникли американскія «цивилизациі», до сихъ поръ мало изслѣдованы. Знаемъ мы только, что короткоголовые типы преобладали; особенно же бросается въ глаза одна черта характера, а именно, пассивность, находящаяся, быть можетъ, въ связи съ употребленіемъ исключительно растительной пищи и съ значительною высотой страны надъ уровнемъ моря. Современные перуанцы отличаются мягкостью нрава и гостепріимствомъ, обществеными инстинктами, повиненіемъ, граничащимъ съ раболопствомъ. При всемъ этомъ они апатичны, «даже танцуютъ равнодушно и молча». Ихъ предки вѣроятно походили на нихъ: въ то время какъ краснокожіе сѣверной Америки и патагонскихъ степей боролись до послѣдней капли крови за свою независимость, здѣсь горсть европейскихъ авантюристовъ захватила огромныя пространства и навязала свою власть многочисленнымъ народамъ. Муйски массыи вѣшали или морили себя голодомъ, чтобы спастись отъ рабства, или покидали поля, чтобы голодъ заставилъ врага удалиться, но никогда не брались за оружіе. Новѣйшія изслѣдованія обнаружили въ Перу и Мексикѣ этническія насленія. Особенно хорошо разработанъ этотъ вопросъ относительно Мексики, лингвистика же обнаружила связь ацтековъ и толтековъ съ различными земледѣльческими народами сѣвера, напр. съ индѣйцами-мокиями. Къ этой же лингвистической группѣ, т. е. *сонорской*, принадлежатъ разбойники утахи и команчи, живущіе въ Техасѣ. Нѣкоторыя данныя указываютъ на то, что отечествомъ соноровъ былъ крайній сѣверъ, но часть ихъ дошла до Гватемалы, Гондураса и Никарагуи. Такимъ образомъ наука разъяснила одно изъ послѣднихъ переселеній народовъ, коснувшееся центральной Америки. Конечно, это только одна изъ страницъ, разъясняющихъ намъ далекое прошлое.

Численность американскаго населенія въ моментъ нашествія европейцевъ опредѣляется въ 10 милліоновъ. Однако эта цифра далека

отъ научной точности. Что касается истребленія туземцевъ, то можно было бы написать объ этомъ предметѣ цѣлыя томы,—такъ изобрѣтательна оказалась въ этомъ отношеніи культура бѣлыхъ. Еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ португальцы, живущіе въ Бразиліи, желая какъ можно скорѣе избавиться отъ туземцевъ, отравляли пруды, изъ которыхъ брали воду. Англичане прибѣгали къ формальному праву и къ коммерческимъ обманамъ. Испанцы выпускали на туземцевъ особаго рода дрессированныхъ собакъ, кромѣ корыстолюбивыхъ монаховъ и авантюристовъ. Въ настоящее время сохранились только немногочисленные остатки первобытныхъ племенъ; болѣе всѣхъ пострадали кочевники и охотники. Въ Соединенныхъ Штатахъ и Аляскѣ въ 1876 г. насчитывалось всего 316 тысячъ туземцевъ, въ томъ числѣ 100 тысячъ «цивилизованныхъ» индѣйцевъ (земледѣльцевъ и скотоводовъ), 135 тысячъ полудикихъ, корящихся охотой на опредѣленныхъ, постоянно уменьшающихся участкахъ и сверхъ того получающихъ незначительную поддержку отъ правительства; наконецъ 84 тыс. «дикихъ», т. е. отстаивающихъ до конца свою независимость. Надо еще прибавить, что метисы составляютъ въ этомъ числѣ 14%. Нѣкоторыя племена представляютъ лишь смѣшанный типъ, напримѣръ изъ 823 человекъ, принадлежащихъ къ племени могауковъ, только двое оказались чистой крови. Равнымъ образомъ въ Канадѣ, гдѣ число индѣйцевъ простирается до 100 тысячъ, большинство состоитъ изъ метисовъ. Разбойники въ пампасахъ исчезли почти безслѣдно. Въ долинѣ р. Амазонской, благодаря дѣйствиельнымъ лѣсамъ и обилію водъ, сохранилось много независимыхъ группъ. Болѣе же культурные народы, напр. гвараны, такъ сказать, растворились въ самыхъ низкихъ слояхъ «цивилизованнаго» населенія. И такъ было почти вездѣ, гдѣ только существовала земледѣльческая культура; не смотря на гнетъ, краснокожіе не только сохранились тамъ, но число ихъ даже постоянно возрастаетъ, и они постепенно смѣшиваются съ пришлыми бѣлыми и черными, образуя такимъ образомъ разноцвѣтную мозаику смѣшанныхъ типовъ. Въ Мексикѣ существуетъ 15 спеціальныя названія для ихъ обозначенія. Особенно въ Перу и центральной Америкѣ мы находимъ многочисленныя группы первобытнаго населенія. Изъ 10 милліоновъ мексиканцевъ чистокровные бѣлые типы составляютъ только 19%, чистокровные туземцы, принадлежащіе къ различнымъ племенамъ,—38%, наконецъ смѣшанные типы тѣхъ и другихъ —43%.

Въ Никарагуѣ

Чистый типъ индѣйскій	55,0%	Метисы: помѣсь бѣл. и индѣйц.	20%
„ „ бѣлый	4,5%	„ „ бѣл. и негръ	10%
„ „ негритянской	0,5%	„ „ негр. и индѣйц.	10%

Въ Перу насчитывается болѣе милліона горцевъ кичуа-аймарскаго происхожденія.

VII.

Антропологическія черты индонезійца, первоначальное его мѣстопробываніе и языкъ.—Типы и народы Малайской области.—Населеніе Филиппинскихъ острововъ и общественный строй тарапоновъ.—Савайоры, ихъ культура, расовые типы и общественный строй.

Исслѣдованія инженера Госэна впервые выяснили, что народы на пространствѣ всей Полинезій и острововъ, начиная отъ Филиппинскаго архипелага до Мадагаскара, говорятъ на языкахъ, принадлежащихъ къ одному семейству. Полинезія—это водная Сахара; острова—оазисы, такъ какъ разстояніе отъ нѣкоторыхъ острововъ до ближайшаго населеннаго пункта составляетъ иногда отъ 300 до 700 миль. Эти топографическія условія вмѣстѣ съ обширнымъ пространствомъ, на которомъ разсѣяны племена, говорящія на языкахъ открытаго Госэномъ семейства, свидѣтельствуютъ о томъ, что основной языкъ принадлежалъ какому-нибудь предприимчивому и безпокойному племени. Въ пользу этого предположенія говоритъ еще и другое обстоятельство, а именно, что на этихъ языкахъ говорятъ очень различные расовые типы: меланезіецъ на арх. Фиджи, желтый короткоголовый малаецъ и бѣлый индонезіецъ.

Учебники географіи, настойчиво повторяя избитыя мѣста начальной антропологіи, утверждаютъ, что на всемъ разсматриваемомъ пространствѣ живетъ особенная монголоподобная малайская раса. Серьезныя изысканія на мѣстѣ разсѣяли эти преждевременныя предположенія. Вездѣ найдено безпорядочное смѣшеніе разнороднѣйшихъ человѣческихъ типовъ: чернаго, бѣлаго и желтаго. «Удивительно, что на островахъ мы нашли три совершенно неизвѣстныхъ намъ типа людей: бѣлыхъ, черныхъ и бронзовыхъ. Окраска послѣднихъ напоминаетъ южанъ Европы. Впрочемъ, на всѣхъ почти островахъ отъ Формозы до Н. Зеландіи мы встрѣчаемъ неизмѣнное смѣшеніе людей различной окраски и различнаго вида: бѣлыхъ, а еще чаще черныхъ и бронзовыхъ» (это писано въ 1772 г.). Въ Малайской области попадаются самыя разнообразныя черты лица не только на различныхъ островахъ и на одномъ и томъ же островѣ между разными племенами, но и между отдѣльными индивидами одного и того же племени. Монголоподобный типъ въ сравненіи съ бѣлымъ играетъ иногда второстепенную роль. Различіе же между ними настолько велико, что не представляется никакой возможности отождествлять эти два различныхъ антропологическихъ элемента. Одинъ типъ представляетъ разнovidность желтаго короткоголоваго со сплюснутымъ затылкомъ, плоскимъ

и широкимъ темно-мѣднаго цвѣта лицомъ, выдающимися скулами, черными узкими глазами подъ жидкими бровями, широкимъ короткимъ носомъ и черными жесткими волосами. Другой-же, бѣлый типъ, сильно приближается къ длинноголовому, съ округленнымъ затылкомъ, болѣе свѣтлымъ цвѣтомъ лица, мягкими, иногда темно-русыми волосами, продолговатымъ лицомъ съ прямымъ тонкимъ носомъ, большими черными глазами, небольшимъ ртомъ и тонкими губами. Оба типа сильно разнятся между собою и въ духовномъ отношеніи. «Малаецъ имѣетъ сдержанный характеръ; онъ остороженъ, недоувѣрчивъ, хитеръ; это послѣднее качество заставляетъ насъ предполагать, что рассказы, въ которыхъ этой расѣ приписываются кровожадные инстинкты и жестокіе нравы, сильно преувеличены. Малаецъ открыто не выкажетъ своего удивленія, восхищенія или опасенія и по всей вѣроятности не знаетъ сильныхъ чувствъ. Флегматичный и внимательный, онъ постоянно въ разговорѣ уклоняется отъ основного предмета». Напротивъ, представитель другого типа — даякъ, по всей вѣроятности, «самый подвижной человѣкъ на свѣтѣ, любопытенъ до страсти, болѣе общителенъ и вѣжливъ, чѣмъ англійскій крестьянинъ». По окончаніи своей работы даяки значительную часть ночи проводятъ у костровъ, разсуждая объ общественныхъ дѣлахъ. О малайцахъ, которые очень равнодушно относятся къ подобнымъ вопросамъ, они говорятъ: «эти малайцы, вотъ дубины, тупицы! когда они окончатъ свой трудъ, каждый изъ нихъ возвращается къ своей бабѣ и спитъ всю ночь вмѣсто того, чтобы сидѣть со стариками и разсуждать о старинѣ». Малаецъ—трусъ, но, приговоренный къ смерти, спокойно ожидаетъ послѣдней минуты; своевольный-же и отважный даякъ въ этомъ случаѣ сильно волнуется. Первый страдаетъ недостаткомъ воображенія; у второго-же оно—пылкое.

По всей вѣроятности индонезіецъ, т.-е. бѣлый типъ Малайской области, первоначально говорилъ на томъ языкѣ, отъ котораго произошли всѣ прочія нарѣчія какъ этой области, такъ и Полинезій. Подвижный и предприимчивый характеръ индонезійца яснѣ всего проявился въ Полинезій, гдѣ онъ нашелъ себѣ самыя подходящія условія. Эпическія поэмы разсказываютъ со всевозможными подробностями песторію разселенія людей вдоль и поперекъ этой морской пустыни, а индонезійскія одиссеи въ художественномъ отношеніи не уступаютъ гомеровской. Междоусобныя войны и перенаселеніе родины заставляли многихъ эмигрировать. Они брали съ собою провизію, ручныхъ животныхъ и злаки. «Въ моментъ отъѣзда пріятель взялъ съ собою сладкихъ клубней текакау для поѣвва, орѣхи съ дерева карака, нѣсколько ручныхъ крысъ въ ящикѣ и нѣсколько попугаевъ; одинъ изъ товарищей везъ съ собою собакъ, на которыхъ они возлагали

большія надежды, такъ какъ, размножившись, онѣ дадутъ имъ мясо и теплый мѣхъ». Собака, курица и свинья, кокосовая пальма и сахарный тростникъ такимъ образомъ сопровождали человѣка съ острова на островъ. Лодка отчаливала и направлялась неизвѣстно куда. Люди по всей вѣроятности неоднократно погибали въ морѣ. Иногда же лодка благополучно достигала какого-нибудь острова, и если онъ оказывался ненаселеннымъ, то путешественники селились на немъ. Тогда досужій поэтъ слагалъ народную поэму объ этомъ странствованіи. Новозеландскій эпосъ, напр., передаетъ, какъ одинъ изъ вождей покинулъ отечество вслѣдствіе распрей. Занесенный бурей въ Новую Зеландію, онъ возвращается на родину съ запасомъ яшмы, изъ которой выдѣлывалось очень цѣнное оружіе, и склоняетъ до тысячи земляковъ послѣдовать за нимъ. Въ эпосѣ говорится о вождахъ экспедиціи, числѣ и названіяхъ лодокъ, приключеніяхъ, высадкѣ, занятіи острова и раздѣлѣ его; все это, понятно, разукрашено мифами, но, какъ подтверждаютъ изслѣдованія, очень близкими къ истинѣ. Эти экспедиціи прекрасно рисуютъ предприимчивый и безпокойный нравъ индонезійца. Его страстность проявлялась въ людоедствѣ и особенно въ половомъ бѣшенствѣ, извѣстномъ подъ названіемъ амока: подъ вліяніемъ его человѣкъ бросается на прохожихъ и убиваетъ ихъ.

Кромѣ того индонезіецъ отличается выдающимися поэтическими дарованіями. Приведемъ для примѣра маленькій отрывокъ изъ военного гимна:

«...Поднимается попутный вѣтеръ, я его слышу и чувствую. Бѣшеный сѣверный вѣтеръ охватываетъ меня вего. Мои враги въ страхѣ скрываются. Охвати меня, о пространство, пространство, воздухъ и небо! Меня уже покрываетъ военное знамя, и я стою неподвижно, какъ радуга...

... Если Тангароа (богъ) спроситъ, кто этотъ молодой воинъ, который такъ гордо потрясаетъ знаменемъ,—я отвѣчу: это я, это Вакатанъ, человѣкъ никому не вѣдомый, бѣдный молодой товарищъ стята! Но когда онъ спроситъ о моемъ знамени, о моемъ знамени, которое приводитъ всѣхъ въ трепетъ и ужасъ, о! тогда—вотъ оно—закричу я!

... Вы видите эту молнію, это зарево? О! я ужасно боюсь этого знамени! Слава его обращаетъ всѣхъ въ бѣгство, а названіе его у всѣхъ на устахъ. Вы спросите еще, что это за знамя? О! это знамя гнѣва! Знамя необузданнаго бѣшенства, сокрушающаго и побѣждающаго враговъ! Теперь знаете-ли вы меня? Ура!...

Впрочемъ, трудно въ нѣсколькихъ словахъ дать представленіе о богатствѣ и прелести многочисленныхъ мифовъ, равно какъ о художественности и изяществѣ издѣлій и оружія. Мы должны безусловно признать, что индонезіецъ принадлежитъ къ даровитымъ группамъ человѣческаго рода. Негра привлекала въ христіанствѣ виѣшняя обрядная сторона, примѣръ священника вліялъ на него, а не духъ

религіи; индонезіецъ же, напротивъ, требовалъ отъ священниковъ, чтобы они придерживались духа религіи, а когда они этого не исполняли, то онъ создавалъ секты, для того, чтобы вернуть христіанству первоначальную его чистоту.

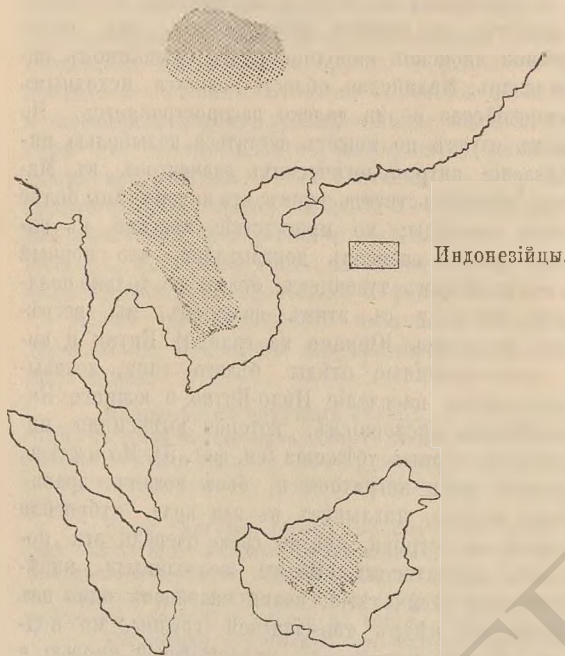
Безпокойный характеръ индонезійца на ряду съ капризами морской стихіи загнали его въ далекія страны. Онъ навязалъ свой языкъ чернымъ фиджійцамъ и, быть можетъ, нѣкоторымъ племенамъ Н. Гвинен. Вторженіе европейцевъ помѣшало индонезійцу сдѣлать то же самое и съ населеніемъ Маланезійской области. Слѣды его можно найти въ Австраліи и повидимому въ Перу и Калифорніи; вторгшись въ Японію въ VIII столѣтіи до нашего лѣтосчисленія, онъ положилъ начало современной японской народности. Въ смѣшанномъ видѣ онъ занялъ Мадагаскаръ. Малайская область является исходнымъ пунктомъ, откуда индонезійская волна далеко распространяется. Но эта область ни въ какомъ случаѣ не можетъ считаться колыбелью индонезійцевъ. Распределение антропологическихъ элементовъ въ Малайской области, правда, свидѣтельствуетъ о томъ, что индонезійцы болѣе раннее населеніе, чѣмъ малайцы; но присутствіе мѣстами въ горахъ и лѣсахъ негритосскихъ оазисовъ доказываетъ, что черныя люди были здѣсь первобытнымъ туземцемъ, бѣлый же только позднѣйшимъ пришельцемъ. На ряду съ этимъ явленіемъ, мы встрѣчаемъ другое, именно, въ горахъ Юннана на границѣ Китая и китайскаго Индостана многочисленные слѣды бѣлаго типа, доказывающіе, что монголоподобное населеніе Индо-Китай и южнаго Китая было уже позднѣйшимъ наслоеніемъ, которое вытѣснило индонезійцевъ изъ равнинъ въ горныя убожища (см. фиг. 5). Но и здѣсь, кажется, до индонезійцевъ жили негритосы и, быть можетъ, дравидійцы. Монголоподобные народы, нахлынувъ въ эти края, отбросили индонезійцевъ въ горы и на острова, гдѣ въ свою очередь эти послѣдніе стали истреблять негритосовъ. Волны желтолицыхъ набѣгали въ продолженіе цѣлыхъ тысячелѣтій; волна малайцевъ одна изъ послѣднихъ. Она вышла изъ нѣдръ тай-сиамской группы, но подверглась смѣшенію въ сильной степени съ индонезійской кровью и въ слабой степени съ негритосской. Суматра—колыбель малайцевъ, а мусульманскій фанатизмъ объединилъ ихъ въ XIV и XV столѣтіяхъ. Ученые пытались опредѣлить время, когда индонезійцы заселили Полинезію. Въ упомянутыхъ эпосахъ передается исторія всѣхъ поколѣній этихъ выходцевъ. На основаніи этихъ данныхъ опредѣляется, что они заняли въ V вѣкѣ нашей эры Маркизскіе острова, въ VIII в.—Сандвичевы острова, въ XV в.—Н. Зеландію (Катрфажъ). Такъ какъ въ полинезійскихъ языкахъ не попадаются индусскія слова, въ изобиліи встрѣчаемыя у малайцевъ, и такъ какъ воздѣйствіе

индусских элементов может быть констатировано уже за тысячу лѣтъ до нашей эры, то переселеніе индонезійцевъ въ Полинезію должно было послѣдовать уже раньше. Эти хронологическія указанія, обстоятельно провѣренныя, могли бы послужить для опредѣленія времени послѣднихъ великихъ переселеній монголовъ, которыя въ свою очередь обусловили передвиженія индонезійцевъ въ Полинезію.

Не смотря на общность корней, индонезійскіе языки принадлежать къ агглютинирующимъ различнаго типа (корень + суффиксъ и пре-
Фиг. 5.

фиксъ + корень). Это говоритъ въ пользу того, что первоначальный языкъ индонезійца распался уже очень рано на 3—4 нарѣчія, а затѣмъ каждое изъ этихъ нарѣчій развивалось самостоятельно. Заслуживаетъ вниманія неспособность индонезійца къ сочетанію согласныхъ, что особенно рельефно выступаетъ въ нарѣчіяхъ полинезійскихъ: тонганское, напримѣръ, имѣетъ лишь 15 согласныхъ, таитійское—10, сандвичское—7, причѣмъ двѣ согласныхъ ря-

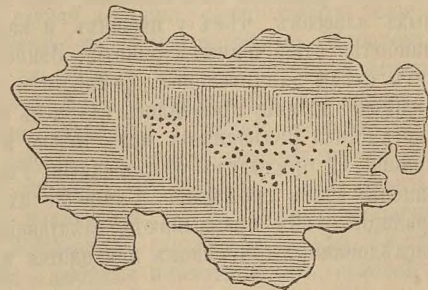
когда не произносятся. Здѣсь существуютъ цѣлыя фразы изъ однихъ только гласныхъ, напримѣръ, *э ао аз оз іа эа*; европейскія же слова подвергаются особенному упрощенію, Фридрихъ превращается въ *Варитариги*. Впрочемъ это смягченіе явилось только въ позднѣйшемъ періодѣ исторіи индонезійскаго языка, вслѣдствіе чего множество словъ, которыя первоначально произносились различно, въ настоящее время выговариваются одинаково. Напримѣръ, на Маркизскихъ островахъ *уа* означаетъ: дождь идетъ (первоначально *уга*), два (*руа*), нагрѣвать (*ура*), омаръ (*уга*); наконецъ этимъ словомъ

обозначаютъ прошедшее время (вмѣсто *куа*). Отмѣтимъ еще нѣкоторые законы произношенія. Звукъ *к* постоянно переходитъ въ звукъ *т*; *г* въ *ф*; *с* въ *г*; *л* въ *р*; напримѣръ: самоанское *тафито* = гавайскому *какико*; таитійское *фаре* (домъ) = маорійскому *варе* = гавайскому *гале*. Вообще, антропологическая лингвистика находитъ тамъ благодарную почву для разъясненія вопроса, какъ языкъ въ звуковомъ отношеніи измѣняется подъ вліяніемъ расовыхъ особенностей.

Малайская область представляетъ смѣшеніе всевозможныхъ расъ и народовъ. Съ одной стороны въ горахъ Борнео и Целебеса сохранились остатки первобытнаго населенія, съ другой — море облегчало доступъ различнымъ народамъ и, слѣдовательно, способствовало скрещиванію пришлыхъ элементовъ съ туземными. Такимъ образомъ въ этой мѣстности образовались различныя расовыя наслоенія. На нѣкоторыхъ напр. островахъ центральную гористую мѣстность занимаютъ негритосы, берега — малайцы, индонезійцы же расположились между первыми и вторыми. Фигура 6 схематически изображаетъ распредѣленіе упомянутыхъ расъ на нѣкоторыхъ островахъ; вмѣстѣ съ тѣмъ она даетъ возможность судить о времени появленія этихъ расъ. Негритосы — коренные жители острововъ, вторыми являются индонезійцы и, наконецъ, послѣдними — малайцы. Равнымъ образомъ и культура

Фиг. 6.

Малайцы.
Индонезійцы.
Негритосы.

здѣсь очень разнообразна. Высшаго своего развитія она достигла на Явѣ, гдѣ въ XV ст. подъ напоромъ сначала индійской цивилизаціи, а затѣмъ ислама, возникъ мѣстный культурный центръ, вліяніе котораго распространяется до Суматры и даже Малакки. Населеніе быстро увеличивается: въ 1780 г. оно простиралось до 2 миллионѣвъ, въ настоящее время доходитъ до 15 милл. Въ основаніи общественнаго строя лежитъ сельская община. «Разведеніе риса благопріятствуетъ ея возникновенію и сохраненію, такъ какъ для успѣшной культуры его необходима ирригація, послѣдняя же немыслима безъ общихъ усилій».

Взаимное отношеніе санскритскихъ и индонезійскихъ словъ въ языкахъ отдѣльныхъ народовъ, населяющихъ острова, даетъ намъ нѣ-

которое представление о влиянии индийской цивилизации и о значении первоначальных индонезийских элементов в Малайской области. Именно насчитывается словъ:

Санскритскихъ, Индонезийскихъ.

	Въ процентахъ.	
у малайского высшего сословія на Суматрѣ .	16	50
„ „ простого народа на Суматрѣ .	11	50
„ „ независимыхъ лампонговъ	4,1	—
„ „ зондцевъ на Явѣ	4	—
„ „ даяковъ на Борнео	2,1	88,6
„ „ макассаровъ на Целебесѣ	6,8	56
„ „ бугисовъ	1,7	76,7
на о. Флоресъ	1,4	2,8
„ о. Тиморъ	2,1	63—80
„ Филиппинскихъ островахъ	0,05	—

Итакъ, мы видимъ, что влияние индийской культуры уменьшается по мѣрѣ удаленія отъ Малакки; оно сильнѣе у высшихъ общественныхъ классовъ, чѣмъ у низшихъ, и касается, прибавимъ еще, области наиболѣе отвлеченныхъ понятій. Занимствованные индійскія слова носятъ слѣды значительной древности и свидѣлствуютъ о томъ, что индійское влияние проявилось въ очень отдаленномъ прошломъ. Однако лингвистика разъясняетъ намъ только нѣкоторыя стороны вопроса; на помощь ей приходитъ антропология. Разнообразіе антропологическихъ типовъ здѣсь громадное. Смѣшеніе ихъ представляетъ безконечныя градации, какъ показываютъ слѣдующія данныя. Именно, изъ числа изслѣдованныхъ череповъ приходится на У. ш. ч.

	ниже 75.	между 75 и 79,9.	выше 80.
	Въ процентахъ.		
изъ 29 яванцевъ (Брока)	—	47,2	52
„ 95 бугисовъ (Монтано)	11,7	40	48
„ 70 даяковъ (Монтано)	42	37,8	20

Даяки, у которыхъ больше всего *индонезійской* примѣси, представляютъ самый рѣзкій длинноголовый типъ изъ всѣхъ жителей Малайской области. Что же касается короткоголовости, то она свидѣлствуетъ о присутствіи монгольской примѣси. На полуостровѣ Малакка существуютъ еще чистыя *негритосскія* группы, такъ называемыхъ, «лѣсныхъ людей»; черная кровь обнаруживается также довольно ясно у отдѣльных малайцевъ и индонезійцевъ, иногда даже у цѣлыхъ народовъ, какъ напр. даяковъ на островѣ Борнео. Напротивъ, на востокѣ мы замѣчаемъ *папуасскую* примѣси, напр. на островахъ Церамъ и Буру и мѣстами на островѣ Целебесѣ (альфуры). Различные эти эле-

менты представляютъ хаотическое смѣшеніе; каждая этническая группа имѣетъ свою собственную расовую физиономію.

Приступая теперь къ анализу этого антропологическаго хаоса, слѣдуетъ прежде всего выделить изъ него *малайцевъ*. Представители этой группы, являясь слѣпкомъ различныхъ типовъ, обнаруживаютъ свой смѣшанный характеръ даже въ языкѣ: языкъ высшаго класса на островѣ Суматрѣ заключаетъ 27% «собственныхъ» словъ, 16% санскритскихъ, 50% полинезийскихъ, 5% арабскихъ. Малаецъ въ Малайской области занялъ побережья и вообще тѣ пункты, гдѣ торговля междуплеменные отношенія получили болѣе сильное развитіе.

Вслѣдствіе этого, онъ сдѣлался морскимъ разбойникомъ (*malajo* значитъ бродяга). Разбой и грабежъ считаются среди нихъ благороднымъ ремесломъ. Какой-нибудь удалецъ располагается со своими товарищами на морскомъ берегу, вдали отъ людей; прославившись своими подвигами, онъ составляетъ шайку въ 300—400 человекъ, готовую на все, а въ случаѣ неудачи умерщвляющую своихъ женъ и дѣтей, чтобъ затѣмъ самимъ съ честью погибнуть. Впрочемъ, кое-гдѣ цѣлыя племена, напр. на островѣ Банкъ, живутъ исключительно на лодкахъ, питаются рыбой. Мечъ и особенной формы кинжалъ составляютъ національное оружіе малайцевъ. У малайцевъ-земледѣльцевъ мы находимъ сельскую общину. Огромныя хижины на сваяхъ (100 футовъ длины и 20—25 ширины), въ которыхъ они живутъ, свидѣлствуютъ о томъ, что коммунизмъ въ ихъ семейной жизни играетъ большую роль. Рись составляетъ главную ихъ пищу, бегель съ арекой и пальмовое вино—любимые наркотики. Въ основаніи ихъ общественнаго строя—*зуку*, т.е. такая группа людей, членамъ которой воспрещается вступать между собою въ бракъ; группа эта сообща владѣетъ землей, отдѣльные же члены ея имѣютъ только право пользоваться выдѣленнымъ участкомъ, который впрочемъ они могутъ заложить и даже съ разрѣшенія вождя сдать въ аренду постороннему. Вожди они избираютъ въ известной семьѣ; по смерти его, сынъ этотъ обыкновенно наследуетъ братъ его или племянникъ, но если такой вождь не оправдываетъ довѣрія, то его устраниаютъ. Кромѣ почта и права на известное количество риса, вождь не пользуется никакими привилегіями. Отдѣльныя селенія нѣкогда соединялись и составляли федеративные союзы; въ настоящее же время, подъ влияніемъ индійской цивилизации и ислама, община разлагается и исчезаетъ, уступая мѣсто государству, причемъ пангулы, т.е. вожди, превращаются въ дворянство, которое мало-по-малу присваиваетъ себѣ общинную землю. Солидарность большихъ общинниковъ исчезаетъ, и права матери замѣняются правами отца.

Между народами Малайской области и горцами Индокитая существует много общих культурных черт. Сюда относятся: способ постройки домов на сваях, даже там, где, как напр., в горах, гидрографическія условія этого не требуютъ, отвращеніе къ молоку и пристрастіе къ тухлой рыбѣ, чрезмѣрное расширеніе ушныхъ хрящей, употребленіе бетеля и пѣтушиные бои. Нѣкоторые обычаи широко распространены. Люди подпиливаютъ и золотятъ себѣ зубы отъ Юнана до о. Тимора; стараются добыть себѣ человѣческіе черепа въ самыхъ отдаленныхъ уголкахъ Микронезіи; отецъ бросаетъ свое имя и принимаетъ имя старшаго сына, даже на самыхъ отдаленныхъ островахъ Полинезіи. Вездѣ въ населеніи существуетъ общинный домъ, гдѣ ситы всѣ мужчины и добытыя ими человѣческія головы висятъ въ корзинахъ. Вообще охота на человѣческія головы составляетъ характерную черту малезійской культуры. Юноша, желающій, чтобы община приняла его въ число своихъ равноправныхъ членовъ, подкрадывается къ непріятельской деревнѣ, поражаетъ кого-нибудь стрѣлой изъ-за угла, отрѣзываетъ ему голову и возвращается, возвѣщая уже издали своимъ землякамъ о побѣдѣ звуками рожка. Населеніе деревушки спѣшитъ тогда въ общинный домъ, чтобы привѣтствовать героя и устроить пиршество въ честь его совершеннѣйшаго дѣла, дѣвушки поютъ гимны и намазываютъ тѣло юноши масломъ. По совершеніи этого обряда онъ пріобрѣтаетъ право вступить въ бракъ. У индонезійскихъ народовъ въ Малайской области жизнь мужчины проходитъ въ семьѣ: мужъ можетъ имѣть сношеніе съ женой только въ отдѣльной хижинѣ въ лѣсу и не имѣетъ общаго съ ней жилища, такъ какъ живетъ постоянно въ общинномъ домѣ. Дѣвушки составляютъ на нѣсколько лѣтъ вольныя группы, чтобы насладиться жизнью и узнать людей. Всякое право основано на табу. Несомнѣнно, что эти различные обычаи когда-нибудь будутъ служить матеріаломъ для изслѣдованій культурныхъ и антропологическихъ вліяній между Индокитаемъ и Малайской областью, Микронезіей и Полинезіей. Изъ индонезійскихъ племенъ Малайской области заслуживаютъ наибольшаго вниманія два самыхъ чистыхъ типа: *батаки* на о. Суматрѣ и *даяки* на о. Борнео, воздѣлывающіе рисъ и занимающіеся разведеніемъ свиней, собакъ и куръ. Охота на человѣческія головы, украшеніе ими общинныхъ домовъ, заостриваніе зубовъ—неразлучные народные обычаи этихъ этническихъ группъ. «Прибрежные даяки скорѣе откажутся отъ своего имущества, чѣмъ отъ коллекціи череповъ, накопленныхъ ими самими и ихъ предками». У батаковъ существуетъ канибализмъ, который они практикуютъ по отношенію къ преступникамъ. Приговореннаго къ смертной казни привязываютъ къ столбу, мужчины метаютъ дротики, и когда кто-нибудь смертельно его ранитъ, всѣ

бросаются съ ножами на жертву, вырываютъ изъ его тѣла куски мяса, посыпаютъ ихъ солью, жарятъ на приготовленномъ заправкѣ лимонномъ соку и пожираютъ. Враговъ, взятыхъ съ оружіемъ въ рукахъ, они разрывали на части живьемъ. Въ прежнее время люди передъ смертью вѣзали на дерево; родственники ихъ, тряся это дерево, пѣли: «плодъ созрѣлъ, пусть падаетъ!», а когда «плодъ» падалъ, то бросались на него и разрывали на части. Не смотря на то, что батаки охотятся на человѣческія головы и среди нихъ распространено людоедство, они, однако, народъ способный, имѣютъ собственные письмена и всѣ грамотны. Въ настоящее время они сами выдѣлываютъ кремневые ружья и порохъ. «Каждая хижина у батаковъ, благодаря способу постройки и затруднительному доступу, представляетъ собою маленькую крѣпость, и лѣстница, ведущая къ двери ея, на ночь снимается. Деревня тоже походитъ на крѣпость, окруженную частоколомъ, кустарниками и заостренными бамбуковыми палками. Такая деревня—самостоятельное государство. Сосѣднія деревни цѣлыми годами враждуютъ между собою; въ виду этого военнаго положенія населеніе не выходитъ за предѣлы своей деревни безъ необходимыхъ мѣръ предосторожности. Всегда можно опасаться врага, подкарауливающаго жертву въ засадѣ, чтобы убить ее и снять голову, безъ различія пола и возраста». Хижины иногда достигаютъ очень значительныхъ размѣровъ, такъ какъ имѣютъ по 600 футовъ длины и 25 ширины. Въ такихъ домахъ черезъ всю длину тянется мужская спальня, изъ которой 40—50 дверей ведутъ на другую половину, раздѣленную на столько же помѣщеній съ очагами—для женщинъ и дѣтей каждой супружеской четы. Дома стоятъ на сваяхъ, достигающихъ иногда до 20 футовъ высоты. Основою общественной организаціи является *марга*, т.-е. группа, члены которой не могутъ вступить между собою въ бракъ; принадлежность къ маргѣ переходитъ по мужской линіи. Марга имѣетъ общую землю, а отдѣльный членъ пользуется только своимъ участкомъ; всякій членъ марги отвѣчаетъ за поступки остальныхъ членовъ. Законодательная власть принадлежитъ общему собранію; сановники являются только исполнителями его рѣшеній.

Малайско-индонезійскіе народы, населяющіе Филиппинскій архипелагъ, выдѣлили изъ себя мадагаскарскихъ говасовъ и часть населенія Маріанскихъ острововъ, которая въ послѣдствіи слилась съ остальнымъ микронезійскимъ населеніемъ этихъ острововъ. Сами жители филиппинскихъ острововъ представляютъ необычайную смѣсь негритосскаго, монголоподобнаго и индонезійскаго типовъ. На о. Люсонъ мы сперва встречаемъ мелкія группы негритосовъ, далѣе они въ смѣшеніи съ малайскимъ типомъ дали новую разновидность—*азтасовъ*, которые,

скрещиваясь съ китайцами, дали племя *шорротовъ*, а съ малайцами—племя *тагаловъ*. Племя *бикололовъ* получило отъ скрещиванія не-гритосскихъ, китайскихъ и малайскихъ типовъ, племя *бисоевъ* отъ не-гритосовъ, азасовъ и китайцевъ. Племена *шокановъ* и *намтановъ* представляютъ разнородную помѣсь китайскаго типа съ малайскимъ и индонезійскимъ, *тинкваны* и *мароки*—болѣе или менѣе чистые индонезійцы и т. д. Впрочемъ, эта картина расовыхъ отношеній на Филиппинскомъ архипелагѣ является повтореніемъ того, что происходитъ во всей Малайской области.

Микронезійскіе народы, которыхъ Уайтманъ называлъ собирательнымъ именемъ «Тарапоновъ» (соединивъ нѣкоторые слогъ названій слѣдующихъ микронезійскихъ острововъ: Таравы, Понапо и Эбоно) представляютъ такое же смѣшеніе. Микронезійскіе архипелаги состоятъ изъ множества мелкихъ и низменныхъ коралловыхъ островковъ, напр. Каролинскій—изъ 400—500, разсѣянныхъ на пространствѣ 30 географическихъ градусовъ, но занимающихъ поверхность всего въ десять квадратныхъ миль. Вслѣдствіе малонаселенности отдѣльныхъ этихъ острововъ малѣйшая расовая примѣсь сразу бросается въ глаза. Поэтому каждый островокъ становится здѣсь центромъ возникновенія особеннаго типа метиса, тѣмъ болѣе, что, благодаря отсутствію горъ, сталкивающіеся типы вынуждены истребить другъ друга или же слиться. Влнзость Н. Гвинеи содѣйствовала переселенію сюда меланезійскихъ элементовъ; съ Филиппинскихъ же острововъ нахлынули разноцвѣтныя волны метисовъ. Различные элементы сталкивались на каждомъ островѣ въ самыхъ разнообразныхъ отношеніяхъ, и такимъ образомъ каждый островъ получалъ различную фнзномію. Впрочемъ черные элементы самые многочисленные; индонезійскіе же, которые явились сюда не только съ Филиппинскихъ острововъ, но и изъ Полинезін черезъ арх. Джильберта, незначительны. На о. Понапѣ расположенъ меланезіецъ; къ востоку и къ западу короткоголовость растетъ сообразно съ числомъ не-меланезійскихъ элементовъ. Въ среднемъ указатель ширины черепа на о. Джильбертѣ составляетъ 75,1; на Маршалскихъ о-вахъ—76,1; на о. Понапѣ—72,2; на о. Мартлокѣ—74; на о. Рукѣ—73,6; Япѣ—78,5; на Пелаускихъ островахъ—83,8. Меланезійскія черты обнаруживаются прежде всего въ цвѣтѣ лица, рѣдко въ свойствахъ волосъ; на о. Рукѣ, гдѣ длинноголовость (у 204 живыхъ мужчинъ У. ш. ч. составляетъ 69,4; у 20 череповъ—72) свидѣтельствуетъ о значительной меланезійской примѣси, только 5% населенія имѣетъ курчавые волосы. Впрочемъ окраска кожи и свойство волосъ различны почти у каждаго индивида. Въ лингвистическомъ отношеніи эти острова мало изслѣдованы; повиднмому, населеніе Микронезін говоритъ на языкахъ, чуждыхъ индонезій-

ской семьѣ языковъ. Что же касается тарапоновъ, то, благодаря трудамъ Кубараго, ихъ общественный строй добросовѣстно изслѣдованъ. Населеніе очень густое; на группѣ Тарава, на пространствѣ 7 кв. миль,—по недостаточнымъ впрочемъ свѣдѣніямъ,—живетъ 60 тыс. чело-вѣкъ; на Маршалскихъ на 2 кв. миль,—11 тыс. Кокосовая пальма составляетъ для нихъ самый важный источникъ существованія. На о. Понапѣ жители истребили свинью, единственное свое домашнее животное, такъ какъ она портила ихъ плантаціи. Для удобренія земли женщины собираютъ на морскомъ берегу пѣну. Даже ихъ военное между-племенное право не позволяетъ портить плантацій. Каждый островъ составлялъ обыкновенно самостоятельное политическое цѣлое. Впрочемъ, автономія бываетъ еще значительнѣе: напримѣръ на о. Понапѣ было 5 самостоятельныхъ общинъ; на о. Кусаѣ, насчитывающаго 1,200 жителей—12, правда, образующихъ общую федерацію. Основною общественной организаціи служила группа, ведущая свое начало отъ общей прародительницы. Членамъ этой группы браки между собой были воспрещены. Наслѣдство—по женской линіи, и поэтому съ вымираніемъ женщинъ прекращается самое существованіе группы. На Пелаусскихъ островахъ общественный строй представляется въ слѣдующемъ видѣ: *обокуль*, т. е. старѣйшій мужчина, равно какъ и старѣйшая женщина въ группѣ (*блай*) управляютъ ею дѣлами. Всѣ остальные члены, мужчины и женщины, распределены сообразно своему возрасту въ іерархическомъ порядкѣ. По смерти обокуля каждый членъ подвигается выше на одинъ номеръ, а же 1 занимаетъ мѣсто обокуля и дѣлается управляющимъ имуществомъ, принадлежащаго группѣ и состоящаго изъ полей и дома. Изъ всѣхъ членовъ группы только одинъ обокуль имѣетъ свой собственный очагъ въ общемъ домѣ, гдѣ живетъ его жена и всѣ женщины; остальные мужчины только урывками, и то днемъ, остаются въ домѣ своего обокуля или своей жены; днемъ они ловятъ рыбу, носятъ дрова, а ночью проводятъ въ общей мужской хижинѣ. Вообще мужчина играетъ здѣсь второстепенную роль. Въ домѣ обокуля или своей жены онъ является только въ качествѣ гостя, ночью спитъ въ общемъ домѣ, предназначенномъ исключительно для мужчинъ, такъ какъ этого требуетъ обычай; въ хижинѣ тестя онъ даже ложа не разделяетъ со своей женой, но долженъ ухаживать въ шалашѣ, стоящій въ сторонѣ, пока наконецъ самъ не сдѣлается обокулемъ. Общественная жизнь поглощаетъ его; самостоятельнаго индивидуальнаго существованія онъ не знаетъ: все въ обществѣ и все для общества. Группа людей, извѣстная подъ именемъ *блай* на о. Мартлокѣ, занимаетъ всю деревню, и каждая взрослая женщина имѣетъ здѣсь свою собственную хижину, а на Пелаусскомъ архипелагѣ въ деревнѣ обыкновенно нѣсколько блаевъ, которые распределяются въ такомъ

же іерархическомъ порядкѣ, какъ и члены отдѣльнаго блая. Обокули составляютъ сельское управленіе и опять-таки образуютъ іерархію, соотвѣтствующую іерархіи представляемыхъ ими блаивъ. Всѣ мужнины селенія распределяются по собраніямъ, называемымъ *кальдебекелами*. Въ основаніе устройства ихъ положена приблизительно та же система, какъ и въ устройствѣ блая. Каждое собраніе помѣщается въ собственномъ домѣ, въ которомъ всегда ночуютъ его члены; они имѣютъ свои лодки, дрова и свиней. Кромѣ этихъ собраній и домовъ, гдѣ помѣщаются отдѣльные блаи, существуетъ еще въ селеніи общинный домъ для засѣданій совѣта и для гостей. Очерченный нами общественный строй устанавливаетъ неизмѣнный порядокъ. Каждый членъ имѣетъ свое опредѣленное мѣсто и обязанности. Всѣ доходы—общіе и дѣлятся между членами сообразно указанной іерархіи. «Не можетъ быть рѣчи здѣсь о раздѣленіи народа на сословія и классы, такъ какъ всѣ блаи между собою равны. Возрастъ и союзы—вотъ тѣ главнѣйшія начала, которые легли въ основаніе пеллаускаго строя. Члены совѣта охраняютъ обычное право и пользуются властью только въ этомъ объемѣ. Случается однако рѣдко, чтобы къ нимъ обращались, такъ какъ всѣ помнятъ свои права, и если кто нибудь будетъ пойманъ, напр. на кражѣ свиньи, то самъ назначаетъ себѣ соотвѣтственное наказаніе. Члены совѣта наблюдаютъ за тѣмъ, чтобы общинные дома, плотины и дороги содержались въ порядкѣ, расходъ покрываютъ изъ собственныхъ средствъ; они не имѣютъ никакихъ внѣшнихъ отличій, но лично каждому извѣстны; при обращеніи къ нимъ каждый долженъ садиться на землю,—исключеніе составляютъ только женщины. Кальдебекели составляютъ въ то же время и основу военной организаціи; они соперничаютъ другъ съ другомъ въ приобрѣтеніи славы. При каждомъ изъ нихъ существуетъ *арменголь*, кружокъ дѣвушекъ, своего рода школа для нихъ, по выходѣ изъ которой онѣ вступаютъ въ браки. Нѣсколько деревень иногда образуютъ союзъ для взаимной помощи, образуя опять таки соотвѣтственную іерархію. Мать лишаетъ невинности дочь свою по достиженіи возмужалости и облегчаетъ ей вступленіе въ связь поочередно со всѣми членами другихъ блаивъ даннаго населенія; затѣмъ, дѣвушка вступаетъ въ арменголь и, наконецъ, по истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ, выходитъ замужъ, чтобы дать своему племени потомство.

Уайтми удачно назвалъ полинезийскую группу *савайорами* (*самоанцы, гавайцы, маоры*). На основаніи народныхъ эпическихъ сказаній савайоровъ, мы можемъ опредѣлить, въ какихъ направленіяхъ расселялся индонезіецъ. Напримѣръ, тонгане заселили Маркизскій архипелагъ, самоанцы—о-ва Раратонга и Таити. Нѣкоторые же острова получили свое населеніе изъ различныхъ мѣстностей:

такъ напр., Сандвичевы о-ва были заселены жителями о-въ Маркизскихъ и Таити. Архипелаги Тонга и Самоа—первоначальные центры этихъ переселеній—сами же, повидимому, получили свое индонезійское населеніе или, вѣрнѣе, населеніе малайско-индонезійскихъ метисовъ съ островка Буру, находящагося по сосѣдству съ Целебесомъ. Эта колонизація продолжается еще до сихъ поръ; напр., недавно на необитаемый островъ Тубузъ занесены были изъ разныхъ мѣстностей три лодки, потерпѣвшія крушеніе, вслѣдствіе раннихъ вѣтровъ; онѣ принадлежали племенамъ различныхъ о-въ. Индонезійцы уже застали во многихъ мѣстахъ меланезійское населеніе, явившееся сюда ранѣе. Новозеландскія преданія упоминаютъ о «лѣсныхъ духахъ» чернаго происхожденія, и въ настоящее время еще 30% туземнаго населенія имѣютъ курчавые волосы и папуасскія черты лица. Черные элементы попадаются также на о-вахъ Таити, Тонга и Сандвичевыхъ. Здѣсь существовало крѣпостное сословіе, отъ котораго дворяне отличались своимъ ростомъ, полнотою и кожейными болѣзнями, свѣтлымъ цвѣтомъ лица и прямыми волосами. Слѣды первоначальнаго чернаго населенія встрѣчаются даже на о. Св. Пасхи. Впрочемъ, если бы вторженіе европейцевъ послѣдовало нѣсколькими вѣками позднѣе, то о-ва Фиджи и Новогбридскіе очутились бы въ такомъ же положеніи, въ какомъ находятся, напр., о-ва Тонга и Сандвичевы.

Вообще савайоры представляютъ сильное смѣшеніе чернаго, бѣлаго и желтаго типа, хотя не въ одинаковой степени. Желтые элементы больше всего имѣли вліяніе на строеніе черепа и цвѣтъ кожи, и очень мало на черты лица; послѣднія подверглись въ болѣе значительной степени вліянію черной крови, которая отразилась и на цвѣтѣ и свойствѣ волосъ. Бѣлый типъ рѣзко обнаруживается въ чертахъ лица савайоровъ. Это скрещиваніе въ болѣе или менѣе постоянной формѣ вызвало полинезийскій типъ, отличающійся короткимъ и низкимъ черепомъ; между тѣмъ какъ длинный и высокій черепъ свидѣтельствуетъ о существованіи чисто меланезійскихъ элементовъ. О-ва Тонга и Раратонга населены преимущественно полинезийскими племенами; о. Помоту имѣетъ населеніе съ ясно выраженнымъ меланезійскимъ типомъ; о-ва же Маркизскіе и Таити—смѣшанное. Что же касается полинезийскихъ языковъ, то они очень сходны, такъ что житель Таити очень скоро привыкаетъ понимать родственныя нарѣчія маркизское или новозеландское и говорить (?) на нихъ.

Пищей здѣсь служили животныя, привезенныя человѣкомъ въ лодкахъ, а именно свинья, собака, крыса и курица. Впрочемъ на нѣкоторыхъ островахъ, напр. на о. Новой Зеландіи, часто опускался недостатокъ въ свиньяхъ, и вообще число ихъ было незначительно.

Вслѣдствіе этого тщательно разводили крысъ, которыхъ только одни вожди имѣли право убивать. Быть можетъ людоедство находилось въ нѣкоторой связи съ недостаткомъ животныхъ. Оно особенно было распространено на о. Новой Зеландіи. Рыбы и черепахи, которыя иногда разводились въ искусственныхъ прудкахъ, и затѣмъ хлѣбопашество были главнѣйшими источниками существованія. Кто посадилъ 10 хлѣбныхъ деревьевъ, тотъ имѣлъ обезпеченное существованіе на всю жизнь. Къ этому растенію надо еще прибавить кокосовую пальму, бананъ и таро. Орошаемыя и хорошо содержимыя плантаціи разстилались отъ берега до подножія горъ. Нѣкоторые острова представляли видъ сплошнаго сада. Островъ Раратонга не что иное, какъ гора, окруженная со всѣхъ сторонъ узкой полосой плантацій, такъ устроенныхъ, чтобы каждый участокъ можно было по желанію и самостоятельно орошать. Вдоль берега шла плотина шириною въ 80 футовъ съ главною тропою, усаженной бананами и другими деревьями такъ, что здѣсь всегда было прохладно, даже въ полдень. Хижины туземцевъ были расположены на 10—30 шаговъ отъ главной тропы, и къ ней вели другія тропинки, усыпанныя крупнымъ пескомъ и усаженные таро. Вдоль главной тропы передъ каждымъ участкомъ положены были соответственно отесанные камни для сидѣнія; «здѣсь,—говоритъ хозяинъ участка—сидѣли мой отецъ, дѣдъ или такой-то вождь». Главнымъ оружіемъ были палицы. На о. Новой Зеландіи ихъ дѣлали изъ яшмы, и онѣ зачастую были крѣпче желѣза. Онѣ изготовлялись въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, каждая имѣла свое имя, и ее воспѣвали въ пѣсняхъ. Кромѣ палицы еще были различной величины метательныя копья, кинжалы, пращи, каменные и деревянные топоры и продувныя стволы. Выдѣлывали они простые, но изящныя маты, украшенные правильными рисунками, и тапу, т. е. разноцвѣтную ткань изъ различныхъ волокнистыхъ растеній:—она была иногда длиною въ 150 футовъ и шириною въ 6—9 ф., часто она была заткана цвѣтными перьями. На о. Гавайѣ водится птица, у которой подъ крыльями находятся 1—2 золотистыя перышка, и тапы съ такими перышками требовали много лѣтъ работы, прославлялись въ пѣсняхъ и не разъ служили поводомъ къ войнѣ. Хижины съ рѣзбой были сквозныя, чистыя и внутри устилались матами. Во время народныхъ празднествъ употреблялись блюда длиною въ 6—8 футовъ, шириною въ 1½ и глубиною въ ½ ф., и каждое имѣло свое названіе. Сосуды изъ кокосоваго дерева для черпанія воды были тонкіе, изящные и прозрачныя. Но что особенно заслуживало удивленія, это—ихъ искусство строить лодки изъ цѣльнаго ствола, длиною въ 50 футовъ и шириною въ 1½ ф.; иногда онѣ были двойныя съ плоской палубой. Пищу жарили въ золѣ или въ ямахъ, выложенныхъ камнями;

подавали ее на листьяхъ или на дощечкахъ. Оба пола ходили нагимъ до возмужалости, и затѣмъ опояска и передникъ составляли весь ихъ костюмъ. На празднествахъ они покрывали свои плечи матами или плащами изъ собачьей кожи. У женщинъ волосы были острижены, полнота составляла непрѣмное условіе привлекательности. «Аристократки» вѣсили иногда 300—400 фунтовъ. Мужчины не стригли волосъ и окрашивали всю голову или часть ея въ красный цвѣтъ. Иногда они прокалывали уши и ноздри. Изящная и вѣжная ихъ татуировка, производившая впечатлѣніе костюма, давно обратила на себя общее вниманіе. Эту операцію, довольно опасную для жизни, начинали у жителей о. Таити на десятомъ году жизни, заканчивали на 30. Военноплѣнные теряли право на дальнѣйшую татуировку. Одни образцы татуировки служили указаніемъ принадлежности къ извѣстному племени, а также знакомъ усыновленія; другіе рисунки служили признакомъ общественнаго положенія; третьи, наконецъ, представляли собою записи по договору или замѣтку, напр. — татуировали географическія свѣдѣнія, карту извѣстныхъ острововъ,—и по такой живой книгѣ обучалась молодежь. Были и просто модныя рисунки или такіе, которые удовлетворяли вкусу отдѣльнаго лица, напр. изображеніе воиновъ, мальчиковъ во время сбора плодовъ и т. д. Въ остальномъ же полинезійская техника стояла на низкомъ уровнѣ развитія, вслѣдствіе недостатка металловъ и выюнныхъ животныхъ. Но сколько было изящества, художественности, разнообразія и фантазіи въ этомъ сравнительно небольшомъ богатствѣ издѣлій! Достаточно сравнить грубые рубцы негра съ вѣжной татуировкой новозеландцевъ, «улей» перваго съ изящной хижиной втораго, чтобы понять, какая разница существуетъ между развитіемъ этихъ двухъ группъ чловѣческаго рода. Морскія экспедиціи и война были страстью полинезійцевъ. На утлыхъ своихъ челнахъ они совершали далекія путешествія и уходили за нѣсколько сотъ миль отъ своего архипелага, и это способствовало развитію у нихъ математическихъ и астрономическихъ познаній. Ихъ войны напоминаютъ описанія Гомера и Вальтеръ Скотта. Сначала изъ рядовъ противниковъ выступали самые храбрые воины, гордо провозглашали свои имена и вызывали на поединокъ враговъ, чтобы стяжать новые лавры и принести врага въ жертву богамъ. Постепенно битва охватывала всѣхъ. Пѣвцы ободряли воиновъ. «Затоите ихъ, какъ волны затопляють подводные рифы, поражайте ихъ, какъ молнія!» Зачастую такіе пѣвцы падали безъ чувствъ отъ утомленія. На о-вахъ Таити перваго плѣннаго посвящали богамъ: поднимали его на копья и несли предъ войскомъ, затѣмъ жрецъ предсказывалъ побѣду, глядя на предсмертныя его муки. Побѣдители гнали предъ собой побѣжденныхъ, убивали населеніе, срубили хлѣбныя деревья и кокосо-

вья пальмы, собирали павших своих товарищей и хоронили их въ общей могилѣ. Когда на о. Новой Зеландіи осаждаемые не имѣли пищи, осаждающіе посылали имъ съѣстные продукты, чтобы они боролись, какъ мужчины, а не околѣвали съ голоду! Но рыцарскія чувства не уменишали варварства. Захваченныя въ плѣнъ дѣти приводились въ морая, т. е. храмы, и подвергались мучительной смерти. Преданіе рассказываетъ, какъ возникли нѣкоторые военные обычаи, напр. извлеченіе мозга изъ череповъ непріятелей на арх. Кука и принесеніе его въ жертву богамъ. Случилось какъ-то, что воинъ ударомъ палицы лишилъ чувствъ врага, котораго встрѣтилъ въ полѣ, и тотчасъ-же, согласно обычаю, онъ удалился въ храмъ принести жертву изъ листьевъ хлѣбнаго дерева, затѣмъ повелѣ товарищей на мѣсто единоборства, но здѣсь уже не нашелъ никого, такъ какъ врагъ, очнувшись, вернулся къ своимъ и тамъ сочинилъ юмористическіе стихи на опрометчиваго богатыря. Съ тѣхъ поръ изъ черепа врага извлекаютъ мозгъ... Эти войны возбуждаютъ месть, дѣлаютъ племена кровожадными и способствуютъ увеличенію людоедства. «Большія рыбы пожираютъ маленькихъ, люди ѣдятъ собакъ, собаки—людей и самихъ себя, птицы—однѣ другихъ, боги—боговъ, почему-же люди не могутъ ѣсть людей?» На о-вахъ Таити и Сандвичевыхъ людоедство сохранилось въ условномъ смыслѣ: только однимъ вождямъ вмѣнялось въ обязанность ѣсть съѣдающе души, т. е. лѣвый глазъ приносимой богамъ жертвы. Впрочемъ, своимъ непостояннымъ нравомъ полинезійцы напоминаютъ ребенка, но со страстями взрослого человѣка и съ необычайно воспримчивымъ умомъ. Они также отличались сильною чувственностью. Въ обществѣ жители тихоокеанскихъ о-вовъ прекрасно приспособились къ окружающей ихъ средѣ. «Полчаса времени было для нихъ достаточно, чтобы построить хижину изъ стволовъ и листьевъ банана и добыть огонь треніемъ. Мы послали туземца за фруктами, а онъ уже самъ по пути сплететъ для нихъ кокосовую корзинку. Такъ же легко сдѣлаетъ онъ мать. Одежду онъ всегда имѣетъ подъ рукою: листъ банана охраняетъ его отъ дождя, вѣнокъ защищаетъ его отъ палящихъ лучей солнца. Изъ бамбуковаго дерева въ одинъ мигъ онъ сдѣлаетъ чашу; можно было потребовать ножъ, топоръ, ложку, зубную щетку, и требованіе было въ мигъ исполнено». Дѣтямъ передавали уже различныя необходимыя свѣдѣнія по мореплаванію, географіи и астрономіи, и они одновременно учились ходить и плавать. Женщины часто, въ ожиданіи бури, съ младенцами на плечахъ бросались для забавы въ морскую пучину, или спускались внизъ по водопаду со значительной высоты. Море было ихъ излюбленной стихіей. Они устраивали игры въ морѣ, причѣмъ раздѣлялись на двѣ партіи, перебрасывались огромными камнями, ныряли попеременно на

10 футовъ глубины, чтобы достать ихъ, и оставались подъ водой иногда 4 минуты. Нѣкоторые ныряли на 15 сажень глубины. Они отличались большою чистоплотностью. Образъ жизни ихъ былъ слѣдующій. Съ разсвѣтомъ они купались, намазывали тѣло кокосовымъ жиромъ и послѣ завтрака принимались за работу. Въ полдень слѣдовало вторичное купанье и обѣдъ. Остальное время дня проходило въ посѣщеніяхъ и бесѣдахъ; передъ ужиномъ купались третій разъ, и если стояла лунная ночь, то они долго плясали и пировали. Нельзя поэтому удивляться, что философы конца XVIII ст., узнавъ объ этихъ подробностяхъ ихъ жизни, идеализировали бытъ дикарей. Міросозерцаніе ихъ соотвѣтствовало окружающимъ условіямъ. Особенно интересно, какъ на ихъ понятіяхъ отразилось прибытіе европейцевъ. Солнце восходить и заходить много-много лѣтъ, но островитянинъ кругомъ себя ничего не видитъ, кромѣ соплеменниковъ, небольшой родины-островка и безграничнаго воднаго пространства, надъ которымъ покорится сводъ небесный. Но вотъ показывается бѣлая точка на горизонтѣ, она постепенно увеличивается, превращаясь въ огромное судно съ мачтами и парусами, какое никому не могло присниться. Можно себя представить, съ какими лихорадочнымъ нетерпѣніемъ островитяне поджидали судно и какое удивленіе выразилось на ихъ лицахъ при видѣ тысячи различныхъ предметовъ. Это неожиданное посѣщеніе островитянъ европейцами произвело цѣлый переломъ въ ихъ понятіяхъ и взглядахъ. Но чудесная «пирог» съ странными людьми скоро уходитъ и оставляетъ по себѣ только воспоминаніе, которое живетъ однако очень долго». Жители островка Факаафо (длинною въ 2 мили и шириною въ одну) знали только два сосѣдніе, еще меньшіе острова; изъ нихъ одинъ имѣлъ 120 жителей и 30 хижинъ; поэтому неудивительно, что свой островъ они называли *Fanua Lea*, т. е. «великая земля». Они считали себя единственными обитателями міра. Понятно, что ихъ очень удивили явившіеся къ нимъ незнакомцы. Имъ казалось, что это небожители, и поэтому они не рѣшались взойти на судно, опасаясь, что оно ихъ увезетъ на небо. Жители же архипелага Раратонга слышали уже о бѣлыхъ до ихъ появленія, такъ какъ буря однажды загнала къ нимъ лодку съ таитянами, которые рассказали имъ объ особенныхъ людяхъ, *кукахъ* (имя извѣстнаго путешественника Кука перенесли на всѣхъ европейцевъ), проводящихъ на морѣ по нѣсколькимъ саяцевъ, словно на землѣ, и имѣющихъ лодки, скрѣпленныя не кокосовой бичевкой, а *куримой*, т. е. желѣзомъ. Куки—это народъ безбожный, который ничего не уважаетъ, входитъ въ морая и ѣстъ даже жертвенные фрукты. Когда же раратонги спросили ихъ, почему они не прогнали пришельцевъ и не взяли ихъ сокровищъ, то получили въ отвѣтъ, что

куки могущественны, какъ боги, и имѣютъ длинныхъ «попугаевъ», которые выбрасываютъ изъ себя огонь и «камни» и убиваютъ прежде, чѣмъ успѣешь бросить въ нихъ копьѣ. Съ тѣхъ поръ заинтересованные этими разсказами раратонги молятъ боговъ, чтобы они послали имъ куковъ. Наконецъ появляется желанный корабль; одинъ болѣе отважный островитянинъ подплываетъ и взбирается на него. По возвращеніи онъ передаетъ своимъ соплеменникамъ слѣдующее: это лодка на подобіе плавающего острова съ двумя садами и двумя рѣками, якорь ея достигаетъ дна; онъ нырять, но не нашелъ его. — Стоитъ только обратить вниманіе на психологическій процессъ усвоенія ими новыхъ понятій. Нашихъ животныхъ они приравнивали къ извѣстнымъ имъ уже животнымъ, напр. на о. Таити извѣстна была свинья, собака и крыса. Поэтому быкъ получилъ названіе: *buaa-toro*, длинношейной свиньи; лошадь: *buaa-horo-fenua*, быстроногой свиньи; коза: *buaa-niho*, свиньи съ руками на головѣ; обезьяна: *uri-tuata*, собаки-человѣка; кошка: *ioro-arifore*, крысы, лазающей по крышѣ.

Населеніе было довольно густое. Исключеніе представляла только Новая Зеландія. На архипелагѣ Таити и Самоа приходилось 1,200—2,000 человекъ на квадратную милю. На Сандвичевыхъ о-вахъ насчитывалось 300 тысячъ жителей, на Таити—240 тыс., слившихся въ одинъ народъ. Неразвитая техника вмѣстѣ съ ограниченностью средствъ существованія препятствовали приросту населенія и вызвали обычай дѣтубійства. На о-вахъ Сандвичевыхъ и Таити не допускалось, чтобы родители имѣли больше, чѣмъ 2—3 дѣтей, въ противномъ случаѣ младенца душили; если же онъ прожилъ четверть часа, то онъ имѣлъ право на существованіе. Военныя силы населенія были несоизмѣримо велики. Такъ арх. Таити снаряжалъ флотилію изъ 159 большихъ и 70 малыхъ лодокъ, экипажъ которыхъ составлялъ 20% всего населенія; арх. Тонга выставялъ до 70,000 воиновъ. Нѣкоторые архипелаги дошли уже до представленія о народномъ единствѣ; на о-вахъ Сандвичевыхъ существовали рынки, пошлины, значительное раздѣленіе труда и такіе пункты, которые славилась своимъ производствомъ. Но свѣдѣнія наши относительно общественнаго строя полинезійцевъ и религіознаго ихъ культа очень сомнительны. «Что собственно намъ извѣстно,—основательно замѣчаетъ Бастіанъ,—о могущественномъ народѣ, занявшемъ почти $\frac{1}{4}$ поверхности земного шара? Въ описаніяхъ путешественниковъ, посвященныхъ Полинезій, мы находимъ отрывки мифологическихъ разсказовъ, собранныхъ на различныхъ архипелагахъ, да и то только такихъ, которые напоминаютъ заурядныя народныя творчества. Все это свалили въ одну кучу, и, конечно, получилась въ результатъ такая смѣсь, какъ будто кто-нибудь соединилъ въ одно цѣлое наши религіозныя представленія,—житія свя-

тыхъ и всякія народныя суевѣрія, какъ образчикъ европейскаго міросозерцанія! Что же касается Полинезій, можно сказать, что религія ея населенія только затронута въ литературѣ, такъ какъ по этому вопросу имѣется лишь нѣсколько отрывковъ въ сочиненіяхъ немногихъ писателей; между тѣмъ всѣ теперь утверждаютъ, что пробѣлы уже слишкомъ поздно восполнить, такъ какъ люди, помнящіе преданія, вымираютъ». То же слѣдуетъ сказать и о различныхъ описаніяхъ общественнаго строя. Исключеніе составляетъ только самоанское общество и нѣсколько другихъ. На архипелагѣ Самоа «семья» служила основаніемъ общественной организаціи; она имѣла свой домъ для общихъ собраній и патріарха, достоинство котораго однако не было наследственнымъ: «правда, сынъ иногда наследовалъ отцу, но могъ также наследовать ему и дядя или какой-нибудь другой старшій въ семьѣ». Въ то же время этотъ санъ не былъ и пожизненнымъ, такъ какъ если патріархъ дѣйствовалъ вопреки рѣшеніямъ «семьи», то терялъ свое положеніе. 10—20 семействъ, т. е. 300—500 человекъ, составляли деревню, патріархи же—правлящій совѣтъ. Изъ своей среды онъ назначалъ военнаго вождя, имѣвшаго только то преимущество, что на пирахъ ему предоставлялись лучшіе куски. Сельскій сходъ контролировалъ дѣятельность совѣта и вмѣстѣ съ тѣмъ являлся законодательнымъ органомъ. 8—10 деревень составляли округъ, управляемый вождемъ, однимъ изъ сановниковъ, избраннымъ изъ числа остальныхъ, которые въ свою очередь составляли совѣтъ при немъ и контролировали его. Всѣ дѣла, касающіяся округа, разрѣшались на общемъ собраніи всѣхъ мужчинъ. Округовъ было 10, и ихъ вожди избирали изъ своей среды 2—3 сановниковъ для управленія всѣмъ архипелагомъ. Подобное общинное устройство было основаніемъ общественной организаціи на о. Св. Пасхи, на Маркизскомъ арх., на о. Новой Зеландіи и на архипелагахъ Ротума и Раратонга. Общественный же строй на арх. Тонга, насколько можно судить по описанію, напоминалъ собою извѣстный уже намъ пелаусскій строй, но приспособленный къ болѣе многочисленному населенію и отличавшійся отчасти теократическимъ характеромъ. Впрочемъ, трудно сказать что-нибудь опредѣленное объ общественномъ строѣ жителей о. Тонга. Одинъ путешественникъ увѣряетъ, что тамъ наследовали имя и имущество отъ матери, и что сынъ не считался родственникомъ своего отца; другой же, напротивъ, упоминаетъ о существованіи права отца. Въ общемъ строй этотъ представлялся въ слѣдующемъ видѣ. Вожди (*эги*) имѣли помощниковъ и совѣтниковъ (*матабуловъ*), выбравшихся изъ младшихъ сыновей эговъ и наблюдавшихъ за исполненіемъ обычаевъ. Ниже ихъ стояли *мум*, сыновья и братья матабуловъ; они составляли свиту эговъ и подъ

руководством матабуловъ устраивали народныя торжества и прислуживали на нихъ, также учили народъ астрономіи, географіи и религіи, строили лодки и, наконецъ, распоряжались похоронами; *туи*, младшіе братья и сыновья муевъ, распадались на вышнихъ, изготовлявшихъ сѣти, каменные орудія, строившихъ дома и занимавшихся татуировкой, — и низшихъ, обрабатывавшихъ землю и приготавливавшихъ пищу. Послѣ смерти муя и матабула ихъ мѣста занимали туя и муя. Деревни соединялись въ округа, округа же въ острова, какъ административное дѣленіе, и, наконецъ, всѣмъ архипелагомъ управлялъ совѣтъ вождей; всѣ они жили на одномъ островѣ, и часть ихъ вѣдала гражданскія дѣла, другая — военныя. Всѣмъ же руководилъ верховный жрецъ, туитонга, къ которому приносили больныхъ для исцѣленія, отправляли часть осенней жатвы и т. д., но онъ въ свою очередь подчинялся власти своихъ тетокъ. Вожди различныхъ деревень, острововъ и архипелага были распределены по разрядамъ, въ качествѣ дѣдовъ, сыновей, братьевъ и т. д.: напр., эги изъ класса «внуковъ» сидѣли рядомъ съ мумъ, эги котораго принадлежали къ классу «дѣдовъ». Этотъ общественный строй трудно себѣ въ точности уяснить, но онъ несомнѣнно представляетъ собою дальнѣйшее социологическое развитіе пелаусскаго строя, соединяющаго политическую организацію съ особенной организаціей производительнаго труда. Между тѣмъ на о-вахъ Таити и Сандвичевыхъ мы находимъ монархическій феодализмъ въ связи съ крѣпостничествомъ: короля и королеву всегда носили сановники, такъ какъ король могъ ходить только по собственной своей землѣ, если же онъ вступалъ на чужую землю, то онъ немедленно становился ея собственникомъ, и смерть ожидала всякаго, кто осмѣливался ступить на его тѣнь. Свѣдѣнія о формѣ поземельной собственности на этихъ островахъ очень скудны. Повидимому на о-вахъ Сандвичевыхъ и Таити земельная собственность находилась въ частномъ владѣніи, на о. же Новой Зеландіи и Самоа составляла общинную собственность. Женщина имѣла голосъ на собраніяхъ и пользовалась совершенной свободой въ половыхъ отношеніяхъ до тѣхъ поръ, пока не вступала въ бракъ. Мужчина и женщина жили иногда врозь; мужчины спали въ общинномъ домѣ, или также отдѣльно отъ женщинъ, даже варили пищу на другомъ огнѣ и въ другихъ горшкахъ. Когда сынъ появлялся на свѣтъ, то отецъ принималъ его имя и считалъ его выше себя на томъ основаніи, что сынъ имѣетъ больше предковъ. Табу, какъ полицейско-религіозное учрежденіе, примѣнялось отдѣльными членами для защиты индивидуальныхъ правъ и властями для соблюденія общихъ интересовъ. Такъ, напр., табу налагалось на поля, когда созрѣвали плоды, на свиней и куръ послѣ большихъ пиршествъ, на пойманную общими усиліями рыбу до дѣлежа и т. д. На

о. Таити на предметы, охраняемые табу, клали плетенку въ видѣ ящерицы и др. животныхъ. Это означало, что эти предметы отдавались подъ покровительство боговъ-животныхъ, исполнявшихъ такимъ образомъ функціи полиціи. О религіи этихъ островитянъ, не смотря на то, что наука имѣетъ въ своемъ распоряженіи уже много ихъ мнѣній, ничего достовѣрнаго сказать нельзя. На о-вахъ Самоа каждая семья, деревня и округъ имѣли своихъ боговъ-покровителей въ видѣ различныхъ животныхъ. Если соответственное животное появилось вблизи деревни, то въ честь его приносили жертвы; если же находили это животное мертвымъ, то торжественно хоронили его и устанавливали трауръ. Изображеніями своего животнаго-покровителя они украшали лодки и знамена; употреблять его мясо въ пищу строго воспрещалось, и если случалось, что бѣлые принуждали вождей ѣсть его, то они дрожали при этомъ отъ страха. Эти обычаи распространены въ Полинезій; они напоминаютъ американскій тотемизмъ. Впрочемъ, небо въ ихъ представленіяхъ было отраженіемъ того, что происходило на землѣ; поэтому тонганскіе боги распадались на эговъ, матабуловъ и муевъ.

VIII.

Общая характеристика бѣлыхъ типовъ. — Строеніе семитическихъ языковъ; первобытный общественный строй семитовъ и ихъ антропологическій типъ. — Языки хамитическіе; кабилское общество; хамиты въ антропологическомъ отношеніи. — Средиземная раса и ея распределеніе. — Антропологическая статистика итальянскаго населенія. — Успѣхи палеонтологіи на берегахъ Средиземнаго моря (кроманьонецъ).

Названіе: «бѣлые типы» распространяется на множество довольно различныхъ народовъ, имѣющихъ однако нѣсколько общихъ чертъ, а именно: мягкіе, длинные волосы, иногда вьющіеся, болѣе или менѣе богатую растительность на лицѣ, выдающійся и сравнительно узкій носъ, незначительный прогнатизмъ и наконецъ цвѣтъ лица, переходящій въ смуглый, но всегда съ румянцемъ. Поэтому только эта раса употребляетъ бѣліла и румяна. Мы видѣли уже, что бѣлые типы, въ видѣ остатковъ, встрѣчаются въ сѣверо-восточномъ углу Азіи и сѣверо-западномъ Америки, что они разбросаны тамъ и сямъ въ Японіи и Индокитаѣ, и что наконецъ они въ качествѣ идонезійцевъ еще чаще встрѣчаются на островахъ Борнео и Суматрѣ и въ Полинезій. Эти остатки, важные для насъ, какъ свидѣтельство того, что нѣкогда распределеніе антропологическихъ типовъ на земномъ шарѣ было совершенно другое, въ настоящее время однако составляютъ среди бѣлой вѣтви человѣчества, насчитывающей 40—45% всего населенія земного шара, лишь небольшую частицу. Бѣлые типы,

принадлежащие к семитической, хамитической и арийской группам языков, а также мало исследованным кавказским, по преимуществу населяют Европу, северную Африку и переднюю Азию, в последние время Америку. Но лингвистическое единство типов несколько еще не влечет за собой антропологического; таким образом под одной ветвью языков, арийских или семитических, скрываются огромные расовые различия как в физическом, так и в духовном отношении, и заранее нельзя утверждать, чтобы они произошли только впоследствии, благодаря дифференциации одного и того же первоначального типа.

На первый взгляд белая ветвь народов представляется нам более сложной, чем остальные, но на самом деле расовые осложнения вбродно здесь не больше; только белые типы лучше исследованы. Это обстоятельство позволило глубже вникнуть в пеструю расовую мозаику белых народов, выделить из нея не только важнейшие типы, но и второстепенные; в то же время оно позволило привести до некоторой степени в связь прошлое с настоящим в антропологическом отношении и т. д. Сравнительное же богатство деталей способствовало возникновению предразсудка, что белая ветвь народов в виду своей цивилизации представляет типы более смешанные и сложные, нежели прочие ветви народов.

Семитические языки представляют любопытное образование корней, так как они всегда состоят из трех, иногда четырех согласных. Гласные играют второстепенную роль в корнях; они служат лишь для образования производных слов. От корня *qtl* образуются напр. следующие слова: *uqtl* приказал убить; *maqtilun* убить; *quatl* убийство; *quatala* убивает; *qutila* был убит; *quill* смертоубийство; *teqtoli* убейте; *qutili* были убиты; *quill* смертоубийственно. Словом, согласные в семитических языках походят на змью, которая хотя и может извиваться самым разнообразным образом, однако в предлах, соответствующих ее позвоночнику, так как число позвонков всегда неизменно. Каким образом явилось столь странное единообразное строение корней из трех согласных, к которому можно свести и незначительное количество корней, состоящих из четырех согласных? Этот вопрос остается до сих пор неразрешенным. Живые и мертвые семитические языки скорее наречия, чем самостоятельные языки. На многих из них уже не говорят, а те, которые сохранились в Аравии, Сирии, северной Африке и Абиссинии, происходят от арабских наречий и возникли уже в нашу эру, благодаря арабскому вторжению. Языковедение выделяет из семейства семитических языков северную и южную ветви. Первая, к которой относится ассирийско-вавилонский и хал-

дейско-еврейский языки (на последнем говорили финикийцы и карфагеняне), сохранилась в виде оазисов, окруженных со всех сторон арабскими языками, а именно: халдейская на берегах озера Урмия, сирийская в окрестностях Дамаска. Южная арабская ветвь положила начало современным языкам: сирийскому, египетскому и магрибскому (тунисо-мароккскому), наконец в различные времена и абиссинским наречиям. При помощи сравнительно-лингвистических изысканий старались определить первоначальные местопребывания семитов. С одной стороны ученые пришли к тому заключению, что колыбелью семитов должна быть не Аравия, а Месопотамия, потому что на всех языках этой ветви существует один и тот же корень для обозначения «рѣки», и нѣтъ корня для обозначения «пустыни»,—далѣе, существуют одни и те же корни для обозначения верблюда, собаки, осла, козы и овцы, ячменя, бобов, пшеницы и чеснока, но нѣтъ корней для обозначения фауны и флоры пустыни (страуса и пальмы); с другой стороны, антропологическія изыскания показывают, что Месопотамия не могла быть колыбелью семитов, так как на зарѣ исторіи ее населяло дравидообразная ветвь кушитовъ, темно-коричневой окраски, съ мясистыми, как у негровъ, губами, низкого роста, съ длиннымъ и узкимъ носомъ, съ густыми, курчавыми, но не пушистыми волосами; это племя въ болѣе раннемъ періодѣ исторіи широко раскинулось и быть можетъ достигало тѣхъ частей Африки, которыя заселены неграми. Какъ бы то ни было, несомнѣнно, что въ историческія времена Аравія служила постоянной рассадницею семитовъ. Уходя изъ этой страны, они всегда превращались въ воинственныхъ пастуховъ. Стада овецъ, козъ, ословъ и верблюдовъ служили для нихъ источникомъ существованія, лошадей же, съ которою они познакомились лишь впоследствии, они пользовались для совершенія грабежей; молоко и финики главнѣйшая ихъ пища. Мясо они ѣли рѣдко. Земледѣіемъ они занимались рѣдко и небрежно. Основною общественной организаціи является группа родственниковъ, имѣющихъ общаго предка, имя котораго она носитъ, и солидарныхъ между собою, такъ что каждый отвѣчаетъ за всѣхъ и обязанъ мстить за обиду, нанесенную члену группы. Она владѣетъ извѣстной территоріей, на которой кочуетъ и изъ предѣловъ которой не выходитъ, если не желаетъ подвергнуться опасности войны. Каждая семья кочевала на этомъ пространствѣ самостоятельно, не теряя ради собственной безопасности изъ виду другихъ. Въ случаѣ гибели всей группы, за исключеніемъ одного человѣка, последнему принадлежало бы право собственности на всю территорію. Власть шейка чисто нравственнаго характера, безъ всякаго права на принужденіе. Индивидуальная свобода ограничена только внѣшними условіями. Пустыня

способствовала образованію у бедуиновъ особеннаго междуплеменнаго права; такъ, несмотря на то, что кровавая месть вмѣнялась въ обязанность до 10-го и послѣдующаго поколѣнія, однако, если кто успѣлъ хотя бы только коснуться палатки своего врага, то онъ считался уже его гостемъ и пользовался совершенною безопасностью. Кое-гдѣ нѣсколько группъ переходило къ осѣдлому образу жизни. Въ такомъ случаѣ онѣ селились по близости другъ отъ друга; съ теченіемъ же времени, когда эти отдѣльныя селенія разрослись и превращались въ города, то становились кварталами, однако совершенно независимыми: напр. городъ Джоуфъ, насчитывающій 18 тыс. жителей, образовался изъ 8 селеній. Между кварталами длится иногда вѣками распря, и люди живутъ и умираютъ въ своей части города, не осмѣливаясь выйти за предѣлы ея. Вокругъ такого города возникаетъ государственный строй, который затѣмъ распространяется насильственно на кочующія сосѣднія племена: напр. Джебель Шамаръ состоитъ изъ 86 селеній съ 274 тыс. жителей и съ 166 тыс. кочующихъ бедуиновъ. Этотъ городъ, живущій земледѣліемъ, съ подчиненными ему кочующими племенами, имѣетъ общественный строй, напоминающій еврейскіе порядки временъ судей и первыхъ царей.

Географическія условія создали здѣсь соотвѣтственные племенные особенности. «Воздержаніе бедуиновъ поистинѣ безпримѣрно; мой товарищъ, ежедневно находившійся въ пути по крайней мѣрѣ 5 часовъ, довольствовался 1½ фунтовымъ кускомъ сухого чернаго хлѣба. Бедуинъ въ пустынѣ подкрѣпляетъ свои силы въ теченіе дня двумя глотками воды и двумя горстями жареной муки съ молокомъ. Европейецъ ѣстъ, пожалуй, за шестерыхъ бедуиновъ». «Въ то время, какъ другіе дрожатъ отъ холода, арабъ спитъ босой въ открытой палаткѣ, а въ полуденный зной онъ спокойно дремлетъ на раскаленномъ пескѣ подъ лучами солнца. Однако при благоприятныхъ обстоятельствахъ столь воздержанный арабъ становится обжорливымъ». Безплодная пустыня, холодная ночью, знойная въ полдень, выработала у семитовъ способность приспосабливаться къ чрезвычайно различной температурѣ. Характеръ семитовъ отличается большою нервною и страстностью. Самая обыкновенная бесѣда у бедуиновъ принимаетъ видъ безконечной ссоры». Чистокровный семитъ неспособенъ къ пластическому художественному творчеству; вся ихъ литература состоитъ главнымъ образомъ изъ лирическихъ гимновъ и бѣдна эпическими произведеніями; наука ихъ не что иное, какъ схоластическія построенія, лишенная всякихъ эмпирическихъ основъ; скульптура и живопись имъ неизвѣстны. Въ своихъ убѣжденіяхъ они крайне фанатичны. Семитическая раса вообще отличается энергіей и предпримчивостью. Арабы, напр., въ настоящее время разбѣяны на про-

странствѣ отъ Аравіи до Марокко, отъ сѣверной Африки до большихъ озеръ, отъ Мадагаскара до Малайской области. Дальнѣйшія изслѣдованія быть можетъ обнаружатъ ея присутствіе еще далѣе къ востоку, въ Новой Гвинее, на что уже указываютъ нѣкоторые антропологи. Еще большую роль эта раса играла своими идейными побѣдами. Не смотря на то, что семиты составляютъ лишь одинъ процентъ всего человѣчества, однако число исповѣдующихъ различныя религіи, возникшія въ этомъ племени, простирается до 33% населенія земного шара.

Чѣмъ чище данная семитическая группа, тѣмъ рѣзче выступаютъ въ ней слѣдующія черты: смуглый цвѣтъ лица, темные волосы и глаза, ясно выраженная длинноголовость, продолговатое лицо, небольшой ротъ, сжатые губы, нѣжное строеніе нижней челюсти, подбородокъ, сдвинутый назадъ, тонкій носъ, иногда какъ у хищныхъ птицъ, ростъ средній, нѣжное и стройное тѣлосложеніе, худощавость. Встрѣчаются разновидности этого типа, которыя у насъ даже болѣе распространены; у нихъ члены болѣе мясисты, лицо и носъ шире, ротъ больше, губы толще и челюсти выступаютъ впередъ. Впрочемъ, семитическія племена никогда не состоятъ исключительно изъ этихъ чисто семитическихъ типовъ. Сильнѣе всего примѣсь негритянской крови, рѣзко обозначенной у многихъ варшавскихъ евреевъ. По очень понятнымъ причинамъ мы подробнѣе остановимся на расовыхъ особенностяхъ евреевъ.

Въ жилахъ евреевъ, несмотря на ихъ обособленность, течетъ много не-семитической крови. Въ передней Индіи у нихъ черная окраска кожи; въ Англіи же свѣтлые волосы и голубые глаза, въ западныхъ губерніяхъ Россіи—широкое лицо и «славянской» носъ, соотвѣтственно чертамъ, свойственнымъ окружающему ихъ населенію. По даннымъ, собраннымъ относительно учащихъ въ германскихъ школахъ, совершенно свѣтлые типы, т. е. со свѣтлыми волосами и голубыми глазами, у баденскихъ евреевъ 10,38%, у баварскихъ 10,38%, у прусскихъ 11,23%, у гессенскихъ 11,77%, у брауншвейгскихъ 13,53%. Тутъ посторонняя примѣсь совершенно очевидна. Смуглый, черноволосый и черноглазый типъ представляетъ среди лондонскихъ евреевъ лишь 24%, среди пражскихъ 38,5%. Такимъ образомъ въ Германіи 10% евреевъ, повидимому, принадлежащихъ къ чистому свѣтлому типу или къ метису блондина съ средне-европейскимъ короткоголовымъ типомъ, 30%—40% къ смуглому, остальные же 60%—50% являются въ различной степени метисами двухъ первыхъ типовъ. Но вѣдь и тѣ 30%—40% смуглыхъ типовъ не однородны. Мы тутъ встрѣчаемъ смуглыхъ короткоголовыхъ армянскаго и средне-европейскаго вида, негроподобные типы и наконецъ чисто семитическіе. Сколько же про-

центовъ приходится на послѣдніе? Очевидно, немного. Среди польскихъ евреевъ чуждая семитической расѣ примѣсь болѣе значительна, чѣмъ въ Германіи. Напр. въ Галиціи блондины-евреи составляютъ 14,1⁰/о. Къ тому же выводу мы приходимъ, принявъ во вниманіе значительность короткоголового элемента. Указатель ширины черепа въ среднемъ составитъ у:

47 арабовъ изъ Алжира	76,3	67 минскихъ	евреевъ	82,2
53 " " Бискры	75,0	313 галиційскихъ	"	83,5
10 " " окрестност. Суэда	72,2	100 литовскихъ	"	83,2

У юго-западнаго и польскаго еврея зачастую широкое лицо, широкій носъ, свѣтлыя волосы и сѣрые глаза,—словомъ, черты, доказывающія, что онъ въ сильной степени насыщенъ той кровью, которая течетъ въ жилахъ сосѣдняго деревенскаго населенія. Если же принять во вниманіе статистическія данныя относительно указателя ширины черепа, то онъ пожалуй въ строеніи своего черепа нѣбѣтъ болѣе польскихъ или западно-русскихъ элементовъ, чѣмъ древне-еврейскихъ. Посторонняя примѣсь по всей вѣроятности относится къ различнымъ эпохамъ.

Хамитическіе языки, встрѣчающіеся въ сѣверной Африкѣ, представляютъ множество сходныхъ чертъ съ семитическими языками, какъ въ отношеніи мѣстоимѣній и образованія множественнаго числа, рода и отглагольных формъ, такъ и въ отношеніи своего строенія. Здѣсь мы видимъ то же строеніе корней изъ согласныхъ, какъ и въ семитическихъ языкахъ, хотя не столь устойчивое. Однако, оно слишкомъ характерно, чтобы можно было объяснить это явленіе случайностью, тѣмъ болѣе, что хамиты поселились вблизи семитовъ. Впрочемъ, языки хамитической группы народовъ въ сравненіи съ языками семитической отличаются очень значительной дифференціаціей. Къ хамитическимъ языкамъ принадлежатъ слѣдующіе: древнеливійскій и древнеегипетскій, который сохранился еще у коптовъ. Въ настоящее время на хамитическихъ языкахъ говорятъ главнымъ образомъ горныя земледѣльцы: берберы и кабилы Алжира и Марокко, абиссинское простонародье, загнѣтъ богосы на плоскогоріяхъ восточной Африки, окруженные хамито-семитическими метисами: данакилами вдоль побережья и сомалисами. Оазисы западной Сахары населены туарегами, оазисы центральной Сахары—племенами тубу и теда, наконецъ на берегахъ Краснаго моря живетъ разбойническое пастушеское племя беджасы. Въ историческомъ процессѣ обѣ группы представляютъ большіе контрасты. Представители хамитической группы ведутъ болѣею частью осѣдлый образъ жизни и создали такія осѣдлыя культуры, какъ египетская и ливійская. Семиты, напротивъ, ведутъ кочевой и воинственный образъ

жизни, даже когда они усвоили себѣ хамитическій языкъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно будетъ указать на восточный уголъ Африки, гдѣ арабы еще въ IX столѣтіи образовали племена сомалисовъ и данакиловъ, которые ведутъ пастушескій образъ жизни, говорятъ на хамитическомъ языкѣ, въ то время, какъ горныя галласы, съ хамитическою примѣсью, занимаются земледѣліемъ. Алжиръ представляетъ такой же примѣръ: тутъ арабъ постоянно кочуетъ и только въ видѣ исключенія обрабатываетъ поля, питая отвращеніе ко всякому систематическому физическому труду; берберъ же—прекрасный земледѣлецъ, отличается трудолюбіемъ и выдержкою. Это различіе наблюдается въ самомъ отдаленномъ прошломъ. Геродотъ засталъ еще въ оазисахъ земледѣльческое племя аузеновъ, а въ горахъ—максіевъ (*mazir*—тотъ, кто обрабатываетъ поле; кабилы еще въ настоящее время называютъ себя *imazir'ами*). Область же Фецана въ его время населяли кочевыя племена назамановъ, т. е. большихъ и красивыхъ пастуховъ, и гарамантовъ, пастуховъ изъ Гара. Салюстій нѣсколько вѣковъ спустя даетъ такія же свѣдѣнія, различая съ одной стороны горныхъ земледѣльцевъ, мауровъ, (отъ берберійскаго слова *aataur*, т. е. горныя кряжи), съ другой—пастуховъ нумидовъ, «сыновей пространства», т. е. пустыни. Современные порядки сѣверо-западнаго угла Африки являются повтореніемъ прежнихъ, хотя они возникли только въ XI ст., благодаря новымъ вторженіямъ, т. е. и въ настоящее время семиты—кочевники, берберъ—осѣдлый земледѣлецъ. Вторженіе гиксовъ (пастуховъ) въ Египетъ и исходъ оттуда израильтянъ въ земледѣльческую Палестину представляются отдѣльными историческими эпизодами съ одними и тѣми же дѣйствующими лицами. И въ настоящее время хамитическіе кочевники—по преимуществу хамитизированные семиты, какъ въ этомъ убѣждаютъ племена беджасовъ и сомалисовъ. Столь извѣстные въ исторіи берберійскіе (сарацинскіе) набѣги совершались всегда подъ предводительствомъ подвижнаго и фанатичнаго семита; пассивный же и маловпечатлительный кабилъ служилъ только орудіемъ въ его рукахъ. Общественныя отношенія берберовъ-горцевъ отличаются такими же характерными особенностями, какія мы встрѣчаемъ всегда въ горахъ. Берберы распадаются на множество группъ, различныхъ какъ по своему языку, такъ и по своимъ обычаямъ и общественному строю; напр. въ Марокко берберійскихъ племенъ насчитывается до 30, весьма различныхъ по своей численности, такъ что одни выставляютъ всего 300 воиновъ, а другія 18 тысячъ. Остановимся на *имазирахъ*, т. е. «людяхъ съ воздѣланныхъ полей» («полякахъ») Алжира. Основною общественнаго строя является *каруба* (*gens*?), имѣющая выгоны, пастбища и кладбища; въ нѣкоторыхъ случаяхъ она наслѣдуетъ участки, принадлежавшіе умершимъ ея членамъ, и пользуется правомъ выкупа участковъ,

заложенных ихъ собственниками. Дѣвушки не наследуютъ недвижимостей и собственности, чтобы предупредить переходъ ея къ постороннему челоѣку. Каждая каруба имѣетъ свой кварталъ въ деревнѣ и свое собственное мѣсто для сходовъ, гдѣ «мудрецы», старцы, разрѣшаютъ общественные вопросы. Нѣсколько карубъ составляютъ деревню, *тад-дертъ*, въ свою очередь имѣющую общія поля и общее мѣсто для сходовъ, на которыхъ старцы рѣшаютъ вопросы о войнѣ и мирѣ и творятъ судъ и расправу. Бразды правленія находятся въ рукахъ избранныхъ «мудрецовъ», а органомъ высшей законодательной власти является общее собраніе всѣхъ взрослыхъ мужчинъ. Деревня содержитъ вдовъ и сиротъ и уважаетъ обычное право больше, чѣмъ предписанія корана.

Жители деревни сильно привязаны къ своей родинѣ, презируютъ чужіе обычаи, дорожатъ индивидуальной свободой и проявляютъ чувства солидарности. Женщина составляетъ предметъ купли, но имѣетъ право собственности на произведенія своего труда. Сабатъ слѣдующимъ образомъ характеризуетъ кабилскій общественный строй: «абсолютное равенство всѣхъ предъ всѣми, скрѣпленное равнымъ для всѣхъ избирательнымъ правомъ, личная свобода, защищаемая общимъ единеніемъ всѣхъ членовъ карубы, обычай и организація софъ составляютъ основаніе общественнаго строя (каждая деревня распадается на двѣ софы, т. е. группы, участіе въ которыхъ зависитъ отъ собственнаго желанія членовъ. Эти общественныя партіи защищаютъ своихъ членовъ и искусственной своей борьбой препятствуютъ застою общественной жизни). Вездѣ существуетъ вооруженное сопротивленіе противъ всякаго произвола, насилія и несправедливости и въ то же время—институтъ *анайя*, въ силу котораго даже врагъ деревни можетъ пользоваться ея покровительствомъ. Такимъ образомъ обеспечивается мирное разрѣшеніе серьезныхъ столкновеній. Автономія деревни ревностно охраняется. Въ нѣдрахъ этой маленькой республики, чуждой вышнимъ вліяніямъ, племенные особенности строго оберегаются». Отдѣльныя деревни образуютъ союзы, *архи*, преслѣдующіе исключительно экономическія цѣли. Они имѣютъ общій рынокъ, гдѣ представители каждой деревни въ определенное время располагаются подъ сѣнью деревьевъ и обмѣниваются своими произведеніями. Эти же деревни образуютъ и другіе союзы, наступательно-оборонительные, такъ называемые *таравиты*, которые во время опасности избираютъ общаго военнаго вожда. Таковъ напр. наступательно-оборонительный союзъ Айтъ-Аисса, захватывающій область вдоль горной долины на протяженіи 82 к. м.; онъ насчитываетъ 12 деревень и 2.000 ружей.

Имаиры воздѣлываютъ финики, просо, пшеницу, кукурузу и ячмень; на ряду съ хлѣбопашествомъ скотоводство играетъ значи-

тельную роль. Что же касается общественнаго строя кочевниковъ хамитовъ, то онъ мало отличается отъ общественнаго строя бедуиновъ.

Въ антропологическомъ отношеніи хамиты представляютъ пеструю мозаику типовъ. Напр. племя тебуне что иное, какъ хамитизированные негры, сомалисы—хамитизированные семиты и т. д.

Въ послѣднее время были предприняты подробныя антропологическія изслѣдованія въ Тунисѣ, которыя обнаружили въ типахъ туземнаго населенія присутствіе, кромѣ негрптанскаго и семитическаго, еще 5 другихъ типовъ, въ томъ числѣ длинноголоватаго блондина, двухъ короткоголовыхъ типовъ, родственныхъ смуглымъ короткоголовымъ Европы, и двухъ смуглыхъ длинноголовыхъ. Исторія сохранила воспоминаніе о двухъ нашествіяхъ блондиновъ на сѣверную Африку: о нашествіи вандаловъ во время великаго переселенія народовъ и о другомъ, относящемся, по египетскимъ сказаніямъ, къ XV столѣтію до нашей эры, когда блондины, выступивъ изъ Ливіи, совершили нападеніе на Египетъ. Блондины распределены среди берберовъ крайне неравномѣрно. У берберовъ въ Риффѣ отношеніе ихъ къ brunetамъ составляетъ 2 къ 3, въ Константинѣ 1 къ 9. «Здѣсь, т. е. у риффскихъ берберовъ, очень часто встрѣчаются лица со свѣтлыми, какъ ленъ, или съ красноватыми волосами и съ голубыми глазами; многіе изъ нихъ, благодаря короткой своей шеѣ, овальному или круглому лицу, выдающимся скуламъ, сильно напоминаютъ нашихъ сѣверо-германскихъ крестьянъ». Среди другихъ берберійскихъ племенъ блондины не встрѣчаются.

Семитическіе и хамитическіе народы, какъ мы видѣли, представляютъ собою культурно-лингвистическія группы. Объ единствѣ антропологическомъ не можетъ быть и рѣчи. Тѣмъ не менѣе, преобладающимъ типомъ является здѣсь смуглый длинноголовый. Антропологическія изысканія обнаружили, что все побережье Средиземнаго моря занято множествомъ болѣе или менѣе родственныхъ между собою типовъ, имѣющихъ нѣсколько общихъ чертъ, а именно: смуглый цвѣтъ лица, темные волосы, черные глаза, средній ростъ, ясно выраженную длинноголовость,—и составляющихъ какъ бы разновидности одной и той же основной расы, которая извѣстна теперь подъ названіемъ средиземной или смугло-длинноголовой. Измѣренія, произведенныя надъ черепами различныхъ представителей этой расы, даютъ слѣдующія среднія цифры для указателя шприны черепа:

у 60 испанскихъ басковъ .	77,6	у 76 современ. сардинцевъ	72,8
„ 26 гуанчевъ	75,5	„ 12 сицилійцевъ	73,9
„ 28 корсиканц. (XVIII ст.)	75,2	„ 53 берберовъ изъ Бискры.	75,0
„ 9 древнихъ сардинцевъ.	72,5	„ 19 арабовъ изъ Алжира .	74,0

у 10 арабовъ суэзскихъ . . . 72,2	нѣсколько череновъ доисто-
„ 118 древнихъ египтянъ . . . 75,3	рическаго (железнаго въ-
„ 12 коптовъ 76,39	ка) Кавказа 71,55

а измѣренія, произведенныя надъ живыми, даютъ слѣдующія цифры:

у 100 сардинцевъ 73,6	у 108 кабиловъ изъ Бискры . 76,7
„ 32 „ 74,2	„ 184 „ „ Палестро 76,4
„ козенцевъ (Калабрія) . . . 77,5	„ 47 алжирскихъ арабовъ . 76,2
„ месинцевъ 78,5	„ 59 мзабитовъ 77,3

Смуглый цвѣтъ лица въ этихъ областяхъ преобладаетъ, о чемъ ясно свидѣлствуютъ нижеслѣдующія данныя:

		с в ѣ т л ы е		т е м н ы е	
		глаза	волосы	глаза	волосы
среди 254 салернцевъ 26	%	3,5	%	62,2	%
„ 47 грековъ ?		—		83	94,9
„ 1767 „ 6,9	голуб.	} 3,62	72,6	90,4	
„ „ 19,48	сѣрые				
„ испанцевъ сѣверо-американской арміи 33,9		23,3	41,2	74,6	

Вышеописанные длинноголовые типы смѣшаны между собою и съ другими въ самой разнообразной степени.

Исслѣдованія француза Вэрно, произведенныя надъ жителями Канарскихъ о-въ, превосходно иллюстрируютъ это смѣшеніе типовъ. Каждый островъ Канарскаго архипелага въ расовомъ отношеніи не похожъ на другой и представляетъ много особенностей; такъ на о. Тенерифъ мы видимъ помѣсь свѣтловолосыхъ кроманьонцевъ (?) съ семитами, съ преобладаніемъ первыхъ; затѣмъ, на о. Пальмѣ—преобладаютъ семиты; далѣе, на о. Гомерѣ на ряду съ семитами попадаетъ короткоголовый типъ, мало еще изслѣдованный, встрѣчающійся также и въ Тунисѣ и, въ качествѣ одного изъ элементовъ населенія, на о. Тенерифъ; на о. Канаріи существуютъ всѣ три типа и сверхъ того еще какой-то четвертый и т. д. Распределеніе смуглаго длинноголового типа до сихъ поръ еще мало изслѣдовано; за исключеніемъ одной Италіи, гдѣ установленъ ростъ рекрутовъ и указатель ширины черепа (Рудольфъ Ливи сдѣлалъ 10.034 измѣренія, Калери болѣе 2.000). Различіе между приальпійскимъ населеніемъ и населеніемъ южныхъ провинцій бросается въ глаза. Именно, процентное отношеніе указателя ширины черепа составляетъ:

	ниже 70	71—75,9	76—80,9	81—85,9	86—90,9	выше 90
въ Иврѣ (горист. часть Ломбардіи)	—	—	0,9%	14,0%	57%	28,8%
въ Козенцѣ (средняя Калабрія)	1,8%	20%	62%	12,7%	2,7%	—

Вообще указатель ширины черепа понижается по направленію къ югу и самое большое количество короткоголовыхъ приходится на западную Ломбардію, особенно же на юго-западную гористую ея часть, въ окрестностяхъ Иврѣ; длинноголовые занимаютъ Сицилію и Сардинію. Въ Римѣ и его окрестностяхъ живетъ очень смѣшанное насе-

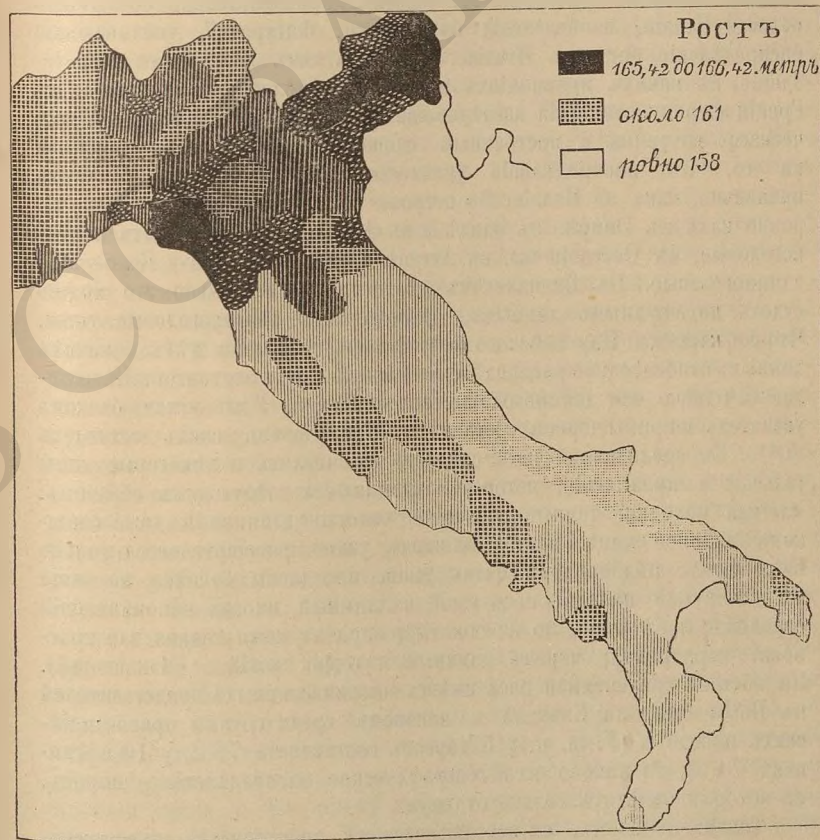

Рис. 7.

леніе. Географическое распределеніе населенія Италіи по росту дополняетъ картину; такъ, ростъ въ 1,62 метра идетъ рука объ руку съ короткоголовостью «лигурийскаго» и «кельтскаго» типовъ; ростъ въ 1,65 метра свойствененъ длинноголовымъ блондинамъ, населяющимъ главнымъ образомъ слѣдующіе города и ихъ окрестности: Ве-

нецію, Флоренцію и Лукку. Самый низкій ростъ встрѣчается у длинголовыхъ брюнетовъ. За отсутствіемъ статистическихъ данныхъ о цвѣтѣ глазъ и волосъ, невозможно получить дѣйствительнаго представления о расовыхъ особенностяхъ населенія Аппенинского полуострова. Однако, принимая во вниманіе, что блондины въ Италіи отличаются самымъ высокимъ ростомъ, мы можемъ приблизительно обозначить области Италіи, изобилующія блондинами. Фигура 7, указывающая распределеніе роста въ Италіи, вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ намъ представление, въ какихъ провинціяхъ вѣроятно преобладаютъ блондины. Въ Греціи антропологическія изслѣдованія только-что начаты. Строеніе греческаго материка и постоянныя сношенія съ островами повліяли на то, что распределеніе указателя ширины черепа не столь правильно, какъ въ Италіи. На островахъ и среди азиатскихъ грековъ, равно какъ въ Эпирѣ, въ Элидѣ и въ Арголидѣ преобладаютъ короткоголовые, въ Фессаліи же, въ Атикѣ и въ окрестностяхъ Коринфеа—длинноголовые. На Балканскомъ полуостровѣ, насколько это можно судить по скуднымъ даннымъ, преобладаютъ короткоголовые типы. Что-же касается Пиренейскаго полуострова, то у насъ нѣтъ никакихъ данныхъ относительно распределенія тамъ расовыхъ элементовъ. Надо полагать однако, что длинноголовые преобладаютъ. У испанскихъ басковъ указатель ширины черепа составляетъ 77,6, у французскихъ достигаетъ 80%. Къ средиземной расѣ слѣдуетъ причислить и нѣкоторые типы уэльскіе и ирландскіе, которые описываются слѣдующимъ образомъ: «легкая походка; темные и жесткіе волосы; длинное и даже слишкомъ длинное лицо, часто слишкомъ узкое, распирающееся только ниже глазъ; подбородокъ очень узкій, иногда выдающийся, но чаще же сдвинутый назадъ; носъ узкій и длинный, иногда напоминающій еврейскій; лобъ узкій, но не покатый; окраска кожи темная или красновато-коричневая; черепъ длинный и очень узкій». (Макинтошъ). На востокъ средиземная раса имѣетъ многочисленныхъ представителей въ Новороссіи, на Кавказѣ и наконецъ среди группы ирано-индійскихъ народовъ (У. ш. ч. у 5 парсовъ составляетъ 78,2, у 10 афганцевъ 74,9); но каково ихъ географическое распределеніе—вопросъ, на который отвѣтитъ только будущее.

Такимъ образомъ, на зоографическомъ пространствѣ, охватывающемъ всю средиземную область, наука констатировала множество родственныхъ типовъ. Палѣтнологическія изысканія со временемъ болѣе точно определятъ расовую зависимость однихъ типовъ отъ другихъ. Слѣдуетъ отмѣтить, что въ концѣ третичной эпохи, когда человѣкъ уже существовалъ, нѣкоторые африканскія и европейскія страны, прилегающія теперь къ Средиземному морю, составляли одно цѣлое: Гибралтарскій проливъ не существовалъ; современная Мальта и Сици-

лія представляли собой сплошной материкъ, соединявшій Африку и Италію; Эгейское море не существовало. Кромѣ того Англія была соединена съ материкомъ, а равнины сѣверной и восточной Европы находились подъ водой. Уже теперь вполне доказано нѣкоторое родство между древне-эллиническими, япигскими, древне-сицилійскими, финикийскими и семитическими черепами съ одной стороны, и южно-французскими и берберійскими съ другой. Кромѣ того, не слѣдуетъ забывать, что современные лингвистическія отношенія между европейскими народами, заселяющими берега Средиземнаго моря, сложились сравнительно въ позднѣйшій историческій періодъ. Еще на зарѣ исторіи народы, населяющіе Испанію, Сардинію, Корсику, Сицилію, южную Италію и нѣкоторыя части Англіи, были иберійцами, т. е. во всякомъ случаѣ не аріійцами. Языкъ басковъ, быть можетъ, является послѣднимъ остаткомъ этой столь богатой семьи языковъ, родственной, по мнѣнію нѣкоторыхъ, языкамъ, на которыхъ говорятъ берберо-хамитическія племена. Что же касается желанія доказать семитическое происхожденіе этрусской культуры, то отъ него надо отказаться; точно такъ-же слѣдуетъ считать недоказанной гипотезу о семитическомъ происхожденіи пелазговъ. Большого довѣрія заслуживаютъ попытки объяснить названія нѣкоторыхъ испанскихъ мѣстностей ихъ берберійскимъ происхожденіемъ, а греческихъ и въ особенности критскихъ—семитическимъ происхожденіемъ. Повидимому, Греція ранѣе другихъ странъ подверглась вліянію аріійцевъ; сначала нахлынули на нее иллирійцы, затѣмъ еракійцы, которые оттѣснили своихъ предшественниковъ въ горныя долины Балканскаго полуострова, а сами расположились по теченію рѣкъ въ плодородныхъ долинахъ и кромѣ того заняли Фессалію и Беотію, а затѣмъ Малую Азію, гдѣ они образовали множество мелкихъ группъ (каковы: мизійцы, фригійцы, ликійцы); въ Арменіи они встрѣтили другую волну аріійцевъ, шедшую изъ Ирана. Наконецъ позднѣе явились эллины. Въ Италіи аріійцы появились гораздо позднѣе, и палѣтнологія доказываетъ, что они пришли съ сѣвера со стадами воловъ, козъ, овецъ и свиней; что у нихъ была тяжелая повозка, запряженная волами; что одежда ихъ состояла изъ шкуръ и простой ткани, и что одинъ только вождь имѣлъ бронзовый топоръ. Сицилія же, Сардинія и Испанія еще долго въ историческія времена оставались «иберійскими».

Палѣтнологическія изслѣдованія, предпринимаемыя въ западной части средиземной области, убѣждаютъ, что между современнымъ населеніемъ и четвертичной эпохой существуетъ родственная связь, такъ что прошлое является ключемъ для разгадки настоящаго. Особенно повсчастливилось въ этомъ отношеніи кроманьонскому типу.

Въ долинѣ Везеры (притокъ Гаронны), въ эпоху сѣвернаго оленя,

жила длинноголовая раса, называемая теперь кроманьонской, одаренная художественными способностями. Из физических признаков ее известны нам немногие: широкое лицо, узкие глазницы, высокий рост. Это были охотники, стоящие на той же ступени развития, как и нынешние северо-американские индейцы. Следы этой расы встречаются в Бельгии и около Неаполя; это обстоятельство служить доказательством, что некогда эта раса занимала большое пространство. В конце палеолитической эпохи появляются во Франции другие более культурные короткоголовые элементы. Кроманьонец отчасти был поглощен этими новыми пришельцами, отчасти был ими оттеснен. С тех пор этот тип выступает как один из элементов населения южной Франции неолитического и исторического периодов. Несравненно в большем числе он появляется в других местностях неолитической Европы. В Англии в так называемых гробницах *longbarrow* обыкновенно находят черепа длинно-головые; далее, по мнению Ганзена, доисторические шведские и датские черепа имеют тоже родственные черты с этими длинноголовыми, а некоторые антропологи приписывают им кроманьонское происхождение. Но главным образом эта раса встречалась в неолитической Испании (из 9 черепов, найденных в Сеговии, 7 принадлежат этому типу). Характерные признаки этой расы часто выступают в черепах позднейшего времени, а именно в черепах мегалитов в северной Африке и у гуанчев на Канарских островах, которые, как самостоятельная этническая группа, перестали существовать уже два, три века тому назад.

Кроманьонская раса процветала в четвертичный период во Франции, откуда некоторая часть ее вместе с северным оленем переселилась на север — в Швецию и Данию. Вторжение короткоголовых отбросило большую часть кроманьонской расы в Испанию. В настоящее время кроманьонский тип встречается среди населения ландов во Франции, хотя в крайне незначительном числе, и чаще среди басков, корсиканцев, сардинцев и кабилов.

Некоторые считают кроманьонца предком иберийцев и берберов; а в язык басков усматривают остаток его языка. Однако это только предположения, произвольный характер которых доказывается хотя бы неуверенностью, с какою наука определяет внешний вид этой палеонтологической расы. Катрафак изображает эту расу следующим образом: глубоко сидящие глаза глядели сурово, нос был прямой, губы большие, цвет лица смуглый, волосы черные, лоб узкий, стан плотный, грудь мало развитая, руки и ноги сравнительно небольшие. Но в последнем своем труде, руководясь исследованиями Верно, он признает кроманьонца блондином и от них про-

изводить упомянутые светловолосые типы кабилов. Эта перемена взгляда показывает, как самый вопрос о кроманьонской расе еще мало разработан и трудно поддается решению.

IX.

Арийские языки. — Культура и первоначальное расселение арийцев. — Современное европейское население в антропологическом отношении; распределение длинноголовых блондинов и короткоголовых. — Антропологическое прошлое Европы и вторжение в нее короткоголовых. — Первоначальный антропологический тип арийца.

На языках арийских (индогерманских) говорить из населения земного шара; но они продолжают распространяться и охватывают в настоящее время почти всю Европу, за исключением немногочисленных оазисов на востоке, Сибирь, иранское плоскогорье, Переднюю Индию до Виндских гор, Америку, Океанию и даже южную Африку. Современная семья арийских языков распадается на девять групп неодинакового значения. («Арийми», т. е. благородными, называли себя древние индусы и древние иранцы в отличие от покоренных народов).

Группы, составляющие семью арийских языков, следующие: 1) *Индустанская*, самая многочисленная; она имеет 140—160 миллионов представителей в Передней Индии. Эта группа распадается на несколько языков, столь различных между собою, как романские, и на несколько сот наречий. На индусском говорят 61 милл., на языке бенгальском — 22½ милл., на маратском — 10 милл. К этим языкам относятся и цыганские наречия. 2) *Иранская* группа насчитывает 18 милл. представителей. Самый распространенный язык — новоперсидский. На нем говорят в Персии, Кабуле, Герате и простой народ в Бухаре; родственные им языки — следующие: персидский в Хорасане и Гузerate, курдский в области озер Ван и Урмия, язык памирских горцев и осетинский. К этой группе принадлежат во многом несходные языки афганский и армянский. 3) *Греческая* в настоящее время имеет всего 2½ милл. представителей в Греции, в некоторых местностях европейской Турции и Малой Азии. 4) *Албанская* не имеет и 2 милл. представителей на западе Балканского полуострова; это не что иное, как остатки прежней илирийской группы. 5) *Романская* — до 130 милл.; она возникла из латинской. К ней относятся: португальский, испанский, французский, провансальский, итальянский, латинский (500 тыс. в Граубюнденском кантоне и в некоторых местностях Тироля) и на-

конецъ румынскій языка. 6) *Кельтическая* въ настоящее время существуетъ въ видѣ вымпрающихъ оазисовъ. Бретенскіе языки: арморійскій въ Бретани, гальскій въ Уэльсѣ; газлическіе: ирландскій (на чистомъ этомъ языкѣ говоритъ 160 тыс., на смѣшанномъ съ англійскимъ 950 тыс.), ерсійскій въ сѣверо-западной Шотландіи (400 тыс., большинство знаетъ англійскій языкъ), мэнскій на о. Мэнъ; на немъ говоритъ самая незначительная часть населенія. 7) *Германская* — до 120 милл. представителей; изъ древняго скандинавскаго языка образовался датскій, шведскій и норвежскій языки. Готскій языкъ исчезъ. Нижне-германскій языкъ положилъ начало фризійскому, англійскому, нидерландскому языкамъ и нижне-нѣмецкимъ нарѣчіямъ; верхне-германскій. 8) *Литовская*. — На литовскомъ языкѣ говоритъ 1 $\frac{1}{2}$ милл., на латышскомъ 900 тыс. 9) *Славянская*, въ ней отличаютъ западную вѣтвь (въ настоящее время существуютъ языки польскій, чешскій и лужицкій) и юго-восточную (на югѣ болгарскій и сербо-словенскій, а на востокѣ русскіе языки).

Нѣкоторые изъ индо-германскихъ языковъ очень жизненны и постоянно распространяются, напримѣръ, германскій и славянскій; другіе существуютъ въ видѣ остатковъ, спорадически, напр. кельтскій. Впрочемъ, не только такіе языки, какъ англійскій въ германской группѣ и новоперсидскій въ иранской, но даже и цѣлыя группы, напр. индуская и романская — не что иное, какъ простыя жаргонныя нарѣчія, утратившія первоначальное свое строеніе, такъ что они стали непригодны для изученія строенія первобытнаго арійскаго языка.

Почти всѣ арійскіе народы, за небольшимъ исключеніемъ, обладаютъ усовершенствованной техникой, которая уничтожаетъ тѣсную связь между природой и человѣкомъ, существующую еще въ Америкѣ у туземнаго населенія. Человѣкъ сдѣлался до нѣкоторой степени независимымъ отъ естественныхъ условій, но зато попалъ подъ иго техническо-экономическаго строя. Кочевническая подвижность афганца, демократическое общинное устройство памирскихъ горцевъ, кафировъ и курдовъ, отчасти албанцевъ, вотъ — единственные болѣе рельефные примѣры прошлой жизни арійцевъ, обусловленной слабымъ развитіемъ техники. Кафиры (невѣрные) даже самыми незначительными чертами своего быта напоминаютъ жизнь индо-китайскихъ горцевъ. Въ Кафиристанѣ, на пространствѣ 5000 кв. миль, живетъ 100 — 350 тыс. человѣкъ, говорящихъ, по крайней мѣрѣ, на 5 различныхъ языкахъ, распадающихся каждый въ свою очередь на множество нарѣчій, вслѣдствіе того, что каждое ущелье занято отдѣльною группою людей, враждебно относящеюся къ сосѣдямъ. Ненависть къ афганцамъ встрѣчается у всѣхъ кафировъ. «Кафиры» — рассказываетъ афганецъ — «убиваютъ нашихъ, гдѣ только могутъ. Взаимное истреб-

леніе составляетъ главное ихъ занятіе на границѣ ихъ территоріи. Кафиръ до тѣхъ поръ не считается мужчиной, пока не убьетъ врага, и только это даетъ ему право носить на головѣ знакъ возмужалости. Иногда они шайкамъ, при помощи веревокъ, спускаются изъ своихъ горныхъ гнѣздъ, прыгаютъ и карабкаются, какъ козы, изъ засады высматриваютъ прохожаго и нападаютъ на него, кто бы онъ ни былъ. Къ нимъ же еще никто не проникалъ. Не ходи къ нимъ! Ты можешь купить въ Бадахханѣ кафирскаго мальчика, но не надѣйся, что ты могъ бы войти въ предѣлы ихъ страны, даже въ качествѣ освободителя плѣнника. Одинъ афганецъ купилъ молодого кафира, воспиталъ его и оказалъ ему много благодарній; затѣмъ возвратилъ ему свободу и отправилъ къ родителямъ, полагая, что сопутствующіе ему афганцы вернутся невредимыми. Юноша вернулся въ свой домъ, а провожатые его были убиты. Горные проходы усыпаны костями ихъ враговъ».

Сравнительное изученіе корней, обозначающихъ различныя издѣлія и предметы, которые (т. е. корни) встрѣчаются у нѣсколькихъ или всѣхъ арійскихъ группъ, дало возможность съ нѣкоторымъ вѣроятіемъ возсоздать образъ жизни праарійцевъ. Впрочемъ, нѣкоторые изслѣдователи чересмѣрно идеализируютъ ихъ прошлое.

Сопоставленіе названій животныхъ и продуктовъ скотоводства указываетъ на то, что источникомъ существованія праарійцевъ было именно скотоводство. Война предпринималась съ цѣлью увода скота (санскр. *gavirsti* — желаніе имѣть коровъ — война); вождю давали прозвище пастуха (санскр. *gorā* — пастухъ коровъ — царь). Кромѣ того имъ извѣстны были баранъ и коза; они приручили собаку и воздѣлывали ячмень; сомнительно однако, чтобы они занимались горнозаводствомъ. Семья была у нихъ патріархальная; религія состояла въ поклоненіи природѣ, въ особенности небу (*dyaus*, небо, происходитъ отъ того же корня, какъ и *Zeus*, *Jupiter*). Эти данныя свидѣтельствуютъ о томъ, что образъ жизни первобытныхъ арійцевъ напоминалъ собою жизнь современныхъ кафировъ или сомалисовъ. Исходя изъ этихъ положеній, мы можемъ придти къ выводу, что въ самую отдаленную эпоху, относительно которой лингвистика даетъ намъ нѣкоторыя указанія, арійское населеніе насчитывало не болѣе нѣсколькихъ милліоновъ человѣкъ и распалось на множество мелкихъ племенъ, численностью въ нѣсколько тысячъ или нѣсколько десятковъ тысячъ человѣкъ, говорившихъ на болѣе или менѣе различныхъ нарѣчіяхъ. Нѣкоторые изъ этихъ нарѣчій въ теченіе вѣковъ исчезли, другія же положили начало современнымъ группамъ арійскихъ языковъ. Такъ напр. исчезло бракійское нарѣчіе, представители котораго на зарѣ исторіи заняли Балканскій полуостровъ и Малую

Азію и составляли переходное звено между группами греческой и иранской. Впрочем, каждая из современных групп арийских языков образовалась не из одного, а из нѣсколькихъ родственныхъ нарѣчій. Изслѣдуя напр. исторію арийскаго вторженія въ Индію, мы видимъ, какъ одна волна племенъ набѣгаетъ на другую; здѣсь она мало-по-малу сливается съ прежней и съ туземнымъ населеніемъ, давая начало современнымъ индусскимъ языкамъ.

Съ вопросомъ о культурѣ праарійцевъ соединяется еще другой вопросъ: о первоначальной ихъ родинѣ. Подъ вліяніемъ библейскихъ традицій долго искали ее въ Азій, въ Бактріанѣ, затѣмъ въ области верхнихъ притоковъ Оксуса и въ долинахъ западнаго Памира, удаляясь все дальше и дальше, по мѣрѣ того какъ наука разсвѣтала таинственность, окутывавшую эти мѣстности; наконецъ эти невѣрные догадки объяснялись еще ошибочнымъ взглядомъ, будто въ санскритскомъ и зендскомъ языкахъ сохранились въ самой чистой формѣ особенности праарійской рѣчи, и что поэтому необходимо искать родину праарійцевъ гдѣ-нибудь по сосѣдству съ ихъ территоріей. Въ послѣднее время однако многіе возстали противъ этого мнѣнія. «Случилось, что въ Англіи, въ этомъ отечествѣ всевозможныхъ чудачествъ, какой-то оригиналъ напалъ на мысль, что родину праарійцевъ слѣдуетъ искать не въ Азій, а въ Европѣ; одинъ геттингенскій профессоръ присвоилъ себѣ это открытіе; наконецъ, одинъ талантливый франкфуртскій дилетантъ перенесъ колыбель праарійцевъ къ подножію Тавра и начертилъ дальнѣйшія картины ихъ исторіи». Но, несмотря на негодованіе Гана и др., вышеозначенное мнѣніе «оригинала» и «талантливаго дилетанта» пользуется все болѣшимъ и болѣшимъ успѣхомъ въ мірѣ ученыхъ, въ особенности же среди антропологовъ и геологовъ. Множество фактовъ говоритъ за европейскую колыбель арійцевъ. Ирано-индусскія волны шли съ сѣвера, перекочевки иранскихъ группъ въ классическія времена на сѣверъ отъ Чернаго моря (среди скивоовъ; осетины, быть можетъ, являются послѣдними ихъ остатками) равнымъ образомъ указываютъ на этотъ исходный пунктъ. Съ другой стороны, нельзя упускать изъ виду, что вторженіе оракійцевъ направлялось въ Малую Азію съ Балканскаго полуострова, слѣдовательно шло не изъ Азій. Наконецъ и родство нѣкоторыхъ греческихъ и литовскихъ словъ даетъ возможность предположить сѣверное происхожденіе эллиновъ. Присутствіе у различныхъ арийскихъ группъ извѣстнаго числа общихъ корней для обозначенія деревьевъ, животныхъ и метеорологическихъ перемѣнъ указываетъ на фауну, флору и климатъ, соответствующій климату германско-русской равнины (напр. *ψύλλον* = *Eiche* = *Buche* = букъ). Прибавимъ къ этому еще то, что многіе арийскіе корни находятся въ

финскихъ языкахъ и что строеніе нѣкоторыхъ формъ финскихъ склоненій и спряженій напоминаетъ арійское строеніе. Надо слѣдовательно предположить, что финскіе народы, прежде чѣмъ они разсѣялись на современныхъ обширныхъ территоріяхъ, жили недалеко другъ отъ друга, по сосѣдству съ праарійцами, а это въ свою очередь могло быть только на равнинахъ сѣверо-восточной Европы.

Впрочемъ, вопросъ о родинѣ арійцевъ старались разрѣшить на основаніи антропологическихъ данныхъ. Чтобы познакомиться съ этими попытками, слѣдуетъ сперва остановиться на расовомъ антропологическомъ типѣ современныхъ арійцевъ.

Арійцы, занимая различныя области, поглотили самые разнообразныя бѣлые антропологическіе элементы и даже, въ видѣ исключенія, черные въ Передней Индіи. Поглощеніе финскихъ народовъ арійцами въ настоящее время составляетъ повтореніе того, что произошло 20 и болѣе вѣковъ тому назадъ съ народами, жившими по берегамъ Средиземнаго моря. Несомнѣнно, что нѣкогда на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ теперь мы видимъ арійцевъ, жили инныя племена, о чемъ свидѣлствуютъ уцѣлѣвшіе оазисы *баскійскихъ* (около 800 тыс. человекъ въ юго-западномъ углу Франціи и сѣверномъ Испаніи) и *кавказскихъ* племенъ. Двухмилліонное населеніе кавказскихъ долинъ представляетъ настоящее вавилонское столпотвореніе неродственныхъ между собой языковъ; немногіе изъ нихъ принадлежатъ къ арійской семьѣ, хотя большинство ихъ имѣетъ флектирующее строеніе. «Это разнообразіе языковъ невозможно объяснять тѣмъ, что естественныя топографическія преграды обособили живущіе здѣсь народы. Этимъ можно объяснить только разнообразіе нарѣчій, но не языковъ. Гораздо проще и естественнѣе предположить, пока не будетъ доказано противоположное, что кавказскіе горцы представляютъ собою остатки нѣсколькихъ народовъ, которые въ доисторическія времена жили на обширныхъ пространствахъ Азій и Европы. Въ такомъ случаѣ эта горная область была бы не этапнымъ пунктомъ на пути народовъ изъ Азій въ Европу, а убѣжищемъ племенъ, разбитыхъ и отчасти истребленныхъ на равнинахъ». Какъ бы ни произошло антропологическое смѣшеніе, семья арийскихъ народовъ содержитъ въ себѣ самые разнообразные расовые элементы, не исключая даже черныхъ въ Передней Индіи. Мы изучимъ теперь ихъ распредѣленіе, оставляя въ сторонѣ уже рассмотрѣнныя нами территоріи, прилегающія къ Средиземному морю, равно какъ и Переднюю Индію. Кромѣ того, мы должны отказаться отъ изученія типовъ тѣхъ мѣстностей, которыя до сихъ поръ еще не изслѣдованы, какъ напр. азіатскія и восточно-европейскія области. Только для центральной Европы существуютъ цѣльныя указанія, благодаря школьной статистикѣ, собраннымъ частными

лицами даннымъ о цвѣтѣ глазъ и волосъ, измѣреніямъ череповъ и, наконецъ, отчетамъ рекрутскихъ присутствій.

Школьные медико-антропологические отчеты, содержащіе данныя о цвѣтѣ глазъ и волосъ у дѣтей, позволяютъ установить количественное отношеніе свѣтлыхъ и темныхъ типовъ въ Германіи, Бельгіи, Австріи и Швейцаріи. Чистые блондины, т. е. имѣющіе свѣтлые волосы и голубые или сѣрые глаза, составляли:

въ Шлезвигъ-Гольштиніи . . . 43,35%	въ Мекленбургѣ 42,3%
„ Ольденбургѣ 42,7 „	„ Помераніи 42,8 „
„ Ганноверѣ и Брауншвейгѣ 41,0 „	„ Пруссіи 39,75 „
„ Рейнскихъ провинціяхъ . 39,6 „	„ Бранденбургѣ 35,72 „
„ Вестфалии 33,4 „	„ Саксонской провинціи . 36,42 „
„ Вюртембергѣ и Баденѣ . 24,46 „	„ Познани 36,23 „
„ Баваріи 20,36 „	„ Силезіи прусской . . . 29,3 „
„ Эльзасѣ 18,4 „	„ Силезіи австрійской . . 22,2 „

Другими словами, въ Германіи блондиновъ всего больше въ провинціяхъ, прилегающихъ къ Нѣмецкому и Балтійскому морямъ. По направленію же къ югу и западу блондины появляются все рѣже, такъ что напр. среди молодого тирольскаго населенія ихъ всего уже 13,4%.

Діаметрально противоположно распредѣленіе типовъ, имѣющихъ черные волосы и глаза, такъ какъ на сѣверѣ Германіи ихъ чрезвычайно мало, а по направленію къ югу число ихъ постоянно возрастаетъ, на что указываетъ нижеприведенная таблица распредѣленія темныхъ типовъ въ Германіи.

въ Ганноверѣ 7%	въ Пруссіи и Помераніи . . . 9
„ Мекленбургѣ 10%	„ Силезіи прусской . . . 15,61
„ Вестфалии 9	„ Силезіи австрійской . . 18,4
„ Вюртембергѣ 21	„ Саксонской провинціи . 11,0
„ Эльзасѣ и Лотарингіи . 25,21	„ Познани 11,07

«Слѣдовательно уже на основаніи приведенныхъ цифръ можно, не заглядывая въ карту, опредѣлить, гдѣ лежитъ данная провинція». «Вообще сѣверная Германія имѣетъ блондиновъ отъ 43,35% (Шлезвигъ-Гольштинія) до 33,5% (Липпе-Детмольдъ); центральная Германія—отъ 32,5% (Рейс младшей линіи) до 25,29% (Рейс старшей линіи); наконецъ, южная Германія—отъ 24,46% (Вюртембергъ) до 18,44% (Эльзасъ-Лотарингія), въ то время какъ процентъ брюнетовъ колеблется въ сѣверной Германіи между 7% и 12%, въ центральной между 13% и 18% и, наконецъ, въ южной между 19% и 25%». Бельгія отличается еще довольно значительнымъ числомъ блондиновъ, особенно въ фламандскихъ своихъ мѣстностяхъ

хотя темные элементы здѣсь все-таки представлены нѣсколько сильнѣе, чѣмъ въ сѣверныхъ германскихъ провинціяхъ. Но и въ Бельгіи по направленію къ юго-западу число блондиновъ уменьшается. Что же касается до Голландіи, то статистика въ этомъ отношеніи не даетъ никакихъ указаній, но во всякомъ случаѣ эта страна, будучи продолженіемъ сѣверо-германскаго пояса, прилегающаго къ морю, повидому, должна болѣе изобиловать блондинами, чѣмъ Бельгія.

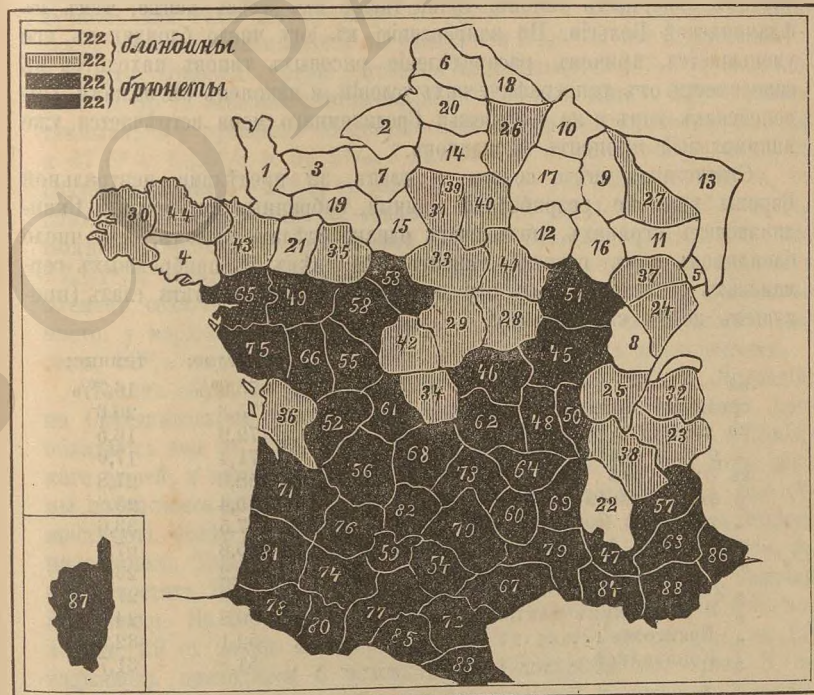

Рис. 8.

Вышеприведенныя цифры страдают тѣмъ, что они относятся къ дѣтямъ, у которыхъ цвѣтъ глазъ и волосъ постепенно темнѣетъ, стало быть они даютъ слишкомъ большой процентъ блондиновъ. Въ болѣе благоприятныхъ условіяхъ находится Франція, такъ какъ тутъ наука имѣетъ въ своемъ распоряженіи данныя, касающіяся уже зрѣлагаго возраста (см. рис. 8). Изъ нихъ видно, что линія, идущая отъ Финис-тера до Савойи, раздѣляетъ Францію на южную часть съ населеніемъ болѣе темнымъ, за исключеніемъ окрестностей Шаранта и лѣваго берега

Роны, и на сѣверную съ населеніемъ сравнительно болѣе свѣтлымъ, за исключеніемъ департамента Котъ-д'Оръ. Сѣверные департаменты, прилегающіе къ морю и такимъ образомъ являющіеся продолженіемъ германскаго прибрежнаго пояса, сравнительно наиболѣе богаты блондинами; къ нимъ слѣдуетъ отнести Морбиганъ и департаменты, прилегающіе къ Эльзасу и Лотарингіи. Вездѣ однако во Франціи блондиновъ меньше, чѣмъ въ германскихъ областяхъ, даже съ наименьшимъ числомъ сѣверныхъ типовъ; точно также ихъ здѣсь менѣе, чѣмъ въ фламандской Бельгіи. По направленію къ югу число блондиновъ все уменьшается, причемъ распредѣленіе расовыхъ типовъ находится въ зависимости отъ топографическихъ условій, и наконецъ въ области Пиренейскихъ горъ и на побережьи Средиземнаго моря встрѣчается уже минимальный процентъ блондиновъ.

Статистика цвѣта волосъ и глазъ за предѣлами центральной Европы еще не разработана. Данныя, собранныя въ Англіи и Скандинавскихъ странахъ, позволяютъ однако сдѣлать выводъ, что число блондиновъ тамъ гораздо значительнѣе, чѣмъ въ прибрежныхъ германскихъ областяхъ. Вотъ эти данныя относительно цвѣта глазъ (процентъ цвѣтъ смѣшанный):

	свѣтлые:	темные:
на о. Скэй	75,6%	16,7%
среди шотландскихъ горцевъ	75,3	26,6
на полуостр. Галловей	72,9	16,5
„ о-въ Шотландскихъ и Оркнейскихъ	71,4	17,0
въ Эдинбургѣ	58,3	27,8
„ южн. Уэльсѣ	45,4	25,8
„ графствъ Сомерсетскомъ	57,5	33,6
на островѣ Аррамарѣ (Исландіи)	75,6	07,8
въ низшихъ классахъ Дублина	62,2	23,1
„ 2 англо-саксонскихъ кантонахъ Ирландіи	59,8	27
„ 4 кельтскихъ кантонахъ Ирландіи	56,8	24
„ Бристоль	52,1	32,9
„ Корнвалісѣ	51,8	31,7

Но Скандинавскій полуостровъ, въ особенности Норвегія, послѣ Исландіи, занимаетъ первое мѣсто въ Европѣ по числу блондиновъ. По даннымъ, собраннымъ докторомъ Арбо, въ Норвегіи въ среднемъ приходится только 2,3% лицъ съ черными глазами, 19,9% — съ черными волосами, 80,9% — съ голубыми глазами и 56% — съ совершенно свѣтлыми волосами. Понятно, что процентъ блондиновъ въ различныхъ мѣстностяхъ Скандинавскаго полуострова неодинаковъ, но въ свою очередь онъ всегда выше, чѣмъ въ тѣхъ мѣстностяхъ Германіи, которыя наиболѣе изобилуютъ блондинами. Что же касается восточнаго побережья Балтійскаго моря, бассейна Вислы и сосѣднихъ

областей къ востоку и югу, то мы данныхъ не имѣемъ. Повидимому, однако, блондины преобладаютъ на всемъ балтійскомъ побережьи и въ сосѣднихъ мѣстностяхъ. Среди эстонцевъ бѣлокурые составляютъ $\frac{1}{3}$ населенія; среди коренного жмудскаго населенія въ шавельскомъ уѣздѣ, по нашимъ собственнымъ наблюденіямъ, людей старше 25 лѣтъ съ бѣлокурыми или свѣтло-русыми волосами — 48%, съ темно-русыми — приблизительно столько же и съ черными — 4%. Въ Вѣлоруссіи получаемъ для тѣхъ же рубрикъ 46%, 48% и 4%. Среди галиційскихъ поляковъ блондиновъ насчитывается 35,4%, среди русскихъ — 24%. Въ Буковинѣ среди русиновъ насчитывается 47,5% съ волосами и 56% глазами свѣтлыми, 52,5% съ волосами и 44% глазами темными; а у румыновъ соотвѣтственныя цифры составляютъ: 35,5% и 47,5%; 62,5% и 52,5%. У малороссовъ въ кievской губ. людей съ голубыми глазами — 16%, съ сѣрыми — 41%, съ темными — 42%, съ свѣтлыми волосами — 29%, темными — 52,5%, съ черными — 10%. Болѣе къ востоку, въ полтавской губерніи брюнеты составляютъ уже 77,61%, вслѣдствіе появленія типа средиземной расы. Среди финскихъ племенъ свѣтлые глаза, но не волосы, встрѣчаются еще довольно часто, у мордвы напр. насчитывается 82% людей съ черными волосами, 52% людей съ голубыми глазами и 35% съ зеленоватыми.

Такимъ образомъ блондины, самые многочисленные въ Исландіи, на Скандинавскомъ полуостровѣ и на Шотландскихъ островахъ, преобладаютъ еще въ Англіи, Даніи и на берегахъ Балтійскаго и Нѣмецкаго морей, и встрѣчаются рѣже среди населенія по мѣрѣ того, какъ мы подвигаемся къ югу, востоку и юго-востоку, хотя кое-гдѣ еще существуютъ болѣе или менѣе значительныя оазисы и полосы съ такимъ населеніемъ. Такіе оазисы мы находимъ въ Андалузій, у кабиловъ, въ окрестностяхъ Венеціи и Флоренціи, вплоть до таджиковъ и гальчей Заравшана. На 56 гальчей приходится 9 человекъ со свѣтлыми волосами, 29 съ такой же бородой и 10 съ голубыми глазами; на 29 таджиковъ приходится 5 человекъ съ бѣлокурыми волосами, 3 съ темными волосами, 13 со свѣтлыми бородами и 6 съ голубыми глазами.

Не слѣдуетъ однако предполагать, что голубые глаза и свѣтлые волосы, встрѣчаемые въ смѣшанномъ типѣ, — признаки чистаго блондина. Дѣло въ томъ, что блондинъ, по мѣрѣ того, какъ онъ разсеялся, скрещивался съ другими расовыми элементами и даетъ самыхъ разнообразныхъ метисовъ, которые наследуютъ чаще цвѣтъ глазъ, чѣмъ волосъ. Благодаря этому обстоятельству, возникъ чрезвычайно многочисленный типъ темно-русого съ сѣрыми или голубыми глазами метиса, столь обыкновеннаго среди славянъ. Этотъ метисъ по большей части короткоголовый, такъ какъ короткоголовость составляетъ такой же вѣрный признакъ происхожденія отъ короткоголоваго типа цен-

тральной Европы, как голубые глаза—признакъ происхождения отъ длинноголового блондина. Другой метисъ, а именно короткоголовый блондинъ, порождается скрещиваніемъ тѣхъ же расовыхъ антропологическихъ типовъ, но только въ другомъ процентномъ отношеніи. Этотъ типъ, не отличаясь ни окраской волосъ, ни окраской глазъ отъ чистаго длинноголового блондина, усложняетъ однако статистику и расовую географію, основанную на цвѣтѣ волосъ и глазъ. Поэтому, чтобы съ ней познакомиться, намъ надо принять еще во вниманіе распределение указателя ширины черепа. Этотъ вопросъ пока мало разработанъ; однако нижеприведенная таблица даетъ нѣкоторое представление о распространеніи короткоголовости въ Центральной Европѣ. Населеніе распределяется относительно указателя ширины черепа слѣдующимъ образомъ:

По западной окраинѣ.		Ниже 75.	Между 75—79,9.	Выше 80.
въ	Бременѣ	25 ⁰ / ₀	50 ⁰ / ₀	25 ⁰ / ₀
„	Боннѣ	12 ⁰ / ₀	46 ⁰ / ₀	42
во	Франкфуртѣ на Майнѣ	11 ⁰ / ₀	32 ⁰ / ₀	57
„	Фрейбургѣ (въ Брейсгау)	0	16	84

По восточной окраинѣ:

среди поляковъ подъ Кенигсбергомъ.	13 ⁰ / ₀	41 ⁰ / ₀	46 ⁰ / ₀
„ поляковъ въ Галиціи	4	16	80
„ чеховъ „	0	18	82
„ кроатовъ „	0,8	19,5	80

Другими словами, короткоголовость усиливается по мѣрѣ того, какъ мы приближаемся къ горнымъ цѣнямъ Центральной Европы и къ востоку. Одновременно съ этимъ явленіемъ, замѣчается, хотя и менѣе значительное, усиленіе процента населенія съ темными волосами и глазами. Достаточно сравнить фризоровъ съ южными баварцами, чтобы въ этомъ убѣдиться.

	У. ш. г.			Цвѣтъ лица.		
	< 75	75—79,9	80—84,9	> 85	Свѣтлый.	Смугл.
У фризоровъ	17,7 ⁰ / ₀	51,3 ⁰ / ₀	29 ⁰ / ₀	16 ⁰ / ₀	14,4 ⁰ / ₀	6,3 ⁰ / ₀
„ южныхъ баварцевъ	0,8	16,1	52,3	30,3	20,3	21,9

Итакъ, въ мѣстностяхъ, лежащихъ у подножія горъ, часто встрѣчаются типы короткоголовые съ болѣе или менѣе темными волосами. Что же касается до глазъ, то типы съ голубыми глазами встрѣчаются здѣсь довольно рѣдко, чаще съ сѣрыми или темными глазами, которые въ горахъ уже преобладаютъ. Съ другой стороны скандинавскій короткоголовый представляетъ собой метиса съ свѣтлыми волосами; смѣшанные свѣтлые короткоголовые типы встрѣчаются

часто въ нижней Баваріи, въ Богеміи, въ Польшѣ. Словомъ, короткоголовые, самые чистые въ расовомъ отношеніи (смуглые), встрѣчаются сплошной массой вдоль линіи отъ Финистера до Савойи и далѣе вдоль горнаго хребта центральной Европы. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ они составляютъ 90⁰/₀ всего населенія. Однако, какъ къ сѣверу, такъ и къ югу, указатель ширины черепа понижается. Распределение во Франціи (см. рис. 9) череповъ различныхъ типовъ

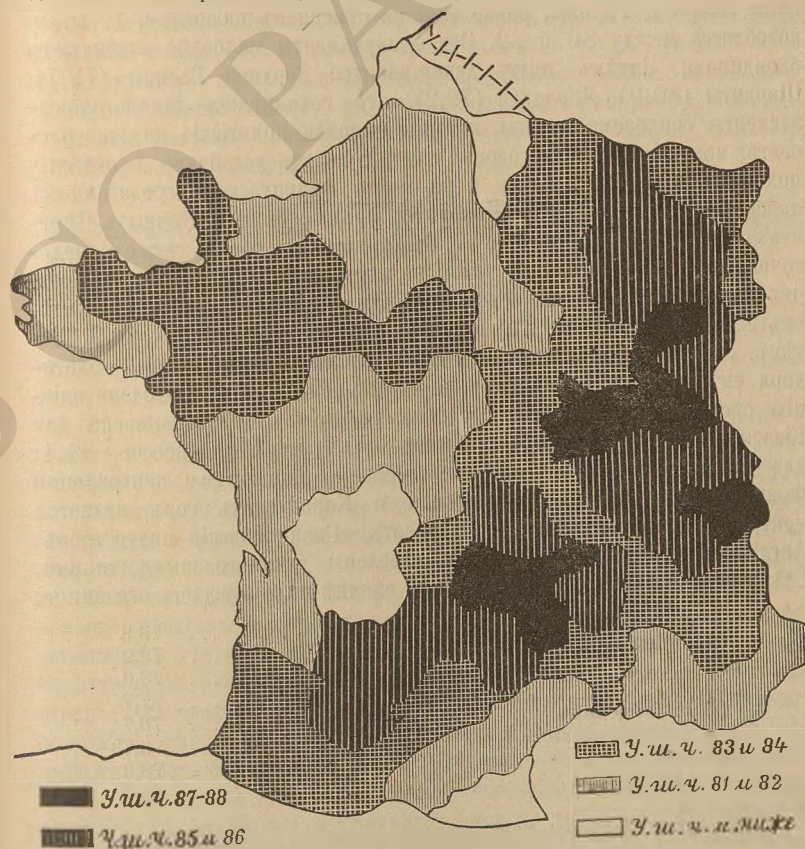

Рис. 9.

таково, что степень короткоголовости пропорціональна высотѣ надъ уровнемъ моря: длинноголовые — самые многочисленные типы тамъ, гдѣ высота надъ уровнемъ моря не превышаетъ 200 метровъ; центрами

же короткоголовыхъ типовъ являются центральныя плоскогорья (въ деп. Верхней Лоары, Кантала и Лозеры У. ш. ч. выше 87, въ деп. Юрскомъ — 88,1, въ Савойѣ — 87,4, въ деп. Саоны-и-Лоары — 87,1, въ Вогезскомъ до 86). Группа короткоголовыхъ вогезцевъ отличается высокимъ ростомъ и свѣтлыми волосами, что объясняется частыми скрещиваніями мѣстнаго населенія съ блондинами; группа центральной Франціи—смуглая. Въ долинахъ Соммы, Сены, Лоары и Гароны, равно какъ на сѣверномъ побережьи, У. ш. ч. колеблется между 80 и 82. Эти департаменты наиболѣе изобилуютъ блондинами. Затѣмъ идутъ департаменты: Верхней Вьенны (79,7), Шаранты (80,9), Дордоньи (79,2), гдѣ сохранились длинноголовые элементы средиземной расы, которые вызвали пониженіе короткоголовости; наконецъ короткоголовые типы довольно устойчиво держатся у подножія Пиренеевъ. Здѣсь и на всемъ французскомъ средиземномъ побережьи У. ш. ч. колеблется около 82, понижаясь въ восточныхъ Пиренеехъ до 78, а на Корсикѣ до 77. Въ Карпатскихъ горахъ также сосредоточиваются короткоголовые типы; по мѣрѣ же того какъ мы отдаляемся отъ нихъ, У. ш. ч. понижается. Такъ для русинскихъ горцевъ мы имѣемъ У. ш. ч. въ 82,8; для русиновъ же въ равнинахъ — 80,9. Затѣмъ, У. ш. ч. понижается отъ Карпатскихъ горъ къ сѣверу—благодаря смѣшенію съ блондинами, и къ Черному морю—благодаря влиянію средиземной расы. Въ среднемъ указатель ширины черепа для Кіевской губ.—82,5; для Полтавской—80,7; для Великороссіи—81,1; для Бѣлороссіи—80,4. Такимъ образомъ плоскогорье центральной Франціи, Юры, Альпы, Балканскихъ и Карпатскихъ горъ является центромъ короткоголовости. Наоборотъ, Скандинавскій полуостровъ, Англія и повидимому Исландія населены длинноголовыми типами. Слѣдующая таблица средняго У. ш. ч. вполне подтверждаетъ сказанное:

5 шотландскихъ	череповъ	73,3
37 англійскихъ	"	76,2
322 " изъ Бристоля	"	78,0
50 " " юж. Уэльса	"	77,7
33 ирландскихъ	"	76,7
5 скандинавскихъ	"	73,73
30 шведскихъ	"	78,3
28 датскихъ	"	80,5

Эта длинноголовость господствуетъ на всемъ нѣмецкомъ побережьи:

у 62 фризцовъ	79,9
" 99 голландцевъ	78,9
" 82 брюссельцевъ	78
" 282 пруссаковъ	79,1

и на Балтійскомъ морѣ (У. ш. ч. 130 финскихъ череповъ=79,6;

100 латышскихъ = 79,9); уменьшается численно на востокѣ и юго-востокѣ (У. ш. ч. 10 московскихъ череповъ=80,8; 30 великорусскихъ=80,6).

Однако, между географическими распредѣленіями свѣтлаго длинно-голового и темнаго короткоголового наблюдается существенное различіе. Въ то время какъ длинноголовые блондины являются исключительно европейской расой, т. е. за предѣлами Европы встрѣчаются только небольшіе ихъ оазисы, короткоголовые аріицы населяютъ Азію сплошной массой. Въ настоящее время довольно трудно уяснить себѣ географическое распредѣленіе этихъ антропологическихъ элементовъ въ Азіи. Извѣстно только, что горцы западнаго Памира въ расовомъ отношеніи довольно мало отличаются отъ жителей Оверни, какъ это подтверждается указателемъ ширины черепа:

	ниже 74,9	между 75—79,9	между 80—84,9	выше 84,9
у 29 таджиковъ	3,4%	20,7%	33%	37,4%
у 86 гальчей	12,5	17,6	59	12

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ короткоголовый блондинъ смѣшался съ длинноголовыми брюнетами средиземной расы и создалъ много смѣшанныхъ типовъ, въ томъ числѣ семитоподобныхъ короткоголовыхъ древней Ассиріи и современной Арменіи.

Впрочемъ, всѣ эти данныя даютъ намъ поверхностное понятіе о географическомъ распредѣленіи антропологическихъ типовъ аріицевъ. Выдѣляются только длинноголовый блондинъ и короткоголовый брюнетъ, какъ главные составные элементы, но скрещиваніе ихъ между собой и съ типомъ средиземной расы остается невыясненнымъ. Сверхъ того слѣдуетъ отмѣтить, что чистые элементы не такъ просты, какъ мы это выше изобразили. Напр. въ короткоголовомъ типѣ уже установлено нѣсколько основныхъ оттѣнковъ. Исслѣдованія обнаружили въ различныхъ мѣстностяхъ, напр. въ долинѣ Мааса, присутствіе особаго короткоголового, именно лапландцеобразнаго. Этотъ типъ такъ характеренъ, что ошибка тутъ немыслима. Его признаки: черные волосы, короткій, приплюснутый, широкій у ноздрей носъ, значительная короткоголовость (У. ш. ч. = 88,4). Въ этомъ есть что-то паталогическое. «Я полагаю, говоритъ Вирховъ, что если нѣкоторыя домашнія животныя и лапландцы напоминаютъ монса, то это обусловливается рахитизмомъ». (Лапландцы кочуютъ со стадами сѣверныхъ оленей въ сѣверныхъ мѣстностяхъ Скандинавскаго полуострова и въ сѣверо-западномъ углу Россіи. Они говорятъ на языкѣ, который принадлежитъ къ финской группѣ. Типъ ихъ представляетъ смѣшеніе главнымъ образомъ съ блондиномъ, причеъ у скандинавскихъ лапландцевъ этой примѣси меньше, чѣмъ у русскихъ. У послѣднихъ 90% лицъ съ свѣт-

лыми глазами и 50% б'блокурыхъ. Статистическія данныя относительно численности этого народа крайне сомнительны; они указываютъ то на 9, то на 30 тысячъ человѣкъ! Отсюда видно, какъ мало можно довѣрять исчисленіямъ первобытнаго населенія).

Сверхъ того, вышеизложенное распредѣленіе типовъ на первый взглядъ какъ будто допускаетъ мысль, что обиліе длинноголовыхъ блондиновъ, короткоголовыхъ смуглыхъ и наконецъ представителей средиземной расы до нѣкоторой степени зависятъ отъ географической широты. Но болѣе точное изученіе вопроса убѣждаетъ, что повліяли и историческія событія. Напр. «Норвегія—страна скалъ; ея побережья изрѣзаны фіордами; долины узкія и разъединены горами, покрытыми густымъ лѣсомъ. Легко понять, что въ виду этихъ условій населеніе распалось на мелкіе, болѣе или менѣе обособленные народцы, которые не только говорятъ на различныхъ нарѣчіяхъ, но и отличаются другъ отъ друга въ физическомъ и духовномъ отношеніи. Однако, эти народцы соединяются и образуютъ большія группы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ассимилируются. Группа длинноголовыхъ представляетъ наибольшее физическое и интеллектуальное сходство. Ростъ здѣсь самый высокій, степень культуры очень значительная, хотя нѣтъ недостатка въ стремленіяхъ аристократическихъ, во всякомъ случаѣ консервативныхъ. Группа среднеголовыхъ, самая многочисленная, составляетъ главную массу населенія страны и вмѣстѣ съ короткоголовыми представляетъ самое большое разнообразіе типовъ. Окраска волосъ менѣе свѣтлая, ростъ тоже зачастую гораздо ниже, прогнатизмъ сильнѣе выраженъ. Антропологическія различія довольно рѣзки; лишь изрѣдка они сглаживаются. Высокія плоскогорія не представляютъ препятствія. Границы идутъ лѣсами или недоступными ущельями, иногда же совпадаютъ съ административными, гражданскими или церковными дѣленіями». Словомъ, распредѣленіе типовъ въ Норвегіи находится въ зависимости отъ историческихъ (административные и приходскіе округа) и топографическихъ условій. Картину подобныхъ отношеній мы встрѣчаемъ и въ другихъ мѣстахъ. Въ Швейцаріи населеніе отдѣльныхъ кантоновъ, напр. Швица, обоихъ Унтервальденовъ и Апенцелловъ, въ антропологическомъ отношеніи рѣзко выдѣляется изъ населенія соседнихъ кантоновъ. Точно такъ же въ Ирландіи окраска волосъ въ отдѣльныхъ провинціяхъ представляетъ различія, которыя вполнѣ соответствуютъ историческимъ событіямъ, именно, въ округахъ:

1) Англосаксонскихъ:

	Свѣтлые.	Темные.
въ Бервикѣ	69,4 проц.	25,6 проц.
„ Лидсѣ	63,5 „	31,8 „

2) Кельтскихъ:

въ Мойтюрѣ	27,1 проц.	66,5 проц.
„ Клифденѣ	25,6 „	70,2 „

Въ Саксоніи округи Бауценъ и Циттау, отличающіеся значительнымъ процентомъ лицъ съ свѣтлыми глазами (18,5% и 24,33%—съ сѣрыми; 42,51% и 30,28—съ голубыми), были въ свое время славянскими (вендскими) землями. Эти факты свидѣтельствуютъ, что европейскія расы не распредѣлены сплошною массою вдоль параллелей, а беспорядочно разбросаны историческими событіями. Впрочемъ, нельзя упускать изъ виду вліяніе городовъ. Мы уже указывали на распредѣленіе свѣтлыхъ и темныхъ типовъ въ Ирландіи. Дублинъ, который лежитъ какъ разъ посрединѣ этихъ двухъ группъ, представляетъ слѣдующія данныя: 49,2% лицъ съ свѣтлыми волосами, 45,6%—съ темными. (Быть можетъ, отъ этого зависитъ и болѣе обиліе темныхъ элементовъ вдоль Рейна и Одера. Кеслинъ имѣетъ 47,37% блондиновъ, Штральзундъ 44,64%, а Штетинъ, расположенный между ними по теченію Одера, только 33,75%).

Въ настоящее время расовое прошлое нѣкоторыхъ мѣстностей Европы выяснено довольно удовлетворительно, хотя полученные результаты, особенно-же тѣ изъ нихъ, которые относятся къ четвертичной эпохѣ, далеко еще не проверены. Въдѣ тамъ, гдѣ число экземпляровъ, оставшихся послѣ какой-либо доисторической расы, составляетъ всего два черепа (напр. для типа Трюшера), каждый вновь открытый черепъ можетъ опровергнуть теорію, основанную на столь ничтожныхъ данныхъ. Кромѣ того необходимо установить сравнительную давность различныхъ остатковъ, чтобы правильно возсоздать исторію расъ. Между тѣмъ это сдѣлано до сихъ поръ въ извѣстной степени лишь для крайне незначительнаго района. Всякое сопоставленіе другихъ череповъ покоится на зыбкой основѣ. Слѣдовательно, если начертить картину историческаго прошлаго расъ, то она можетъ имѣть лишь вспомогательное значеніе, какъ временная группировка палеонтологическаго матеріала.

Остановимся на одной мѣстности Франціи, гдѣ собранъ болѣе богатый матеріалъ и установлена хронологическая послѣдовательность сохранившихся череповъ. Тутъ мы получаемъ слѣдующія различія въ У. ш. ч.

< 65; 65—69,9; 70—74,9; 75—79,9; 80—84,9; 85—89,9; > 90.

34 чер. изъ пещеръ Вомъ-Шодъ	2,9%	17,6%	67,6%	11,7%	—	—	—
18 чер. изъ пещеръ Домъ-Моръ	—	5,5	77,7	16,6	—	—	—

	< 65;	65—69,9;	70—74,9;	75—79,9;	80—84,9;	85—89,9;	> 90.
24 чер. изъ доль- меновъ Лозеры	—	4,1	42,5	24,19	12,5	12,5	—
172 современ. овернецъ	—	—	5	7,4	57,7	84,6	5,7

Эта таблица свидетельствует о значительной разницѣ между черепами, добытыми въ пещерѣ Бомъ-Шодъ (Beaumes-Chaudes), и современными. Вся совокупность фактовъ заставляетъ насъ однако отбросить гипотезу, что перемѣны въ формахъ черепа произошли подъ влияніемъ медленной эволюціи; напротивъ, надо предполагать, что онѣ были послѣдствіемъ расоваго нашествія. Въ пещерахъ Бомъ-Шодъ и Ломъ-Моръ (Lomme-Mort) наука имѣетъ дѣло съ нѣсколькими выѣтрившимся кроманьонскимъ типомъ, который въ эпоху мамонта и сѣвернаго оленя населялъ долину Везеры, добывалъ себѣ пищу охотою, жилъ въ пещерахъ, не зналъ гончарнаго искусства и вообще стоялъ въ культурномъ отношеніи на одномъ уровнѣ съ современными австралийцами. Съ сильно выраженной длинноголовостью, высокаго роста (1,9 метра), типъ этотъ расселился съ одной стороны до Бельгіи, съ другой до Неаполя. Между тѣмъ въ пещерахъ Бомъ-Шодъ и Ломъ-Моръ онъ появляется выродившимся, такъ какъ ростъ его составляетъ лишь 1,6 метра, а длинноголовость, благодаря примѣси, нѣсколько уменьшилась (У. ш. ч. въ пещерѣ Бомъ-Шодъ составляетъ 72,6; въ пещерѣ Ломъ-Моръ—73,2). Все это наводитъ насъ на мысль, что человѣческіе скелеты, найденные въ названныхъ пещерахъ, составляютъ остатки прежнихъ кроманьонцевъ, которые скрывались и вели ожесточенную борьбу съ нахлынувшими врагами. Это, впрочемъ, подтверждается и другими данными, на разборѣ которыхъ мы не будемъ останавливаться. Пришельцы, соорудившіе долмены, были народомъ сравнительно культурнымъ: они воздѣлываютъ поля, занимаются скотоводствомъ, имѣютъ оружіе изъ полированного камня и короткоголовость у нихъ преобладаетъ. Правда, короткоголовый элементъ появился во Франціи гораздо раньше, еще въ четвертичную эпоху, въ видѣ, напр., крайне малочисленной расы Тришеръ, которая была современна мамонту, и лапландцепоподобной гренельской, добывавшей себѣ пищу еще охотою; но сплоченной массой короткоголовые, какъ ослѣдъ, народъ съ значительной культурою, появились позднѣе. Они, направившись съ горъ Юры, наводняютъ собой всю Францію. Быть можетъ, надводная культура Швейцаріи связана съ ихъ появленіемъ.

Первыя волны этой новой расы еще могутъ считаться длинноголовыми, на что указываетъ У. ш. ч.; въ долменахъ Лозеры онъ составляетъ 75,8 и въ окрестностяхъ Парижа—75. Новая раса, погло-

щая туземцевъ, представляетъ сначала крайне пеструю въ расовомъ отношеніи группу, состоящую изъ нѣсколькихъ длинноголовыхъ и среднеголовыхъ типовъ. Съ теченіемъ времени однако длинноголовый типъ совершенно исчезаетъ, частью истребленный, частью поглощенный новыми народами. У. ш. ч. все повышается (въ пещерѣ Бэ (Bae) онъ составляетъ уже 78, въ пещерѣ Орроны (d'Orron)—79,5). Наконецъ, появляется во всей своей чистотѣ короткоголовое населеніе современной Оверни и вообще центральной Франціи, извѣстное въ антропологіи подъ именемъ кельтскаго. Позднѣе, въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ съ сѣверо-востока происходитъ нашествіе блондиновъ, которые селятся у подножія центрально-французскаго плоскогорья въ долинахъ Сены и Роны. Последняя волна, а именно франковъ и бургундцевъ, относится ко времени великаго переселенія народовъ. Подобную-же картину, хотя не изъ столь отдаленнаго прошлаго, представляетъ Англія. Въ могилахъ, извѣстныхъ подъ именемъ «длинныхъ гробницъ», У. ш. ч. — 71,1, ростъ составляетъ 1,65 метр., т. е. это—раса низкаго роста, съ выраженной длинноголовостью; она была знакома съ полированнымъ оружіемъ. Нѣкоторые ученые считаютъ ее родственной расѣ пещеры Ломъ-Моръ. Между тѣмъ въ «круглыхъ гробницахъ» покоятся скелеты короткоголовой расы (У. ш. ч. — 81), но высокаго роста (1,75 метра); эта раса принесла съ собою въ Англію бронзовыя орудія.

< 65; 65—69,4; 70—74,9; 75—79,9; 80—85,9; > 85

66 череп. изъ длин- ныхъ гробницъ .	3%	28,8%	62,1%	6%	—	—
74 черепа изъ круг- лыхъ	—	—	4	31	41,9	22,9

Затѣмъ съ различныхъ сторонъ являются длинноголовые блондины, извѣстные подъ именемъ бриттовъ, которые оттѣснили короткоголовыхъ, пиктовъ и скоттовъ; еще позднѣе являются англосаксы и норманы, одного и того же типа.

Культурныя растенія и домашнія животныя, появившіяся вмѣстѣ съ короткоголовыми во Франціи, свидетельствуютъ о томъ, что эти культурныя пріобрѣтенія происходятъ изъ Ирана или изъ Туркестана, гдѣ въ ущельяхъ Памира живутъ типы, одинаковые съ овернцами. Итакъ, волна короткоголовыхъ, быть можетъ, вышла изъ этихъ странъ, а затѣмъ подвигалась въ Европѣ вдоль Дуная по направленію къ Швейцаріи, пробираясь въ горныя долины. Но какъ же она очутилась въ Европѣ? Въ ледниковый періодъ равнины юго-восточной Россіи залиты были водой; Кавказъ, Скандинавскій полуостровъ и Финляндія были средоточіемъ льдинъ. Моря Аральское, Каспійское и Черное

составляли огромное средиземное водное пространство, отдѣленное отъ теперешняго Средиземнаго моря и, быть можетъ, соединенное р. Обью съ Ледовитымъ океаномъ. Такимъ образомъ передвиженіе племенъ изъ Памира и Ирана въ Европу черезъ русскія равнины было невозможно. Съ другой стороны, первые остатки человѣческаго скелета, найденные на пространствѣ между Балтійскимъ и Чернымъ морями, относятся уже къ той эпохѣ, когда во Франціи господствовали неолитическія орудія и короткоголовое население. Черепа, найденные вблизи Ладоги, въ числѣ десяти, даютъ въ среднемъ для указателя ширины черепа 72,1, другими словами, они рѣзко длинноголовы, за исключеніемъ одного монголоподобнаго. Человѣкъ этотъ жилъ охотой и рыболовствомъ, ютился въ ямахъ, прикрытыхъ вѣтвями, ѣлъ сырое мясо, не зная ткачества, одѣвался въ звѣриныя шкуры.

Вѣроятно длинноголовые заселяли эти мѣстности вплоть до историческихъ временъ. Черепа, найденные въ курганахъ, свидѣтельствуютъ, что отъ Олонецка до Курска и Кіева, отъ Москвы до Галиціи и дальше обитали длинноголовые. Напримѣръ, тверскіе курганы даютъ У. ш. ч. = 76,7, московскіе — 75,9, галиційскіе — ту же цифру. Короткоголовые элементы появляются сравнительно недавно — монгольскіе съ востока, славянскіе съ юго-запада. Лучшее представленіе о постепенномъ занятіи этого пространства короткоголовой расой даетъ нижеслѣдующая таблица, заключающая У. ш. ч. кіевскихъ череповъ:

	< 75; 75—77; 8—80; 80—83,32; > 83,33				
3 черепа изъ кургановъ каменнаго вѣка . . .	2	—	1	—	—
1 черепъ изъ кургановъ бронзоваго вѣка . . .	—	1	—	—	—
5 череповъ изъ переходнаго вѣка . . .	1	2	—	—	1
6 череповъ славянскихъ IX—XI ст.	1	—	1	3	1
14 череп. 1169—1204 гг.	5	2	4	1	2
5 „ XVII—XVIII в.	—	2	1	1	1

Типъ курганныхъ длинноголовыхъ появляется въ германскихъ гробницахъ, относящихся ко времени великаго переселенія народовъ. Слѣдовательно въ то время, когда на западѣ Европы процвѣтаетъ группа короткоголовыхъ, на востокъ мы видимъ длинноголовыхъ, даже безъ всякой примѣси короткоголовыхъ. Очевидно, это было бы немислимо, если короткоголовые вторглись изъ Азіи въ Европу этимъ путемъ. Слѣдуетъ скорѣе предположить, что они шли чрезъ Малую Азію, отбѣгая средиземную расу въ Кавказскія горы или же смѣшиваясь съ ней. Значитъ, короткоголовые не сразу появились въ Европѣ. Спрашивается теперь, — всѣ-ли короткоголовые вышли изъ одного и того

же пункта? При современномъ состояніи науки трудно сказать что нибудь опредѣленное. Быть можетъ, средне-европейскій короткоголовый самъ является помѣсью какого-либо монголоподобнаго типа съ брѣнетомъ средиземной расы, а различныя его наслоенія — признаками происшедшаго скрещиванія.

Мало того, быть можетъ, свѣтлые славянскій и финскій короткоголовые такіе же метисы какого-нибудь первобытнаго монголоподобнаго типа и блондина. Впрочемъ, всѣ эти догадки представляютъ совершенно произвольную, хотя и возможную гипотезу. Откуда однако взялся типъ длинноголоваго блондина въ Европѣ, типъ, къ которому, повидимому, принадлежатъ курганные скелеты германско-россійской равнины и который занималъ это пространство въ эпоху, когда во Франціи и центральной Европѣ уже поселились короткоголовые? Наши статистическія данныя выяснили, что длинноголовыхъ блондиновъ больше всего на балтійскомъ побережьи. Теперь же мы убѣдились, что и раньше было то-же самое. Итакъ, когда же возникъ этотъ типъ? Нѣкоторые ученые производятъ его отъ такъ называемой четвертичной канштадской расы, появившейся въ Европѣ раньше всѣхъ другихъ. Сюда относится неандертальскій черепъ, съ рѣзкою низкодлинноголовостью, и кромѣ того еще другіе, найденные также въ области верхняго Рейна, въ г. Канштадтѣ (Вюртенбергъ), въ Эгисгеймѣ (Эльзасъ), въ Нолетѣ (Бельгія), въ г. Брюксѣ (Богемія), въ окрестностяхъ Гибралтара и наконецъ въ предполагаемыхъ пластахъ пліоцена въ Кастенедоло (Италія). Онъ сохранился въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ и затѣмъ появляется нѣсколько видоизмѣненнымъ въ германскихъ гробницахъ и у современныхъ фризовъ.

Вышеизложенная палеонтологическая картина грѣшитъ слишкомъ упрощенной схематичностью, будучи основана на отрывочныхъ и сомнительныхъ данныхъ. Объ этомъ не слѣдуетъ забывать.

Итакъ, мы подошли наконецъ къ слѣдующему вопросу: кто же положилъ начало арійской рѣчи? Вопросъ этотъ старались разрѣшить различными путями, и сдѣланныя въ этомъ направленіи попытки заслуживаютъ вниманія по соображеніямъ методологическимъ. Что же касается до самихъ данныхъ, обуславливающихъ тотъ или иной отвѣтъ на предложенный вопросъ, то они крайне сомнительны.

Если финскіе языки, согласно Тейлору, обнаруживаютъ извѣстное родство съ арійской рѣчью, то происходить это лишь вслѣдствіе первоначальнаго антропологическаго единства обѣихъ группъ, въ то время, когда онѣ соприкасались другъ съ другомъ на пространствѣ между Балтійскимъ и Каспійскимъ морями. Здѣсь же, въ доисторической эпохѣ, существовалъ длинноголовый типъ, который и въ настоящее время въ видѣ помѣси составляетъ важный элементъ финскаго и арій-

скаго населенія. Такъ какъ современная короткоголовость финскихъ народностей происходитъ отъ смѣшенія ихъ съ монголоподобными народами, то вышеуказанные факты говорятъ въ пользу того, что длинноголовый блондинъ и положилъ начало арійской рѣчи. Другіе сторонники происхожденія арійцевъ отъ блондиновъ опираются въ своихъ доводахъ на психическихъ свойствахъ блондиновъ, а также и на антропологическомъ строеніи наиболее древнихъ изъ историческихъ арійскихъ народовъ. Эти ученые утверждаютъ, что блондины постоянно выступаютъ въ исторіи въ качествѣ беспокойнаго элемента. Колонизація сѣверной Америки, крестовые походы, великое переселеніе народовъ, нашествія на Испанію, сѣверную Африку вплоть до Египта въ XV стол., а быть можетъ, даже и въ XXV стол. до нашей эры,— все это дѣло блондина. Даже во вторженіяхъ ирано-индусскихъ и эллиническихъ они играютъ роль, по мнѣнію этихъ ученыхъ, въ качествѣ главной силы, особенно въ аристократическихъ слояхъ. Окраска волосъ большинства греческихъ героевъ (именно тѣхъ, которымъ Гомеръ даетъ эпитетъ ξαντοί), родовыя названія римскихъ патриціевъ (Флавій, Флавіи), портреты представителей стараго нѣмецкаго и французскаго дворянства,—все это указываетъ на блондина, какъ на типъ, въ которомъ воплощались мужская энергія и героизмъ. Отсюда дѣлаютъ выводъ, что блондины, какъ подвижной элементъ, навязали свой языкъ сравнительно болѣе пассивнымъ короткоголовымъ. Другіе стараются разрѣшить вопросъ путемъ лингвистическихъ изысканій. Отдѣльные арійскіе языки отличаются другъ отъ друга своеобразнымъ измѣненіемъ звуковъ, напр. санскритское *kis* превращается въ латинское *quis*, греческое *τις*, нѣмецкое *vier* (*katvaros* = *quatuar* = *татаръ*, *paucam* = *quinque* = *перте* и т. д.). Въ силу этой теоріи на такое измѣненіе звуковъ значительно вліяли антропологическія причины, т. е. примѣсъ новыхъ элементовъ. Подтверждается это, напримѣръ, фактомъ, что короткоголовые въ Тиролѣ и блондины именно сѣвера обладаютъ неодинаковою способностью произношенія *h*. Чистый блондинъ говоритъ *k'hönig*, *t'hal*, короткоголовый тиролецъ *kenig*, *tal*. Сюда же относится еще другое явленіе, именно переходъ звука *f* въ *p* и *h* въ *k*, напр. *horn* и *cornu*, *fater* и *pater*; у эстонцевъ встрѣчаемъ *praua* вмѣсто *frau*, у литовцевъ *strops* вмѣсто *straf*. Измѣненія придыхательныхъ *kh*, *th*, *ph*, въ *k*, *t*, *p* свойственны литовской, славянской, кельтской и латинской группамъ въ противоположность германской и греческой. Такимъ образомъ, если бы теперь оказалось, что праарійская рѣчь отличалась богатствомъ придыханій и теряла ихъ только въ послѣдствіи, по мѣрѣ того, какъ аріицы распространялись по Европѣ, то можно было бы съ нѣкоторою вѣроятностью предположить, что родоначальниками арійской рѣчи являются типы,

обладающіе способностью произносить придыханія, и что короткоголовые, лишенные этой способности, присоединились къ нимъ лишь въ послѣдствіи. Но вотъ именно этотъ вопросъ и остается открытымъ, такъ какъ мы имѣемъ только приблизительный рядъ первоначальныхъ звуковъ, и кромѣ того при современномъ состояніи науки нѣтъ никакой возможности съ увѣренностью сказать, какіе звуки преобладали въ столь отдаленное отъ насъ время: звуки съ придыханіемъ или же безъ придыханія. Съ другой стороны несомнѣнно, что польскіе звуки *c*, *cz*, *rz*, *dz* явились позднѣе. Эти звуки, чуждые первоначальной арійской рѣчи, возникли въслѣдствіе вставки твердаго *j* послѣ буквъ: *k*, *r*, *d*, и вотъ, такую особенность отличаютъ, кромѣ славянскихъ, кельтскихъ и латинскихъ, еще и финскіе языки, на которыхъ говорятъ короткоголовые.

Итакъ, рѣшеніе вопроса, гдѣ искать первоначальной родины арійцевъ, зависитъ отъ рѣшенія другого вопроса, именно, какой типъ можетъ считаться родоначальникомъ арійской рѣчи. Если изслѣдованія обнаружатъ, что отцами ея были короткоголовые, то первоначальную родину арійцевъ дѣйствительно придется искать гдѣ-нибудь въ окрестностяхъ Памира и Бактріаны. Оттуда происходятъ наши домашнія животныя и растенія, перенесенныя къ намъ волной короткоголовыхъ, и тамъ этотъ типъ сохранился во всей своей неприкосновенности у иранскихъ горцевъ. Если же арійская рѣчь своимъ существованіемъ обязана исключительно блондинамъ, то необходимо признать европейское происхожденіе арійцевъ. Впрочемъ всѣ эти выводы основываются на томъ предположеніи, что арійская рѣчь уже существовала въ той эпохѣ, когда человѣчество еще распадалось на группы, однообразныя въ антропологическомъ отношеніи: состоявшія исключительно изъ блондиновъ или изъ короткоголовыхъ. Но подобно тому, какъ изъ скрещиванія расъ возникаютъ новыя расы, такъ по всей вѣроятности то же происходитъ и съ языками. Быть можетъ, арійская рѣчь сравнительно позднѣйшаго происхожденія и появилась или получила современную свою форму уже у смѣшанной расы. Въ такомъ случаѣ всѣ эти выводы теряютъ свое значеніе.

X.

Вопросъ о послѣдовательномъ развитіи расъ и о ихъ классификаціи.—Какія расы существовали въ разныя эпохи?—Первобытная и современная общественная организація въ расовомъ отношеніи.—Густота населенія на разнообразныхъ ступеняхъ культуры.—Вымираніе первобытныхъ народовъ при столкновеніи ихъ съ цивилизаціей.—Скрещиваніе расъ между собой.—Способность къ акклиматизаціи.—Будущее расъ.

Мы уже указывали, что та часть антропологіи, предметъ которой составляютъ расовые типы, находится въ первоначальной стадіи раз-

витія. Она выработала методы изслѣдованія, но только-что приступила къ изысканіямъ. Идеальная цѣль, которую поставили себѣ антропологи, состоитъ въ томъ, чтобы опредѣлить первоначальные и дальнѣйшіе расово-антропологическіе типы, географическое ихъ распредѣленіе, взаимное ихъ смѣшеніе и процентное отношеніе у смѣшанныхъ народовъ. Только выполнивъ эту задачу, можно будетъ выяснитъ центры, въ которыхъ возникли тѣ или другіе типы, и взаимное ихъ родство. Правда, въ настоящее время уже существуютъ въ этомъ отношеніи нѣкоторыя положительныя данныя, большею частью почерпнутыя изъ фактического сходства или изъ фазъ развитія отдѣльныхъ представителей того или другого типа, но все-таки эти данныя очень недостаточны. Эскимось и бушменъ въ зрѣломъ возрастѣ отличаются выраженной длинноголовостью, въ дѣтствѣ же обнаруживаютъ наклонность къ короткоголовости, свидѣтельствуя этимъ свое родство: первый съ желтымъ короткоголовымъ, второй, быть можетъ, съ негрилами. Съ другой стороны, старѣющей желтый короткоголовый становится немного похожъ на бѣлаго короткоголоваго; быть можетъ, это явленіе указываетъ на то, что бѣлый короткоголовый вышелъ изъ этой расы. Еще много доказательствъ взаимнаго родства расъ можетъ доставить намъ ихъ скрещиваніе, на которомъ мы остановимся впоследствии. Вообще, современныя указанія на родословную расъ въ большинствѣ случаевъ представляютъ собою только гипотезы, напр. указаніе, что длинноголовые блондины связаны родствомъ съ представителями средиземной расы. Нѣкоторые доказывали, что голубые глаза произошли отъ черныхъ, такъ какъ человѣкоподобные обезьяны имѣютъ только темные глаза. Въ виду того, что голубые глаза отличаются отъ черныхъ только меньшимъ количествомъ пигмента, далѣе, что тою же незначительностью пигмента объясняется какъ будто и свѣтлая окраска кожи и свѣтлые волосы, — блондиновъ принимали за представителей средиземной расы, подвергшихся депигментации подъ вліяніемъ влажнаго климата сѣвера. Конечно, эти и тому подобныя гипотезы имѣютъ лишь то значеніе, что благодаря имъ стали обращать вниманіе на факты, обыкновенно упускаемые изъ виду, но на этомъ и заканчивается вся ихъ роль. Эти гипотезы представляютъ собою поэтическія вольности современной антропологии, а такъ какъ въ настоящемъ трудѣ должны найти себѣ мѣсто лишь точныя научныя данныя, то мы ихъ устранимъ вмѣстѣ съ классификаціей расъ и обозначеніемъ первоначальной родины расъ. Однако, несмотря на эту оговорку, мы должны подчеркнуть нѣсколько фактовъ: во-первыхъ, бросающееся въ глаза сходство негровъ и папуасовъ, негритосовъ и негриловъ; быть можетъ, даже айновъ, индонезійцевъ и представителей средиземной расы. Кромѣ того стоитъ еще отмѣтить горно-ма-

териковый характеръ короткоголовыхъ племенъ (кромѣ чернаго короткоголоваго). Этотъ фактъ порождаетъ мнѣніе, будто самая короткоголовость появилась въ горахъ, благодаря своеобразному положенію черепа на позвоночномъ столбѣ. Наконецъ, не слѣдуетъ забывать, что многіе типы, которые принимаются за основныя, напр. австралійскій, быть можетъ, являются продуктомъ скрещиванія другихъ типовъ, также сохранившихся до настоящаго времени.

Съ другой стороны не подлежитъ сомнѣнію, что десять или двадцать тысячъ лѣтъ тому назадъ земной шаръ представлялъ въ этомъ отношеніи совершенно иной видъ, чѣмъ въ настоящее время: Европу населяли длинноголовые, только въ видѣ исключенія тамъ и сямъ попадались короткоголовые элементы; всѣ острова на юго-востоку Азіи, южную Японію, Тонкинъ и Индо-Китай населяли черныя племена. Въ сѣверной Азіи, быть можетъ, жили бѣлыя группы. Черная Африка частью была негрильской, частью бушменской. Это распредѣленіе расъ нарушилъ наплывъ короткоголовыхъ, вышедшихъ, по всей вѣроятности, изъ области Памира, причемъ бѣлые направлялись въ Европу, желтые на юго-востокъ Азіи и въ Америку; и, наконецъ, черныхъ длинноголовыхъ черезъ всю Африку изъ неизвѣстнаго центра. Однако, слѣдуетъ-ли это распредѣленіе расъ считать первоначальнымъ? и не слѣдуетъ-ли скорѣе предположить, что оно является лишь предпослѣдней страницей длинной исторіи смѣшенія расъ? Палѣтнологическія изслѣдованія отвѣтятъ намъ на это. Впрочемъ, расовые перевороты еще не закончились. Въ настоящее время мы сами являемся очевидцами великихъ переселеній, создающихъ совершенно новое распредѣленіе антропологическихъ элементовъ на земномъ шарѣ. Будущій историкъ назоветъ нашу эпоху періодомъ нашествія бѣлыхъ. Эта вѣтвь народовъ (за исключеніемъ нѣкоторыхъ азіатскихъ и полинезійскихъ племенъ, въ родѣ айновъ и индонезійцевъ, не играющихъ никакой исторической роли), населявшая въ моментъ открытія Америки 22% земного шара, въ настоящее время занимаетъ большую половину его. Представители средиземной расы колонизировали тропическія страны Америки, блондины и короткоголовые — сѣверъ Нового Свѣта, а въ самое послѣднее время долину Ла-Платы, Австралію, южную Африку, отчасти Сибирь; семиты неудержимо врываются въ черную Африку. Хотя переселеніе бѣлыхъ началось сравнительно недавно, но послѣдствія его уже громадны; онѣ проявились въ арианизации Ирана и Передней Индіи, въ созданіи семитоподобныхъ элементовъ черной Африки и, наконецъ, что самое важное, въ идейно-религіозныхъ побѣдахъ. Несмотря на то, что бѣлая вѣтвь человечества составляетъ болѣе 40% всего населенія земного шара (на самомъ дѣлѣ нѣсколько менѣе, такъ какъ это исчисленіе основывается на

данных лингвистики), однако число исповѣдующихъ ея религіи опредѣляется свыше 80%. Сравнительная пассивность желтыхъ групп обнаруживается лучше всего именно въ отсутствіи всякаго идейнаго воздѣйствія на другія расы. Набѣги азіатскихъ короткоголовыхъ имѣли всегда цѣлью грабежъ, и даже пресловутая китайская эмиграція въ настоящее время носить такой характеръ, только внѣшнимъ образомъ измѣненный соответственно съ существующими общественными условиями. Наконецъ, несмотря на то, что желтолицые составляютъ 40% всего населенія земного шара, они занимаютъ лишь 28% поверхности его, и это свидѣтельствуетъ о сравнительной ихъ неподвижности.

Впрочемъ, историческая роль различныхъ бѣлыхъ типовъ далеко неодинаковая. Въ качествѣ самыхъ энергичныхъ элементовъ всегда выступаютъ семиты и блондины. Эти послѣдніе стоятъ во главѣ современнаго нашествія бѣлыхъ и создаютъ новые центры культуры (Сѣверо-американскіе Соединенные штаты и Австралія), хотя ихъ относительная численность, повидимому, все уменьшается. По крайней мѣрѣ это не подлежитъ никакому сомнѣнію для центральной Европы, какъ видно изъ слѣдующаго сопоставленія указателей ширины череповъ современныхъ и относящихся къ эпохѣ появленія германскихъ гробницъ.

Богемія		Нижняя Австрія		Верхняя Австрія		Крайна	
прежняя	современ.	прежняя	современ.	прежняя	современ.	прежняя	современ.
ниже 74	57,1%	—	—	—	—	—	—
74—79,9	19,1	66,7%	4,6%	80%	2%	41,7%	0,8%
80—86,9	23,8	29,2	32,2	20%	18,5	33,3	19,5
выше 87	—	4,1	35,6	—	44,3	25	37,2
	22,5	—	27,6	—	36	—	42,5

То же самое замѣчено во Франціи и Великороссіи (напр. въ окрестностяхъ Москвы У. ш. ч. составляетъ въ среднемъ: для 140 череповъ изъ кургановъ 75,9; для 117 послѣднихъ столѣтій 79,3, для 10 современныхъ 80,8; для 30 современныхъ великороссовъ 80,6). Подобное же явленіе бросается въ глаза у лифляндцевъ и латышей.

	70—74,9	75—79,9	80—84,9	85—89,9
102 современ. лифляндца	8,8%	37%	43%	10%
112 современ. латышей	2,9	42	49	5,8
90 череповъ изъ лифляндскихъ кургановъ.	21	51	25,5	2

Вытѣсненіе длинноголовыхъ блондиновъ короткоголовыми типами происходитъ мирнымъ путемъ. Чѣмъ обезьяны ниже по своему органическому развитію, тѣмъ болѣе онѣ длинноголовы. (У ш. ч. у макака 57,9; у шимпанзе 70—72,5; у старой гориілы 77—78,9;

у орангъ-утанга самки 80, у самца 89,8) На этомъ основаніи построили теорію эволюціи мозга: по мѣрѣ общественнаго прогресса мозгъ будто бы разрастается въширь и придаетъ длинному черепу короткую форму. Въ подтвержденіе приводятъ извѣстное явленіе, наблюдаемое въ центральной Европѣ, а именно, что указатель ширины черепа съ возрастомъ увеличивается; въ Тиролѣ напр. приходится на У. ш. ч.

	74—79,9	80—86,9	87
Изъ 10 грудныхъ дѣтей и недоносковъ	—	50,0	> 37,5
„ 156 дѣтей	5,1	35,3	37,4
„ 197 взрослыхъ	6,1	19,2	53,4

Дѣйствительно, изслѣдованія Вирхова обнаружили присутствіе у фризовъ короткихъ череповъ съ особенностями лица длинноголового, что несомнѣнно доказываетъ, что короткоголовость вызвана увеличеніемъ мозга въ ширину. Однако, за исключеніемъ этого факта, въ пользу вышеупомянутой гипотезы никакихъ доказательствъ больше не приведено. У бушменовъ и эскимосовъ мы встрѣчаемъ обратное явленіе: а именно, короткоголовость въ дѣтствѣ и длинноголовость въ позднѣйшемъ возрастѣ. Фактъ вытѣсненія длинноголовыхъ короткоголовыми происходитъ между прочимъ вслѣдствіе того, что короткоголовость преобладаетъ у метисовъ, особенно въ зрѣломъ возрастѣ. Такимъ образомъ вытѣсненіе длинноголовости отчасти является слѣдствіемъ скрещиванія блондина съ короткоголовымъ. Благодаря тому же скрещиванію, бѣлая группа народовъ съ теченіемъ времени становится менѣе бѣлокурой.

Поверхностному наблюдателю, при видѣ исчезающихъ цивилизацій, можетъ казаться, что человѣчество постоянно вращается въ заколдованномъ кругу послѣдовательнаго расцвѣта и упадка. Достаточно однако выкинуть въ палеонтологическое прошлое Европы, Америки, Средней Индіи и Японіи, чтобы убѣдиться, что человѣчество до сихъ поръ и всегда прогрессировало въ своемъ технико-культурномъ развитіи, и что этому прогрессу не противорѣчатъ временныя остановки. Мы можемъ допустить нѣсколько первоначальныхъ центровъ цивилизаціи: въ равнинахъ Ганга, китайскихъ рѣкъ, Нила. Дѣло не обошлось безъ регрессовъ въ той или другой странѣ. Среди современныхъ первобытныхъ народовъ можно указать много такихъ, которые нѣкогда по всей вѣроятности стояли на болѣе высокомъ уровнѣ культуры, чѣмъ теперь (самоѣды и фунджійцы). Извѣстенъ напр. фактъ, что французъ въ зрѣломъ возрастѣ, поселившись среди австралийцевъ, совершенно забылъ свой родной языкъ и отрѣшился отъ потребностей цивилизованной жизни. Въ виду такихъ фактовъ можно заключить, что и регрессъ группъ варварскихъ народовъ вполне правдоподобенъ.

Первобытные общества, менѣе значительныя, чѣмъ современныя австралійскія, и враждебныя другъ къ другу, представляли первоначально однообразныя въ расово-антропологическомъ отношеніи сплошныя группы. Даже самыя скрещиванія на первыхъ порахъ, благодаря благоприятнымъ условіямъ, а именно достаточной обособленности метисовъ, создавали новые однородные типы и сохраняли расовое единообразіе. Первоначальныя скрещиванія происходили, какъ и теперь, несмотря на взаимную вражду племенъ. Особенно рельефно это явленіе обнаруживается при сношеніяхъ европейцевъ съ неграми. Первые, хотя не рѣшаются узаконить своихъ африканскихъ побочных дѣтей, однако не избѣгаютъ временной связи съ негритянками. Образу дѣйствія зулусовъ или пуэльчей, умерщвляющихъ мужчинъ и присваивающихъ себѣ женщинъ, и иногда усыновляющихъ своихъ дѣтей отъ нихъ, разъясняетъ намъ процессъ скрещиваній въ первобытныя времена. Такимъ образомъ двѣ безспорно враждебныя и различныя въ антропологическомъ отношеніи группы ассимилировались въ расовомъ отношеніи, сохраняя въ то-же время первоначальную вражду. Такая непримиримая ненависть существуетъ напр. между воинственными караибскими и мирными ароваками, несмотря на ихъ почти полное расовое сходство, подтверждаемое измѣреніями Тенъ-Кате:

	У. ш. ч.	У. н.
Караибскія мужчины	81,6	81,95
„ женщины	82,86	79,91
Ароваки мужчины	82,69	77,12
„ женщины	84,02	74,30

Эта племенная вражда могла бы выяснять намъ этнологическое прошлое отдѣльных варварскихъ народовъ.

Взаимное сѣщеніе усиливалось по мѣрѣ возростанія населенія на земномъ шарѣ, а это послѣднее явленіе именно представляетъ самое вѣское доказательство прогресса, обусловливаемаго техническими улучшеніями. Было бы весьма интересно опредѣлить первоначальную заселенность земного шара. Но это возможно лишь приблизительно. Принявъ во вниманіе, что земледѣліе на извѣстномъ пространствѣ даетъ средства къ существованію въ 20—30 разъ большому числу людей, чѣмъ скотоводство, а послѣднее въ 20 разъ большому числу, чѣмъ рыболовство или охота, мы получимъ для отдаленныхъ временъ цифры крайне ничтожныя. Мы можемъ напр. взять за основаніе бытъ австралійца и допустить, руководствуясь данными науки о первоначальной жизни человѣчества, что земной шаръ былъ населенъ равномерно; въ такомъ случаѣ, мы получимъ всего около 5 милліоновъ, какъ наивысшую цифру. Между тѣмъ въ настоящее

время населеніе земного шара составляетъ около 1400 милліоновъ. Кромѣ того надо обратить вниманіе на численность группъ, стоящихъ на той или другой ступени культуры. Въ дикомъ состояніи,—если подѣлить этимъ понятіемъ мы будемъ разумѣть такія условія, когда человѣкъ живетъ охотою, не знаетъ гончарнаго искусства, ткачества и лука—находится теперь всего лишь 0,3% всего человѣчества; въ варварскомъ состояніи, въ которомъ человѣкъ не умѣетъ пользоваться металлами, 2%—3%; въ варварскомъ земледѣльческомъ состояніи, когда употребленіе металловъ уже распространено—около 25%; наконецъ, на самой высшей ступени современнаго развитія, т. е. когда народъ имѣетъ собственную письменную литературу—около 70%. Мы должны къ этому еще прибавить, что процентное отношеніе численности населенія на различныхъ ступеняхъ культурнаго развитія обратно пропорціонально числу языковъ. Мы видѣли, что въ дикомъ состояніи находится теперь 0,3% всего населенія земного шара, но эти дикія племена говорятъ на большемъ числѣ языковъ, чѣмъ остальные цивилизованные народы, въ 250 разъ превышающіе ихъ численностью.

Теперь обратимся къ вопросу объ умственныхъ способностяхъ различныхъ группъ человѣческаго рода. Въ этомъ отношеніи наука обладаетъ пока весьма недостаточнымъ достовѣрнымъ фактическимъ матеріаломъ.

Большинство выводовъ не имѣютъ никакого значенія, вслѣдствіе предвзятости ученыхъ. Нѣкоторые этнографы составляютъ себѣ сужденіе о способностяхъ даннаго племени, руководствуясь тѣмъ, сколько оно дало лакеевъ и миссіонеровъ, какъ это дѣлаетъ напр. Гельвальдъ по отношенію къ австралійцамъ! Другіе изслѣдователи, исходя изъ того мнѣнія, что между умственными способностями съ одной стороны и вѣсомъ и объемомъ мозга съ другой—существуетъ извѣстная зависимость, старались установить объективную мѣрку для опредѣленія сравнительныхъ умственныхъ способностей отдѣльныхъ расъ. Съ этою цѣлью были даже составлены Брока, Девисомъ и Флоуэромъ таблицы, изъ которыхъ видно, что черныя группы имѣютъ безусловно меньшую емкость черепа, что черныя австралійскіе дикари, тасманійцы, андаманы, бушмены занимаютъ низшее мѣсто, варварскіе же меланезійскіе народы стоятъ выше, чѣмъ болѣе культурные негры; что желтыя группы занимаютъ второе мѣсто, но что и здѣсь варварскіе эскимосы стоятъ выше, чѣмъ цивилизованные китайцы, что полинезійцы занимаютъ очень высокое мѣсто, и что, наконецъ, бѣлыя группы народовъ обладаютъ сравнительно наибольшею емкостью черепа, однако, меньшую, чѣмъ обыкновенно полагаютъ. Такимъ образомъ, еслибъ дѣйствительно существовала непосредственная зависи-

мость между емкостью черепа и умомъ, то слѣдовало бы предположить, что дикіе народы имѣютъ наименьшія умственные способности, варварскіе же могутъ соперничать въ этомъ отношеніи съ цивилизованными. На самомъ же дѣлѣ разница между высшими и низшими группами заключается въ различномъ процентномъ отношеніи однихъ и тѣхъ же емкостей, какъ это видно изъ слѣдующей таблицы этого отношенія въ куб. сант.

	1100—1200;	1200—1300;	1300—1400;	1400—1500;
100 парижанъ . .	2°/о	4°/о	12°/о	18°/о
100 негровъ . . .	10°/о	10°/о	13°/о	32°/о
	1500—1600;	1600—1700;	1700—1800;	1800—1900.
100 парижанъ . .	33°/о	20°/о	8°/о	3°/о
100 негровъ . . .	22°/о	9°/о	2°/о	1°/о

Вотъ чѣмъ и объясняются слѣдующаго рода факты: «мозги этихъ двухъ фунджійцевъ ничѣмъ не отличаются отъ обыкновенныхъ европейскихъ и нисколько не свидѣтельствуютъ о томъ, чтобы народы, стоящіе на низкой ступени культуры, обладали мозгомъ низшаго и иного строенія, чѣмъ цивилизованные народы».

До сихъ поръ мы говорили только объ емкости черепа; что же касается до вѣса мозга, то число измѣреній такъ незначительно, что мы не можемъ ими воспользоваться. Вообще, всѣ эти измѣренія емкости и вѣса черепа, и основанные на нихъ выводы не имѣютъ серьезнаго значенія. Хотя низкій уровень способностей находится въ связи съ незначительнымъ объемомъ мозга (у микроцефаловъ), однако наука въ этомъ отношеніи ничего опредѣленнаго и достовѣрнаго сказать не можетъ и ограничивается общимъ положеніемъ, что между умомъ съ одной стороны, вѣсомъ и объемомъ мозга съ другой существуетъ какая-то зависимость. Установлено пока, во-первыхъ, что вѣсъ и объемъ мозга зависятъ отъ возраста, роста, состоянія здоровья, быть можетъ, даже отъ степени развитія ума и чувствъ; и во-вторыхъ, что емкость черепа только приблизительно указываетъ на дѣйствительный объемъ мозга. Съ другой стороны, слѣдуетъ принимать во вниманіе сложность строенія и взаимное соотношеніе различныхъ частей мозга.

Вслѣдствіе всего этого, выводы, получаемые изъ изслѣдованій надъ емкостью и вѣсомъ мозга, очень сомнительны и при разрѣшеніи поднятаго нами вопроса невозможно опереться на нихъ. Наконецъ, не слѣдуетъ забывать еще одного обстоятельства, а именно, что зависимость между величиною мозга и умомъ, въ случаѣ, если она даже существуетъ, различна у разныхъ народовъ. Напр. у одной готтентотки мозгъ былъ до того малъ, что если бы онъ принадлежалъ

бѣлому, то тотъ былъ бы идиотомъ какъ среди своихъ соплеменниковъ, такъ и среди негровъ; а между тѣмъ эта готтентотка нисколько въ умственномъ отношеніи не стояла ниже другихъ готтентотовъ. Въ виду отсутствія какихъ бы то ни было объективныхъ данныхъ, для разрѣшенія интересующаго насъ вопроса слѣдовало бы прибѣгнуть къ доказательствамъ иного рода, а именно выяснить способности дѣтей различныхъ расъ къ отвлеченному мышленію, напр. къ усвоенію началъ ариметики. Но и этихъ доказательствъ вовсе не существуетъ, или же они крайне неопредѣленны и противорѣчивы. Объ австралійцахъ напр. одни утверждаютъ, что они въ умственномъ отношеніи не уступаютъ англійскимъ крестьянамъ. Кромѣ того, доказательствомъ умственныхъ способностей признается быстрота усвоенія чужихъ языковъ, географіи и исторіи, хотя эти явленія свидѣтельствуютъ лишь о силѣ памяти. Наконецъ, всегда слѣдуетъ имѣть въ виду возрастъ людей, о которыхъ идетъ рѣчь. «Я полагаю, что негръ въ раннемъ возрастѣ превосходитъ въ умственномъ отношеніи бѣлыхъ своихъ ровесниковъ, но умственное его развитіе скоро пріостанавливается, въ то время, какъ тѣло продолжаетъ развиваться». «Всѣ надежды, возлагавшіяся на блестящіе умственные способности, разсѣиваются по достиженію субъектомъ 17-лѣтняго возраста. Негръ, который на 12—13 году своей жизни казался столь развитымъ, въ 18 лѣтъ ничѣмъ не отличается отъ другихъ негровъ». Этотъ преждевременный расцвѣтъ наблюдается и во многихъ другихъ странахъ, причемъ совершается иногда та ошибка, что подростка-туземца сравниваютъ со взрослымъ европейцемъ. Кромѣ того, для выясненія умственныхъ способностей какой-либо группы, берутъ исключительныхъ личностей и сопоставляютъ ихъ съ обыкновенными представителями высшей группы.

Между тѣмъ для рѣшенія вопроса объ умственномъ развитіи и о способностяхъ какого-либо племени, слѣдовало бы выяснить, какіе изъ четырехъ главныхъ типовъ ума, принятыхъ въ классификаціи Лапужа, встрѣчаются въ немъ чаще всего. Эти типы слѣдующіе: 1) инициаторы. Представители этой категоріи обладаютъ неодинаковой степенью умственного развитія, но они всегда безпокойны, смѣлы, неспособны жить заурядною жизнью, находятъ себѣ удовлетвореніе въ области идей и изобрѣтеній. 2) лица, неспособныя къ самостоятельному творчеству, но быстро схватывающія и усваивающія неразработанную идею инициатора. 3) Люди, съ самыми разнообразными способностями, но со стадными инстинктами: всякая новая идея служить для нихъ предметомъ недоумѣнія, до тѣхъ поръ, пока она не получитъ болѣе широкаго распространенія; тогда они ее принимаютъ и пользуются ею для того, чтобы тормозить дальнѣйшее развитіе. 4) Люди, даже не поддающіяся умственной дрессировкѣ. Однако, дойдетъ-ли наука до соотвѣтственной статистики? Правда, въ

этомъ случаѣ можно опереться на историческіе факты, хотя съ нѣкоторою осмотрительностью, такъ какъ доказательства такого рода всегда имѣютъ двойственное значеніе. Лапужъ пришелъ къ выводу, что длинголовые блондины и семиты болѣе всѣхъ остальныхъ расъ богаты первыми двумя типами, между тѣмъ какъ короткоголовыхъ Азіи и Европы онъ считаетъ пассивными, хотя и очень понятливыми; наконецъ, негровы онъ причисляетъ преимущественно къ четвертой категоріи. Эта классификація однако очень односторонняя, произвольна и субъективна. При современномъ состояніи науки мы можемъ сдѣлать только одно несомнѣнное обобщеніе, именно, что умственные способности, особенно идейная предприимчивость, до нѣкоторой степени независимы отъ уровня культуры даннаго народа и обуславливаются его антропологическими свойствами. Въ этомъ отношеніи можно сослаться на индонезійцевъ, какъ на примѣръ необыкновенныхъ умственныхъ способностей при низкомъ уровнѣ культуры. Англичане, даровавшіе конституціонный режимъ ново-зеландскимъ туземцамъ, еще не такъ давно ходившимъ нагими, признали этимъ фактомъ ихъ способность къ умственному развитію.

Далѣе слѣдуетъ обратить вниманіе и на другое явленіе, а именно, что дикіе народы вездѣ отличаются вниманіемъ и на другое явленіе, а именно, что дикіе народы вездѣ отличаются значительными умственными способностями, между тѣмъ какъ варварскіе, если только они не увлеклись своими природными инстинктами, напримѣръ склонностью къ непрерывнымъ переселеніямъ, часто проявляли большую способность къ цивилизаціи. Кромѣ индонезійцевъ, можно то-же самое прослѣдить и на краснокожихъ сѣверной Америки. Чирокі, напр., послѣ безуспѣшнаго сопротивленія бѣлымъ, принялись въ началѣ этого столѣтія за земледѣліе. Численность населенія стала быстро увеличиваться въ связи съ производствомъ хлѣба и разведеніемъ скота на продажу. Въ 1820 г. они ввели у себя ультра-демократическую конституцію, воспретили продажу земельныхъ участковъ иностранцамъ, устранили духовенство отъ участія въ общественныхъ дѣлахъ, предоставили исключительно народному представительству право отрѣшать судей отъ должностей и стали издавать газеты. Когда ихъ отгѣснили въ болѣе отдаленныя территоріи, они не пали духомъ, но дали торжественную клятву сравняться въ своемъ развитіи съ остальными гражданами Соединенныхъ Штатовъ. Эту клятву они сдержали. Герляндъ замѣчаетъ, что чирокі въ 100 лѣтъ совершили такой прогрессъ, на который въ Англіи потребовалось 500 лѣтъ. То-же самое наблюдается у ирокезовъ и нѣкоторыхъ другихъ народовъ. Напр. одна треть народныхъ учителей въ штатѣ Нью-Йоркѣ—индѣйскаго происхожденія, и многіе индѣйцы заняты въ Соединенныхъ Штатахъ очень высокое и отвѣтственное положеніе. Полу-цивилизованные народы Африки оказались до сихъ поръ менѣе способными къ умственной культурѣ, но, быть можетъ, не столько

вслѣдствіе недостатка способностей, сколько вслѣдствіе легкомысленнаго и мало выдержаннаго характера.

«Вѣкъ пара» отразился и на столкновеніяхъ между различными расами. Никогда еще разница между пришельцами-побѣдителями и туземцами-побѣжденными не была такъ велика, какъ въ наши дни. Переселенія, носившія въ прежнее время характеръ случайности, теперь стали систематичными и до нѣкоторой степени подчиняются указаніямъ науки и совершаются милліонами людей. Прежній выходецъ являлся въ чужую территорію грубымъ завоевателемъ, теперь же онъ является въ качествѣ торговца, ищетъ рынковъ для сбыта водки, заражаетъ населеніе земного шара сифилисомъ и другими эпидемическими болѣзнями, сопутствующими цивилизаціи, и присоединяетъ ихъ къ болѣзнямъ туземцевъ. Поэтому расовая борьба приняла формы, совершенно невѣстныя въ прежнее время.

Болѣзни, съ которыми организмъ бѣлыхъ освоился, у другихъ народовъ проявляются съ разрушительною силой. Оспа и скарлатина уносятъ сразу до 50% туземнаго населенія! Возьмемъ для примѣра чахотку, занесенную европейцами въ Полинезію. Населеніе Новой Зеландіи въ 1769 г. составляло — 400,000, въ 1849 — 100,000, въ 1874 — 45,000 и въ 1877 только 30,000; Сандичевыхъ о—вовъ въ 1778—300,000, въ 1861—67,000; архипелага Танти въ 1774—240,000, въ 1857 лишь 7,262. Оружіемъ истреблено много туземцевъ, но еще болѣе «бѣлою болѣзнью» (чахоткою). «Кто убилъ твоего отца?—кто убилъ твою мать?—Бѣлая болѣзнь!» Туберкулезный ядъ сокращаетъ число рожденій. На одномъ изъ острововъ изъ 80 женщинъ, вступившихъ въ бракъ, только 39 сдѣлались матерями; официальная статистика въ 1849 констатируетъ 4,520 смертныхъ случаевъ и 1,422 рожденія. На одномъ изъ Маркизскихъ острововъ отношеніе между рождаемостью и смертностью составляетъ 1 къ 37.5. Полинезійская женщина, вступающая въ связь съ бѣлымъ, всегда падаетъ жертвою чахотки; мало того, она заражаетъ своихъ любовниковъ изъ туземцевъ. То-же явленіе мы встрѣчаемъ у австралійцевъ и меланезійцевъ. Если австраліецъ проведетъ нѣсколько дней въ европейскомъ городѣ Новой Голландіи, то заражается чахоткой.

При столкновеніи цивилизованныхъ народовъ съ первобытными, послѣдніе быстро вымираютъ. Остановимся на нѣкоторыхъ причинахъ этого явленія. Оно тѣмъ болѣе поражаетъ, что въ современной европейской цивилизаціи найдется мѣсто для представителей даже наиболѣе неспособныхъ вѣтвей человѣчества. Англійскія фабрики доказали это уже въ прошломъ столѣтіи, когда давали работу идіотамъ и слабоумнымъ. Во всякомъ случаѣ, австралійцы, краснокожіе, полинезійцы—стоятъ выше идіотовъ въ умственномъ отношеніи! Поэтому мо-

жесть казаться, что поглощеніе варваровъ и дикарей цивилизованными народами встрѣчаетъ препятствія лишь въ ихъ пассивности и неспособности къ систематическому труду. Но цивилизація занимается въ колоніяхъ скотоводствомъ въ широкихъ размѣрахъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ устраняетъ эти препятствія. А на самомъ дѣлѣ мы видимъ, что первобытные племена, за рѣдкими исключениями, исчезаютъ при столкновеніи европейской цивилизаціи съ варварскими и дикими народами. Это обстоятельство является уже слѣдствіемъ не антропологическихъ, а общественныхъ противоположностей. Вопросъ сводится къ тому, что дикарь и варваръ, несмотря на то, что они нашли бы для себя мѣсто въ современной цивилизаціи, однако отвергаютъ ее по той простой причинѣ, что свойственный имъ общественный строй создаетъ личность въ нравственномъ отношеніи болѣе совершенную. Это можетъ казаться страннымъ; но тѣмъ не менѣе это такъ. Чтобы убѣдиться, достаточно вспомнить то, что мы сказали объ общественномъ строѣ краснокожихъ сѣверной Америки, арауканахъ, челаусскихъ островитянахъ и т. д. Принятіе ими нашей цивилизаціи было бы отреченіемъ отъ такого строя, при которомъ принципъ «свобода, равенство и братство», хотя не ясно сформулированный, является основою общества. Дикари поняли это несравненно лучше, чѣмъ наши кабинетные ученые, потому что даже австраійцы, свободные при своихъ несложныхъ общественныхъ отношеніяхъ, равные и солидарные между собою, отвѣчаютъ: «мы не хотимъ быть «бѣлыми», потому что мы были и желаемъ остаться джентльменами». Дѣйствительно, что предлагаетъ имъ цивилизація взамѣнъ прежней ихъ солидарности и независимости? Вѣдь она приносила съ собою только наемный трудъ у поработителей и полицейскую службу, направленную противъ нихъ же собратовъ дикарей, свободнымъ готтентотамъ. Нашествіе цивилизованныхъ принесло европейское *adscriptioem glebae* и надиши на церквахъ, гласившія: «входъ воспрещается собакамъ и готтентотамъ».

Напрасно эти послѣдніе требовали, чтобы съ ними обращались, какъ съ «бѣлыми», и спрашивали: «развѣ имъ позволено было бы распоряжаться по своему усмотрѣнію въ Голландіи?» Варвары тоже протестовали вполне сознательно, а примѣровъ такого отпора мы бы тщетно искали у цивилизованныхъ народовъ. Развѣ въ геройской Элладѣ гибло 99% населенія въ борьбѣ за свою независимость, какъ мы это видѣли на Маріанскихъ островахъ? но это фактъ не исключительный; напротивъ онъ часто встрѣчается у варваровъ. Въ моментъ нашествія бѣлыхъ на Маріанскихъ островахъ населеніе простиралось до 300 тысячъ человекъ; не прошло и столѣтія, какъ осталось всего нѣсколько тысячъ отъявленныхъ негодяевъ. Осталь-

ное населеніе погибло. «Они повально умирали отъ болѣзней, цѣлыя толпы лишали себя жизни вслѣдствіе отчаянія, такъ какъ свобода была для нихъ наивысшимъ благомъ, чужое иго они считали самымъ ужаснымъ зломъ; мужчины и женщины стоваривались не имѣть дѣтей, чтобы уберечь потомство отъ ненавистнаго ига; въ случаѣ же рожденія ребенка, его бросали въ воду». Испанскіе завоеватели записывали рѣчи нагихъ маріанскихъ Демосѣеновъ. «Испанцы укоряютъ насъ за нашу нищету и невѣжество. Но чего же они ищутъ у насъ, нищихъ? Говорятъ, что они хотятъ нашего счастья. Въ чемъ же онъ, однако, заключается, если не въ нищетѣ и болѣзняхъ? Желѣзо и все, что они принесли съ собою, не вознаградитъ насъ за это... Мы родились свободными. Сохранимъ же естественную нашу свободу, унаслѣдованную отъ нашихъ отцовъ. Что бы сказали наши дѣды, увидѣвъ насъ рабами бѣлаго? Быть можетъ, вы бонтесъ огнестрѣльнаго оружія, но развѣ геройская смерть не лучше позорной жизни?» А между тѣмъ зараженный кастовыми предразсудками европейскій этнографъ доказываетъ, что на Маріанскихъ островахъ существовалъ самый ужасный гнетъ и что только «блгородныхъ» можно было признавать людьми. Это мнѣніе держалось до тѣхъ поръ, пока Кубарый не опровергъ его. Съ другой стороны, отличительною чертою первобытнаго общественного строя является необыкновенная солидарность и братство. Когда «вождь» острововъ Тонга въ разговорѣ съ однимъ европейцемъ узналъ, что въ Европѣ надо покупать всѣ предметы, необходимые для жизни, и что обѣдаютъ въ чужомъ домѣ только въ исключительныхъ случаяхъ, по особому каждый разъ приглашенію, «то онъ разсмѣялся и началъ издѣваться надъ скупостью и себялюбіемъ бѣлыхъ людей». Затѣмъ, онъ сказалъ, что «установленный на островѣ Тонга обычай гораздо лучше европейскаго, такъ какъ голодный человѣкъ можетъ войти въ любую хижину и утолить голодъ, не ожидая приглашенія со стороны хозяевъ». Прибавимъ, что дикари и варвары не опасаются будущаго, зная, что ихъ дѣти не умрутъ съ голода. Общинная собственность, братство и солидарность устраняли нищету у однихъ, излишекъ у другихъ. Первобытный строй не знаетъ нищихъ, одинокихъ и голодныхъ. Кромѣ того, мы уже отмѣтили, что первобытный человѣкъ допускаетъ только ограниченную собственность, т. е. право пользованія, а не владѣнія. Европейецъ, постоянно озабоченный накопленіемъ имуществъ, казался дикарю какимъ то безумцемъ. Тяжелый, небезпеченный наемный трудъ въ теченіе цѣлаго дня онъ считалъ рабствомъ. Братство и равенство, правдивость и самоотверженность, простой образъ жизни и свобода,—вотъ отличительныя черты первобытнаго общества. Какими глазами долженъ былъ смотрѣть первобытный человѣкъ на пришельцевъ, живыхъ, самолю-

бывших и алчущих наживы? Столкновение первобытных людей с европейцами еще болѣе привязывало дикарей и варваровъ къ условіямъ ихъ быта, а обиды, наносимыя имъ, еще сильнѣе заставляли ихъ ненавидѣть «цивилизацию». «Въ доказательство глупости бѣлыхъ, одинъ краснокожій указывалъ на большія и прочныя постройки, воздвигаемыя европейцами, несмотря на недолговѣчность человѣка. Онъ презиралъ бѣлыхъ за то, что они находятъ въ постоянной тревогѣ за свое имущество, что они его рабы, укорялъ ихъ въ алчности и себялюбіи, его нравственное чувство возмущалось при видѣ европейскаго общественнаго строя, при которомъ такъ низко цѣнятся мужество и индивидуальныя качества и такъ высоко ставятся титулы, богатство и другіе внѣшніе отличительныя признаки. Законы, регулирующие жизнь европейцевъ, онъ считалъ зломъ, такъ какъ они слишкомъ сложны, рѣдко доступны пониманію простаго человѣка, часто подають поводъ къ подкупамъ и предоставляютъ громадную власть дурнымъ людямъ». Вайтцъ, изъ сочиненія котораго мы заимствовали этотъ отрывокъ, проницательно прибавляетъ: «Пусть кто-нибудь попробуетъ разувѣрить краснокожаго».

Противники современнаго европейскаго строя, руководствуясь подобными критическими замѣчаніями первобытныхъ людей, произнесли приговоръ надъ нашей цивилизаціею. Мы говоримъ это безъ всякаго преувеличенія. Не даромъ Энгельсъ въ трудѣ Моргана нашелъ оружіе противъ современныхъ общественныхъ порядковъ.

Прибавимъ къ этому, что туда, гдѣ европейцы сталкиваются съ первобытными людьми, отправляются сперва отбросы цивилизаціи, преступники или искатели приключеній, жаждущіе скорого обогащенія и не разборчивые въ средствахъ. Цивилизація какъ будто силится показать первобытнымъ народамъ свои отрицательныя стороны. Столкновение это не что иное, какъ непрерывная кровавая драма. Возьмемъ, напр., тасманійскую войну, окончательно истребившую тасманійцевъ.

Въ 1803 г. Англія захватила островъ Тасманію и включила его въ свои владѣнія на томъ основаніи, что туземцы ведутъ неосѣдлый образъ жизни и поэтому не имѣютъ никакого права на островъ. Изъ 7,000 туземцевъ въ 1832 г. осталось всего 400, а въ 1878 г. или по новѣйшимъ источникамъ въ 1883 г. умеръ послѣдній потомокъ этого вымершаго племени. Представителями цивилизаціи явились сюда 40 человѣкъ преступниковъ съ сопровождавшими ихъ экипажемъ ко-рабля. Эти «законы» владѣльцы были дружески приняты черными, но хорошія отношенія продолжались недолго. Въ 1804 г. толпа дикарей въ 200 человѣкъ, мужчинъ, женщинъ и дѣтей, безъ всякаго боевого оружія охотилась на кэнгуру; пьяный офицеръ велѣлъ солдатамъ дать залпъ; убито было 50 человѣкъ. Два года спустя, вслѣд-

ствие недостатка провіанта, преступниковъ распустили и они тотчасъ же начали убивать дѣтей, убивать мужчинъ, чтобы захватить женщинъ, привязывая имъ къ шеѣ голову убитаго мужа; у мужчинъ вырѣзывали половые органы; въ беременных женщинъ стрѣляли, какъ въ цѣль, грудныхъ младенцевъ бросали въ огонь! Иногда бѣлый для забавы приставлялъ незаряженный пистолетъ къ уху дикаря и спускалъ курокъ, затѣмъ замѣнялъ его заряженнымъ, и несчастный туземецъ самъ убивалъ себя. Преступники убивали туземцевъ, чтобы мясомъ ихъ кормить своихъ собакъ. Кромѣ того, пріѣзжавшіе изъ Европы колонисты занимали берегъ. Черные, отрѣзанные отъ моря, лишеныя всякихъ средствъ къ существованію, прибѣгали къ возмездію: уводили стада, поджигали стоявшіе особнякомъ дома и убивали колонистовъ. Тогда бѣлые предпринимали систематическія облавы на «чернаго звѣря»: охотники раздѣляли островъ на участки, грабили и убивали черныхъ. Официальные отчеты объ этихъ облавахъ гласятъ: «10 убитыхъ, 2 плѣнныхъ», «9 убитыхъ, 3 плѣнныхъ»... Дикари боролись отчаянно; въ 1833 году 150 туземцевъ наводили страхъ на 30 тыс. бѣлыхъ. Въ это время въ качествѣ посредника между туземцами и бѣлыми выступаетъ нѣкій Робинзонъ; путемъ миролюбивыхъ переговоровъ онъ склоняетъ тасманійцевъ сдаться, обѣщая имъ новую, чудесную землю, изобилующую кэнгуру. Переговоры увѣнчались успѣхомъ: ничтожную кучку черныхъ высадили на островъ безъ лѣса и дичи и поручили ихъ надзору стараго унтеръ-офицера. Впослѣдствіи его замѣнили миссіонеры, которые внушали имъ плетью нравственныя понятія. Въ 1847 г. послѣднимъ 44 изгнанникамъ разрѣшено было возвратиться въ Тасманію, гдѣ имъ опять отвели безплодные участки. Нѣсколько десятковъ лѣтъ спустя умеръ послѣдній представитель ограбленнаго племени. Эта картина истребленія дикарей даетъ лишь общее представленіе о борьбѣ между бѣлыми и туземцами; но тѣмъ не менѣе она вѣрно иллюстрируетъ ходъ событій, и въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ надо принимать во вниманіе лишь размѣръ борьбы. Такъ, отчеты о борьбѣ съ готтентотами гласятъ: «Взять первый крааль, убитыхъ—75, плѣнныхъ—21; взять второй крааль, убитыхъ—85, плѣнныхъ—22».

Наконецъ, слѣдуетъ еще указать на различіе во взглядахъ на собственность и справедливость, обостряемое ненавистью, которая вызываетъ множество новыхъ столкновеній. «Неотчуждаемость земли является основнымъ понятіемъ у негровъ. Начальникъ племени можетъ разрѣшить чужеземцу воздѣлывать свободныя общинныя поля за извѣстную арендную плату, но этотъ договоръ можетъ быть лишь пожизненнымъ. Со смертію арендатора наслѣдникъ его долженъ возобновить договоръ». Между тѣмъ европейцу кажется, что онъ приобрѣлъ поля уже

навсегда. Такого рода недоразумѣнія неоднократно служили поводомъ, напр. въ Новой Зеландіи, къ продолжительнымъ войнамъ. Впрочемъ, это различіе во взглядахъ на собственность лучше всего иллюстрируется слѣдующею рѣчью, съ которою австралійскій вождь обратился къ англичанамъ. «Почему вы, бѣлые люди, являетесь на судахъ въ нашу страну и убиваете черныхъ, которые не понимаютъ, чего вы хотите отъ нихъ? Слушайте! Черные дикари, мои соплеменники, не знаютъ и не понимаютъ вашихъ законовъ. Всякій звѣрь, бѣгающій по землѣ, всякій корень, растущій въ землѣ, принадлежитъ всѣмъ. Черный считаетъ своею собственностью только одежду, оружіе и имя, которое онъ носитъ. Онъ не можетъ понять, почему одному человѣку предоставлено больше правъ на растенія и животныя, чѣмъ другому. Голодная и изнуренная толпа туземцевъ спускается съ горъ и встрѣчаетъ неизвѣстныя имъ дотоли животныя, которыхъ вы называете овцами. Понятно, мы тотчасъ же бросаемъ въ нихъ копья и устраиваемъ пиръ. Тогда вы, бѣлые люди, являетесь и стрѣляете въ насъ. Но мы отомстимъ вамъ и за cadaго убитаго черного убьемъ бѣлаго! Нашъ бѣдный голодный женщины, привыкшія выкапывать изъ земли каждый съѣдобный корень, видятъ засаженное картофелемъ поле! Имъ нуженъ ямсъ, поэтому онѣ выкапываютъ картофель и прячутъ его. Приходятъ бѣлые и убиваютъ черныхъ женщинъ. Я отомщу за нихъ: жизнь за жизнь!» Естественно, что въ виду такого различія во взглядахъ не можетъ быть недостатка въ поводахъ къ борьбѣ и къ взаимной ненависти. Мало того, каждая изъ сторонъ полагаетъ, что она защищаетъ «законныя» свои права: какъ австраліецъ, убивающій барановъ, такъ и бѣлый, который мститъ «хищникамъ». Но и этого мало. Австраліецъ, которому европеецъ нанесъ обиду, не пойдетъ въ судъ, такъ какъ онъ не понимаетъ этого учрежденія; онъ будетъ искать, согласно своимъ племеннымъ обычаямъ, кровавой мести; его обличать въ преступленія, благодаря чему его постигнетъ кара, а онъ въ свою очередь приметъ это за объявленіе войны.

Всѣ эти факты указываютъ на то, что о приспособленіи дикарей и варваровъ къ условіямъ цивилизации не можетъ быть и рѣчи. Поводовъ къ борьбѣ всегда много: они коренятся какъ въ различіи общественнаго строя, такъ и въ самихъ представителяхъ его. Столкновение первобытныхъ людей съ европейцами неизбежно; объ этомъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ исчезновение многихъ первобытныхъ народовъ и быстрое вымирание остальныхъ. Если они еще неокончательно псечали, то влечать самое жалкое существованіе среди нищеты, грязи и деморализаціи. Понятно, что прежній общественный семейный строй не могъ сохраниться тамъ, гдѣ изъ нѣсколькихъ тысячъ людей осталось всего нѣсколько десятковъ и гдѣ зача-

стую одинъ полъ въ нѣсколько разъ превышаетъ своею численностью другой. Краснокожіе Сѣверной Америки хорошо понимали всѣ преимущества техники бѣлыхъ людей. «Будемъ охотиться — говорилъ вождь онеидовъ: — чтобы изощрить наше терпѣніе, выносливость и ловкость, но примемся въ то-же время и за обработку полей, на которыхъ мы выросли. Разведемъ воловъ, коровъ, свиней и лошадей. Выучимся ковать желѣзо, которое даетъ бѣлымъ людямъ такіа превосходства. Почему у меня нѣтъ орлиныхъ крыльевъ, чтобы взлетѣть на вершину горы, откуда мои слова вмѣстѣ съ вѣтромъ донеслись бы до всѣхъ народовъ, живущихъ подъ нашимъ солнцемъ». Но ненависть и презрѣніе чернокожихъ къ европейцамъ были еще настолько сильны, что помѣшали имъ перенять ихъ техническія пріобрѣтенія. Только самые неподатливые элементы усваивали европейскую цивилизацію.

Исключеніе составляютъ только земледѣльцы, численность которыхъ, несмотря на гнетъ европейцевъ, все увеличивается. Они отлпчались такою силою сопротивленія, потому что общественное развитіе поставило ихъ у порога цивилизаціи и лишило варварскихъ инстинктовъ, т. е. своеволия, безпечности и необузданности. Однако нашествіе бѣлыхъ разоряетъ и земледѣльцевъ, усиливаетъ существующій въ ихъ средѣ антагонизмъ и побуждаетъ мѣстныхъ эксплуататоровъ нарушать солидарность съ остальной частью населенія. «Если негръ и перенимаетъ что-нибудь отъ бѣлыхъ, то только, что потворствуетъ его дурнымъ инстинктамъ, но не содѣйствуетъ его умственному развитію. Онъ любитъ спиртные напитки, оружіе, порохъ и наряды, но никогда не беретъ книгъ въ руки, хотя и учился въ нашихъ сенегальскихъ школахъ». Нашествіе бѣлыхъ цивилизаторовъ равносильно массовому истребленію дикарей и охотничьихъ варварскихъ племенъ; оно влечетъ за собою полнѣйшую дезорганизацію и обѣдненіе земледѣльцевъ, развратъ среди нихъ, обманъ и отравленіе водкой. Прежде надѣялись, что миссіонеры предотвратятъ это зло, словно они могутъ измѣнить характеръ нашей цивилизаціи и ея экономическія основы! Впрочемъ, распространеніе христіанства въ колоніальныхъ странахъ напоминаетъ пріемы крестоносцевъ и меченосцевъ. По этому поводу въ 1863 г. состоялись горячія пренія въ лондонскомъ антропологическомъ обществѣ; присутствующіе въ концѣ концовъ приплы къ заключенію, что деньги, предоставляемыя миссіонерамъ, ни къ чему не ведутъ, потому что послѣдніе нисколько не содѣйствуютъ культурнымъ, нравственнымъ и даже техническимъ успѣхамъ обрабааемыхъ въ христіанство народовъ. Скорѣе слѣдуетъ пожелать вмѣстѣ съ Летурно, чтобы среди тѣхъ племенъ, которыя, какъ напр. гуанчи, обнаруживаютъ довольно значительныя способности, были искоренены различныя суевѣрія, трудно устранимыя впоследствии, и чтобы къ

нимъ посылались не миссіонеры, а врачи и агрономы. Вопросъ этотъ неоднократно возбуждался и въ парижскомъ антропологическомъ обществѣ.

Во время борьбы между полигенистами и моногенистами очень часто затрогивался вопросъ о послѣдствіяхъ скрещиванія. Крайности обѣихъ доктринъ въ высшей степени рельефно отразились на разработкѣ этого вопроса. Сторонники полигенизма доказывали, что метисы безплодны. Напр. Кнокъ заявлялъ, что человѣческій родъ погибаетъ вслѣдствіе скрещиванія, и предсказывалъ вымираніе цѣлыхъ народовъ, напр. въ Мексикѣ, гдѣ, по его мнѣнію, метисы мѣстной расы и пришлаго элемента вымрутъ вслѣдствіе безплодія, бѣлые же народы не акклиматизируются. «Природа не создала метиса и не допустить, чтобы онъ упрочился». Въ Вашингтонѣ и въ другихъ мѣстностяхъ возникли даже спеціальныя общества съ цѣлью противодействовать скрещиванію. «Великая педагогическая задача—говорить другой полигенистъ Перье—выпала на долю бѣлыхъ расъ. Пусть распространится среди народовъ духъ братства и взаимнаго уваженія, и пусть люди все болѣе проникаются этими чувствами! Но будемъ разсудительны: всѣ народы не могутъ пить изъ одной и той же чаши цивилизаціи. Предполагать это было бы безуміемъ! Не въ смѣшеніи расъ и не въ нивелировкѣ слѣдуетъ искать идеаловъ, а скорѣе въ этническомъ объединеніи всѣхъ своеобразныхъ способностей всѣхъ вѣтвей человѣчества». Полигенизмъ въ заботѣ о здоровьѣ человѣчества договорился до признанія пользы кровосмѣшенія между родственниками и даже рекомендовалъ брачныя отношенія между родственниками. Діаметрально противоположное мнѣніе высказали моногенисты. Они предполагаютъ, что скрещиваніе расъ, равно какъ вообще браки между неродственными другъ другу лицами, даютъ болѣе здоровое и болѣе сильное потомство. «Въ недалекомъ будущемъ—говоритъ Бадипонъ—на земномъ шарѣ вслѣдствіе постоянного кровосмѣшенія не будетъ ни бѣлой расы, ни желтой, ни черной, останутся только метисы съ менѣе противоположными способностями, чѣмъ въ настоящее время, и съ болѣе развитыми альтруистическими чувствами. Согласіе воцарится полнѣйшее, такъ какъ расовый антагонизмъ исчезнетъ, существующія же различія будутъ низведены до степени отѣнковъ, обусловленныхъ климатомъ. Скрещиваніе уничтожитъ внутреннія и международныя столкновенья и установитъ общечеловѣческое братство».

Съ разрѣшеніемъ вопроса о невольничествѣ въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ и общественныя страсти, выразившіяся въ антропологическихъ спорахъ, успокоились. Прежнія крайности какъ полигенизма, такъ и моногенизма встрѣчаются теперь

рѣдко. Одно только не измѣнилось: обѣ стороны опирались на факты сомнительные и не точные. Въ настоящее время, хотя прошло уже нѣсколько десятковъ лѣтъ, наука немного двинулась впередъ. Пересматривая новѣйшіе труды, мы напрасно стали бы искать новыхъ провѣренныхъ и болѣе многочисленныхъ фактовъ, хотя въ наше время скрещиваніе расъ приняло небывалые размѣры. Дѣло въ томъ, что европеецъ самъ вступаетъ въ бракъ съ представителями другихъ расъ и поощряетъ ихъ къ бракамъ между собой. Разныя мѣстности въ Америкѣ и острова, окружающіе юго-восточную Азію, въ настоящее время представляютъ зрѣлище непрерывнаго скрещиванія. Самыя различныя племена: американскія, африканскія, арійскія и монгольскія, скрещиваются здѣсь, и метисы насчитываются милліонами; предполагаютъ, что они составляютъ 1—2% всего человѣческаго рода. Этотъ процессъ еще болѣе усилится, когда Африку прорѣжутъ желѣзныя дороги, южную Сибирь займутъ славяне, а желтолицыя будутъ вовлечены въ водоворотъ міровой жизни. Итакъ, мы видимъ, что изученіе послѣдствій скрещиванія расъ имѣетъ не только теоретическое, но и огромное практическое значеніе.

Скрещиваніе въ колоніяхъ создаетъ новые антропологическіе типы. Что это за типы и на основаніи какихъ законовъ органической жизни появляются они? Этотъ вопросъ сравнительно болѣе разработанъ, и всестороннее выясненіе его поможетъ разрѣшить не одну темную сторону родословной человѣчества. Достаточно указать на *кафузовъ*,—помѣсь негра и бразильскаго индѣйца, съ ихъ огромной шевелюрой, напоминающей метлу, чтобы понять, что шевелюра папуасовъ быть можетъ является результатомъ скрещиванія первобытнаго мягковолосаго меланезійца съ другимъ типомъ, имѣющимъ жесткіе и прямые волосы. Скрещиваніе же желтаго короткоголоваго, бѣлаго типа и негритоса даетъ помѣсь, напоминающую темныхъ дикарей съ гладкими волосами, живущихъ на Филиппинскихъ островахъ или въ Австраліи. Остальные вопросы, касающіеся здоровья, плодovitости и умственныхъ способностей метисовъ, остаются пока еще открытыми. Это объясняется многими причинами. Только наблюденія, произведенныя со всей научной точностью надъ нѣсколькими поколѣніями, могутъ выяснить истинное положеніе. Къ тому же въ этомъ процессѣ играютъ роль много сложныхъ факторовъ, не имѣющихъ ничего общаго съ антропологіей. Метисы иногда представляютъ собою людей отверженныхъ, на которыхъ обѣ стороны смотрятъ съ презрѣніемъ. Нравственный ихъ уровень очень низкій, организмъ слабъ. Но необъясняется-ли все это скорѣе нищетой, въ какой они живутъ? Бываетъ и такъ, что смѣшеніе расъ происходитъ въ климатѣ, столь убійственнымъ для одной изъ группъ, что лишаетъ ее потомства.

Развъ безплодіе метисовъ не можетъ быть кое-гдѣ объяснено этою причиною, особенно когда существуютъ факты, доказывающіе, что одни и тѣ-же метисы въ одномъ климатѣ пользуются здоровьемъ, а въ другомъ отличаются болѣзненностью? Впрочемъ, вопросомъ какъ о положительныхъ, такъ и о отрицательныхъ сторонахъ скрещиванія мы займемся ниже. Теперь же перейдемъ къ изслѣдованнымъ уже сторонамъ вопроса о скрещиваніи расъ.

При скрещиваніи легче всего сливаются такія черты, какъ окраска кожи, строеніе мускуловъ и жировой ткани. Остеологическія же особенности, иногда и волосы, обыкновенно наследуются отъ одного изъ родителей или являются ничѣмъ инымъ, какъ механическимъ сочетаніемъ обоихъ типовъ. Сочетаніе физическихъ чертъ родителей у метисовъ разнообразно до безконечности. Отецъ бѣлый—мать индианка изъ сѣверной Америки; ихъ дѣти—два мальчика совершенно бѣлые, двѣ дочери индианки. Отъ другой такой же четы произошли дѣти: одна изъ дочерей бѣлая, другая индианка, 2 мальчика и 4 дочери представляютъ соединеніе обоихъ типовъ въ различной степени. Родители: негръ и арабка; дѣти: двое изъ нихъ принадлежатъ къ негритянскому типу и двое къ семитическому. Впрочемъ, эти повидимому разнохарактерныя явленія подчинены извѣстнымъ законамъ: одинъ родитель даетъ потомству преимущественно однѣ, другой — другія черты. Эти законы, неудовимые въ отдѣльномъ случаѣ, обнаруживаютъ свое дѣйствіе, когда мы беремъ большія цифры. У метисовъ длинноголового блондина съ средне-европейскимъ короткоголовымъ типъ послѣдняго преобладаетъ, такъ что на 1000 представителей того и другого мы получимъ по истеченіи извѣстнаго періода времени населеніе исключительно короткоголовое, съ темными волосами и темными глазами. Особенно короткоголовое строеніе черепа имѣетъ сильную склонность передаваться потомству, въ то время какъ у блондина голубые глаза представляютъ такую же расовую устойчивость. У потомства бѣлаго и желтаго короткоголового преобладаетъ окраска кожи перваго, второй же передаетъ ему строеніе глазъ и свойства волосъ. Ребенокъ отъ мексиканца и испанца имѣетъ также бѣлый цвѣтъ лица со скудною растительностью, небольшія руки и древнемексиканское строеніе глазъ. Метисы бѣлаго и негра по своей окраскѣ, по строенію пятки, особенно же носа, представляютъ значительное сходство съ чернымъ предкомъ. Вообще негры отличаются большою силою наследственной передачи. Чтобы мулата привести опять къ черному типу, требуется 2—3 поколѣнія, а къ бѣлому 5—6. Иногда при извѣстныхъ сочетаніяхъ выступаютъ черты, прежде не встрѣчавшіяся; метисъ англичанина съ новозеландцемъ, иногда бѣлаго съ негромъ, семита съ негромъ имѣютъ красноватый цвѣтъ кожи; гладкіе волосы

монгола и американца и курчавые негра переходятъ въ метлообразные. Расовое смѣшеніе отражается также на паталогическихъ наклонностяхъ и на темпераментѣ человѣка. Одна четверть черной крови предохраняетъ бѣлую расу отъ желтой лихорадки, одна четверть бѣлой крови предохраняетъ полинезійца отъ чахотки. Фульбы, ведущіе кочевой образъ жизни, становятся менѣ подвижны и болѣе занимаются земледѣліемъ, если въ нихъ есть негритянская кровь.

Итакъ, несмотря на всю кажущуюся случайность, и тутъ существуютъ извѣстные наследственные законы.

Организмъ метиса, особенно отъ типовъ совершенно различныхъ, не можетъ быть крѣпкимъ, здоровымъ и производить потомство. Гармоническое сочетаніе различныхъ чертъ чистаго типа нарушено, новыя же еще не упрочились. Въ этомъ отношеніи любопытное зрѣлище представляетъ населеніе тѣхъ странъ, гдѣ скрещиваніе различныхъ типовъ происходило въ широкихъ размѣрахъ. Носъ не соответствуетъ лицу, голова—туловищу. То же можно сказать о столь часто встрѣчаемой въ городахъ неодинаковой силѣ приспособленія глазъ; индивидъ наследовалъ одинъ глазъ отъ отца, другой—отъ матери.

Такая же асимметрія (губы неправильной формы, кривой носъ) встрѣчается у метисовъ во всѣхъ частяхъ тѣла. Все это повидимому влияетъ на увеличеніе смертности среди метисовъ, особенно если они поставлены въ неблагопріятныя климатическія условія. Такъ напр. метисы малайца (индонезійца) и китайца благополучно живутъ на Филиппинскихъ о-вахъ, но они безплодны и вымираютъ на сырыхъ болотистыхъ индо-китайскихъ дельтахъ. Далѣе, съ этой асимметріей можетъ идти рука объ руку увеличеніе числа несчастныхъ родовъ и сравнительное безплодіе. Краснокожіе сѣверной Америки отличаются чрезвычайно маленькой головой; роды у нихъ женщинъ бываютъ несчастны, если онѣ родятъ ребенка отъ бѣлаго, т. е. съ головою несообразно большою. Неустановившійся въ расовомъ смыслѣ организмъ влияетъ и на характеръ. Метисъ напр. фульба и негра можетъ проявлять то кочевые инстинкты, то осѣдлые. Лапужъ говоритъ то-же о метисѣ блондина и короткоголового. Словомъ, *теоретически* слѣдуетъ признать метиса въ сравненіи съ чистыми типами неустановившимся организмомъ, слабымъ и болѣзненнымъ.

Однако факты свидѣтельствуютъ, что этотъ вопросъ болѣе сложный, чѣмъ можетъ казаться. На самомъ дѣлѣ цѣлые народы состоятъ изъ метисовъ, безъ видимаго ущерба для ихъ здоровья и плодovitости. Такимъ же цвѣтущимъ здоровьемъ отличаются новообразовавшіяся помѣси, напр. питкэрнцы: 9 бѣлыхъ, 6 тайтянъ, вскорѣ убитыхъ, и 6 тайтянокъ поселились на необитаемомъ островѣ, поддерживая между собою безпорядочныя половыя сношенія. Съ 1790—1856 населеніе возросло

до 193 человек; оно имѣетъ крѣпкое тѣлосложеніе и вполне здорово (взрослые могутъ проплыть вокругъ острова, имѣющаго въ окружности 11 километровъ, и поднимать тяжести въ 224 килограмма). Бывали и такіе случаи, когда плодовитость даже усиливалась отъ скрещиванія двухъ типовъ. Между тѣмъ о такъ называемыхъ *липлянахъ*, (помѣсь голландцевъ и малайцевъ) говорятъ, что они мало интеллигентны, во второмъ поколѣніи сравнительно мало плодовиты, въ третьемъ же совершенно безплодны или производятъ на свѣтъ однихъ только дочерей.

Другими словами, повидимому, скрещиваніемъ каждаго двухъ типовъ управляютъ различные законы, какъ это прекрасно выяснилъ д-ръ Верникъ, по словамъ котораго дѣти, рожденныя отъ японки и нѣмца (преимущественно блондина), не отличаются здоровьемъ, а дѣти отъ японки и француза (короткоголоваго темно-русаго) здоровѣе самихъ японцевъ. Слѣдовало-бы подтвердить это наблюденіе болѣе многочисленными примѣрами. Итакъ, только при помощи фактовъ можно рѣшить вопросъ о послѣдствіяхъ скрещиванія. Въ настоящее время мы имѣемъ въ своемъ распоряженіи болѣе богатый матеріалъ лишь относительно мулатовъ, т. е. метисовъ бѣлаго и чернаго типа. «Мулаты Ямайки болѣею частью крѣпкого тѣлосложенія, а мулатки отличаются даже красивыми чертами лица. Иногда они вступаютъ въ бракъ другъ съ другомъ, и тогда обыкновенно не имѣютъ дѣтей. Въ нихъ есть вѣчто напоминающее мула». Это наблюденіе сдѣлано въ 1774 г., стало быть въ то время, когда еще экономическіе интересы не усложнили вопроса, и заслуживаетъ особеннаго вниманія потому, что принадлежитъ лицу совершенно безпристрастному. Д-ръ Ноттъ, на основаніи своей 21-лѣтней практики среди различнаго въ расовомъ отношеніи населенія въ Алабамѣ и южн. Королинѣ, утверждаетъ, что метисы болѣзненны, смертность у нихъ весьма значительна, и выкидыши—обыкновенное явленіе. Мнѣніе д-ра Нотта, что метисы блондина и негра слабы, а метисы брюнета и негра имѣютъ болѣе здоровое потомство, весьма характерно и важно для насъ, такъ какъ оно исходитъ отъ завзятаго полигениста. Однако, всѣ мнѣнія основаны лишь на субъективныхъ данныхъ, легко вводящихъ въ заблужденіе. Исключеніе представляютъ развѣ въполнѣ научныя наблюденія д-ра Беранже-Феро, сенегальскаго врача (1879). Авторъ, далекій отъ какиихъ-либо окончательныхъ выводовъ, указываетъ лишь на то, что мулатское населеніе въ Сенегалѣ по своей численности всегда прямо пропорціонально постоянному бѣлому населенію, и что хотя бѣлый и негрятянка производятъ здоровыхъ и сильныхъ дѣтей, но браки между ихъ правнуками безплодны, такъ какъ у женщинъ часто происходятъ выкидыши; если же онѣ и рожаютъ, то по большей части дѣвочекъ.

Мы привели самыя солидныя данныя, указывающія на отрицательные результаты скрещиванія типовъ бѣлаго и чернаго. При разсмотрѣніи занимающаго насъ вопроса необходимо еще коснуться значенія для скрещиванія климата, общественнаго положенія и т. п. Другими словами, собранный матеріалъ не даетъ намъ никакого права высказать опредѣленный выводъ, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣчь идетъ о негрѣ и бѣломъ. Между тѣмъ мнѣніе о сравнительномъ безплодіи метисовъ встрѣчаетъ менѣе всего противниковъ.

Несмотря на отсутствіе фактовъ, нѣкоторые антропологи ставятъ вопросъ о вліяніи скрещиванія на умственные способности метисовъ и силятся разрѣшить его *à priori*. Руководствуясь наблюденіемъ, что при скрещиваніи голубей птенцамъ передаются атавистическимъ путемъ черты, отсутствующія у родившей ихъ пары, былъ поднятъ вопросъ, не случается ли что-нибудь подобное у помѣсей разныхъ человѣческихъ расъ? Замѣчено, что рыжіе типы появляются при скрещиваніи очень различныхъ расъ, и въ цвѣтѣ ихъ волосъ усматриваютъ атавистическія черты отдаленнаго предка. Впрочемъ, это наблюденіе требуетъ тщательной проверки. Для насъ имѣютъ значеніе конечно не физическія черты, сравнительно второстепенныя для культурнаго развитія человѣчества, а нравственныя и интеллектуальныя. Существуютъ данныя, которыя, если-бы онѣ подтвердились, свидѣтельствовали бы о появленіи духовнаго атавизма, какъ послѣдствія скрещиванія. Дарвинъ отмѣчаетъ, что американскіе метисы (индѣецъ + бѣлый + черный) рѣдко симпатичны; метисовъ же съ береговъ Замбези (португалецъ + банту) признаетъ нравственными уродами, о которыхъ туземцы говорятъ: «Богъ создалъ бѣлыхъ и черныхъ людей, діаволъ же — ихъ помѣся». Но прежде чѣмъ ссылаться на эти факты, какъ на доказательство вырожденія расъ, слѣдуетъ принять во вниманіе, что метисы, презирая низшую расу, отъ которой они произошли, стремятся подняться къ высшей, отрекающейся отъ нихъ. Въ этомъ социальномъ положеніи метисовъ заключается много противонравственнаго. Наконецъ не слѣдуетъ еще забывать, что иногда скрещиваются отбросы той и другой расы. Нѣкоторые изслѣдователи утверждаютъ, что низкій уровень развитія умственныхъ способностей метиса обусловливается той же причиной. Самымъ яркимъ доказательствомъ такого вырожденія является пока таблица Гента относительно вѣса мозга солдатъ, принимавшихъ участіе въ сѣверо-американской гражданской войнѣ. Средній вѣсъ мозга составлялъ въ граммахъ:

у	24	чистокровныхъ бѣлыхъ	1,424
"	45	$\frac{3}{4}$ бѣлой крови + $\frac{1}{4}$ черной)	1,390
"	47	$\frac{1}{2}$ " " + $\frac{1}{2}$ ")	1,384
"	51	$\frac{1}{4}$ " " + $\frac{3}{4}$ ")	1,319

у 95 ($\frac{7}{8}$ черной крови + $\frac{1}{8}$ бѣлой) . . .	1,308
" 22 ($\frac{15}{16}$ " " + $\frac{1}{16}$ ") . . .	1,280
" 141 (чистокровныхъ черныхъ) . . .	1,331

Скрещиваніе, на сколько можно довѣриться выводамъ изъ этихъ немногочисленныхъ наблюденій, всякій разъ, какъ черная кровь преобладаетъ, низводитъ мозгъ метиса къ уровню даже болѣе низкому, чѣмъ у негра. Съ другой однако стороны, Велькеръ сдѣлалъ изъ своихъ наблюденій диаметрально противоположный выводъ. Въ среднемъ емкость черепа составляла:

у 47 негровъ	1,330 куб. сант.
" 3 мулатовъ негроподобныхъ . . .	1,322 " "
" 5 " бѣлоподобныхъ . . .	1,502 " "
" терпероновъ	1,550 " "
" нѣмцевъ	1,475 " "

Въ виду столь противорѣчивыхъ выводовъ слѣдуетъ воздержаться отъ всякихъ преждевременныхъ обобщеній.

Въ прежнія времена, когда какое-нибудь племя покидало первоначальную родину и переселялось въ другія мѣстности съ иными климатическими условіями, оно подвигалось впередъ шагъ за шагомъ. Неблагопріятныя климатическія условія истребляли въ каждомъ поколѣніи болѣе слабые элементы. Передвиженія племени, совершавшіяся нѣсколькими поколѣніями, не сразу похищали значительную часть населенія. Кромѣ того извѣстное племя постепенно смѣшивалось съ типами, приспособленными уже къ климату, и такимъ образомъ сохраняло свое этническое существованіе. Въ настоящее же время эмиграція изъ одной мѣстности въ другую, съ совершенно иными климатомъ, происходитъ, благодаря усовершенствованнымъ средствамъ сообщенія, очень быстро, и никогда еще переходы изъ одного климата въ другой не совершались въ такихъ широкихъ размѣрахъ, какъ теперь. Европейецъ сразу переносится въ окрестности Ріо-Жанейро и въ самые разнообразныя по своимъ климатическимъ условіямъ уголки земного шара. Поэтому никогда еще не выступала такъ рельефно истина, что между расой и климатомъ существуетъ извѣстная связь. Представители капитала, благодаря своему всемірному вліянію, разсылаютъ всюду своихъ агентовъ. Для нихъ весьма важенъ вопросъ, какими типами имъ воспользоваться въ каждомъ данномъ случаѣ, чтобы съ наименьшей затратой силъ и денежныхъ средствъ получить наибольшую прибыль. Затѣмъ они для охраненія «своихъ правъ» посылаютъ туда войска, по отношенію къ которымъ возникаетъ тотъ-же вопросъ. Наконецъ, десятки тысячъ неудачниковъ бѣгутъ изъ Европы въ чужія страны и, несмотря на невни-

мательное къ нимъ отношеніе современнаго общества, политическіе и фискальные интересы заставляютъ призадуматься надъ вопросомъ объ ихъ акклиматизаціи. При такихъ условіяхъ возникла новая отрасль науки, извѣстная подъ различными названіями: расовой паталогіи, антропологической мезологіи, медицинской географіи, и въ то-же время были предприняты опыты умѣлой колонизаціи. Если же наука пустила ростки въ этомъ направленіи, то она сдѣлала это не столько по теоретическимъ соображеніямъ, сколько изъ желанія облегчить капиталу предпринимаемыя имъ экспедиціи.

Несоответствіе между типомъ и климатомъ находитъ свое объясненіе въ тѣхъ условіяхъ жизни, подъ вліяніемъ которыхъ извѣстный типъ развивался. Холодный, умѣренный и жаркій поясы земного шара представляютъ диаметрально противоположныя условія для чело-вѣческаго существованія. Организмъ англичанина, шведа, а тѣмъ болѣе исландца и эскимоса, приспособленъ къ окружающей средѣ. Но если ихъ переселить куда-нибудь подъ тропики, то они окажутся въ совершенно иныхъ условіяхъ. Прежде всего подъ тропиками воздухъ содержитъ въ данномъ объемѣ меньше кислорода, поэтому дѣятельность легкихъ вслѣдствіе недостатка «топлива» у нѣмца и англичанина понижается на 18,5%, что влечетъ за собой пониженіе температуры тѣла на 0,83°. Процессы обмѣна и выдѣленія у европейца, переселившагося подъ тропики, подвергаются ослабленію или измѣненію, напр. количество углекислоты, выдѣляемое легкими, уменьшается на 12,24%. Въ то же время упругость газовъ въ воздухѣ жаркихъ странъ болѣе значительна, чѣмъ въ умѣренномъ поясѣ (въ Берлинѣ она составляетъ 7,5, въ Занзибарѣ 20,0 м.), вслѣдствіе чего легкія европейца теряютъ подъ тропиками прежнюю способность выдѣлять воду, мало того, весь процессъ выдѣленія воды организмомъ нарушается. Въ Англіи легкія выдѣляютъ 26,97%, почки 59,54% и кожа 8,55% воды; подъ тропиками для тѣхъ же органовъ получаемъ слѣдующія цифры: 22%, 42% и 31%. Невыдѣленные вещества накапливаются въ печени, дѣятельность которой сильно повышена. Колонистъ теряетъ аппетитъ, становится вялымъ, печень же его и органы пищеваренія проявляютъ наклонность къ воспалительнымъ процессамъ. Это—почва, чрезвычайно благопріятная для развитія различныхъ лихорадочныхъ заболѣваній; особенно дизентерія, лихорадка и воспаленіе печени похищаютъ много жертвъ. Въ Сенегалѣ на долю дизентеріи приходится 37%, на долю болотной лихорадки 31% всѣхъ смертныхъ случаевъ между европейцами. Въ Бомбей дизентерія составляетъ 61,93%, въ Мадрасѣ 31,62% всѣхъ заболѣваній среди бѣлыхъ. Далѣе, физическія и умственные силы слабеютъ, и въ то же время колонистъ начинаетъ страдать нервною

раздражительностью, чѣмъ отчасти и объясняется жестокость бѣлыхъ подъ тропиками. Наконецъ, появляются и другія нарушенія дѣятельности организма: пониженіе плодovitости и частые выкидыши. Какъ организмъ европейца не приспособленъ къ тропическому климату въ сравненіи съ организмомъ негра, наглядно показываетъ слѣдующая таблица:

Съ 1817—1836 гг. умерло на тысячу человѣкъ:

	въ Гвинеѣ.	на о. Тринидадѣ.	на о. Табаго.	на о. Гранадаѣ.	на о. св. Викентія.
англичанъ .	84	106	152	61	51
негровъ . .	40	39	34	28	36

	на о. св. Луціи.	на о. Доминика.
англичанъ .	122	137
негровъ . .	42	35

Между тѣмъ какъ болотная лихорадка составляетъ у англичанъ на о. Ямаикѣ 10%, всего количества смертныхъ случаевъ, на Тринидадѣ 6%, въ Сьерра—Леонѣ 41%, соотвѣтственныя цифры для негровъ слѣдующія: въ 0,8%, 0,3%, 0,2%. Кровавый поносъ на о. Тринидадѣ похищаетъ среди англичанъ 1,8%, на Св. Луціи 4%, на о. Доминикѣ 7%; для негровъ получаемъ слѣдующія соотвѣтственныя цифры: 0,5%, 0,7%, 0,7%. Наоборотъ, негръ, за предѣлами своего отечества, въ странахъ съ умѣреннымъ климатомъ, становится жертвой легочныхъ заболѣваній. Въ Гибралтарѣ на 1,000 смертныхъ случаевъ приходится на долю чахотки у англичанъ 5,3 у негровъ 43. Вообще слѣдуетъ отмѣтить наклонность чернаго типа къ чахоточнымъ заболѣваніямъ. Въ Бразиліи на 100 смертныхъ случаевъ отъ чахотки погибало 1,7% мѣстнаго населенія, 34,3% бѣлаго и 48,5% чернаго. Неприспособленность европейца къ тропическому климату обнаруживается не столь рѣзко, если онъ происходитъ изъ болѣе южныхъ странъ. Современная колонизація представляетъ множество примѣровъ этого рода. Можно смѣло утверждать, что тропическія страны являются для длинноголоваго блондина совершенно неподходящими, преимущественно тѣ изъ нихъ, которыя отличаются сыростью. Въ особенности Гвинейскій берегъ оказался крайне негостепріимнымъ. Смертность среди англійскаго гарнизона составляла ежегодно: въ Сьерра—Леонѣ 48%, въ Капъ—Костѣ 68%. Известно, чѣмъ кончилась въ 1765 г. эмиграція нѣмцевъ въ Гвіану: по прошествіи 2 мѣсяцевъ изъ трехсотъ человѣкъ уцѣлѣло только трое. Столь же безусловно было сравнительно недавнее переселеніе эльзасцевъ въ Алжиръ. Однако все это—крайніе случаи, вызванные тѣмъ обстоятельствомъ, что пришельцы въ новомъ

своемъ отечествѣ сохраняли обыкновенно привычки, пріобрѣтенныя въ прежнемъ отечествѣ. Болѣе значительный опытъ пріобрѣли англичане въ передней Индіи, голландцы на Суматрѣ и въ сосѣднихъ мѣстностяхъ. Господство англичанъ въ Индіи основано на примѣненіи данныхъ науки къ жизни. Опытъ убѣдиль въ невозможности содержать войска, состоящая изъ европейцевъ, въ низменныхъ мѣстностяхъ. Въ то время какъ на 1000 англійскихъ солдатъ ежегодно умирало въ Бомбей 55,3, изъ сипаевъ всего 6,4; соотвѣтственныя цифры составляютъ для Пурнаха 18,7 и 7,6, Шоллапура 20,2 и 2; Колапура 30,3 и 6,9, для Бельгона 16,4 и 7,4. Пришлось наблюденіе за туземцами предоставить сипаямъ, а европейскіе гарнизоны, которымъ поручено держать въ повиновеніи сипаевъ, перевести въ гористыя и сухія мѣстности. Эти климатическія горныя станціи господствуютъ надъ Индіей; онѣ составляютъ своего рода антропологическія крѣпости въ негостепріимномъ индійскомъ климатѣ. Смертность среди англійскихъ дѣтей въ Индіи ужасающая; на каждые 67,18 дѣтей, умирающихъ въ Англіи до 5 лѣтняго возраста, приходится въ Индіи 148,10; для возраста отъ 5 — 10 и отъ 10 — 15 лѣтъ соотвѣтственныя цифры составляютъ: 8,8 и 17,7; 4,98 и 11,5. Поэтому англичанинъ, живущій въ Индіи, обыкновенно отправляетъ своего ребенка тотчасъ же послѣ его рожденія въ Европу. Къ этому слѣдуетъ прибавить огромное число несчастныхъ родовъ и выкидышей, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ослабленную плодovitость. Словомъ, англичанинъ пока еще господствуетъ надъ Индіей, но не колонизируетъ ея. За послѣднее время въ Германіи много говорилось, главнымъ образомъ по поводу камерунскихъ завоеваній, объ аклиматизаціи блондиновъ въ тропическихъ странахъ. Въ концѣ концовъ установился слѣдующій взглядъ, занимаемый нами изъ спеціальнаго труда по этому вопросу: «Въ историческія времена не известны никакіе факты, свидѣтельствующіе о полной, т. е. основанной на продолженіи рода, аклиматизаціи какой-нибудь европейской расы, особенно нѣмецкой, въ тропическихъ странахъ, даже при соблюденіи всевозможныхъ гигиеническихъ условій. Это касается Африки больше, чѣмъ иной части свѣта. Однако единичная и относительная аклиматизація возможна при точномъ соблюденіи извѣстныхъ гигиеническихъ правилъ, такъ что неизбежное ослабленіе организма не прогрессируетъ. Но это приспособленіе не доходитъ до того, чтобы европеецъ могъ бы исполнять физическія работы на открытомъ воздухѣ и нести дѣйствительную военную службу. Поддержаніе и разведеніе плантацій европейскими рабочими немислимо ниже 1,500 метр. надъ уровнемъ моря, въ противномъ случаѣ эти плантаціи не будутъ окупаться. Поэтому вся дѣятельность колониста должна ограничиваться торговлею,

развитієм мѣстной культуры и цивилизаціи (другими словами, дѣятельность его ограничивается надзоромъ за наемниками и факторіями). Всякая попытка выйти изъ указанныхъ предѣловъ и замѣнить законное вліяніе цивилизованной Европы полнымъ ея господствомъ не поведетъ ни къ чему и только сократить время нашей опеки (т. е. эксплуатаціи) надъ мѣстнымъ населеніемъ».

Средиземная раса отличается несравненно большими способностями къ аклиматизаціи въ жаркомъ поясѣ, чѣмъ блондины. Испанцы расположились въ тропической Америкѣ на разстояніи 10 градусовъ широты по обѣ стороны экватора; португальцы живутъ въ южной Африкѣ до 25°, въ Передней Индіи до 15° южн. широты; французскій южанинъ прекрасно колонизируетъ Алжиръ, столь негостепріимный для эльзасца. Семиты и китайцы аклиматизируются въ тропическихъ странахъ еще легче.

Какъ видно изъ вышеизложеннаго, человѣкъ болѣе или менѣе приспособляется вездѣ къ своей исконной климатической средѣ. И въ самомъ дѣлѣ, въ чемъ же состоитъ выносливость негра, легко переносящаго климатъ своей родины, если не въ особенномъ устройствѣ его органовъ дыханія, соответствующемъ климатическимъ условіямъ и поддерживающемъ его организмъ въ равновѣсіи съ окружающей средой? Пульсъ его бьется медленнѣе, чѣмъ у европейца, кровь даетъ густую сыворотку на воздухѣ. Для противодѣйствія внѣшнему раздраженію периферическіе его нервы обладаютъ меньшею чувствительностью; процессъ реагирования совершается медленнѣе, боль испытывается менѣе сильно, алкоголь не такъ скоро опьяняетъ его.

Организмъ бѣлаго человѣка, поселившагося подъ тропиками, также приспособляется къ новымъ условіямъ, напр. емкость легкихъ увеличивается на 12,24%, благодаря тому обстоятельству, что въ жаркомъ поясѣ кислорода меньше. Равнымъ образомъ и емкость легкихъ негра уменьшается, если негръ живетъ въ умѣренномъ поясѣ. Это приспособленіе человѣка къ окружающимъ его климатическимъ условіямъ распространяется на всю его природу. Характеръ и образъ жизни жителей Тибета, Перу, Боливіи (въ этихъ послѣднихъ странахъ насчитывается 67 поселеній, расположенныхъ выше 4,000 метр. надъ уровнемъ моря) вполне соответствуютъ правиламъ, которыя гигиена могла бы установить для обитателя равнинъ, переселяющагося въ горы, и которыя состоятъ въ томъ, чтобъ возможно меньше производить быстрыхъ движеній и въ мѣру заниматься какъ физическимъ, такъ и умственнымъ трудомъ. Поэтому характеръ народовъ, постоянно живущихъ на высокихъ плоскогорьяхъ, флегматичный и пассивный. Въ сѣверныхъ странахъ «люди, случайно попавшіе туда, напоминаютъ неуверенною своею походкою и медленностью умственного труда

пьяныхъ». Сами эксимосы до нѣкоторой степени отличаются этими особенностями. Даже въ звуковомъ отношеніи человѣческая рѣчь измѣняется по направленію съ сѣвера къ югу. Такимъ образомъ въ антропологіи возникаетъ новая область изслѣдованій, такъ называемыхъ *мезологическихъ*, касающихся приспособленій человѣка къ климату. На основаніи этихъ соображеній нѣкоторые ученые доказываютъ, что и окраска кожи является дальнѣйшимъ послѣдствіемъ того же процесса приспособленія, хотя на этотъ счетъ не существуетъ никакихъ достовѣрныхъ эмпирическихъ указаній.

Зависимость человѣка отъ климатическихъ условій, какъ мы уже говорили, проявляется во всѣхъ сферахъ его жизни, но изъ нихъ разсмотрѣно нами пока только вліяніе жаркаго и сырого климата на организмъ европейца, какъ наиболѣе разработанный вопросъ, благодаря практическому его значенію для представителей капитала. Можно-ли питать однако надежду, что европеецъ современемъ аклиматизируется въ этой столь несвойственной ему средѣ? Сомнѣваться въ этомъ трудно, хотя это — вопросъ чрезвычайно сложный и требующій въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ спеціальнаго изученія. Если мы оставимся напр. на Гваделупѣ, то въ общемъ окажется, что число смертныхъ случаевъ здѣсь больше, нежели число рожденій; однако, при ближайшемъ разсмотрѣніи, станетъ очевиднымъ, что различныя части острова представляютъ разныя картины: въ одной напр. послѣдовала аклиматизація, т. е. населеніе возрастаетъ, въ другой смертность громадная. Впрочемъ, занимаясь вопросомъ объ аклиматизаціи, слѣдуетъ прежде всего помнить, что попытки аклиматизаціи производятся сравнительно недавно. Когда гуси были привезены въ Боготу, то многіе изъ нихъ перестали нести яйца, половина снесенныхъ яицъ оказалась болтунами, а изъ выведенныхъ птенцовъ половина околѣла въ теченіе перваго мѣсяца; однако за это время гуси аклиматизировались. То же можно сказать и о человѣкѣ: аклиматизація его состоитъ вездѣ, если будетъ ведена систематически и не взирая на число жертвъ. Эти условія не встрѣчаются въ исторіи современныхъ переселеній народовъ. Напр. попытки аклиматизаціи европейцевъ подъ тропиками распространяются всего на 10 поколѣній. Это слишкомъ незначительный періодъ для того, что-бы выяснились результаты, тѣмъ болѣе, что аклиматизація никогда не была предпринимается систематически. Одна изъ задачъ антропологіи состоитъ въ томъ, что-бы дать указанія, какъ осуществить аклиматизацію съ наименьшими жертвами. До сихъ поръ бывало такъ, что какой-нибудь припелецъ поселялся въ первомъ попавшемся мѣстѣ, жилъ, не измѣняя своихъ привычекъ и вкусовъ, хорошихъ быть можетъ на родинѣ, но не подъ тропиками. Между тѣмъ для раціональной аклимати-

зація слѣдуетъ брать прежде всего самыя подходящія организаціи и мѣстности, и подчинить пищу, работу, одежду, строенія и переезды требованіямъ гигиены. Можно надѣяться, что съ развитіемъ культуры акклиматизація станетъ не столь труднымъ дѣломъ. Въ окрестностяхъ Лондона лихорадка нѣкогда похищала множество жертвъ; въ XVII ст. ежегодно умирало отъ нея свыше 3,000 человекъ; осушеніе же болотъ привело къ тому, что во всей Англіи въ настоящее время отъ этой болѣзни умираетъ лишь 500 ч. Равнымъ образомъ путемъ осушенія болотъ можно достигнуть на югѣ слѣдующихъ результатовъ: уничтоженія излишка сырости въ воздухѣ, который своей упругостью служитъ причиной многихъ заболѣваній, и устраненія источника заразы, поражающей ослабѣвшіе организмы. Наконецъ, скрещиваніе европейцевъ съ туземцами облегчитъ новому поколѣнію приспособленіе къ окружающей средѣ. Что акклиматизація возможна даже подъ тропиками, это доказываютъ французскіе креолы на Антильскихъ о-вахъ, которые акклиматизировались несмотря на то, что сохранили много бѣлой крови. Въ заключеніе мы коснемся еще одного вопроса. Предположимъ, что какой-нибудь типъ, напр. блондиновъ, заселилъ бы весь земной шаръ. Остался-ли бы онъ неизмѣненнымъ? Вышеизложенные факты, указывающіе на то, что акклиматизація составляетъ органическій процессъ, разрѣшаютъ этотъ вопросъ въ томъ смыслѣ, что пока на земномъ шарѣ будетъ господствовать осядлый образъ жизни, разнообразіе климата неизбежно будетъ вызывать извѣстное физическое, эмоциональное и отчасти даже фонетическое различіе. Эти физическія различія типовъ могутъ быть въ настоящемъ періодѣ исторіи ослабленными, благодаря тому, что болѣе совершенная техника до нѣкоторой степени защищаетъ человека противъ неблагоприятныхъ условій. При современномъ состояніи науки трудно однако сказать, насколько можетъ быть значительна дифференціація народовъ, хотя заранѣе можно предположить, что въ Африкѣ она не вызоветъ къ жизни негровъ, а въ Азіи монголовъ, какъ склонны утверждать прежніе защитники вліяній климата.

Населеніе земного шара, составляющее всего около полутора миллиарда человекъ, далеко не потребляетъ всѣхъ жизненныхъ припасовъ, которыми человечество могло бы располагать въ случаѣ дальнѣйшаго примѣненія существующихъ техническихъ приѣмовъ. Даже наиболѣе населенные уголки земного шара, въ Китаѣ и долинѣ Ганга, могутъ прокормить больше людей и лучше, чѣмъ теперь. Многочисленныя страны, мало или вовсе не населенныя, могутъ оказать гостепріимство значительному числу людей. Къ-то высчитано, что, при нынѣшней урожайности Соединенныхъ Штатовъ, они могли бы прокормить больше миллиарда человекъ, Бразилія же — все современное населеніе земного шара. Въ виду этого, чрезмѣрная населенность, на-

блюдаемая въ настоящее время у первобытныхъ и варварскихъ народовъ и даже въ Китаѣ, — составляетъ относительное понятіе и является только послѣдствіемъ недостаточнаго умѣнья пользоваться силами природы; у цивилизованныхъ же народовъ причиной чрезмѣрной густоты населенія является общественный строй. Не пускаясь въ предсказанія относительно возможной численности населенія земного шара, отмѣтимъ, что заселенность его можетъ значительно возрасти, особенно, если человекъ обуздаетъ стихійныя общественныя силы и поведетъ цѣлесообразно производство на всемъ земномъ шарѣ. Какъ распредѣлится будущее населеніе между отдѣльными расовыми группами человечества? На этотъ вопросъ въ виду его сложности трудно отвѣтить. Мы можемъ только отвѣтить на отдѣльныя стороны этого вопроса, и то лишь относительно ближайшаго будущаго; объять же всю судьбу будущихъ расъ немислимо, тѣмъ болѣе, что она зависитъ не только отъ антропологическихъ факторовъ, но и отъ экономическихъ. Напр., современное господство бѣлыхъ типовъ на земномъ шарѣ и истребленіе первобытныхъ народовъ находятся въ полнѣйшей зависимости отъ культурно-экономическихъ отношеній. Предположивъ однако, что экономическія силы будутъ развиваться и далѣе такимъ образомъ, какъ въ настоящее время, — мы можемъ развѣ сказать, что, пока общественныя отношенія будутъ измѣняться путемъ стихійной борьбы, основанной на конкуренціи, взаимное скрещиваніе человеческихъ расъ будетъ усиливаться и относительная численность бѣлыхъ группъ будетъ все возрастать. Существуетъ мнѣніе, что блондину принадлежитъ будущее. На основаніи его большой плодовитости, высчитываютъ, что въ 2000 г. будетъ 900 милліоновъ блондиновъ, 650 милліоновъ короткоголовыхъ и 370 милліоновъ представителей средиземной расы. Конечно, плодовитость должна имѣть первенствующее значеніе въ расовыхъ отношеніяхъ, но при современномъ состояніи науки, когда расовая статистика мало разработана, и при существующемъ общественномъ строѣ, когда плодовитость уменьшается или усиливается въ зависимости отъ экономическихъ условій, невозможно высказывать подобное предположеніе и серьезно останавливаться на немъ.

ЧАСТЬ III.

У людей—самые различные темпераменты, обусловливаемые возрастом или полом, расою и душевным складом. Въ данномъ случаѣ для насъ важенъ фактъ, что темпераментъ людей вліяетъ на ходъ общественной жизни. Всякій, если онъ пользуется свободой, стремится занять то общественное положеніе, которое наиболѣе соотвѣтствуетъ его натурѣ. Одни являются лучшими, другіе худшими двигателями тѣхъ или другихъ общественныхъ теченій и стремленій. Однако количественное отношеніе этихъ элементовъ въ обществѣ не остается неизмѣннымъ. Стихійный общественный прогрессъ постоянно вызываетъ къ жизни одни характеры, устраняетъ другіе и создаетъ такимъ образомъ общественный подборъ въ смыслѣ духовныхъ и физическихъ особенностей, насколько это обусловливается потребностями общественной жизни. Самый подборъ—также стихійное явленіе, и только на извѣстной ступени своего развитія общественная мысль, созрѣвающая подъ вліяніемъ повседневнаго опыта и научныхъ изслѣдованій, обуздываетъ совершающіеся въ обществѣ антропологическіе процессы, насколько это возможно, изъ стихійныхъ дѣлаетъ ихъ сознательными и зависящими отъ человѣческой воли и мечтаетъ создать раціональную гигиену жизни—какъ для отдѣльнаго человѣка, такъ и для всѣхъ гражданъ. Нѣкоторыя изъ теоретическихъ проблемъ этого рода были нами затронуты уже раньше. Теперь намъ остается дополнить наши выводы и коснуться нѣкоторыхъ указаній, предлагаемыхъ антропологіею, положившею первыя основы будущему зданію соціальной гигиены.

I.

Антропологическіе признаки въ индивидуальной жизни. Развитие мозга и антропологическое значеніе антагонизма между „отцами“ и „дѣтьми“. Женщина въ сравненіи съ мужчиной (сравнительное сопоставленіе ихъ мозга). Женскій вопросъ.

Антропологическіе признаки съ возрастомъ подвергаются измѣненіямъ. Длинноголовый бушменъ, на сколько можно судить изъ немногихъ фактическихъ данныхъ, имѣетъ наклонность въ дѣтствѣ походить на короткоголового. Вроде-то изысканія въ этомъ направленіи, хотя чрезвычайно важныя для установленія родословной человѣ-

ческихъ расъ, до сихъ поръ велись крайне несистематично. Весь запасъ фактовъ въ этой области ограничивается нѣсколькими поверхностными наблюденіями. Въ свою очередь научныя гипотезы пошли дальше, чѣмъ это допускали факты. Напр. племена человеческого рода относительно своихъ органическихъ признаковъ распредѣлялись въ извѣстномъ прогрессивномъ порядкѣ, т. е. параллельно съ постепенной смѣной антропологическихъ особенностей въ жизни ребенка бѣлаго. Представителя черныхъ расъ принимали за недоразвившагося бѣлаго; съ другой стороны ребенка бѣлаго признавали по нѣкоторымъ его чертамъ какъ бы представителемъ негритянской, т. е. «низшей» расы, и т. д. Дѣйствительно, нѣкоторыя черты соотвѣтствовали этому предположенію, особенно тѣ изъ нихъ, которыя были связаны съ большимъ объемомъ мозга у бѣлой расы, но другія, весьма многочисленныя, ускользали отъ этой группировки, третьи же прямо противорѣчили ей, такъ какъ оказалось, что бѣлый человѣкъ иногда ближе стоитъ къ человѣкоподобной обезьянѣ, чѣмъ негръ. Пришлось согласиться, что различныя человѣческія племена не составляютъ ни запоздавшихъ, ни болѣе прогрессивныхъ звеньевъ одной и той же эволюціи, а являются разнообразными формами, которыя, даже если онѣ произошли изъ одного и того же ствола, въ эволюціонномъ своемъ развитіи двигались неодинаково и шли различными путями. Въмѣстѣ съ тѣмъ всякое сопоставленіе въ физическомъ отношеніи бѣлаго ребенка съ взрослымъ дикаремъ теряетъ всякій смыслъ. Правда, ребенокъ возсоздаетъ «низшій» физическій типъ, но только своего собственнаго расоваго пращура. Съ этой точки зрѣнія физическое развитіе ребенка можетъ послужить до нѣкоторой степени указаніемъ тѣхъ путей, которыми шла его расовая группа, но и только.

Законы антропологическаго развитія индивида въ частностяхъ различны у каждой расы, хотя въ общемъ проявляются довольно равномерно, что вполне понятно. Не слѣдуетъ однако думать, чтобы организмъ человѣка развивался вполне гармонично. Физическая зрѣлость не совпадаетъ съ половыми влеченіями. Напротивъ, тутъ существуетъ извѣстный разладъ, такъ какъ сладострастіе проявляется часто даже въ весьма раннемъ возрастѣ и предшествуетъ половой зрѣлости. Этотъ разладъ иногда ведетъ къ преждевременному злоупотребленію съ явнымъ ущербомъ для тѣла и духа. На основаніи этого факта сложилось мнѣніе, будто бы ребенокъ маленькій преступникъ.

«Какъ въ зародышѣ,—говоритъ Ломброзо:—мы подмѣчаемъ извѣстныя постоянныя и правильныя формы, составляющія у взрослого человѣка признакъ уродства, такъ въ молодомъ возрастѣ мы встрѣ-

чаемъ зародыши преступленія и нравственнаго поумѣшательства не въ видѣ исключенія, но въ видѣ правила... Нравственныя аномаліи, которыя взрослого человѣка толкаютъ на путь преступленій, среди дѣтей встрѣчаются чаще, и онѣ связаны съ тѣми же физическими примѣтами; позднѣе эти аномаліи отчасти исчезаютъ, благодаря соотвѣтственному влиянію воспитанія, и этимъ объясняется столь незначительный процентъ преступныхъ типовъ среди взрослыхъ, такъ какъ это явленіе не можетъ быть объяснено ни смертностью, ни тѣмъ обстоятельствомъ, что многіе ускользаютъ отъ рукъ правосудія». Не будемъ же приписывать особеннаго значенія этимъ физическимъ примѣтамъ, относительно которыхъ многое можно было бы сказать, Мы можемъ лишь констатировать слѣдующій дѣйствительный фактъ: у дѣтей замѣчается отсутствіе узды нравственно-общественнаго и идейнаго характера вслѣдствіе незначительнаго умственнаго развитія и недостатка общественной дисциплины. Фактъ этотъ вѣроятно имѣетъ мало общаго съ «нравственными аномаліями». (Ломброзо старался подтвердить распространенность этихъ аномалій статистическими данными. Эти цифры, какъ бы мы ихъ ни толковали, имѣютъ свое значеніе. Оказывается, что среди изслѣдованныхъ имъ учениковъ народныхъ школъ 44% отличается противообщественными наклонностями: ложью, чрезмерною раздражительностью, лѣнностью и склонностью къ бродяжничеству и къ самонистребленію; у 17% замѣчены явные признаки преступности: преждевременное и неестественное сладострастіе, влеченіе къ воровству и т. п.)

Только на почвѣ антропологін, т. е. знакомства съ законами физическаго и психическаго развитія ребенка, можетъ возникнуть рациональная педагогика. Эта почва пока только готовится. Немногочисленныя указанія, касающіяся данной области, обыкновенно оставляются безъ надлежащаго вниманія, вслѣдствіе извѣстныхъ неблагоприятныхъ условий, относительно которыхъ мы поговоримъ въ главѣ, посвященной антропотехникѣ. Колыбель—изобрѣтеніе нашего дикаго предка для облегченія родителямъ постояннаго надзора надъ младенцемъ, совершенно аналогичное усыпленію ребенка водкой—постоянно служить лучшимъ примѣромъ современныхъ воспитательныхъ примѣровъ. И это наблюдается не только въ сферѣ воспитанія. Въдѣ молодые и неустановившіеся организмы среди всѣхъ общественныхъ слоевъ обременены непотѣрнымъ трудомъ или обязанностью преждевременно производить потомство, и напрасно они ожидаютъ пониманія и примѣненія къ себѣ тѣхъ правилъ, которыми мы уже давно руководствуемся въ хлѣву и огородахъ! А между тѣмъ во всякомъ обществѣ, заботящемся менѣе объ увеличеніи «народнаго богатства» или о карьерѣ дѣтей, нежели объ обезпеченіи гражданамъ возможно

высшаго индивидуальнаго расцвѣта, антропологическія указанія могли бы имѣть огромное значеніе. Не подлежитъ поэтому никакому сомнѣнію, что и самое распредѣленіе общественныхъ правъ и обязанностей должно основываться на законахъ индивидуальнаго развитія и на соображеніяхъ, касающихся выносливости, возраста, способностей и потребностей человѣка. Фабричное законодательство является въ данномъ вопросѣ лишь блѣдной зарей того будущаго, когда антропотехника сдѣлается основой общественной жизни цивилизованныхъ народовъ. До сихъ поръ антропотехника несравненно больше примѣняется дикарями: они заботятся даже о распредѣленіи общественныхъ правъ и обязанностей согласно личнымъ качествамъ гражданина, проявляющимся по мѣрѣ его индивидуальнаго развитія. Юноша становится мужчиной не тогда, когда достигаетъ узаконеннаго совершеннолѣтія, но когда онъ докажетъ свою расторопность, умѣніе пріобрѣтать средства къ жизни и мужество. Тогда онъ подвергается вмѣстѣ со своими ровесниками извѣстнымъ обрядамъ, дающимъ ему право считаться гражданиномъ, и становится членомъ большого совѣта племени. Если онъ и здѣсь обнаружитъ надлежащія способности, то вступаетъ рано или поздно въ малый совѣтъ, т. е. въ сенатъ, членомъ котораго онъ впрочемъ становится даже при отсутствіи способностей, въ старческомъ возрастѣ, какъ человѣкъ, располагающій достаточнымъ жизненнымъ опытомъ.

Изучая развитіе мозга отдѣльнаго человѣка, мы видимъ прежде всего непрерывное увеличеніе его вѣса и затѣмъ уменьшеніе въ зависимости съ возрастомъ. Слѣдующія цифры, заимствованныя у Брока, указываютъ на измѣненіе вѣса мозга мужчины:

28	мужчинъ	моложе	25	лѣтъ	. . .	1362	грамма.
40	»	въ возрастѣ	25—35	»	. . .	1419	»
51	»	»	35—45	»	. . .	1362	»
37	»	»	45—55	»	. . .	1318	»
62	»	»	55—65	»	. . .	1317	»
39	»	»	65—75	»	. . .	1283	»
28	»	»	75—85	»	. . .	1279	»
5	»	старше	85	»	. . .	1244	»

По другимъ же изслѣдованіямъ, подтверждающимъ эти законы развитія мозга, моментъ старческаго увяданія мозга начинается въ другомъ возрастѣ. На основаніи трудовъ нѣсколькихъ ученыхъ, Топинаръ приходитъ къ заключенію, что возрастъ отъ 30—35 въ среднемъ можетъ быть принятъ за періодъ, когда вѣсъ мозга западнаго европейца перестаетъ увеличиваться, затѣмъ слѣдуетъ застой въ

теченіе нѣсколькихъ лѣтъ и наконецъ наступаетъ старческое увяданіе, усиливающееся по достиженію 60 лѣтъ. Слѣдуетъ отмѣтить любопытный фактъ. Брока составилъ на основаніи изслѣдованій Вагнера слѣдующую таблицу:

13 мужчинъ моложе	10	лѣтъ . . .	985	граммъ.
11 » въ возрастѣ	11—20	» . . .	1465	»
13 » » »	21—30	» . . .	1341	»
35 » » »	31—40	» . . .	1410	»
36 » » »	41—50	» . . .	1391	»
31 » » »	51—60	» . . .	1341	»
31 » старше	60	» . . .	1326	»

Эта таблица показываетъ, что, кромѣ вышеозначеннаго поворотнаго момента въ развитіи вѣса мозга, существуетъ еще другой въ періодѣ 11—20 лѣтъ. Индивидуальное развитіе никогда однако не идетъ такъ, чтобы мозгъ сначала увеличивался въ вѣсѣ, затѣмъ уменьшался, опять увеличивался и наконецъ доходилъ до старческаго увяданія. Слѣдуетъ скорѣе предположить, что эта таблица указываетъ на особенный подборъ, происходящій среди молодежи, именно, что молодые люди съ очень тяжелымъ мозгомъ не долговѣчны. Нѣкоторые антропологи напоминаютъ по этому поводу общепринятый взглядъ, что «слишкомъ умные дѣти не выживаютъ». По всей вѣроятности большой мозгъ идетъ рука объ руку съ чрезмѣрной впечатлительностью, слишкомъ истошающей молодой организмъ. Однороднымъ фактомъ являются случаи самоубійства среди юношей съ раннимъ развитіемъ. Конечно, поворотные моменты въ развитіи мозга различны у разныхъ расовыхъ типовъ. Критическій возрастъ, когда мозгъ перестаетъ увеличиваться въ вѣсѣ или начинаетъ увядать, наступаетъ у негра раньше, чѣмъ у бѣлаго. Это подтверждается и обстоятельствомъ, что швы на черепѣ у негровъ раньше срачиваются.

Какъ гимнастика оказываетъ благотворное дѣйствіе на мускулы и развиваетъ ихъ только до извѣстнаго возраста, такъ и нашъ мозгъ вѣроятно усваиваетъ себѣ новыя идеи только до тѣхъ поръ, пока находится въ періодѣ увеличенія своего вѣса и, можетъ быть, застоя. Старческое увяданіе мозга влечетъ за собой и идейное, т. е. невосприимчивость къ новымъ идеямъ. Если бы это предположеніе подтвердилось, то умственная гигиена ума обогатилась бы тѣмъ важнымъ указаніемъ, что въ періодѣ «эластичности» мозга слѣдуетъ обращать вниманіе прежде всего на расширеніе общаго кругозора, а изученіе частныхъ перенести на болѣе поздній періодъ. Во всякомъ случаѣ этотъ фактъ рѣшительно говоритъ въ пользу того, что антагонизмъ между «молодыми» и «старыми», «отцами» и «дѣтьми»

является антропологическою необходимостью. Уже Контъ формулировалъ эти великіе законы идейной борьбы въ обществѣ. Онъ говоритъ: «Въ обществѣ всегда существуетъ антагонизмъ между охранительнымъ и новаторскимъ инстинктомъ. Представителями перваго являются старики, второго—молодежь. Даже тѣ, которые въ періодъ расцвѣта своихъ силъ въ высшей степени содѣйствовали умственному и общественному прогрессу, сходятъ со сцены и вопреки своей собственной волѣ становятся болѣе или менѣе врагами дальнѣйшаго общественнаго развитія, утративъ пониманіе его. Слишкомъ продолжительная человѣческая жизнь несомнѣнно затормозила бы нашу общественную эволюцію; какъ и скоротечность ея послужила бы не меньшимъ препятствіемъ для всеобщаго прогресса, предоставляя чрезмѣрное вліяніе новаторскимъ инстинктамъ». Восприимчивое къ новымъ идеямъ и обладающее большимъ запасомъ энергіи, молодое поколѣніе является главнымъ элементомъ всѣхъ общественныхъ движеній. Изъ числа 76 членовъ коммуны, возрастъ которыхъ вполне удостовѣренъ, 26% находились въ возрастѣ 20—30 лѣтъ, 31%—30—40 лѣтъ, между тѣмъ какъ въ возрастѣ отъ 20—40 лѣтъ среди французскаго населенія всего 30%. Изъ 152 осужденныхъ за участіе въ итальянскомъ освободительномъ движеніи, 2% были въ возрастѣ отъ 15—20 лѣтъ, 29% отъ 20—30, 30% отъ 30—40; для 183 же павшихъ на полѣ битвы итальянцевъ соотвѣтственныя цифры составляютъ: 32%, 39% и 18%. Молодежь преобладаетъ и въ процессахъ анархистовъ: напр. въ дѣлѣ Монсо-ле-минъ людей старше 30 лѣтъ было только 6%. И въ революціи 1793 г. также главное участіе принимала молодежь. Словомъ, періодъ увеличенія вѣса мозга составляетъ антропологическую почву, благоприятную для развитія новыхъ идей въ обществѣ, и можетъ быть противопоставленъ періоду увяданія или застоя, который является антропологическою основою консерватизма.

(Исходя изъ возрѣнія Конта, Дромель старался освѣтить французскія событія съ 1789—1800, 1815, 1830, 1848, 1870 гг. Исключивъ изъ счета людей старше 65 лѣтъ и моложе 25, какъ слишкомъ старыхъ и слишкомъ еще молодыхъ для того, чтобы принимать участіе въ общественной жизни, онъ раздѣлилъ остальныхъ мужчинъ въ возрастѣ отъ 25—65 лѣтъ на 2 группы: людей въ возрастѣ 25—40 и отъ 40—65, причемъ въ каждой насчиталъ по 4½ милліоновъ чело-вѣкъ. Онѣ-то и составляли двѣ арміи «молодыхъ» и «старыхъ», которыя боролись въ то время. Въ 16-лѣтній періодъ нарождается новое поколѣніе, которое въ идейной борьбѣ со «стариками» доходитъ до переворота. Даже если безусловно согласиться съ мнѣніемъ Дромеля, необходимо все-таки сдѣлать значительную поправку. Идей-

ная борьба въ обществѣ—классовая, и ни «старики», ни «молодые» не составляютъ сплоченнаго лагеря, но лишь авангардъ и арьергардъ даннаго классоваго движенія).

На этомъ антропологическомъ антагонизмъ «отцовъ» и «дѣтей» основывается общественный строй, свойственный демократіямъ варваровъ, въ силу котораго общему собранію взрослыхъ мужчинъ противопоставляется «малый совѣтъ», состоящій исключительно изъ старцевъ. Этотъ сенатъ въ зародышѣ, т. е. «пріютъ престарѣлыхъ», по-просту говоря, является антропологическимъ учрежденіемъ съ очевидною задачею: сдерживать порывы, т. е. прогрессивную идейность мозговъ, находящихся въ полномъ расцвѣтѣ. До нѣкоторой степени то-же антропологическое значеніе имѣетъ сенатъ въ демократически-буржуазныхъ обществахъ.

Вышеизложенные выводы наглядно выясняютъ зависимость общественнаго развитія отъ антропологическихъ особенностей, которыя, не оказывая вліянія на общественныя формы (послѣдовательная смѣна ихъ характеризуетъ прогрессъ), однако играютъ выдающуюся роль въ процессахъ, сопутствующихъ появленію новаго общественнаго строя и обуславливающихъ быстроту возникновенія новыхъ формъ обществъ.

Величины указателей черепа, характеризующія извѣстныя расовыя группы, различны у обоихъ половъ. Женщина у блондиновъ имѣетъ болѣе сильную наклонность къ длинноголовости, а у желтыхъ короткоголовыхъ болѣе сильную наклонность къ короткоголовости, чѣмъ мужчина. На этомъ основаніи нѣкоторые пытались установить общіе законы, въ томъ смыслѣ, что въ женщинѣ рельефнѣе выступаютъ расовый типъ (Вейсбахъ), но это обобщеніе оказалось преждевременнымъ и неосновательнымъ. Между прочимъ, ссылались и на то, что въ туземкѣ сѣверо-западнаго берега Африки типъ желтаго короткоголоваго выраженъ явственнѣе, чѣмъ въ мужчинѣ, но, кажется, это объясняется другими причинами, а именно наклонностью къ односторонней наследственности. Фактъ унаслѣдованія такъ называемыхъ половыхъ прикѣтовъ, т. е. бороды, усовъ, округленнаго стана, позволяетъ думать, что при скрещиваніи мужчинъ одного типа съ женщинами другого, черты праотцевъ сохраняются полнѣе у мужчинъ и, наоборотъ, черты прабабушекъ сохраняются съ большею силой у женщинъ. Такимъ образомъ, расовыя различія между полами въ одномъ и томъ же обществѣ могутъ служить указаніемъ на этнологическое прошлое страны.

Впрочемъ, помимо расовыхъ различій, женскій организмъ менѣе развитъ. Мантагандца нашель среди мужчинъ у 51,6% сильно развитую мускулатуру, у 40% умеренно развитую, у 6% слабо развитую и у 2% совершенно неразвитую (на 99 наблюдений); между тѣмъ какъ изъ 56

женщинъ первая категорія вовсе не имѣла представительницъ, остальные же три дали соответственно слѣдующія цифры: 9%, 26% и 66%. То же наблюдается и относительно силы легкихъ, объема грудной полости и другихъ органовъ, равно какъ и относительно объема и вѣса мозга. Слѣдующая таблица содержитъ данныя относительно емкости черепа въ кубическихъ сантиметрахъ у обоихъ половъ различныхъ группъ человѣческаго рода:

		Европейцы.		Монголы.		Негры.	
		347 муж.;	232 жен.;	68 муж.;	39 жен.;	83 муж.;	32 жен.
выше	1900 куб. сант.	0,3%	—	—	—	—	—
между	1900—1800	3,5	—	1,4%	—	—	—
"	1800—1700	7,8	0,4%	4,4	—	—	—
"	1700—1600	25,0	2,0	16,2	2,5%	8,4%	—
"	1600—1550	16,4	3,7	14,7	—	2,4	—
"	1550—1500	16,4	10,0	17,8	15,4	10,8	—
"	1500—1450	14,0	11,0	16,2	17,9	14,4	—
"	1450—1400	9,0	12,7	16,2	12,8	14,4	3,1
"	1400—1350	2,3	15,5	5,9	7,7	13,2	18,7
"	1350—1300	1,8	15,8	7,5	25,6	15,6	18,7
"	1300—1250	0,5	12,0	—	12,8	9,7	15,6
"	1250—1200	—	10,0	—	5,0	7,2	15,6
"	1200—1100	—	5,0	—	—	3,6	2,8

Впрочемъ, не только емкость черепа у женщины меньше, чѣмъ у мужчины, но индивидуальное развитіе ея мозга совершается менѣе благоприятно. Напр. увеличеніе вѣса мозга у блѣдой женщины прекращается приблизительно на 25 году жизни. Итакъ, въ то время, когда мозгъ у мужчины еще развивается, у женщины начинается старческое увяданіе его.

Нѣкоторые ученые воспользовались этими выводами, чтобы высказаться противъ женской эмансипаціи. Наука зачастую въ данномъ вопросѣ была выразительницей крайностей социальнаго филистерства. Въ послѣднее время экономическія условія заставили женщину выйти на рабочій рынокъ и взяться за трудъ внѣ дома. Съ этимъ явленіемъ мирились на столько, на сколько оно касалось простой работницы. Тысячи женщинъ трудились на фабрикахъ, и ученые экономисты клеймили ретроградомъ всякаго, кто, во имя здоровья матерей и дѣтей, возставалъ противъ этого явленія. Но когда въ эмансипаціонномъ движеніи приняли участіе женщины высшихъ классовъ и стали добиваться права на интеллигентный трудъ, представители «науки» задались вопросомъ, имѣютъ ли женщины право на него, и, чтобы отвергнуть ихъ требованія, принялись измѣрять и вѣсъ и объемъ женскаго мозга. Нашлись люди, которые одновременно возстали и

противъ женскаго образованія—будто бы въ интересахъ домашняго очага, и противъ ограниченія путемъ фабричнаго законодательства эксплуатаціи женскаго труда на фабрикахъ—будто бы въ интересахъ индивидуальной свободы! На одномъ изъ съѣздовъ германскихъ антропологовъ выискался членъ, который осудилъ женскій вопросъ, т. е. эмансипацію самостоятельной женщины, на томъ основаніи, что женщина больше, чѣмъ мужчина, походить на животное: у нея длинныя волосы, она любитъ кусаться и царапаться, наконецъ, у нея нѣкоторые позвонки чаще не срастаются, чѣмъ у мужчины. Стоило бы собрать всѣ эти «научныя» доказательства противъ женщины и такимъ образомъ выяснитъ, какъ борьба убѣжденій иногда облекается въ маску учености. Будутъ ли нѣкоторые позвонки у женщины чаще или рѣже срастаться; будетъ ли мозгъ женщины больше или меньше, чѣмъ у мужчины,—эмансипаціонное движеніе не прекратится, потому что оно обуславливается необходимостью зарабатывать деньги внѣ дома, и будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока существуютъ соотвѣтственныя условія. Меньшій объемъ мозга женщины можетъ имѣть дѣйствительное значеніе, но не съ точки зрѣнія эмансипаціи, а съ точки зрѣнія результатовъ ея умственной дѣятельности, когда эмансипація состоится. Впрочемъ, самое эмансипаціонное движеніе вызываетъ иногда извѣстнаго рода подборъ въ смыслѣ увеличенія способностей женщины. Въ будущемъ, быть можетъ, къ неотъемлемымъ женскимъ прелестямъ присоединится извѣстное умственное развитіе. Подъ вліяніемъ этихъ и другихъ факторовъ женскій мозгъ разовьется. Высшее умственное развитіе женщины явится какъ послѣдствіе эмансипаціи, но никогда оно не можетъ быть предварительнымъ условіемъ равноправности. Впрочемъ, мы этимъ не хотимъ сказать, что мужчины и женщины сравниваются въ результатахъ своей дѣятельности, потому что слишкомъ глубокое фізіологическое различіе между ними дѣлаетъ это невозможнымъ. Если менѣ существенныя органическія особенности вызываютъ различныя проявленія умственной дѣятельности у людей одного и того же пола, то упомянутыя причины, хотя не помѣшаютъ представителямъ обоихъ половъ трудиться на одномъ поприщѣ и имѣть одинаковыя общественныя права, однако, быть можетъ, онѣ наложатъ свой отпечатокъ на результатъ ихъ труда. Впрочемъ, оставимъ далекое будущее,—дѣло не въ немъ, а въ томъ, что наука, вмѣсто того, чтобы искать средствъ, которыя бы обезпечили здоровье женщины въ борьбѣ за человѣческое достоинство, забавляется казуистическими измышленіями, вродѣ слѣдующихъ: «даетъ ли гладкость кожи, сросшіеся позвонки или болѣе значительный, чѣмъ у мужчины, прогнатизмъ женщины право на свободу и доступъ къ наукѣ?» Это явленіе крайне характерно. Оно напоминаетъ прежніе доводы защит-

никовъ рабства: такъ какъ негръ «болѣе походить на обезьяну», то его слѣдуетъ держать въ рабствѣ...

II.

Нормальные характеры.—Общественная жизнь и эмоціональный характеръ индивида.—Проявленіе эмоціональных типовъ въ профессиональной дѣятельности; «передовые»; методы изслѣдованій надъ эмоціональными типами.—Трудность антропологическихъ изслѣдованій и иллюстрація ихъ примѣромъ врожденнаго преступника.—Наслѣдственность характеровъ.—Общественные идеалы, принимающіе во вниманіе психическое неравенство человѣка.—Отношеніе между эмоціональными и расовыми типами.

Какъ во всякомъ обществѣ есть больные и здоровые, красивые и безобразные, такъ есть и люди съ неодинаковыми умственными способностями, характерами и впечатлительностью. Каждый человѣкъ отличается отъ другихъ особеннымъ сочетаніемъ психическихъ элементовъ. Пока эти послѣдніе составляютъ цѣлое, никого не поражающее, мы говоримъ, что это человѣкъ нормальный; если же одинъ изъ элементовъ получаетъ чрезмѣрное развитіе и начинаетъ бросаться въ глаза, мы получаемъ типы «ненормальные», начиная съ оригиналовъ и кончая душевнобольными. Патологическіе субъекты образуютъ нѣкоторымъ образомъ цѣпь, отдѣльныя звенья которой представляютъ въ извѣстномъ отношеніи родственныя другъ другу типы, а одно изъ крайнихъ этихъ звеньевъ соприкасается съ нормальными типами; такъ напр., мы имѣемъ бережливаго, скупого, наконецъ помѣшаннаго на скупости—и вотъ распредѣленіе патологическихъ типовъ въ такой послѣдовательности можетъ послужить намъ вѣтвью при изслѣдованіи послѣднихъ. Помѣшанные метафизики, снѣдаемые все однимъ и тѣмъ же вопросомъ: отчего и почему, маньяки «идейные», то и дѣло желающіе поражать міръ стихійнымъ развитіемъ своихъ идей (манія эта извѣстна въ психіатріи подъ названіемъ *Ideenflucht*), самоубійцы, меланхолики,—всѣ эти ненормальные типы могутъ дать наукѣ цѣнныя указанія для уясненія родственныхъ имъ «нормальныхъ» типовъ философствующихъ, импровизирующихъ и тоскующихъ.

Антропология этого рода типовъ—душевно-эмоціональных—до сихъ поръ очень мало разработана. Между тѣмъ можно смѣло утверждать, что антропология вмѣстѣ съ соціологіей найдутъ въ этой области богатый матеріалъ для своихъ изслѣдованій. Возьмемъ хотя бы вопросъ: какъ природа человѣка отражается на его творчествѣ: философскомъ, художественномъ или общественномъ. Начнемъ съ общаго міросозер-

панія. Конечно большое значеніе здѣсь имѣютъ тѣ образцы, на которыхъ воспитывался умъ, но настоящій философъ иногда проявится помимо школьной дисциплины. Коши, напр.,—умъ аналитическій и математическій, представлялъ себѣ мірозданіе въ видѣ ряда математическихъ формулъ. «Онъ пытался составить формулы для движенія, но такъ, чтобы при этомъ не дѣлать никакихъ гипотезъ относительно состава движущагося тѣла». Другой вообразить себѣ мірозданіе, какъ собраніе безчувственныхъ атомовъ, движущихся въ пустотѣ, а третій усмотритъ еще въ этихъ низшихъ элементахъ своеобразныя простѣйшія чувства. Какъ Коши видѣлъ вездѣ математическія формулы и представлялъ себѣ мірозданіе въ видѣ огромнаго воплощенія формулъ движенія, такъ Корреджіо усматривалъ въ мірозданіи мозаику цвѣтовъ, а Ветховенъ—гармонію звуковъ. Представимъ-же теперь математика съ аналитическимъ умомъ на общественномъ поприщѣ. Коши былъ выдающимся филантропомъ, но, выступая въ качествѣ альтруиста, придавалъ математическую окраску даже своей благотворительной дѣятельности: онъ видѣлъ не страдающихъ людей, а безличныя общія схемы. Другой математикъ. Наперъ, отецъ логариемовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ одинъ изъ самыхъ фанатическихъ борцовъ эпохи Кромвелля, внесъ въ парламентскія пренія особенную форму доказательствъ и особенный способъ убѣждать другихъ: его рѣчи были построены по образцу геометрическихъ теоремъ. У такого рода людей умъ всегда будетъ управлять поступками. Способные послѣдовательно и постепенно осуществлять свои планы, они займутъ въ общественной борьбѣ совершенно другое положеніе, чѣмъ живыя личности, рефлексивно-впечатлительныя, воспримчивыя и кидающіяся изъ стороны въ сторону. Антагонизмъ жирондистовъ и группы Робеспьера представляетъ собою на исторической почвѣ именно такой антропологическій контрастъ между аналитическо-математическими и рефлексивно-впечатлительными натурами, и характеръ этой борьбы несколько не измѣняется тѣмъ обстоятельствомъ, что эти дѣятели защищали различные интересы и различные общественные классы. Психіатрія также представляетъ множество примѣровъ зависимости общественныхъ идеаловъ чело-вѣка и содержанія его художественнаго творчества отъ его эмоціональной натуры. Общественныя мечтанія эротомановъ наполнены картинами сладострастія и разврата. Они доходятъ до устраненія всякаго платья, до выставленія на показъ всѣми скрываемыхъ частей тѣла и до превращенія общества въ огромный публичный домъ. Помѣшанные меланхолики стараются пропагандировать мысль о повальномъ самоубійствѣ. Или возьмемъ эпилептика съ его страстью истязать и убивать, съ его жаждою крови, надѣлимъ его сильнымъ беллетристическимъ талантомъ, и мы получимъ автора, который жестоко обраде-

ніе съ живыми людьми замѣняетъ истязаніемъ своихъ героевъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ мучитъ и читателей. Психіатрія указываетъ намъ невропатовъ, сперва страдающихъ отъ воображаемыхъ нагихъ женщинъ, которыхъ они мысленно бьютъ и истязаютъ до тѣхъ поръ, пока наконецъ не начнутъ все это продѣлывать на яву. Надѣлимъ такого помѣшаннаго художественнымъ талантомъ, и онъ дастъ намъ мрачныя картины, полныя мученій и терзаній. Сравнимъ поэзію помѣшанныхъ, страдающихъ маніей величія, которыхъ такъ много въ домахъ для умалишенныхъ, съ поэзіей Виктора Гюго, или маніаковъ-меланхоликовъ съ Леопарди, и мы сразу поймемъ значеніе антропологическаго анализа въ области поэтическаго творчества.

Даже многія историческія событія могутъ быть объяснены въ смыслѣ проявленія дѣятельности своеобразныхъ натуръ. Первоначальная исторія инквизиціи, аскетизмъ III и IV вв., судебные процессы о вѣдмахъ XVI и XVII вв., демономанія въ средневѣковыхъ монастыряхъ, культъ трубадуровъ въ XIII в., коммунистическія общины съверной Америки—все это историческія событія, дѣятели которыхъ отличались своеобразной душевно-эмоціональной натурой. Въ ней слѣдовало бы искать объясненія того факта, что нѣкоторыя идеи, хотя и одинаково доходятъ до свѣдѣнія двухъ индивидовъ, находящихся въ одинаковыхъ общественныхъ условіяхъ, однако оказываютъ вліяніе только на одного, а другого вовсе не беспокоятъ. Если кто-нибудь бросится съ вандомской колонны, то найдетъ подражателей исключительно среди соотвѣстныхъ личностей: меланхоликовъ-самоубійцъ. Словомъ, насколько развитіе извѣстной идеи не является формулировкой какихъ-нибудь опредѣленныхъ общественныхъ интересовъ и не касается непосредственно заинтересованнаго класса, то оно находитъ себѣ приверженцевъ только среди лицъ своеобразнаго душевно-эмоціональнаго типа. Назовемъ соотвѣстственные общественныя движенія *эмоціонально-антропологическими*, въ виду того, что эмоціональныя свойства ихъ представителей даютъ намъ ключъ къ ихъ разгадкѣ (хотя появленіе въ обществѣ соотвѣстныхъ натуръ находится въ связи съ его строемъ). Сюда принадлежитъ напр. спиритизмъ, и т. п. Не слѣдуетъ однако ихъ смѣшивать съ *общественно-классовыми* движеніями, напр. съ освобожденіемъ третьяго сословія или съ борьбой рабочаго класса, такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ идея, соотвѣтствующая опредѣленнымъ интересамъ, убѣдительно для каждаго члена заинтересованной группы независимо отъ умственного развитія или характера. Мало того, развитіе самой идеи можно разсматривать въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ ея приспособленіе къ соотвѣстственнымъ типамъ. Исторія манихейзма прекрасно иллюстрируетъ эту мысль. Первоначальная манихейская философія проклинаятъ всѣ

инстинкты нашего организма вплоть до супружеских отношений и рождения потомства. Однако вследствие таких требований, предъявляемых своим последователям, она не имела бы широкого распространения. Число членов этой секты увеличилось только тогда, когда догматы ее были на столько изменены, что облегчили доступъ въ нее и другимъ людямъ, неспособнымъ отказаться отъ всѣхъ земныхъ благъ. Позднѣйшій манихейзмъ удовлетворилъ этому условію: онъ раздѣлилъ секту на совершенныхъ членовъ, исполняющихъ всѣ требованія религіи, и несовершенныхъ, которые запятнаны земными страстями и души которыхъ до тѣхъ поръ будутъ возвращаться на землю, пока наконецъ не найдутъ совершеннаго тѣла. Идея аскетизма, значить, измѣняется въ зависимости отъ природы ея послѣдователей.

Все это—вопросы, только сравнительно недавно намѣченные наукой. Лучше, быть можетъ, разработать вопросъ, касающійся антропологии нѣкоторыхъ массовыхъ движеній, представители которыхъ не имѣютъ точно выясненныхъ цѣлей. Съ одной стороны разработана психологія инициаторовъ (между прочимъ сюда относится и теорія Ломброзо о маттоидахъ), съ другой—психологія слѣдующей за этими инициаторами толпы. Впрочемъ, говоря о роли эмоциональных типовъ въ исторіи, мы должны сдѣлать маленькую оговорку. Міросозерцаніе, воспринимаемое въ дѣтствѣ, нравственные начала, усвоиваемыя постепенно, матеріально-общественныя отношенія, окружающія человѣка,—все это оказываетъ на него неотразимое вліяніе. Возьмемъ напр. міросозерцаніе нѣкоторыхъ помѣшанныхъ. Помѣшательство,—говоритъ одинъ психіатръ,—съ точки зрѣнія фізіологій и философіи, всегда одно и то же, но способъ проявленія его зависитъ отъ общихъ условій... Войдите въ домъ для умалишенныхъ, и въ настоящее время вы не услышите, чтобы тамъ говорили о чортѣ, шабашѣ и т. д. Всѣ эти ужасы замѣнены другими, одна мысль о которыхъ наводитъ на помѣшанныхъ панической страхъ. Современные ужасы это—электричество, полиція и іезуиты». Ренъяръ, слова котораго мы привели, указываетъ на историческія условія, дающія тотъ или другой обликъ истеричной, смотря по эпохѣ, въ которой она живетъ: нѣкогда ее принимали за святую, потомъ за вѣдму, наконецъ за бѣснующуюся; въ настоящее же время она попадаетъ въ больницу или занимается проституціей. О кровожадно-эротическихъ типахъ можно сказать то-же. Такъ напр. у людоедовъ субъекты съ кровожадно-эротическими наклонностями были героями, которыхъ соплеменники воспѣвали въ своихъ поэмахъ; при другихъ условіяхъ, когда людоедство считается уже позорнымъ, но общество еще не можетъ правильно объяснить себѣ страсть къ людоедству, начинаются толки объ оборотняхъ; въ настоящее время вышеозначенные типы даютъ бѣшено-сладостраст-

ныхъ преступниковъ, которыхъ сажаютъ въ сумасшедшій домъ. Мало того, даже въ одну и ту же эпоху ненормальный типъ можетъ проявляться весьма различно. Сладострастіе можетъ дать намъ художника, который будетъ изображать сцены кроваво-эротическія, палача инквизиціи, пытающаго нагихъ еретичекъ, аскета, истязующаго самого себя, педагога, мучающаго дѣтей...

Остановимся на какой-нибудь группѣ типовъ въ современномъ европейскомъ обществѣ, напр. на мясникахъ, адвокатахъ, музыкантахъ и матросахъ. Вполнѣ уже доказанъ фактъ, что каждая группа профессиональныхъ типовъ, благодаря постояннымъ своимъ занятіямъ и определенной сферѣ дѣятельности и мысли, пріобрѣтаетъ особыя черты характера, своеобразную ассоціацію идей и наконецъ соотвѣтственныя физическія особенности (напр. неодинаковое развитіе различныхъ мышцъ). Однообразныя впечатлѣнія отражаются даже на внѣшнемъ обликѣ человѣка. «Настоящій кутейникъ или чиновникъ»—принято говорить. Но дѣло не въ этихъ пріобрѣтенныхъ чертахъ, а въ такихъ, съ которыми человѣкъ какъ бы рождается и которые дѣлаютъ его особенно способнымъ къ извѣстной профессіи, иначе говоря, въ данномъ случаѣ мы имѣемъ въ виду призваніе и способности извѣстныхъ типовъ и сознательное или безсознательное ихъ проявленіе въ обществѣ. Съ этою цѣлью мы займемся людьми, которымъ особенно везетъ въ избранной ими дѣятельности, или которые работаютъ съ особеннымъ увлеченіемъ на извѣстномъ поприщѣ, или наконецъ такихъ, которые отличались въ определенной сферѣ труда. Слѣдующій примѣръ наглядно покажетъ намъ научное значеніе такихъ дѣятелей. Ежегодно до 450 юношей держатъ въ Кембриджѣ экзамены на ученую степень математика. Имена экзаменуемыхъ распределяются въ порядкѣ выказанныхъ ими знаній. Первые 40 находятъ себѣ тотчасъ-же выгодныя мѣста. Самолюбіе, матеріальныя соображенія дѣйствуютъ на нихъ въ этомъ случаѣ возбуждающимъ образомъ. Въ одномъ году лучшій воспитанникъ получилъ въ общемъ отмѣтку: 7, 634; другой — 4, 125; послѣдній — 237, въ другомъ году соотвѣтственныя цифры составляли: 9, 422, 5,642 и 309. Итакъ очень вѣроятно, что среди первыхъ воспитанниковъ окажутся самые выдающіеся представители математическихъ дарованій. Теперь возьмемъ человѣка съ какими-нибудь особенными способностями. Не подлежитъ сомнѣнію, что онъ, найдя себѣ соотвѣтственное своимъ способностямъ поле дѣятельности и работая на немъ при благоприятныхъ условіяхъ, скорѣе, чѣмъ другой, займетъ одно изъ первыхъ мѣстъ. «Обыкновенный матросъ, говоритъ Гальтонъ, взбирается на мачты, а проводникъ-горецъ на скалы съ такой ловкостью, которая кажется почти невѣроятной тому, кто росъ вдали отъ моря и горъ. Но если человѣкъ надѣленъ отъ природы необычно-

венными способностями, то онъ вскорѣ пріобрѣтетъ ловкость, какую одно воспитаніе ему дать не можетъ. Прирожденный гимнастъ вскорѣ удивитъ своей ловкостью матросовъ и, прежде чѣмъ судно сдѣлаетъ половину пути, онъ будетъ лазить по мачтамъ, какъ обезьяна». Профессія мясника представляетъ другой примѣръ значенія врожденныхъ способностей. Марро наблюдалъ въ тюрьмѣ эпилептика-поджигателя съ влеченіемъ къ кровожадности. Это влеченіе заставило его избрать профессію мясника. Въ дѣтствѣ онъ чуть не зарѣзалъ младшаго брата, желая показать, какъ мясникъ убиваетъ вола. Будучи въ тюрьмѣ, онъ съ особеннымъ удовольствіемъ прислушивался къ рычанію быковъ на ближайшей бойнѣ. «Сегодня быкъ рычитъ, а завтра его зарѣжутъ!» говаривалъ онъ съ нескрываемой радостью. На вопросъ, почему онъ любитъ свое ремесло, онъ отвѣтилъ: «мнѣ очень нравится видѣть, какъ течетъ кровь». Психіатрія знаетъ не мало такихъ случаевъ, и не подлежитъ сомнѣнію, что такого рода кровожадные субъекты будутъ работать съ особеннымъ увлеченіемъ на избранномъ ими поприщѣ: мясника, живодера, палача. Они будутъ «передовыми» дѣятелями съ антропологической точки зрѣнія. Возьмемъ еще адвокатуру. Въ то время какъ мясникъ избираетъ себѣ профессію, побуждаемый соответственнымъ влеченіемъ, адвокатъ такого влеченія не испытываетъ, но это обстоятельство нисколько не измѣняетъ сущности дѣла. Многочисленная толпа, прельщенная значительнымъ заработкомъ, бросается на адвокатуру, но только немногіе изъ нихъ, отличающіеся находчивостью, изворотливостью, покладистой совѣстью и краснорѣчіемъ, пробиваютъ себѣ дорогу. И здѣсь, какъ и въ предыдущихъ случаяхъ, «передовой» дѣятель отличается своеобразными чертами характера. Однако изъ этого не слѣдуетъ, чтобы каждый передовой дѣятель въ извѣстной области труда обладалъ въ равной мѣрѣ профессиональными особенностями. Но все таки эти черты проявляются у нихъ сильнѣе, а среди неудачниковъ данной специальности онѣ будутъ менѣе рельефны.

Изъ этихъ примѣровъ мы можемъ заключить, что антропология найдетъ благодарный матеріалъ, когда она приступитъ къ изученію передовыхъ профессиональных типовъ, — такъ сказать прирожденныхъ «профессионалистовъ» (однако отсюда не слѣдуетъ, чтобы какое-нибудь непреодолимое влеченіе толкало таковыхъ личностей на данное поприще, хотя въ отдѣльныхъ случаяхъ это можетъ случаться).

Соотвѣтственно мы и въ другихъ общественныхъ группахъ можемъ установить различныя категоріи людей, объединяемыхъ общественными стремленіями (революціонеровъ, филистеровъ), вкусами (эротиковъ, гастрономовъ), темпераментомъ (вялыхъ, энергичныхъ), и стараться уяснить себѣ, чѣмъ обуславливается духовный обликъ прирожденного представите-

ля такой группы людей. Не подлежитъ сомнѣнію, что главные представители этихъ группъ будутъ часто, если не всегда, имѣть своеобразныя эмоциональныя черты. Точное, научное и объективное изслѣдованіе этого вопроса вполне возможно. Страсти и внутреннія влеченія, даже не проявляясь внѣшнимъ образомъ, тѣмъ не менѣе вліяютъ на кровеносную систему, и хотя бы это вліяніе было ничтожно, оно можетъ быть графически изображено соответственными снарядами. Состояніе кровеносной системы, когда умъ занятъ математическими исчислениями, впечатлѣніе пьяницы, когда ему предлагаютъ водки, половое возбужденіе, вызванное видомъ голой женщины — всѣ эти тайны внутренней жизни, иногда неуловимыя для самого изслѣдуемаго субъекта, могутъ быть изображены волнообразною линією и сохранены на бумагѣ. Впечатлѣніе, вызванное разговорами объ оргіяхъ, дастъ другую линію у эротика, чѣмъ у какого-нибудь спокойнаго мыслителя; видъ крови иначе подѣйствуетъ на хирурга или мясника, чѣмъ на музыканта. Такимъ образомъ антропология можетъ въ высшей степени систематически наблюдать ассоціаціи идей и напряженіе чувствъ, свойственныя разнымъ группамъ. (Конечно, трудно выдѣлать черты прирожденные и пріобрѣтенныя).

Какъ мы уже сказали, однообразныя впечатлѣнія и мысли налагаютъ особый отпечатокъ на внѣшній обликъ человѣка, и онъ также поддается обстоятельному изслѣдованію при помощи собирательныхъ фотографій Гальтона, фиксирующихъ черты сходныя у цѣлой категоріи людей и устранивающихъ несходныя.

Въ виду всего этого возникаетъ вопросъ, не имѣютъ ли нѣкоторыя личности врожденныхъ фізіологическихъ и анатомическихъ особенностей? Звукъ отъ тренія стекла пескомъ и даже одно воспоминаніе объ немъ вызываетъ у многихъ непріятное ощущеніе, граничащее съ физическою болью. Есть и такіе люди, которые не выносятъ фальшивыхъ звуковъ музыки. Не находится ли эта особенность въ связи съ фізіологіей слуха, а слѣдовательно и съ строеніемъ соответственнаго органа? Положительный отвѣтъ вполне возможенъ. Въ антропологическомъ отдѣленіи на парижской международной выставкѣ 1889 г. были выставлены руки: великана, карлика, художника-скульптора, обыкновеннаго рабочаго. Достаточно было бросить взглядъ, чтобы убѣдиться, что не каждая изъ этихъ рукъ способна ко всякому труду. Итакъ, въ предыдущемъ примѣрѣ слухъ, а въ только что приведенномъ рука могутъ быть предметомъ точнаго научнаго изслѣдованія. Впрочемъ, существуютъ и болѣе положительныя данныя, указывающія на связь между духовными и физическими особенностями съ одной стороны и профессіей, исторической ролью и т. д. съ другой. Для того, чтобы наглядно представить вѣрность

этой мысли, мы нѣсколько остановимся на органическихъ условіяхъ различныхъ способовъ научнаго творчества. Тутъ сразу бросаются въ глаза двѣ категоріи умовъ: многостороннихъ и одностороннихъ. Къ первой принадлежатъ ученые, изучавшіе различныя отрасли знанія. Научная дѣятельность такого изслѣдователя представляется въ общей сложности независимые другъ отъ друга научные выводы, какъ будто эти выводы были сдѣланы самостоятельно нѣсколькими лицами. Примѣромъ такой всесторонней дѣятельности можетъ служить Гумбольдтъ. Будучи въ университетѣ, онъ поступилъ на камеральный факультетъ, затѣмъ перешелъ къ технологіи и одновременно изучалъ естествознаніе и греческій языкъ, въ концѣ концовъ написалъ сочиненіе о ткацествѣ у древнихъ грековъ. На 20 году жизни онъ принимается за зоологію и минералогію, путешествуетъ съ научною цѣлью по Рейну, слушаетъ лекціи въ коммерческомъ училищѣ въ Гамбургѣ, затѣмъ въ горномъ училищѣ въ Фрейбургѣ, изслѣдуетъ мхи и пишетъ о нихъ серьезное сочиненіе. На 26 году жизни онъ штудируетъ ботанику въ Вѣнѣ, затѣмъ анатомію въ Іенѣ, дѣлаетъ самостоятельныя изысканія надъ животнымъ электричествомъ и минералогіей. На 30 году онъ предпринимаетъ цѣлый рядъ путешествій, во время которыхъ наблюдаетъ температуру, земной магнетизмъ, изучаетъ астрономическія явленія, вліяніе вулкановъ на поверхность земли, морскія теченія, общественный строй, собираетъ этнографическія данныя и т. д. По возвращеніи въ Европу онъ разрабатываетъ собранный матеріалъ и печатаетъ сочиненія, изданіе которыхъ обошлось въ 300 тысячъ талеровъ. Въ то же время онъ наблюдаетъ отклоненіе магнитной стрѣлки, принимаетъ участіе въ публицистикѣ и только на 41 году своей жизни принимается за изученіе восточныхъ языковъ. Будучи уже 60-ти лѣтнимъ старикомъ, онъ еще 30 лѣтъ своей жизни посвящаетъ изученію географіи, астрогнозіи, земному магнетизму и метеорологіи; на 75 году жизни онъ приступаетъ къ изданію своего знаменитаго *Космоса*, хотя еще не составилъ себѣ яснаго плана сочиненія, путешествуетъ по Россіи, изучаетъ филологію и поэзію. Такая всесторонность совершенно противоположна дѣятельности односторонняго ума, признакомъ котораго служатъ: посвященіе себя исключительно какой нибудь узкой специальности, но съ воодушевленіемъ и страстностью, сильное стремленіе къ детальному изученію фактовъ и къ накопленію множества мелочей. Представители этого типа не удовлетворены результатами своихъ изслѣдованій и въ продолженіе всей своей жизни стараются подтвердить ихъ новыми фактами; вѣстѣ съ тѣмъ способность этихъ ученыхъ подмѣчать новыя детали достигаютъ крайнихъ предѣловъ. Они рѣдко создаютъ новыя теченія и по большей части только разрабатываютъ чужія

идеи. Представителемъ этой группы ученыхъ можно считать Френеля. Уже на 9 году жизни онъ принялся за барометрическія наблюденія, а окончивъ политехническое училище, занялся лишь изысканіями въ узкой области свѣтовыхъ явленій. Въ обѣихъ группахъ ученыхъ, многостороннихъ и одностороннихъ, бросается въ глаза нѣсколько особенно характерныхъ чертъ. Представители первой чаще достигаютъ престарѣлаго возраста и сохраняютъ до конца дней своихъ свѣжесть ума. Гумбольдтъ напр. достигъ 90 лѣтъ; хотя на 84 году у него ослабѣлъ слухъ, и онъ двигался съ трудомъ, однако ясность ума не покидала его до послѣдней минуты. Совершенно другое приходится сказать объ одностороннихъ умахъ: короткая жизнь и преждевременная дряхлость ума составляютъ характерную ихъ черту. Френель умеръ на 39 году жизни вслѣдствіе постепеннаго упадка силъ, связаннаго съ полнымъ ослабленіемъ мысли. Такіе люди, какъ Гумбольдтъ, легко приспосабливаются къ новой общественной средѣ и уживаются съ людьми самыхъ разнообразныхъ убѣжденій; въ то время какъ односторонній типъ отличается раздражительностью, нетерпимостью и неуживчивостью. Словомъ, если можно было бы довѣряться тому незначительному и отрывочному фактическому матеріалу, которымъ мы располагаемъ, то оказалось бы, что творческая дѣятельность того и другого типа сопровождается многими другими духовными особенностями. И вотъ является вопросъ, не слѣдуетъ-ли искать причинъ этого различія въ нервной системѣ? У многосторонняго типа съ его отзывчивостью ко всему, стойкостью при неблагоприятныхъ условіяхъ, энергической, быстрой, но отрывочной нервной дѣятельностью, различныя стороны умственной дѣятельности какъ будто независимы другъ отъ друга. Возстановленіе нервныхъ тканей должно у него происходить быстрѣе и энергичнѣе, чѣмъ у такихъ типовъ, какъ Френель. Между тѣмъ у этихъ типовъ всякое впечатлѣніе отличается извѣстной продолжительностью и съ трудомъ уступаетъ мѣсто другому; организмъ отличается сильной «памятью». Представители этой группы умираютъ довольно рано, причѣмъ ихъ организмъ еще долго предъ смертью пораженъ продолжительными хроническими недугами, постепенно ослабляющими ихъ организмъ. Извѣстно, однако, что состояніе психическаго угнетенія идетъ рука объ руку съ такими явленіями, какъ отвердѣніе и склерозъ мозга, пораженіе селезенки и т. д. Льюизъ отмѣчаетъ у меланхоликовъ глубокое вырожденіе нервныхъ клѣточекъ, обращающихся въ стекловидныя, измѣненія въ сердцѣ, почкахъ, печени, селезенкѣ и т. д. Не удастся-ли на основаніи болѣзней, поражающихъ односторонніе умы, придти къ какому-нибудь заключенію относительно организаціи даннаго человѣка? Нельзя-ли предположить, что возстановленіе нервныхъ клѣточекъ у

этой группы людей происходит медленно, чем у людей типа Гумбольдта, и что вследствие этого в организм накапливаются лишние вещества, вызывающие указанные нами явления? Только дальнейшие исследования могут осветить этот вопрос, как и подтвердить отмеченный нами параллелизм признаков, установленный Вишняковым на основании слишком незначительного числа наблюдений. Подтверждать или опровергнуть дальнейшие исследования высказанные нами соображения,—мы этого вопроса касаться не станем; но этот примёр прекрасно иллюстрирует задачу антропологии в области духовно-профессиональных типов. Следовательно, если бы при помощи снарядов, которыми пользуются в физиологической лаборатории Гальтона, или руководствуясь данными уголовной антропологии, были установлены скорость и правильность биения пульса или сердца под влиянием того или другого возбуждения, способ передачи чувств, род болезней и т. д., то несомненно получились бы для различных групп людей профессиональных, эмоциональных и т. д. в каждом отдельном случае иные показатели. Таким образом были бы исследованы типы склонных от «рождения» быть ханжами, учеными, купцами, фанатиками, мясниками. Впрочем, такая постановка вопроса грешит чрезмерной схематичностью, так что явления чрезвычайно сложные и запутанные кажутся слишком простыми, а изыскания в этой области как будто уже не представляют никаких трудностей. Между тем человек редко имеет настолько несложную натуру, чтобы его можно было без всяких оговорок причислить к определенному типу. Зачастую противоположные особенности сливаются в одно неразрывное целое. «Прирожденный» музыкант, математик, эротик могут существовать в одном и том же индивиде и затруднять анализ типа и антропологическое изучение его. Таким образом, в одной и той же профессии могут очутиться самые разнообразные эмоциональные типы, как это выяснится при изучении преступности. Не станем предвзирать, каким образом будущее справится с этими трудностями; отметим только, что исследования этого рода до сих пор сделали крайне незначительные успехи. Одна только психиатрия может похвалиться более значительными результатами. Неуравновешенные и неприспособленные к современному общественному строю личности являются яркими выразителями особенностей и свойств эмоциональных групп: «женщины с мозгом мужчины», «мужчины с мозгом женщины», «прирожденные самоубийцы, разного рода помешанные, страдающие манией величия, манией преследования, эротики, поджигатели, воров и т. д. очерчивают собой всю более или менее исследованную область духовно-эмоциональной антропологии.

Уголовная антропология, занимающаяся исследованием типа преступников, наглядно указывает на трудности, которые науки приходится преодолевать. Мы остановимся на результатах этих исследований не потому, чтобы они были особенно ценными, но чтобы выяснить на примёре преступника всю сложность вопроса. Однако, касаясь тех или других научных попыток и взглядов, мы не берем на себя ответственность за них. Отметим еще, что область исследования преступного типа составляет излюбленный конек, на котором так любят выежжать буржуазное понимание, сваливающее всю вину за преступление с общественного строя на человеческую природу. Конечно, факты остаются неизменными, но их освещение, выдвигание одних и замалчивание других, наконец соединение в причинную связь, должны по необходимости зависеть от образа мыслей и общественного положения ученого. Ломброзо напр., в доказательство умственного вырождения, ссылается на тот факт, что какой-то преступник вырезал себя на груди девиз: «Да здравствует Франция и горячий картофель!» Сытаго от такого сопоставления конечно покорибь, но для безпрютного бдяника горячая пища—редкий праздник. Если при таких условиях он помнит еще о родном крае, то это, пожалуй, служит доказательством его душевной неиспорченности!

Под влиянием критики и обвинений в односторонности, буржуазная уголовная антропология сделалась менее сурова. В настоящее время она различает природного преступника, толкаемого на путь порока своеобразной своей физической и психической организацией, и человека, совершающего преступление под влиянием неблагоприятных обстоятельств. Ломброзо и вообще итальянские представители уголовной антропологии смотрят на первый из этих типов преступников, как на разновидность цивилизованного человека, отличающуюся свойственными исключительно ей одной антропологическими чертами. А именно, природный преступник в сравнении с нормальным человеком в среднем имеет меньший череп, сильнее развитую нижнюю челюсть, более значительные глазницы, резко обозначенные надбровные дуги, вообще же представляет тип с недоразвившимися лицевыми признаками и слишком развитым затылком. Сюда же относятся многочисленные неправильности, асимметрия и утолщения черепа, напоминающие приметы помешанного. Мозг обращает на себя внимание своей асимметрией и меньшим объемом; гистологические исследования указывают на патологические признаки и вырождение, анатомические же—на менее совершенное строение организма. Многочисленные нарушения кровообращения и хронические недомогания в центральных органах являются неразлуч-

ными спутниками преступного типа. Прирожденный преступник — некрасивъ, часто косоглазъ или страдаетъ дальтонизмомъ; мышцы у него развиты слабо, лобъ низкій и преждевременно изморщенный морщинами, растительность на лицѣ скудная, но зато на головѣ обильная, уши оттопыренные, носъ часто приплюснутый или ассиметричный. Въѣстъ съ тѣмъ замѣчается сравнительно большее развитіе лѣвой половины тѣла и ея дѣятельности, чѣмъ у человѣка нормального. Воспримчивость къ физической боли и къ холоду у преступного типа понижена, и наоборотъ — къ повышенной температурѣ онъ очень чувствителенъ. Преступникъ краснѣетъ рѣдко, а анестезією¹⁾ страдаетъ часто; притупленную воспримчивость преступника можно объяснить продолжительностью его жизни, обиліе рубцовъ, татуированіе часто самыхъ нѣжныхъ частей тѣла, склонность къ самоубійству и равнодушіе, съ какимъ онъ убиваетъ другихъ. Несмотря на свою нечувствительность къ физической боли, онъ большой трусъ. Ованизмъ, жестокость, склонность къ воровству, лживость, лѣность, вообще нерѣшительный характеръ предвѣщаютъ уже въ ребенкѣ будущаго преступника. Взрослый преступникъ завистливъ, мстителенъ, жестокъ, склоненъ къ безпричинной ненависти, раздражается изъ-за пустяка и взрывы раздраженія проявляются у него иногда періодически. Онъ лѣнивъ, развратенъ, необыкновенно подвиженъ, не заботится о завтрашнемъ днѣ и не чувствуетъ угрызений совѣсти. Словомъ, онъ составляетъ нѣчто среднее между помѣшаннымъ и дикаремъ, отличается различными анатомическими неправильностями, фیزیологическими аномальностями, непостояннымъ характеромъ и извращенностью чувства. Анатомическія неправильности лица преступного типа выступаютъ иногда въ такомъ сочетаніи, что мы можемъ съ перваго взгляда опредѣлить его. Прирожденный преступникъ многими своими чертами приближается къ «нравственно-помѣшанному». Послѣдній типъ ничѣмъ, ни въ физическомъ, ни въ умственномъ отношеніи не напоминаетъ ненормального, но онъ отличается болѣзненною чувствительностью. Однако при ближайшемъ его изслѣдованіи можно констатировать у него ассиметрію въ строеніи черепа, неправильные зубы, многочисленныя и патологическія нарушенія въ дѣятельности внѣшнихъ чувствъ, судорожныя движенія лицевыхъ мышцъ, временную или періодическую болѣзненную чувствительность, атрофію или повышеніе полового влеченія. Прежде же всего бросается въ глаза его нравственная притупленность, своего рода дальтонизмъ чувства, полное отсутствіе альтруизма, и даже чувства симпатическія у него

¹⁾ Состояніе, при которомъ механическое раздраженіе производитъ осозательныя, но не болевыя ощущенія. (Переводчикъ).

принимаютъ уродливыя формы, напр. мать изъ любви къ своимъ дочерямъ дѣлаетъ изъ нихъ проститутокъ, чтобы доставить имъ полковыя наслажденія. Нравственно-помѣшанный составляетъ какъ бы разновидность преступника.

По поводу этой характеристики преступного типа, приведенной здѣсь лишь въ общихъ чертахъ, возбужденъ былъ вопросъ, природены ли означенные физическіе признаки преступному типу, или они составляютъ продуктъ своеобразныхъ общественныхъ условій и воспитанія? Затѣмъ, высказано было сомнѣніе относительно другой стороны вопроса, а именно, что присутствіе «преступныхъ» свойствъ неизбежно вызываетъ непреодолимую страсть къ преступленію — за немногими исключениями, какъ напр. въ случаяхъ нравственнаго помѣшательства. Наконецъ, указываютъ на то обстоятельство, что природенный преступникъ составляетъ лишь ничтожный процентъ въ многочисленной группѣ преступниковъ. Въ самомъ дѣлѣ, по Ломброзо, если взять мѣриломъ преступности присутствіе основныхъ характеризующихъ преступника свойствъ, то такихъ людей окажется всего 23%; если же къ этой группѣ причислить и людей, обладающихъ только нѣкоторыми изъ этихъ свойствъ, то процентъ преступниковъ возрастаетъ до 45% (впрочемъ среди рецидивистовъ процентъ природныхъ преступниковъ будетъ болѣе значительный). Кромѣ того обращено еще вниманіе на другія слабыя стороны уголовной антропологіи. Напр. относительно нѣкоторыхъ внѣшнихъ признаковъ преступности многие ученые расходятся во взглядахъ, какъ напр. относительно формы носа, и это обстоятельство какъ нельзя лучше доказываетъ преждевременность многихъ обобщеній. Наконецъ, на основаніи сказаннаго можно было бы заключить, что типу природеннаго преступника присущи вполнѣ опредѣленныя и явственно обозначенныя свойства, а между тѣмъ это подлежитъ сомнѣнію, такъ какъ въ преступномъ типѣ соединяются самыя разнообразныя наклонности: онъ бываетъ то трусливымъ воришкой, то бурнымъ эротикомъ, то хитрымъ мошенникомъ. Ломброзо съ теченіемъ времени былъ принужденъ различать три категоріи природныхъ преступниковъ, — взглядъ совершенно противорѣчащій предыдущему и лишаящій его основательности. Въ силу этой поправки, убійцы и разбойники имѣютъ иногда болѣе чѣмъ воры, чѣмъ вѣры, болѣе значительный вѣсъ тѣла, сильно развитыя мышцы, густые и курчавые волосы, жидкую бороду, тонкія губы, развитую нижнюю челюсть и скулы, сильно развитыя глазные зубы (клыки), взглядъ стеклянный, холодный, неподвижный; носъ орлиный, какъ у хищныхъ птицъ, голова и туловище покрыты многочисленными рубцами; они не любятъ вина, но зато предаются со всею страстью разврату и игрѣ. У бурныхъ эротиковъ глаза выпуклые, черты лица тонкія, губы и вѣки большія, го-

лось—хриплый; иногда въ половых отправленияхъ они безсильны и полупомѣшанные; половые органы ненормальны, лицо обыкновенно асимметрично. Въ этой группѣ зачастую встрѣчаются кретины, заики, горбуны, рахитики и рябые. Воръ часто женоподобенъ, страстно любить яркіе цвѣта, блескъ, оргіи, городской шумъ; онъ ловокъ, подвиженъ, но физически слабъ, у него множество предрасудковъ, въ немъ есть что-то, напоминающее обезьяну.

Все это показываетъ, что въ типѣ прирожденнаго преступника соединены различныя черты вырожденія: физическія и эмоциональныя ненормальности, нравственная притупленность, нерѣзительность и рефлективность въ дѣйствіяхъ. Къ этой группѣ принадлежатъ разнаго рода помѣшанные манаки, выродившіеся субъекты, люди съ уродливымъ альтруистическимъ чувствомъ, весьма часто также и люди нормальные, но обезображенные физически, напримѣръ, рябые, присутствие которыхъ среди группы бурныхъ эротиковъ можетъ быть объяснено только трудностью найти взаимность обыкновеннымъ путемъ. Прибавимъ еще лицъ, которыя постепенно выраждались въ теченіе всей своей жизни, благодаря неблагоприятнымъ условіямъ. Но кромѣ отмѣченной группы есть и еще другія. Прежде всего мы наталкиваемся на преступниковъ по страсти, которые совершаютъ преступленіе въ порывѣ благороднаго чувства, вслѣдствіе своей горячности. По совершеніи преступленія они впадаютъ въ отчаяніе, предають себя въ руки правосудія. Затѣмъ мы должны причислить сюда преступленія, совершаемыя въ состояніи опьяненія, подъ вліяніемъ различныхъ внѣшнихъ условій, напр. во время дороговизны, вслѣдствіе недостатка воспитанія и т. д. Принимая все это во вниманіе, мы получимъ крайне сложную картину характеровъ преступнаго типа и кромѣ того поймемъ, что составъ преступныхъ типовъ будетъ далеко не одинаковъ при различномъ общественномъ строѣ.

Между различными преступными типами старались установить неразрывную причинную связь и найти такимъ образомъ объясненіе ихъ физическаго вырожденія—на почвѣ сопутствующаго ему эмоциональнаго извращенія. «Страсть къ воровству—говоритъ одинъ карманный воръ—у меня въ крови; даже при видѣ иголки я не въ состояніи удержаться отъ искушенія взять ее, хотя потомъ я готовъ ее и возвратить». «Я не въ силахъ,—разсказываетъ другой—обуздать свое влеченіе къ воровству, даже если бы я ни въ чемъ не нуждался. Когда я не имѣю возможности удовлетворить своей страсти, я не могу спать. Подъ вліяніемъ непреодолимой силы, я беру первый попадающійся мнѣ предметъ». Людоѣдъ Верцэни, задушившій нѣсколько женщинъ, чтобы насладиться видомъ ихъ предсмертныхъ судорогъ, упивался ихъ кровью и даже вырѣзывалъ и сѣдалъ куски ихъ тѣла; на судѣ онъ

сознался, что если бы его выпустили на свободу, то онъ продѣлалъ бы то же самое, и что онъ совершалъ свои преступленія какъ бы въ безсознательномъ состояніи. Въ приведенныхъ здѣсь примѣрахъ всегда выступаетъ своего рода «категорическій императивъ». Это обстоятельство напоминаетъ состояніе эпилептиковъ, и Ломброзо старается представить прирожденнаго преступника въ видѣ эпилептика. Итальянскій ученый констатируетъ, что эпилептикъ отличается асимметрией черепа, выдающеюся нижней челюстью и такими же скулами, нечувствительностью къ физической боли и воспримчивостью къ метеорологическимъ переѣнамъ, болѣе сильнымъ развитіемъ дѣятельности лѣвой стороны тѣла, лѣвнью, запальчивостью, доходящею часто до ярости, извращенностью страстей и чувствъ, сварливостью, непостоянствомъ, страстью уничтожать, истязать и людоѣдствовать, словомъ—многими основными чертами, приписываемыми прирожденному преступнику. Далѣе Ломброзо утверждаетъ, что тѣ изъ итальянскихъ провинцій, гдѣ процентъ эпилептиковъ самый значительный, даютъ и наибольшее число бурныхъ эротиковъ и убійцъ. Кромѣ того, въ то время какъ эпилептики среди населенія составляютъ 0,6%, среди преступниковъ процентъ ихъ повышается до 5—11%. Есть даже прямые доказательства, что непреодолимыя влеченія—своего рода эпилептический припадокъ. Х—страдаетъ эпилепсіей, но ожидаемый припадокъ иногда не происходитъ, и тогда у нея проявляется неудержимое половое влеченіе, склонность къ убійству или самоубійству; въ такомъ состояніи больная проситъ, чтобы на нее надѣли смиренную рубашку или вызвали у нея припадокъ, который избавитъ ее отъ дурныхъ мыслей. У другихъ болѣзненная страсть находитъ исходъ въ убійствѣ, воровствѣ, изнасилованіи, поджогѣ. Однако это обобщеніе итальянской школы уголовной антропологіи не обнимаетъ всѣхъ неисправимыхъ преступниковъ, а лишь какихъ-нибудь 10% общаго ихъ числа. Можно сказать, что преступники-эпилептики составляютъ ту группу преступниковъ, которая во всякомъ общественномъ строѣ будетъ обнаруживать анти-соціальныя инстинкты. Уголовная антропологія, задавшись цѣлью выяснитъ существованіе другихъ неисправимыхъ преступниковъ, сдѣлала еще слѣдующее обобщеніе. Эпилептический типъ, обусловливаемый хотя еще и сильною, но неправильною дѣятельностью организма, обыкновенно даетъ преступниковъ, отличающихся энергіей и звѣрствомъ. Но въ обществѣ есть и другіе типы, уже истощенныя и дряблыя натуры, съ соотвѣтственнымъ неправильнымъ замедленнымъ кровообращеніемъ, неспособныя ни къ какому систематическому или напряженному труду, лѣнныя и при подходящихъ условіяхъ превращающіяся въ мелкихъ преступниковъ. «Эта группа лишена физической и нравственной энергіи. Она состоитъ изъ субъектовъ слабохарактерныхъ,

лѣнливыхъ, любящихъ повеселиться. Слабые, пошлые, лѣстливые, они не рѣшаются убѣжать изъ открытой тюрьмы, опасаясь розогъ... Эти мелкіе преступники отличаются такими же мелкими недостатками; заключенные въ тюрьму, они, какъ рабы, слѣпо повинуются начальству... Немногіе изъ нихъ крѣпкого тѣлосложенія, обыкновенно же они рахитичны и золотушны». «Мелкій преступникъ уже по своей организаціи неспособенъ на полезное дѣло. Его нравственная косность заставляетъ предполагать въ немъ лимфатика. Въ тюрьмѣ онъ остается тѣмъ же, чѣмъ былъ на свободѣ: онъ предается своимъ страстямъ втихомолку... Онъ не убиваетъ, потому что на это у него не хватаетъ физической силы; не совершаетъ подлогъ, потому что не умѣетъ поддѣлаться подъ чужой почеркъ; не нападаетъ на путешественниковъ, потому что мысль о тяжелыхъ лишеніяхъ разбойника его пугаетъ». Однако подобные субъекты могли бы быть полезными, хотя и не воплоти нормальными членами общества, если бы имъ былъ отведенъ трудъ, не требующій особеннаго напряженія. Словомъ, на различные преступные типы можно смотрѣть, какъ на продуктъ утраченнаго или нарушеннаго фізіологическаго равновѣсія. Такое нарушение порождаетъ истеричныхъ и припадочныхъ; если оно идетъ рука объ руку съ недостаткомъ альтруизма или съ болѣзненною впечатлительностью, то оно порождаетъ бурныхъ, неисправимыхъ преступниковъ; а иногда благородныхъ людей превращаетъ временно въ преступниковъ. Полное же истощеніе организма толкаетъ на путь преступленій бѣдныхъ людей, принуждаемыхъ обстоятельствами къ непосильному для нихъ труду. Это фізіологическое вырожденіе, обусловливая неправильное питаніе различныхъ частей организма, быть можетъ кладетъ свой отпечатокъ на асимметрію черепа и такимъ образомъ вызываетъ своеобразныя анатомическія черты, свойственныя преступнымъ типамъ. Во всякомъ случаѣ психо-фізіологическое вырожденіе является причиной, а анатомическое — послѣдствіемъ.

Впрочемъ, въ данномъ вопросѣ для насъ не столько было важно исчерпать различные выводы науки относительно преступныхъ типовъ, сколько указать на ту сложность и трудность, съ какой приходится бороться антропологѣ. Съ другой стороны слѣдуетъ коснуться еще нѣкоторыхъ деталей. Мы упомянули уже, что нѣкоторыхъ преступниковъ приходится считать эпилептиками; это не значитъ однако, что бы всѣ эпилептики были преступниками. Эпилептичность состоитъ въ томъ, что у субъекта по временамъ происходятъ стихійные взрывы энергій. Моменты стихійнаго художественнаго творчества, рожденіе идеи у гениевъ, самоубійства, пророческія видѣнія—все это сюда относится. Эпилептичный типъ даетъ преступника только при своеобразномъ извращеніи страстей. Въ другихъ случаяхъ при благородствѣ

чувствъ получаютъ маниаки альтруизма, вдохновенные пророки, видные политическіе дѣятели. Магометъ, Достоевскій, Вердзани, средне-вѣковыя вѣдьмы, Орсины—все это эпилептическіе типы. То же можно сказать и объ истеріи. Изслѣдованія обнаружили огромное число истеричныхъ женщинъ среди «прирожденныхъ проституткокъ». Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы каждая истеричная женщина была проституткой; такъ, истеричностью обуславливаются и другіе типы—аскетки, бѣсноватой, поджигательницы, — смотря по ея чувствамъ, идейной средѣ и общественнымъ условіямъ. То же можно сказать и о слабосильныхъ натурахъ, изъ которыхъ состоятъ шайки мелкихъ преступниковъ. Такимъ типомъ въ наше время являются ворюшка и бродяга, иногда истощенный голодомъ нищій; въ прежнее время къ нему принадлежали и многіе изъ заурядныхъ монаховъ; на престолѣ это какой-нибудь Михаилъ Вишневецкій или Людовикъ XVI, въ литературѣ—Сырокомля, въ аристократическихъ слояхъ какой-нибудь «moriturgus», иногда же это впечатлительная натура, отрекающаяся отъ міра и даже отъ борьбы за идею и находящая себѣ убѣжище въ какой-нибудь коммунистической общинѣ. Эти примѣры указываютъ на то, что психическіе элементы людей той или другой общественной группы различны и представляютъ самыя разнообразныя сочетанія. Отсюда видно, какъ надо быть осторожнымъ при оцѣнкѣ той или другой упрощенной схемы типовъ.

Въ виду значительнаго числа фактовъ, краснорѣчиво свидѣтельствующихъ о наслѣдственной передачѣ такихъ чертъ, какъ нравственная сила и дряблость умственныхъ способностей, эмоціональных свойствъ и т. д., мы должны признать въ этой области существованіе наслѣдственности, ограниченной однако вліяніемъ окружающей среды (какъ въ утробѣ матери, такъ и въ самостоятельной жизни). Если условія среды воплоти нормальны, если родители—люди здоровые и энергичные, то и ребенокъ будетъ здоровый и энергичный; и лишь въ исключительныхъ случаяхъ этотъ законъ наслѣдственности не окажетъ своего дѣйствія. Наоборотъ, отъ выродившихся и истощенныхъ родителей произойдетъ болѣзненное потомство, отъ вялыхъ — вялое, отъ лишенныхъ музыкальнаго слуха — немзыкальное. Впрочемъ, вопросъ о наслѣдственной передачѣ душевныхъ свойствъ крайне мало разработанъ. Только психіатрія собрала болѣе значительный матеріалъ, подтверждающій наслѣдственность психическихъ чертъ, въ данномъ случаѣ—ненормальныхъ. Она изслѣдовала наслѣдственно помѣшанныхъ, истеричныхъ, прирожденныхъ преступниковъ, людоедовъ, развратниковъ, самоубійцъ, обжоръ, эротиковъ, шуллеровъ и др. По этому вопросу существуетъ специальная литература; мы приведемъ изъ нея нѣсколько фактовъ наслѣдственной передачи склонности къ самоубій-

ству, чтобы нагляднѣе пояснить сущность этого явленія. У одного субъекта, отличающагося угрюмымъ характеромъ, было 5 сыновей; старшій изъ нихъ на 40 году жизни, безъ всякаго видимаго повода, бросился изъ окна четвертаго этажа, второй повѣсился на 35 году жизни, третій тоже бросился изъ окна, четвертый застрѣлился, одинъ изъ родственниковъ утопился, изъ-за пустяковъ. Нѣкій монахъ лишилъ себя жизни на 30 году; сынъ его, по достиженію тридцатилѣтняго возраста, дважды покушался на свою жизнь; второй сынъ въ цвѣтущемъ возрастѣ страдалъ меланхоліей и утопился; сынъ послѣдняго, здоровый и богатый человекъ, отецъ двоихъ здоровыхъ дѣтей, бросается въ воду въ томъ же возрастѣ. Наслѣдственность душевныхъ болѣзней не всегда проявляется непосредственно. Нервное разстройство одного поколѣнія иногда переходитъ въ склонность къ самоубійству, алкоголизмъ или бесплодіе, но во всякомъ случаѣ психіатрическое состояніе несомнѣнно передается, въ той или другой формѣ.

Что же касается до нормальныхъ типовъ, то мы не имѣемъ достаточно данныхъ, чтобы и тутъ подтвердить съ полною очевидностью наслѣдственную передачу. Представители науки только недавно обратили вниманіе на эту область изслѣдованія, и конечно они не могли собрать въ короткое время значительный матеріалъ. Въ этомъ отношеніи мы имѣемъ только случайныя наблюденія, вродѣ слѣдующихъ: «Я знавалъ, говоритъ Кандоль, семейства, состоявшія преимущественно изъ людей злыхъ, или изъ людей добрыхъ и впечатлительныхъ, или изъ людей съ пылкимъ воображеніемъ, или же наконецъ преимущественно изъ людей разсудительныхъ». Конечно два или три такихъ примѣра не могли бы служить доказательствомъ въ пользу данного мнѣнія, но его подкрѣпляетъ и то обстоятельство, что наслѣдственность душевныхъ свойствъ является прямо закономъ природы. Эта наслѣдственность нерѣдко затемняется вліяніями отдаленныхъ предковъ или взаимнымъ отношеніемъ однихъ и тѣхъ же психическихъ элементовъ у родителей и дѣтей. Отецъ напр. добился богатства при помощи мошенническихъ продѣлокъ, а сынъ его сдѣлался шудлеромъ. А между тѣмъ оба могли подчиняться однѣмъ и тѣмъ же страстямъ: половымъ излишествами, недостатку порядочности, склонности къ мошенничеству, вину и картамъ. Но, вслѣдствіе-ли окружающихъ условий или иныхъ причинъ, различные психическіе элементы взяли верхъ у одного и другіе у другого. Кромѣ того не слѣдуетъ забывать и объ идейномъ вліяніи. Гипнотическіе опыты выяснили огромное вліяніе идеи на характеръ (а въ этомъ то состоитъ всякое педагогическое воздѣйствіе). Напримѣръ усыпили одну дѣвицу, о которой заурядные антропологи сказали бы, что она прирожденная проститутка съ естественнымъ влеченіемъ ко лжи, и ей велѣно было измѣнить образъ жизни. Опытъ увѣн-

чался успѣхомъ. Слѣдовательно идея можетъ вызвать соотвѣтственные результаты въ жизни. Сынъ скряги можетъ быть ревностнымъ филантропомъ, но при ближайшемъ разсмотрѣніи окажется, что его альтруистическая дѣятельность проникнута той же мелочностью и грошевымъ расчетомъ, какъ и дѣятельность его родителей, проявившаяся въ другомъ направленіи. Словомъ, въ разработкѣ вопроса о наслѣдственности важно обращать вниманіе не столько на то, въ чемъ проявляется человѣческая дѣятельность, сколько на самый характеръ дѣятельности въ различныхъ по существу своему профессіяхъ. Вотъ что имѣлъ въ виду Кандоль, когда сказалъ: «можно вѣрить въ наслѣдственность способностей и не признавать наслѣдственности спеціальныхъ способностей. Каждая способность человека можетъ примѣняться къ совершенно разнороднымъ отраслямъ дѣятельности. Ребенокъ съ сильнымъ воображеніемъ можетъ быть хорошимъ земледѣльцемъ, нотариусомъ, судьей; кромѣ того онъ можетъ имѣть успѣхъ въ качествѣ поэта, но онъ въ этихъ спеціальностяхъ, иногда съ виду очень изобрѣтательныхъ, будетъ охотнѣе приниматься за дѣло, требующее изобрѣтательности. Ребенокъ съ скуднымъ воображеніемъ, но склонный къ сопоставленіямъ и изслѣдованіямъ, будетъ болѣе пригоденъ для занятій, требующихъ разсудительности и точности.... Каждой способности или, вѣрнѣе, извѣстному комплексу способностей соотвѣтствуетъ извѣстное число разнородныхъ спеціальностей».

Всѣ эти соображенія выяснили, что психическое *неравенство* — основной фактъ общественной жизни. Изслѣдованія, производимыя надъ эмоціональными типами, по мѣрѣ того, какъ они обнаруживаютъ это неравенство и выясняютъ его сущность, не могутъ остаться безъ вліянія на различные практическія задачи общественной жизни. Достаточно хотя бы указать на реформы, требуемыя уголовной антропологіей, въ области уголовного законодательства. Задача правосудія не должна состоять въ примѣненіи какого-то метафизическаго возмездія, но въ огражденіи общества отъ поступковъ человека, обнаруживающаго преступныя наклонности. Въ виду этого слѣдуетъ обосновать карательную систему на совершенно новомъ принципѣ, именно, принимать во вниманіе природу самого преступника. Въ настоящее время обращается вниманіе только на совершенное преступленіе, а не на преступника. Возникаетъ вопросъ, можно-ли одинаково наказывать преступника, для котораго убіство составляетъ наслажденіе и даже органическую потребность, и другого, который совершаетъ убіство въ запальчивости и настолько раскаивается, что врядъ-ли повторитъ свое преступленіе? Послѣдняго смѣло можно освободить отъ всякой отвѣтственности, требуя лишь со стороны его вознагражденія гражданскихъ убытковъ, потому что въ этомъ случаѣ

обществу уже ничто не угрожает. Между тѣмъ перваго преступника слѣдуетъ навсегда удалить изъ общественной жизни и не допускать, чтобы онъ передавалъ свои наклонности потомству. Представители уголовной антропологіи перенесли этотъ вопросъ въ область педагогики. Половые влеченія пробуждаются у бурныхъ эротиковъ гораздо раньше, чѣмъ у нормальныхъ натуръ. Общеніе извращенныхъ дѣтей (Верцани, прежде чѣмъ началъ душить женщинъ, съ наслажденіемъ смотрѣлъ уже въ раннемъ дѣтствѣ, какъ рѣзали куръ) съ нормальными оказываетъ на послѣднихъ самое пагубное вліяніе: онѣ заражаются дурными привычками эротиковъ и разстраиваютъ свое здоровье.

Съ тѣмъ же вниманіемъ слѣдуетъ относиться и къ другимъ наклонностямъ ребенка, касающимся его духовной жизни, и поэтому антропологія, не имѣя ничего въ принципѣ противъ того, чтобы дать каждому гражданину одинаковое общее образованіе, рѣшительно высказывается противъ «демократической» шаблонности современныхъ педагогическихъ системъ. При настоящемъ развитіи науки о духовно-эмоціональных типахъ, невозможно говорить уже о выработанныхъ съ этой точки зрѣнія педагогическихъ идеалахъ. Можно развѣ только указать на общія стремленія въ области педагогическихъ реформъ. Онѣ состоятъ въ томъ, что, принимая во вниманіе психическое неравенство дѣтей, стараются придать образованію съ ранняго возраста профессиональный характеръ, не упуская однако изъ виду однообразной гуманитарной и научно-философской основы, и содѣйствовать постепенному подбору молодежи, такъ чтобы каждая однородная группа имѣла руководителя, соотвѣтствующаго наклонностямъ и темпераменту ея членовъ. Этотъ педагогическій идеалъ предчувствовалъ и формулировалъ уже Шарль Фурье.

Кромѣ упомянутыхъ задачъ мы можемъ указать въ области социальныхъ идеаловъ, разсматриваемыхъ съ точки зрѣнія эмоціональных типовъ, лишь на нѣсколько чрезвычайно неопредѣленныхъ пожеланій. «Идеаломъ—говоритъ Тардь—могло бы считаться направленіе, по которому уже идетъ общество, именно: устраненіе всѣхъ препятствій къ тому, чтобы какъ можно лучше примѣнялись дарованія и способности отдѣльной личности. Тогда въ каждой профессіи мы встрѣчали бы только такихъ людей, которые до извѣстной степени созданы для нея. Профессиональные типы, замѣнившіе собою этнические типы, создали бы болѣе совершенную классификацію человѣчества». Направленіе, считающееся съ общественнымъ неравенствомъ, имѣетъ въ трудахъ Лапужа аристократическій оттѣнокъ, а въ утопіи Фурье—демократическій. Лапужъ, какъ вообще всѣ представители «аристократіи духа», исходя изъ того положенія, что неравенство способностей и наклонностей является основнымъ проявленіемъ жизни, тре-

буетъ, чтобы оно нашло себѣ выраженіе въ соотвѣтственной іерархической общественной организаціи... «XX столѣтіе близится, принципъ равенства отжилъ свое время... Замѣняя принципъ равенства, исходящій какъ-будто изъ человѣческаго достоинства, принципомъ неравной общественной полезности, матеріалистическая теорія однимъ ударомъ ниспровергаетъ шаткіе лѣса демократическаго равенства и автократіи толпы». Кастовый строй кушитовъ представляется Лапужу самымъ совершеннымъ, поэтому если его приспособить къ требованіямъ эмоціо-нально-профессиональной антропологіи, то ему принадлежитъ будущее. «Хорошо понятый кастовый строй, говоритъ Лапужъ, основанный на наслѣдственной спеціализаціи, обуславливаетъ человѣческій прогрессъ». Онъ желалъ бы упрочить наклонности и профессиональныя способности при помощи соотвѣтственнаго полового подбора и создать такимъ образомъ наслѣдственные касты музыкантовъ, людей науки, силачей, причемъ въ каждой изъ нихъ существовалъ бы іерархическій строй сообразно съ способностями отдѣльнаго члена... Фурье съ своей стороны смотритъ на дѣло иначе: онъ старается уяснить себѣ, каковъ долженъ быть строй, въ которомъ каждое индивидуальное стремленіе эксплуатировалось бы съ наибольшою пользою для общества и вѣстѣ съ тѣмъ было полнѣе всего удовлетворено. Организациа производства въ широкихъ размѣрахъ, отмѣна частной собственности и конкуренціи и искорененіе разныхъ экономическихъ предразсудковъ представляется ему средствомъ осуществленія строя, допускающаго широкое удовлетвореніе стремленій и потребностей каждаго индивида. Принципъ, что каждый долженъ трудиться соотвѣтственно своимъ способностямъ и находить удовлетвореніе своимъ потребностямъ, составляетъ только дальнѣйшее развитіе мыслей Фурье.

Слѣдуетъ еще отмѣтить, что не всякій общественный строй въ одинаковой мѣрѣ способствуетъ проявленію душевно-эмоціональных типовъ. Чѣмъ слабѣе производительность страны и чѣмъ болѣе она приближается къ натуральному хозяйству, т. е. такому, когда индивидъ самъ производитъ все необходимое для удовлетворенія своихъ потребностей, тѣмъ меньше средствъ и возможности имѣетъ человѣкъ испытать свои силы въ подходящей для него профессіи. Современное общество, основанное на обмѣнѣ, устами своихъ теоретиковъ временъ борьбы съ феодализмомъ, провозгласило, что оно дастъ возможность каждому наилучшимъ образомъ примѣнять свои силы и способности. Факты однако не подтвердили этого, хотя, въ сравненіи съ существовавшимъ до сихъ поръ общественнымъ строемъ, современный открылъ болѣе широкую, чѣмъ когда либо, простору для соревнованія способностей. Однако въ настоящее время 90% современнаго общества устранено вслѣдствіе экономическихъ условій (крестьяне, рабочіе) отъ свобод-

наго выбора профессій и приковано исключительно къ физическому, нерѣдко притупляющему труду, и только такія событія, какъ революція 1789—1793, обнаруживаютъ, сколько разнообразныхъ дарований скрывается въ народѣ; остальные же 10% при выборѣ труда руководствуются не столько своими наклонностями, сколько матеріальными соображеніями. Созданію болѣе благоприятныхъ условій будетъ содѣйствовать лишь такой общественный строй, при которомъ 90% населенія не будутъ обречены исключительно на физическій трудъ, и въ то время остальные не будутъ стремиться къ наживѣ. При этомъ, разумѣется, нельзя упускать изъ виду, что необходимымъ условіемъ является производство на широкую ногу и возможность примѣненія къ дѣлу всякой хотя бы самой рѣдкой способности, и что это производство должно быть столь благодарно, чтобы послѣ обязательнаго физическаго труда у каждаго гражданина оставалось достаточно времени для умственныхъ занятій. Только такое общество устроитъ свою жизнь на принципѣ, что неравенство составляетъ основное явленіе общественнаго строя, и выяснитъ, что потребности и способности людей варьируются до безконечности.

Африканскіе фульбы и индонезійцы отличаются необычайной энергіей и предприимчивостью въ сравненіи съ неграми и папуасами, такъ что при подходящихъ условіяхъ они обыкновенно пробиваютъ себѣ дорогу и дѣлаются хозяевами или торговцами. Сопоставляя молчаливаго американскаго индѣйца съ болтливымъ чернымъ африканцемъ, съ сварливымъ арабомъ, съ мирными тибетцами, мы замѣчаемъ у каждаго изъ нихъ своеобразныя характерныя черты. Словомъ, расы или, вѣрнѣе, вѣтви расъ, живущія въ различныхъ условіяхъ, можно считать своеобразными растворами, дающими тѣ же самые эмоціональные кристаллы, но въ различной пропорціи. Если обозначимъ буквами А, В, С различныя душевно-эмоціональные типы, то одной расѣ будетъ соответствовать формула $5\%A + 1\%B + 20\%C + \dots$, другой расѣ: $2\%A + 9\%B + 5\%C + \dots$ и т. д. Для примѣра мы остановимся хотя бы на людоедствѣ. Канибализмъ въ Европѣ проявляется лишь въ исключительныхъ случаяхъ, со стороны кровожадныхъ эротомановъ. «Я разрубилъ ей грудь и рѣзалъ ножомъ мягкія части ея тѣла. Затѣмъ я рылся въ нихъ, какъ мясникъ въ зарѣзанной скотинѣ, и, сознаюсь, мною овладѣло такое сильное желаніе мяса, что я весь дрожалъ и чуть не съѣлъ куска». Убіеніе совершается ими нерѣдко лишь для того, чтобы выпить еще теплую кровь и съѣсть тѣ части тѣла, на которыя они не могутъ смотрѣть безъ болѣзненнаго сладострастія. При этомъ преступникъ чувствуетъ своеобразное упоеніе. Этнической канибализмъ объясняется иногда голодомъ, какъ напримѣръ въ Австраліи и на Огненной Землѣ;

иногда же причины его надо искать въ чувствѣ сладострастія, и въ этомъ случаѣ онъ существуетъ и при обиліи мясной пищи. Монбутту живутъ въ странахъ, изобилующихъ звѣремъ, но они—неисправимые людоеды. Женщины почти нигдѣ не принимали участія на пиршествахъ, на которыхъ ѣдятъ человѣческое мясо, и на этомъ основаніи Летурно выводитъ заключеніе, что инстинктъ людоедства передается наследственно лишь мужчинамъ; съ другой стороны надо замѣтить, что жертвами средневѣковыхъ оборотней и современныхъ кровожадныхъ эротомановъ дѣлались чаще всего женщины и дѣти. Напр. вождь африканскаго племени (Ломандо) приказывалъ хватать молодыхъ дѣвушекъ и съѣдалъ только нѣкоторыя части ихъ тѣла, проявляя этимъ разнузданность половыхъ инстинктовъ. Европейскій канибализмъ быть можетъ—своего рода эпилептической припадокъ; у фиджійца, жаждащаго человѣческаго мяса, происходитъ такая же конвульсивная движенія, и онъ впадаетъ въ безсознательное состояніе (поэтому любопытно было бы изслѣдовать процентъ эпилептиковъ среди этого народа). Различіе между европейскимъ и фиджійскимъ людоедствомъ заключается въ различномъ процентномъ отношеніи соответственныхъ натуръ. Въ то время какъ въ Европѣ рассматриваемый эмоціональный типъ составляетъ предположимъ 0,0001% населенія, у жителей о. Фиджи быть можетъ онъ составляетъ болѣе 20%, и такимъ образомъ налагаетъ особый отпечатокъ на все племя.

Хотя и существуютъ изслѣдованія вопроса о зависимости между духовно-эмоціональными и расовыми типами, однако онѣ могутъ служить лишь доказательствомъ, съ какими трудностями приходится наукѣ бороться; сами же по себѣ, по своимъ результатамъ, онѣ не имѣютъ никакого научнаго значенія. Изслѣдованія представителей уголовной антропологіи являются самой выдающейся попыткой въ этого рода отношеніи. Населеніе Піемонта состоитъ изъ смуглыхъ короткоголовыхъ (указатель ширины черепа составляетъ въ среднемъ около 86) и изъ менѣе значительнаго числа блондиновъ (чисто-длинноголовыхъ, и метисовъ—свѣтло-русыхъ короткоголовыхъ). Изъ 500 лицъ, не находившихся подъ судомъ, изслѣдованныхъ въ данной мѣстности, типы съ черными волосами составляли 27%, съ темными 39%, съ свѣтлыми 30% и съ рыжими 3%, между тѣмъ какъ среди 500 преступниковъ въ этой же мѣстности было больше смуглыхъ. Приведемъ точныя цифры: между обыкновенными ворами насчитывалось 42,8% съ черными волосами, 42,8% съ темными, 14,2% со свѣтлыми волосами; соответственныя цифры для домашнихъ воровъ составляютъ 56,2%, 37,5% и 6,2%. За поджогъ (составляющій въ Италіи проявленіе соціальной борьбы) приговорены къ наказанію 57% съ черными волосами и 42% съ темными волосами; за бро-

дьячиство (отмѣтимъ, что оно связано съ недостаткомъ заработка) привлечено 40% съ черными волосами, 56% съ темными, 1,3% со свѣтлыми и 2,6% съ рыжими. Точно также темно-волосые преобладаютъ среди убійцъ и преступниковъ, виновныхъ въ нанесеніи увѣчья. Съ другой стороны среди бурныхъ эротиковъ темноволосые уже менѣе многочисленны; 33% этой категоріи преступниковъ имѣютъ черные волосы; 31,7% темные и 35% свѣтлые. Однако мы должны отмѣтить, что при нынѣшнемъ общественномъ строѣ невозможно объяснять преступность расою. Соціальное положеніе людей чрезвычайно разнообразно, а въ настоящее время общественные и преимущественно экономическіе факторы имѣютъ огромное вліяніе на образъ дѣйствія людей. Поэтому имѣемъ-ли мы право объяснять преступность среди піемонтскаго населенія расовыми особенностями, и сказать, что смуглые короткоголовые отличаются болѣе значительною склонностью къ воровству, поджогу и убійству и совершаютъ больше преступленій этого рода? Не слѣдуетъ-ли искать объясненія скорѣе въ экономическомъ положеніи, въ томъ, что народъ состоитъ главнымъ образомъ изъ смуглыхъ короткоголовыхъ въ противоположность блондинамъ, которые встрѣчаются чаще въ высшихъ общественныхъ классахъ? Ближайшій анализъ общественной жизни вполне подтвердилъ бы это предположеніе. Быть-можетъ раса тоже оказываетъ извѣстное вліяніе, однако оно несомнѣнно ничтожно въ настоящее время въ сравненіи съ вліяніемъ, оказываемымъ чисто социальными условіями, и неподдается научному изслѣдованію. Такія-же наблюденія были сдѣланы среди проститутокъ въ Ломбардіи. Между ними типы съ черными волосами составляли 40%, съ черными глазами 31%, съ темными волосами 35%, съ темными глазами 42,5%, со свѣтлыми волосами 24%, съ голубыми или сѣрыми глазами 25%. Но хотя классъ проститутокъ иногда и пополняется истеричными натурами, однако онъ главнымъ образомъ является продуктомъ нищеты. Слѣдовательно, мы и въ этомъ случаѣ имѣемъ дѣло съ соединеніемъ расовыхъ и общественныхъ вліяній. Словомъ, классовый строй выступаетъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, какъ факторъ, затеняющій расово-эмоціональныя явленія, и даже доводящій до крайняго напряженія вліяніе общественной среды такъ, что оно одно какъ бы опредѣляетъ человѣческія дѣйствія. Анализъ расовыхъ вліяній будетъ только тогда возможенъ, когда общественный строй сдѣлается менѣе сложнымъ, благодаря полному торжеству демократическаго принципа. Въ такомъ строѣ (вспомнимъ утопію Беллами) вліянія, оказываемыя неравенствомъ общественного положенія, исчезнутъ и расовыя особенности будутъ свободнѣе проявляться. Тогда простыя статистическія данныя, вродѣ только что приведенныхъ, дѣйствительно будутъ указывать

на взаимную зависимость между расой и эмоціональной организаціей человѣка. Коснемся здѣсь еще попытки Лапужа, которую онъ принялъ, извращая мысль Кандоля, съ цѣлью изслѣдованія типовъ иниціаторовъ, причемъ онъ высказываетъ сожалѣніе, что біографы, тщательно отмѣчая день рожденія своихъ героев или имена ихъ любовницъ, рѣдко указываютъ на ихъ расово-антропологическія черты. Французскій антропологъ разсматриваетъ географическое распредѣленіе гениевъ и талантовъ въ Европѣ. Оказывается, что они чаще всего встрѣчаются въ двухъ полосахъ: въ одной, которая тянется отъ Эдинбурга до Швейцаріи и на которую приходится $\frac{4}{5}$ всего числа гениевъ и талантовъ, и другой, которая тянется отъ Сены вдоль побережья Сѣвернаго моря; внѣ этихъ полосъ мы встрѣчаемъ только мелкіе оазисы въ Италіи, въ долинѣ Роны и въ южной Германіи. Итакъ, если теперь составимъ, согласно Лапужу, подобную карту взаимнаго распредѣленія короткоголовыхъ и длинноголовыхъ блондиновъ, то мѣстности, изобилующія послѣдними, до нѣкоторой степени совпадаютъ съ осью вышеуказанныхъ мѣстностей, богатыхъ гениями. (Необходимо однако отмѣтить, что этотъ фактъ не мирится съ дѣйствительнымъ положеніемъ расоваго распредѣленія блондиновъ). Дать Лапужъ изслѣдуетъ вопросъ, сколько талантовъ и гениевъ дали за два столѣтія различные общественные классы, причемъ онъ исходитъ изъ того положенія, что число длинноголовыхъ блондиновъ уменьшается по мѣрѣ того, какъ мы спускаемся отъ высшихъ къ нижнимъ общественнымъ классамъ. Для мѣстностей внѣ Франціи онъ находитъ, что въ отношеніи иниціативы одинъ аристократъ стоитъ 8 человѣкъ средняго сословія и 600 простолудиновъ; для Франціи это отношеніе составляетъ: 1:20:200. Въ частности французская аристократія, составляющая 0,58% населенія, дала 35% ученыхъ; буржуазія, составляющая 11,6%, дала 42% ученыхъ, и простой народъ, составляющій 87,9% населенія, лишь 22%. Эти данныя, даже если-бы они были вѣрны, не имѣли бы того значенія, какое приписываетъ ей авторъ. Быть можетъ, блондины дѣйствительно являются идейной расой, однако возникаетъ вопросъ, уже затронутый нами выше, какъ разграничить расовыя и общественныя вліянія и опредѣлить, что должно быть приписано тѣмъ или другимъ. Въ полосѣ, богатой гениями и талантами, мы находимъ большіе города и населеннѣйшія мѣстности. Лапужъ пытается объяснить эти явленія расовыми способностями, совершенно забывая историческо-географическія условія возникновенія городовъ. Съ тѣмъ же правомъ изслѣдователь XII стол., который видѣлъ промышленное и умственное развитіе тогдашняго побережья Средиземнаго моря и варварское состояніе народовъ сѣвера, могъ бы сдѣлать заключенія диаметрально противоположныя и признать среди

земную расу способной, а блондинов—идейными пасынками. Наконец слѣдуетъ помнить и о сословно-экономическихъ отношеніяхъ, какъ и о томъ, что нищета, а не раса, главная и единственная причина того обстоятельства, что низшіе общественные классы не принимаютъ участія въ умственномъ движеніи.

Въ заключеніе мы спросимъ еще: была-ли эмоциональная организация данной расы одинакова во всѣ эпохи и въ разныхъ ея составныхъ частяхъ? Этотъ вопросъ предполагаетъ предварительное рѣшеніе вопроса объ общественномъ подборѣ, къ разсмотрѣнію котораго мы теперь и приступаемъ.

III.

Понятіе о подборѣ.—Подборъ въ доисторическій періодъ (приспособленіе къ мертвой средѣ) и подборъ въ періодъ цивилизаціи (подъ вліяніемъ общественныхъ условий).—Половой подборъ среди человѣчества и пониженіе индивидуальнаго развитія женщины въ историческія времена.—Технический и духовно-антропологическій прогрессъ.—Историческая эволюція человѣческихъ способностей.—Значеніе предпримчивости въ общественномъ развитіи и въ разныхъ историческихъ эпохи.—Послѣдствія невостребованности и неудовлетворительнаго питанія.—Военный подборъ.—Вліяніе городовъ.—Синтезъ культурнаго подбора въ настоящее время.

Объ одной шотландской семьѣ рассказываютъ, что она въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній сохраняла наслѣдственную страсть къ людоедству; нѣсколько членовъ ея поплатилось за эту извращенность жизнью, надъ другими установленъ былъ строгій надзоръ. Аналогичные типы мы встрѣчаемъ въ процессахъ вѣдьмъ въ XVI столѣтіи. Одной женщинѣ казалось, что она по временамъ превращается въ волчицу, и тогда она принималась бѣгать на четверенькахъ по полямъ; толпа растерзала ее въ то время, какъ она собиралась похитить ребенка. Ея брата и племянника обвинили въ томъ, что они были колдунами, потому что они съ воемъ бѣгали на четверенькахъ по окрестностямъ, избивали козъ и пили ихъ теплую кровь; даже въ тюрьмѣ они прикидывались волками. Племянница этой женщины была сожжена въ качествѣ вѣдьмы. Если-бы такая кровожадная семья очутилась среди небольшой австралійской общины, состоящей изъ 20—30 членовъ, и если-бы эта община была поставлена въ исключительно неблагоприятныя условія существованія, такъ, что единственнымъ спасеніемъ для нея было бы людоедство, то, быть можетъ, со временемъ появилось бы новое племя людоедовъ по страсти, вродѣ фиджійцевъ. Наука имѣетъ много достовѣрныхъ фактовъ, подтвержда-

дающихъ подобное предположеніе. Одно бечуанское племя было вытѣснено изъ своихъ поселеній зулусами, вслѣдствіе чего лишилось постоянныхъ источниковъ существованія. Отъ этого истребленнаго племени осталось всего нѣсколько семействъ, скрывшихся въ пещерахъ. Въ одной изъ нихъ жилъ 60-лѣтній старикъ, «самый отвратительный», говоритъ Боукеръ, «экземпляръ человѣка». Вскорѣ онъ сдѣлался пугаломъ всей мѣстности, такъ какъ, подъ вліяніемъ страсти къ людоедству, онъ систематически похищалъ 8—10 лѣтнихъ дѣвочекъ. Другіе изгнанники послѣдовали его примѣру, и такимъ образомъ возникла группа людоедовъ. Въ тѣхъ же мѣстностяхъ Африки можно наблюдать, какъ земледѣльческое, трудолюбивое и храброе племя, разбитое сильнѣйшимъ врагомъ и доведенное до нищеты, вырождается и постепенно превращается въ тусовъ и лѣнтыевъ. Въ Соединенныхъ Штатахъ мы видимъ однородныя явленія: вытѣсненія однихъ психическихъ типовъ, приспособленія къ новымъ условіямъ жизни другихъ. Тамъ ведется борьба, основанная на конкуренціи, требующая выдержки и значительныхъ усилій; европейскій выходецъ только по прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ можетъ приспособиться къ тамошней лихорадочной дѣятельности. Люди, не выдерживающіе этихъ условій труда, доходятъ либо до умопомѣшательства, либо до преждевременнаго истощенія и смерти. Между прочимъ тамъ возникъ своеобразный типъ честныхъ бродягъ. Это люди, которые гдѣ-нибудь въ Европѣ, при слабой способности къ труду, могли бы еще найти какое нибудь постоянное занятіе, но для которыхъ американскія условія труда не подъ силу, поэтому они скитаются по странѣ, прискивая временный и не особенно тяжелый трудъ. Другіе находятъ пріютъ въ мирныхъ религіозно-коммунистическихъ братствахъ, которыя такимъ образомъ являются средоточіемъ прирожденных честныхъ неудачниковъ. Все это является отбросами современнаго общественнаго развитія въ Америкѣ.

Приведенные примѣры показываютъ, что характеры и темпераменты, образующіе какую нибудь общественную группу, могутъ измѣняться подъ вліяніемъ различныхъ условій. Если измѣненіе этихъ условій довольно значительно, то каждое новое поколѣніе усвоитъ себѣ нѣсколько видоизмѣненный душевно-эмоциональный складъ. Если-же эти условія дѣйствуютъ непрерывно, то послѣ нѣсколькихъ поколѣній, благодаря *подбору*, данная группа будетъ представлять новый психическій типъ. Предположимъ, напр., что въ извѣстномъ обществѣ 50% его членовъ отличается предпримчивостью, 50% же косностью. Если, благодаря постоянно дѣйствующимъ причинамъ, въ обществѣ съ каждымъ новымъ поколѣніемъ десятая часть предпримчивыхъ характеровъ исчезаетъ, а остальное населеніе съ каждымъ поколѣніемъ

удваивается, то въ виду того факта, что энергичные родители даютъ обыкновенно энергичное потомство, а пассивные родители — пассивное, уже въ десятомъ поколѣніи въ обществѣ будетъ насчитываться 73% пассивныхъ и только 27% энергичныхъ характеровъ. Въ обществахъ болѣе культурныхъ такіе подборы происходятъ главнымъ образомъ подъ вліяніемъ социальныхъ условий; въ обществахъ же дикихъ и варварскихъ играютъ первенствующую роль естественныя условия. Этимъ объясняется, почему психическія свойства первобытнаго человѣка подчиняются окружающимъ естественнымъ условиямъ. Отсутствие всякой предприимчивости у негра, пассивность эскимоса, подвижность полинезійца вполне согласуются съ ихъ географической средой и съ ихъ источниками существования. Это свойство въ данномъ случаѣ представляетъ собою какъ бы проявленіе «мимизма», въ силу котораго шерсть животныхъ, обитающихъ на сѣверномъ полюсѣ, принимаетъ бѣлый цвѣтъ. Въ то-же время это психическое приспособленіе человѣка къ естественнымъ условиямъ составляетъ продолженіе того-же процесса органическаго приспособленія и расовой дифференціаціи, насколько онѣ происходятъ подъ вліяніемъ климатическихъ факторовъ, съ той лишь разницей, что психическія свойства легче измѣняются, чѣмъ физическія. Дѣло доходитъ до того, что отдѣльная вѣтвь данной расы, поселившись въ извѣстныхъ условияхъ и не измѣняясь физически, вмѣстѣ съ тѣмъ подвергается подбору въ психическомъ отношеніи согласно съ окружающей ея средой. Эта психическая дифференціація одной и той же расы усиливается еще съ момента появленія болѣе сложныхъ общественныхъ отношеній, которыя устраняютъ одни духовно-эмоціональные типы и поддерживаютъ другіе. Въ виду этого легко себѣ представить, какія трудности приходится преодолевать расовой психологіи и почему одинъ и тотъ-же расовый типъ носить, согласно съ окружающими естественными и социальными условиями, въ различныхъ своихъ развѣтвленіяхъ своеобразный психическій отпечатокъ. Въ качествѣ общихъ расовыхъ особенностей сохраняются черты сравнительно безразличныя, какъ, напр., недостатокъ дара обобщенія у желтаго короткоголоваго, склонность къ раздорамъ и фанатизмъ у средиземной расы и т. д.

До сихъ поръ процессъ подбора среди человѣчества имѣлъ по большей части стихійный характеръ, особенно съ того времени, когда къ производству присоединился обмѣнъ. Систематическій подборъ человѣческаго рода является дѣломъ далекаго будущаго и требуетъ для своего осуществленія регулярованія условий производства и торговли, а затѣмъ просвѣщенія массъ. При современномъ своемъ характерѣ онъ зачастую совершается крайне неблагоприятно для человѣчества. Мы приступимъ теперь къ разсмотрѣнію нѣкоторыхъ болѣе существен-

ныхъ сторонъ подбора, изъ котораго однѣ, какъ, напр., развитіе умственныхъ способностей и энергіи, связаны съ обще-исторической эволюціей, другія-же—съ той или другой исторической эпохой.

Извѣстно, какую роль сыгралъ половой подборъ въ развитіи животнаго царства. Дѣйствіе его въ этой области было однако односторонне. Самка избирала одного изъ нѣсколькихъ самцовъ, содѣйствуя такимъ образомъ упроченію у мужского пола извѣстныхъ украшеній и особенностей, какъ напр. роговъ, способности лѣзть, блестящаго оперенія или волосаго покрова. Вотъ почему самецъ является обыкновенно представителемъ болѣе наряженного пола. Слѣды такихъ же отношеній можно еще встрѣтить у первобытнаго человѣка. У дикарей и у варваровъ мужчина наряжается и ведетъ праздную жизнь, между тѣмъ какъ женщина несетъ тяжелый трудъ и мало думаетъ о своей красотѣ. Цѣлый переворотъ совершился въ социальныхъ условияхъ прежде, чѣмъ тѣсныя отношенія между обоими полами измѣнились, т. е. женщина принялась за наряды, а мужчина за трудъ. Впрочемъ, уже у первобытнаго человѣка половой подборъ подвергся коренному видоизмѣненію. У животныхъ половой подборъ совершается исключительно подъ вліяніемъ физиологическаго раздраженія, проявляющагося періодически въ извѣстныя времена года—по крайней мѣрѣ у самокъ, которыя послѣ оплодотворенія отталкиваютъ самцовъ, менѣе подчиняющихся этой періодичности. Между тѣмъ у человѣка, кромѣ непосредственнаго физиологическаго побужденія, дѣйствуетъ еще идейная сторона, которая, переходя за предѣлы періодичности полового удовлетворенія, требуетъ отъ женщинъ большую, чѣмъ у животныхъ, трату энергіи и силъ на половыя отправленія и тѣмъ самымъ, быть-можетъ, вредно вліяетъ на развитіе ея организма (роста, силы, мозга). Наконецъ, когда запасы богатства въ обществѣ возрастаютъ и когда бракъ становится уже не только физиологическимъ актомъ, но удовлетворяетъ и другимъ требованіямъ, чисто общественнаго характера, напр. становится средствомъ увеличенія имущества, установленія родственныхъ отношеній, пріобрѣтенія вліянія,—половой подборъ пріобрѣтаетъ совершенно иной характеръ. Естественный подборъ со своими положительными послѣдствіями обнаруживается тогда въ исключительныхъ случаяхъ, причемъ чаще проявляется въ незаконныхъ бракахъ, чѣмъ въ законныхъ. Этимъ, быть-можетъ, объясняется, что незаконнорожденные съ историческими именами—болѣе дѣльные люди, чѣмъ законнорожденные (Донъ Жуанъ въ сравненіи съ Филиппомъ II испанскимъ, герцогъ Вандомскій въ сравненіи съ Людовикомъ XIII и Гастономъ Орлеанскимъ и т. д.), и что вообще незаконнорожденные отличаются своими способностями. Однако половой подборъ можетъ опять пріобрѣсти прежнее значеніе при соответствующемъ измѣненіи общественного строя. Уоллэсъ пытался опредѣлить вліяніе полового под-

бора при такомъ строе, какой изображаетъ Беллами. По мнѣнію англійскаго изслѣдователя, общественныя отношенія должны здѣсь породить мужской вопросъ вслѣдствіе сильнаго соперничества между мужчинами. Количественное отношеніе обоихъ половъ будетъ равнымъ или, пожалуй, обнаружитъ излишекъ мужчинъ. Съ другой стороны меньшее половое влеченіе женщины, вмѣстѣ съ устраненіемъ причинъ, содѣйствующихъ нынѣ заключенію раннихъ браковъ, и съ большимъ стремленіемъ женщины къ умственному труду, приведутъ къ тому, что женщина будетъ вступать въ бракъ позже, т. е. лѣтъ въ 25—30. Словомъ, женщинъ будетъ или фактически меньше, или же онѣ менѣе будутъ склонны къ браку. Все это должно усилить соперничество между мужчинами и создать мужской вопросъ. Лучшіе всегда будутъ имѣть больше шансовъ равно вступить въ бракъ въ то время, какъ худшіе останутся холостяками. Эти соображенія Уоллеса, основанныя на нѣсколькихъ произвольныхъ предположеніяхъ, имѣютъ значеніе не сами по себѣ, но они иллюстрируютъ ту истину, что половой подборъ и его вліянія зависятъ исключительно отъ общественнаго строя.

Общественное развитіе, въ корнѣ измѣняя процессъ полового подбора, постепенно вліяло на организмъ женщины и понижало степень ея физическаго развитія. Дикарка, которая наравнѣ съ мужчиной участвовала въ голосованіи на общемъ собраніи племени, въ походахъ и въ добываніи средствъ къ жизни, никакъ не могла представлять такіа различія въ физическомъ отношеніи, какія существуютъ между полами при осѣдломъ образѣ жизни, особенно въ высшихъ классахъ.

Данныя, собранныя Мантегаццей о физическомъ развитіи женщины у цивилизованныхъ народовъ, указываютъ на такое различіе, какое невозможно у бушменовъ, гдѣ женщина упражняетъ свои мышцы наравнѣ съ мужчиной. Осѣдлый образъ жизни, заключая женщину въ тѣсныя рамки кухни и кладовой, долженъ вліять неблагоприятно особенно на ея умственныя способности. Впрочемъ въ этомъ направленіи дѣйствовали и другія, еще болѣе существенныя фізіологическія причины. Мы уже говорили, что идейныя половыя побужденія присоединились къ фізіологическимъ стремленіямъ. Подъ ихъ вліяніемъ исторія человечества превращается въ систематическое культивированіе женщины, въ томъ смыслѣ, чтобы увеличить половое наслажденіе мужчины. Мы не можемъ вдаваться въ щекотливыя подробности этого вопроса, но достаточно будетъ сослаться хотя бы на целаузскій обычай, въ силу котораго дѣвочекъ еще въ малолѣтнемъ возрастѣ отдавали на попеченіе старцевъ для искусственнаго возбужденія у нихъ полового чувства. Слостолюбіе мужчинъ не знаетъ никакихъ предѣловъ. У збовъ 8—9-ти лѣтнія дѣвочки становятся уже матерями (Ольдфильдъ), а двадцатилѣтняя женщина—уже старуха. Керъ собралъ данныя относительно возраста,

въ которомъ австралійскія дѣвочки считаются уже пригодными для брака. Этотъ возрастъ—8—12 лѣтъ. Поэтому здѣсь господствуетъ обычай убивать перваго ребенка, всегда слабосильнаго, такъ какъ онъ рожденъ матерью - ребенкомъ. Ни у одного животнаго не встрѣчается такого истязанія самки.

Задержка индивидуальнаго развитія особи является неизбежнымъ послѣдствіемъ такихъ нравовъ. Благодаря всѣмъ этимъ неблагоприятнымъ условіямъ, умственныя способности женщины должны конечно ослабѣвать, половыя же ея влеченія — развиваться. Это ослабленіе умственныхъ способностей подтверждаютъ статистическими данными о емкости черепа: говорятъ, что различіе въ этомъ отношеніи между полами увеличивается, по мѣрѣ развитія цивилизаціи, къ невыгодѣ для женщины. Лебонтъ напр. составилъ таблицу, показывающую, что различіе емкости черепа, составляющее у индусскихъ паріевъ 19 куб. сант., у австралійцевъ 102, у полинезійцевъ 119, возрастаетъ у древнеегиптянъ до 137, у меровингскихъ франковъ до 165 и въ современномъ Парижѣ до 222; кромѣ того онъ доказываетъ, что мозгъ женщины, по мѣрѣ развитія цивилизаціи, даже абсолютно уменьшается, такъ, что у современной парижанки мозгъ меньше, чѣмъ у полинезійки. Другими словами, въ центрѣ современной цивилизаціи образуется нѣкоторымъ образомъ женская мозговая раса ниже, чѣмъ мужская у самаго неспособнаго племени человеческого рода (емкость черепа австралійца составляетъ 1338 куб. сант., парижанки 1337, парижанина 1553). Впрочемъ, не слѣдуетъ особенно полагаться на подобные выводы, но съ другой стороны и нельзя не принимать ихъ въ расчетъ. Во всякомъ случаѣ необходимо ихъ провѣрить болѣе значительнымъ числомъ измѣреній и сгруппировать ихъ соотвѣтственно съ ухудшеніемъ общественнаго положенія женщины, принимая во вниманіе историческое прошлое даннаго племени. Но сдѣлать это въ настоящее время весьма трудно или почти невозможно. Число измѣреній до того ничтожно, что ни о какихъ выводахъ не можетъ быть и рѣчи: для нѣкоторыхъ племенъ число измѣреній не превышаетъ даже 10!

Не слѣдуетъ думать, что техническій прогрессъ, составляющій неотъемлемую принадлежность историческаго развитія, идетъ рука объ руку съ антропологическимъ. Техника человѣка и господство его надъ природой могутъ возрастать, между тѣмъ какъ его организмъ подвергается физическому и психическому вырожденію. Въ сравненіи напр. съ древней Элладой наши естество-историческія знанія далеко подвинулись впередъ, то же можно сказать и относительно богатства и усовершенствованія разныхъ приемовъ и орудій труда. Однако нельзя утверждать, чтобы умственныя способности современныхъ народовъ были

выше, чѣмъ способности древнихъ грековъ; нѣкоторые даже предполагаютъ, что онѣ ниже. То же можно сказать объ уровнѣ умственныхъ способностей варварскаго кочевника въ сравненіи съ представителемъ современной цивилизации, напр. поселянина-охотника Мазовіи VIII ст. въ сравненіи съ его потомкомъ, теперешнимъ польскимъ крестьяниномъ. Если-бы можно было по емкости черепа судить объ умственныхъ способностяхъ, то слѣдовало бы отказаться отъ мысли, что съ техническимъ прогрессомъ параллельно идетъ умственное и антропологическое совершенствованіе, такъ какъ многочисленныя изслѣдованія убѣждаютъ, что емкость черепа, а вмѣстѣ съ тѣмъ и объемъ мозга у дикихъ народовъ очень незначительны, и что они увеличиваются по мѣрѣ приближенія къ варварскому состоянію; наконецъ, что у варварскихъ народовъ они болѣе значительны, чѣмъ у цивилизованныхъ. Мортонъ напр. доказалъ, что емкость черепа у охотничьихъ племенъ на берегахъ Миссисипи и въ степяхъ Патагоніи была значительнѣе, чѣмъ у болѣе культурныхъ перуанцевъ: 150 перуанскихъ череповъ въ среднемъ дали 75 куб. сант. для емкости черепа, 25 древне-мексиканскихъ череповъ—79, наконецъ 184 черепа охотничьихъ племенъ (въ томъ числѣ 152 сѣверо-американскихъ) около 84. Брока точно также доказалъ, что варвары во Франціи имѣли мозгъ болѣе значительный, чѣмъ современные парижане, какъ это видно изъ слѣдующей таблицы:

6	череповъ изъ пещеры Ломъ-Моръ имѣли	1.606	куб. сант. емкости.
11	" " изъ неолитической эпохи	" 1.568	" " "
24	" " галловъ	" 1.592	" " "
77	" " парижанъ	" 1.559	" " "
16	" " савойцевъ	" 1.538	" " "
67	" " басковъ	" 1.564	" " "

По этому поводу Брока спрашиваетъ: «Если раса почти дикая, какъ тѣ люди, скелеты которыхъ найдены въ пещерѣ Ломъ-Моръ, имѣла болѣе большой мозгъ, чѣмъ современные парижане, которые, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, несомнѣнно народъ цивилизованный, то можно-ли приписывать какое-нибудь антропологическое значеніе изслѣдованіямъ надъ емкостью черепа?» Но какъ-же согласовать этотъ фактъ съ мнѣніемъ, раздѣляемымъ самимъ Брока, что объемъ мозга одинъ изъ самыхъ главныхъ признаковъ умственнаго развитія? Равнымъ образомъ и черепа англосакскихъ и германскихъ варваровъ эпохи великаго переселенія народовъ отличаются необыкновенною емкостью. Впрочемъ, это явленіе наблюдается и въ наше время, такъ какъ черепа варваровъ монголовъ не только не уступаютъ, но скорѣе превосходятъ въ этомъ отношеніи черепа китайцевъ, бирманцевъ и сіамцевъ. Наконецъ, можно сослаться на факты, касающіеся древняго Египта. Величина мозга

египтянки постоянно уменьшалась: во времена IV династіи емкость ея черепа составляетъ 1397 куб. сант., XI-ой—1328, XVIII-ой—1323; у мужчинъ же она сперва уменьшается, затѣмъ снова увеличивается, соотвѣтственные цифры за тѣ періоды будутъ: 1,532, 1,443 и 1,464 куб. сант. Эти факты краснорѣчиво свидѣтельствуютъ объ уменьшеніи размѣровъ мозга, по мѣрѣ перехода отъ состоянія варварства къ цивилизации. Съ другой стороны въ періодъ цивилизаціи мозгъ, уже подвергнувшійся уменьшенію, постепенно увеличивается, если можно полагаться на имѣющійся у насъ незначительный фактический матеріалъ. 67 череповъ парижскихъ аристократовъ XII ст. имѣютъ емкость у мужчинъ 1,532 куб. сант., въ томъ числѣ 27,5% болѣе 1,500; между тѣмъ какъ 77 череповъ, взятыхъ изъ кладбища западной части Парижа XIX ст., имѣютъ 1,559, въ томъ числѣ 40,8% болѣе 1,500. Однако въ виду того, что всѣ эти цифры касаются населенія столицы, куда постоянно стекаются сравнительно даровитые элементы, онѣ не могутъ дать понятія о всей странѣ и вслѣдствіе этого теряютъ свое значеніе. Это удивительное соотношеніе объема мозга въ разныя историческія эпохи объясняется различнымъ образомъ. Брока, который допускалъ существованіе извѣстной тѣсной зависимости между величиною мозга и умственными способностями, доказывалъ, что въ дикомъ состояніи малоспособные люди неизбежно гибнутъ, между тѣмъ какъ цивилизація смягчаетъ борьбу съ природой и сохраняетъ стариковъ, слабосильныхъ и неудачниковъ, предоставляя имъ занятіе при системѣ дѣленія труда; исключеніе же изъ этого правила, именно болѣе большой объемъ мозга у негровъ Соединенныхъ Штатовъ въ сравненіи съ ихъ африканскими соплеменниками, онъ объяснилъ подборомъ со стороны плантаторовъ. Паци же ищетъ разгадки этого явленія въ томъ, что дикарь, постоянно упражняющій свои физическія силы, долженъ имѣть болѣе развитую мускулатуру, а слѣдовательно и болѣе развитую волю, что обуславливаетъ собою болѣе большой объемъ мозга, не смотря на неоспоримую недоразвитость нѣкоторыхъ его частей. (Переднія извилины мозга у парижанина въ среднемъ больше, чѣмъ у челоука изъ пещеры Ломъ-Моръ, какъ это видно изъ соотношенія передней части черепа ко всему его объему).

Но такъ какъ мы не знаемъ въ точности, какая связь существуетъ между умственными способностями и емкостью черепа, то приведенные факты не имѣютъ большого значенія для рѣшенія вопроса: увеличиваются-ли умственные способности вмѣстѣ съ техническимъ прогрессомъ? Чтобы дать хоть какой-нибудь отвѣтъ на этотъ вопросъ, слѣдуетъ ограничиться выводами, полученными дедуктивнымъ путемъ изъ общественнаго строя различныхъ стадій развитія. Хотя подобныя обобщенія не могутъ служить вполнѣ точными доказатель-

ствами, однако онѣ до нѣкоторой степени выясняютъ вопросъ. Не-обходимо признать, что развитіе мозга вполне согласуется съ дедук-ціей, построенной на природѣ дикаго, варварскаго и цивилизован-наго строя. Въ общественномъ строѣ дикарей, напр. австралийцевъ, равенство и свобода являются главными основами, на которыхъ жи-дитъ общество; знаніе и техника у нихъ весьма ничтожны, но каждый членъ общества обладаетъ ими въ одинаковой степени. Поэтому каждый долженъ напрягать всѣ свои способности, чтобы обезпечить свое существованіе. Всѣ члены общества, будучи равноправными, одинако-вымъ образомъ изопряютъ свой общественный смыслъ. Подвижность охотничьихъ племенъ также является хорошей школой для умствен-наго развитія. Что же касается общественного строя варваровъ, то онъ отличается отъ предыдущаго преимущественно развитіемъ тех-ники и знаній, но другія условія остаются неизмѣнными. Очевидно, что мозговой аппаратъ совершенствуется соотвѣтственно съ усложненіемъ общественной жизни. Слѣдовательно, можно не безъ основанія пред-положить, что въ эпоху дикаго состоянія и начала варварскаго умствен-ный прогрессъ идетъ рука объ руку съ техническимъ. Но положеніе вещей измѣняется съ установленіемъ осѣдлаго земледѣльческаго строя и съ дальнѣйшимъ развитіемъ цивилизаціи. Подвижный кочевникъ или охотникъ превращается въ земледѣльца, который въ позднѣйшіе пері-оды общественного развитія, напр. въ эпоху крѣпостного права, утрачиваетъ изъ виду все, что находится за предѣлами небольшого его поселка и узкихъ интересовъ. Общественный его смыслъ не раз-вивается, знаніе сосредоточивается въ рукахъ ученыхъ специалистовъ, земледѣліе изъ года въ годъ ведется однимъ и тѣмъ же исконнымъ способомъ. вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивается раздѣленіе труда и съ теченіемъ времени появляется множество отраслей труда, не требую-щихъ умственнаго развитія, но лишь извѣстной сноровки. Общественныя условія препятствуютъ равномерному повышенію умственнаго развитія всего населенія. Для иллюстраціи возьмемъ нѣсколько примѣровъ, почерпнутыхъ изъ современности. Зингеръ, говоря о ткачахъ чешскаго округа, изображаетъ ихъ слѣдующимъ образомъ: «Большинство куста-рей, съ которыми мнѣ приходилось бесѣдовать, имѣютъ самыя скудныя представленія о томъ, что непосредственно не касается ихъ жизни. Знаютъ они только, что есть какой-то Богъ, папа и императоръ, но о взаимныхъ ихъ отношеніяхъ имѣютъ самыя дикія понятія. Они не знаютъ даже названія столицы и главнаго города своей провинціи, несмотря на то, что онъ уже нѣсколько лѣтъ соединенъ съ ихъ родиной желѣзной дорогой, о которой они также имѣютъ весьма смутное представленіе. Знаютъ они только, что она уноситъ произведенія ихъ рукъ куда-то далеко. На своемъ языкѣ они

могутъ выражать лишь самыя элементарныя понятія. Эти кустари работаютъ съ небольшимъ перерывомъ по 18 часовъ въ день за ткацкимъ станкомъ, дѣти же—за веретеномъ». Если мы остановимся еще на фактахъ, собранныхъ въ Англіи комиссіей, назначенной для изслѣдованія труда дѣтей, то мы должны будемъ согласиться, что современное капиталистическое общество иногда меньше упражняетъ умственные способности человѣка, чѣмъ охота дикихъ племенъ или полу-осѣдлая жизнь варваровъ. Іеремія Гайнцъ, 12 лѣтъ отъ роду, сказалъ: «Король—это тотъ, кому принадлежитъ все золото и серебро. Говорятъ, что у насъ есть король, и что этотъ король — королева, и что его называютъ принцесса Александра. Говорятъ, что она вступила въ бракъ съ королевскимъ сыномъ. Принцесса—это мужчина». Вильгельмъ Тернеръ, 12 лѣтъ: «Не живетъ въ Англіи, хотя и полагаетъ, что такая страна можетъ существовать, но никогда еще о ней не слы-халъ». Джонъ Морисъ, 14 лѣтъ: «Мнѣ говорили, что Богъ создалъ міръ и что всѣ люди утонули, за исключеніемъ одного; этотъ человѣкъ былъ маленькая птичка». Уильямъ Смитъ, 15 лѣтъ: «Богъ создалъ муж-чину, а мужчина создалъ женщину». Эдуардъ Тайлоръ, 15 лѣтъ: «Ничего не знаетъ о Лондонѣ». Генри Мотьюнамъ, 17 лѣтъ: «Хожу иной разъ въ церковь... Тотъ человѣкъ, о которомъ они проповѣду-ютъ, былъ какой-то Іисусъ Христосъ; никакихъ другихъ именъ я назвать не могу; да и о немъ начево въ точности не знаю. Онъ не былъ умерщвленъ, но умеръ какъ и всѣ другіе люди. Можно сказать, что онъ не былъ таковъ, какъ другіе, потому что онъ былъ религі-озенъ, а другіе не вѣруютъ».

Въ прошломъ столѣтіи англійскія ткацкія фабрика систематически давали работу идиотамъ, для которыхъ нѣтъ мѣста въ общественномъ строѣ варваровъ. Это—прекрасный примѣръ, доказывающій, что психическій подборъ, который устраняетъ изъ дикой и варварской общины слабо развитыхъ въ умственномъ отношеніи людей, уже не оказываетъ своего дѣйствія въ періодъ цивилизаціи. При сильномъ раздѣленіи труда съ его безконечной специализаціей и чисто меха-ническимъ характеромъ, разъединяющемъ умственную и физическую дѣ-тельность, малоспособные индивиды, которые нѣкогда гибли въ борьбѣ за существованіе, въ настоящее время находятъ соотвѣтственный трудъ и могутъ быть полезными членами общества, повиная такимъ образомъ средній вѣсъ мозга и передавая эту черту по наслѣдству дальнѣйшимъ поколѣніямъ. Прибавимъ къ этому, что классовый строй создаетъ общественныя синекюры, которыя даютъ возможность существовать разнымъ бездарностямъ, если только они находятся въ привилегированномъ положеніи.

Взвѣсивъ всѣ эти фактическія данныя, мы придемъ къ тому за-

ключенію, что у диких и варварскихъ народовъ, стоящихъ на низшей ступени развитія, общество благопріятствуетъ удаленію членовъ мало способныхъ, и что такимъ образомъ, по мѣрѣ усложненія общественнаго строя, умственное развитіе отдѣльных членовъ этихъ обществъ будетъ увеличиваться. Цивилизація, ограничивая подвижность человѣка и его изворотливость, создавая съ одной стороны общественныя синекюры, съ другой — занятія, не требующія умственнаго напряженія, наконецъ, вызывая къ жизни такія общественныя отношенія, благодаря которымъ цѣлыя массы населенія приговорены къ нищетѣ, невѣжеству и подчиненности, — ведетъ къ пониженію средней величины и вѣса мозга, сравнительно съ варварскою эпохою. И дѣйствительно, можетъ-ли современный крестьянинъ, который въ теченіе 10 вѣковъ своей жизни ничего не видѣлъ кромѣ своей деревни, обладать большимъ умственнымъ развитіемъ, чѣмъ его прадѣдъ варваръ, который только что принялся за земледѣліе? Съ другой стороны можно-ли ожидать, что-бы человѣкъ, который съ дѣтства автоматически и безмысленно работалъ на фабрикѣ, приобрѣлъ большее умственное развитіе, чѣмъ варваръ? Вѣдь это развитіе не можетъ быть послѣдствіемъ одного усовершенствованія машинъ! Вотъ чѣмъ объясняется фактъ, что варвары иногда такъ легко воспринимаютъ нѣкоторыя стороны нашей цивилизаціи; — по временамъ даже легче, чѣмъ заурядные люди, родившіеся среди этой цивилизаціи. Правда, она, обуславливая уменьшеніе мозга и создавая ученыхъ мыслителей, порождаетъ кучку людей съ выдающимися способностями, которая однако не можетъ уравниваться собой послѣдствія убыли въ вѣсѣ мозга народныхъ массъ. Впрочемъ, общественныя условія настоящаго времени самымъ немилосерднымъ образомъ уничтожаютъ эту кучку выдающихся людей. Теперешняя спеціализація и раздѣленіе умственнаго труда доводятъ организмъ спеціалистовъ до физическаго истощенія и мстятъ тѣмъ, что лишаютъ ихъ потомство плодovitости или умственной энергіи.

Мы сейчасъ познакоимся еще и съ другими факторами умственного вырожденія цивилизованныхъ народовъ.

Условія цивилизаціи, мало способствуя умственному прогрессу въ антропологическомъ отношеніи, иногда такъ-же мало благопріятствуютъ къ развитію въ обществѣ предпріимчивости. Между тѣмъ сильный характеръ является однимъ изъ самыхъ важныхъ факторовъ прогресса, быть-можетъ даже болѣе важнымъ, чѣмъ умственныя способности. Предпріимчивые люди въ обществѣ являются какъ бы закваскою прогресса. Подкрѣпимъ эту мысль нѣсколькими примѣрами, хотя мы заранѣе должны сдѣлать оговорку, что въ разсматриваемыхъ нами процессахъ значеніе имѣетъ не одна предпріимчивость. Напримѣръ, колоніи, въ

сравненіи съ своими метрополіями, служатъ средоточіемъ болѣе предпріимчивыхъ характеровъ. Изъ 100 человѣкъ, которымъ не повезло на родинѣ, отправляются въ далекія страны люди, отличающіеся большею предпріимчивостью и меньшимъ пристрастіемъ къ рутинѣ. Стало быть, эмиграціонное движеніе является своего рода подборомъ, лишаящимъ метрополію предпріимчивыхъ натуръ и обогащающимъ ими колонію. Поэтому заранѣе можно быть увѣреннымъ, что въ колоніяхъ умственная жизнь будетъ быстрѣе и разностороннѣе развиваться, чѣмъ въ метрополіяхъ. Чтобъ убѣдиться въ этомъ, достаточно сослаться на умственное развитіе іоническихъ колоній въ Малой Азіи, на культурное развитіе въ Сициліи, сравнить Карфагенъ съ Финикіей или наконецъ современное развитіе въ Австраліи и Сѣвероамериканскихъ Соединенныхъ Штатахъ съ Старымъ Свѣтомъ. Ныѣшнюю европейскую эмиграцію слѣдуетъ прямо считать отливомъ изъ нашей части свѣта лучшихъ соковъ и наиболѣе предпріимчивыхъ элементовъ въ новыя части свѣта. На востокъ Европы роль колоній нѣкогда играли казацкія сѣчи. Возьмемъ, напримѣръ, Запорожскую сѣчу. Она была убѣжищемъ для своенравныхъ (т. е. энергичныхъ и дерзкихъ) крестьянскихъ натуръ и мѣстомъ, куда стекались искатели приключеній. Поэтому то, хотя гнетъ крѣпостничества въ Мазовіи былъ гораздо сильнѣе, однако крестьяне жили тамъ спокойно, въ то время какъ казаки не сносили и менѣе тяжелаго ига. Наоборотъ эмиграція обогащаетъ данную страну энергичными элементами. Кандоль прекрасно иллюстрировалъ это значеніе пришельца на примѣрѣ эмигрантовъ-гугенотовъ. Во время преслѣдованій Людовика XIV слабая натуры, страпившіяся неизвѣстнаго будущаго, возвратились въ лоно католической церкви, болѣе же сильныя и энергичныя оставляли родной край. Послѣднія внесли промышленную жизнь въ прирейнскія провинціи, и, что еще важнѣе, они же дали много выдающихся ученыхъ. Если-бы вся Европа давала въ такой же пропорціи выдающихся ученыхъ, то парижской Академіи Наукъ пришлось бы вмѣсто 88 имѣть 1200 иностранныхъ корреспондентовъ. Не подлежитъ также сомнѣнію, что если-бы подсчитать у насъ (т. е. въ Польшѣ) выдающихся людей нѣмецкаго происхожденія, то оказалось бы, что ихъ дѣятельность, въ сравненіи съ самымъ числомъ выходцевъ, весьма значительна.

Приведенные примѣры даютъ возможность уяснить себѣ значеніе предпріимчиваго характера для общественной жизни. Въ виду того, что эмоціональныя свойства, составляющія источникъ предпріимчивости, передаются по наслѣдству, то всѣ причины, повнѣжающія проценты предпріимчивыхъ людей въ обществѣ, дѣйствуютъ не только въ настоящемъ, но и въ будущемъ. Такимъ образомъ возникаетъ вопросъ, какого рода подбору относительно предпріимчивости подвергается

человѣчество въ теченіе всей своей исторической жизни? Становится ли оно болѣе энергичнымъ, или болѣе пассивнымъ? На этотъ вопросъ мы можемъ опять-таки отвѣтить только путемъ дедукціи, рассматривая, насколько тотъ или другой общественный строй благоприятствуетъ сохраненію предприимчивыхъ натуръ. Возьмемъ дикихъ австралійцевъ или варваровъ, стоящихъ на низшихъ ступеняхъ развитія, хотя бы прокезовъ. Предположимъ, что у нихъ появляется какая нибудь энергичная личность, выступающая противъ традиціонныхъ понятій и обычаевъ. Въ случаѣ столкновенія съ своими соплеменниками, эта энергичная личность и ея сторонники всегда имѣютъ возможность найти гдѣ-нибудь убѣжище, такъ какъ въ свободномъ мѣстѣ недостатка нѣтъ, а подвижная жизнь дѣлаетъ человѣка способнымъ къ такому переселенію. Достаточно напомнить о причинахъ расселенія полинезійцевъ. Въ подобныхъ случаяхъ энергія только ослабѣваетъ, но не вполне исчезаетъ. Недалеко отъ племени возникаетъ другой общественный центръ, болѣе энергичный, который со временемъ подчиняетъ себѣ все племя и пролагаетъ такимъ образомъ путь для дальнѣйшаго прогресса человѣчества. Прогрессъ въ первобытномъ человѣчествѣ обусловливался быть-можетъ такимъ сосредоточеніемъ племенной энергіи. Появленіе другихъ семейныхъ формъ, вмѣсто первоначальной, основанной на бракѣ между родными братьями и сестрами, можно объяснить этимъ подборомъ энергичныхъ элементовъ. Предположимъ, что первобытная община распадается на двѣ меньшія, изъ которыхъ одна находится въ лучшихъ, а другая въ худшихъ условіяхъ, и что въ обѣихъ бракъ первоначально заключается только между близкими родственниками. Постепенно члены менѣе обеспеченной группы, подъ вліяніемъ матеріальныхъ соображеній, будутъ стараться войти путемъ брака въ другую болѣе обеспеченную группу. Можно предположить, что эти члены первой группы, какъ новаторы, будутъ болѣе энергичны, и что вторая группа, принимая ихъ въ свою среду, выиграетъ въ смыслѣ энергіи, между тѣмъ какъ первая группа, ограничивающаяся брачными союзами лишь между своими членами и лишаясь лучшей силы, съ теченіемъ времени сдѣлается менѣе предприимчивой. Такимъ образомъ, въ противоположность общинѣ, болѣе придерживающейся первоначальной формы брака, появятся другія общины, болѣе жизненныя, опирающіяся на бракъ съ чужеземцами, болѣе стойкими въ борьбѣ за существованіе. Этотъ примѣръ иллюстрируетъ, какимъ образомъ могъ совершаться подборъ предприимчивости у первобытныхъ народовъ и какъ предприимчивые элементы группируются внѣ своего родного племени. Перейдемъ теперь къ такому общественному строю, который зиждется на осѣдломъ образѣ жизни. Человѣкъ привязанъ тутъ къ клочку земли, и въ борьбѣ за существованіе для него имѣетъ

больше значенія систематичность и трудолюбіе, чѣмъ предприимчивость. Съ осѣдлымъ образомъ жизни появляются государственныя организаціи съ правительствомъ во главѣ, съ религіозными установленіями и съ привилегированными классами, обособленными отъ остальной части народа. Всѣ эти наслоенія и общественныя учрежденія, насколько они возникли путемъ медленной общественной эволюціи, составляютъ результатъ дѣятельности энергичныхъ элементовъ въ обществѣ. Между прочимъ этотъ процессъ можно наблюдать и въ настоящее время, слѣдя за возникновеніемъ мелкой сельской буржуаціи среди польскаго народа. Когда же такой общественный слой образуетъ обособленную антропологическую группу, сосредоточивающую въ себѣ людей съ энергическимъ характеромъ, то она начинаетъ систематически лишать народную массу предприимчивыхъ элементовъ. Съ этой точки зрѣнія не лишнимъ будетъ вспомнить систематическій подборъ, которому спартанцы подвергали илотовъ, или составъ жреческаго сословія въ Тибетѣ (стр. 131), или наконецъ подборъ, имѣвшій мѣсто въ средневѣковомъ крестьянствѣ. Не подлежитъ сомнѣнію, что въ среднія вѣка крестьяне съ предприимчивымъ характеромъ преимущественно погибали. Нѣкоторые изъ нихъ проникали въ помѣщичьи усадьбы, другіе смѣшались на окраинахъ съ мелкою шляхтою, третьи бѣжали въ сѣчи и города, наконецъ остальная часть гнила въ борьбѣ съ помѣщиками. Сельское населеніе протестуетъ противъ феодальнаго гнета, образуя религіозныя секты или совершая насилія, но по прошествіи нѣсколькихъ столѣтій, истощенное, безсильно подчиняется игу, все болѣе тяжелому. Принимая во вниманіе этотъ отборъ предприимчивыхъ характеровъ среди крестьянства, а priori можно понять все психическое различіе между скандинавскимъ крестьянствомъ, которое не знало крѣпостного ига, и крестьянствомъ остальной Европы, подвергавшимся подбору со стороны привилегированнаго класса въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ. Достаточно наконецъ вспомнить испанскую инквизицію съ ея ужаснымъ и сознательнымъ подавленіемъ умственной энергіи, рѣзни и изгнанія гугенотовъ, преслѣдованіе Джордана Бруно, чтобы понять послѣдствія подбора, производимаго государствомъ, духовенствомъ и другими общественными классами. Такъ напр. «испанскій народъ систематически лишался свободомыслящихъ элементовъ, причемъ погибало по тысячѣ человѣкъ ежегодно въ теченіе трехъ столѣтій періода отъ 1471—1781. За этотъ періодъ времени около 100 человѣкъ подвергалось ежегодно смертной казни, а 900 человѣкъ заключались въ тюрьмы. Въ теченіе этихъ трехъ вѣковъ сожжено 32,000 человѣкъ фактически, а 12,000 въ изображеніяхъ (по всей вѣроятности большинство сгинуло въ тюрьмахъ или бѣжало изъ страны). 291,400 человѣкъ было приговорено къ тюремному заключенію и другимъ наказа-

ніямъ» (Гальтонъ). Укажемъ еще на внутреннюю сословную борьбу, неизвѣстную въ первобытномъ обществѣ, съ ея подборомъ, уничтожающимъ людей съ сильнымъ характеромъ и терпимымъ къ людямъ безъ всякихъ убѣждений (напр. изгнаніе энергичныхъ демократовъ Маріемъ, роялистствъ якобинцами, а якобинцевъ позднѣйшей реакціей). Все это факторы, неизвѣстные демократическому общественному строю дикарей и варваровъ. Кромѣ того цивилизованный человѣкъ не имѣетъ такой возможности скрыться отъ преслѣдованій, какъ дикарь. Уже осѣдлый образъ жизни до нѣкоторой степени прикрѣпляетъ человѣка къ мѣсту. Стоитъ только сравнить земледѣльческія группы съ охотничьими, чтобы понять послѣдствія осѣдлости въ дѣлѣ уменьшенія предприимчивости народа. Напрасно европейцы напр. силились подчинить рабству индѣйцевъ или патагонскихъ разбойниковъ, между тѣмъ какъ горсть авантюристовъ овладѣвала населенными государствами Инковъ и подчинило своему игу весьма значительное населеніе, или горсть миссіонеровъ создавала парагвайскія государства! Достаточно также приглядѣться къ происхожденію рабства. Постоянно получать рабовъ изъ какой-нибудь общественной группы возможно только тогда, когда она ведетъ осѣдлый образъ жизни. Исторія знаетъ рабовъ негровъ, но она не видѣла рабовъ бушменовъ.

Изучая жизнь первобытнаго человѣчества, мы видимъ, что, за небольшимъ исключеніемъ, каждая человѣческая группа обезпечена въ своемъ пропитаніи. Хотя, быть-можетъ, намъ кажется жалкимъ быть негритосовъ, однако несомнѣнно, что организмъ ихъ питался удовлетворительно. По официальной англійской статистикѣ община минкопівъ, состоящая изъ 123 членовъ, въ теченіе одного года истребила 500 дикихъ кабановъ, 150 черепахъ, 20 дикихъ кошекъ, 50 игуановъ и 6 догонговъ, т. е. каждый изъ этихъ дикарей употреблялъ въ пищу чаще и больше мяса, чѣмъ нашъ рабочій или крестьянинъ (впрочемъ, охота теперь уже не такъ прибыльна, благодаря поселенію англичанъ на островѣ). Правда, существуютъ извѣстныя группы человѣчества, находящіяся въ особенно неблагоприятныхъ условіяхъ, напр. фузгійцы, но такихъ примѣровъ немного. Если извѣстная мѣстность крайне негостеприимна, то болѣе предприимчивая часть племени обыкновенно переселяется на новыя мѣста, или же приростъ населенія искусственно приостанавливается. Впрочемъ, вездѣ бываютъ неблагоприятныя года, когда дичи мало или хлѣбъ не уродится. Тогда наступаетъ общій голодъ, о которомъ повѣствуютъ средневѣковые летописцы, и жертвою его становятся прежде всего болѣе слабыя индивиды. Такое скоропреходящее, но всеобщее бѣдствіе является своего рода средствомъ улучшенія расы, такъ какъ устранить болѣе слабыхъ и чахлахъ. Конечно, мы тутъ имѣемъ въ

виду дикія и варварскія группы, еще чуждыя цивилизаціи, потому что послѣдняя, уничтожая естественныя богатства, которыя служили источникомъ существованія дикарей, и останавливая свободу передвиженій, прикрѣпляетъ человѣка къ мѣсту, вызываетъ хроническую нужду и вмѣстѣ съ тѣмъ систематическое истощеніе организма.

Цивилизація, основанная на классовыхъ отношеніяхъ, измѣняетъ эти первоначальныя условія. Раздѣляя племя, проникнутое равенствомъ, на привилегированныхъ и обездоленныхъ, она создаетъ у однихъ постоянный избытокъ средствъ существованія, а у другихъ, въ нѣкоторыя эпохи, хроническую нужду. Тогда происходитъ особенное вырожденіе человѣческаго организма. Съ одной стороны въ немъ наблюдаются измѣненія, аналогичныя съ тѣми, которые происходятъ въ животномъ мірѣ у различныхъ паразитовъ. Нетрудящіеся классы общества каждой исторической эпохи подвергались постепенному физическому истощенію, вслѣдствіе половыхъ излишествъ и злоупотребленія пищею. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только присмотрѣться къ систематическому вымиранію родовой аристократіи, вслѣдствіе органическаго истощенія (этотъ вопросъ разработанъ во многихъ спеціальныхъ трудахъ). Рука объ руку съ физическимъ вырожденіемъ идетъ духовно-эмоціональное, проявляющееся между прочимъ въ неспособности къ систематическому труду. Въ низшихъ классахъ такое же вырожденіе обуславливается нищетою. Какъ зерно, брошенное въ бесплодную почву, даетъ плохой урожай или вовсе его не даетъ, такъ и человѣкъ, лишенный достаточной пищи, свѣта и воздуха, слабѣетъ физически, а затѣмъ умственно и нравственно. Извѣстный психіатръ Морель рисуетъ ужасающія послѣдствія нищеты въ департаментѣ нижней Сены. «Уже первыя мои наблюденія въ области паталогической антропологіи выяснили своеобразное вырожденіе среди рабочихъ, которое впрочемъ должно быть свойственно всему населенію промышленныхъ округовъ. Я былъ пораженъ полнымъ несоотвѣтствіемъ между возрастомъ и физическимъ развитіемъ дѣтей. Мнѣ неоднократно случалось принимать 15 и 17-лѣтнихъ подростковъ за 8 или 9-лѣтнихъ дѣтей, или 20-лѣтнихъ молодыхъ людей за 14-ти или 15-ти-лѣтнихъ юношей. Нѣкоторые рабочіе имѣли по 8, даже по 16 дѣтей, но изъ нихъ лишь одинъ ребенокъ или двое оставалось въ живыхъ; остальные, пораженные рахитизмомъ, умирали. Головы у дѣтей маленькія. Половое развитіе наступаетъ поздно. На вопросъ о болѣзни, унесшей въ могилу ихъ дѣтей, родители отвѣчали, что сами ея не знаютъ: дѣти страдали чѣмъ-то вродѣ упадка силъ, и пища какъ будто не шла имъ въ прокъ. Не смотря на произведенные надъ ними опыты хорошаго питанія, дѣти умираютъ въ колыбели въ большомъ числѣ, вслѣдствіе общаго органическаго

истощения, вызваннаго нищетою их отцовъ». Морель вскрылъ, между прочимъ, трупъ 22-лѣтней дѣвушки. Всѣ ея органы были очень малы или неразвиты, кости не всѣ еще окрѣпли, мозгъ былъ анемичный, лишенный крови и вѣсилъ 1007 гр.; сердце—безцвѣтное, какъ бы пораженное атрофіей, кровеносные сосуды тоньше, чѣмъ у нормальнаго человѣка. Этотъ примѣръ указываетъ на послѣдствія постоянной жизни впроголодь нѣсколькихъ поколѣній, и въ такихъ условіяхъ въ настоящее время живутъ цѣлыя массы населенія въ Европѣ, Китаѣ и Передней Индіи. Человѣкъ ежедневно ѣстъ меньше, чѣмъ требуетъ его организмъ. Послѣдствія нищеты, ведущей къ вырожденію, проявляются съ особенною силою среди промышленнаго городского населенія, которое, при недостаточномъ питаніи, работаетъ до истощенія силъ въ зараженномъ воздухѣ, безъ свѣта и отдыха. Статистическія изслѣдованія Кёрэзи выяснили значеніе чистаго воздуха и солнца для здоровья. Смертность на одной и той же улицѣ не на солнечной сторонѣ сильнѣе, точно такъ же и въ узкихъ улицахъ. Какое вредное вліяніе оказываетъ чрезмѣрный трудъ и недостаточное питаніе на человѣческой организмъ, доказываютъ данныя, тщательно собранныя Зингеромъ въ сѣверо-восточной Богеміи. Изъ 213 человѣкъ, работавшихъ на прекрасно устроенной фабрикѣ въ теченіе 9 лѣтъ, оказались годными къ военной службѣ 28 человѣкъ; между тѣмъ какъ изъ 183 рабочихъ другой фабрики, беззастѣнчиво эксплуатировавшей рабочихъ, ни одинъ не соответствовалъ требуемой нормѣ. Слѣдующая таблица рекрутовъ, годныхъ къ военной службѣ изъ среды городского и сельскаго населенія, дастъ понятіе о вредномъ вліяніи недостаточнаго питанія, въ связи съ недостаткомъ воздуха и свѣта и чрезмѣрной работой.

О К Р У Г И.	Земледѣльческое населеніе.	Промышленное населеніе.
Турнау	19,9%	3,3%
Кёнигенгофъ	16,6	9,9
Гогензальбе	11	9,1
Гадонцъ	9,1	4,4
Браунау	16,5	4,6
Траутенау	12,2	5,7
Рейхенбергъ городъ	6,9	3,5
„ окрестности	11,7	?
Фриуландъ	6,0	2,3

Словомъ, современный индустріализмъ, распространяя въ деревняхъ нищету и сосредоточивая лишенную собственности массы въ промышленныхъ округахъ, гдѣ къ недостаточному питанію, кромѣ упомянутыхъ условій, присоединяется еще множество другихъ, вызываетъ вырожденіе въ широкихъ размѣрахъ. Мы можемъ составить себѣ нѣко-

торое понятіе объ этомъ явленіи, хотя бы изъ того, что съ теченіемъ времени предъявляется все меньше и меньше требованій къ лицамъ, отбывающимъ воинскую повинность, и что процентъ непригодныхъ къ военной службѣ все увеличивается. Въ Австріи процентъ годныхъ къ военной службѣ за 10 лѣтъ составлялъ:

1870	26 %	1874	18,5%	1878	16,6%
1871	25,4	1875	18,4	1879	15,6
1872	25,3	1876	18,4	1880	14,5
1873	20,7	1877	17,1		

Точно такъ же и вѣсъ тѣла становится меньше, жизнь—короче, половыя и другія отправленія—менѣе дѣятельными, кровообращеніе—неправильнымъ, не говоря уже о профессиональномъ искривленіи позвоночныхъ столбовъ, голеней и т. д. Однако послѣдствія недостаточнаго питанія, отсутствія свѣта и воздуха не ограничиваются физическимъ вырожденіемъ. Извѣстны факты полудіотизма, обусловливаемого не столько низкимъ уровнемъ развитія мозга, сколько неудовлетворительнымъ его питаніемъ, благодаря наслѣдственному истощенію организма и вырожденію кровеносной системы. Этимъ и можно объяснить факты, приводимые Томсономъ о дѣтяхъ пролетаріевъ.

Онъ находитъ, «что $\frac{1}{3}$ этихъ дѣтей очень неспособна, они дѣлаютъ крайне медленные успѣхи и имѣютъ плохую память; что же касается остальныхъ $\frac{2}{3}$, то и о нихъ нельзя сказать ничего хорошаго; кажется, что они неспособны къ вниманію и къ прилежанію». Когда эти дѣти подростаютъ, то изъ нихъ образуются прирожденные бродяги, которые могли бы примѣнить къ себѣ то, что одинъ изъ нихъ сказалъ Марру: «чтобы поступать дурно, надо имѣть волю, я же до того трусливъ, что весь дрожу отъ страха, оставшись одинъ въ комнатѣ». На ряду съ излишествами однихъ, нуждою и однообразнымъ трудомъ другихъ, чувствуется склонность къ наркотическимъ средствамъ, особенно если присоединимъ къ этому неуверенность въ завтрашнемъ днѣ и постоянное опасеніе конкуренціи, составляющей характерную черту капиталистическаго строя и создавшей «нервный вѣкъ». Первое разстройство, усиливая потребленіе наркотическихъ средствъ, ведетъ къ дальнѣйшему вырожденію и вызываетъ самые разнообразныя невроты, эпилепсію, идіотизмъ, врожденные преступныя наклонности и т. д.

«Я замѣтилъ у купцовъ и приказчиковъ влеченіе къ пьянству въ продолженіе одной или двухъ недѣль, когда именно приходилось много работать. И въ другихъ профессіяхъ я замѣтилъ ту же связь между влеченіемъ къ крѣпкимъ напиткамъ и усиленной работой». Психіатрія съ ужасомъ констатируетъ, что и дѣти въ большихъ городахъ также

поражены неврозомъ. «Нервный вѣкъ», обусловливаемый тѣмъ, что человѣкъ большею частью лишенъ тѣхъ условій, къ которымъ привыкъ организмъ прежнихъ поколѣній, приводитъ ко всеобщему вырожденію. Плохое питаніе съ одной стороны, излишества съ другой—доводить организмъ до разстройства, ослабляютъ его жизнеспособность, уменьшаютъ физическую силу и выносливость, притупляютъ умственные способности, уничтожаютъ энергію и волю, словомъ—вызываютъ социальное вырожденіе. «Нервный вѣкъ» заслуживаетъ скорѣе названія вѣка антропологическаго вырожденія.

Намъ часто приходится слышать, что военный подборъ влечетъ за собой вредныя послѣдствія. Это мнѣніе высказывается обыкновенно голословно, такъ какъ историческія условія не принимаются во вниманіе. Между тѣмъ послѣдствія военнаго подбора были далеко не одинаковы въ различныя историческія эпохи. У австралійскихъ дикарей всякій человѣкъ—будь онъ силенъ или слабъ, высокаго или низкаго роста—по силѣ возможности защищаетъ свои права и свое племя. Арміи тутъ еще нѣтъ, а есть только общее ополченіе. Трудности военныхъ походовъ и самая война производятъ подборъ. При такихъ обстоятельствахъ устраняются и уничтожаются прежде всего организмы слабые. Положеніе дѣлъ измѣняется, какъ только въ борьбу вступаетъ не общее ополченіе, а незначительная группа, избранная изъ сильнѣйшихъ и наиболѣе здоровыхъ элементовъ страны. Эта группа будетъ подвергаться смерти, въ то время какъ болѣе слабые элементы имѣютъ болѣе шансовъ сохраниться и оставить потомство. Возьмемъ для примѣра хотя-бы войско князька Чака. Наиболѣе здоровые его элементы на вербованы изъ кафрскихъ племенъ; они должны были отказываться отъ брака или, вѣрнѣе, отъ потомства и жить только для войны. Если крымская кампанія, вслѣдствіе усиленныхъ рекрутскихъ наборовъ, вызвала во Франціи уменьшеніе браковъ на $3\frac{1}{2}$ тысячи и рожденій на 10,000, то спрашивается, какія же послѣдствія долженъ былъ повлечь за собой военный подборъ, установленный кафрскимъ Атиллоу! Словомъ, когда создается, избираемая изъ самыхъ здоровыхъ элементовъ, постоянная, но обособленная отъ остальнаго населенія, военная организація,—военный подборъ становится однимъ изъ факторовъ вырожденія человечества. Милитаризмъ капиталистической цивилизаціи имѣетъ тотъ же характеръ. Люди небольшого роста, менѣе сильные и менѣе выносливые остаются дома, женятся и плодятъ дѣтей, между тѣмъ какъ самые сильные члены общества отрываются отъ семейнаго очага, лишаются возможности имѣть законное потомство, ведутъ нездоровую казарменную жизнь и подвергаются опасностямъ войны. Мы говоримъ «законное», потому что при современныхъ условіяхъ только законное потомство имѣетъ нѣкоторые шансы на здоровье, такъ какъ незакон-

ное потомство съ самаго ранняго возраста бросается на произволъ судьбы и въ рѣдкихъ случаяхъ остается въ живыхъ. Французская статистика рисуетъ намъ ужасающія картины смертности въ арміи въ мирное время.

За періодъ съ 1855—1879 г. ежегодно въ госпитали поступало 54%, а каждый солдатъ въ среднемъ хворалъ по три недѣли въ году. Смертность въ арміи, состоящей изъ молодыхъ, здоровыхъ людей, гораздо значительнѣе, чѣмъ невоенныхъ людей того же возраста, хотя къ числу послѣднихъ принадлежатъ всѣ непригодные къ военной службѣ.

Нѣкоторые болѣзни свирѣпствуютъ съ особенною силой въ войскахъ (тифъ, сифилисъ). Такимъ образомъ въ тѣхъ странахъ, въ которыхъ существуетъ постоянный наборъ, систематически гибнетъ извѣстная часть самыхъ здоровыхъ элементовъ, между тѣмъ какъ всѣ шансы остаться при жизни и плодить потомство имѣютъ физически болѣе слабые. Это положеніе вещей особенно неблагопріятно въ странахъ, гдѣ существуетъ такъ называемый ландверъ, т. е. такой порядокъ, при которомъ всѣ здоровые граждане обязаны отбывать нѣкоторое время военную повинность. Единственнымъ средствомъ противъ такого вырожденія общества былъ бы поворотъ къ прежнему общему ополченію, существовавшему у дикарей и варваровъ, или, какъ въ настоящее время выражаются, къ народной милиціи, когда каждый гражданинъ живетъ у себя дома, исполняетъ всѣ гражданскія обязанности и только въ извѣстные дни является на ученіе.

Трудно установить вліяніе военнаго подбора, тѣмъ болѣе, что его послѣдствія на каждомъ шагѣ сплетаются съ послѣдствіями недостаточнаго питанія, первнаго разстройства и другихъ явленій. Можно только уяснить себѣ наиболѣе осязательные симптомы этого процесса, въ тѣхъ случаяхъ, когда подборъ достигаетъ особенно сильнаго напряженія. Военные наборы во времена первой французской имперіи вызывали по прошествіи 20 лѣтъ уменьшеніе роста, который впослѣдствіи опять увеличивается. Число слабосильныхъ за этотъ періодъ увеличивается съ 25 до 32, т. е. на 30%. Нѣкоторые ссылаются на другой фактъ, который трудно однако проверить, а именно, что войны Карла XII лишили Швецію лучшихъ элементовъ и вызвали въ періодъ съ 1751 до 1800 г. уменьшеніе числа стариковъ. Въ обоихъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло съ исключительными обстоятельствами. Между тѣмъ мирный милитаризмъ, хотя и распространяющійся на огромное число людей, но не отрываетъ ихъ на такое продолжительное время отъ нормальной жизни, не вызываетъ столь наглядныхъ послѣдствій. Вырожденіе, обусловливаемое этою причиною, сливается съ вырожденіемъ, вызываемымъ другими причинами. Несмотря на всю сложность вопроса, Чуриловъ старался выяснять послѣдствія военнаго подбора въ клас-

сической Атики и въ древнемъ Римѣ. Стоить нѣсколько подробнѣе остановиться на его выводахъ. Афины первоначально не испытываютъ вредныхъ послѣдствій военнаго подбора, такъ какъ придерживаются общаго ополченія всѣхъ гражданъ. Только въ послѣдствіи появляется систематическій подборъ. Персидскія войны истощаютъ Афины. Атика насчитывала въ то время всего 100,000 гражданъ, въ томъ числѣ было не больше 30,000 взрослыхъ мужчинъ. При такихъ условіяхъ гибель тысячи избранныхъ воиновъ была значительной потерей. Возьмемъ теперь походы въ Египетъ въ 460 году до Р. Х., въ которыхъ погибло 4,000 лучшихъ воиновъ; походы въ Сицилію въ 414 г., когда пало 2,700 гражданъ; наконецъ, битву при Эгосъ-Потамосъ, въ которой Афины потеряли 3,000 человекъ плѣнными, — и мы поймемъ, какія страшныя послѣдствія должны были имѣть такія кровопусканія! Результаты этихъ потерь обнаруживались въ каждомъ послѣдующемъ поколѣніи. 425 годъ, соответствующій египетскому бѣдствію, является поворотнымъ моментомъ въ исторіи Афинъ. Съ тѣхъ поръ афиняне систематически терпятъ пораженія на морѣ и на сушѣ, и могущество ихъ падаетъ. Истощенное въ антропологическомъ отношеніи, населеніе уже не въ состояніи защищать себя и прибѣгаетъ къ наемникамъ; умственная жизнь афинянъ ослабѣваетъ и паденіе афинской гегемоніи является послѣднимъ звеномъ въ ряду слѣдствій военнаго подбора. Еще рельефнѣе они выступаютъ, по мнѣнію Чурилова, въ древнемъ Римѣ. Война поглощаетъ здѣсь огромный процентъ населенія. Это подтверждается слѣдующимъ вычисленіемъ. Предположимъ, что населеніе естественнымъ путемъ удваивается черезъ каждыя 100 лѣтъ (это очень медленный приростъ населенія). Въ 550 г. до Р. Х. насчитывалось 84 тысячи взрослыхъ мужчинъ, слѣдовательно, въ 392 г. ихъ должно быть 289 тысячъ, между тѣмъ ихъ было только 152! Въ 333 году должно быть 265, между тѣмъ ихъ оказалось всего 160! Особенно первая и вторая пуническія войны обошлись очень дорого римлянамъ. Приростъ населенія происходитъ крайне медленно, несмотря на то, что въ число римскихъ гражданъ постоянно включаются жители другихъ провинцій. Мало того, это распространеніе гражданства для Рима явилось антропологическою неизбѣжностью. Истощенное военнымъ подборомъ населеніе древняго Рима распространяетъ право гражданства на всю Италію, чтобы имѣть возможность черпать матеріалъ для войнъ. Чуриловъ доказываетъ, что этотъ военный подборъ въ Афинахъ и Римѣ, уничтоживъ физическую силу населенія, истощаетъ затѣмъ его духовную энергію и наконецъ доводитъ его до совершеннаго паденія. Авторъ слишкомъ расширилъ значеніе вліяній военнаго подбора и приписалъ ему послѣдствія другихъ причинъ, но тѣмъ не менѣе анализъ его заслуживаетъ полнаго вниманія.

Еще болѣе характерный подборъ совершается городами (подъ понятіе города мы подводимъ также фабрично-промышленные округа). Впрочемъ, онъ свойственъ только извѣстнымъ историческимъ эпохамъ, какъ, напримѣръ, современной промышленной эпохѣ Китая и Европы. Вообще нынѣшніе города представляютъ собою своеобразное соединеніе людей. Соотношеніе половъ и соотношеніе возрастовъ здѣсь иное, чѣмъ въ деревняхъ — особенно на окраинахъ территории, на которой происходитъ нынѣшній международный торговый обменъ. Въ то время какъ во всей Индіи число представителей обоего пола болѣе или менѣе уравнивается, въ отдѣльныхъ городахъ, какъ напр. въ Калькуттѣ, на 100 женщинъ приходится 155 мужчинъ, въ Бомбей 151. Въ Европѣ это несоотвѣтствие не такъ значительно, хотя и тутъ въ большихъ городахъ мужчины преобладаютъ, а въ провинціи женщинъ больше, чѣмъ мужчинъ. Затѣмъ, въ городахъ преобладаетъ производительный возрастъ, т. е. такой, когда человекъ можетъ самостоятельно зарабатывать свой хлѣбъ. Если предположить, что такой возрастъ начинается съ 15-ти лѣтъ и продолжается до 70, то въ Берлинѣ на 1000 лицъ въ такомъ возрастѣ приходится 424 лица въ непроизводительномъ возрастѣ, а во всей Германіи 603 человека; въ Парижѣ на 1000 приходится 285, а въ остальной Франціи 464. Вообще процентное отношеніе людей въ возрастѣ 20—30 лѣтъ ко всему остальному населенію въ городахъ болѣе значительно. Поэтому сосредоточеніе населенія въ городахъ является настоящимъ подборомъ силы, хотя ненормальнымъ въ половомъ отношеніи. Однако городъ, скупивъ иногда огромное населеніе на незначительномъ пространствѣ, лишаетъ человека достаточнаго количества воздуха и свѣта и въ то же время, сосредоточивая представителей общественной нищеты, способствуетъ развитію инфекціонныхъ болѣзней и вырожденію среди нихъ, особенно въ раннемъ возрастѣ. Но это не единственный источникъ вырожденія городского населенія. Весь строй жизни въ городахъ ненормаленъ. Массы обречены на чрезмѣрный трудъ при самыхъ отвратительныхъ санитарныхъ условіяхъ, — на трудъ, истощающій организмъ, ослабляющій способность къ размноженію и поощряющій къ потребленію наркотическихъ средствъ. Жизнь проходитъ въ постоянномъ соревнованіи и борьбѣ. Нервная система подвергается чрезмѣрному раздраженію, тѣмъ болѣе, что городской бытъ является какъ бы посягательствомъ на вѣковыя потребности человеческого организма. Города являются центромъ неврозовъ и олицетворяютъ собою «нервный вѣкъ». Неудивительно поэтому, что смертность тутъ больше, чѣмъ въ деревняхъ, хотя въ нихъ преобладаютъ люди въ полномъ расцвѣтѣ силъ. Она составляла во Франціи съ 1867—1873 г. для городовъ 30,5, для деревень 23,4; въ Бельгіи съ 1861—70 г. для

городовъ 26,5, для деревень 19,6; въ Саксоніи съ 1846—1849 г. для городовъ 32,1, для деревень 28,8; въ Англіи съ 1863—72 г. для городовъ 25,8, для деревень 18,6. Это отношеніе было-бы еще болѣе неблагоприятнымъ, еслибы мы принимали во вниманіе только большіе города, а не всѣ вообще. Человѣкъ, рожденный въ городѣ, отличается безсиліемъ и уже носить въ себѣ зачатки вырожденія. Въ то время какъ въ деревнѣ во Франціи 1009 мертворожденныхъ приходится на 10,000 рождений, въ городахъ эта цифра возрастаетъ до 1289, а въ департаментѣ Сены до 1466. Ростъ и вѣсъ у городскихъ жителей ниже, чѣмъ у крестьянъ, а цифра негодныхъ къ военной службѣ выше. Болѣе значительное число помѣшательствъ и самоубійствъ въ городахъ указываетъ на разстройство нервной системы, а столь распространенный алкоголизмъ—на сильную потребность въ наркотическихъ средствахъ. Вредное вліяніе городовъ выясняется между прочимъ изъ слѣдующихъ данныхъ. Если-бы люди, родившіеся въ Парижѣ, вступали въ бракъ только между собой, и ихъ потомство продолжало бы оставаться въ Парижѣ, населеніе его не только не возрастало бы, а напротивъ быстро уменьшалось. Во второмъ поколѣніи вмѣсто 10,000 человѣкъ насчитывалось бы лишь 5,996, въ третьемъ всего—3,595, въ четвертомъ—2,151 и т. д., при этомъ въ каждомъ слѣдующемъ поколѣніи рождались бы болѣе слабые и менѣе способные къ умственному труду дѣти. Впрочемъ, чтобы уяснить себѣ размѣры вырожденія, вызываемаго городами, слѣдуетъ принять во вниманіе, какому числу людей они даютъ пріютъ. Вычислено, что на города, имѣющіе болѣе ста тысячъ населенія, стало быть и наиболѣе антигигіеническіе, приходится до 50 милліоновъ человѣкъ, т. е. 3,7% населенія всего земного шара. Эта цифра представится еще болѣе значительной, если мы примемъ во вниманіе, что большіе города находятся не во всѣхъ странахъ, а между тѣмъ процентное отношеніе выведено для всего человѣчества. Въ нѣкоторыхъ странахъ городская жизнь чрезвычайно развита. Къ нимъ принадлежатъ страны промышленныя, напр. Англія. Одинъ Лондонъ заключаетъ въ себѣ 14,7% всего населенія страны. Представимъ себѣ населеніе всей Швейцаріи, сосредоточеннымъ на пространствѣ нѣсколькихъ квадратныхъ миль, прибавимъ болѣе милліона человѣкъ, и тогда мы получимъ населеніе Лондона,—этого громаднаго человеческого муравейника! Далѣе, 14,9% англійскаго населенія приходится на города, имѣющіе болѣе ста тысячъ жителей, наконецъ 24%—на города, насчитывающіе болѣе 20,000 жителей. Правда, маленькій городокъ съ двадцатитысячнымъ населеніемъ не оказываетъ слишкомъ пагубнаго вліянія на своихъ жителей, если только это не центръ фабричной промышленности, какъ часто бываетъ въ Англіи. Перейдемъ къ Франціи. Парижъ заклю-

чаетъ 6% всего французскаго населенія, и по численности немного уступаетъ Швейцаріи; 4,6% французскаго народонаселенія приходится на города, насчитывающіе болѣе 100,000 жителей. Въ Соединенныхъ Штатахъ 12% населенія живетъ въ городахъ, имѣющихъ болѣе ста тысячъ жителей. Слѣдовательно, условія, способствующія вырожденію населенія, должны быть очень значительны. Точно такъ-же и подборъ, совершающійся при посредствѣ этихъ городовъ, оказываетъ немаловажное вліяніе на все населеніе. Мы уже говорили, что если-бы населеніе Парижа не пополнялось новыми элементами, то уже въ четвертомъ поколѣніи оно не превышало бы 21% своей прежней численности. Однако мы видимъ, что населеніе его быстро возрастаетъ: въ 1789 г. оно простиралось до 650 тысячъ жителей, въ 1886 г.—до 900, въ настоящее это время—до 2,200 тысячъ. Слѣдовательно, само собою разумѣется, большинство состоитъ изъ пришлыхъ элементовъ: 62,8%—уроженцы провинцій и только 37%—коренные парижане. Населеніе другихъ большихъ городовъ возрастаетъ еще быстрее, пополняясь провинціалами. Словомъ, города—своего рода огромные насосы, всасывающіе провинціальныя элементы и подтверждающіе ихъ самыми неблагоприятными вліяніями. Но какіе же элементы стремятся въ города? Возьмемъ захолустную деревню съ населеніемъ, крайне разнообразнымъ по своему состоянію. Изъ этой деревни отправляются въ большой городъ прежде всего сыновья наиболѣе зажиточныхъ крестьянскихъ семействъ, люди съ безпокойнымъ характеромъ, которымъ не живется въ деревнѣ; отправится туда и человѣкъ неимущій, но предприимчивый, наконецъ и люди безпокойные, жаждущіе новизны. Слѣдовательно, это будутъ наиболѣе энергичные и предприимчивые элементы. Парижъ можетъ служить въ этомъ отношеніи назидательнымъ примѣромъ. Во Франціи всѣ тѣ, которые стремятся къ болѣе широкой дѣятельности или къ видной карьерѣ, направляются въ столицу. Они пріѣзжаютъ сюда безъ гроша и по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ успѣваютъ составить себѣ громкое имя. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только познакомиться съ біографіями Мишле, Тьера, Гамбетты, Додэ и многихъ другихъ. То-же самое мы видимъ и въ другихъ сферахъ жизни. Коммуна нагляднымъ образомъ подтверждаетъ это. Заранѣе можно было сказать, что человѣкъ съ болѣе спокойнымъ темпераментомъ не такъ легко увлечется бурными событіями 1871 г. «Всѣ столицы представляютъ опасность съ политической точки зрѣнія. Вліяніе ихъ на населеніе можно сравнить съ дѣйствіемъ насоса. У Франціи слишкомъ большая голова и поэтому она подвержена припадкамъ безумія. Коммуна была однимъ изъ такихъ припадковъ. Коренной парижанинъ принималъ мало участія въ этихъ звѣрствахъ — безумствовала провинціальная накипь. Всѣ люди

честолюбивые, самолюбивые, завистливые, эгоисты, мнящие, что они созданы управлять міромъ, или впереди, опьяненные нетрезвой столичною жизнью. Парижъ долженъ былъ осуществить ихъ мечты или погибнуть». Этотъ приговоръ одного изъ неутомимыхъ противниковъ Коммуны указываетъ на энергичную натуру припльхъ элементовъ; статистика же заключенныхъ въ тюрьму коммунаровъ вполне подтверждаетъ это мнѣніе. Въ то время, какъ процентъ коренного населенія въ Парижѣ составляетъ 37%, число чистокровныхъ парижанъ среди коммунаровъ составляло всего 24%. Съ этой точки зрѣнія города можно считать не только насосами, втягивающими провинціальное населеніе, но и такими, которые высасываютъ изъ общества энергичные элементы. Поэтому, если такое вліяніе Парижа продолжится еще нѣсколько сотъ лѣтъ, то навѣрное онъ лишитъ Францію энергическихъ элементовъ и такимъ образомъ вызоветъ тѣ же послѣдствія, какія имѣла въ Испаніи инквизиція. Такимъ образомъ, большіе города слѣдуетъ признать патологическими и очень вредными въ антропологическомъ отношеніи общественными учреждениями, по крайней мѣрѣ въ ихъ современномъ видѣ, хотя съ другой стороны и деревня создаетъ въ высшей степени неблагоприятныя для умственной дѣятельности условія. Желательно было бы соединить благоприятныя для умственного развитія условія городовъ съ гигиеническими условіями деревни. «Городъ-деревня»—вотъ идеалъ антропологій.

Подвергнувъ анализу различные подборы, происходящіе среди человечества, мы пришли къ заключенію, что не всегда антропологическій прогрессъ идетъ рука объ руку съ техническимъ. Впрочемъ, мы не имѣли въ виду исчерпать вопросъ, а старались только отмѣтить тѣ условія современной общественной жизни, которыя оказываютъ въ высшей степени неблагоприятное въ антропологическомъ отношеніи вліяніе на человѣчскій организмъ. Капитализмъ какъ будто поставилъ себѣ задачей добиться вырожденія расовой энергіи среди человечества. Нищета, какъ массовое явленіе, и чрезмѣрный трудъ при самыхъ антигигиеническихъ и ненормальныхъ условіяхъ ведутъ къ истощенію, нервному разстройству и къ усиленному потребленію наркотическихъ веществъ; ростъ большихъ городовъ способствуетъ обнищанію общества и лишаетъ его здоровья и энергіи. Мало того, вырожденіе не ограничивается какой-нибудь одной страной, но съ развитіемъ международной торговли оно захватываетъ весь земной шаръ. Африку ожидаетъ самое мрачное будущее, если только колонизаціонные планы европейцевъ осуществляются: процессъ ея обнищанія уже начался. Распространеніе крупной промышленности на Китай, Индію и Японію также являются предвѣстникомъ вырожденія и обнищанія народныхъ массъ. Единственными твердынями, охраняющими здоровье и расовую энергію

являются крестьянскія поселенія, располагающія достаточнымъ количествомъ земли и живущія въ нормальныхъ условіяхъ, съ какими мы встрѣчаемся въ формѣ колоніальнаго фермерства средней руки. Правда, капитализмъ мало-по-малу подготавливаетъ и такія условія, при которыхъ со временемъ возможно будетъ появленіе строя, исключаящаго несоотвѣтствіе между техническимъ и антропологическимъ прогрессомъ, но въ то же время создаетъ могущественную армію собственныхъ могильщиковъ. Подготавливая почву для будущихъ поколѣній, капитализмъ въ то же время вызываетъ вырожденіе среди современнаго общества; поэтому въ моментъ, когда для проведенія необходимыхъ измѣненій и реформъ понадобится вся расовая энергія, ея можетъ не оказаться. Идеалъ гармоническаго и солидарнаго общественнаго строя можетъ не осуществиться, вслѣдствіе человѣческаго вырожденія. Тогда появится централизованный феодально-промышленный строй, въ которомъ народнымъ массамъ будетъ отведена въ нѣсколько измѣненномъ видѣ роль спартанскихъ илотовъ, органически приспособленныхъ, вслѣдствіе своего вырожденія, къ такому положенію вещей.

Въ виду этихъ печальныхъ послѣдствій вырожденія, тѣмъ ярче выступаетъ необходимость въ такого рода предупредительныхъ мѣрахъ, какъ широкое фабричное и санитарное законодательство, на ряду съ обезпеченіемъ со стороны государства высшей нормы заработной платы. Эти мѣры могли бы до нѣкоторой степени пріостановить пагубное вліяніе экономическаго развитія на здоровье населенія. Затѣмъ желательна была бы возможно быстрая націонализація незаселенныхъ территорій въ колоніяхъ, съ цѣлью дать пріютъ лицамъ, не находящимъ себѣ матерьяльнаго обезпеченія въ метрополіи.

Подборъ, вызванный климатическими условіями, создаетъ организмы съ соотвѣтственными эмоціональными чертами. Подъ вліяніемъ этого фактора возникаютъ особенныя, *психическія*, расы—горныя, степныя, полярныя и т. д., отличающіяся нѣкоторыми духовными особенностями. Представители ихъ являются, такъ сказать, органическими патриотами своей климатической среды. Степнякъ, переселенный въ гористую мѣстность, чахнетъ; тоска эскимоса по морозамъ сѣверныхъ странъ доводитъ его до смерти. Эти психическія черты очень многочисленны въ каждой расовой группѣ, рассматриваемой съ физической точки зрѣнія, и сходны взаимно у различныхъ антропологическихъ типовъ, и нерѣдко они служили первымъ признакомъ физическаго различія. Любопытны случаи нѣкоторыхъ заболѣваній, вызываемыхъ тѣмъ, что человѣкъ, обладая физиологическими свойствами, необходимыми въ данной климатической средѣ, переселяется въ другую. Независимо отъ психическихъ особенностей, существуютъ еще и другія,

обусловливаемые родомъ пищи. Эскимосы питаются исключительно мясомъ и жиромъ, индусы и перуанцы—растительной пищею. Конечно, этотъ новый факторъ въ жизни народовъ не можетъ остаться безъ вліянія на ихъ организмъ. Впрочемъ, на извѣстной ступени соціального развитія, когда раздѣленіе труда значительно подвинулось впередъ, организмъ людей дифференцируется, соотвѣтственно съ окружающими его условіями. Возникаютъ какъ бы новыя, «общественныя» расы. При классовомъ строѣ, даже когда онъ въ антропологическомъ отношеніи однообразенъ, съ теченіемъ времени появляются различія, иногда доходящія до полной противоположности физическихъ и эмоціональных особенностей. Достаточно вспомнить маленькую руку, нѣжный цвѣтъ лица, извѣстный тактъ въ обращеніи съ людьми, характеризующія аристократовъ.

Такое же вліяніе оказываютъ различныя профессіи. Это подтверждается примѣромъ передней Индіи, гдѣ кастовый строй сдѣлалъ ремесла наслѣдственными занятіями въ той или другой группѣ. Эмоціональныя черты представителей отдѣльныхъ кастъ соотвѣтствуютъ условіямъ ихъ профессіи. Въ Европѣ это воздѣйствіе на человѣка менѣе разнообразно и сильно, чѣмъ въ Индіи. Фабрично-городская жизнь отражается на организмѣ и постепенно придаетъ человѣку своеобразныя черты, такъ что получается особый типъ горожанина. Многія физическія черты евреевъ являются просто психическими чертами населенія, принужденнаго въ продолженіе цѣлыхъ столѣтій жить въ городѣ и кормиться торговлею. Такимъ образомъ, намъ открывается обширное поле для изслѣдованій (общественная мезологія). Впрочемъ, общественныя условія въ настоящее время быстро измѣняются и не позволяютъ упорчиваться этимъ общественнымъ расамъ въ формѣ опредѣленныхъ типовъ.

Наконецъ, мы должны упомянуть еще объ одномъ антропологическомъ процесѣ. Физической и эмоціональной акклиматизаціи человѣка къ извѣстной климатической средѣ сопутствуютъ особенныя болѣзни и страданія, происходящія вслѣдствіе неприспособленности организма и вызывающія его смерть. (Подобное явленіе мы замѣчаемъ въ дѣлѣ созданія общественныхъ расъ. Профессиональная гигиена собрала множество матеріала по этому вопросу). Мы не будемъ вдаваться въ разборъ этихъ данныхъ и ограничимся лишь указаніемъ возможности подобныхъ изслѣдованій, которыя, надо замѣтить, до сихъ поръ не велись систематически и съ опредѣленною цѣлю.

IV.

Философія исторіи расъ.—Народность и раса.—Современная антропологическая философія исторіи, главныя ея теченія и недостатки.—Трудность анализа вліяній расъ на общественное развитіе.—Антропологическія вліянія въ области фонетическихъ измѣненій.—На чемъ основывается сущность антропологическаго пониманія исторіи?—Антропологія, какъ вспомогательная наука исторіи.—Статистика и антропологія.

Мы уже указывали на связь, существующую между антропологическими факторами, въ томъ числѣ расой, и соціальными условіями. Въ то же время мы выяснили, что развитіе общественныхъ учрежденій (формы правленія, собственности, семьи) находится въ связи и въ зависимости отъ развитія способовъ производства и источниковъ существованія. Что же касается до антропологическихъ факторовъ, то мы пришли къ заключенію, что они играютъ роль то лучшихъ, то худшихъ соціологическихъ «проводниковъ», т. е. задерживаютъ или ускоряютъ проведеніе въ жизнь той или другой общественной формы, вызываемой матеріальными условіями. Между прочимъ, мы выяснили эту зависимость на примѣрѣ введенія огнестрѣльнаго оружія у индѣйцевъ Сѣверной Америки. Раса въ этомъ соціологическомъ процесѣ играетъ ту или другую роль, смотря по своей духовно-эмоціональной природѣ. Конечно, форма носа данной расы и цвѣтъ ея глазъ имѣютъ значеніе и оказываютъ вліяніе на исторію народа настолько, насколько присутствіе ихъ обнаруживаетъ своеобразную эмоціональную натуру данной расы. Есть расовые типы, какъ напр. негритосскіе, почти неспособные къ осѣдлому образу жизни: поэтому имъ трудно образовать болѣе сложный общественный строй, всегда связанный съ осѣдлостью. Идейное и художественное богатство общества, разнообразіе и обиліе историческихъ фактовъ также зависятъ отъ наличности того или другого расоваго типа. Словомъ, антропологическій расовый типъ не является созидющимъ факторомъ общественной морфологіи, но онъ играетъ огромную роль въ динамическомъ процесѣ, въ качествѣ лучшаго или худшаго выразителя теченій, возникающихъ въ обществѣ подъ вліяніемъ матеріальныхъ условій, или въ качествѣ болѣе или менѣе подходящаго исполнителя вызванныхъ тѣмъ же путемъ къ жизни общественныхъ функцій. Въ этомъ только смыслъ (и то еще съ нѣкоторой оговоркой) мы можемъ придавать нѣкоторое значеніе слѣдующимъ словамъ Глиддона и Нотта: «Какъ бы ни казалось это парадоксальнымъ, но многоженство на Востоцѣ, канибализмъ островитянъ Тихаго Океана, различія между цивилизаціями Европы и Азіи, художественными способностями аріица и монгола

идутъ рука объ руку съ остеологическимъ различіемъ людей и служатъ доказательствамъ философскаго значенія остеологій».

Ученые неоднократно старались установить причинную связь между расой и социальными явлениями. Литература по этому вопросу, хотя и довольно обширна, однако такъ разбросана, отрывочна и такъ омѣчена духомъ партійности, что не специалисту трудно ориентироваться въ ней. Большинство изслѣдованій не только не выясняютъ вопросъ, а, напротивъ, скорѣе порождаютъ сомнѣнія относительно возможности построить философію исторіи на антропологическихъ данныхъ или, вѣрнѣе, принимать въ ней во вниманіе расово-антропологическія вліянія. Такъ напр. земельная община сохранилась у нѣкоторыхъ славянъ, но, вмѣсто того, чтобы мотивировать ея существованіе историко-экономическими причинами, ее объясняютъ мистическими причинами, вродѣ «славянскаго духа». Можно привести немало такихъ толкованій историческаго процесса. Настроенный такимъ образомъ историкъ, въ случаѣ какого-ли затрудненія, тотчасъ же ссылается на «народный духъ», «расу» и т. д. Невольно вспоминается намъ слѣдующій остроумный отвѣтъ на вопросъ о дѣйствиіи опія: опій усыпляетъ потому, что онъ обладаетъ усыпляющими свойствами. Такія объясненія внушаютъ сомнѣніе относительно компетентности автора, а иногда за ними скрывается партійность. Казалось бы, что этническая психологія (Völkerpsychologie), имѣющая даже свой спеціальный органъ, должна была бы придти на помощь антропологической философіи исторіи, но и она или запуталась въ мало производительныхъ лингвистическихъ изысканіяхъ, или углубилась въ безплодныя метафизическія соображенія.

Антропологическія изысканія выяснили, что всѣ существующіе общественные союзы, большіе и малые, слѣдовательно, племена, народы (даже семьи), въ расовомъ отношеніи не однородны, но состоятъ обыкновенно изъ нѣсколькихъ расово-антропологическихъ типовъ. Въ виду этого былъ возбужденъ вопросъ объ отношеніи расы къ народности (и вообще ко всякой общественной группѣ). Оказалось, что ихъ взаимное отношеніе болѣе или менѣе напоминаетъ отношеніе химическаго элемента къ минераламъ. Эти послѣдніе разлагаются, вывѣтриваются и т. д.; химическіе же элементы, входящіе въ ихъ составъ, не исчезаютъ, но сохраняются въ какомъ-нибудь другомъ соединеніи. Многіе ученые разрабатывали теорію народности, но труды Кольмана принадлежатъ къ наиболѣе послѣдовательнымъ. «Въ зіяющей пасти временъ псезли уже многіе народы, но расы не исчезаютъ и постоянно всплываютъ съ юношескою бодростію». «Благодаря многократному скрещиванію, расы переплелись между собой въ очень разнообразныхъ формахъ, такъ что признаки различныхъ

расъ встрѣчаются въ одной и той же семьѣ и часто въ одномъ и томъ же человѣкѣ». «Отдѣльные европейскіе народы состоятъ какъ-бы изъ равноцѣнныхъ монетъ, но вычеканенныхъ различными монетными дворами и смѣшанныхъ между собой въ самомъ разнообразномъ количественномъ отношеніи». Самая наружность данного народа зависитъ отъ преобладающаго расоваго элемента, который рѣче всего бросается въ глаза. «Раса, преобладающая въ данной странѣ, придаетъ антропологическій отпечатокъ и характеръ населяющему ее народу». «Народность до извѣстной степени обуславливается культурно-лингвистической общностью, подъ которой скрывается антропологическая разновидность. Языкъ иногда соединяетъ въ одно цѣлое элементы чрезвычайно несходные, какъ, напр., въ Италіи, и разъединяетъ родственные, какъ, напр., жителей средней Франціи и южной Германіи». Эти выводы Кольмана составляютъ своего рода символъ вѣры всѣхъ антропологовъ. Для антропологін народность не что иное, какъ историко-культурное явленіе, основанное на общности языка, культуры и стремленій. Вотъ въ какихъ выраженіяхъ она опредѣляетъ народность: «Раса представляетъ анатомическое единство, народъ же состоитъ изъ анатомическаго многообразія, соединеннаго политическими и лингвистическими узами». (Тень-Кэте). «Идею народности невозможно основывать на расѣ и даже на языкѣ. Для насъ, французовъ, право, созданное революціей, а именно, право человѣка и гражданина, является единственнымъ базисомъ народности. Народность — это общественная категорія — *une raison sociale*. Она основывается на общности интересовъ, на солидарности всѣхъ членовъ общества и на волѣ народныхъ массъ, которая въ концѣ концовъ является единственнымъ источникомъ права». (Говелакъ). «Народность — это политическій союзъ, обусловленный обстоятельствами, географическимъ положеніемъ страны, единствомъ языка и религіи, скрѣпленный обычаями, общею славой и общими страданіями и только отчасти матеріальными интересами. Понятіе о «расѣ» совершенно чуждо идеѣ народности». (Топинаръ). Правда, что понятію о «народности» старались придать антропологическое значеніе, но эти попытки исходили не отъ антропологовъ, а отъ практическихъ общественныхъ дѣятелей, которые, не будучи знакомы съ составными элементами народности, считали ее однородной въ расовомъ отношеніи и противопоставляли одну общественную культурную группу другой, какъ это мы видимъ въ современной борьбѣ «арійцевъ» съ «семитами», «чеховъ» съ «нѣмцами». Если-же кто-нибудь изъ антропологовъ принималъ за основаніе общественной группы расу, то, согласно съ данными науки, его идеаломъ было общество, состоящее исключительно изъ блондиновъ, изъ короткоголовыхъ и т. д., т. е. онъ разлагалъ существую-

ция народности на расовые элементы, послѣдніе соединялъ въ однообразныя въ расовомъ отношеніи государства. Нѣкоторые, какъ Пенка, усматривая въ народности исключительно собраніе антропологическихъ элементовъ, борющихся между собой, и не замѣчая культурной общности ея, отрицали за народностью самое право существованія. «Несмотря на то (т. е. что единство народности не устраняетъ расового антагонизма), мы уже лѣтъ 20 замѣчаемъ въ европейской политикѣ стремленіе основать государства на національномъ принципѣ. Слѣдуетъ, однако, отмѣтить, что толчекъ въ этомъ направленіи исходилъ не отъ людей науки, а практическихъ дѣятелей, приобретающихъ въ національномъ лозунгѣ могущественное средство политической агитаціи».

Впрочемъ, теорію Кольмана необходимо нѣсколько восполнить. Если мы возьмемъ одни и тѣ же расовые типы, составимъ изъ нихъ нѣсколько небольшихъ варварскихъ племенъ и затѣмъ каждое изъ нихъ поселимъ отдѣльно отъ другого, то по прошествіи довольно продолжительнаго времени изъ нихъ возникнутъ однообразные самостоятельные племенные типы. Среди современныхъ народностей такой процессъ невозможенъ: онъ слишкомъ многочисленны и включаютъ въ себя постоянно слишкомъ много новыхъ элементовъ, чтобы изъ этого смѣшенія могъ образоваться въ ближайшемъ будущемъ устойчивый антропологическій типъ. Правда, иногда въ народности можно встрѣтить характерные типы, происшедшіе отъ скрещиванія, но это наслѣдіе отдаленныхъ временъ, когда исторія имѣла дѣло не съ народностями, а со множествомъ мелкихъ племенъ, изъ сложения которыхъ и возникала народность.

Впрочемъ, общественный организмъ не только состоитъ изъ разнородныхъ расово-антропологическихъ типовъ, но и разнообразится въ разныя историческія эпохи. Мы уже говорили, что антропологическій составъ населенія средней Европы подвергается нѣкоторому видоизмѣненію, а именно, что постепенно увеличивается число короткоголовыхъ съ смуглымъ цвѣтомъ волосъ и глазъ. Это явленіе отражается и на національной жизни. Возьмемъ, напр., процентное отношеніе указателей ширины черепа для Германіи въ разныя эпохи.

Указатель ширины черепа.	Баварскіе могилы IV—VII ст.	Среднепалеолитическое бременское кладбище.	Современные фризцы.	Современные старо-баварцы.
ниже 75	50%	39%	17,7%	0,8%
между 75—79,9	40	48	51,5	16,1
» 80—84,9	8	11	29,0	52,3
» 85—89,9	2	—	1,6	27,4
выше 90		—		3,4

т. е. наиболѣе длинноголовыя изъ современныхъ группъ (фризы)

все-таки менѣе длинноголовы, чѣмъ были германскія племена въ Баваріи въ IV и VII ст.; современные же баварцы, въ сравненіи съ своими предками, обладаютъ ясно выраженной короткоголовостью. Эта таблица наглядно выясняетъ, что предки и потомки принадлежатъ къ различнымъ расамъ. Гельдеръ произвелъ въ этомъ отношеніи систематическія наблюденія надъ населеніемъ вюртенбергскаго городка Эслингена; оказалось, что число короткоголовыхъ въ среднихъ и высшихъ общественныхъ слояхъ увеличилось на 30% въ теченіе пяти столѣтій съ XI—XVI ст. Возьмемъ теперь германца эпохи великаго переселенія народовъ съ его своеобразнымъ представленіемъ о физической красотѣ. Это—длинноголовый блондинъ. Съ какимъ чувствомъ онъ взиралъ-бы на свое мнимое потомство, съ которымъ онъ, быть можетъ, связанъ только родственными узами въ качествѣ одного изъ отдаленныхъ предковъ! Въ исторіи сохранились свидѣтельства объ отношеніи блондина къ короткоголовому. «Уже послѣ эпохи Меровинговъ бракъ вождя германской бѣлокурой расы съ женщиной кельтской расы или какой-нибудь другой темноволосой считался, кажется, неравнымъ. Легенда о Бертульфѣ, приводимая многими историками и этнографами, свидѣтельствуетъ о существованіи расоваго различія: мать Бертульфа возмущена, когда ея сынъ обезцвѣтилъ свою благородную германскую расу и загрязнилъ навсегда чистую кровь своего потомства, вступивъ въ бракъ съ дѣвушкой, хотя и красивой, но черноволосой и чернوبرовой. «Вѣдь, такихъ воронъ онъ нашелъ-бы для своей забавы сколько душъ угодно въ собственныхъ помѣстьяхъ!» Этотъ-то презрѣнный темноволосый и короткоголовый типъ мало-по-малу вытѣсняетъ блондина изъ южной и средней Германіи. Современный нѣмецъ, такъ пространно повѣствующій о своемъ отважномъ предкѣ Арминіи и свято хранящій племенные традиции, на самомъ дѣлѣ чуждымъ другой расы. Это наблюденіе надъ измѣненіемъ свѣтлыхъ волосъ нѣмцевъ въ темные послужило поводомъ къ изслѣдованію цвѣта волосъ и глазъ у учащихся. Подобное же явленіе наблюдается и въ другихъ странахъ, изъ чего можно вывести заключеніе, что устойчивая народность — не что иное, какъ предразсудокъ, а не расово-антропологическій фактъ. Иногда это антропологическое измѣненіе чрезвычайно сильно, напр., въ Греціи. Климатическія и топографическія условія не измѣнились со временъ Перикла, языкъ также не подвергся особенно сильному видоизмѣненію и современный грекъ съ гордостью взираетъ на развалины, оставшіяся послѣ его предковъ. На самомъ-же дѣлѣ онъ почти совершенно другой чуждымъ. Изъ слѣдующей таблицы указателей ширины черепа въ классической и современной Греціи видно, что короткоголовость все болѣе увеличивается среди греческаго населенія:

	< 70;	70—74, 9;	75—79, 9;	80—84, 9;	85—89, 9;	> 90
Классическая Греція	5,7%	25,7%	58,5%	10%	—	—
Современная „	1,8%	13,4%	51,2%	33%	16%	4,5%

Как же антропология освещает темные вопросы истории?—спрашивает Тубино в своем социально-антропологическом этюде. Он исследует современную Испанию и не замечает в ней ни малейшего однообразия, хотя различия постепенно сглаживаются в этой стране в течение уже трех столетий. «Возьмем — ли мы искусства, танцы, песни, наречия, преобладающие болезни и законодательные стремления, — все там свидетельствует о целой пропасти, разделяющей разные провинции». По мнению Тубино, только антропология, выясняя разнообразие составных элементов, дает до известной степени ключ к пониманию этих различий и помогает с тем указывать на средства к устранению вытекающих отсюда вредных последствий. «Без помощи антропологических наук невозможно понять ни исторического прошлого, ни бесконечных усложнений в современном недуге испанского народа». Исследования Тубино указывают с одной стороны на усилия ученых нашего времени создать антропологическую философию истории, с другой — на основные ошибки этого научного движения. Ошибка испанского антрополога-философа состоит в том, что он приписывает антропологическим влияниям слишком большое значение и не подмечает культурно-исторических и экономических. При анализе этих влияний следует быть крайне осмотрительным. Наталкиваясь одновременно на какое-нибудь явление и на антропологическую особенность, надо прежде всего исследовать, существует ли между ними причинная или же только случайная связь. Тубино же не задал себе этого вопроса. Напр. в Германии и в Швейцарии некоторые местности отличаются в антропологическом отношении от остальных; и Кольман указывает, что различные политические стремления идут рука об руку с ними. Однако, разве антропологическими свойствами могут обуславливаться те или другие политические воззрения? При ближайшем рассмотрении вопроса оказывается, что с антропологическими различиями совпадают и исторические, результатом которых является различие политических стремлений. Присмотримся ближе к этому явлению. Религиозный фанатизм, встречающийся у смуглой средиземной (?) расы, и относительная вротерпимость блондина, по мнению Пенка, у них в крови, и географическая область верхне и нижне-германских наречий совпадает с распределением длинноголовых блондинов и короткоголовых. Эти явления можно еще объяснить антропологическими факторами, хотя и с некоторой оговоркой; но трудно согласиться с дальнейшими взглядами Пенка, именно, что реформация является расовым свойством блондинов, а като-

лицизм — короткоголовых, хотя мы действительно видим, что эти втросповедания соответствуют в некоторой степени распределению антропологических типов. Мы не станем разбирать причин реформации, так как они принадлежат не к числу расовых, а общественно-экономических, и обратимся к Бельгии. Антрополог Гузз рассматривает парламентские выборы с точки зрения антропологической. В Бельгии мы видим фламандцев, длинноголовых блондинов, и валлонов, смуглых короткоголовых. Каждая группа, по мнению Гузз, составляет как бы собирательную индивидуальность с собственными ей обычаями, стремлениями и привычками, и эти особенности выступают тем резче, чем чище в расовом отношении данная группа. Но длинноголовые являются здесь завзятыми ультрамонтанами, а короткоголовые — свободомыслящими либералами (или социалистами), между тем как в Германии наблюдается обратное явление. Если бы этот антагонизм объяснялся расовыми различиями, то нельзя было бы не обратить внимания на то обстоятельство, что те же расы, переселившиеся из Германии в Бельгию, заняли там диаметрально противоположную позицию! Но предположим, что дело не в том, каких идей придерживается та или другая раса, — а в том, что эти расы всегда вступают в оппозицию друг с другом. Но и это предположение неверно. Благодаря историческим условиям, блондины и короткоголовые в Бельгии составили две совершенно различные в экономическом отношении группы, — обстоятельство, с которым раса ничего не имеет общего. Фламандцы в настоящее время заселяют исключительно земледельческие округа; валлоны — промышленно-фабричные. Таким образом, весь антагонизм, повидимому, имеющий антропологический характер, на самом деле объясняется исключительно культурно-экономическими причинами.

Впрочем, антропологическими факторами старались объяснить характер целых цивилизаций и историческую судьбу отдельных стран. Возьмем напр. доколумбову Америку. Как известно, Мортон уже доказал, что народы древней Мексики и Перу имели чепрепную полость меньших размеров, чем охотничьи племена берегов Миссисипи и Патагонии. Основываясь на этом факте, Филипп следующим образом объяснял различие между этими группами в культурном отношении. Более значительный объем мозга у охотничьих племен был, по его мнению, последствием более развитых стремлений и страстей; рассудительность же у них была сравнительно мало развита и не могла регулировать грубых наклонностей, препятствовавших оседлости и культуре. Между тем меньший объем мозга у перуанцев обуславливался отсутствием грубых антиобщественных склонностей, и ум, хотя более слабый, создал здесь бо-

лѣ развитую культуру: Это—еще одно изъ наиболѣ научныхъ толкованій. Другія скорѣе являются поэтическимъ вымысломъ и чаще всего встрѣчаются при объясненіи исторіи Европы. Мы, понятно, не можемъ входить въ подробности всѣхъ этихъ изслѣдованій. Ради методическихъ цѣлей остановимся только на новѣйшихъ трудахъ, въ которыхъ, обыкновенно, за исходную точку принимаются довольно эфемерные признаки, потому что указывается совершенно голословно на психическое различіе характеровъ длинноголоваго блондина и короткоголоваго центральной Европы. Обширное изслѣдованіе по части антропологической исторіи за послѣднее время предпринялъ Лапужъ. По его мнѣнію, короткоголовый въ среднемъ—существо пассивное, трудолюбивое, бережливое, предусмотрительное и ничего не дѣлающее на-обумъ. Онъ сильно привязанъ къ родинѣ. Онъ обладаетъ выдающимися способностями. Кругозоръ его очень узкій, но зато онъ настойчиво преслѣдуетъ свои цѣли. Будучи недоверчивъ, онъ взвѣшиваетъ каждое свое слово, форма безъ содержанія не прельщаетъ его. Вѣрный традиціямъ, обладая здравымъ смысломъ, онъ къ прогрессу относится недоверчиво, любитъ единообразіе, по религіи онъ—католикъ, въ политикѣ возлагаетъ надежду на государственную власть и стремится ко всеобщему равенству, не рассчитывая на собственные силы. Онъ хорошо понимаетъ свои собственные интересы, интересы семьи и ближайшей среды, а къ остальному относится безразлично. Напротивъ, кругозоръ у длинноголоваго блондина болѣе широкій, потребности его болѣе значительны, онъ трудится непрерывно надъ ихъ удовлетвореніемъ. Легче пріобрѣтаетъ, чѣмъ сберегаетъ, вообще, онъ расточителенъ. Будучи предпринимчивъ, онъ рѣшается на все, вступаетъ въ борьбу изъ любви къ борьбѣ, безъ расчета на прибыль. Вся вселенная—для него отечество. Умъ его представляетъ различныя степени развитія, начиная отъ тупости до гениальности. Его желанія и помыслы смѣлы, и поступки соотвѣтствуютъ имъ. За словомъ онъ въ карманъ не полѣзетъ, а въ случаѣ надобности бываетъ логиченъ. Прогрессъ для него врожденная страсть. По религіи онъ—протестантъ, въ политикѣ требуетъ отъ государства уваженія къ индивидуальной свободѣ и скорѣе старается самъ возвыситься, чѣмъ унижать другихъ; онъ широко понимаетъ свои собственные интересы, интересы своей расы и народности. При совмѣстной жизни блондины представляютъ собою активное начало: они—вожди, а короткоголовые—армія. «Блондины исполняютъ функцію нервовъ и мозга въ общественномъ организмѣ, а короткоголовые и ихъ метисы являются мясомъ и костями».

Во времена феодализма свѣтловолосые длинноголовые составляли дворянство. Художественные памятники Египта, Ассиріи и Халдеи, по мнѣнію Лапужа, доказываютъ, что высокорослый блондинъ высту-

паетъ и здѣсь въ качествѣ героя; типъ Ахиллесовъ и Агамемноновъ сохранился въ самомъ чистомъ своемъ видѣ среди блондиновъ Скандинавіи. Римскіе патриціи имѣютъ то же происхожденіе. Лапужъ подробно развиваетъ свои взгляды на примѣрѣ Франціи. До завоеванія Галліи римлянами, въ ней насчитывалось около 5—6 милліоновъ населенія, короткоголовыхъ и блондиновъ. Чуть-ли не милліонъ погибло въ войнахъ съ Цезаремъ, столько-же продано въ рабство. Мертвыми въ этой борьбѣ пали преимущественно энергичные блондины; поэтому послѣ пораженія Верцингеторикса Галлія становится самой трудолюбивой, но зато и наиболѣе раболѣпной римской провинціей. Искра возстанія вспыхнула лишь на сѣверѣ, гдѣ свѣтловолосые элементы были болѣе многочисленны. Такое положеніе вещей продолжается нѣсколько столѣтій; возрастаетъ богатство, но не слава. Постепенно однако, сначала въ качествѣ союзниковъ, затѣмъ въ качествѣ побѣдителей, длинноголовые проникаютъ въ страну въ V и послѣдующихъ столѣтіяхъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ страна оживаетъ. Нѣсколькихъ сотъ тысячъ новыхъ пришельцевъ было вполне достаточно для того, чтобы раболѣпствующее населеніе въ нѣсколько милліоновъ человѣкъ настроилось на воинственный ладъ. Въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ свѣтловолосые великаны разсѣиваются отсюда по сосѣднимъ странамъ (крестовые походы, экспедиціи и войны феодаловъ). Въ позднѣйшемъ періодѣ эти элементы основываютъ колоніи, принимаютъ участіе въ движеніяхъ реформаціи. Но всѣ эти походы, борьба за идею, движенія крестоносцевъ, инквизиціи, отмѣна нантскаго эдикта уничтожили самые энергичные длинноголовые элементы, и когда они гибли, короткоголовый берегъ свои силы и побѣждалъ при помощи пассивнаго выжиданія. Великая французская революція, во главѣ которой по преимуществу стояли блондины, лишь узаконила антропологическій фактъ—побѣды болѣе многочисленныхъ короткоголовыхъ надъ длинными блондинами. Наконецъ, современное политическое ничтожество Франціи является послѣдствіемъ господства короткоголовыхъ.

О выводахъ Лапужа мы можемъ сказать то же, что уже сказали о выводахъ Тубино и Гузэ (Houzé), и должны еще прибавить, что они основаны на непровѣренномъ фактическомъ матеріалѣ. Это въ полномъ смыслѣ слова—поэтический вымыселъ. Но невозможно не замѣтить также и того, что между всѣми этими выводами и попыткой доказать, что восточно-славянская община создана «расовымъ духомъ», цѣлая пропасть. Въ представленіяхъ Лапужа и другихъ ученыхъ, раса—не созидающій факторъ, но главнымъ образомъ группа со своеобразнымъ эмоціональнымъ характеромъ, занимающая въ данномъ обществѣ то или другое положеніе, смотря по своей организаціи. Въ этомъ смыслѣ антропологическую философію исторіи можно считать

болѣе широкимъ примѣненіемъ теоріи духовно-эмоціональных типовъ. Раса блондиновъ у Лапужа является лишь растворомъ, изъ котораго, такъ сказать, осаждаются многія опредѣленные черты характера. Съ этой точки зрѣнія связь между историческими явленіями и расовыми свойствами представилась бы въ слѣдующемъ видѣ. Предположимъ, что блондины и короткоголовые дѣйствительно имѣютъ указанныя черты характера. Допустимъ, пожалуй, еще, что мы имѣемъ дѣло съ чистыми расовыми группами; въ такомъ случаѣ развитіе этихъ чисто-расовыхъ общественныхъ группъ представлялось бы въ совершенно иномъ видѣ. Длинноголовые будто бы не способны къ систематическому труду и бережливости; поэтому, несмотря на то, что они и склонны къ инициативѣ, но техническое развитіе стояло бы у нихъ на низкой ступени, такъ какъ для новыхъ открытій необходимо извѣстный запасъ орудій и матеріаловъ, который могъ бы послужить исходной точкой для новой идеи и который блондинъ не въ состояніи накопить. Вслѣдствіе этого у нихъ не могли бы возникнуть и болѣе сложныя общественныя установленія и они жили бы исключительно грабежомъ и охотою, вели бы кочующій образъ жизни, наиболѣе свойственный ихъ натурѣ. Численность племени возрастала бы крайне медленно, потому что опасныя походы постоянно поглощали бы приростъ населенія. Совершенно другую картину представляли бы группы чистыхъ короткоголовыхъ. Пассивность этого типа приковала бы человѣка къ постоянному мѣстожительству и побуждала бы его къ осѣдлости; благодаря его систематичности, его богатство возросло бы; расширились бы и техническія знанія, которыя онъ эксплуатировалъ-бы чисто эмпирическимъ путемъ; вмѣстѣ съ тѣмъ увеличилось-бы и народонаселеніе. Кочевничество и пастушество скоро привели бы блондина къ индивидуальной собственности, а короткоголовый хлѣбопашецъ держался бы общинной формы землевладѣнія. Если-бы весь земной шаръ былъ населенъ группами предприимчивыхъ и отважныхъ блондиновъ, то человечество осталось бы навсегда въ состояніи дикаря; если-бы населеніе состояло исключительно изъ трудолюбивыхъ, но рутинныхъ короткоголовыхъ, то получилась бы картина страны съ осѣдлымъ народомъ, безъ идейнаго творчества. Наконецъ, если соединить представителей того и другого эмоціональнаго типа, то предприимчивые элементы найдутъ въ техническихъ запасахъ, собранныхъ рутинною, но трудолюбивою группою, матеріалъ для дальнѣйшей своей дѣятельности и для своихъ изобрѣтеній, которыя короткоголовый съ своей стороны сталъ-бы примѣнять и развивать на практикѣ. Во времена феодализма одни будутъ вождями, другіе арміею; въ промышленную эпоху первые выступаютъ въ качествѣ изобрѣтателей, вторыя въ качествѣ лицъ, воплощающихъ въ жизнь

изобрѣтенія первыхъ, и т. д. Эта гипотеза о двухъ чистокровныхъ расахъ, члены которыхъ надѣлены одинаковыми эмоціональными свойствами, указываетъ на фактическую связь между расой и исторіей. Раса въ данномъ случаѣ выражается особенно духовно-эмоціональною организаціей, благодаря которой она и исполняетъ извѣстную историческую роль. Но такъ какъ въ дѣйствительности раса въ эмоціональномъ отношеніи далеко не однообразна и состоитъ обыкновенно изъ однихъ и тѣхъ же элементовъ, но только въ различномъ ихъ сочетаніи, то въ жизни этотъ вопросъ выступаетъ не такъ рѣзко, какъ въ нашемъ примѣрѣ. Къ этому надо прибавить, что и эмоціональная организація расы подвергается постоянному измѣненію вслѣдствіе подбора. Поэтому, хотя теоретически роль расы ясна и очевидна, но обозначить ее въ каждомъ историческомъ процессѣ — дѣло чрезвычайно трудное и почти невозможное. Такого анализа можно ожидать лишь въ будущемъ, когда въ обществѣ исчезнетъ классовый и экономическій антагонизмъ, и различныя расы будутъ поставлены въ одинаковыя общественныя условія. Тогда простая статистика человѣческихъ дѣйствій въ сопоставленіи съ характеристикой расоваго типа выяснитъ историческую роль расы, въ настоящее время столь неясную. Впрочемъ, можно заранѣе предположить, что та или другая историческая роль не будетъ исключительной принадлежностью какой-нибудь одной расы, будетъ только болѣе свойственна ей, вслѣдствіе преобладанія въ ней тѣхъ или другихъ расово-эмоціональных элементовъ.

Расово-антропологическія вліянія чаще и сильнѣе всего обнаруживаются въ исторіи языка. Какъ извѣстно, звуки въ языкѣ съ теченіемъ времени подвергаются измѣненіямъ. Нѣкоторые изъ нихъ можно объяснить тѣмъ, что они являются результатомъ стремленія къ наименьшему расходованію энергіи. Однако многія другія находятсѣ въ связи съ анатомическимъ строеніемъ голосовыхъ органовъ. Достаточно, чтобы зубы представляли болѣе слабое развитіе, чтобы вибрація небныхъ тканей была не столь сильна, — и тотчасъ послѣдуетъ измѣненіе звука. Если *j* произнести сильно, то этотъ звукъ перейдетъ въ шипящій. Если голосовые органы устроены такъ, что сперва согласная буква смягчается, а затѣмъ она произносится энергично, появляется цѣлый рядъ сложныхъ шипящихъ звуковъ и фонетическихъ измѣненій: *tja* превратится въ *tša*, а *tša* въ *ca* или *ssa*; смягченное *ca* дастъ *csa*; *ssa* дастъ *sza*. Если еще принять во вниманіе, что у дѣтей *k* систематически переходитъ въ *t*, особенно если оно смягчено, тогда первоначальное *k* чрезъ *kj* перейдетъ въ *tj* и затѣмъ обратится въ вышеназванные звуки. Такимъ образомъ изъ первоначальнаго *'katan* получается греческое *ékaton*, нѣмецкое *hundert*, латинское *centum*, санскритское и zendское *sata*, литовское *szimtis* и древне-славянское

sūto (сто). Точно такъ-же изъ смягченного *d* возникаетъ *dj* и затѣмъ *dz*, равно какъ твердое и мягкое: *z*. Литовское *gelt-as* = желтый. Если-же губы, вслѣдствіе своей формы, не могутъ ясно произнести придыханіе надъ *p*, то вмѣсто *f* получимъ *p*, вмѣсто *Vater* получимъ *pater*, вмѣсто *Vieh* = *pecus*.

Зачатки рѣчи возникли вѣроятно среди однообразныхъ въ расовомъ отношеніи группъ. Сначала появлялись звуки, наиболѣе соотвѣтствующіе ихъ голосовымъ органамъ. Группа, возрастающая численно, распадалась на нѣсколько племенъ, изъ которыхъ каждое начинало жить своею самостоятельною историческою жизнью и постепенно допускало въ свою среду пришлые элементы, отличавшіеся извѣстными особенностями въ строеніи нѣба. Благодаря этому въ первоначальной рѣчи возникала дифференціація звуковъ, хотя строеніе языка оставалось болѣе или менѣе то же. Возьмемъ для примѣра нѣсколько словъ изъ урало-финскихъ языковъ.

языкъ	куровъ: <i>kég</i> —кукушка;	яз. ливовъ: <i>kiegg, tiegg</i> ;	яз. вотяковъ: <i>cäko</i>
"	<i>käiz, kesz</i> —рука;	" <i>kies, ties</i> ;	" <i>cäsi</i>
"	<i>kütma</i> —холодно;	" <i>tülm</i> ;	" <i>cülma</i>
"	<i>kün</i> —десять;	" <i>tün</i> ;	" <i>cümme</i>

или:

яз. мадьяр.: <i>hoj</i> —жирный;	яз. вотяковъ: <i>kvaŋa</i> ;	яз. фин. <i>kun</i> ;	яз. мордвы <i>kiŋa</i>
" <i>het</i> —шесть;	" <i>kuaŋ</i> ;	" <i>kunsi</i>	
" <i>haz</i> —хижина;	" <i>kua</i> ;	" <i>kola</i>	

Эти примѣры указываютъ на измѣненія одного и того же звука въ языкахъ, принадлежащихъ къ одному семейству. Смягченное *k* куровъ переходитъ въ смягченное *t* ливовъ и въ *sz* вотяковъ. Эти звуковыя измѣненія объясняются преобладаніемъ того или другого расоваго элемента въ группѣ. Впрочемъ, можно эмпирическимъ путемъ доказать, какъ расовыя вліянія отражаются на звукахъ. Если китайцу приходится произносить букву *b*, то онъ превращаетъ ее въ *p* или *f*. *Benares* превратится въ *Polanai*, *Budda* въ *Fo*. Еще рельефнѣе выясняется это на языкѣ маорійцевъ, у которыхъ согласныя весьма немногочисленны и несложны. Составныя согласныя европейскихъ языковъ превратятся въ самостоятельныя согласныя, раздѣленныя гласными, причемъ наши звуки будутъ переходить въ другіе: *s* и *sz* превратятся въ *h*; *f* въ *p*; *d* въ *t*; *c* въ *t*. Слово: *Stefan* превратится у нихъ въ *Hilewana*; *Franz Joseph* въ *Paraniti Iohepa* и т. д. Предположимъ, что маорійцы усваиваютъ себѣ какой-нибудь арійскій языкъ, затѣмъ прекращаютъ всякія сношенія съ чужеземцами, отъ которыхъ они его заимствовали; и при этомъ не знаютъ его письменно: естественно, что они измѣнили бы арійскій языкъ и приспособили бы его къ своимъ органамъ рѣчи. Арійское же про-

исхожденіе этого новаго языка должно оказаться въ его строеніи и въ общности корней, на которую будетъ указывать соотвѣтствіе звуковъ. Слово: *Tavana* соотвѣтствовало бы англійскому *governor*, какъ латинское слово *pater*—нѣмецкому *vater*, или славянское слово *зима*—латинскому *hiems*.

При помощи такого анализа звуковъ наука выясняетъ не только многія ихъ измѣненія, но и самое происхожденіе языковъ. На основаніи этихъ измѣненій и географическаго распредѣленія извѣстныхъ звуковъ, вѣрнѣе, звуковыхъ переходовъ, можно изслѣдовать исторію расовой колонизаціи. Для примѣра возьмемъ хотя бы Польшу. Польскій языкъ отличается отъ великорусскаго особенно сильнымъ смягченіемъ звуковъ, такъ что слова: *рѣка* переходить въ *rzeŋa* (ржека), дѣло—въ *dzielo* (дзѣло) и т. д. Можно допустить, что эти измѣненія въ западно-славянскихъ языкахъ обуславливаются присутствіемъ извѣстнаго антропологическаго типа. Но какъ его найти? Обратимъ вниманіе на тотъ фактъ что нѣкоторые польскія племена еще болѣе смягчаютъ согласныя, такъ что, вмѣсто *něsz* говорятъ *něśsz*, вмѣсто *Давидъ*—*Дазидъ*. Быть можетъ, это происходитъ вслѣдствіе того, что несомнѣнный антропологическій типъ встрѣчается здѣсь въ большемъ числѣ, чѣмъ въ другомъ мѣстѣ. Такимъ образомъ, руководствуясь лингвистическими указаніями, мы могли бы, при помощи соотвѣтственной антропологической статистики, открыть вышеозначенный антропологическій типъ, который, такъ сказать, растворился въ славянскихъ группахъ и наложилъ свой отпечатокъ на западно-славянскіе языки. Возьмемъ еще другой примѣръ. Есть страны, особенно благоприятныя для подобныхъ изслѣдованій. Италія напр. населена двумя совершенно различными типами, изъ которыхъ каждый занимаетъ свой районъ, а именно: короткоголовые—Ломбардію и длинноголовые представители средиземной расы — югъ. Нельзя-ли основать изслѣдованія надъ итальянскими нарѣчіями на соотвѣтственной антропологической почвѣ? Возьмемъ еще Грецію. Намъ извѣстны греческія нарѣчія за двадцать слишкомъ столѣтій и мы хорошо знаемъ, что распредѣленіе ихъ осталось и въ наше время отчасти то-же. Основываясь на антропологическихъ данныхъ, мы можемъ надѣяться когда-нибудь узнать расовыя типы какъ древнихъ, такъ и современныхъ грековъ и затѣмъ опредѣлить, какіе изъ нихъ сохранились со временъ древней Эллады. Такимъ образомъ, мы имѣемъ возможность изслѣдовать звуковыя измѣненія, обуславливаемыя перемѣнами, происшедшими въ антропологическомъ составѣ населенія.

Впрочемъ, мы вовсе не хотимъ этимъ сказать, что всѣ фонетическія измѣненія или всякая дифференціація языковъ коренятся въ указанныхъ причинахъ. Мы старались выяснитъ только одинъ изъ

факторовъ образованія нарѣчій отъ первоначальнаго языка, и изъ сказаннаго еще не слѣдуетъ, чтобы одинъ расовый типъ не могъ говорить на языкѣ другомъ. Однако, это возможно лишь въ томъ случаѣ, если голосовые органы съ самаго дѣтства будутъ соответственнымъ образомъ упражняться. Европейскій ребенокъ усваивалъ даже готентотскіе звуки съ ихъ прищелкиваньемъ. Но эта способность въ точности усваивать себѣ чуждые звуки утрачивается, когда организмъ лишается своей гибкости, т. е., въ зрѣломъ возрастѣ.

Итакъ, изслѣдованія, направленные къ выясненію историческихъ процессовъ или фонетическихъ измѣненій, хотя бы родѣ тѣхъ, которые были предприняты Тубино и Гузэ, живо напоминаютъ намъ химическія явленія! Чистый водородъ и кислородъ обладаютъ совершенно иными свойствами, чѣмъ тѣла, возникшія изъ ихъ соединенія, какъ напр. вода. Физическія свойства тѣла, возникшаго изъ соединенія извѣстныхъ химическихъ элементовъ, измѣняются въ зависимости отъ взаимнаго количественнаго отношенія этихъ послѣднихъ. Расовые элементы въ исторіи то же, что химическіе элементы въ природѣ. Пенка высказалъ эту мысль и руководствовался ею въ своихъ изслѣдованіяхъ. «Расы въ этнологіи имѣютъ такое же значеніе, какъ элементы въ химіи. Задача химіи состоитъ въ томъ, чтобы опредѣлить свойства различныхъ элементовъ и ихъ взаимное сродство. Точно такъ же антропология изучаетъ физическія и духовныя свойства различныхъ расъ и старается установить строй, вызываемый ихъ физическими, лингвистическими или общественно-политическими особенностями, когда двѣ или больше расъ живутъ сообща». «Всѣ химическія тѣла въ извѣстныхъ случаяхъ разлагаются. Это происходитъ, когда мы подвергаемъ тѣло сильному нагрѣванію, устраняемъ изъ него какой-нибудь элементъ. Исторія же выясняетъ, что этническія тѣла, представляющія соединеніе различныхъ элементовъ, подвергаются подобному же разложенію, и этотъ процессъ, обусловленный выдѣленіемъ какого-нибудь расоваго элемента изъ народнаго организма, выражается измѣненіями общественно-политическихъ формъ». Пенка признаетъ, хотя и ошибочно, такія явленія, какъ: паденіе феодальныхъ учреждений во Франціи, въ Германіи и въ Австріи, утрату политической независимости Южною Германіей, испроверженіе германскаго могущества въ Италіи и Венгріи—послѣдствіемъ этого рода причинъ. «Только антропология въ состояніи выяснитъ подобные процессы въ общественно политической жизни. Они коренятся въ уменьшеніи арійско-германскаго элемента (т. е. представителей типа чистаго блондина) среди соответственныхъ народовъ. Но такъ, какъ это уменьшеніе не влечетъ за собой соответственныхъ измѣненій въ этническо-лингвистической области, то значеніе его долго не обращало на се-

бя вниманія. По мѣрѣ того, какъ арійскіе элементы данной народности уменьшаются, положеніе побѣдителя среди побѣжденнаго и угнетеннаго населенія ухудшается и привилегированное сословіе принуждено отречься отъ своихъ правъ».

Такимъ образомъ Пенка полагаетъ, что на основаніи антропологіи ему удастся построить истинную исторію, которая будетъ включена въ естественныя науки. Это была бы «общественная химія». Впрочемъ, мысль эта не новая. Всѣ труды антропологовъ основываются на подобномъ взглядѣ. Гобино или Крауфордъ, утверждая, что упадокъ древнихъ цивилизацій есть результатъ медленнаго растворенія извѣстныхъ расовыхъ элементовъ въ другихъ, поглощаемыхъ путемъ скрещиваній и усыновленій, высказываютъ въ сущности ту же мысль. Пенка только сознательнѣе и систематичнѣе отнесся къ дѣлу. Однако, подобная общественная химія грѣшитъ тѣмъ, что видитъ въ исторіи лишь расы и приписываетъ имъ созидательныя вліянія въ общественной эволюціи. Сравнивая расы съ химическими элементами, она отрываетъ ихъ отъ реальныхъ условий, въ которыхъ онѣ живутъ и создаютъ свою исторію. Именно, раса, историческими условіями, при которыхъ она вошла въ общество, положеніемъ, какое она здѣсь заняла, и, наконецъ, своею эмоціональною организаціею, играетъ ту или другую историческую роль. «Случай» является главнымъ факторомъ этой роли событій, а между тѣмъ антропологи сиѣшутъ объяснить еѣ исключительно свойствами тѣхъ или другихъ расъ, а измѣненія въ общественномъ строѣ, подъ вліяніемъ развитія матеріальныхъ условий, они мотивируютъ выдѣленіемъ изъ даннаго народа нѣкоторыхъ антропологическихъ элементовъ, т. е. явленіемъ, сопутствующимъ этимъ измѣненіямъ, но не вызывающимъ ихъ. Съ другой стороны, въ области лингвистической эволюціи и иногда историческаго авантюризма раса дѣйствительно можетъ оказывать сильное вліяніе.

Всѣ подобныя изслѣдованія заслуживаютъ вниманія лишь съ точки зрѣнія методологіи предмета, такъ какъ они не выясняютъ дѣйствительныхъ пружинъ историческаго процесса. Они указываютъ прежде всего на то, что могла бы дать антропологическая философія исторіи, если бы можно было выдѣлить расовые факторы изъ совокупности всѣхъ другихъ. Однако, независимо отъ этого, антропология можетъ оказать другія немаловажныя услуги историческимъ изслѣдованіямъ. Уже въ извѣстномъ открытомъ письмѣ Эдуардса къ Тьерри (1829 г.) содержится почти все, что можно сказать по этому поводу. Какъ на попытку такого примѣненія антропологіи къ выясненію нѣкоторыхъ историческихъ вопросовъ, можно указать на изслѣдованія Брока о населеніи Галліи и о германскихъ набѣгахъ. Это уже

прямо историческія изслѣдованія. Тутъ уже рѣчь идетъ не о томъ, что данная раса внесла принципиальнаго въ общественный строй, а о томъ, какія историческія событія она вызвала. Наконецъ, антропология является важной вспомогательной наукой исторіи. Не вдаваясь въ перечисленіе всего, что сдѣлано въ этомъ направленіи, остановимся только на одномъ вопросѣ, касающемся польской исторіи. Представляетъ ли польская шляхта тѣ же антропологическіе типы, какъ и простой народъ? Отвѣтъ могли бы дать измѣренія, произведенныя въ значительномъ числѣ надъ представителями того и другого класса, причемъ слѣдовало бы брать въ дворянскомъ сословіи тѣ группы, которыя менѣе всего скрещивались съ чужеземцами. Отмѣтимъ, что шляхетскіе элементы, благодаря незаконнымъ сожителствамъ, часто входили въ составъ простого народа, между тѣмъ какъ обратное явленіе встрѣчалось очень рѣдко. Поэтому, если бы оказалось, что народъ богатъ извѣстными типами, которые часто встрѣчаются и въ дворянскомъ сословіи, то на самомъ дѣлѣ различіе между ними было бы существеннѣе. Затѣмъ, можно было бы изслѣдовать дворянскіе типы за нѣсколько столѣтій на основаніи біографій, памятниковъ и формъ черепа (дворянскія гробницы въ храмахъ). Все это дало бы возможность воспроизвести дворянскіе типы за болѣе продолжительный періодъ. Обыкновенныя кладбища, на которыхъ хоронятъ крестьянъ и мѣщанъ, позволили бы совершить подобный же трудъ и относительно народа. Такимъ образомъ можно дойти до курганной эпохи. Окончательные результаты этихъ изслѣдованій дали бы намъ динамическую статистику типовъ шляхты и народа. Изучивъ распредѣленіе тѣхъ же типовъ въ другихъ странахъ, мы получили бы весьма цѣнныя указанія относительно происхожденія различныхъ общественныхъ слоевъ Польши. Такъ напр., мнѣ лично не разъ приходилось замѣчать среди шляхты своеобразный типъ, о которомъ выражаются, что это—«настоящій сарматъ» или «истый полякъ», а между тѣмъ, въ немъ до мелочей воскресаютъ черты иранскихъ горцевъ (курдовъ). Но этого мало. Мы знаемъ, что звуки западно-славянскихъ нарѣчій, напр. dz, gz и т. д., возникли вслѣдствіе сильнаго іотирования согласныхъ d, g и т. д. Быть можетъ, это іотированіе не что иное, какъ результатъ растворенія особеннаго расоваго типа среди славянскихъ народностей. Нельзя ли, однако, найти этотъ типъ при помощи антропологическихъ изслѣдованій надъ нарѣчьями, въ которыхъ это свойство встрѣчается раньше, чѣмъ въ другихъ? Процентное отношеніе этого типа въ различныхъ слояхъ польскаго общества выяснитъ отношеніе cadaго изъ нихъ къ отдаленнымъ предкамъ и тѣмъ самымъ броситъ извѣстный свѣтъ на зачатки польской шляхты.

Кромѣ того, мы должны отмѣтить, что необходимо обращать, при

нѣкоторыхъ статистическихъ изслѣдованій, вниманіе на расовые факторы, именно когда эти изслѣдованія распространяются на чисто фізіологическія явленія, напр., смертность, ростъ и т. д. Поэтому много «среднихъ» цифръ, принятыхъ статистикой, должно считать просто научными фикціями. Игнорированіе расовыхъ вліяній можетъ привести къ ложнымъ выводамъ. Превосходный примѣръ въ этомъ отношеніи представляетъ Франція. Средній ростъ рекрутовъ и число малорослыхъ, непригодныхъ къ военной службѣ, различно въ каждомъ департаментѣ. Это явленіе приписывали военному подбору, произведенному наполеоновскими войнами, но лишь Брока выяснилъ, что распредѣленіе роста находится въ зависимости отъ распредѣленія расъ. Въ Польшѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ былъ поднятъ подобный же вопросъ. Основываясь на фактѣ, что однимъ изъ первыхъ признаковъ физическаго вырожденія является уменьшеніе роста населенія, незначительный ростъ рекрутовъ, взятыхъ изъ нѣкоторыхъ польскихъ губерній, приписывали плохому питанію и плохимъ матеріальнымъ условіямъ жизни. Естественно, что этотъ факторъ могъ оказать свое дѣйствіе, но, по всей вѣроятности, тутъ скрывались и расовыя вліянія.

V.

Взгляды на антропологическій прогрессъ въ будущемъ и средства ускоренія его хода. — Основанія зоотехники и значеніе супружескаго подбора. — Антропологическая педагогика и ея превосходство надъ обыкновенной педагогикой. — Когда антропотехника будетъ возможна? — Современные антропологическіе опыты и ихъ характеръ. — «Аристократія духа». — Будущность человѣческаго рода.

Делоней доказываетъ, что антропологическое развитіе постепенно ведетъ къ нарушенію симметріи человѣческаго организма, именно—что правая сторона тѣла и лѣвая сторона черепа развиваются въ ущербъ противоположнымъ частямъ. Съ этимъ взглядомъ на будущаго человѣка, хотя онъ не особенно пріятенъ для нашего поколѣнія, пожалуй, можно еще примириться, однако подъ условіемъ, что это не отразится на физическомъ и умственномъ развитіи будущаго человѣка. Впрочемъ, будущій человѣкъ едва-ли опечалится этимъ; напротивъ, судя по тому, какъ вырабатывались до сихъ поръ понятія о расовой красотѣ, онъ будетъ гордиться своимъ «органическимъ превосходствомъ»... Подобныхъ предсказаній можно насчитать немало. Само собой разумѣется, что вышшими качествами не исчерпывается прогрессъ человѣчества. Какой носъ или какое тѣлосложеніе будутъ у отдаленнаго нашего потомка, въ сущности, для насъ безразлично, лишь бы человѣкъ былъ

физически здоровъ и умственно развитъ. Антропологическій прогрессъ измѣряется, главнымъ образомъ, развитіемъ психическихъ способностей и нравственныхъ качествъ. Мозговой аппаратъ человѣка играетъ ту же роль, какъ отростки у амебы: это—своего рода орудіе самосохраненія въ борьбѣ съ природою. Какъ развитіе амебы, этого одноклѣтчатого существа, выражается способностью ея выдвигать отростки, такъ прогрессъ человѣка измѣряется развитіемъ мозгового аппарата. Конечно, о совершенствѣ мозгового аппарата можно судить лишь съ субъективной точки зрѣнія, то-есть—на сколько широкіе горизонты можетъ охватить умъ человѣка. Итакъ, возможенъ-ли непрерывный умственный прогрессъ, и до какихъ предѣловъ онъ можетъ дойти? Это—область не столько точнаго знанія, сколько произвольныхъ гипотезъ. Юристы, поглощенные сухой и ремесленной законодательной рецептурой, и историки съ своимъ калейдоскопомъ именъ и лицъ видятъ въ исторіи человѣчества лишь безконечное толченіе на одномъ мѣстѣ. «Въ конечномъ результатѣ исторіи человѣчества мы не видимъ ни прогресса, ни упадка. Это всегда одинъ и тотъ же естественный процессъ, который совершается въ различные времена и въ разныхъ странахъ въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, но сущность котораго остается та же... Человѣческій мозгъ никогда не перестукаетъ извѣстныхъ предѣловъ своего развитія и всегда остается тѣмъ же человѣческимъ мозгомъ, неспособнымъ уклоняться отъ врожденныхъ ему свойствъ. Что же касается того, что въ настоящее время у нѣкоторыхъ людей констатируется необычайное развитіе мозга, то надо замѣтить, что во всѣ времена и вездѣ встрѣчались единичныя личности съ такимъ развитымъ мозгомъ». Этотъ взглядъ, высказанный Гумпловичемъ, доказываетъ, что въ его глазахъ неизмѣняемость человѣческаго мозга—фактъ, не подлежащій сомнѣнію. Удивительно, что такое мнѣніе не встрѣчается или, вѣрнѣе, встрѣчается очень рѣдко въ антропологии,—науки, которая имѣетъ возможность произнести болѣе правильное сужденіе въ данномъ вопросѣ, чѣмъ исторія и юриспруденція.

Впрочемъ, коснувшись вопроса, насколько человѣческій организмъ способенъ къ усовершенствованію, мы перейдемъ къ болѣе опредѣленному и болѣе плодотворному вопросу. Въ каждомъ обществѣ есть люди съ различными способностями: значительными и ничтожными. Можно-ли достигнуть того, чтобы всѣ члены общества обладали наиболѣе развитыми способностями? Какими средствами можно достигнуть этого? Нѣкоторые полагаютъ, что достаточно только измѣнить социальныя условія въ томъ смыслѣ, чтобы образованіе и знаніе сдѣлались общимъ достояніемъ. Однако, люди, высказывающіе такое наивное мнѣніе, смѣшиваютъ двѣ совершенно различныя вещи: неравенство образованія, вызываемое общественнымъ строемъ, и неравенство спо-

собностей, обуславливаемое антропологическими причинами. Въ связи съ этимъ высказывается и другой взглядъ, именно—что просвѣщеніе подниметъ уровень способностей. Естественно, что при этомъ никто не имѣетъ въ виду современнаго образованія, такъ какъ если бы оно даже и содѣйствовало развитію способностей, то это вліяніе было бы крайне незначительно. Современное образованіе часто является причиной вырожденія будущихъ поколѣній, потому что, упражняя умственные способности и одновременно разрушая организмъ человѣка, оно тѣмъ самымъ уже обрекаетъ на гибель нашихъ правнуковъ. Люди, возлагающіе надежду на всеобщее просвѣщеніе, мечтаютъ скорѣе о такой воспитательной системѣ, которая, съ одной стороны, принимала бы во вниманіе всѣ потребности организма, съ другой—способствуя развитію въ человѣкѣ болѣе правильныхъ понятій о его мѣстѣ въ обществѣ и природѣ, подвергала бы его умъ соотвѣтственной гимнастикѣ. Но тутъ возникаетъ вопросъ, въ какой степени результаты такой гимнастики передаются дальнѣйшимъ поколѣніямъ? Отвѣтитъ на этотъ вопросъ дѣло не легкое, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые ученые (Вейсманъ и др.) подвергаютъ сомнѣнію, чтобы потомство могло наследовать черты, лично пріобрѣтенныя предками. Словомъ, все, что до сихъ поръ предлагалось для поднятія человѣческихъ способностей до высшаго уровня, было довольно неопредѣленно или несостоятельно съ антропологической точки зрѣнія. Однако, дѣло еще не проиграно. Человѣкъ подверженъ тѣмъ же законамъ органическаго развитія, какъ и животное, а между тѣмъ мы видимъ, что, благодаря извѣстнымъ мѣрамъ, достигается измѣненіе и усовершенствованіе породъ домашнихъ животныхъ. Намъ извѣстно, какъ могущественна въ этомъ отношеніи зоотехника. Она даетъ возможность видоизмѣнять породу скота. Это—волшебный жезлъ, которымъ по желанію можно вызывать къ жизни любой типъ животнаго. Напр., для нѣкоторыхъ скотоводовъ обыкновенныя овцы весьма неудобны, такъ какъ онѣ перепрыгиваютъ черезъ ограду, отдѣляющую одну ферму отъ другой. Поэтому они создали новую расу коротконогихъ овецъ, анконовъ. Затѣмъ возникла мысль создать новую породу собакъ, которая обладала бы сильно развитымъ обоняніемъ, неустрашимостью и выносливостью. Для этой цѣли скрещивали бульдога съ гончей собакой и, наконецъ, получился желаемый типъ. Точно такъ же можно создавать новые виды растений, напр. свеклы, содержащей въ себѣ вдвое больше сахаристыхъ веществъ, чѣмъ обыкновенная, и т. д. Въ виду этого является вопросъ: не найдемъ-ли мы въ правилахъ зоотехники указаній относительно усовершенствованія человѣческаго рода, и не удастся-ли, руководствуясь ими, создать столь же цѣлесообразную и могущественную антропотехнику? Не послужитъ-ли подборъ скота указаніемъ на

средства совершенствованія человеческого рода? Въ виду сходства человеческой природы и животной, позволительно отвѣтить на этотъ вопросъ утвердительно.

Присмотримся къ приемамъ зоотехниковъ. Въ Саксоніи, гдѣ овцеводство достигло высокаго уровня развитія, зоотехники кладутъ каждаго ягненка на столъ и его шерсть подвергаютъ тщательному осмотру. Затѣмъ избираются наиболѣе пригодные экземпляры, т. е. такіе, у которыхъ требуемые признаки выступаютъ рѣзче всего. Осмотръ повторяется передъ первой стрижкой овецъ. Экземпляры, удовлетворяющіе всѣмъ требованіямъ, отдѣляются и скрещиваются между собою. Съ ихъ приплодомъ поступаютъ такъ же: отдѣляютъ самые лучшіе экземпляры и ихъ скрещиваютъ исключительно между собою. Черезъ нѣсколько поколѣній получается порода овецъ съ улучшенною шерстью. Такимъ же образомъ получилась и порода анконовъ: въ данномъ случаѣ избирали коротконогіе экземпляры и скрещивали ихъ между собой. Словомъ, приемы скотовода сводятся къ тому, чтобы избирать изъ стада наиболѣе подходящіе экземпляры и скрещивать ихъ между собою. Все основано тутъ на цѣлесообразномъ половомъ подборѣ, а наследственность является тѣмъ факторомъ, который создаетъ новую породу. Не подлежитъ сомнѣнію, что такой же подборъ могъ бы до извѣстной степени повліять на видоизмѣненіе человеческого рода. Если бы такому подбору подвергли извѣстную семью Ламбертовъ, имѣвшую роговые отростки на кожѣ, то со временемъ могла бы получиться такая же человеческая раса: существуетъ же въ Аравіи шестипалая династія! Благодаря систематическому скрещиванію негра съ бѣлымъ, можно было бы создать новую человеческую расу, въ которой соединились бы психическія свойства европейца съ выносливостью и невосприимчивостью негра къ климату и болѣзнямъ жаркихъ странъ.

Впрочемъ, такой подборъ уже совершался среди человечества, хотя онъ обыкновенно былъ далеко не гуманенъ. Если вѣрнѣе нѣкоторымъ даннымъ, то въ Австраліи не всѣ члены общинъ могли имѣть потомство, но лишь нѣкоторые, по всей вѣроятности наиболѣе сильные, храбрые. Такъ какъ значеніе наследственности уже было понято, то, напр., у глухихъ женщинъ вырѣзывали яичники, чтобы онѣ не упрочивали наследственнымъ путемъ своего органическаго недостатка, и онѣ включались въ число общихъ женъ для молодежи. Мужчины же слабые или имѣвшіе физическій недостатокъ подвергались извѣстной операціи, лишавшей ихъ способности дѣтороженія, хотя они и вступали въ бракъ и не уклонялись отъ исполненія супружескихъ обязанностей. Въ сущности извѣстный систематическій подборъ встрѣчается въ каждомъ обществѣ, стоящемъ на низкой ступени развитія.

Этотъ подборъ можно прослѣдить на классической Спартѣ, которая вообще сохранила много слѣдовъ первобытнаго архаизма. Какъ извѣстно, въ Спартѣ лишали жизни всѣхъ физически слабыхъ или уродливыхъ младенцевъ; общественное мнѣніе относилось крайне свисходительно къ незаконнымъ связямъ сильныхъ мужчинъ съ женщинами, у которыхъ мужья не отличались физической силой; мало того, оно обязывало слабого мужа облегчать подобныя связи и осмѣивало ревность съ его стороны. Итакъ, тутъ происходилъ систематическій подборъ, направленный къ передачѣ силы и храбрости. Однако, что высоко цѣнится у австралійскихъ дикарей или гражданъ воинственной Спарты, то для современной цивилизаціи не представляетъ уже такого значенія. Признавая важность физическаго развитія и мускульной силы, мы въ настоящее время видимъ въ этомъ не конечную цѣль, но лишь одно изъ условий для умственного развитія. Задачею современной антропотехники является прежде всего развитіе мозга. Люди съ болѣе совершеннымъ мыслительнымъ аппаратомъ лишь въ исключительныхъ случаяхъ передаютъ потомку мозгъ низшаго строенія; точно такъ же потомство мало способныхъ родителей лишь въ исключительныхъ случаяхъ будетъ даровитымъ. Таковы законы развитія, установленные современною біологіею. Личность болѣе или менѣе способная является въ своемъ родѣ обладательницей своеобразнаго мозгового капитала. Связь ея съ мало способнымъ субъектомъ будетъ напрасной тратой этого капитала. Если-бы наиболѣе способныхъ мужчинъ соединить съ мало способными женщинами, то получилось бы потомство нѣсколько болѣе способное, чѣмъ онѣ, но при этомъ былъ бы напрасно потраченъ мозговой капиталъ отцовъ. Цѣлесообразнѣе было бы придерживатся обратной системы, а именно, не соединять малоспособныхъ личностей съ способными и вообще не допускать, чтобы первая оставляли потомство; съ другой стороны, стремиться къ обезпеченію потомства способныхъ людей. Если-бы человечество могло осуществить такой подборъ путемъ скрещиванія наиболѣе способныхъ и ограниченія половой производительности малоспособныхъ, то оно располагало бы могущественнымъ средствомъ антропологическаго прогресса, болѣе дѣйствительнымъ, чѣмъ просвѣщеніе народныхъ массъ, имѣющее, впрочемъ, огромное значеніе, но не съ антропологической, а съ культурной точки зрѣнія. Зоотехника, руководствуясь такого рода правилами, достигла до созданія чистокровныхъ породъ. Усовершенствованныя породы овецъ и собакъ появляются уже въ шестомъ или седьмомъ поколѣніи. Умственный подборъ среди человеческого рода несомнѣнно далъ бы такіе же результаты. Въ виду важнаго значенія наследственности, первая и главнѣйшая задача антропотехники должна состоять въ выясненіи законовъ на-

слѣдственной передачи физическихъ, умственныхъ и нравственныхъ свойствъ при скрещиваніи двухъ одинаковыхъ расово-антропологическихъ типовъ, а также и двухъ различныхъ типовъ. Различіе между послѣдствіями систематическаго подбора и результатами, достигаемыми другими средствами, наглядно выясняетъ Уоллэсъ на примѣрѣ лошадей.

«Предположимъ, говорить онъ, что двое людей желаютъ изъ табуна степныхъ лошадей вырастить и ломовыхъ лошадей, и рысистыхъ, причемъ одинъ изъ нихъ рассчитываетъ достигнуть этого путемъ подбора, а другой—при помощи соотвѣтственнаго корма и надзора. Первый раздѣляетъ табунъ на двѣ группы и включаетъ въ одну изъ нихъ сильныхъ, но съ болѣе медленнымъ ходомъ, а въ другую—слабыхъ, но легкихъ на ходу. Затѣмъ онъ скрещиваетъ только лошадей одной и той же группы и каждое новое поколѣніе подвергаетъ соотвѣтственному подбору. Не подлежитъ сомнѣнію, что по прошествіи 30—40 лѣтъ получатся такимъ образомъ двѣ различныя породы лошадей, изъ которыхъ каждая будетъ соотвѣтствовать своему назначенію, несмотря на то, что всѣ лошади получали одинаковый кормъ и находились въ одинаковыхъ условіяхъ. Подборъ явился тѣмъ магическимъ жезломъ, который привелъ къ задуманной цѣли. Между тѣмъ второй коннозаводчикъ, не довѣряя искусственному подбору, рѣшилъ достигнуть намѣченной цѣли посредствомъ соотвѣтственнаго ухода и корма. Онъ также раздѣлилъ табунъ на двѣ группы, не обращая при этомъ никакого вниманія на ихъ физическія особенности; лошадей одной группы сталъ выпягивать въ телѣги, а другой группы изнурять лишь въ быстромъ бѣгѣ, причемъ давалъ той и другой группѣ соотвѣтственный кормъ. Такому же уходу подвергались и слѣдующія поколѣнія лошадей: къ нимъ не примѣнялся искусственный подборъ, но однѣ пріучались возить тяжести, другія—къ быстротѣ бѣга. Какія же послѣдствія получаются во второмъ примѣрѣ и передадутъ-ли обѣ группы лошадей своему потомству пріобрѣтенныя ими качества? Правда, никто еще не ставилъ себѣ подобной задачи и не предпринималъ такого опыта, но только потому, что всякій увѣренъ въ нецѣлостности этихъ средствъ. Нельзя, однако, сомнѣваться, что въ то время, какъ первый изъ владѣльцевъ лошадей по истеченіи какихъ-нибудь 30—40 лѣтъ получитъ изъ дикаго табуна требуемыя породы лошадей, второй будетъ такъ-же далекъ отъ своей цѣли, какъ въ началѣ своей дѣятельности». Этотъ примѣръ, почерпнутый изъ царства животныхъ, наглядно поясняетъ все различіе между послѣдствіями систематическаго мозгового подбора и послѣдствіями просвѣщенія и гигиены.

Человѣкъ—не животное, которое мы воспитываемъ сообразно съ нашими цѣлями, подбирая соотвѣтственные экземпляры, скрещивая ихъ между собою или совершенно уничтожая у нихъ способность про-

изводить потомство. Наше нравственное чувство, не возмущающееся опытами, производимыми надъ животными, возстало бы противъ подобныхъ опытовъ примѣнительно къ человѣку. Намъ конечно непріятно поразить слова Гирама Стенли, который, сѣтуя на исчезновеніе полового подбора среди людей, приходитъ къ заключенію, что его необходимо возстановить. «Пьяница, преступникъ, больной, нравственно неуравновѣшенный человѣкъ,—говоритъ онъ,—не долженъ болѣе появляться въ общества. Не реформа, а предупредительныя мѣры пусть будутъ нашимъ лозунгомъ! Въ томъ золотомъ вѣкѣ, въ преддверіи котораго мы находимся, пусть привилегія быть отцомъ даруется лишь немногимъ. Тогда на свѣтъ не явится ни одинъ ребенокъ, который не былъ бы ниже средняго нормальнаго человѣка, не только въ физическомъ и умственномъ отношеніи, но и съ точки зрѣнія прирожденной ловкости и нравственной силы. Самое важное общественное дѣло, какимъ несомнѣнно является наслѣдственность, будетъ регулироваться специалистами».

Въ виду этого, сознательный и искусный уходъ за человѣческимъ мозгомъ возможенъ лишь тогда, когда въ роли инициатора выступитъ сама личность, примѣняя правила антропотехники къ самой себѣ и удовлетворяя такимъ образомъ своимъ нравственнымъ инстинктамъ. Но можно-ли этого ожидать отъ человѣка? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, мы должны присмотрѣться, какъ до сихъ поръ развивалось чувство долга родителей по отношенію къ ихъ дѣтямъ.

Въ обществахъ первобытныхъ и варварскихъ дѣтоубійство—обычное явленіе, въ особенности убійство слабыхъ дѣтей. Мы видѣли, что въ Полинезійи оно даже санкціонировано обычнымъ правомъ. Въ Австраліи во время голодовокъ мать бросаетъ ребенка на произволъ судьбы, а Эллисъ рассказываетъ, что одинъ полинезецъ раздробилъ черепъ своему ребенку потому только, что онъ раздражалъ его своими криками. Это санкціонированное закономъ дѣтоубійство мы встрѣчаемъ также на зарѣ исторіи классической Эллады и Рима, особенно по отношенію младенцевъ женскаго пола. Вообще, въ періодъ дикости и варварства родители, давая жизнь своимъ дѣтямъ, полагали, что на этомъ основаніи они имѣютъ право распоряжаться ихъ судьбой. Первобытная этика говоритъ лишь объ обязанностяхъ дѣтей по отношенію къ родителямъ, но умалчиваетъ объ обязанностяхъ родителей къ дѣтямъ. Наша цивилизація значительно двинулась впередъ въ этомъ отношеніи. Дѣтоубійство уже не только не считается дѣломъ частнымъ, но строго наказуется закономъ; мало того, отрицается и право родителей истязать дѣтей. Эти законодательныя мѣры могутъ послужить указаніемъ на то, что въ настоящее время уже иначе понимаются отношенія родителей къ дѣтямъ, чѣмъ они понимались

нашими предками, дикарями. Отвращеніе современнаго человѣка къ дѣтоубійству свидѣлствуетъ также объ измѣненіи нравственныхъ понятій. Есть, однако, доказательства, свидѣлствующие, что нравственное развитіе на этомъ не остановится. Намъ извѣстно, къ какимъ послѣдствіямъ приводитъ бракъ между невростениками. Противоположныя страсти, эпилепсія, сильная истерія, идиотизмъ, манія самоубійства и умопомѣшательство—вотъ что составляетъ удѣлъ дѣтей, рожденныхъ отъ такихъ браковъ. Если всѣ будутъ знать въ точности, что ожидаетъ ихъ потомство, то мы увѣрены, что многіе больные и истощенные люди призадумаются надъ вопросомъ—имѣютъ-ли они право передавать свои недуги дальнѣйшему поколѣнію и сдѣлать его такимъ образомъ неспособнымъ къ нормальной жизни. Мало того, пусть люди ознакомятся съ законами психической и патологической наслѣдственности: тогда сложится довольно сильное общественное мнѣніе, которое будетъ признавать каждого болѣзненнаго или нервно разстроеннаго отца или мать людьми безнравственными, такъ какъ они, несмотря на свою болѣзненность, рѣшаются производить на свѣтъ потомство. Главнымъ условіемъ такой нравственной эволюціи является широкое распространеніе въ обществѣ антропологическихъ знаній. Однако, неужели мы не можемъ представить себѣ дальнѣйшаго развитія? Неужели человечество не доживетъ до того момента, когда производить на свѣтъ малоспособное потомство будетъ считаться дѣломъ безнравственнымъ? Вѣроятно, доживемъ, и тогда только можно будетъ надѣяться на соотвѣтственный подборъ при заключеніи браковъ. Малоспособныя личности могутъ и не отказываться отъ брака, но не должны оставлять потомства, прибѣгая съ этою цѣлью къ неомальтузианскимъ средствамъ и къ предупрежденію беременности. Только лица съ большими способностями будутъ передавать свои черты дальнѣйшимъ поколѣніямъ и такимъ образомъ содѣйствовать все болѣе широкому антропологическому прогрессу ¹⁾. При такихъ обстоятельствахъ могутъ принести пользу и тѣ специалисты, о которыхъ мечтаетъ Стэнли.

Антропотехника возможна только при такомъ общественномъ строѣ, когда просвѣщеніе получить самое широкое распространеніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ каждый индивидъ будетъ самостоятельно руководствоваться желаніемъ имѣть здоровое потомство. Тѣмъ не менѣе не мѣшаетъ присмотрѣться къ произведеннымъ уже въ этомъ направленіи опы-

¹⁾ Уоллэсъ возлагаетъ большія надежды на тотъ фактъ, что, благодаря появленію „мужского“ вопроса въ общественномъ строѣ à la Бельями, каждая женщина, имѣя полную возможность избирать себѣ мужа изъ нѣсколькихъ мужчинъ, будетъ въ этомъ выборѣ руководствоваться нравственнымъ и умственнымъ развитіемъ своего избранника.

тамъ. Племенные экземпляры животныхъ съ давнихъ поръ имѣютъ уже свою родословную. Лошади, рогатый скотъ, даже бойцовые пѣтухи имѣютъ свою генеалогію за сто и болѣе лѣтъ; напр., іоркшайрскіе и кумберлендскіе свиноводы даютъ печатные отчеты о такихъ племенныхъ генеалогіяхъ. «Развѣ человѣкъ хуже лошади, гончей собаки или свиньи?—спрашиваетъ кто-то.—Для чистокровныхъ животныхъ ведется тщательный списокъ ихъ примѣтъ; почему же человѣку не имѣть свою антропологическую родословную?» Эта мысль побудила Гальтона составить спеціальныя списки примѣтъ какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и цѣлыхъ семействъ. Онъ издалъ антропологическую памятную книжку, въ которую каждый могъ бы заносить измѣренія, указывающія на его антропологическія черты, состояніе здоровья, болѣзни, которыми онъ страдаетъ, затѣмъ для полноты характеристика присоединялъ бы и свои фотографическія карточки, снятыя въ разное время, и т. д. Такая памятная книжка представляла бы цѣнныя антропологическія данныя и въ то же время могла бы служить указаніемъ для потомства, такъ какъ содержала бы свѣдѣнія о разныхъ органическихъ процессахъ, напр., о ходѣ различныхъ болѣзней. Кромѣ того, онъ издалъ и для цѣлыхъ семействъ подобную же памятную книжку съ цѣлью собиранія свѣдѣній о способностяхъ, передаваемыхъ однимъ поколѣніемъ другому. Отмѣтимъ, что при британскомъ медицинскомъ обществѣ существуетъ цѣлый комитетъ, на обязанности котораго лежить изученіе антропологическихъ процессовъ индивидуальной жизни. Эти родословныя должны имѣть не только теоретическій интересъ, (указаніе законовъ антропологической наслѣдственности), но и практической. Онѣ должны заноситься въ антропологическія ипотечныя книги, подобно тому, какъ это дѣлается съ недвижимыми имуществами, и въ нихъ можно было бы найти свѣдѣнія о семействахъ, выдающихся по своей энергіи и умственнымъ способностямъ. Эти семейства, уяснивъ себѣ свое превосходство, перестанутъ вступать въ бракъ съ менѣе способными, и такимъ образомъ ихъ способности не будутъ пропадать безплодно. Родовыя антропологическія книги будутъ изучаться всѣми при вступленіи въ бракъ, какъ изучаются въ настоящее время ипотечныя книги при заключеніи кредитныхъ сдѣлокъ. Мало того, Гальтонъ требуетъ созданія своего рода общественныхъ синекуръ, въ томъ смыслѣ, чтобы государство обезпечивало за выдающимися въ антропологическомъ отношеніи семействами извѣстную степень благосостоянія, образованія и возможность производить многочисленное потомство. Государство сдѣлалось бы такимъ образомъ механизмомъ, культивирующимъ антропологическое совершенство. Говорятъ, что въ Соединенныхъ Штатахъ возникли даже общества для пропагандированія этого проекта. Во Франціи идеи Гальтона нашли

страстного сторонника въ лицѣ Лапужа. Повторяя въ крайней и парадоксальной формѣ взгляды полигенистовъ, онъ доказываетъ, что умственное неравенство расъ никогда не можетъ быть устранено, мало того, что всякое скрещиваніе вырождаетъ человѣчество и уменьшаетъ его плодovitость; если же въ бракъ вступаютъ расы болѣе способная и менѣе способная, то уровень способностей человѣческаго рода понижается. Спасеніе человѣчества онъ видитъ въ истребленіи низшихъ расъ и въ сохраненіи наиболѣе способной, именно арійской, къ которой онъ относитъ лишь длинноголовыхъ блондиновъ. Однако, и среди блондиновъ онъ находитъ выдающіеся роды наряду съ слабыми и, конечно, въ своемъ «арійскомъ вопросѣ» желаетъ усиленія и сохраненія только первыхъ. Убѣдить выдающіеся роды въ ихъ достоинствахъ и въ томъ, что эти достоинства составляютъ ихъ наследственные сокровища, которыя умножаются или уменьшаются путемъ браковъ, — вотъ въ чемъ состоитъ основная задача общества по Лапужу. Далѣе онъ говоритъ о томъ, что слѣдуетъ провести сознательный половой подборъ, чтобы истребить худшіе элементы и оставить въ обществѣ лишь выдающіеся. Онъ указываетъ на самоограниченіе, какъ на самое гуманное и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣйствительное средство достиженія положительныхъ результатовъ. Впрочемъ, предоставимъ слово самому автору: «По моему мнѣнію — говорить онъ — благородные элементы должны держаться другъ друга; вѣдь духъ общенія, безграничная отвага и чрезвычайная энергія — черты арійскаго типа! Пусть они добровольно соединяются, примутъ въ свою среду благородныхъ людей даже неарійскаго происхожденія, чтобы сосредоточить въ себѣ духовную энергію, пусть присоединяютъ къ себѣ даже неблагородные элементы, но арійскаго происхожденія, чтобы стать и по числу своихъ членовъ могущественной группой; пусть каждое поколѣніе поглощаетъ всякую чуждую личность, появляющуюся внѣ этой группы, и я спрашиваю, не сдѣлаютъ-ли они изъ себя все, чего захотятъ, и не искоренятъ-ли неблагородные и неарійскіе элементы? Превратимъ самоограниченіе въ факторъ прогресса, и вмѣсто того, чтобы уничтожать желѣзомъ и нищетой низшія расы, выставимъ его девизомъ нашей дѣятельности, и мы приблизимся къ осуществленію требованій сознательной эволюціи и примиримъ ихъ съ гуманными чувствами, начертанными въ нашихъ сердцахъ многовѣковой цивилизаціей». Лапужъ возлагаетъ большія надежды на значительную плодovitость арійцевъ и рассчитываетъ, что со временемъ они своею численностью вытѣснятъ другія расы. Впрочемъ, чтобы облегчить имъ захватъ другихъ странъ земного шара, французскій антропологъ напоминаетъ, что метисы съ теченіемъ времени возвращаются къ одному изъ первоначальныхъ типовъ, а именно къ тому, съ которымъ чаще скрещивались. Это обстоятельство послужитъ

средствомъ для арійцевъ акклиматизироваться въ другихъ частяхъ свѣта. «Если мы не имѣемъ основанія заботиться объ африканскихъ неграхъ и содѣйствовать ихъ совершенствованію, то мы все-таки можемъ кое что сдѣлать, чтобы отмежевать ихъ материкъ для нашей цивилизаціи. Полигамія, на которую слѣдуетъ въ наше время смотрѣть уже безъ предубѣжденія, могла бы сослужить тутъ свою службу: одинъ европеецъ могъ бы имѣть нѣсколько женъ африканокъ, а законъ возврата метисовъ къ первоначальному типу явился бы средствомъ возстановить въ послѣдствіи европейскій типъ взаимнѣй населенія, рожденнаго отъ первыхъ колонистовъ и негритянокъ и представляющаго неособенно важную величину въ интеллектуальномъ смыслѣ, но за то хорошо акклиматизированнаго въ Африкѣ». Лапужъ приписываетъ огромное значеніе подбору, въ основаніи котораго лежитъ кровосмѣшеніе, какъ средству антропологическаго усовершенствованія. Въ этомъ отношеніи онъ опять ссылается на опытъ скотоводовъ, которые получаютъ все лучшіе и лучшіе экземпляры, благодаря примѣненію полового подбора между животными, происходящими отъ одной пары. Впрочемъ Лапужъ, какъ и большинство представителей этого взгляда, считаетъ такой подборъ обоюдоострымъ оружіемъ, т. е. источникомъ какъ быстраго вырожденія, такъ и совершенствованія, смотря по тому, здоровые или больные экземпляры скрещиваются между собою.

Въ приведенныхъ проектахъ бросается въ глаза одно обстоятельство. Гальтонъ мечтаетъ о созданіи государственныхъ спелекуръ для благородныхъ въ антропологическомъ смыслѣ элементовъ и такимъ образомъ предоставляетъ имъ право главенствовать надъ остальными членами общества. Лапужъ съ своей стороны, хотя и впадаетъ часто въ противорѣчія, однако выставляетъ своимъ идеаломъ кастовую организацію, основанную на различіи способностей и на господствѣ умственной аристократіи. Нѣкоторые ученые и на этомъ не останавливаются. Какой-то анонимный авторъ брошюры «Aristocratie des Geistes» идетъ еще далѣе. Отмѣтивъ, что среди людей встрѣчаются различныя способности, онъ высказывается въ пользу систематическаго подбора, который раздѣлитъ бы двуногихъ млекопитающихъ на двѣ категоріи: низшихъ и высшихъ. Послѣднія, освобожденные отъ физическаго труда, стоящія на высотѣ образованности своего времени, должны проводить жизнь въ умственномъ трудѣ и владѣть на коммунистическихъ началахъ всѣми силами природы, орудіями производства и стадами «низшихъ двуногихъ млекопитающихъ», которыхъ будутъ держать въ повиновеніи при помощи религіи, кормить и наконецъ искусными маневрами лишать всѣхъ предпріимчивыхъ и способныхъ элементовъ. Вотъ какое знамя кастоваго строя и соціальныхъ привилегій выставляютъ современные антропотехники! На самомъ дѣлѣ всѣ эти проекты слу-

жать яркимъ выраженіемъ сокровенныхъ желаній той горсти эгоистичной буржуазной интеллигенціи, которая, погрузившись въ сферу художественныхъ и умственныхъ наслажденій, называетъ себя «аристократіей духа» и соотвѣтственно съ презрѣніемъ относится къ народной массѣ, держа ее въ сторонѣ отъ искусства и знанія. Мы видимъ тутъ, какъ правила антропотехники—прикладной науки, которая должна сдѣлаться средствомъ всеобщаго прогресса—превращаются въ орудіе кастового эгоизма и умственной ограниченности. Только когда знаніе сдѣлается общимъ достояніемъ, когда каждый человѣкъ будетъ въ состояніи уяснить себѣ свое мѣсто въ природѣ и въ обществѣ, когда онъ ознакомится съ законами антропологии и наследственности, а вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ сознать послѣдствія скрещиванія и обязанности, налагаемыя на него чувствомъ нравственнаго долга по отношенію къ будущимъ поколѣніямъ, только тогда антропотехника утратитъ свой теперешній кастовый характеръ. Намъ должны интересоваться не антропологическіе опыты, направленные къ культивированію аристократовъ, но общественныя реформы, имѣющія цѣлю сдѣлать широкое знаніе достояніемъ каждого гражданина страны.

Въ историческомъ развитіи человѣчества антропологическіе вопросы до сихъ поръ разрѣшались стихійно. Съ незапамятныхъ временъ типы блондиновъ пробираются въ южныя страны и гибнутъ тамъ подъ вліяніемъ убійственнаго для нихъ климата. Воспитаніе вмѣсто того, чтобы содѣйствовать антропологическому совершенствованію, приводитъ только къ вырожденію. Исторія создаетъ самыя ненормальныя и пагубныя установленія: подборы, лишаящіе общество самыхъ энергичныхъ и предпріимчивыхъ членовъ; громадныя города—эти средоточія вырожденія; она вызываетъ безпорядочное скрещиваніе отдѣльныхъ лицъ и типовъ и т. д. Если же и возбуждаются антропологическіе вопросы, то ими обыкновенно только прикрываются различныя злобы дня, конечно въ извращенной и поддѣльной формѣ, какъ, напр., вопросъ объ отношеніи одной расы къ другой, семитической, невольнической... Впрочемъ, этому нечего и удивляться. Классовый строй общества, противопоставляя различныя группы чело-вѣчества и создавая антагонизмъ между ними, маскируетъ истинныя побужденія и въ глазахъ недалководидныхъ людей выдаетъ расовую оболочку явленій за его сущность. Между тѣмъ анархія торгово-промышленнаго хозяйства съ его стихійнымъ характеромъ распространяется и на антропологическіе процессы. Допустимъ, что законъ Мальтуса о возрастаніи населенія совершенно вѣренъ и что единственное спасеніе состоитъ въ регулированіи его прироста! Однако, осуществимо-ли это въ торгово-промышленномъ строѣ? Прежде всего, вслѣдствіе господствующей въ немъ анархіи, нельзя было бы опредѣлить,

какой приростъ населенія возможенъ въ данномъ обществѣ, а затѣмъ нельзя было бы и сознательно регулировать его. Населеніе возрастало бы въ зависимости отъ желаній отдѣльныхъ индивидовъ и отъ вліяній стихійныхъ факторовъ, каковы: нищета, голодъ и война. Антропотехника возможна лишь при цѣлесообразномъ производствѣ; и вотъ почему своего рода подборъ мы встрѣчаемъ только у дикарей и варваровъ и никакихъ слѣдовъ его мы не видимъ въ эпоху цивилизаціи.

Однако, неужели человѣчество никогда не доживетъ до болѣе сознательнаго разрѣшенія антропологическихъ вопросовъ? Неужели общество никогда не будетъ въ состояніи разграничить антропологическое вліяніе отъ другихъ? Мы не хотимъ пророчествовать, однако мы можемъ высказать надежду, что при извѣстномъ общественномъ строѣ, когда воля человѣка сознательно будетъ регулировать производство, а производительность труда и господство надъ природой увеличатъ общее благосостояніе и просвѣщеніе, сознательное рѣшеніе антропологическихъ вопросовъ (т. е. антропотехника въ самомъ широкомъ значеніи этого слова), по всей вѣроятности, окажется возможнымъ. Видоизмѣняя и дополняя слова Энгельса, мы можемъ сказать, что только тогда люди станутъ сознательно дѣлать исторію; только тогда урегулированные общественныя факторы будутъ давать все болѣе желательные результаты. Человѣкъ не будетъ уже подчиняться неизбѣжности, а сознательно и произвольно будетъ преобразовывать свой общественный строй. Такое общество, устраняя экономическія и классовыя вліянія и ставя всѣхъ своихъ членовъ въ одинаковыя условія, будетъ въ состояніи, при содѣйствіи специальной антропологической статистики, точно обозначить роль самыхъ разнообразныхъ антропологическихъ факторовъ, которые въ настоящее время являются лишь въ связи съ другими и затрудняютъ научный анализъ. Съ другой стороны, сообщая каждому члену полезныя знанія, въ томъ числѣ антропологическія, общество будетъ содѣйствовать систематическому и сознательному рѣшенію антропологическихъ вопросовъ. Антропотехника станетъ тогда наукою, создающею социальныя условія. Появятся антропологическія ипотечныя книги, о которыхъ мечтаетъ Гальтонъ и излюбленные Стэнли специалисты. Общество, сознающее свои потребности и регулирующее соотвѣтственнымъ образомъ производство, будетъ сознательно при помощи нравственныхъ побужденій сдерживать даже размноженіе своихъ членовъ. Возникнутъ неизвѣстныя въ настоящее время жгучіе общественныя вопросы антропологическаго характера, разрѣшаемые наукою. По мѣрѣ развитія антропологическихъ знаній будетъ развиваться и антропотехника. Колонизація отдаленныхъ странъ будетъ подчинена указаніямъ науки. Быть можетъ, возникнутъ своеобразныя расовыя вопросы совершенно

особаго рода. Нѣкоторые антропологическіе типы, скрещиваніе которыхъ можетъ оказаться вреднымъ для потомства, будутъ жить другъ возлѣ друга, какъ братья, проникнутые одними и тѣми же взглядами, пользуясь одними и тѣми же правами, входя въ составъ одной и той же человѣческой группы, но воздерживаясь отъ браковъ, которые могутъ дать потомство. Этотъ строй не имѣетъ ничего общаго съ современнымъ, при которомъ расовые вопросы вызываютъ ненависть между народами одного и того же антропологическаго происхожденія. Впрочемъ, трудно предвидѣть далекое будущее; можно только сказать, что если оно воплотитъ въ жизнь извѣстныя правовыя отношенія, то оно будетъ эпохой антропотехники, вытекающей изъ индивидуальной ответственности и основанной на глубокомъ знаніи законовъ развитія человеческого организма.

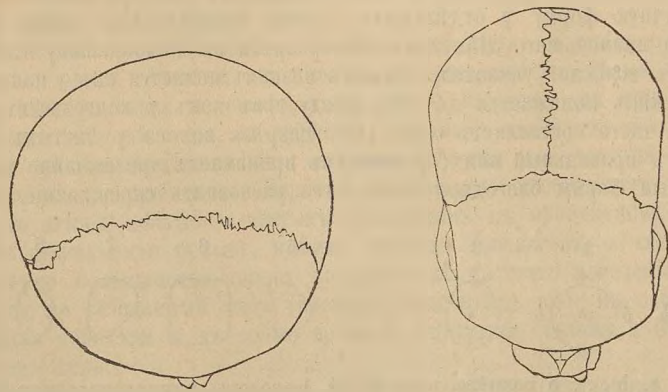
Антропология сдѣлается тогда руководительницей общественной жизни, основой общественной гигиены. Теперь антропологи сознательно извращаютъ дѣйствительность и вводятъ смуту во взгляды на эволюцію и общественныя явленія. Экономическія условія вызываютъ безконечный антагонизмъ, борьбу и недуги. Но провозвѣстникомъ реформъ и представителемъ общественной жизни является человекъ: онъ составляетъ орудіе, при помощи котораго экономическія причины дѣйствуютъ и обусловливаютъ соотвѣтственные преобразования. Человекъ выступаетъ какъ конкретная единица, надѣленная своеобразными чертами лица и обладающая опредѣленной эмоціональной организаціей. Поэтому весьма понятно, что основные общественные факторы преднамѣренно скрываются заинтересованной стороной, и что она указываетъ только на случайные антропологическіе. Такимъ образомъ антропология, насколько она не ограничивается простымъ собраніемъ фактическаго матеріала, измѣреніями указателей и т. д. и насколько берется разрѣшать злобы дня, представляется лишь публицистическимъ приѣмомъ, которымъ пользуются всѣ, желающіе такъ или иначе обойти молчаніемъ истинные факторы современной эволюціи. Она носитъ классовый характеръ. Если же тотъ или другой антропологъ, напр. Лапужъ, съ гордостью указываетъ на гражданское мужество антропологін и ея радикализмъ, то въ сущности это мужество прикрываетъ только буржуазные взгляды или же шумныя дразги, вызванныя мелочными предразсудками.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

I.

Таблица важнѣйшихъ указателей.

Указатель ширины черепа (У. ш. ч.) опредѣляетъ форму черепа разсматриваемаго сверху—in forma verticali. Онъ выражается абстрактнымъ числомъ, представляющимъ отношеніе между длиной и шириной черепа, поставленнаго въ горизонтальной плоскости. При этомъ величина продольнаго діаметра черепа, какъ большая, приравнивается къ ста, а меньшая, обозначающая діаметръ ширины, выражается въ процентахъ первой. Полученныя такимъ образомъ

Короткоголовый черепъ.

Длинноголовый черепъ.

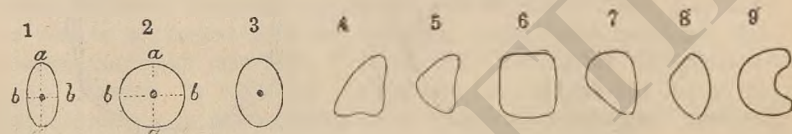
величины У. ш. ч. распредѣляютъ въ послѣдовательный рядъ и, смотря по абсолютной величинѣ числа, различаютъ черепа длинноголовые, среднеголовые и короткоголовые. Французская (итальянская, русская) школа длинноголовыми называетъ типы, у которыхъ У. ш. ч. составляетъ вели-

чину меньше 77,78; *среднеголовыми*—у которых У. ш. ч. колеблется въ предѣлахъ между 77,78 и 80; наконецъ, *короткоголовыми*—у которыхъ У. ш. ч. превышаетъ 80. Впрочемъ этими терминами теперь мало пользуются; въ большинствѣ случаевъ для характеристики какого-нибудь племени приводятъ процентное отношеніе всѣхъ величинъ разсматриваемаго указателя. Если мы исключимъ деформированные черепа, то для У. ш. ч. получимъ слѣдующія предѣльныя величины: самую меньшую нашель Флоуэръ у жителя о. Фиджи, а именно 61,9; самую же высокую—Гексли у монгола—98,21.

Указатель глазничный (У. г.) является отношеніемъ между высотой и шириною глазницъ. Типы *низкоглазничные* называются такіе, У. г. которыхъ ниже 82,99; *среднеглазничные* имѣютъ У. г. въ предѣлахъ между 83 и 89 и *высокоглазничные*—выше 89. Извѣстны слѣдующія крайнія величины: 61,3 у черепа, найденнаго въ Кро-Маньонѣ, и 107 у одного китайца.

Указатель носовой (У. н.) указываетъ на отношеніе между самой большей шириной носового отверстія и высотой носа отъ корня до основанія носа. Краниологія отличаетъ *узконосыхъ* съ У. н. ниже 48; *средненосыхъ* съ У. н. между 48 и 53 и *широконосыхъ* выше 53. Для крайнихъ колебаній У. н. Брока нашель 35,71 у одного русскаго и 72,22 у бушмена.

Указатель волосной (У. в.). Поперечный разрѣзъ волоса имѣетъ различную форму у отдѣльныхъ группъ человѣческаго рода. Отношеніе наименьшаго діаметра этого разрѣза къ наибольшему и составляетъ волосной указатель. Самымъ низкимъ является онъ у паузасца, такъ какъ понижается до 28, между тѣмъ какъ у монгольскихъ типовъ часто составляетъ онъ 100. Разрѣзъ волоса у чистыхъ расъ имѣетъ правильный видъ; у метисовъ принимаетъ чрезвычайно неправильныя формы благодаря чему легко распознать скрещиваніе.

а . . . а, b . . . b разрѣзъ волоса. № 1 волосъ курчавоволосыхъ расъ. № 2 волосъ монголоидныхъ расъ. № 3 волосъ бѣлыхъ расъ. №№ 4—9 волосы метисовъ.

Прогнатизмъ называется выступъ впередъ верхней челюсти. Онъ измѣряется очень разнообразными способами. Одинъ изъ нихъ состоитъ въ слѣдующемъ: берутъ уголъ, составленный изъ двухъ плоскостей: одна плоскость, зубномышечковая, служитъ основаніемъ, на вто-

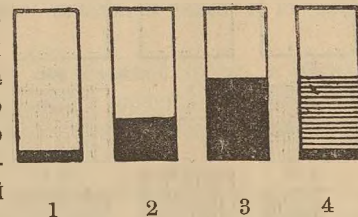
рой же плоскости, идущей отъ зубной точки къ различнымъ точкамъ, лежащимъ по срединѣ лица, напр. носовой, подглазной и т. д. отмѣчаютъ градусы угла.

II.

Примѣры анализа расовыхъ элементовъ.

1. Горцы польскихъ Карпатъ.

Чертежи 1—4 изображаютъ графически распредѣленіе нѣкоторыхъ антропологическихъ чертъ среди населенія польскихъ Карпатъ. Чертежъ 1-ый касается лицъ со смуглымъ цвѣтомъ лица, и какъ видно изъ соотношенія черной площади этого рисунка къ бѣлой, ихъ весьма немного; 2-ой указываетъ на то, что темныхъ глазъ, встрѣчаемыхъ у этого населенія, значительно больше, нежели смуглыхъ лицъ; наконецъ 3-ій выражаетъ преобладаніе темной окраски волосъ.

Если мы при наблюденіи населенія польскихъ Карпатъ остановимся съ одной стороны на типахъ, которые имѣютъ бѣлый цвѣтъ лица, свѣтлые глаза и волосы, а съ другой стороны—на типахъ со смуглымъ цвѣтомъ лица, съ черными глазами и волосами, то мы такимъ образомъ выдѣлимъ изъ состава населенія два чистыхъ типа: блондиновъ и брюнетовъ. Чертежъ 4 наглядно изображаетъ намъ, что въ данной мѣстности чистыхъ блондиновъ въ процентномъ отношеніи несравненно больше, нежели чистыхъ брюнетовъ, и что относительное большинство типовъ польскаго карпатскаго населенія приходится на смѣшанный типъ (площадь полосатая), т. е. на особи съ темными волосами и въ то же время со свѣтлыми глазами и бѣлымъ цвѣтомъ лица.

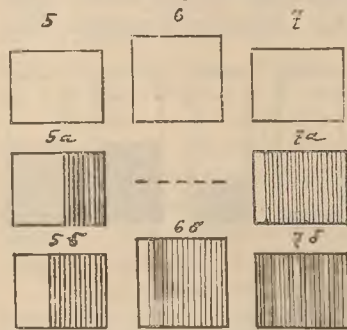
Принявъ во вниманіе, что брюнеты вообще отличаются болѣе сильною наслѣдственною передачею физическихъ чертъ своему потомству, нежели блондины, придемъ къ тому выводу, что внѣшній обликъ польскаго населенія Карпатъ образовался отъ смѣшенія крайне незначительнаго числа брюнетовъ (во всякомъ случаѣ не превышающимъ 2—3% всего польскаго населенія Карпатъ) съ бѣлымъ типомъ. Точно также наблюдая составъ даннаго населенія, мы увидимъ, что сильнѣе

всего не поддавался примѣси цвѣтъ глазъ и затѣмъ окраска кожи, цвѣтъ же волосъ, подвергшись примѣси, не устоялъ.

Отъ такого скрещиванія двухъ основныхъ типовъ карпатскаго польскаго населенія произошла мѣстная раса: типъ съ темными волосами и въ то же время съ голубыми глазами.

2. Киргизы.

Чертежи 5—7 показываютъ распредѣленіе и количественное соотношеніе различныхъ формъ носа у киргизовъ. У нихъ мы встрѣчаемъ плоскихъ носовъ (черт. 6) больше, нежели носовъ горбатыхъ (5) или приплюснутыхъ (7). Процентное отношеніе послѣднихъ почти одно и то же.

Измѣряя ростъ киргизовъ, д-ръ Зеландъ нашелъ въ среднемъ самый высокій ростъ у киргизовъ съ горбатыми носами, наименьшій же у киргизовъ съ приплюснутыми носами. При дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ д-ръ Зеландъ отмѣтилъ тотъ фактъ, что ширина лица точно также находится въ связи съ формою носа. Лицо уже у

типовъ съ горбатыми носами, шире—у лицъ съ приплюснутыми носами.

Чертежи 5а и 7а представляютъ намъ распредѣленіе свѣтлой и темной окраски глазъ по отношенію къ формамъ носа. Оказывается, что свѣтлая окраска глазъ у лицъ съ горбатыми носами (5а) встрѣчается несравненно чаще, нежели у лицъ съ приплюснутыми носами (7а).

Точно также мы видимъ (5б—7б), что борода (незачерченная площадь) отвѣчаетъ типамъ бородатымъ), переходя отъ типовъ съ горбатыми носами къ типамъ съ приплюснутыми носами, становится бѣднѣе и наконецъ совершенно исчезаетъ (7б).

Комбинируя всѣ эти факты, мы найдемъ, что киргизы представляютъ смѣшанное населеніе, такъ какъ къ основному типу, сравнительно низкорослому, безбородому, съ широкимъ лицомъ и съ приплюснутымъ носомъ, съ темными глазами, присоединился другой—рослый, бородатый, съ горбатымъ носомъ, съ длиннымъ лицомъ и свѣтлыми глазами. Изъ этихъ двухъ типовъ и произошли киргизы, обнаруживая въ отдѣльныхъ своихъ представителяхъ различное сочетаніе элементовъ того и

другого типа, изъ которыхъ первый—типъ монгольскій, второй же тяготеетъ къ кавказскимъ типамъ, особенно же къ блондинамъ.

III.

Мѣстные расы.

Чистые расово-антропологическіе типы составляютъ абстракцію, созданную на основаніи анализа скрещиваній и помѣсей существующихъ расъ; чистый расово-антропологическій типъ является скорѣе центромъ, вокругъ котораго располагаются разновидности его.

Эти разновидности основного типа образовались въ силу скрещиваній его съ другими окружающими его типами, а также и въ силу различныхъ условій быта.

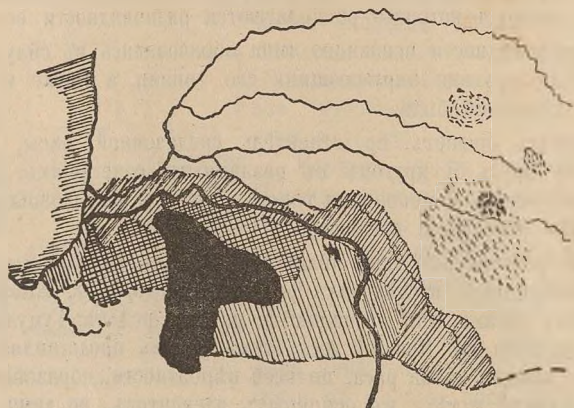
Напримѣръ брюнеть, представитель средиземной расы, и негръ, смѣшиваясь другъ съ другомъ въ различныхъ сочетаніяхъ, дали начало множеству второстепенныхъ типовъ, которые расположились между этими двумя основными племенами.

Эти второстепенные типы являются *мѣстными расами*.

И. Коперницкій изслѣдовалъ *русинокъ горцевъ*, живущихъ въ Карпатскихъ горахъ. Они распадаются на пять родовъ: Гуцуловъ, Лемковъ, Бойковъ и др. Каждый изъ этихъ родовъ представляетъ мѣстную расу; каждая такая раса, по всей вѣроятности, образовалась отъ смѣшенія однихъ и тѣхъ же основныхъ элементовъ, но лишь въ различныхъ сочетаніяхъ. «Эти горцы,—говоритъ упомянутый изслѣдователь,—какъ все ихъ племя, такъ и отдѣльные ихъ роды—представляютъ прекрасный примѣръ мелкихъ смѣшанныхъ расъ, образовавшихся незамѣтно въ теченіе довольно продолжительнаго времени, и по всей вѣроятности, этотъ процессъ выработки новыхъ типовъ среди горцевъ еще не завершился. Особенности этой смѣси, обнаруживающіяся въ той или другой чертѣ горцевъ, столь непостоянны и неуравновѣшены, что невозможно выдѣлить и опредѣлить тѣ элементы типовъ, которые, своеобразно комбинируясь для каждого отдѣльнаго рода горцевъ, способствовали появленію современнаго физическаго ихъ облика; Лемки являются напр. расой наиболѣе смѣшанной, нежели всѣ остальные роды горцевъ. Среди нихъ мы встрѣчаемъ наибольшій изъ всѣхъ горцевъ процентъ высокорослыхъ, и въ то-же время—низкорослыхъ, блондиновъ и брюнеть, короткоголовыхъ и длинноголовыхъ, и вообще рѣзкія различія въ типѣ, что свидѣтельствуетъ о совершенно еще неустановившейся смѣси двухъ различныхъ основныхъ типовъ».

Баски могут послужить прекрасным примѣромъ мѣстной расы. Они населяютъ западные отроги Пиренейскихъ горъ и сохранили до сихъ поръ свои древніе обычаи и свой языкъ, чуждый арійской семьѣ языковъ. Этотъ народъ представляетъ теперь отдѣльную лингвистическую группу, напоминающую лишь о томъ, что нѣкогда жили здѣсь племена, родственныя баскамъ, впоследствии поглощенныя аріями.

Д-ръ Колинъонъ обнаружилъ, что въ странѣ басковъ мы наталкиваемся на особый мѣстный типъ, представляющій разновидность средиземнаго. Этотъ типъ въ коренныхъ баскійскихъ кантонахъ составляетъ почти половину народонаселенія, а за чертой господства баскійскаго языка попадаетъ лишь случайно. Помѣщаемый ниже ри-

сунокъ показываетъ ту связь, какая существуетъ во Франціи между распространеніемъ баскійскаго типа и языка.

						Населеніе.
	кантоны, въ которыхъ типъ баскійскій составляетъ	50—55%				
	" " " " " "	30—50%				
	" " " " " "	10—30%				
	" " " " " "	5—10%				
	" " " " " "	1—5%				

Граница баскійскаго языка во Франціи.

«Антропологъ, отправляющійся въ баскійскіе кантоны изъ Беарна или Ландовъ, увидить совершенно иную картину народной жизни и встрѣтитъ новый типъ жителей. Неоднократно отмѣчался тотъ фактъ, что, при переходѣ черезъ черту осѣдности басковъ, встрѣчаются рѣзкія особенности въ нравахъ, играхъ и даже костюмахъ этого народа. Съ удивленіемъ мы наблюдаемъ различія между басками и ино-родцами и находимъ ихъ столь характерными, что, осматривая отдѣльныя деревни или даже дома, безошибочно узнавали, населены-ли они басками или не басками. Передъ нашими глазами былъ особенный типъ, типъ басковъ, непохожій на всѣ остальные типы, которые я изслѣдовалъ не только во Франціи, но даже въ Сѣверной Африкѣ». «Чтобы имѣть болѣе вѣскія доказательства—продолжаетъ д-ръ Колинъонъ—я каждый разъ при измѣреніи солдатъ мѣстныхъ полковъ, замѣтивъ представителя этого типа, спрашивалъ его, баскъ-ли онъ, и никогда не получалъ отрицательнаго отвѣта. То были баски или сыновья басковъ. Въ Испаніи (гдѣ типъ басковъ не сохранился въ столь чистомъ видѣ, какъ во Франціи) офицеры, помогая мнѣ въ моихъ изслѣдованіяхъ, заранѣе говорили о лицахъ, которые не принадлежали къ этому типу, что они степняки или мѣщане; когда же приближалось лицо даннаго типа, единогласно свидѣтельствовали, что это баскъ».

Изъ изслѣдованій д-ра Колинъона видно, что типъ басковъ родственъ типамъ древнихъ египтянъ и современныхъ берберовъ. Главное различіе этихъ типовъ состоитъ въ томъ, что подъ влияніемъ историческихъ условій длинное строеніе черепа, свойственное родственнымъ африканскимъ типамъ баска, измѣнилось, и теперь баски представляютъ короткоголовый типъ пиренейской вѣтви средиземной расы.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Предисловіе	I
Часть I.	
I. Древность человеческого рода	1
II. Расовые антропологические типы. — Представляемые ими существенныя различія. — Слѣдуетъ-ли антропологическіе типы считать видами или разновидностями?—Задачи современной антропологии и развитіе отдѣльныхъ отраслей этой науки.—Краниологія и ея методы.—Какимъ образомъ выдѣлить чистые антропологическіе типы изъ скрещенныхъ расъ? — Успѣхи антропологии въ изслѣдованіи расовыхъ типовъ	4
III. Расовыя различія существовали въ самомъ отдаленномъ прошломъ. — Палеонтологическія и лингвистическія тому доказательства. — Устойчивость расовыхъ признаковъ, въ особенности черепа. — Образование расъ: вліянія среды, скрещиванія и подбора.—Единство и множественность человеческого рода прежде и теперь. — Позція въ антропологии	16
IV. Однообразіе культурно-общественнаго развитія у отдѣльныхъ группъ человеческого рода.—Чѣмъ оно объясняется?—Расовыя вліянія опредѣляютъ не сущность и смѣну общественныхъ установленій, а только быстроту ихъ развитія и богатство духовныхъ проявленій. — „Духъ расы“ представляетъ переменную величину, зависящую въ своемъ развитіи отъ матеріальной среды и общественнаго строя	29
Часть II.	
I. Этнографія и этнологія. — Цѣнность этнографическаго матеріала. — Заслуги американскихъ ученыхъ. — Попытки установить причинную связь между этнографическими фактами; классификація Спенсера и Моргана	40
II. Типы: австралійскій, негритосскій и палуасскій.—Культурный уровень негритосовъ.—Расовый составъ австралійскаго населенія, его культура и общественный строй.—Культура и этнологія меланезійцевъ	49
III. Передняя Индія въ лингвистическомъ и антропологическомъ отношеніи.—Кастовый строй является іерархіей антропологическихъ элементовъ.—Этнический коменсализмъ въ горахъ Нилагири.—Независимые горные народы.—Этнологія Передней Индіи	68
IV. Антропологическіе элементы черной Африки и ихъ распределеніе.—Культура бушменовъ и готтентотовъ.—Лингвистическая группа банту и ея культура.—Настоящіе негры.—Вѣроятное будущее черныхъ африканцевъ	81
V. Различныя вѣтви желтыхъ короткоголовыхъ и оазисы немонгольскихъ типовъ въ восточной и юго-восточной Азіи.—Лингвистическія отношенія монголовъ.—Культура степныхъ кочевниковъ.—Бытъ горцевъ.—Цивилизація желтой расы.— Столкновеніе желтыхъ короткоголовыхъ съ цивилизаціей бѣлыхъ	110
VI. Составъ американскаго населенія съ антропологической точки зрѣнія; лингвистическія семейства и полисинтетизмъ языка.—Эскимосы и сѣверо-западное побережье.—Культура по теченію Миссисипи.—Бассейны р. Ориноко и Амазонской.—Разбойники въ пампасахъ и Патагоніи.—Цивилизація доколумбовой Америки.—Число туземныхъ элементовъ въ настоящее время	136
VII. Антропологическія черты индонезійца, первоначальное его мѣстопробываніе и языкъ.—Типы и народы Малайской области.—Населеніе Филиппинскихъ острововъ и общественный строй тарапоновъ.—Савайоры, ихъ культура, расовые типы и общественный строй	166
VIII. Общая характеристика бѣлыхъ типовъ.—Строеніе семитическихъ языковъ; первобытный общественный строй семитовъ и ихъ антропологическій типъ.—Языки хамитическіе; кабилское общество; хамиты въ антропологическомъ отношеніи.—Средиземная раса и ея распределеніе.—Антропологическая статистика итальянскаго населенія. — Успѣхи палеонтологіи на берегахъ Средиземнаго моря (крома-ньонецъ)	187
IX. Арійскіе языки. — Культура и первоначальное расселеніе арійцевъ.—Современное европейское населеніе въ антропологическомъ отношеніи; распределеніе длинноголовыхъ блондиновъ и короткоголовыхъ.—Антропологическое прошлое Европы и вторженіе въ нее короткоголовыхъ.—Первоначальный антропологическій типъ аріяца	201
X. Вопросъ о послѣдовательномъ развитіи расъ и о ихъ классификаціи.—Какія расы существовали въ разныя эпохи? — Первобытная и современная общественная организація въ расовомъ отношеніи.—Густота населенія на разнообразныхъ ступеняхъ культуры.—Вымираніе первобытныхъ народовъ при столкновеніи ихъ съ цивилизаціей.—Скрещиваніе расъ между собой. — Способности къ аклиматизаціи. — Будущее расъ	221

Часть III.

Стр.

- I. Антропологические признаки в индивидуальной жизни. — Развитие мозга и антропологическое значение антагонизма между „отцами“ и „детьми“. Женщина в сравнении с мужчиной (сравнительное сопоставление их мозга). Женский вопрос 252
- II. Нормальные характеры. — Общественная жизнь и эмоциональный характер индивида. — Проявление эмоциональных типов в профессиональной деятельности; „передовые“; методы исследований над эмоциональными типами. — Трудность антропологических исследований и иллюстрация их примером врожденного преступника. — Наследственность характеров. — Общественные идеалы, принимающие во внимание психическое неравенство человека. — Отношение между эмоциональными и расовыми типами 261
- III. Понятие о подборе. — Подбор в доисторический период (приспособление к мертвой среде) и подбор в период цивилизации (под влиянием общественных условий). — Половой подбор среди человечества и понижение индивидуального развития женщины в исторические времена. — Технический и духовно-антропологический прогресс. — Историческая эволюция человеческих способностей. — Значение предпринимчивости в общественном развитии. — Последствия невоздержности и неудовлетворительного питания. — Военный подбор. — Влияние городов. — Синтез культурного подбора в настоящее время 286
- IV. Философия истории рас. — Народность и раса. — Современная антропологическая философия истории, главные ее течения и недостатки. Трудность анализа влияния рас на общественное развитие. Антропологические влияния в области фонетических изменений. На чем основывается сущность антропологического понимания истории? Антропология, как вспомогательная наука истории. — Статистика и антропология 313
- V. Взгляд на антропологический прогресс в будущем и средства ускорения его хода. — Основания зоотехники и значение супружеского подбора. — Антропологическая педагогика и ее превосходство над обыкновенной педагогикой. — Когда антропотехника будет возможна? — Современные антропологические опыты и их характер. — „Аристократия духа“. — Будущность человеческого рода 329

Приложения.

- Таблица важнейших указателей 343
- II. Примеры анализа расовых элементов 345
- III. Местные расы 347

Популярно-научные книги.

- Психология характера. Ф. Далам. Перевод под редакц. Р. И. Сементковскаго. Ц. 75 к.
- Литературное развитие различных племен и народов. Ш. Делурно. Ц. 1 р. 80 к.
- Духовный прогресс. Популярно — научный очерк д-ра Ланге. Ц. 40 к.
- Основы политической экономии. III. Жиде. Перев. с 4-го французского издания. Ц. 1 р. 25 к.
- Психология народов и масс. Р. Лабона. Перев. с французского. Ц. 1 рубль.
- Экономическая система Карла Маркса с научной стороны. Популярный очерк Г. Гросса. Перевод Н. С. Рашиковского. Ц. 20 к.
- Духовный прогресс. II. И. Лоскутова. Ц. 1 р.
- Очерк происхождения и развития семьи и собственности. М. Ковалевского. Ц. 60 к.
- Воспитание воли. Ж. Паю. Ц. 75 к.
- Социологические основы истории. Телокба. Перев. под ред. Р. И. Сементковскаго. Ц. 1 р. 50 к.
- Семь новейших чудес света. Ч. Кента. Перевод Д. А. Голова. Со многими рис. Ц. 1 р.
- История земли. Популярная геология. В. И. Азаровскаго. С 297 рисунк. Ц. 2 р.
- Азбука домоводства и домашней гигиены. Сост. М. Кайма. Перевел Н. Корф. Ц. 75 к.
- Наука о жизни. Популярная физиология человека. В. Дункевича. С 91 рисунк. Ц. 1 р.
- Преступная толпа. Опыт коллектив. психологии. Сивале. Ц. 30 к.
- Пессимизм. Д. Селли. Популярный обзор всех пессимистических учений. Ц. 1 р. 80 к.
- Философия Герберта Спенсера, в сокращ. изложении Коллинса. Пер. М. Мониевскаго. Ц. 2 р.
- Законы подражания. Тарда. Ц. 1 р. 60 к.
- Домашний определитель подделок. А. Алемединена. Ц. 60 к.
- На всякий случай! Научно-практические советы сельским хозяевам. А. Алемединена. Два тома. Цена каждого 50 к.
- Гигиена женщины. Д-ра М. Тило. 2-е изд. Ц. 40 к.
- Гигиена семьи. Гебера. Пер. с нем. Ц. 50 к.
- Берегите легни! Гигиенические советы д-ра Нильейера. С 30 рис. 2-е изд. Ц. 75 к.
- Уход за больными детьми. Д-ра Перве. Ц. 50 к.
- Сохранение здоровья. Общая гигиена в прак. изобрет. жизни. Д-ра Эйлама. Ц. 40 к.
- Детский доктор. Попул. руководство для матери и воспитателей. Д-ра Варто. С 14 рис. Ц. 1 р.
- Банкеры в их роль в жизни человека. Д-ра Мигули. Перев. с немецк. С 35 рис. Ц. 1 р.
- Предсказание погоды. Далле. С 35 рис. Ц. 40 к.
- Дарвинизм. Д. Фервера. 2 изд. Ц. 60 к.
- Жизнь на Севере и Юге (от полюса до экватора). А. Врэм. Со многими рис. Ц. 2 р.
- Первобытные люди Дебнера. Перев. с франц. и дополн. М. Энгельгардта. С 84 рис. Ц. 1 р.
- Фабричная гигиена. Салтавскаго. 153 р. Ц. 4 р.
- Усталость. А. Моссо. С 30 р. Ц. 1 р. 25 к.
- Рабочий вопрос. А. Ланге. 2-е изд. Ц. 1 р. 25 к.
- Какой частью? И. Васильева. Популярное руководство для повара часов без помощи часовщика и для устройства солнечных часов. 2-е изд. с 13 рис. Ц. 30 к.
- Физиологическая психология. Циона. Перев. под редакц. проф. В. Чижо. С 21 рис. Ц. 75 к.
- Звездный мир. Популярно-астрономическая бечка. Протеческаго. Со мн. рис. Ц. 30 к.
- При свете звезд. Популярно-научные очерки. К. Фламариона. Ц. 1 р.
- Рассказы о небе. К. Фламариона. С 64 рис. Ц. 50 к.
- Уход за больными в семье. Д-ра Энциера. Ц. 60 к.
- Гигиена детства. Д-ра Перве. Ц. 50 к.
- Записки желудка. С 4 английских. Ц. 50 к.
- Электричество в природе. Ж. Дари. С 102 рис. Ц. 1 р. 25 к.
- Мир грез. Д-ра Симоно, Сковидиния, галлюцинации, сомнамбулизм, гипнотизм. Ц. 1 р.
- Физиология души. А. Герцена. 2-е изд. Ц. 75 к.
- Ручной труд. Графини. Руководство ко домашним занятиям ремеслами. Перев. с франц. С 400 рис. 2-е изд. Ц. 1 р. 50 к.
- Взгляд 1 р. 75 к. В перенат 2 р.
- Зифелевабашня. Г. Тисанде. С 34 рис. Ц. 50 к.
- Экстазы человека. Р. Мамтеганца. Пер. с итальян. Ц. 1 р. 60 к.
- Свет Боний. Популярн. очерки мировидения. 7-е изд., исправленное. С 65 рис. Ц. 30 к.
- Общедоступная астрономия. К. Фламариона. С 100 рис. 3-е изд. Ц. 80 к.
- Телефон и его практические применения. Майера и Присса. С 293 рис. Ц. 2 р. 50 к.
- Электрические элементы. Нодде. Перев. и дополн. Д. Голова. Со мног. рисунк. Ц. 2 р.
- Электрические аккумуляторы. Э. Ренве. Перев. Д. Голова. С 76 рис. Ц. 1 р. 25 к.
- Электрическое освещение. Составил В. Чиколлеа. С 151 рис. Ц. 2 р. 50 к.
- Домашнее электрическое освещение и уход за аккумулят. Саломенса. С 81 рис. Ц. 1 р. 25 к.
- О безопасности электр. освещения. В. Чиколлеа. Ц. 25 к.
- Электричество и магнетизм. Гано и Манея. Перев. Ц. 1 р. 50 к.
- Популярная лекция об электричестве магнетизме. О. Ховелсона. С 230 рис. Ц. 2 р.
- Главнейшая приложения электричества. Э. Госпитале. С 114 рис. 2-е изд. Ц. 2 р. 50 к.
- Электрическая передача энергии (передача силы на расстоянии) Кайма. С 50 рис. Ц. 1 р. 60 к.
- Электричество в домашнем быту. Э. Госпитале. Со множествен. рис. 2-е изд. Ц. 2 р.
- Электрические звонки. Боттона. Со свѣдѣніями о воздушных звонках. 114 рис. Пер. с англ. Голова. 2-е изд. Ц. 1 р.
- Социальная жизнь животных. Эстинаса. Перев. с франц. Ф. Павленкова. Ц. 2 р. 50 к.
- Единство физических сил. Опыт популярно-научной философии. А. Секки. Перев. с франц. Ф. Павленкова. 2-е изд. Ц. 2 р. 50 к.
- Психология внимания. Д-ра Рибо. 2-е изд. Ц. 40 к.
- Психология великих людей Жоли. С 3 франц. 3-е изд. Ц. 60 к.
- Современные психопаты. Кюллера. Ц. 1 р. 50 к.
- Гениальность и помешательство. Ц. Ламброзо. 3-е изд. Ц. 1 р.
- Вредные полевые насекомые. Иверсона. С 1 рис. Ц. 80 к.
- Хлебный жук. С 3 рис. Н. Корфа. Ц. 10 к.
- Огородничество. Практик. настольн. для учащихся. Ф. Шублера. С 187 рис. Ц. 30 к.
- Воздушное садоводство. Н. Жуковскаго. С 73 рис. 2-е изд. Ц. 60 к.
- Школьный садовод. А. Валдескаго. Ц. 20 к.

„ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ“.

БЮГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА Ф. ПАВЛЕНКОВА.

В состав библиотечки войдетъ около 200 бюграфій замѣчательныхъ людей. Каждому изъ нихъ посвящается особая книжка, объемомъ отъ 80 до 160 страницъ, снабженная портретомъ. Къ бюграфіямъ путешественниковъ, художниковъ и музыкантовъ прилагаются кроме того карты, списки съ картинъ и ноты.

До 1 юня 1896 г. вышли отдѣльными книжками 175 бюграфій слѣдующихъ лицъ:

I. Представители религіи и церкви: Будда (Сакіа-Муни), Григорій VII, Гусъ, Кальвинъ, Конфуцій, Лойола, Магометъ, Савонарола, Торквемада, Францискъ Ассизскій, Цвингли. — Протопопъ Авакумъ, патриархъ Никонъ.

II. Государственные люди и народные герои: Бисмаркъ, Гарибальди, Гладстонъ, Граххи, Кромвель, Линкольнъ, Мирабо, Томасъ Моръ, Ришелье. — Воронцовы, Дашкова, Иоаннъ Грозный, Канкринъ, Меньшиковъ, Потемкинъ, Скобелевъ, Сперанскій, Богданъ Хмельницкій.

III. Ученые: Беккариа и Бенгамъ, Бокль, Галилей, Гарвей, А. Гумбольдтъ, Даламберъ, Дарвинъ, Декартъ, Дженнеръ, Кеплеръ, Келте, Кондорсе, Коперникъ, Кювье, Лавуазье, Лапласъ и Эйлеръ, Лассаль, Линней, Ляйелль, Мальтусъ, Милль, Монтескье, Паскаль, Ньютонъ, Прудонъ, Ренанъ, Адамъ Смитъ, Фарадей. — Е. Вэръ, Боткинъ, Ковалевская, Лобачевскій, Пироговъ, Соловьевъ (историкъ), Струве.

IV. Философы: Аристотель, Бэконъ, Дж. Бруно, Гегель, Кантъ, Огюстъ Контъ, Лейбницъ, Локкъ, Сенека, Спиноза, Шопенгауэръ, Юмъ.

V. Филантропы и дѣятели по народному просвѣщенію: Говардъ, Оуэнъ, Песталоцци, Франелинъ. — Карзинъ (основатель хар. университета), баронъ Н. А. Корфъ, Новиковъ, К. Д. Ушинскій.

VI. Путешественники: Колумбъ, Ливингстонъ, Стэнли. — Пржевальскій.

VII. Изобрѣтатели и люди широкаго почина: Гутенбергъ, Дагеръ и Нипльс (изобрѣтатели фотографіи), Лессенсъ, Ротшильдъ, Стефенсонъ и Фультоу (изобрѣт. жел. д. рогу и пароходовъ), Уаттъ, Эдисонъ и Морзе. — Демидовы.

VIII. Писатели русскіе и иностран.: Иностранные писатели: Аадерсенъ, Байронъ, Бальзакъ, Берне, Вераппе, Боккаччо, Вомаарше, Вольтеръ, Гейне, Гете, Гюго, Дантъ, Дефо, Дидро, Диккенсъ, Жоржъ-андъ, Золя, Карлейль, Лессингъ, Маколей, Мильтонъ, Мицкевичъ, Мольеръ, Рабле, Руссо, Свифтъ, Сервантесъ, В. Скоттъ, Теккереи, Шиллеръ, Джоржъ Эліотъ.

Русскіе писатели: Аксаковы, Бѣлинскій, Гоголь, Гончаровъ, Грибодовъ, Державинъ, Добролюбовъ, Достоевскій, Жуковскій, Кантемиръ, Карамзинъ, Кольцовъ, Крыловъ, Лермонтовъ, Ломоносовъ, Никитинъ, Писаревъ, Писемскій, Пушкинъ, Салтыковъ (Щедринъ), Сенковский (баронъ Брамбеусъ), Левъ Толстой, Тургеневъ, Фонвизинъ, Шевченко.

IX. Художники: Леонардо да Винчи, Микель-Анджело, Рафаэль, Рембрандтъ. — Ивановъ, Крамской, Перовъ, Фёдоровъ.

X. Музыканты и актеры: Бахъ, Бетховенъ, Вагнеръ, Гарриксъ, Мейерберъ, Моцартъ, Шопенъ, Шуманъ. — Волковъ (основатель русск. театра), Глинка, Даргомыжскій, Сбровъ, Щепкинъ.

Цѣна каждой книжки 25 к. Бюграфіи продаются во всѣхъ книж. магазинахъ.

Приготавливаются къ печати бюграфіи слѣдующихъ лицъ:

Александръ II, Вашингтонъ, Вирхова, Екатерина II, Ибсена, Лютера, Макиавелли, Меттерниха, Наполеона I, Некрасова, Островскаго, Пастера, Петра Великаго, Сократъ и Платона, Суворова, Гл. Успенскаго, Фридриха II, Шекспира, и др.